

Шалюкова Олеся
Участковая для нечисти

Жизнь в деревне скучна и спокойна. Мирного течения ничто не нарушает. Бытовые дела, семейные ссоры — вот и все, что составляет день местной участковой Лиды. Но свершившиеся убийства выбивают ее жизнь из привычной колеи. Да и о чем таком говорит приехавший из города спец? Что значит в деле замешана нечисть? А она разве существует? Как участковая очень быстро узнала, и существует, и убивает, и любит, и проклинает, и страдает. А ты, Лида, добрая же! Вот и займись ими. "Участковая для нечисти" — это звучит гордо!

Шалюкова Олеся

Участковая для нечисти

1. Снежный зверь

Первым в деревне умер Порошка, совершенно безобидный пьяница. Если бы не любовь к зеленому змию, мужик из него получился бы хоть куда. А так только горькая ему на всем белом свете и была мила.

Днем пьянчужка если не заливал водкой глаза, шатался по деревне. Там поможет, там поднесет, там подделает что-то, глядишь на бутылочку и наберется. Жалостливые бабы пьянчужку подкармливали, отдавали ему старые вещи своих мужчин. Так он и жил. Неприкаянный.

Труп Порошки нашли в обед. Собака местного физрука, когда он с детьми ехал на лыжах, неожиданно кинулась на нетронутое следами поле, злобно рыча. Нос пса был вздернут, шкура на загривке встала дыбом. Но самым странным было то, что животное некоторую невидимую черту пересекать отказалось.

Вызывать полицейских никто не стал. В конце концов, не первый раз насмерть замерзали люди. А Порошка вот уже месяца два, как напьется, чертей вокруг себя гонял. И только снег от них спасал якобы. Решили, что допился он до белой горячки, на улицу выбежал, да и замерз горемыка.

В пользу этого говорило и то, что следы на снегу под ветровыми наносами были только Порошки, да на его лице застыла мина животного страха.

Горевать по пьянчужке было некому, похоронили его на деньги, выделенные государством, и забыли.

Конец февраля сменился мартовскими затяжными снегопадами, весна где-то задерживалась. Старухи-сплетницы шептались о второй зиме и конце света, а об обыденной смерти все и забыли быстро.

До конца марта, когда появился второй труп.

Вторым стал Петрович, местный электрик. Неплохой мужик, в общем-то, жил бобылем, баб на дух не переносил. На вызовы ходил исправно, и если бы не мерзкий характер Петровича — был бы он первым парнем на деревне. Змия Петрович на дух не переносил. Поэтому и смерть его была совершенно выбивающейся из рамок обыденности. Ибо Петровича нашли в лесу. Дровосеки отправились посмотреть, что с их делянкой за зиму стало, а нашли труп. Да еще как нашли! Труп снова был в снегу.

Петрович стащил в одно место к корням дерева в низину весь снег от соседних деревьев и закопался в него по шею. Это была безусловная глупость, но Петрович не мог допиться до белой горячки. И у дровосеков не было другого выхода — им пришлось вызывать полицию...

Первыми на месте преступления появились участковая со своим отцом-физруком и их псом. Участковой уже сказали, что в смерти Петровича есть что-то неладное, и она, не теряя времени, хотела, чтобы собака взяла след.

Собаке этого не хотелось. Если быть точнее, не доходя до трупа, она рычала, всячески демонстрируя свою полезность, но некую невидимую черту пересекать отказалась. Когда же пса в этот круг все же насильно затащили, огромный волкодав сел на зад и завыл так, что у половины лесников ноги отказали, а вторая половина драпала так, что только пятки сверкали.

Констатировав смерть Петровича, участковая что-то замерила, осмотрела и вызвала из города труповозку. Все, что она сказала — это было не убийство. Остальное должно было

показать вскрытие.

Его результатов ждали как манны небесной. Слухи в деревне ходили один другого бредовее, а вскрытие все затягивалось и затягивалось. Пока у деревенских не кончилось терпение, и они не отправили за информацией парламентаря к участковой.

Участковую звали Лидочка. По бабушке-то она была Скворцова Лидия Степановна, роста высокого. По фигуре не ладная, да нескладная. По характеру совсем не мягкая, язвительная, ехидная, умная. Одним словом, огонь-девка!

В деревне Лидочку любили, что не мешало сплетникам уже второй год подряд про участковую небылицы придумывать. Сходились сплетники в главном — неспроста Лидок вернулась в деревню, неспроста! А дальше варианты расходились. Кто-то пустил слух о том, что на работе к ней под юбку начальник полез. Получил по роже, а вслед за этим Лидочку отправили в ссылку. Второй популярной версией было то, что соблазнил Лидочку какой-то хмырь, ребеночка ей заделал, а сам смылся. Ребеночка родила и бросила Лидочка, сама в деревню от позора вернулась, бросив на произвол судьбы кровинушку свою!

Замыкала тройку абсолютных лидеров версия страшной-страшной болезни, что молжить осталось Лидочке... Дальше следовало многозначительное молчание. Надо ли говорить, что все три варианта были далеки от реальности?

В противоположность выдающейся внешности голос у Лидии был тихий, словно журчанье ласкового ручейка звучал.

Но в тот день, когда деревенские послали соглядатая к участковой, в кабинете она была не одна, и гость Лидочки кричал громко, слышно было удивительно хорошо...

— Мне плевать, что ты придумываешь! Но я не позволю тебе это назвать убийством! Да мне начхать, что жертва была абсолютно здорова! Эксперты ничего не нашли, ничего не выявили, и на этом точка! Жирная такая, весомая! Ясно тебе, Лидок? На твоём участке произошла смерть, от чего хочешь. Болезни, сердечного приступа там или ещё чего, но убийством это не было. А вот эти бумажки сожги лучше, если не хочешь в следующий раз услышать более правильное для них применение. Все, дело закрыто. Клоуны разбежались, аплодировать больше некому. Мы поняли друг друга?

Ответа невежливый голос не дождался, и тогда визитер рявкнул совсем страшно:

— Ты меня поняла, девочка?

В кабинете что-то стукнуло, звякнуло. А следом Лидочка, все это время стоящая за небольшой ширмой, поставила перед своим прямым начальством чашку чая и тарелку с пирогами.

— Будете так кричать, — села она за свой стол с чашкой кофе, — у вас удар на пустом месте случится. А пирожки вкусные, с домашней малиной. И чай со сбором трав. Попейте. Геннадий Аксеныч.

— Лидок! — седовласый тучный мужчина с моржовыми усами устало вздохнул. — Не лезла бы ты в это дело. Я тебе обещаю, сообщу я куда надо. Спеца тебе пришлют временно из главного штаба, но сама не лезь.

— Это вторая такая смерть, Геннадий Аксеныч. Как раз когда я квалификацию сдавала, первая произошла.

— Лидок.

— Убийство это, — твердо постановила девушка. — А значит, дело должно быть заведено, как положено. Иначе уволюсь я, Геннадий Аксеныч. И ищите сюда кого хотите.

— Шантажируешь, значит.

— Никак нет, товарищ подполковник, — вытянулась Лида. — Справедливости добиваюсь.

— Кому она нужна, справедливость эта, Лидок. Давай так. Я тебе дам разрешение на смерть по невыясненным обстоятельствам. Заводи дело. Но убийством это назовешь только если случится третья смерть.

В кабинете воцарилась тишина. Подполковник из вежливости съел пирожок и двинулся на выход. Уже у двери повернулся и задумчиво посмотрел на девушку.

— Пирожки хорошие, Лидок. В случае чего, звони.

И на этом разговор был закончен.

... А глаза у Лидочки злющие. А глупому соглядатаю жить хочется. Уж больно красноречиво участковая на табельный пистолет посматривала. Вот и вернулся шпион в деревню ни с чем... Сплетники побурлили, побурлили и успокоились.

Закончился апрель, пришел ему на смену неприятно холодный май. Деревья листвой покрылись поздно, снег сходил долго. В аграрном хозяйстве практически полностью был сорван план посевной. Снег-то на полях сошел, а заморозки стояли долго, так что вдобавок ко всему вымерзла половина озимых.

На огородах у деревенских грязь можно было сравнивать с болотом, так что сдвигались сроки еще и приусадебных сельскохозяйственных работ. Тепла же как не было, так и не предвиделось. И, в общем-то, все были заняты сугубо своими делами, когда случилось это — третья смерть.

Первая смерть была в духе белой горячки, никто не удивился. О второй пошептались и забыли. Но третья смерть была ужасна.

Умерла женщина. Ей было то лет тридцать, вряд ли больше. В деревню она переехала недавно, получив в наследство от тетки старый домик. Домик стоял бесхозным лет пять, хозяйка наезжала раз в два-три месяца. А тут, поди ж ты, переехала окончательно. Жила она одна, ни с кем близко не сходилась, никому не доверяла. Хотя на нее двое деревенских и заглядывались. У женщины было поэтичное имя Любовь. И отвратные обстоятельства убийства.

Жертва была достаточно хрупкой, но она смогла одна ковырнуть огромную морозильную камеру, которую привезла с собой из города. В этой камере, в окружении искусственного снега, она и нашла свой конец.

На лице жертвы застыло выражение отчаянной муки. Кожа ее была покрыта тонкой корочкой наледи, когда Любовь нашли. И в отличие от двух предыдущих смертей, с первого взгляда было понятно, что это убийство. У женщины была сломана шея.

Словно в насмешку над полицейскими, чтобы им уже было некуда бежать от очевидного. Голову жертвы покрутили вокруг своей оси. По идее должны были оторвать, но этого не случилось. Кожа на шее наоборот была нежная, гладкая, как у младенца. И ни следа морщинок, которые скапливаясь на шее, могут выдать истинный возраст женщины.

К тому моменту, как ее нашли, Любовь была мертва уже порядка сорока часов.

Решить дело силами местного участка было невозможно. И участковая вызвала бригаду экспертов из города. Те приехали быстро, с удовольствием зубоскалили, пока не увидели тело. Поле этого все шуточки как отрезало...

Дело было не из простых и грозило проблемами. Вот только предположить их масштаб в то время было невозможно. Вначале эксперты облазили весь дом, и с каждым новым полученным результатом мрачнели на глазах.

В доме не было других следов, только следы хозяйки. Даже двое мужиков, которые судя по показанию были у нее в гостях, не оставили ни единого следочка.

Вслед за группой медэкспертов появился тощий субъект, завидев которого городские морщились и старательно отводили глаза.

Субъект выглядел, на взгляд людей с ним незнакомых, смешно. Приспущенные на бедра джинсы, которые казалось вот-вот свалятся, водолазка черная, черная куртка, простая и звенящая многочисленными бляхами и цепочками.

Лида, присутствовавшая на месте с самого начала, не обольщалась. Субъект этот был смертельно опасен. На окружающих с сузившихся зрачков его глаз смотрела смерть. И Лиде не хотелось вот с этим типом знакомиться поближе... Да только кто б ее спросил!

Инициатором знакомства был начальник, со своим неизменным «Лидок».

— Лидок, это Саша, спец из особого отдела, временно в деревне поживет. Ты ему покажи, что у тебя, да как на участке. Хорошо, Лидок?

— А жить он у кого будет? Мне к бабушке какой его на постой пристроить?

— У тебя остановлюсь, — велел этот самый Александр. — Можешь, куколка, называть меня Саня.

— Лида, можно Лидок, — девушка склонила на бок голову. Злые-злые глаза встретились с насмешливо-темным взглядом гостя и не отпрянули пугливо. Не желая уступать в этой дуэли взглядов, Лида твердо сказала: — Только так. И никаких «деток, куколок, птичек» и прочих уменьшительно-ласкательных. Договорились, Александр?

— А ты зубастая, — Саня качнулся на мысках своих удивительных ботинок и кивнул. — Но это хорошо.

Выпростав руку из кармана, он протянул широкую обветренную ладонь девушке.

— Приятно познакомиться, Лида.

— Взаимно, — немного покривила она душой.

А рука хоть и узкая у нее, то, что надо для девушки, но сильная.

Начальство, убедившись, что специалист из особого отдела попал в надежные руки, отбыло к городу.

— Итак, — Лида, проводив взглядом укативший черный воронок, воззрилась на Саню. — С чего хочешь начать, спец особого отдела? И что за отдел такой интересный?

— Особый отдел, мы мотаемся по городкам маленьким, да вот таким вот селам и деревушкам. Смотрим, что у нас и почем. Дело, которое случилось, чертовщиной только кажется или ею пахнет?

— В чем разница?

— В первом случае убийство дело рук человека, и мы возвращаемся в свой областной отдел.

Про второй случай Саня не сказал ни слова, но Лида, проведя по аналогии параллель, звонко рассмеялась:

— А во втором случае, значит, не человек?

Саша смех не поддержал, поддернул спадающие штаны. Его взгляд остановился на опустевшей морозильной камере, труп Любви уже увезли в воронке в морг.

— А во втором случае не всегда люди, Лидок, — подытожил он коротко.

— Такого не бывает! — отозвалась девушка звонко.

Саша, взглянув на нее с лукавым прищуром, согласился:

— Пусть будет так, как ты скажешь, Лидок. Не бывает, значит, не бывает. В любом

случае, покажи мне что ли, где первые два трупа нашли.

— Верхом ездить умеешь?

— Не доводилось... — Саша отмахнулся. — Мы люди городские, нам привычнее машины, мотоциклы, велосипеды на край!

— Не получится, Саша, — развела руками Лида. — Вот как есть не получится. Туда либо пешком, по восемь кэмэ в одну сторону, а потом в другую. Либо мы едем верхом. Да не волнуйся, у меня лошадка смирная, чудесная. На мотоцикле пассажиром ездил?

— Доводилось.

— Значит, и здесь справишься, просто держись покрепче. Падать с лошадки на спину удовольствие исключительно болезненное.

— Лида.

— Да?

— Ты вот сейчас издеваешься, — Саня показал на свою одежду. — Как вот в этом ты предлагаешь мне ехать верхом?

— Никак, — согласилась Лида. — В такой одежде, вне всяких сомнений, ты не то что свалишься, ты на лошадь вообще не сядешь.

— Так может тогда пешком?

— Потеряем время. Да ты не переживай, у меня брат такой же высокий, как жердь, и дохлый. Так что, просто возьму из его гардероба пару вещей.

На этом попытки отговориться Саня исчерпал. И пришлось морально готовиться к тому, что его ждет ну очень специфическая поездка с язвительной девчонкой в качестве «водителя». В общем-то, Саше хотелось, чтобы это дело было из разряда «казалось» и можно было бы спокойно развернуться и уехать в город. Никакие другие аспекты Александра не волновали. Если это не чертовщина, то въедливая Лидочка сама во всем разберется. А вот если не все так просто, то уехать у Саши не получится.

Их особый отдел действительно занимался убийствами с налетом мистицизма: сатанисты, вампиры, оборотни, русская нечисть и нежить, как то: кикиморы, водяные, лешие и прочие «красавцы». Они тоже совершали убийства. Только их посадить было невозможно, и единственным наказанием для них в таком случае была казнь.

Представители малых мифических рас были ознакомлены под подписку, что убийство человека карается смертью. Других вариантов просто не могло быть. Но иногда у кого-то из нечисти срывало чердак, о полноценной крыше говорить там не приходилось, и тогда на охоту за провинившимся выходили палачи особого отдела.

Саня только пару дней назад вернулся из-под Смоленска, а теперь вот новое дело. Пусть, все-таки, оно будет из разряда «кажется»?

Мимолетное желание усталого опера не исполнилось. Лиде не потребовалось показывать ему место, где случилось убийство. Он увидел его сам.

Идеальный круг диаметром в четыре, может четыре с половиной метра был черным. Голая земля, на которой не народилось даже сорняков...

— Не кажется, — пробормотал Саня. — Воняет. Лида.

— Да?

— Не отходи от меня далеко. Здесь может быть опасно.

— Кабанов здесь сроду не водилось, а волки близко к деревне не подходят. Три поколения охотников отучили.

— Речь не о них.

— О твоей чертовщине?

— О ней самой, — Саня присел на корточки у круга, зачем-то зачерпнул щепоть земли и размял ее между пальцами, — тут что-то побывало не только большое, но и очень опасное.

— Во всю эту паранормальную чепуху я не верю, — размеренно сообщила Лида. — Не видела, не встречалась, на моем пути такое не попадалось.

— Радоваться надо, — отозвался мужчина наставительно, поднявшись от круга. — Я сам, Лида, видел, как крепкие мужики спивались, познакомившись поближе с такими делами.

— Не верю, — просто сказала Лида. — Тебе мешать работать не буду, естественно никому ни о чем не скажу, но мне эту лапшу на уши вешать не надо. Если ты понимаешь, о чем я говорю.

Саня усмехнулся. А ведь действительно крепкая девочка. Сама верит, во что говорит. Такая, глядишь, и снежного зверя не испугается, и коня на всем скаку остановит.

— Второе место смотреть будешь?

— Там, конечно, вряд ли что может быть, но взглянем. Вдруг улыбнется удача, и сможем определить, какая именно нечисть или нежить у вас развлекалась от души. Скажи мне навскидку, что общего было в делах?

— Снег.

— А как насчет лунного цикла?

— Я же тебе не бабка, чтобы такими вещами заморачиваться. Но могу посмотреть.

— Где?

Лида, уже севшая в седло, сверху вниз воззрилась на Саню.

— Саш, здесь село, а не таежная глухомань. И у населения, знаешь ли, есть телефоны. А на телефонах интернет.

— Да ладно! Неужели здесь что-то ловит?

— Ужели — ловит, — согласилась со смешком девушка. И снова расхождение с шаблоном, она неожиданно вытащила из глубокого кармана военного жилета, планшет.

«Правда, что ли?»

Тонкие пальцы участковой бегали по клавишам сенсорной клавиатуры так быстро, что за ними никак не получалось уследить.

Определившись, наконец, с непривычным календарем, Лида сообщила:

— Третий.

— Что «третий»?

— Все убийства произошли в третий лунный день.

— Шутишь что ли?

На этот раз в голосе Сани было что-то такое, что заставило Лиду внимательнее взглянуться в открытый календарь.

— Нет, еще можно допустить, что наши эксперты ошиблись.

— И тогда какой результат?

— Скользящий. От третьего к пятому и седьмому. Но в этом случае придется делать допущение, что Любовь убили не два дня назад, а сегодняшней ночью. Могли эксперты ошибиться?

— Могли, но не на сорок часов.

— Не совсем на сорок. Лунные сутки отсчитываются же не с полуночи, — Лида захваченная новым интересом, смотрела в планшет задумчиво, потом кивнула: — Да. Если

допустить, что Любовь убили гораздо позже, то такая цепь плюс лунный месяц и два дня прослеживается.

— Не может быть такой цепи.

— Почему?

— Снежный зверь питается каждые четвертые лунные сутки. Не может быть такого расхождения. Если только... Когда было первое убийство?

— Тело пролежало под снегом слишком долго, но твоя идея ясна. Да, это могли быть как третьи, так и четвертые лунные сутки. Если эксперты не ошиблись, то смерть Любви наступила также на четвертые сутки, правда почти под конец. Но вторая смерть...

— Поехали на место того убийства. Может быть, там она только «кажется»?

Пока доехали до места второго происшествия, Саню на коне окончательно растрясло. Когда он спешил, в первый момент ему казалось, что соединить ноги вместе у него просто не получится — они так и останутся трясущимся колесом.

Оглядевшись по сторонам, место второй смерти опер нашел мгновенно, это был также круг, в котором ни-че-го не росло. Даже то дерево, в корнях которого Петрович нашел свою смерть, зачахло.

— Гниль, — определила Лида, содрав кусочек коры. — Дерево гниет изнутри.

— Так не бывает! — Саня, сев на край проклятого круга, запрокинул устало голову, — просто-напросто вот ТАК не бывает.

— Может, копикатор? В смысле тот, кто совершил вот это второе убийство, просто хотел, чтобы оно было похоже на первое? Взвалил свою вину на другого.

— Быть не может, — сказал Саня и вопреки собственным же словам задумался. По идее быть не могло, нечисть была не настолько умной. Но все-таки... — Лида.

— Да?

— Говоришь, в чертовщину не веришь?

— Не верю.

— Хорошо. Тебе удастся раздобыть пару яиц от черной курицы, стакан молока от черной коровы и свежеспеченный хлеб? И еще снова одолжить лошадь, завтра нам надо вернуться сюда перед рассветом.

Звучало сказанное сущим бредом, о чем Лида оперу и сообщила. Но, тем не менее, безумные задачи выполнить было вполне реально. Черная корова была у бабы Нюры, черных трех несущек держала баб Женя. А хлеб Лида умела печь и сама. С лошадью же вообще никаких проблем не было. Просто-напросто по той причине, что конь и без того принадлежал ее семье.

— Поможешь папе сегодня стойло для Красавчика подправить, там мужская сила нужна, — похлопала девушка коня по холке. — И все твои «сложности» я решу.

— Лида.

— А?

— Ты уверена, что действительно не веришь в чертовщину?

— Уверена. Просто работая участковой, каких только проблем решать не приходится. Хватит разговоров, иди сюда.

— Может, я пешком?

— В другой раз, — пообещала Лида. — Если быстро не разберешься с делами, я из тебя хотя бы посредственного всадника, но все же сделаю.

Саня содрогнулся, это была самая страшная угроза из всех, которые он слышал за

последнюю пару лет. В общем, к тому моменту, как впереди показался дом Лиды, оперативник согласен был на что угодно, только найти бы побыстрее преступника!

— Пошли уж, Саша, познакомлю тебя с папой и братом. Как-нибудь разберемся.

«Как-нибудь?»

Наверное, в участковой было что-то от ведьмы, потому что, повернувшись от конюшни, она засмеялась:

— Не переживай, все не настолько плохо!

Саня вздохнул и махнул рукой. Как-нибудь пережить можно.

...А все действительно было неплохо. И отец у участковой оказался мировым мужиком, и братишка ее, доморощенный хакер, классным мальчишкой.

Наутро голова гудела. Стоя на пороге террасы, куда определили Сашку, Лида прошла к нему с бутылкой пива.

— Просыпаться будешь или отложим?

— Встану, — пообещал Саня, с трудом отрывая голову от подушки. — Ну, твой отец пить и горазд.

— Ты же не надеялся его перепить?

— Нет, от этой идеи мне пришлось отказаться.

— Мальчишки не меняются, — укоризненно покачала головой Лида. — Во дворе рукомойник, вода теплая. Я туда чайник кипятка вылила. Рушник там же. Завтрак на столе. Сырники с клубничным вареньем.

— Лида.

— А?

— Ты совершенство! Выходи за меня замуж, — засмеялся Саша.

Лида повернулась от двери, взглянула на него с улыбкой:

— У тебя слишком опасная работа, да и...

— И?

— Завтрак остывает, вставай скорее, — сказала Лида совсем другое, чем собиралась. — Нам надо уже ехать. Я позавтракала, иду седлать Красавчика.

— Опять верхом? — взвыл Саша.

Лида не ответила, вышла из комнаты, прикрыв за собой дверь. Яйца, молоко и свежее испеченный хлеб были уже приготовлены и прикрыты в небольшом лукошке чистым полотенцем. Оставалось только отправиться на место. Хоть Лида и не собиралась признаваться в этом, но ей все же было интересно.

...Роса оставляла на ногах влажные разводы, холодила. От резины немного болели ступни. Конь брел по прошлогоднему сухостою, порой недоуменно оглядываясь и всхрапывая. Саня клевал в седле носом. Лида, поглядывая вокруг, придерживала поводья, не давая Красавчику быстро идти. В густом тумане, поднявшемся под утро, конь мог переломать себе в буреломе ноги.

Тишина влажной ватой забила уши, не было слышно пенья птиц, шелеста ветвей. Единственным источником звука был Красавчик со своими всадниками. Не хотелось почему-то говорить, словно неожиданно показалось опасным привлечь к себе чье-то внимание.

Туман стал гуще, затянул пеленой все впереди, а потом оскалился голыми ветвями кустарников вокруг черного круга.

Остановив коня, Лида спешила первой. Подвела потом Красавчика к более высокому

пню, чтобы Сане было удобнее спешиться, повернулась:

— Что делать?

— Расстели в стороне от круга, ну, например, вот здесь, взятое полотенце. Затем положи на него яйца, хлеб, поставь молоко и произнеси: «хозяин леса, угощение прими, да со мной поговори».

— Говорить как в сказках три раза?

— Точно, совсем как в сказках.

Лида покачала головой, приготовилась к фокусам и произнесла три раза нужную фразу. Фокусов не последовало почему-то.

— Не сработало! Не успел подготовиться? — взглянула она на Саню.

Тот промолчал, только на губах появилась довольная усмешка.

— Саша?

— Здравствуй, матушка, — донеслось из-за спины. — Давненько ты к нам не заходила. Мы ждем, ждем, а ты ни по грибы в этом году не пришла, ни по клюкву, бруснику в прошлом. Даже за своими любимыми поздними опятами не пришла. А мы ждали!

Глаза у Лиды были большие-большие, когда она повернулась. На ее полотенце, словно на покрывале для пикника, сидел маленький человечек, будто выточенный из какого-то корня. С ручками-веточками, с шевелюрой из молодой листвы и густой бородой из мха.

— Ты к... кто?

— Местный леший я, матушка, — леший, отложив в сторону кусочек хлеба, подскочил и поклонился. — Спасибо, что всегда за нас радуете!

— Всегда? — изумился Саша.

— Всегда, молодой человек, — сурово кивнул Леший. — Наша матушка для нас много чего сделала. И браконьеров прогнала, и озеро наше не отдала, и лес на вырубку. И когда дальняя деревня загорелась, пожарный вертолет выбила, чтобы лес не загорелся. Мы матушке все очень благодарны.

— Все? — уточнил Саня. Лида стояла рядом с ним безмолвно, картина ее мира рушилась на глазах. Принять изменения такого плана девушка не могла, вот и искала отчаянно не то подвох, не то источник фокусничества. Только ничего не находила. Все было настолько буднично, что от этого становилось даже страшно.

— Все, — кивнул Леший тем временем, разламывая хлеб. — Матушка не только за нас радует. Она и кикиморам помогла, и водяного от расправы спасла, и полевок, те бедолаги не знали, куда им бежать. Если бы не матушка, заставившая поле пшеничкой засеять, им бы совсем беда была. Поле то заповедное, заговоренное. Если бы его не вспахали, то полевиков и не стало бы. А домовые! Да матушке даже старый ворчун-банник благодарен.

Саня кивнул, вновь взглянул на Лиду. Вот это напарница ему досталась. Надо же. Столько всего сделала для тех, о ком не подозревала! Прямо участковая для нечисти!

— Скажи, хозяюшко, — тихо сказала Лида, присев на корточки. Обдумать случившееся можно было и потом, сейчас важнее было другое. — В твоём лесу убийство случилось...

— Не человек то убивал, кто-то сильный, пугающий. Я отогнать пытался, да только в меня уже, матушка, никто почти и не верит. Вот сил и не хватило.

— Леший, — Саня, придерживав за плечо пошатнувшуюся Лиду, продолжил задавать вопросы. — Кто убивал, знаешь? Снежный зверь?

— Нет, кум говорил, что снежная тварь в деревне убивает. Вот недавно убила женщину. И перед этим мужчину.

— А между ними?

— Это вам на перекресток к кликушнице надо. Там кто-то умер, и до сих пор не нашли. Вот бедолага мается верно...

— Леший, ты если того, кто в твоём лесу убил заметишь, скажи нашей участковой. Вестника там пришли, мы придем и разберемся.

Леший кивнул. От мужчины несло порохом, гарью и безумием тех представителей нечеловеческого племени, кого он убил.

— Сделаю. Матушка, приходи к нам еще в лес, не побрезгуй.

— Приду, хозяйюшко.

Леший, прижав к груди остатки хлеба и яйца, поклонился и исчез. Качнулись вокруг вековые деревья, зашептались, зашипели на разные голоса кустарники и травы. И все стихло.

— Возвращаемся, — решительно двинулась Лида к нервничающему Красавчику. Саша, прихватив с собой рушник, пошел вслед за ней.

Ожидать от участковой можно было чего угодно, все-таки не каждый день встречаешься с ожившей сказкой, которая утверждает, что многим тебе обязана. Поэтому Саня и старался быть поближе — мало ли что.

Лида, повернувшись к нему, неожиданно улыбнулась.

— Не переживай, Саша. В обморок не упаду, в истерику не впаду...

— Теперь веришь?

— Пока еще не очень, — Лида едва уловимо покачала головой. — Не могу сказать, что поверить слишком сложно, но я не могу пока с этим смириться. Я так долго верила в то, что никого из таких малышей не существует... Пожалуй, мне нужен просто тайм-аут, чтобы разобраться с тем, что моя картина мира немного не соответствует действительности. Так, Саша, я тебя завезу домой, а сама в дальнюю деревню съезжу. Оттуда вчера звонили, просили приехать.

— Я с тобой поеду.

— Не надо, не первый раз... — помявшись Лида тихо сказала: — зверь твой убил уже и теперь нападет не скоро. Да и тот, кто воспользовался его смертью, тоже убить пока не может, еще время не подошло.

— И в кого ты такая умная?

— В папу, конечно!

Саша усмехнулся.

— Слушай, — спохватилась Лида, — а кликушница кто? И где ее искать?

— На перекрестке, конечно. После полуночи. Для нее нести подношение не надо.

— Почему?

— У нечисти своя иерархия. В лесу всем заправляет леший, если он прикажет — все, кто живет в лесу, будут тебе помогать и сделают все, что ты скажешь. Водой заправляет водяной. Полеми — полевики. Ну и, соответственно, есть некоторые представители нечисти и нежити, которые никому не подчиняются. В том числе и кликушница.

— Вот как, — кивнула Лида. — Ты знаешь обо всех видах нечисти?

— Нет, — покачал головой Саша. — Мы же не мирное отделение.

— Не мирное?

— Око за око, Лида. Полуночники — так мы называем всех, кто относится к этому миру нечисти и нежити, знают точно, если они убили человека — будут казнены.

— Почему?! Разве можно так формально подходить...

— Лида, полуночники не люди. К ним неприменишь статьи уголовного кодекса. Они не убивают ради жадности или ради ревности, они не убивают в состоянии аффекта. Они убивают тогда, когда уже не могут удержать в себе ненависть к людям.

— Всегда?

— Может быть и исключения, но мы не разбираемся с причинами убийств. Мы сразу приводим приговор в исполнение.

— Вот как... — Лида отвернулась, — ладно, неважно. Садись уже.

— Я все же поеду с тобой.

— Саш, там, правда, не опасно.

— Лида, — Саня, все же взгромоздившись в седло и обняв девушку за пояс, говорил тихо. Его дыхание покачивало влажные от тумана пряди над плечом Лиды. — Зверь в четвертый лунный день убивает из-за голода. А вот в остальные дни он может убить просто так.

Ничуть не впечатленная участковая пожала плечами.

— Возьму с собой пса.

— Волкодав не набросится на зверя, это же не волк.

— Да, не волк. На волков мы с ним уже ходили, — пробормотала Лида, вглядываясь в густой туман между двумя толстыми деревьями.

— Лида?

Туман шевелился, распуская свои щупальца в разные стороны. Там, в этой серой хмари что-то или кто-то был. Не светились глаза, не было слышно никаких звуков. Но там точно кто-то был. Опасный.

Красавчик волновался с каждой секундой все сильнее, умный конь ощущал, что на него смотрит с голодным интересом кто-то хищный. Кто-то...

Зверь прыгнул. Взметнулись в разные стороны всплески прелой прошлогодней листвы. Хрустнула, ломаясь под огромной лапой, ветка. Заржал Красавчик и сорвался с места в галоп.

Лида, держа поводья, могла только смотреть вперед, чтобы не дать коню влететь в бурелом. Саша повернуться тоже не мог, не рискуя свалиться на землю.

Безумная скачка долго не продлилась. Конь вылетел на поляну, затем, тревожно заржав, забил копытами в воздухе и остановился как вкопанный.

Саша не свалился во время резкого галопа, смог удержаться и когда Красавчик встал на дыбы. Но сейчас, забыв о том, что он не умеет ездить верхом, нормально спешиваться и садиться — он спрыгнул вниз. Верная Беретта скользнула в руку, Саша медленно огляделся по сторонам.

Туман отступил, разошелся в разные стороны. Небо, затянутое кружевом туч, прорвал луч солнца. В воздухе сверкнула паутинка, за спиной звякнула упряжь коня, когда спешила Лида.

— Он ушел.

— Да, судя по всему ушел. И, Лида, одна ты теперь никуда не выходи. Это могло быть случайностью, но еще больше это напоминало, что кто-то натравил Зверя.

— На кого?

— А вот это вопрос, — согласился негромко Саша. — Не может быть простой участковый опасен для снежного зверя. Но если учесть, что леший говорил и если учесть, что ты вообще его увидела... Я не рискну поставить даже десятую часть своей зарплаты на то,

что целью нападения был я сам. Вполне может быть, что целью нападения была именно ты. И мне это не нравится.

— Кому бы понравилось, — пробормотала Лида. — Ну, значит, надо будет внимательнее смотреть по сторонам. И прихватить с собой кое-что еще...

— Кое-что?

— Да, кое-что, что может стать весомым козырем в разговоре с кем угодно и где угодно.

— Меня начинает это беспокоить... — пробормотал Саня себе под нос, но участковая неожиданно услышала и отреагировала:

— Ничего, все хорошо. Поехали.

— А есть более человеческое средство передвижения?

— Козлик. Ну, в смысле я у папы могу взять его старую ниву.

— У вас есть машина?

— У него — есть.

— Ты не умеешь водить?

— Наверное, не умею, — согласилась Лида. — И драться тоже не умею. Сроду не увлекалась ни боевыми искусствами, ни чем прочим.

— Ты же в городе жила! Неужели не страшно было возвращаться одной домой по вечерам? И собственно говоря, Лида, в институте же должны были вас учить!

— Курс самообороны был, — согласилась девушка. — И я экзамен пересдавала восемь раз. В конце концов, даже Лысак, так мы звали нашего препода, схватился за голову. И выдал на последнем экзамене: «знаешь, красавица, ты может и умница, но в отношении боевых искусств ты не просто безнадёжность, ты бездарь!»

Запрыгнув в седло, девушка протянула Сане руку:

— Поехали уж, опер отделения казни.

Запрыгнув в седло, мужчина болезненно поморщился. Болело уже все, болело те мышцы, о существовании которых городской житель даже не подозревал.

— Ничего, — взглянула на него Лида через плечо. — Держись крепче.

— Держусь, — вздохнул тяжело Саша. — Поехали уж, участковая...

...В дальней деревне Лида надолго не задержалась. Саня, сидя на капоте старенькой нивы, медитировал над отчетом, который надо было сдать начальству.

— Слушай, Саш, — под ногами подошедшей Лиды не хрустнула даже веточка, и мужчина буквально подпрыгнул от неожиданности.

— Кто так тихо ходит?! — возмутился мужчина.

— Я, — согласилась с улыбкой Лида. — А у тебя совесть нечиста.

— С чего это ты вдруг так?

— Громких звуков боишься. Неожиданного появления боишься. Даже такую маленькую девочку, как я, испугался.

Саша усмехнулся, проигнорировав наглый наезд.

— Все сделала, что хотела?

— Не совсем, если честно, но те двое, с кем мне нужно провести профилактическую беседу, дома отсутствуют.

— Это плохо?

— Почему же, это обыденно. Подкинешь меня к просеке, я до них пешком дойду.

— Они?

— Дровосеки.

— А тебе они зачем понадобились?

— По... Ряду причин, — уклончиво отозвалась девушка, засунув руки в рукава легкой джинсовки.

— Что-то серьезное?

— Говорю же, обычная профилактика.

— Хорошо. Одну все равно я тебя не отпущу.

— Спасибо, — в этот раз Лиде даже не пришло в голову спорить. — Лишним не будет.

— Опасные люди?

— Навязчивые поклонники.

— И много их у тебя? — уточнил Саша, складывая отчет в несколько раз и убирая его в верхний карман пиджака.

— Гораздо больше, чем нужно для спокойной жизни участковой.

— А для самолюбия девушки?

— Для одной конкретной? — засмеялась Лида. — Не люблю поклонников, они мешают мне работать.

— Ты замужем за своей работой?

— Нет, я жду, когда закончится служба по контракту у человека, которого я люблю.

— О!

Лида улыбнулась:

— Заводи козлика, поехали дальше.

Саня виртуозно прокрутил меж пальцев ключи, сел за руль. Рядом села Лида, захлопнула за собой дверцу.

— Пока вперед, а там покажу.

— Ехать далеко?

— Отсюда не очень. Тебе надо вернуться пораньше?

— Нет, время терпит, — Саня включил зажигание, затем, когда мотор заработал, повернул машину. — Но все же интересно.

— Интересно? Что именно?

— Да начальство... Геннадий Аксеныч говорил, что никто не знает причину, по которой ты из города в деревню переехала. А тут ты так легко раскрываешь мне эту тайну?

— Да это секрет Полишинеля! Его все знают. Геннадий Аксеныч просто подшутил над тобой немного. Он, видишь ли, считает, что для хорошей девушки поклонников у меня преступно мало. Впрочем, вряд ли он думал о тебе в таком качестве, уж прости. Скорее...

— Скорее?

Лида замялась и поменяла тему:

— В любом случае, Аксеныч скорее считал, что дело не потребует твоего привлечения.

— Нет, то, что в деле не все чисто — он знал точно, — руки Сани спокойно лежали на руле. Повернув на просеку, он продолжил: — Большие города для полуночников не подходят, никогда не подходили. Поэтому там начальники участков даже не подозревают о существовании тех, кто не вписывается в рамки обыденности. А вот районные — знают.

— А не опасно вот так, без присмотра и без прикрытия оставлять город?

— Опасно, поэтому у ОСБП есть свои наблюдатели в самых крупных городах, сама служба по традиции расположена в областном центре.

— Вы ютитесь в одном здании с кем-то?

— Не сказал бы, что ютимся. Но ты права, мы делим свое здание с архивом

госбезопасности. Так никто не задает лишних вопросов, и никто посторонний не шатается по территории.

— Как все у вас запутанно. Здесь налево, Саша.

— Налево, так налево, — Саня переключил передачу, повернул вбок, и разговоры пришлось оставить. Нива резвым козликом прыгала по ухабам, проваливалась в ямы. И поскольку прикусить язык не хотелось ни оперу, ни участковой, оба замолчали.

Саня смотрел на дорогу, Лида осторожно поглядывала на него, дивясь тому, каким обманчивым было первое впечатление. С первого взгляда ей показалось, что перед ней — смертельно опасный человек. А присмотрелась, узнала получше, и поняла, что Саня человек хороший. Не балагур, но обычный мужчина со своими достоинствами и недостатками. Только работа у него пугающая...

— О чем задумалась?

— О полуночниках, — нашлась Лида с ответом. — Они, значит, попрятались в деревнях?

— Да, особенно много их в заброшенных поселениях.

— Саш, а чем они живут, чем питаются?

— Смотря кто. Домовые, например, не могут жить без человека. Но живут обычно впроголодь, в них не верят, потому и еды почти не перепадает. Воровать у хозяев домовые не могут. А если они заходят в чужой дом, то ничего хорошего из взятой в чужом доме еды не выйдет.

— Отравятся?

— Не сказать, что могут отравиться. Отравить домового могут только хозяева. Еда просто сухая, горло царапает и совсем не насыщает.

— Саш, а полуночников ты видишь постоянно? С самого начала?

— Нет. Первое время полуночников я не видел даже когда произносил заговорные слова. Меня натаскивал ветеран, и уже готов был сдаться, когда меня русалка притопила немного в их заповедном омуте. Я воды нахлебался, выплыл из последних сил и ее увидел. После этого проблем уже не было, я видел полуночников после положенных заговорных слов. А потом возможности снова сделали качественный скачок, и слова мне больше не нужны.

— Для этого качественного скачка тоже понадобился оригинальный допинг?

— Я бы так не сказал. Ну, в смысле, — Саня улыбнулся, — кое-что случилось, но это было не опасно для жизни.

— И было снова связано с полуночниками?

— Конечно, все, что происходит в ОСПБ, связано с полуночниками.

— И всегда все-все плохо? — дотошно уточнила Лида.

Саня задумался, перебирая связанные с полуночниками дела. Потом медленно покачал головой:

— Не хочется этого признавать, но среди всех дел плохих, были и такие, которые заставляли нас удивляться и... Даже отчасти не верить.

— Кстати, Саш.

Мужчина кивнул, сосредоточившись на дороге, она хоть и стала получше, но теперь угрожающе скалилась ветками, мощными суками и даже поваленными деревьями.

— А бывают случаи «наоборот»? Когда человек на пустом месте убивает полуночников? Они же разумные, обладают, наверное, какими-то правами?

— Конечно же, нет! — Саня нажал на тормоз и плавно остановился перед поваленным стволом дерева. — Все, дальше своим ходом.

— Подожди-подожди! Что значит «нет»? Это, получается, обижай полуночников, кто хочет, за них никто и не заступится?

— Лида, они же не люди! Кому это надо? Да и откуда там особый разум? Большая часть полуночников имеет разум пятилетнего ребенка!

— Но они живые, у них свои интересы, желания! Им тоже больно...

— Даже не думай об этом. Они не люди. Большая часть населения Земли даже не подозревает об их существовании. Почему люди должны думать о ком-то, кого нет?

Лида промолчала, нервно поежилась и выпрыгнула из машины.

— Посиди здесь, — попросила она негромко. — Я скоро вернусь.

— Лида...

Окрик остался без ответа. Раздраженно дернув плечом, девушка захлопнула дверь и почти побежала по тропинке. Саня остался в машине, недоумевая, что в его словах так сильно ее задело.

Все-таки женщины точно создания с другой планеты!

«Мужчины инопланетяне! Как можно быть такими злыми и черствыми, — недоумевала Лида, торопливо двигаясь по просеке. — Надо же сказать такое! Раз о полуночниках не знает большая часть Земли, то и заботиться о них не надо. И узнавать причины их убийств. А если причины были более чем... Человеческие? В этом случае с какой точки зрения подходить? Как-то это уж слишком нечестно и несправедливо, и даже жестоко!»

Пыхтя как закипающий чайник, Лида выскочила на небольшую поляну и ойкнула. Дровосеков на ней не было. Зато был кое-кто другой.

С оскаленной пасти на землю стекали длинные нити слюны. Там, где они касались травы, на тонких зеленых листочках появлялся налет изморози. Зверь был огромен. Выше даже волкодава семьи Лиды.

В холке он был примерно по пояс девушке. Исключительными у Зверя были глаза — ярко-голубые. И когти, черные, матовые, словно поглощающие свет, когда этот зверюга поднял лапу. По кончикам встрепанной шерсти скользили снежинки, причудливыми хлопьями падая на землю.

Это невозможно, это безумно, это... казалось бредом! Но Снежный зверь красовался перед Лидой. Хвастался собой, своей морозной и смертельной красотой, как это делает кокетка в новом платье. А потом зверь уперся лапами в поваленное дерево и прыгнул, метя сразу Лиде в горло.

Реакция самой девушки запоздала. Она метнулась вбок и рухнула, не удержав равновесия на подвернувшемся под ноги сухом корне. Перелетев через поваленный ствол, зверь повернулся, оскалился. Но Лида уже была на ногах. Более того, в руках у нее был табельный револьвер. И недобро рыкнув, будто негодуя на самообладание и расторопность участковой, тварь растворилась в переплетении лесных ветвей.

Стороны поприветствовали друг друга и разошлись до новой встречи.

Ноги отказали. По телу прошла отчаянная дрожь, и быстрее чем включился разум, Лида

оказалась на земле. Револьвер выпал из безвольной руки и остался рядом. Девушка уткнулась лицом в ладони. Не было сил подняться. Не было сил посмотреть по сторонам.

Впрочем, в себя участковая пришла быстро. Убрав револьвер в кобуру, Лида благодарно погладила узловатый ствол, спасший ей жизнь. Вытянула поудобнее ноги, прислонившись к дереву. А затем за спиной зазвучали голоса.

— А я тебе говорю, что это Петрович был!

— Молчи, болтун. Иначе мы сами умереть можем. Нам как раз жизнь никто не гарантировал.

— Струсил, да?

— В отличие от тебя, я человек исключительно осторожный. Да и с этой досужей бабой лучше без пистолета не разговаривать, тоже мне нашли участковую. Еще лучше пристрелить бы ее, как бешеную собаку.

— Сдурел что ли? — испугался второй. — Ты что говоришь? А если услышит кто?

Двое дровосеков прошли к поляне. Высокий и пожилой досадливо сплюнул, молодой перевел дыхание. А за их спинами зазвучал прохладный голос:

— Как интересно звучит. Не молчи, Петр, продолжай. А я послушаю. Внимательно послушаю.

— Лидия Степановна! — перепугался молодой, поворачиваясь и с непосредственным ужасом глядя на девушку. — Это не то, о чем вы подумали!

Участковая кивнула, не спеша подниматься.

— Уж, конечно, не то. И убить меня никому не хотелось, и разговор шел даже не о жизни.

— Об игре! Лидия Степанна, ну вы же знаете, мой племянник. Он заядлый геймер. Вот это из игры!

— Игры?

— Да. Там участковая или местный библиотекарь Петрович — один из них...

— Да, да, один из них, — поддакнула Лида и сжалась. — Ром, хватит. Я верю, что у тебя замечательная фантазия. Ты, говорят, писал великолепные стихи и рассказы, до того как угодил на зону. Но все же, хватит вешать мне лапшу на уши. Достаточно взглянуть на Петра. Под его взглядом сейчас ствол под моей головой задымит. Такая чистая ненависть. Даже страшно... Интересно, что же я такого сделала, чтобы меня так ненавидеть.

— Лидия Степановна! Ну, что вы такое говорите! — высокий и худой как щепка Роман всплеснул руками и наклонился к участковой. — Разрешите вам помочь?

— Да со мной вроде бы все в полном порядке. Впрочем, — Лида с улыбкой протянула руку. — Помоги.

Роман торопливо протянул свою. И когда узкая ладонь сомкнулась на его запястье, помог участковой подняться.

— Лидия Степановна, мы опять в чем-то провинились?

— Нет, я по другому поводу сегодня. У дальнего косогора волков видели. А вы там, говорят, часто бываете и места хорошо знаете. Поэтому вопрос и просьба. Будьте осторожны. Это раз. Трупы, которые обглоданы волками, не самое приятное зрелище. Ну а пункт два — давно вы там были?

— Полторы недели назад, — Роман с неохотой выпустил из своей руки ладонь Лиды. — Там старая лесоводческая заимка. Вот мы туда время от времени и мотаемся, присматриваем за делянкой.

— Как насчет волков?

— Таких, Лидия Степановна, не встречали. У нас обход по плану будет через два дня.

Мы туда заедем и следы посмотрим.

— Хорошо, потом мне позвоните. Я дам тебе номер мобильного телефона.

— Хорошо, — кивнул коротко Рома, стараясь не выдавать ту бурю эмоций, что поселилась в его душе. Он получит номер обожаемой участковой! Он сможет ей позвонить и потом... уж повод он обязательно найдет.

— Куда записать есть? — по-деловому сухо спросила Лида.

Роман ответил ей чуть смущенной улыбкой, и вытащил из кармана старенькую раскладушку.

— Пиши, — девушка продиктовала собственный номер, и дровосек тут же сделал на него дозвон, чтобы его номер сохранился.

— Отлично. Не забудь позвонить, и будьте осторожны. Оба, пожалуйста, будьте осторожны, — попросила Лида.

И под двумя взглядами двинулась обратно к просеке. И если молодой парнишка провожал ее влюбленным взглядом, то вот Петр смотрел вслед уходящей взглядом, полным тягучей тяжелой ненависти.

А у конца просеки, прислонившись к стволу дерева, участковую ждал Александр.

— Что-то случилось? — поинтересовалась она, проходя мимо.

— Не сказал бы. Но ты задерживалась, и я пошел встретить.

— Ага, спасибо, — пробормотала Лида, проходя мимо. — Но ты немного задержался, или не задержался, просто, — махнув рукой, она указала на пролом в густом кустарнике, покрытый тончайшим налетом изморози. — Зверь здесь был.

— Ты его видела?

— Он хотел меня попробовать. На зуб, наверное.

— И что ему помешало? — Саня, пытаясь не выдать свое изумление, то и дело поглядывал на Лиду.

Участковая осталась холодна и спокойна. Пусть она не знала о том, насколько эта тварь опасна, но все же — снежный зверь и выглядит впечатляюще, и снег посреди пусть и холодной, но все же весны... Одним словом, это все было ненормально!

— Он не напал?

— Приправа ко мне в виде револьвера показалась ему слишком острой.

Саня почесал в затылке.

— Здесь происходит что-то странное и непонятное, — пробормотал он. — Калибр твоего револьвера слишком маленький. Зверь даже не почувствовал бы выстрела!

— В данном случае, Саша, сказать тебе ничего не могу. Зверь прыгнул. Я упала, он пролетел надо мной. Я вытащила револьвер, ему не понравилось. Он ушел. Точка, история закончена.

— А те двое?

— Петр и Роман.

— Что они здесь делают?

— Работают. Ребята дровосеки. Здесь их заимка.

— А о чем ты говорила с ними?

— Предупредила о появлении волков на дальней их заимке. Ну и попросила проверить, так ли это.

— Какие у тебя с ними отношения?

— Это допрос? — осведомилась Лида ехидно.

Саня, спохватившись, развел руками:

— Конечно же, нет. Извини. Но взгляды этих двоих... Так констатируют.

— Ромка влюблен. Точнее, так думает. Я полагаю, что это просто человеческая благодарность. Я ему помогла устроиться на работу, когда он вернулся с зоны.

— Зоны?

— Четыре года колонии общего режима за воровство. Были смягчающие обстоятельства, он в то время был трудным подростком. Когда вернулся, не знал, куда приткнуться. Образования нет, зато есть судимость. И в голове знания по нулям. Напарник Петра в тот год умер, допился до белой горячки. И мальчишку я отправила в лесничество. Он там и прижился, и с удовольствием занимался своей работой. В прошлом году подал документы на заочку, учится потихоньку. А вот второй меня ненавидит.

— За что?

— Считает, что я перешла ему дорогу в участковом отношении. Браконьерствовать не получается. Ну, и его сын.

— А с ним что? — уточнил Саня.

Лида остановилась, как-то устало пожала плечами.

— Его убили, а я не смогла найти убийцу. Петр считает, что я сделала это намеренно.

— Это случилось недавно?

— В тот год, когда я стала участковой.

— И какие были обстоятельства дела?

— Странные, — сказала как отрезала Лида. — Я за руль?

— Нет, все нормально, я поведу.

Саня, оглянувшись, взгляделся в переплетения ветвей. Где-то рядом бродил снежный зверь, испугавшийся обычного револьвера совершенно обычной участковой. Это заставляло задуматься. Очень и очень крепко!

— Саша? — Лида, вытащив планшет, взглянула в левый верхний угол. Связи не было.

— Да?

— Не спи, зима приснится и замерзнешь.

— Конечно, сейчас поедем, — мужчина сел в машину, дождался, пока сядет девушка, и завел мотор.

Вслед отъезжающей ниве из леса смотрели ярко-голубые глаза. И сыпался на землю искристый и холодный снег.

На столе перед участковой лежали несколько папок по «висякам». Самое старое дело было связано с сыном дровосека Петра, еще три папки касались последних дел. Саня, взяв бумагу и ручку, что-то чертил, подглядывая в дела за деталями.

Лида занималась текучкой, и на постороннего в кабинете практически не отвлекалась.

До сих пор не убранный планшет лежал на углу стола. Со связью происходило что-то настораживающее: она то появлялась, то исчезала. При этом моментов появления не хватало даже на дозвон оператору.

— Итак, — Саня, отложив последнюю папку, посмотрел на таблицу перед собой. — Однозначно, сына того дровосека убил полуночник. И скорее всего, это был снежный зверь. Давненько он здесь у вас... пасется.

Заправив за ухо выбившуюся прядь, Лида воззрилась на Сашу:

— А все так хорошо начиналось, — укоряюще пробормотала она.

— Там где дело касается полуночников, хорошим быть ничего не может.

— Да, да, — махнула участковая рукой. — Я уже поняла.

— Это серьезно.

— Я понимаю.

— Это действительно опасно.

— Тоже понимаю. Саша, все будет хорошо. Давай лучше подумаем о том, какие вопросы будем задавать кликушнице.

— О звере. Убийствах и не найденных мертвых, — перечислил Саня коротко.

— А если не захочет говорить?

— Так не бывает. Мы сильнее, а кликушницы к этому очень чувствительны.

— Зверь... Разумен? — поменяла резко Лида тему.

— Нет. Он как волк. Без особой нужды к людям не лезет, говорить не умеет. И, я понял, к чему ты клонишь. Запугать кликушницу нельзя, особенно зверем.

— А если кто-то сильный прикажет ей сохранять молчание? Ты же сам говорил, что эта снежная... снежная же? В общем, эта тварь ведет себя так, словно его кто-то натравил.

— Невозможно. Снежный зверь никому не подчиняется. Он одиночка.

— А как насчет пары? Они же как-то размножаются?

— Не спариванием, — Саня отмахнулся. — Любое покушение на свою территорию зверь воспринимает как вызов на бой.

— И исключений не бывает?

— Никаких.

— Никогда? — Лида, покручивая в руках карандаш, смотрела за окно. На улице темнело. До конца дня еще оставалось время, а тяжелые тучи уже нагнали сумерки. — Будет гроза...

Саня, отложив свою шпаргалку в сторону, тоном заправского психиатра осведомился:

— Вас это волнует? Вы хотите об этом поговорить?

— Саша!

— Ты имеешь в виду, что буря помешает нам встретиться с кликушницей?

— Да. Помешает же?

— Не обязательно. Если будет маленький дождь, то на машине доедем, а там возьмем зонты и пройдемся. От вас до перекрестка не так уж и далеко.

— А если сильный?

— То отложим на завтра.

— Хорошо, — сдалась Лида. — Расскажи мне, кто такая кликушница?

— Не могу, — усмехнулся мужчина. — Сам толком не знаю. Кликушница не относится к опасным видам. Она не может убить человека, поэтому мы их не изучаем так полно, как теоретически опасные виды.

— Откуда вообще тогда ты о ней знаешь?

— На занятиях изучали виды, которые теоретически могут стать источником информации, вот в числе всех возможных вариантов была кликушница.

— Значит, информации ноль. Ничего не понятно, ничего не известно.

— Мы можем только подождать погоды и полуночи, — извиняясь, сказал мужчина.

— Ненавижу ждать, а еще догонять, — пробормотала девушка, поднимаясь со стула. — Ладно, идем.

— Лида?

— Ты за руль, я возьму планшет. До сих пор нет связи. А мне нужен Димка.

— Твой брат?

— Да. Он сможет найти то, что меня интересует. Например, расскажет о кликушнице.

— Откуда человек может о ней знать?

— Интернет — большая помойка, Саша. В таком месте можно найти все, что надо.

Главное, правильно задать вопрос. А это искусство он изучил сполна.

— У тебя интересный подход к жизни. Ты всегда так въедливо подходишь к делу?

— Мне приходится, — пожала плечами Лида. — Въедливость замечательная черта, которая может обеспечить успех в самых неожиданных вопросах.

— Неожиданных?

— Ну, да.

— Идем уж, — усмехнулся мужчина, протянув руку к Лиде.

Девушка шагнула к нему, но не дошла. Рабочий телефон на столе подпрыгнул и разразился возмущенной трелью. Саня, посчитавший при первом взгляде, что это чудовище — стоит для красоты, почти как музейный экспонат, подпрыгнул вместе с ним.

— Такой допотопный? Он еще работает?!

— Как видишь.

— Не вижу, слышу. Ты отвечать планируешь?

— Полагаю, мне придется.

— Именно придется? — Саня покрутил на пальце ключи, взглянул за окно. За несколько минут там потемнело еще сильнее.

— Саша, ну, на время посмотри! В конце рабочего дня с хорошими новостями звонить не могут. Вообще никому это в голову не придет, — помявшись у дверей, Лида шагнула обратно, подняла трубку. — Участок номер сто девяносто девять. Скворцова слушает.

— Лидия Степановна?

— Да. Кто это?

— Мое имя вам ни о чем не скажет. Меня попросили передать вам кое-что особенное. Я буду на вашем участке через два дня, на рассвете. Знаете Гиблый перекресток?

— Конечно.

— Я буду ждать вас там за несколько минут до восхода солнца. Пожалуйста, не опаздывайте.

— Хорошо. До встречи.

— Добре. Будьте осторожны, Лидия Степановна.

В трубке зазвучали короткие гудки. Вернув трубку на рычаг, Лида в недоумении потеряла переносицу.

— Лида? — Саня, уже открыв дверь на улицу, вернулся в кабинет.

Участковая крутила листком бумаги с назначенным местом и временем встречи. Вопрос она словно не услышала, и мужчине пришлось ловить ее за запястье и останавливать насильно.

— Гиблый перекресток? — взглянул он на написанное. — На рассвете? Это не по работе? Или у тебя такие оригинальные информаторы?

— Это как посмотреть... Но нет, это не мой информатор. Просто будет проезжать нас на рассвете, попросил встретиться там, чтобы мог что-то передать. Ума не приложу, кто мог таким оригинальным способом мне что-то передать...

— Леший сказал, что с кликушницей мы сможем встретиться на перекрестке... Как раз на этом? Он и есть Гиблый?

— Точно, — Лида вытащила из верхнего ящика тонкую папку, покрутила в пальцах и решительно бросила ее в сумочку.

— Почему называется перекресток Гиблым? Это же не старая заброшенная дорога?

— Именно. Это крупная транспортная развязка. От нас километров двадцать, наверное. Если интересно — посмотри потом по навигатору. Областная трасса пересекается с региональной. И вот на этом перекрестке народу погибло не перечесть сколько.

— Почему не смертельный? Там... не проклятый, не аварийный. А именно что гиблый?

— Да потому что гибли просто так. Засыпали за рулем, абсолютно здоровые люди теряли сознание. Добавь сюда аварии. Выживших практически не было, но зато регистраторы внутри машины очень даже сохраняли разные... звуки, потусторонние. Вой, скрежет. Проезжающие неоднократно слышали, что рыдает там кто-то в полнолуние. Машины всякому привычное зрелище. Ломается надежное оборудование. Последним таким случаем была рыба. Фура с холодильниками везла свежую рыбу. Новейшее оборудование никогда не подводило, но водитель решил сэкономить время на дороге. Изучив карту, он увидел Гиблый перекресток и поехал по областной дороге. Он приехал на шесть часов раньше. Но все холодильники испортились, и вся рыба протухла. Одним словом место гиблое, недоброе. Вот перекресток так и назвали.

— Лихо...

— Что?

— Какая-то у вас аномалия, — Саня, сев за руль, тревожно взглянул на небо. — Снежный зверь, кликушница, леший — все на одной территории. Да еще возможно и лихо одноглазое. Так не бывает. У тебя есть дела с перекрестка?

— Дома есть копии. Хочешь взглянуть?

— Хочу. Скорее даже горю желанием. Лида, садись в машину. Не нравится мне эта туча.

— Похожа на работу кого-то из полуночников? — иронично спросила девушка. Вот только Саша ироничный тон не поддержал. Правое веко оперативника неожиданно мелко дернулось, еще раз и еще.

— Да. Похоже.

— Еще и погода, — в притворном испуге всплеснула девушка руками, хотя в машину послушно села. — А это в чьих силах? Того водяного, о котором упоминал леший?

— Да. Держись.

— Зачем? — изумилась участковая.

Вместо ответа машина неожиданно взвизгнула шинами и резво сорвалась с места. Вот только попавшая под правое колесо глубокая лужа дальнейшее продвижение остановила мгновенно.

Ниву развернуло и занесло, прямо на огромного зверя с вздыбленной шерстью. Прыжка снежной твари в царящей темноте полицейские не увидели, зато крыша жалобно застонала. Пара центнеров живого веса прогнула толстый лист металла. А вслед за этим зазвучал мерзкий скрежет.

Саня выматерился, Лида охнула, вжимаясь в сиденье.

— Не бойся, — бросил ей Саня.

— Извини, боюсь, — Лида нырнула в бардачок, вытаскивая оттуда кобуру с

револьвером. — Как я буду машину возвращать отцу?! Как я буду ему объяснять происхождение этих царапин, вмятин и разнесенного ветрового стекла?

— Стекло же цело!

— Уже не очень, — вскинув револьвер, Лида выстрелила прямо в оскаленную пасть спрыгнувшего вниз зверя.

Вот только не попала. Револьвер неожиданно дал осечку, а по ветровому стеклу разбежались многочисленные трещины от удара когтистой лапой.

Саня, выпрыгнув из машины, выхватил свой пистолет и выстрелил. Раз. Второй. Третий. Пули вжикнули в воздухе, зверь гневно рыкнул, метнулся в сторону и растаял в тени домов.

Все было очень быстро, почти мгновенно.

И снова — ничья.

— Не самая удачная встреча, — подытожил Саня. — Надо вызвать спецов и пройти по следам.

— Думаешь, они будут после дождя? — возразила Лида, предусмотрительно не покидая покореженной машины.

— Какого? — запрокинул голову к небу Саня.

— Вот этого, — прозвучало от Лиды одновременно с первой крупной каплей, упавшей мужчине на нос. Вслед за первой поспешили ее товарки, оставив влажные разводы на плечах Сани.

— Поспешу, — порекомендовала девушка. — А то будет беда. Тебя смочет.

На этот раз мужчина счел за лучшее не задавать вопросов и вернуться в машину.

Крупные дождевые капли выбили на крыше пиратскую мелодию и стихли. А потом подобно стене, дождь рухнул вниз, закрыв своей пеленой весь мир.

Ничего не было видно. Свет включенных фар не мог пробить темноту и осветить даже дорогу.

— Придется немного подождать, иначе попадем в аварию, — Лида щелкнула по бардачку, вытащила оттуда апельсиновые леденцы. — Будешь?

— Пожалуй, откажусь.

— Как хочешь. И мотор же не включить, даже если включим печку, тепла все равно не будет. А похолодает сейчас быстро.

— Не зима же!

— Зато ливень и сильный ветер, — указала Лида на очевидное. — Сейчас еще немного, и все тепло, накопленное за день, из машины выдует. Хорошо хоть крышу до конца не сломало, а только покорежило.

— Что скажешь отцу?

— Ничего. Он завтра утром на сутки. Я же завтра отгоню машину знакомому механику. И к вечеру он крышу или сделает, или поменяет.

— Подожди, подожди. В смысле на сутки? Он же у тебя учитель физкультуры?

— Учитель. Но дважды в неделю подрабатывает на нашем комбинате.

— Сторожем?

— Инженером технологического цеха, — отозвалась Лида, вытащив планшет. — Связи нет. И не удивляйся, Саша. У нас в деревеньке необычные люди живут, и странные люди от жизни прячутся.

— У вас точно какая-то аномалия. А что за комбинат?

— Вода, газированная, негазированная, у нас тут несколько скважин с очень

примечательным минерально-солевым составом.

— Почти как на Кавказе?

— Ничуть не хуже.

— Такое разве бывает? — не поверил мужчина.

Лида промолчала, зябко засунула ладони в рукава джинсовки. Было не холодно, еще пока, но как-то стыло.

— Знаешь что, поехали-ка мы потихоньку.

— Боишься что зверь вернется?

— Нет. Не этого, — Лида покрутила головой, пытаясь облечь мысль в слова. — Дело в другом.

— В чем же?

— В непонимании, — ушла девушка от ответа. — Знаешь, мне подумать немного надо. Поговорим, когда доберемся до дома, хорошо? А кликушница на сегодня точно откладывается. Дождь, думаю зарядил надолго.

Слова участковой насчет дождя оказались пророческими. А вот с машиной и планами по ее ремонту Лиде категорически не повезло... Потому что отец Лиды ждал дочь на крыльце. И двор был залит светом двух мощных прожекторов.

— Итак? — в суховатом голосе Степана Викторовича звучал неподдельный интерес. — Успела уже придумать, как объяснять природу возникновения замятий крыши?

Лида, выйдя из машины, мялась, не находя слов.

— Я жду.

— Это случайность!

— Да я и не сомневаюсь.

— Я могу все объяснить.

— Ну, а я тебя внимательно слушаю. Только не ври мне сейчас про огромное дерево, которое свалилось на ниву. Давай, правду.

— Ты не согласишься!

— Я постараюсь, — пообещал Степан Викторович. — Саша, проходите в дом.

— Спасибо.

— Так, может, и мы дома поговорим? — предприняла девушка попытку побега.

— А вы, юная леди, домой зайдете только в том случае, если все объясните. От начала и до конца.

— Пап, а давай потом?

— Когда ты придумаешь, что врать?

— Зачем врать? — оскорбилась Лида. Запальчивое выражение, царящее на ее лице, было смазано звонким чихом.

Степан Викторович вздохнул, посмотрел на замерзшую дочь недовольно:

— Ты мне хоть скажи, это был человек или полуночник?

Если бы машина сейчас выправилась сама собой, это произвело бы меньшее впечатление. А так Лида замерла перепуганным зайцем.

— Па... па?

— Значит, полуночник. Мать была права, тебя эта чаша не миновала.

— Па!

— Домой иди. Машину я отгоню завтра в ремонт сам, — на лице Степана Викторовича царило жесткое непримиримое выражение.

Вопросы задавать было бесполезно. Лида знала, что в таких вот случаях отец просто замыкается в себе. Ничего не говорит, и настаивать на своем не стоит.

Молча кивнув, девушка прошла в дом. Степан Викторович, вытащив из кармана куртки рулетку, двинулся к машине. Замерять следы. Это был второй надежный способ выяснить, с каким полуночником произошла встреча. Первым — была непосредственная встреча.

Дождь шумел по крыше навесного тента, бурным потоком сбегал по водостоку.

Бывший следопыт за полуночниками, а ныне обычный учитель физкультуры пытался понять откуда на территории полуночного заповедника взялся снежный зверь.

Закрыв за собой дверь, Лида прислонилась к ней спиной и выдохнула. В голове вертелось изумленное: «Что это вообще было?»

Участковой и в голову не могло прийти, что отец может знать о полуночниках. И не просто знать! Встав сбоку от окна, Лида осторожно отодвинула занавеску. Степан Викторович сидел на крыше с рулеткой и маневры дочери не увидел.

— Он точно физрук? — поинтересовался Саня, стоящий у окна с другой стороны.

— Последние четырнадцать лет точно.

— А что было перед этим?

— Не помню, — Лида в досаде прикусила губу. — Я не помню.

— Как такое возможно?

— Я не знаю. Судебник... Судебный психиатр, в смысле, он говорил, что память вернется сама по себе. Возможно, там, в прошлом, случилось что-то, что я не хочу вспоминать.

— То есть у тебя ретроградная амнезия?

— Частично, — Лида отступила от окна, сбросила мокрую джинсовку. — Как по минному полю, тут помню, тут нет. Тут мина, и я теряю сознание.

— А гипноз? Обычно же его применяют, чтобы вернуть память.

— А я не подвержена гипнозу. Вообще. Он не то чтобы на меня не действует. Он... Не дает нужного результата. Если я доверяю врачу, я послушно засыпаю. Но не выполняю никаких условий.

— Совсем?

— Увы, да. Оставим тему, — попросила Лида. — Ты совсем промерз. Иди в душ. Я попрошу у Димки для тебя смену одежды. И сейчас поставлю чайник, — а еще, не дожидаясь ответа и бормоча себе под нос, девушка двинулась к дверям. — Надо вспомнить, где спрятана последняя баночка брусничного варенья. Это, конечно, подкуп, но что не сделаешь ради информации!

...Чайник остыл.

Саня, сидя в старой фланелевой майке и растянутых брюках, гипнотизировал его гладкий сверкающий бок.

— Слушай, — поинтересовался он, глядя в спину Лиды, — а что вообще случилось у вас четырнадцать лет назад?

По полу покатился, брызнув в разные стороны осколками, глиняный поднос.

— Упс, упустила... — присела Лида на корточки, разглядывая черепки. — Папа будет расстроен, это один из его любимых подносов. Был.

— Лида?

— Развод, — собирая черепки в кучу, Лида так и не подняла голову. — Развод. Мать нас бросила...

— Точно, вы живете вдвоем, — Саня зябко поежился. Показалось, что в комнате похолодало. — Прости. Она...

— Второсортная певичка в третьесортном кабаке, — в презрительном голосе девушки звякнули льдинки злобы.

— Она имела в виду, — прошел в комнату Димка с ноутбуком, — что мама прима кабаре-варьете «Лиза». Оно закрытое, и карточка членства там на месяц доходит до пары тысяч зеленых. Вот мама там прима.

Саня, не веря услышанному, взглянул на Лиду.

— Она не подтвердит, она ее ненави...

— Просто не уважаю, — поправила брата девушка, — Это разные вещи.

— Наверное, — счел Саня за лучшее оставить свое мнение при себе.

Поставив перед старшей сестрой ноутбук с открытой страницей, Димка приземлился за стол, подтянул к себе тарелку с горячими бутербродами.

— Я голоден! — возмутился он, — так что не смотри так.

Лида, фыркнув, уткнулась в текст, посвященный кликушнице. Дима, набивая рот сухомыткой, невнятно говорил:

— Мама развелась с папой четырнадцать лет назад. Я тогда мелкий был, плохо ее помню.

— Вы не встречались?

— Нет. У нее не хватает времени. Мы с ней часто созваниваемся по скайпу, правда, без видео. А Лида даже открытки ей не подписывает. И подарки на день рождения не принимает.

— Мне не нужны эти подачки, мне... — Лида отвернулась. — Закроем тему. Дождь стихает. Саша, на велосипеде ездить умеешь?

— Конечно. А что?

— Прокатимся по делу, только возьму с собой соль и лавр.

— Не надо, сес, — Димка взглянул на Лиду. — Давай я тебе свой скутер одолжу? Он хоть и старенький, но если туда, куда ты хочешь добраться, можно доехать на велике, то на скутере и подавно!

— Ничего, Дим, не старые, не развалимся. Саш, можешь никуда не ехать. Я могу и одна съездить, все же убийство произошло на моем участке.

Уют теплого дома покидать не хотелось, но выбора не было. С тоскливым вздохом Саня поднялся на ноги:

— Я с тобой. Быстрее доберемся — быстрее узнаем то, что нам нужно, и вернемся.

— Хорошо. Дим, помоги ему, пожалуйста, выгнать велики.

— Вредная, сес!

— Может быть, — обаятельно улыбнулась Лида в ответ.

— Пошли, Саш, — Димка поднялся с места, — эта вредина теперь ничего не скажет.

— Разве я должна что-то кому-то говорить или объяснять? Топайте и побыстрее.

На часах был почти час ночи, когда от дома отъехали два велосипедиста.

Степан Викторович домой не пришел. Не сказав домашним ни слова, куда-то исчез. Мобильный телефон надрывался забытый дома. Поэтому некому было остановить оперативника и участковую.

— Жуткое время, чтобы куда-то ехать, — пробормотал Саня.

— Что ты видишь здесь жуткого? — Лида спокойно крутила педали, не оглядываясь на

уже запыхавшегося мужчину.

— Ну как же, ночь, только что закончился дождь, везде лужи, а если упадешь?

— Я с велосипеда не падала даже в детстве.

— А если кто-то нападет?

— Намекаешь на зверя? В этом случае устроим огнестрельный салют в его честь.

— Опасная русская женщина... — в голосе Сани прозвучало искреннее восхищение. И тут же он спохватился: — кстати говоря, очаровательная девушка. Куда это мы? Дорога осталась налево!

— Ну да, — Лида включила фонарик на руле. — Она осталась там, а мы проедем коротким путем. Вместо шестнадцати километров по хорошей дороге прокатимся по короткой дороге местами заброшенной. Тут около трех с половиной — пяти километров.

— И никакого подвоха?

— Почти. Поедем через кладбище.

— Лида! О чем ты сейчас говоришь? Кладбище! Ночью? С ума сошла!

— Там уже лет восемьдесят никого не хоронят. Если быть точнее, последнее захоронение там состоялось семьдесят восемь лет назад. И похоронили там очень... странного человека.

— Странного?! — возмутился Саня. — И, конечно, потом в деревне начались необычные и неопишуемые события?

— С чего ты взял подобную чушь? Мы же не в плохом фильме ужасов, когда, пройдя по кладбищу, неожиданно видишь, как разрываются могилы. К тому же мы не идем, мы едем. И больше ничего.

— У тебя плохая фантазия.

— Она у меня отсутствует, вообще, — Лида не вняла голосу рассудка и неожиданно остановила велосипед.

— Лида?

Саня начал притормаживать, и только чудом не полетел через руль от резкой остановки. Колесо попало в лужу, велосипед занесло, и нервы немного сдали:

— Ты чем вообще занята? Ты о чем думаешь?

— Спокойно, не надо столько эмоций в голос добавлять, — девушка вытащила из заднего кармана маленький фонарик. — Стой здесь.

Саня вздохнул, ненормальная девчонка была в первую очередь полицейской, во вторую обычным человеком. От нее можно было не ждать перепуганных воплей и отчаянного крика «помогите».

— Почему мы остановились?

— Ты не слышишь? Вот, вот это.

Зов «кто-нибудь, вытащите меня» звучал откуда-то слева, со стороны могил.

— Я туда ни ногой, — вырвалось у Сани быстрее, чем у него включилась голова.

— Не проблема, — кивнула девушка. — Постой здесь, я сама разберусь.

— Знаешь, вот еще чего мне не хватало, так это за женской юбкой прятаться. Пошли вместе.

Тонкие лучи двух фонарей соединялись и расходились в разные стороны. Источник голоса был с каждым шагом все ближе и ближе. И нашел его Саня, споткнувшись на коряге и чуть не упавший. Когда же оперативник прочухался и смог посмотреть, что у него под ногами, он увидел могилу, на дне которой шевелился парень.

Заметив Саню, тот обрадованно протянул руки наверх.

— Наконец-таки! Я думал, умру здесь. Пожалуйста, помогите мне отсюда выбраться!

— Знакомый голос, — присев на корточки, Лида заглянула в могилу. — Как ты там очутился, Ромка?

— Ударил кто-то по голове. Открыл глаза уже здесь. Думал, охрипну.

— С чего ты взял, что рядом кто-то есть?

— Слышал шаги.

— Нигде ничего не болит? Не чешется? — спросил первым оперативник. — Никто не кусал, не порезал тебя?

— Нет, — помотал парень головой.

— Могло быть и хуже, — Саня стянул куртку с плеч. — Лида, давай свою, вытащим парня. Лида?

— Нас специально отвлекают. Кто-то... Что остается после смерти кликушницы?

— Ты думаешь кто-то убил ее?

— Думаю, когда мы прибудем на то место, где должна быть кликушница, мы найдем только ее труп. Если они вообще бывают.

— Смеешься? — Саня, связав рукава курток, опустил импровизированный канат вниз. — Хватайся парень, сейчас мы тебя вытащим. Потом отправишься домой, а мы проедем на перекресток. Но если ты права, Лида, мы не найдем так никого. Новая кликушница появится сразу же после того, как на перекрестке произойдет первая авария, но она не будет обладать ни знаниями, ни умениями, ни памятью своей предшественницы.

Девушка кивнула. Взглянула через плечо и застыла. Из черных переплетений на нее смотрели ярко-голубые глаза. Глаза зверя. Но прежде чем она успела окликнуть Сашу, зверь исчез. И под его мощными лапами не хрустнула ни одна веточка.

— Лида? — оперативник повернул голову. Фонарь девушки мигнул и погас. А когда включился, у разрытой могилы уже никого не было. Девушка исчезла в никуда.

«Начальство меня убьет», — нервно подумал Саня. Появившегося над краем ямы парня, он выдернул словно репку.

— А где Лидия Степановна? — спросил Ромка.

— Хороший вопрос, — пробормотал Саня. — Очень хороший. Знаешь телефон ее дома? Или брата?

— Почему вы спрашиваете об этом меня?

— Потому что я не дурак и не слепой. Ты в нее влюблен. Это совершенно очевидно.

— Она тоже знает? — у Ромки упал голос.

Но у Сани не было времени его утешать, поэтому он сказал как есть:

— Знает.

— Значит, все безнадежно...

— Парень, очнись! Не до этого. Я задал тебе вопрос.

— Да, да. Сейчас. У меня есть мобильный ее брата.

— Дай номер... Тьма раздери этих операторов! Нет сети.

— У меня есть, держите, — Роман протянул свой старенький мобильный. Но стоило тонкой электронике оказаться в руках Сани, телефон пискнул и сообщил, что сеть не найдена.

— Кажется, мне указывают на дверь... — Саня нахмурился, — ладно. Парень, прости, не знаю твоего имени.

— Роман.

— Хорошо, Роман. Набери номер и спроси Диму, дома ли его сестра.

Гудки следовали один за другим. Телефон, вернувшись в руки хозяина, снова ловил сеть. Только от этого не было никакого прока. Димка не спешил отвечать...

На принятие решения оставались считанные мгновения, а время безжалостно утекало, ускользало сквозь пальцы.

— Ладно, — решил оперативник. — Сделаем так. Роман, мне нужна твоя помощь. Ты возьмешь велосипед Лиды... Лидии Степановны и отправишься к ее дому. Я дам тебе свой телефон. Если она там, то ты перезвонишь мне. Хотя нет, позвони в любом случае.

— Я понял.

— Отлично. Тогда поехали, Роман. И если нам повезет, мы еще не опоздали.

Впечатленный парнишка чуть ли не бегом припустил к велосипеду. Проводив его задумчивым взглядом, Саня вытащил из кобуры пистолет и снял его с предохранителя. Почти десять лет работы в отделе ОСПБ научили его, что люди так просто не исчезают. И хотелось верить, что этому исчезновению найдутся разумные объяснения. Очень хотелось.

Также, Саня искренне надеялся, что на Гнилом перекрестке он найдет кликушницу, и полуночица разубедит оперативника, сможет развеять его подозрения. Происходящее было безумно похоже на то, что Зверь питался около деревни не пару месяцев, а побольше. И только кликушница могла сказать, сколько смертей на перекрестке не были вызваны человеческим фактором.

Если же кликушницы на перекрестке не будет... Саня поморщился. В этом случае ему придется признать сразу несколько пунктов, не самых лестных для самолюбия. Во-первых, сделать вывод, что зверя кто-то натравил на деревенских намеренно. И это было помимо всего прочего самое настоящее убийство, связанное с обоими мирами сразу. Во-вторых, придется констатировать факт, что Саня с заданием не справился и вызывать подмогу.

Поэтому, только бы кликушница была жива!

Звонок мобильного телефона настиг Саню в тот самый момент, когда он стоял над сине-зеленой кашей с комочками. Тем немногим, что можно было назвать трупом кликушницы.

— Доброй ночи, еще раз. Это Роман.

— Отлично. Как Лида?

— Она дома.

— Давно?

— Непонятно. Я нашел ее на крыльце. У нее на затылке шишка и кровь. Дима, ее брат...

— Да, я понял.

— Вызвал скорую. Мы ждем сейчас карету.

— А Степан Викторович?

— Его нет дома.

— Хорошо. Я скоро буду.

Бросив последний взгляд на труп кликушницы, Саня сел на велосипед и повернул обратно.

Происходило что-то непонятное. Зачем убили кликушницу? Что она такого знала, что не должна была никому рассказать?

Что за загадка с необъяснимым вторым убийством?

Почему зверь так упорно нападал на Лиду? Что такого в этой девушке, чего нет в

других?

Кто и зачем назначил ей встречу на рассвете на этом самом перекрестке, на которую она, очевидно! уже не попадет.

Наконец, кто и с какой целью напал сегодня ночью на участковую?

Вопросы множились. Ответы на них потерялись где-то, возможно в том самом кладбищенском тумане, сопровождавшем Саню на пути к дому Лиды.

Велосипед остановился около дома в тот самый момент, как от него отъехала карета скорой помощи. Лиду увозили в больницу.

... Саня провел в деревне почти неделю. За это время Лида так и не пришла в себя. Все это время она провела в реанимации, и врачи характеризовали ее состояние, как стабильно тяжелое.

Зверь не появлялся. Ни в деревне, ни в лесу, ни на территории полевиков и водяного. И Сане пришлось признать свое окончательное поражение. Как раз в это время всех молодых оперативников созвали в Астрахань, где разгулялась банда вурдалаков.

Но даже там Саня продолжал держать связь с Димкой.

Дни, недели...

К концу первого летнего месяца Лида пришла в себя и стремительно пошла на поправку. Четвертый лунный день не принес нового убийства. И влажный июнь сменился засушливым июлем.

Жизнь в деревне пошла на лад. Деревенские забыли про умерших людей, забыли про похороны. Сплетники радостно обсуждали Лиду, вернувшуюся из больницы. Димка готовился к экзаменационной сессии в своем дистанционном университете. Ромка по-прежнему ходил на работу, влюбленно смотрел на Лиду и подбрасывал ей букеты полевых цветов прямо на подоконник.

Участковая занималась делами, пытаясь справиться с болью, которая поселилась в ее голове. Разница с ее прежней жизнью была небольшой и полуночной. По дому помогал домовый. А природные полуночники старались сделать все, чтобы Лида чувствовала себя комфортно на их территории. В отместку девушка занялась делами полуночников. Она хорошо помнила о том, что никто этого не делал. Но вот ее как раз это не волновало. У полуночников было полно проблем, которые легко решались человеческими силами. Звонок хорошему другу в колхозе, и все поля, которые были важны для полевиков, распаханы. Звонок Петру, и дровосеки занялись больным участком леса. Вовремя пущенный слух, и на территорию медвежьего малинника не сунулся ни один человек. А то место, где пропал урожай, наоборот подверглось нашествию окрестных жителей. По просьбе водяного была отремонтирована старая запруда, а вместе с ней и восстановлена мельница.

Деревянное здание недолго служило колоритным украшением села. Неожиданно здание обрело хозяина, и там поселился мужчина, с легкой руки, а точнее языка деревенских, получивший прозвище Мельник.

Саня держал уже Лиду в курсе расследования, но дело обещало перейти в категорию висяков. Все следы были утеряны...

И было кое-что еще, что мешало Лиде вернуться в ритм нормальной жизни. Степан Викторович, ее отец. Он ушел в ту страшную ночь и так и не вернулся...

2. Мельник

Рассвет еще только выпутывался из перины серых облаков, а быстрая искристая река уже была не пуста. На берегу почти у самой воды сидела фигура в темно-зеленом дождевике. Удочка стояла у воды сама по себе даже со смотанной леской. В ведре плескались три крупных рыбины. Больше гостье реки было не нужно.

Можно было уже собирать снасти и уходить, но то ради чего Лида пришла к реке, еще было не выполнено. Ранняя рыбалка была лишь попутным прикрытием для встреч с водяным.

Вообще-то в возможности речного хозяина входили и перемещения себя, своего голоса или сознания в любую каплю воды на территории водяного. Но в него, как и во всех остальных полуночникам давно уже никто не верил, и территории хватало только на то чтобы самому водяному да двум русалкам жить впроголодь. Правда, с появлением Лиды и ее не веры — знания о существовании полуночников, хватило, чтобы немного расширить территорию речного хозяина. И это, по словам все той же участковой, было только началом.

Лида замахнулась, ни много ни мало, на то чтобы весь ее участок начал верить в невидимых полуночников.

Вода плеснулась о берег, по темно-серому слипшемуся песку прошагали невидимые ноги, оставляющие мокрые отпечатки. На Лиду пахло рыбой, тиной, и рядом показался грузный водяной.

— Умаялся я, матушка. Нам рыбу запустили, на пробу приживется или нет, а за ней глаз да глаз нужен!

— Терпи, — отозвалась Лида с усмешкой. — Не так уж и сложно тебе за ней присмотреть.

— Нет в вас понимания, матушка, — всплеснул водяной волной у берега.

Чистые капли плеснули Лиде в лицо.

И стерев влажную дорожку, участковая кивнула:

— Нету, нету.

Водяной снисходительно улыбнулся и замолчал.

В самом начале оказалось, что на территории Лидино участка собрались очень непростые полуночники. Не с разумом максимум пятилетнего ребенка, а древние, подрастерявшие свое могущество, но не знания и не ум. Они называли Лиду «матушкой», но относились как к ребенку, которого надо оберегать и защищать.

Очень быстро до девушки дошло и кое-что еще: всех полуночников в их район привозили немеряно. Кто-то начал делать из территории вокруг деревушки заповедник полуночников. Начало было положено хорошее, а вот дальнейшее исполнение подкачало. И теперь не зная первоначального замысла создателя заповедника и его целей, заниматься делами полуночников предстояло участковой.

В ее сильных сторонах были: работа, связи семьи, брат, интернет и некая необъяснимая способность. Лиде не нужны были заговорные слова: она видела полуночников и без них. Достаточно было провести рядом с ними несколько минут. И с каждым днем количество необходимых минут уменьшалось.

От десяти минут до полутора. Прогрессировала эта способность участковой пугающими скоростями.

— Матушка?

Лида скосила глаза на водяного, поощрительно промолчала.

— Я вот что спросить хотел. Запруда та...

— Ее построили, — кивнула Лида. — Точнее, ее просто очистили. На том месте старая мельница с запрудой была. А сейчас... Новая мельница с новым хозяином. Запруда очищена. Рыбу опять же, он запустил. Но... Не нравится мне этот Мельник.

— А мне, матушка, запруда.

— Почему?

— Нет мне, матушка, туда хода. Ни мне, ни русалкам моим.

— А так бывает? — изумилась Лида.

Водяной прерывисто вздохнул:

— Сколько, матушка, вы о нас еще не знаете! Сколько вам еще предстоит о нас выучить.

— Много, — согласилась Лида с укором водяного. — Но о вас почти ничего неизвестно. Достоверная информация только в детских сказках. А все остальное — байки! Вот если я в тебя святой водой плесну, ты разве грязной лужей обратишься?

Водяной захохотал. Гулкий булькающий смех раскатился по берегу. Стих дружный хор лягушек, затихли птички. А хозяин речных просторов никак не мог успокоиться. Колыхался огромный живот, по воде у берега разбегалась мелкая дрожь.

— Ой, матушка, насмешила, — вытер водяной слезы из уголков глаз. — Чай мы не нечисть необразованная, чтобы нас святой водой гонять. Нам святая вода даже полезна. Вы, люди, йодом прижигаете ранки. А мы для дезинфекции — святой водой пользуемся.

Лида кивнула и пожаловалась:

— И вот такая чушь составляет две трети всего, что удастся найти, еще треть даже озвучивать стыдно. Придумать такое можно только во время белой горячки, не иначе.

— А как же призрачная библиотека?

— А что это такое? — вопросом на вопрос ответила Лида.

Водяной помолчал, покачал головой:

— Вот, матушка, если у меня или у лесного станет сил побольше, мы вас проведем туда через наши земли.

— Договорились. А теперь давай-ка вернемся к нашим делам. Вас что-то в запруду не пускает вроде ограды? Или там кто-то другой живет и свою территорию охраняет?

— Непонятно, матушка.

— Ладно, давай сделаем так. Я днем до мельницы схожу. Мне с Мельником официально познакомиться надо, помочь ему с телефонами местных. Кому, куда звонить в каких случаях. Посмотрю на запруду днем, а потом мы с тобой в полнолуние к запруде подплывем и посмотрим на нее. Если там кто-то живет, то в полнолуние он должен показаться.

Водяной промолчал, глядя на Лиду с уважением.

Действительно, у полуночников были разные ритмы жизни. Они ни перед кем не отчитывались, ничего, никому не обещали. Кто-то верховодил днем, кто-то ночью. Но общим для всех была полночь полнолуния. Полуночники должны были выйти к луне, иначе следующие лунные сутки могли стать для них последними.

С чем было связано такое ограничение, Лида пока не поняла. О плюсах лунного свидания знала. В такую ночь полуночники получали силу и «еду», которая позволяла им прожить без людей.

Водяной и участковая еще немного помолчали, потом Лида поднялась.

— Пойду я, речной хозяйюшко, до работы еще дел много переделать надо.

Подняв с земли сетку с пакетиками и коробками, Лида передала ее Водяному:

— Спички. Соль. Перец. Гребни твоим русалкам.

— Спасибо, матушка.

— Отдыхай на сегодня, хозяйюшко. Через пару дней накануне полнолуния к тебе приду.

Не дожидаясь ответа, Лида махнула рукой, подхватила ведро с рыбой и двинулась по узкой тропке вверх по косогору.

Водяной посмотрел ей вслед с отеческой улыбкой, прижал к груди пакет и двинулся к воде. Повезло им с матушкой, ой, повезло. Она и человек душевный, и их видит, и их делами почему-то решила заняться. А если уж сил поболее будет, можно будет начать территорию свою обустраивать. Главное, помнить о том, что люди неприкосновенны. Убьешь хоть одного — сам в живых не останешься. ОСПБ за этим внимательно следит, тут и заступничество матушки не поможет, еще и ее саму подвести можно, а этого никак допускать нельзя!

Так что, о людях забыть придется. Надо подождать, ОН обещал, что однажды придет время и тогда...

...Звонок телефона раздался в тот самый момент, когда Лида, прыгая на одной ноге, пыталась второй попасть в штанину фирменных брюк. Димка нашел изумительную книгу, посвященную славянской нечисти, и Лида преступно зачиталась. Поэтому на работу и опоздала. Победив непокорные штаны и застегнув ремень, Лида выдохнула, подняла трубку и ровным спокойным голосом спросила:

— Участковая Скворцова слушает! Алло, вас не слышно. Алло?

В трубке молчали, и, решив, что проблема в очередной раз на телефонной станции, Лида с чистым сердцем повесила трубку. Надела туфли, и, уже устойчиво стоя на двух ногах, набросила фирменный китель. Покрутилась у зеркала и одобрительно кивнула, выглядела участковая что надо — представительно и официально.

Надо было заглянуть к председателю сельского совета, обсудить пару жилищных вопросов. А уже после этого пройтись до Мельника.

Идея, которая еще на рассвете казалась хорошей, почему-то начала казаться недоброй. Словно туча какая-то над Лидой нависла из-за этого Мельника и его запруды.

Телефон зазвонил вторично, и снова повторилась история с молчанием в трубке, и снова Лида, греша на подстанцию, спокойно положила трубку. После этого вытащив из сейфа автоответчик, возмутительно новый и современный по сравнению с монстроподобным телефоном, Лида включила его, подхватила ключи и выскочила на улицу. Времени не было на промедления, надо было еще очень много всего сделать.

И начиналось это «очень много» прямо от крыльца.

— Марь Иванна! Твоя коза опять на территории участка!

— Ой, Лидочка, — выскочила на соседское крыльцо сухонькая симпатичная старушка. — Прости, не уследила я за прохиндейкой! А забор сама видишь какой!

— А внуки? Марь Иванна, они же собирались к вам приехать.

— Ой, Лидочка, приехали, на забор посмотрели, деньги мне впихнули и уехали. А что мне с этими деньгами делать? Раньше Порошке на бутылку бы дала, он бы и подправил забор мой.

— Ясно. Марь Иванна, я Роме позвоню.

— А чей он будет, Лидочка?

— Из лесничьих он, Марь Иванна. Сколько у вас есть?

Старушка пожевала губами. Подумала. Потом подняла руку с четырьмя растопыренными пальцами.

— Столько Лидочка.

— Хорошо, Марь Иванна. Я ему скажу, он подъедет к вам, посмотрит, сколько и чего нужно купить будет и сколько ему за работу останется. Если согласится — сам делает. А если не согласится, я председателю скажу о вашей проблеме.

— Спасибо, Лидочка. Дай Бог тебе здоровья.

— Рано благодарите, Марь Иванна, вот сделаем забор, я к вам на чай с пирожками заскочу.

— С малинкой то пирожки лепить, егоза?

— С малинкой, — рассмеялась Лида.

Поправила китель, папку с документами взяла поудобнее. Вид приняла взрослый, серьезный, а потом засмеялась и пошла по дороге.

До председателя Лида дошла минут через сорок, хотя от ее участка до здания администрации идти всего три минуты быстрым шагом было. Но разве по селу пройдешь спокойно?

Там раскланяешься, там поговорить надо, там слово доброе сказать, там внимательно выслушать, там попутно профилактическую беседу провести.

— Лидия Степановна! — председатель, добродушный рыжий мужчина с пышными усами поднялся из-за своего стола, раскрыв объятия. — Сколько тебя, плутовку, не видел уже!

Послушно позволив себя обнять, Лида села на стул перед столом председателя.

— Болела я.

— А сейчас как, Лидок? Может, об отпуске похлопотать? Да поедешь отдохнуть куда?

— Нет, дядь Макар, хорошо все.

— Смотри мне, Лидок. Нам нужны живые бойцы фронта, а не их мрачное напоминание.

Девушка улыбнулась. Дядя Макар был давним другом семьи, пасечником. На пост председателя администрации не рвался. Упросили деревенские. И ведь не прогадали же. Новый глава у села получился хоть куда.

— С какой бедой ты ко мне сегодня, Лидок?

— Да я по поводу Мельника, дядь Макар. Знаешь что о нем, рассказать можешь?

— А тебе зачем, Лидок?

В голосе председателя неожиданно звякнули колкие льдинки. Не понравился ему вопрос участковой, не по сердцу пришелся.

— Так новый человек на участке, — развела Лида руками, — я за них отвечаю. Должна же я знать, чем живет он, чем дышит.

— Лидок, — мужчина побарабанил пальцами по столу. — Работает дома, над книгой что ли. Сказал, с удовольствием мельничные жернова в наем отдаст, если нужно кому будет. Никого не задевает. От закона здесь не прячется, обычный он, Лидок.

Участковая кивнула. Сохраняя нейтральный вид, задала еще несколько вопросов и с напугавшей ее саму отчетливостью поняла, что дядя Макар ей врет.

— Ну и ладно, — поймав подходящий момент, махнула Лида рукой. — Нормальный, и Господь с ним. Сегодня зайду, представлюсь, телефоны дам всех наших важных лиц. Да

попрошу, чтобы в журналах расписался.

По лицу председателя катались желваки. Ой, не хотелось ему, чтобы Лида ходила к Мельнику, ой, как не хотелось!

— Дальше, дядь Макар, в дальней деревне провода оборвались, второй день электрика дожидаться не могут. Поторопи ребят, что ли? Люди без света. На такой жаре вся еда испортиться может, жалко же!

— Жалостивая ты, Лидок. Всех жалеешь. Сама на работе надрываешься... Да не смотри на меня так, сейчас ребят отправлю и машину им дам, чтобы добрались быстрее.

— Спасибо, дядь Макар. Пойду я. Мне еще к Анатолю Петровичу подойти надо, чтобы он дал пару деревяшек. Там мост подновить бы надо, да колодцу крышку сделать, а то с ней совсем беда.

— Лидок!

— А что Лидок? Должен же кто-то этим заниматься?

— Но не ты же!

— Дядь Макар, не переживайте. Я все успеваю.

— Смотри, Лидок, не надорвись. Тебе после болезни нельзя напрягаться!

— Да я и не напрягаюсь! — засмеялась девушка. — Тяжелого не поднимаю, сама ничего не таскаю. Димка даже в магазин ходит. Смеется, что неожиданно-негаданно стал хранителем очага.

— А отец?

— Командировка, — развела руками Лида.

Председатель помолчал:

— Лидок, если чего, знай, что всегда можешь ко мне обратиться!

— Дядь Макар, знаю я, спасибо. Теть Нине привет, а я дальше по делам помчалась!

Мужчина кивнул. А когда за Лидой закрылась дверь, потянулся к телефону. Деятельная участковая, считающая своим делом все, что происходит в деревне, могла ненароком кой-кому перейти дорогу. И следовало хоть что-то сделать, чтобы позаботиться о девчонке, раз удержать на одном месте все равно не получится.

— Алло. Михаил Андреевич? Это вас Макар Никифорович беспокоит, председатели сельского совета.

Лида, оттолкнувшись от стены, мрачно посмотрела на дверь кабинета председателя администрации. Вот тебе и Мельник. Чтобы глава администрации к нему на «вы»? Дядя Макар губернатору области тыкать не стеснялся. Ой, что-то здесь не так.

В приоткрывшуюся дверь секретарской скользнула Любочка.

— Никто не звонил. Он не звал, — заговорщицки прошептала Лида.

— Спасибо тебе, выручила. Только, Лидия Степановна, никому не слова, ладно?

— Обижаешь, что я, зверь что ли? Смотри, Любаш, коммуникатор. Зовет тебя.

— Ой, точно, побегу тогда.

— Ну, беги.

Выйдя из приемной, Лида немного постояла в теньке развесистого клена и двинулась вниз по крыльцу.

Итак, истинную природу ее попадания в больницу никто не узнал. В селе до сих пор уверены, что все дело в аварии, в которую она попала. Аварию придумал Саня. Врачам была скормлена подходящая легенда, опер ОСПБ посверкал перед всеми интересующимися внушительными корочками, и на этом была поставлена точка. Сестре о происходящем

рассказывал потом Димка, когда ее перевели в обычную палату.

Лида полагала, что вывели ее из строя не случайно. Краем она зацепила что-то слишком уж важное. К тому же скорость... Можно подумать, что от кладбища, где ее ударили, до дома ее везли на бесшумной машине. И это по паршивой дороге, где даже двум велосипедистам безопасно не разъехаться!

В голове неожиданно словно набатом ударило. Лида охнула и прислонилась к стволу развесистого клена, хорошо еще далеко не ушла. Это тоже было из последствий той ночи, наряду с исчезновением отца.

Как бороться с этими болезненными ощущениями, Лида успела узнать. Поэтому смахнув с лавочки невидимую глазу пыль, осторожно опустилась на сидение. Сейчас бы еще холодное к голове или плитку горького шоколада, и вообще все стало бы хорошо.

Компресса естественно не последовало, зато на колени Лиды что-то упало. А когда девушка открыла глаза, во дворе было пусто. Только звенела музыка ветра, подсказывая, что кто-то только что вошел в здание сельсовета. Вставать и идти следом, было чревато новым приступом головной боли, поэтому Лида предпочла посмотреть, что же это такое ей уронили на колени. Вдруг записку о встрече и гадать ни о чем не придется?

На синей ткани форменной юбки лежала узкая и длинная плитка. Перевернув плитку к себе, Лида осознала, что у нее в руках — горький шоколад. Во всем селе не было ни одного человека, кто бы знал, что Лида любит черный шоколад. Ей тащили молочный, ореховый, еще с какими добавками, а то еще хуже — белый. А тут черный. С высоким процентом содержания какао.

И если это было совпадением, то совпадение получилось настораживающее. Лида забеспокоилась... То, что не смогли сделать телефонные звонки с молчанием в трубке, легко сделала одна шоколадка ее любимого сорта...

Впрочем, отказываться от лакомства девушка не стала, да и больная голова излишней гордости не способствовала. Поэтому приговорив черную вкусняшку, Лида влажной салфеткой протерла руки и лицо, поправила макияж и отправилась к Мельнику.

Идея оказалась неудачной — хозяин дома отсутствовал...

Прождав его напрасно почти полтора часа, Лида отправилась обратно в участок. В глазах участковой горел недобрый огонь. Такое своевременное исчезновение очень походило на объявление войны, и спускать такое девушка никому не собиралась.

...Бумажки, отчеты, звонки по работе.

Молчание в трубке и нервы ни к черту.

К концу рабочего дня молчаливый звонильщик довел Лиду до приступа неконтролируемой злобы. Шутника хотелось поймать и порвать. Можно даже сказать, что на мелкие кусочки.

Лида терпеть не могла, когда ей мешали работать.

Поэтому уже успела позвонить начальнику, сообщить ему номер, с которого так настойчиво звонили, и попросить пробить по базе данных. Результаты Лиде обещали сообщить к тому времени, как она пойдет домой.

На часах было без пяти шесть, когда раздался долгожданный звонок.

— Участковая Скворцова.

— Лидок... — голос начальника звучал, пожалуй, даже что и смущенно.

— Вы его не вычислили? — расстроилась Лида.

— Да как бы тебе сказать, — Геннадий Аксеныч помялся. — Обещай только не бояться,

хорошо, Лидок? Этого номера в новых базах данных не существует. Его убрали пятнадцать лет назад. Дом, в котором стоял телефон, снесли.

— А последний хозяин этого номера?

— Мертв, Лидок.

— Безобразие, — разозлилась девушка. — То есть номер зарегистрирован на мертвеца, телефона в базе данных нет. Но при этом мне звонят именно с этого номера и молчат в трубку. Восторг! Чистый восторг.

— Лидок...

— Да, Геннадий Аксеныч?

— Иди-ка ты на сегодня домой. И давай если хочешь, я спецов из ОСПБ попрошу к тебе заехать.

— Не надо, Геннадий Аксеныч. Чертовщина здесь пока нам только мерещится.

— Ну, смотри.

И по своему обычаю, трубку начальник положил не прощаясь.

Немного послушав короткие гудки, Лида положила телефон на рычаг и одним движением выдернула его из розетки. Попискивание переполненного автоответчика стихло. Телефон, уже готовый разразиться новым звонком, захлебнулся длинной трелью.

— Вот так! — хулигански показала Лида язык телефону. — Теперь не позвонишь.

Звонить кому-то действительно было некуда. Планшет Лиды с того дела о снежном звере по-прежнему работал в ритме минного поля: есть связь, нет связи.

Около участка связи как раз никогда не было. Не было ее и дома. На пути от участка до дома, если идти путем коротким, связь появлялась в одной единственной точке. На длинном пути связи не было вообще нигде, и чаще всего Лида шла по нему.

Но в этот раз ей надо было позвонить Ромке, проверить почту, да и голосовые сообщения на телефоне нужно было прослушать, поэтому пришлось выбирать путь короткий — через сосновый бор.

Сосны там были посажены почти пятьдесят лет назад. Чудаком-миллионером, который выбрал Малые луки в качестве своего места смерти. Он, кстати, и был последним хозяином мельницы. Щедро вкладывал деньги в село. И после его смерти деревенские с удовольствием судачили о том, что старичок где-то закопал клад!

Погладив высокую сосну, Лида остановилась на пригорке, привычно нацепила гарнитуру и подождала, пока планшет регистрирует доступную связь.

По экрану кружился колючий снег заставки. В правом верхнем углу маячила луна. Лида теперь могла в любой день сказать текущую лунную фазу.

Тихое «ку-ку» вернуло девушку мыслями в настоящее. Пришло сообщение. Одно. И это было не оповещение о голосовой почте или пропущенных звонках, это не было весточкой от знакомых или угрозой.

Смс-ка была предельно короткой:

«Не суйся к Мельнику. Он опасен».

— Просто замечательно, — расстроилась Лида. — Все все знают, но никто! Ни один человек не может нормально пояснить, что же в действительности такое происходит! И как в таких условиях работать?

Бурча себе под нос, Лида открыла интернет. На почте было пусто. Совсем.

Исчезли даже те письма, которые там были.

Корзина была очищена и папка «спам» пуста... Кому-то зачем-то понадобилось делать

необычные и отчасти пугающие вещи. В перечень своих «почему» Лида могла добавить новые вопросы. И по-прежнему не было ни одного ответа!

Один ответ неожиданно появился. Когда Лида уже собиралась выходить из почты, во входящих появилось новое сообщение. Торопливо его открыв, Лида ойкнула, глядя на перечень цифр. Сохранила все цифры в блокноте на рабочем столе и потеряла дар речи, когда по возвращению на почту обнаружила исчезновение пришедшего письма.

Кто-то пользовался почтой Лидой как своей собственной, причем письма передавались в зашифрованном варианте... Значит. Снова к Димке, чтобы он расшифровал вот эту бумаженцию.

Через полчаса, покачиваясь на стуле, Димка менторски говорил:

— Чтобы расшифровать цифровой шифр, необходимо знать ключ, с помощью которого сообщение было создано. Самый простой цифровой ключ подразумевал использование прямой подстановки: один было равно а, тридцать три я. Потом появился более усложненный вариант, цифра один зашифровывала я, а тридцать три, соответственно, а. Дальше — больше. Цифровые последовательности усложнялись с каждым разом. Но все время поддавались расчету по математической модели. Кроме русских.

— Опять отличились?

— Еще как. В качестве ключа русские решили использовать набор «как Бог на душу положит». Вот захотелось, чтобы единица зашифровывала Ю, двойка К, а тройка П, и так далее. То есть никакой логики, абсолютно случайный набор цифр.

— В таком случае расшифровать невозможно?

— Почему? — оскорбился Димка. — Я запускаю на поиск более тридцати условий. Первая буква фиксируется прогоном, а остальные с каждым новым проходом принимают новое значение, ну, понимаешь?

Не найдя в глазах старшей сестры понимания, Димка тяжело вздохнул.

— Сес, ты балда. Смотри, первый шаг. Я принимаю единицу за «а», а для остальных цифр делаю перебор от «Б» до «Я». Каждая цифра от единицы до тридцати трех проверяется на совпадение с каждой буквой алфавита.

— Это будет долго, — пробормотала Лида. — Ладно, химичь, мой великий программист. Я пошла жарить рыбу. Верю, что ты сделаешь все возможное, но я тебе только мешаю.

Дверь за Лидой закрылась. Димка, вдохновленный словами сестры, размял пальцы. И покатило...

Один, два, семь, четыре, тридцать — мимо.

Два, девять, три, семь — мимо.

Пять, восемь, двадцать один, шесть.

Девять, одиннадцать, тридцать три, пятнадцать.

Мимо. Мимо. Мимо.

Сухие цифры, строчки никак не складывались в простые и понятные слова. Словно текст был зашифрован, по меньшей мере, дважды, еще и буквы были перетасованы или подменяли друг друга. Но в этом случае возможность расшифровать текст стремилась к нулю. Не силами Димки, что называется.

— Дим, иди есть! — окрик сестры оторвал парнишку от медитации над компьютером.

— Если у меня не получится, — вечно голодный отрок рухнул на стул и подтянул к себе поближе сковороду с жареной картошкой. — Я друзьям напишу. Есть парочка гениальных

хакеров. Они взломают. Только вначале моя программа до утра поработает, ладно?

Лида кивнула.

— Не проблема. Кстати, Дим, помнишь, ты мне пару недель назад одного актера по скриншоту искал.

— Было дело, еще кого-то найти надо?

— Точно. Только в этот раз реального человека.

— Не проблема. Только фотка нужна хорошая.

— А вот с этим могут быть проблемы. Фотку я буду делать из-под полы, шпионским методом.

Димка даже жевать перестал, ошеломленно глядя на сестру:

— Лид, ты чего?

— Мельник у нас в деревне завелся.

— Слышал про него.

— Вот он настолько странный малый, что информация о нем нужна как воздух.

— Он преступник? Шпион?

— И откуда в тебе такой запас наивности? — засмеялась Лида, потом серьезно взглянула на брата. — Я не знаю, но он точно странный малый. И весьма опасный. Поэтому я и хочу знать, что у него за душой. Может, он просто от алиментов уклоняется или сердце лечит, разбитое седьмой женой, понимаешь меня?

Димка кивнул.

— Я понял, я поищу по всем каналам. А откуда у тебя его фотка?

— Сделаю на днях. На него, конечно, придется поохотиться как на зверя, больно уж ловкий тип. Но я его поймаю.

— Тебя нельзя злить, — пробормотал Димка. — Сес, вилка! Не ломай вилку!

— Ой! Да что же мне вечно эта мягкая гадость попадается?!

Димка захохотал в голос над обиженным выражением лица сестры. Лида смущенно улыбнулась ему. Ярко светилось окно кухни, бросая на темный двор яркие плитки света. Притаившись в тени забора, кто-то стоял.

Постояв еще немного, изучая дом и двор, этот некто докурил сигарету. Спрятал заботливо окурочек в переносную пепельницу и вышел за ворота.

С конька крыши ему вслед смотрели два ярко горящих оранжевых глаза.

Волкодав семьи исчез вместе с отцом Лиды, поэтому сообщить о появлении чужака на первый взгляд было некому. Но был домовый, который взял охрану дома на себя. И опасный незнакомец, от которого кисло пахло порохом и приторно-сладко ванилью домовому не понравился.

Этот человек не был приглашен, а значит и нечего ему во дворе делать!

По забору повинувшись словам домового пробежала искра. Незваных гостей ждал разряд молнии. А нечего ходить там, где не ждут и куда не зовут!

...Из дома Лида вышла в шесть утра. Димка уснул перед работающим компьютером, и девушка будить его не стала, прикрыла своим пиджаком, скользнув ладонью по встрепанным вихрам.

Прошли те времена, когда сонных детей по кроватям разносил отец...

Поправив шнуровку на ботинках, Лида вытащила из сарая свой велосипед. В который раз с тоской покосилась на опустевшую конюшню. По Красавчику она скучала. Замечательный конь обладал замечательным свойством поднимать настроение хозяйке

одним своим видом.

Промчатся на нем вихрем по полю, и на душе легче становится. А теперь Красавчика нет, где-то с папой бегают...

А велосипед, что велосипед. Железяка хорошая, да не умная. Сама дорогу выбирать не умеет! А это Лиде ой как бы пригодилось!

Тихий ход педалей был неслышен. Велосипед иногда подпрыгивал на кочках, скользил на мокрой траве. Но девушка спокойно держала равновесие, помогая себе на крутых поворотах ног.

К мельнице и запруде она подъехала в семь утра. Естественно, дома никого не было.

Ухмыльнувшись, задетая до глубины души, Лида вернулась на велосипед и отправилась на работу. Семейное упрямство Скворцовых было поистине легендарным и отчасти... ослиным.

Девять утра. Одиннадцать. Два. Четыре. Семь. Десять вечера.

Вне зависимости от времени, когда Лида подъезжала к мельнице, никого там не было.

Все что оставалось участковой — пожать плечами. Не сработавшая тактика кавалерийского наскока давала ей полное моральное право на то, чтобы перейти к другой тактике. Осаде. Планомерной и обстоятельной. Тем более что завтра была суббота, а Мельник слишком уж прятался, заставив все инстинкты участковой дрожать от бешенства.

Она ненавидела, когда ее так демонстративно игнорировали, и уже за одно это Мельник не заслуживал снисхождения.

Да, Лида была пристрастна. Она отлично осознавала, что рано или поздно это ее пристрастие может выйти ей боком. Но все равно брать это чувство под контроль участковая не собиралась. Не в этот раз, по крайней мере, и уж тем более не ради неизвестного Мельника.

Домой накануне «осадного» положения, Лида вернулась почти пол-одиннадцатого, и вот тут ее ждал сюрприз. Нет, Мельник добровольно к ней не пришел. Дома вообще никого не было. Оставив на холодильнике записку с коротким перечнем звонков, Димка ускакал с ночевкой к другу на противоположный конец деревни.

Сюрприз был в том, что компьютер закончил свою работу, и на мониторе подмигивала надпись: «задача выполнена, для отображения результата нажмите "ок"».

Особых подвижек Лида не ожидала. Письмо могло вполне стать следом в никуда, поэтому особо участковая на него не рассчитывала. В общем-то, зря. На экране побежал связный текст, по мере чтения которого девушка ощущала, как из-под ног уходит земля.

«И не говори мне, что это восстание. Просто какой-то придурок пообещал полуночникам, что они смогут безбоязненно убивать людей. И в центре этого дела почему-то моя дочь. Я тебе говорю в последний раз — не впутывай ее. Иначе я забуду о своих долгах. И чтобы ее защитить, не остановлюсь ни перед чем. Ты меня знаешь. Я слов на ветер не бросаю, поэтому делай выводы. А насчет остального, встреча там же, в то же время. И кстати, кто и зачем убил кликушницу с перекрестка? Или она знала что-то и нам не сказала. Или под носом у нас завелся предатель. И если честно, первый вариант безопаснее».

«Папа?» — сердце колотилось где-то в горле, руки тряслись, когда Лида закрывала расшифрованное послание.

Папа знал о полуночниках! И не просто знал! Он имел с ними какие-то дела! И о каком таинственном человеке, пообещавшем полуночникам возможность убивать людей, в письме шла речь?!

Вопросы множились. Но на краю горизонта неожиданно забрезжил рассвет. Ситуация обещала хотя бы немного проясниться.

Пусть для этого и придется поделиться с Димкой паролем от почты. Пропустить следующее послание они оба не имели права. А пока надо было идти спать. Лиду ждал подъем на рассвете и несколько километров активного велосипедного движения. Мельника ждала осада, на результаты которой Лида очень рассчитывала. Вдруг что-то прояснится? Вдруг удастся узнать хоть что-то? Заодно и с запрудой поближе познакомится. При свете дня можно будет тоже что-то разглядеть, если там кто-то водится.

Спать Лида ложилась с самыми радужными мыслями, а вот дальше все пошло по кривой, да косою дорожке.

Участковой приснился сон.

Как и все нормальные люди, Лида сны видела каждую ночь, наверное. Но уже очень давно она не запоминала яркие цветные сны, от которых просыпалась с бешено колотящимся сердцем.

Она бежала. Лабиринт из серых однотипных домов смотрел на нее свысока. Вокруг мелькали погашенные окна, но нигде не было и следа двери.

Позади, за спиной ощущалось чье-то дыхание. Чьи-то алчущие руки тянулись к Лиде, а она не могла даже защититься. Почему-то у нее с собой не было ни револьвера, ни охотничьего ружья.

Все, что оставалось, — это бежать.

В груди кололо. Коленки уже тряслись и подгибались, под ноги то и дело попадались камни, на которых девушка оскальзывалась. Но она не падала, упрямо стремилась вперед. Лида знала откуда-то совершенно точно — если сейчас она упадет, то ее ждет беда. Ничто ей не поможет...

Каждый следующий шаг давался все тяжелее и тяжелее.

Лида бежала со всех ног, но тело не справлялось с такими нагрузками.

И, в конце концов, девушка все-таки не удержалась и полетела вниз, на асфальтную дорожку. Щеку обожгло болью, на пальцах, когда Лида инстинктивно схватилась за лицо, остались влажные алые разводы. Такие же капли крови остались и на камне.

Девушка пыталась подняться на ноги, пыталась снова побежать, но оскальзывалась. Тонкие ручки, совсем как у ребенка, то и дело подламывались.

А потом на ее плечи легли костяные ладони.

Лида во сне отчаянно кричала и билась в страшных тисках, а в реальности она села на своей кровати, пытаясь сделать вдох.

Незнакомый город. Непонятный монстр.

Лабиринт однотипных домов.

Побег.

Ну, и приснится же!

Не надо было перед сном читать те дела, которые впутали Лиду во всю эту историю с полуночниками. Надо было почитать какой-нибудь детектив лучше, ну или фантастику, что тоже неплохо. Например, надо было бы дочитать ту историю о русском патруле. Должна же Лида узнать, с кем останется русско-испанская красотка, особенно если учесть, сколько проблем на нее свалилось. Да и первая любовь Рашель, и ревнующий Змей! Это же действительно интересно. Вторую книгу и без того пришлось подождать немного.

Готовя себе кофе и с собой бутерброды, Лида развлекала себя мыслями о книгах, о

пополняющейся коллекции. О том, что надо помыть будет после сегодняшней поездки отремонтированную машину. О том, что уже завтра ночью начнется полнолуние, и Лиду ждет заплыв по территории Водяного. О письме папы. О молчаливых звонках.

Подумать участковой было о чем, но мысли упрямо возвращались ко сну.

Лиде было страшно. Ей начало чудиться, что если она обернется, она обязательно что-то увидит. И мерещились ей едва уловимые шорохи, и казалось, что слышно за спиной поскрипывание костей.

Из дома Лида в результате сбежала, не в силах находиться одна в четырех стенах. Планшет лежал в кармашке рюкзака, там же была книга, термос и бутерброды.

Отступать было некуда, но о предстоящей «осаде» уже сама Лида думала с ужасом. Она не передумала, но ей отчаянно сегодня не хотелось ни с кем встречаться. Ей хотелось остаться одной и разобраться в себе, в приснившемся сне. Может быть, там была какая-то подсказка? Но такую роскошь предоставлять ей никто не планировал...

Мельница была закрыта, и на стук никто не откликнулся.

Расстелив по прохладным и широким доскам новенького крыльца прихваченное покрывало для пикников, Лида устроилась на нем со всем возможным удобством. И предпочла для себя в качестве компании книгу. Приключения патрульных стремительно летели к концу, девушка то переживала за героев, то радовалась их победам и просветам в том нагромождении фактов и знаний, которые патрульных окружали. Книга закончилась как-то очень быстро...

Впрочем, часы с этим были несогласными.

Размяв ноги и попрыгав внизу крыльца, Лида взяла планшет, переключилась в режим фотоаппарата. Лучи поднявшегося солнца хорошо просвечивали запруду, и участковая решила сделать пару фотографий. Вначале издали, а потом подойти поближе.

В планы вмешалась судьба.

Девушка уже почти поднялась на самую высокую ступеньку, когда дверь мельницы неожиданно распахнулась, и Лида оказалась нос к носу с ее хозяином.

На кнопку «сделать фото» девушка нажала произвольно, а в следующий момент она уже падала вниз с испуганным вскриком.

Впрочем, упасть ей не дали. У огромного (ну, чисто медведь!) хозяина мельницы оказался очень мягкий ход и потрясающая реакция. Лида зависла в воздухе, удерживаемая за запястье. А затем ее вернули на крыльцо.

Из-под заросших кустистых бровей и черных как смоль ресниц на Лиду безмятежно смотрела бездна черных агатовых провалов. Прямой нос. И борода! Заросшая, длинная.

У Мельника был огромный разворот плеч, мускулистые руки, длинные мощные ноги. Настоящий русский былинный богатырь.

Убедившись, что гостя стоит на своих ногах и больше не упадет, Мельник отступил в сторону и показал рукой на дом, молчаливо приглашая. И Лида приглашение приняла. В крови бурлил бешеный коктейль, замешанный на эмоциях, а девушка безбоязненно шагнула в темные сени.

В лицо качнулись связки трав, девушку окружил дурманный запах сена и зерна. А потом к ней кинулось что-то темное, с яркими зелеными глазами. Лида взвизгнула, шарахнулась назад и наткнулась на Мельника.

Тяжелая рука легла на ее плечо, скользнула к шее, и Лида потеряла сознание.

Очнулась она быстро. Под головой было что-то мягкое, на груди мурчала кошка. Серая

зеленоглазая красотка устроилась на груди Лиды, как на своей собственности. Чуть в стороне на низенькой лавке лежали все вещи участковой. Даже покрывало было свернуто! Сверху лежал планшет, и что-то подсказывало Лиде, что фотографию Мельника она там уже не найдет. Самого хозяина видно не было. Только на столе у окна лежали какие-то бумаги.

Отстранив с неохотой кошку и поднявшись с низкого топчана, Лида подошла к столу. Паспорт, права, документы на собственность. Какой предусмотрительный хозяин!

— Вам уже лучше? — хриплый бас заставил Лиду перепугано подпрыгнуть и круто повернуться.

— Да, спасибо. Извините, что так неожиданно свалилась.

— Тяжелые дни? — уточнил Мельник. В мужском голосе звучала холодная отстраненность.

— Можно сказать и так, — кивнула Лида, разглядывая Мельника.

Тот молчал, не проявляя к гостье никакого интереса. Потом взглянул на часы, и понимая, что вообще-то не мешало бы поспешить, участковая приступила к своим обязанностям.

Присела к столу, открыла документы, пролистала журнал и спросила:

— Михаил Андреевич, вы были женаты?

— Нет.

— У вас какие-то проблемы?

— Никаких.

— Значит, — Лида чуть иронично улыбнулась. — По вашим следам в наши Луки не явится толпа людей, потрясающая ружьями?

— Нет.

И ни удивления, ни возмущения: «неужели я произвожу такое впечатление?»

— Вы к нам до холодного времени?

— Нет.

— Мельница очень холодная. Даже если топить русскую печку, вы согреете кухню и одну комнату.

— Мне хватит.

«Молчаливый», — перестав задавать вопросы, Лида занялась журналами и документами. — «Не реагирует вообще ни на что. В моем лице даже досадную помеху не видит. Я для него самое натуральное пустое место! Что это за мужчина такой?»

На бюрократические процедуры ушло минут десять, не больше, и Лида поднялась с места, оставив на краю стола распечатку:

— Хорошо. Михаил Андреевич, вот здесь все телефоны, которые вам могут понадобиться в том или ином случае. Телефон секретариата и председателя сельского совета, нашего медицинского пункта, магазинов. Через магазины вы можете заказать продукты на дом. Они подвезут с базы все, что вам потребуется.

Молчание... Ноль реакции.

— Как вы видите, на странице есть и мой рабочий телефон. Если вам что-то понадобится, я к вашим услугам. А теперь, спасибо, что наконец-то были дома, и я смогла сделать свою работу. Я пойду.

Мельник кивнул и двинулся к дверям.

«Провожать? Какие широкие плечи. Какие насмешливые глаза. Издевается же! Смотрит на меня свысока, оглобля высоченная, и издевается! Ну, ничего, я еще завтра в гости приду.

Под покровом темноты какие-то твои тайны вскроются!»

Наклонившись и погладив дымчатую красавицу, вьющуюся у ног, Лида убрала в рюкзак заполненные журналы, вежливо попрощалась и вышла на улицу.

— Поспешите, — приглушенно посоветовали ей вслед из сеней. — Скоро пойдет дождь. Следом дверь мельницы тихо и плавно закрылась.

Лида хмыкнула, забросила рюкзак на спину и отправилась домой. Фигура Мельника по-прежнему была окутана непроницаемой пеленой тайны. Но теперь, когда стало понятно, что явление этого человека не несет с собой проблем селу, Лида немного успокоилась. Теперь необходимо было убедиться, что явление Мельника не связано с полуночниками.

Что касается самих представителей мира тайного... Нет. С ними пока вести профилактические беседы не стоило. Полуночники не видели в людях ничего хорошего, а значит, пока бессмысленно вести душещипательные разговоры. И лучше было бы действительно поторопиться домой. Мельник не ошибся, в воздухе пахло дождем...

...Лида все же немного опоздала. Ливень пролился на село, словно вода из дырявого котла. Забарабанил по стеклам и крышам, побежал ручьями по земле.

Заскочив домой, девушка встряхнула мокрой головой.

— Сес, к тебе гости! — зазвучал из комнаты голос брата.

Стягивая с плеч насквозь мокрую рубашку, Лида мимоходом заглянула в комнату и улыбнулась.

— Ром, привет.

— Добрый день, — покраснел парнишка до кончиков ушей, глядя на Лиду в обтягивающей мокрой майке.

— Дим, напой человека кофе. И на меня сделай, а я сейчас вернусь, только переоденусь.

Лида скрылась в своей комнате, Ромка вздохнул, нервно облизнувшись.

— Красивая она у тебя.

Димка, взглянув на него снисходительно, заметил:

— Любовь слепа. Сес ехидна и злюка. И совсем не женственная. И колючая! И даже стреляет лучше нашего отца!

— Стреляет?

— Ага, хобби у нее такое.

— Хобби? — ошеломленно повторил Ромка.

— Ну, да. Нормальные девушки что делают? Шьют, вышивают, на танцы ходят. А ее хлебом не корми, дай на стрельбище съездить, или на охоту, или вот в последнее время повадилась на рыбалку по утрам бегать.

— Безуспешно?

— В том то и дело, что нет. Как поймает, так хоть стой, хоть падай. Каждая рыбина впечатляет, а она за раз две-три приносит. Как сам водяной ее под руку толкает!

— А правда что она с пятью мужиками одной левой справится? — жадно спросил Ромка.

Димка мгновенно насторожился, в голове компьютерщика словно прозвучал тревожный колокольчик.

— Лидка то? — повторил Димка задумчиво. — Да как тебе сказать, если будут подходить по одному — перестреляет, да и вся недолга. Она револьвер в левой таскать привыкла...

Ромка кивнул, потом взглянул на часы, но ничего не сказал. В комнате появилась

улыбающаяся Лида. В платье.

Стук упавшей челюсти Димки слышен был, наверное, даже на улице... Косо на него взглянув, девушка плавно опустилась на диван, взглянула на опешившего Ромку.

— Итак, ты сегодня по делу, и это дело связано с Марьей Ивановной?

Парень молча кивнул. Глаза у него были огромные, зрачки расширенные, сейчас он был готов на все и вся.

— И о чем вы с ней договорились?

— Материал кой-какой подкупить придется, — хрипло пробормотал Ромка. — Плюс немного жердей я на работе подготовлю. И по вечерам буду делать.

— По вечерам? А домой? Не будешь слишком поздно возвращаться?

— Лидия Степановна, — взмолился парень. — Ну, я же не ребенок!

Участковая негромко засмеялась:

— Хорошо, хорошо. Я верю, что ты взрослый и умный, поэтому в дурную историю не попадешь.

— Лидия Степановна, есть кое-что еще.

— Еще?

— Мы вчера на дальнюю заимку ездили. Снова появились волчьи следы. И...

— И?

— Вместе с ними был еще один след. Я такого и не видел никогда. Лапа крупная, на волчью похожая, но все же не такая. Я ее зарисовал по памяти. Хотел срисовать прямо с земли, но след исчез. А Петр сказал, что ничего не видел. Я бы и говорить не стал, но... не понравился мне этот след, поэтому...

— Память у тебя хорошая, так что пойдет и по памяти, — кивнула Лида.

Ромка просиял и вытащил из нагрудного кармана листок. Участковой стоило большого труда остаться спокойной. На листе был отпечаток снежного зверя.

— Действительно, — пробормотала она. — Какой странный отпечаток. Ром, я лист этот себе оставлю. У меня знакомые есть в антибраконьерской службе. Там ребята по долгу службы знают всех наших зверей по отпечаткам лап. Я спрошу у них. А ты, мой друг, не распространяйся, пожалуйста, о том, что увидел. Да и вообще, если знакомые или незнакомые люди начнут задавать тебе слишком много вопросов, и интерес этих людей к задаваемой теме ты сам не сможешь быстро объяснить, свяжись со мной, пожалуйста.

Ромка, поняв, что это ненавязчивое указание на то, что он загостился, послушно поднялся с дивана.

— Хорошо, Лидия Степановна.

— Ты сейчас домой?

— Нет. Завтра выходной на заимке. Я ночую у Марьи Ивановны и поутру сразу же приступлю к работе.

— Ну, и хорошо. Ты без зонтика?

Парень, взглянув страдальчески за окно, кивнул.

Лида вздохнула и пошла на сделку с собственной же совестью:

— Тогда пойдем, я немного с тобой прогуляюсь.

Ромка кивнул и расплылся в счастливой улыбке. Пройтись по селу вместе с Лидией Степановной? О таком он не мог даже мечтать!

...Обратно Лида возвращалась в сгустившихся сумерках, уже и дождь прошел, и ветер успел подсушить лужи.

Каблуки туфелек стучали по асфальту, почти заглушая шаги позади. Этот некто полуночником не был, Лида, крутанувшись неожиданно на месте, успела заметить силуэт, юркнувший вбок. Не мог это быть и Ромка. Парня участковая оставила под присмотром Марь Ивановны.

За Лидой по пятам шел некто третий. И сейчас девушка мимолетно пожалела о том, что их дом находится на отшибе села.

Было страшновато. Участковая как-то не привыкла к тому, что ей грозит опасность, поэтому и не знала, как реагировать. Остановиться и подождать?

Развернуться и пойти в обратную сторону? А если там не один человек? Или если она ошиблась, и там все-таки полуночник?

И как назло никого рядом не было! Ни из живых, ни из мира полуночных.

Шаги за спиной приблизились. Кто-то перестал скрываться, и, осторожно оглянувшись, Лида в этом только убедилась. За ней шел мужчина.

Рассматривать его было некогда, испуганная девушка ускорила свои шаги, и за спиной, уже не скрываясь, бросились бежать.

Грохот выстрела грянул неожиданно. Ровно между Лидой и ее преследователем. Эхо раскатистого выстрела сигнальной ракетой еще не стихло, яркий цветок еще только распускался в небе, а от преследователя не осталось и следа.

Не было, кстати, и следа того, кто пришел Лиде на помощь.

Стоя под фонарем в своем платье, дрожащая девушка упрямо закусил губу и двинулась дальше к дому. Люди не боятся огня и громкого звука, поэтому придется звонить Саше. Он должен подсказать, что это могло бы быть и где это «что» искать.

Мало-помалу шаги Лиды замедлялись. Волновать брата девушка искренне не хотела. Поэтому надо было взять себя в руки, собраться с силами и не казаться перепуганной насмерть пичугой.

Подойдя к дому, девушка уже выглядела как обычно. А там ее ждало новое перехваченное письмо от отца и неожиданно весточка от важного для нее человека!

— Сколько будет расшифровываться? — поинтересовалась Лида, торопливо открывая почту на планшете.

— Если тот же самый ключ кодирования, то пара минут, а если в ключ внесены изменения, то опять всю ночь.

— Ладно, будем надеяться на первый вариант, — решила Лида, дрогнувшей рукой нажав на втором письме на «открыть».

«Привет, малышка.

Сегодня утром нам дали сутки на отдых. Последняя боевая операция прошла с разгромным провалом. Начальство считает, что мы, как боевое отделение, себя не оправдали. Распускать нас не будут, скорее всего, просто разбросают по другим отрядам, в качестве меры усиления и воспитания. А еще, прости, малышка, но, скорее всего, нам всем придется продлить контракты.

В этом случае нам, конечно, дадут пару недель на отпуск, но в части я застряну еще на два-три года. Малышка, пожалуйста, только не плачь, когда прочтешь это!

Если бы я мог, я бы уже уволился на гражданку и был дома. Но получается все так некрасиво и тяжело. Даже поговорить с тобой не получается. Только редкие электронные письма, и те раз в месяц, когда у нас появляется связь.

Знаешь, малышка, я так много хотел бы тебе рассказать, спросить. Обнять тебя,

наконец! Но у меня нет возможности. Армия отобрала у меня тебя быстрее, чем я осознал, что ты для меня важнее, чем кто-либо еще. Знаешь, малышка, я, наверное, дурак. И может, мои надежды себя не оправдают. Но я еще верю. Я еще хочу надеяться, что меня до сих пор ждешь.

Видишь, эта армия сделала меня сентиментальным чудачком.

Малышка...

Если нам дадут отпуск, я приеду к тебе. И тогда все, все изменится!

Навечно твой...»

Лида, закрыв письмо, посмотрела на планшет с непониманием в глазах. Ее молодой человек сошел с ума? Или, что вернее, опять напярк кого-то из салаг писать любовное письмо. Вот дурак!

— Лида, — Димка повернулся на стуле, протянул сестре распечатанный лист бумаги. — Ключ не изменился. Держи.

Письмо начиналось неожиданно, со слов:

«Мелкая, и в кого ты такая удачливая и умная? Мало того, что перехватила письмо, тебе не предназначенное, так еще и брата использовала, чтобы его прочитать. Просмотрел я. Просмотрел. Надо было твоим воспитанием пристальнее заниматься.

Лидок, ты должна быть очень осторожна. Снежного зверя из деревни отозвали, но он по-прежнему где-то неподалеку. А ты, кто знает, кому и почему мешаешься. Будь осторожна. Не ходи по вечерам одна.

Если будешь задерживаться на работе, бери машину. Или пусть тебя встречает Дима.

Я попробую связаться со старым другом. Он... Торговец. Торгует весьма специфическим оружием. Оно тебе поможет, если что-то пойдет не так.

Если про меня кто-то будет спрашивать, я в командировке. Где именно, ты не знаешь. Почему взял с собой коня, потому что хочу его хорошему ветеринару показать. Говори, что хочешь. Но никому не говори о том, что я недалеко от дома.

Дальше, я бы сказал, чтобы ты держалась подальше от полуночников, но уже поздно. Матушку они боготворят. И надеюсь, не дадут тебя в обиду. Я вернусь сразу же после того, как найду необходимую информацию.

Берегите с Димкой друг друга. Ваш папа».

— Он как всегда, в своем репертуаре, — вздохнула Лида устало. — Ладно. Дим.

— Да? — парнишка пробежал глазами еще раз текст на экране. — Лид, кто такие полуночники? И тебе действительно грозит опасность?

— На второй вопрос, боюсь, что да. На первый... Это долгий разговор. И нет, я расскажу. Просто, пошли на кухню. Я еще перекусить хочу, а потом надо будет позвонить Саше.

— Что-то случилось? — испугался Димка.

Лида чуть заметно улыбнулась.

— Отчасти, — сказала она негромко. — Пока только отчасти.

...Весь вечер Лида потратила на то, чтобы ввести брата в курс дела. Естественно, во многое он, практик-математик не поверил. Лида не настаивала. Ей было достаточно того, что брат пообещал вести себя осторожно и в подозрительных обстоятельствах учитывать возможность существования нелюдей.

Следующий день участковая потратила на домашнюю текучку. Стирка, уборка, готовка, отчеты и бумаги. Дозвониться до Саши у Лиды не получилось. Оставленное на почте во

входящих письмо девушки с вопросом папе, ответа не нашло.

Все необходимое для ночного бдения уже было приготовлено. Рюкзак с теплыми вещами, плащ-палатка, спальник. Небольшой перекус и подношения для водяного и лешего. Лида неукоснительно соблюдала правила жизни с полуночниками.

Ночь ей предстояло провести в лесу.

Отчасти Лида боялась. Воспоминание о шагах за спиной и бросившегося в сторону от огня человека засели в голове и покидать ее не спешили.

Участковая понимала, что преследовал ее нелюдь. А того, кто пришел ей на помощь, в этот раз может не оказаться рядом.

Лида была трезвомыслящим человеком, поэтому предпочла бы остаться дома, но не было возможности. Участковую ждала запруда с ее тайнами.

Наверное, кому-то это показалось бы романтичным и очень-очень интересным приключением. Но Лиде хотелось остаться дома, никуда не выходить и заняться вопросами собственной безопасности. Например, посмотреть, что с двигателем нивы, которая стала немного «рыскать» на дороге. Или хотя бы смазать и перебрать охотничье ружье.

Но раз уж назвался груздем, полезай в кузов...

Из дома девушка вышла без чего-то одиннадцать. Димка еще не спал, и закрыл за сестрой дверь. Зная, что это невозможно, Лида даже не стала просить его не засиживаться за компьютером на всю ночь.

До реки ехать предстояло на велосипеде. На руле был закреплен хороший мощный фонарь. Лида успела запастись ракетницей и даже жидким запасом бесстрашия. Нет, не алкоголем, всего лишь кофе с черным шоколадом. Это сочетание всегда благоприятно на нее действовало. Только часто позволить себе его было нельзя... Не хватало времени, чтобы сварить кофе, растворимый Лида не любила. Да и марки ее любимого шоколада в магазины Малых Лук не завозили. Чтобы 72 % горькости... Да кому он такой нужен? Вот и получалось, что выбираясь в город раз-два в месяц, Лида покупала около десяти плиток, а потом их экономила, растягивая удовольствие. Покупать по шоколадке на день она не могла, зарплата не позволяла.

Вот и сегодня, до конца месяца и поездки в город было еще недели полторы, точно, а она уже забрала с собой последнюю плитку. И делиться ею ни с кем не собиралась!

Дорога до реки была хорошая, не асфальтированная, но укатанная. Фонарь освещал путь, и все было совершенно спокойно. Особенно если учесть, что девушка поехала не напрямик, а окольным путем. Пусть и подольше, но зато не через кладбище, которое после нападения там Лиду безотчетно пугало.

Пару раз велосипед подпрыгнул на кочках, один раз девушка чуть не переехала лягушку, но на этом все проблемы и «страшности» были исчерпаны.

Берег реки встретил Лиду пустотой и завораживающей тишиной. Ветер разогнал остатки туч, и теперь полная луна, лучше всякого фонаря, освещала все вокруг.

Выключив свой источник света, Лида сняла с багажника рюкзак, привычно смотала карабины и вытащила подношение для водяного и лешего. Эти двое оказались, как и в сказках, хорошими друзьями. Это раньше, когда сил было много, а дел еще больше, они пересекались редко. А теперь, как старички на пенсии, сцепятся языками и чешут ими без остановки.

Расстелив на земле плащ и бросив на него спальник, Лида сбросила кроссовки с усталых ног и занялась разбором рюкзака. Полуночников она не видела, но ощущала. Это

появилось тоже сравнительно недавно. Как в любимых Димкиных играх было бы сказано, что Лида прокачала скилл, а теперь наслаждается не только увеличением мощности, но и открытым дополнительным бонусом.

Водяной и Леший, сидящие рядом на пригорке, появились спустя полторы минуты.

— Доброй ночи, хозяин речной, хозяин лесной, — улыбнулась Лида.

— Доброй ночи, матушка.

— Как ваши дела? Все ли успеваете, за всем следите?

— Все, матушка, как положено делаем.

— А я вам принесла, — Лида вытащила из рюкзака два рушника, — хлеб домашний, молоко и варенье. Разделите со мной, не побрезгуете?

— Матушка!

Водяной и Леший разделив пополам подношение, устроились рядом с Лидой.

— Матушка, — речной хозяин тронул участковую за руку. — Я с тобой не поплыву. Мне в полночь надо тоже под луной быть, а на запруде лучше не показываться.

— Значит, одна сплаваю, на твоей территории мне бояться нечего же.

— Конечно, нечего, матушка! — вспыхнул водяной. — Но я вас одну не пущу. Ко мне внук приплыл утром. Вот его я с вами и отправлю. Он пока спать прилег, но к полуночи появится.

— Внук — юный водяной?

— Русал он, матушка. Скоро приплывет, сами все увидите.

Лида кивнула, потом занялась подготовкой места для костра. После возвращения с запруды, как она справедливо полагала, можно и замерзнуть. И чтобы согреться, костер лишним не будет.

Разводить его заранее смысла не было. Что леший, что водяной открытого огня боялись, поэтому сделали бы все, чтобы его затушить.

— Матушка.

В голосе водяного прозвучало что-то сродни неуверенности. Лида, завязывая на щиколотках и запястьях шерстяные нити от судорог, повернулась к нему.

Водяной мялся, словно забыл сказать то, что хотел или передумал.

В воде у берега луна проложила узор из бликов, на поверхности мелькнул край чешуйчатого хвоста и широкий плавник.

— Внук приплыл.

— И времени в обрез. До запруды доплыть еле хватит. Не серчай, хозяин речной, но скажи мне, внук твой, как русал меня не утопит?

— Нет, матушка, — испугался водяной. — Такую красоту грех губить.

— Красоту?

— Мы на мир глазами не человеческими смотрим, матушка, вот и видим то, чего люди не замечают. Сердце большое, душу прекрасную, веру в нас, желание помочь. Вас, матушка, ни один разумный полуночник не обидит. Потому что таких как вы мало осталось! А нам без вас не прожить долго. Те времена, когда полуночные народцы с человеком мирно жили, прошли давно. Человек в нас не верит, а у нас и сил нет ни на что. Вот свой век доживаем, коротаем, ни во что не веря, ни на что не надеясь. А вы в этом круге отчаяния как дивный путеводный свет, матушка.

Лида, немного порозовев от искренней похвалы, даже со словами не нашлась.

— Спасибо, хозяйюшко, — смущенно пробормотала она, наконец. — Постараюсь хоть

немного вам жизнь облегчить. Может, что и наладится. А пока я на запруде буду, присмотрите за вещами моими. Никого чужого рядом с ними не появится?

— Конкретного кого, матушка, подозреваете? — леший поднес ко рту два пальца и залиvisto свистнул. Где-то далеко на свист отозвался волчий вой.

— Не знаю, — качнула головой Лида. — Пока не знаю. Если живой, не трогайте, а если кто-то из вашего полуночного мира, к моим вещам не подпускайте. А когда обратно пойдет, глаз с него не спускайте, потом скажете, куда пошел и что делал.

— Все выполним, матушка, не изволь беспокоиться.

Не беспокоиться у Лиды не очень получалось. Натура такая была.

Но времени больше не осталось, и участковая шагнула к воде.

Вокруг щиколоток взвихрилась теплая вода, как парное молоко. Мир на мгновение дрогнул и снова устоялся.

Привыкать к воде было не надо, поэтому Лида сразу окунулась и поплыла в сторону запруды, немного удивившись тому, что ничего не слышно. Ни плеска, ни волн. Словно она не плыла, а летела.

В темной воде видно ничего не было. Поэтому где внук водяного Лида не видела, хотя и ощущала, что он где-то рядом. Темная громада мелькнула в воде под Лидой, по бедру мазнул чужой чешуйчатый хвост. И прямо в голове девушки зазвучало:

— Пожалуйста, только не бойся, я не причиню тебе вреда.

Лида застыла. Еще мгновение назад податливая вода стала киселем, в котором она и завязла. Не было сил сделать резкий рывок и выбраться из этой ловушки. Впрочем, страшно не было. Даже когда на плечах Лиды сжались чужие ладони, а темная вода сомкнулась у нее над головой.

Все произошло хоть и неотвратно, но плавно-плавно. И Лида успела и набрать в грудь воздуха, и закрыть глаза. От этого ощущалось все очень остро. И чешуйчатый хвост, который тесно прижимался к ее ногам. И холодное тело так близко, что впору задуматься над тем, а что именно с ней хотят сделать.

И чужие ладони на предплечьях, придерживающие бережно и осторожно.

И губы на губах, забирающие дыхание, чтобы спустя мгновение вернуть его обратно!

Лида распахнула глаза в тот самый миг, когда вода перестала ее сковывать. До поверхности девушка поднялась за два мощных гребка. Вынырнула, не понимая толком, от чего ее так сильно трясет: от испуга или злости.

Бранные слова остались только в мыслях. Из воды показался внук водяного, и все гневные эмоции смыло взглядом русала.

Бескрайнее море, на котором Лида никогда не была, бушевало в его зрачках.

— Прости, — голос внука водяного прошелся по нервам ударом молнии. Он был не человеческий, однозначно. Бархатный, манящий, казалось, что он впитал в себя всю суть моря: шелест пенного прибоя, зов волн...

— Это была необходимость, — продолжил тем временем смущенный русал. — Если бы я не разделил с тобой дыхание, я не смог бы выплыть из воды или говорить с тобой.

— Ты не похож на местных русалочек, — заметила Лида, зябко поежившись. Потом, поняв, что некоторое время дальше они не поплывут, перевернулась на спину, так было легче оставаться на одном месте.

— Они речные, а я морской.

— А здесь что ты делаешь?

— К деду на каникулы приплыл.

— На каникулы? — растерялась девушка.

— Да, — активно закивал русал. — Я учусь в подводной академии на морского лекаря.

Еще четыре года учиться осталось. А на каникулы, чтобы я на русалочек не отвлекался, меня отправили к деду. Ну и заодно, чтобы я хорошо подумал, какую буду выбирать дополнительную узкую специализацию.

— Все почти как у людей, — пробормотала Лида.

Русал рассмеялся.

— Схожа обертка, но не суть. Скажи, мы плывем к запруде?

— Да, безусловно, — кивнула Лида, повернувшись. — Мы туда плывем.

От помощи она отказалась. Времени хоть и оставалось впритык, но все же было достаточно.

Вода перестала казаться волшебной. Обычная река только ночью. И Лида равномерно рассекая водную гладь, перестала задаваться вопросами. Осталась только вода, чудесная, в которой она как никогда ощущала себя свободной.

Это касалось и самой девушки, и Димки — обоим невозможно было вытащить из воды, если они в нее попадали. Самым интересным было то, что до синих губ и гусиной кожи дело никогда не доходило. Даже когда остальные могли проплыть в воде от силы пару метров, младшие представители Скворцовых могли барахтаться в воде от рассвета и до заката.

Вот и сейчас. Вода была прохладной, и встревоженный русал плыл рядом, готовый в любой момент оказать всю необходимую помощь. А Лида просто плыла, наслаждаясь каждым движением.

До запруды они доплыли не просто вовремя. Осталось даже время до полуночи. В саму запруду русал всплыть не смог, что-то сильное его не пустило. А вот Лида невидимую границу пересекла легко в обоих направлениях.

— Спрячемся вон там, — русал показал на старую развесистую иву, своими ветвями опускающуюся до воды. — Там глубокий омут. А ветви отбрасывают тень. Нас никто не увидит.

Лида, оценив взглядом само дерево, согласилась с предложением русала:

— Можно сделать и так. Я заберусь на дерево. С него видимость гораздо лучше.

— Но это опасно!

— Опасно людям находится рядом с омутом, — наставительно заметила Лида. — А вот дерево для меня подходящее место.

— Ты же босиком. И в одном купальнике!

— Это же не кактус, чтобы я боялась иголок. И не сосна с елкой, чтобы мне могла помешать хвоя и смола. К тому же в детстве на эту иву я частенько забиралась. Летом, когда она была вот так, окутана зеленым покровом.

— Хорошо...

И хоть русалу идея явно не нравилась, протестовать он не осмелился.

До ивы они доплыли вместе, и Лида, вместо того, чтобы выходить на берег, выбрала себе ветку потолще и подтянулась. Русал, что-то щелкая возмущенно себе под нос, Лиду посадил. Задрал голову, чтобы высказать ненормальной «матушке» все, что думает о таком поведении, да так и застыл.

Лиды на дереве не было. Она исчезла вообще, даже тонкий запах человека растворился.

— Матушка? — в голосе русала зазвучала самая настоящая паника. Он перед дедом

отвечал за нее, и если не уберег, что скажет?!

— Я почти наверху, — донес шепот ветвей ответ участковой. — Время, смотри в оба.

Русал, помянув про себя морских чертей, которым явно эта девушка приходилась родственницей, повернулся к запруде. И ни-че-го не увидел.

Вообще. Даже когда миновала полночь, даже когда сверху донесся изумленный присвист. Чтобы на запруде не происходило, глазам полуночника оно было не доступно.

А вот Лида в своем перечне вопросов поставила несколько галочек. Возможно, будь она в воде, от ее взгляда тоже бы все скрылось. Но Лида находилась на толстой ветке и хорошо видела.

И странную карету, которая походила на те, что девушка видела в исторических фильмах, и одновременно от них отличалась. Наверное, тем, что вместо колес у кареты были полозья. И как она вообще куда-то может поехать? — озадачилась вопросом Лида, продолжая осматриваться.

Следом в поле ее зрения попали несколько огромных ящиков, которые Мельник словно спичечные корбочки забрасывал в карету.

Затем круги на воде, и огромные водовороты, из которых показались два огромнейших коня... у которых вместо задних копыт были огромные хвосты.

Зверюги били передними копытами по воде, разбрызгивая в разные стороны лунную дорожку.

Мельник, взглянув на часы, закрыл заднюю дверь кареты, зашел в воду почти по колено и набросил на первого коня узду. А потом, не прикладывая усилий, вывел коня на берег. И вот тут Лида удивилась невероятно. Оказавшись на земле, конь щеголял четырьмя ногами. От чешуйчатого хвоста не осталось вообще ничего.

Та же картина повторилась со вторым конем.

Мельник впряг своих зверюг в странную карету, сел на козлы. В воздухе мелькнул кнут, раздался сухой щелчок, и кони сорвались с места. Карета парила в воздухе!!!

За несколько минут, зверюги разогнались по кругу около мельницы, одновременно ударили копытами, и со скоростью ветра помчались... по воде. Пронеслись мимо ивы, которая приютила двух шпионов, и скрылись за излучиной реки.

— И такое тоже бывает? — пробормотала растерянно Лида, пытаясь разжать пальцы.

— Матушка, — донеслось снизу. — Ты понемногу слезай, ладно?

— Я нырну, — отмахнулась она, встав ногами на ветку ниже, и подходя к ее краю.

Короткий полет, по спине стегнуло тонкими ветвями, и над головой сомкнулась вода. Лида даже не сразу вынырнула, расслабившись, немного опустилась ко дну, и поднялась к поверхности.

Русал нарезал около запруды широкие круги. На его руках, плечах, груди блестели потеки чего-то серебристого.

— Ты не ранен? — испугалась Лида.

— Нет, это лунное серебро, то, что дает нам силу, — пояснил русал негромко. — Матушка, зачем вы так сильно рискуете? Вы же могли спуститься! Обязательно прыгать надо было?

— Нет, да, не знаю, — пробормотала Лида. — В любом случае, поплыли к твоему деду. Я знаю, кто живет в запруде. Но теперь я понятия не имею, кто же такой этот Мельник.

...- Перевозчик, — сообщил Водяной, выслушав Лиду. — Он у нас такой единственный, матушка. А кони, которых вы видели — это келпи. Вот уж не думал, что такой человек здесь

поселится.

— Кто он?

— Он не опасен, — отмахнулся водяной, виртуозно уйдя от ответа. — Заграда нужна, чтобы келпи на свободу не вырвались. Был бы я посильнее, сам бы все увидел и узнал.

Своей обиды, что от нее снова утаивают информацию, Лида не показала, просто пожала плечами и занялась костром. Собиралась сначала дожждаться, пока полуночники уйдут, но детская иррациональная обида была слишком сильна. Установив колышки, чтобы затем вскипятить воды для чая, Лида негромко произнесла:

— У меня есть план. Не скажу, что он замечательный, изумительный и подействует так, как я планирую, но после него, у тебя, речной хозяин, появятся еще три-четыре верующих. Может, особой пользы они и не принесут, самые верующие дети, но школа еще пока не началась, а удачный шанс упускать не хочется.

Водяной, уже торопливо от костра уползший в воду, высунулся на воздух.

— Ты о чем говоришь, матушка?

— Об удачном случае, но сначала мне потребуется твое, хозяин, согласие подыграть.

— Подыграть?

— Да. Ты же хозяин речной. Ты же все умеешь, все в реке тебе подчиняется. Хозяин лесной может на своей территории плохого человека закружить. Хорошего — вывести или дорожку до богатого места указать. Ты же чаще с рыбаками имел дело, вот и скажи мне. Есть ли какой наговор, обращающийся к речному хозяину, который клев увеличивает?

— Есть, конечно! Только это тебе, матушка, зачем? Ты и без шепотков на зависть рыбку то ловишь!

— Да не мне он нужен! Тут в другом дело. У нас два села рядом расположены. Большие Луки и Малые Луки. Заложены они были двумя родными братьями. Еще в веке барства да крепостничества не поделили они что-то, вот село на село и чинили разборки. Стенка на стенку сойдутся кулаками помахать и давай выяснять кто сильнее. Говорят, сами братья не брезговали в такой заварушке поучаствовать. Век крепостничества прошел, дух соперничества остался. Во времена колхозов легко было разобраться. Кто больше урожай соберет, кто раньше план пятилетки выполнит. А вот Россия с демократией когда пришла, проблема возникла серьезная. Как решать, не бить же морды друг другу по-кабацки. Подумали-подумали наши старосты и придумали соревнования. Зимой народ в ледяных баталиях друг друга мутузит, осенью по грибы, по ягоды, а вот летом — рыбачат. Кто больше рыбы наловил, тот свой вклад в общее дело внес. Смекаешь речной хозяйюшко? Турнир без малого три дня проходит. Под это дело со всей области к нам рыбаки приезжают, а друзья к некоторым так и из других. Так вот, ты мне в первый день подыграй. Я пару раз удочку даже без наживки закину, а ты мне — рыбу, да повнушительнее.

— Матушка...

Водяной открывал и закрывал рот, не находя слов. Лида плутовски улыбалась.

— Я кому надо словечко шепну, мне привлечь внимание помогут. А ты со стороны Хмарного озера не подведи. Договорились, хозяйюшко?

Вместо ответа водяной низко поклонился и ушел под воду.

— Организовывать помчался, старый плут, — вздохнул леший.

— И ты не вздыхай, лесной хозяин. Тебе до осени фора есть. Там два лагеря будут — мужики в основном по грибы, а бабы с детьми по клюкву да бруснику. Надо будет присмотреть, чтоб змей не было, да чтобы блудили только указанные группы.

— Блудили? Не понимаю, матушка.

— Крутить и ворожить группу нужно будет ту, в которой будут люди, заветные слова знающие. Понял меня, хозяйюшко?

На этот раз дара речи лишился леший.

Лида рассмеялась и занялась своим чаем, оставив лесного хозяина думы думать.

И уйдя в свои мысли, перепугано вздрогнула, когда он вдруг заговорил:

— Прости, матушка, дураков старых. Ты же на нас обиделась, что мы про перевозчика рассказывать не стали. Так я тебе сейчас все расскажу!

Лида подняла голову, глядя на лешего с долей неверия.

— Перевозчик живет на два мира, бродит где-то посреди между ними. Ни реальному не принадлежит по сути, ни полуночному. Дела ему приписывают недобрые. А чем он в действительности занимается, никто не знает. Нас вот с водяным он из беды вытащил. Сюда перенес. Не по своей воле, правда. Ему кто-то заказал наш перевоз. Собственно, в его работу это как раз и входит. Доставка товаров и их продажа.

— Продажа?

— Свои товары он продает лишь с полуночи до рассвета. Вещи это не простые, а все до одной заговоренные. Купишь у него что-то, глядь, а при свете дня этот предмет другим прикидывается. Купишь нож древний, окружающие гребень видят. Купишь скатерть-самобранку, она при чужих салфеткой или полотенцем притворяется. Свои свойства вещи эти по-разному проявляют. Когда после того, как время пройдет, когда хозяин один дома, а когда рядом враг появится. Мы, матушка, про него чего говорить не стали — подумали честная ты до болезненности. А он хоть и не злой, но живет не совсем по человеческим законам. А ты хоть чистая и искренняя, а все ж немножко плутовка. Ты поймешь, что Перевозчик делает, и мешать ему не станешь.

Лида кивнула, взглянула на диск луны. Краем глаза зацепила темный силуэт на границе освещенного от костра круга. Но когда девушка резко навела туда фонарь, лишь покачивались ветви кустарников, ни живых, ни мертвых видно не было.

— Не нравится мне это, матушка. Я с вами до утра волков оставлю. А наутро сам приду, провожу вас.

Лида кивнула и раздвинула в улыбке непослушные губы. Страшно было! Страшно было до безумия, а до утра оставались еще долгие-долгие часы.

Леший, взглянув на девушку, неожиданно качнул головой, встопорщились веточки у него на макушке, и он шепнул:

— Ребенок все же.

Лида не заметила, откуда полуночник достал травки, что полетели в костер. Но глаза само собой закрылись, и, падая в объятия нежной травы, девушка даже не осознала причины напавшей сонливости.

Над головой ухнула сова, устроили переключку ночные птицы, и запел соловей.

Эхом им вторил волчий вой, и под эту дикую, но прекрасную мелодию Лида заснула.

И приснился ей тот же сон. Знакомый лабиринт серых коробок. Зловонное дыхание за спиной. Боль в легких и саднящие сбитые колени. Сорванное горло от бесплотных попыток найти помощь. Ощущение загнанности и безумное отчаяние: «не спасись».

Под ногами, а Лида бежала изо всех сил, снова стали попадаться крупные бульжники, и впереди был перекресток, на котором сон закончился в прошлый раз.

В этот раз такой удаче Лиде не выпало.

Она снова упала и снова на ее плечах сомкнулись костяные руки. Только в этот раз проснуться Лида не могла.

Резкая обжигающая боль в плече, там, где у девушки были несколько непонятных шрамов, была чудовищной. Из глаз брызнули слезы, а над макушкой грохнул выстрел...

Лида распахнула глаза, хватая ртом воздух. Рядом больше никого не было. Ни хозяев леса и реки, ни волков. Хотя судя по серым шерстинкам на спальнике, ночью Лиду волки не просто охраняли. Он спали вместе с ней!

Чудовищно, но уже не так пугающе, как это было раньше при слове «волки».

У воды плеснула рыба.

Сев на спальнике, девушка потерла мокрое от пота лицо. Надо было умыться, привести себя в порядок, да ехать домой. Надо было собраться с мыслями и попробовать еще раз позвонить Саше. Должна же Лида, наконец, узнать, мог ли тот странный тип, испугавшийся ракетницы, быть одним из полуночников.

Встав с земли, хотя для этого пришлось ногам практически приказывать двигаться, Лида, механически передвигая ногами, двинулась к роднику, чтобы набрать воды или умыться, и не дошла. Сплошные разочарования и обломы, одним словом!

Впрочем, на этот раз причина была более чем уважительная. На влажной земле были видны отпечатки схожих лап. Волки сцепились с кем-то очень крупным, не пуская его на поляну.

И не надо было быть гением дедукции, чтобы сделать правильные выводы.

Во-первых, откуда взялась у стоянки среди ночи вода? Если бы прошел водяной, вода бы уже высохла. Если бы был дождь, вода была бы везде. Да и сама Лида проснулась бы от такого будильника. Оставался снег. Снежный налет на земле, который, растаяв, напитал землю водой.

Во-вторых, чуть в сторонке, был огромный след Лидой уже виденный. Его по памяти рисовал Ромка. А тут и рисовать не надо было, след никуда пропадать не собирался.

Наконец, в стороне, там, где были обломаны ветви, были несколько шерстинок, покрытые льдом.

Вывод был очевиден — рядом был снежный зверь. И если бы не волки, Лида могла бы и не проснуться. Хотя лучше бы она вообще не ложилась спать! Потому что такой ужасный сон даже после пробуждения заставлял Лиду дрожать от озноба.

Позвав водяного или лешего, участковая ответа не дождалась. То ли заняты были, то ли спали. И собрав свои вещи, Лида отправилась домой.

Дома было пусто. Время было еще раннее, и Димка не вернулся от друга. Причем, зная брата, Лида могла закономерно предположить, что появится он ближе к вечеру, с красными глазами, как у кролика, подергивающими пальцами и бесконечным фонтаном радостных эмоций, начинающихся со слов:

— Это было так классно, — и продолжающихся до упора — засыпания носом на столе.

Димка геймером не был. На пару с лучшим другом они учились, по вечерам гоняли мяч на школьном стадионе. Но раз-два в месяц, в момент выхода потенциального игрового бестселлера мальчишкам сносило крышу.

Почта Лиды была пуста. Робот-следок не обнаружил никаких попыток входа, кроме как с домашнего ай-пи адреса. Тупик.

На письмо Лиды папа не ответил. Не ответил на электронное письмо Саня. А мобильный опера стабильно находился вне зоны действия сети.

Больше Лиде обратиться было не к кому. Не идти же ей было к Мельнику с этим вопросом? Девушка не знала, на какой стороне этот самый новый деревенский житель. Тем более что нужно было учитывать, что свежие следы снежного зверя, да и вообще полуночная катавасия закрутилась только с его появления.

Единственное, что оставалось Лиде — это попробовать разобраться во всем самостоятельно. Что еще она могла?

И для начала...

Девушка скептически воззрилась на себя в зеркало, следовало переодеться!

Иначе если она в таком виде придет на работу, службу особого отдела вызовут для нее, приняв за утопленницу!

Когда рубашка упала на стул, Лида замерла. Переступая осторожно босыми ногами, подошла к зеркалу, разглядывая плечо. Рваные шрамы и узловатые шрамики на коже были причиной, по которой она постоянно носила или рубашки, или платья с закрытыми воротами и длинными рукавами.

Причина возникновения этого «восхитительного» украшения лежала в тех годах, о которых Лида ничего не помнила.

Повторяющийся сон, навязчивое ощущение того, что это все знакомо... Лида не хотела в это верить, но вполне возможно, что сон был не простым кошмаром, а имел под собой реальную основу из детства. Вполне возможно, что очень давно, в то время как она сама была подростком, на нее действительно напал кто-то костяной и зубастый.

— Самой-то не смешно? — поинтересовалась с улыбкой девушка у собственного отражения. — Мне вот смешно, ведь так до чего угодно додуматься можно.

Действительно, можно было додуматься до многого. И пока участковая одевалась, мысленно она была уже вся в работе. Профилактическая работа, отчеты, вызовы, организация безопасности на грядущем мероприятии. Надо было выбрать несколько добровольцев для народной дружины. Да и Геннадий Аксенович обещал выделить несколько человек в форме. И кстати, о народной дружине!

По губам Лиды пробежала коварная усмешка. Мельник смотрелся бы в ее рядах очень представительно. А подобное мероприятие позволило бы ему быстрее найти общий язык с деревенскими. Иногда самое короткое расстояние между двумя точками — это прямая. И если Мельник в очередной раз сбежит от участковой Малых Лук, то Лида знала человека, который сможет быстро до него добраться! Ну и что, что злоупотребление служебным положением? Он столько нервов Лиде потрепал, что она ощущала себя обязанной возместить этот «должок»!

Засмеявшись, девушка поправила китель и отправилась на кухню — пить кофе. Выспаться в особо оригинальных условиях не получилось.

А еще, посмотрев на себя перед выходом, Лида схватилась за косметику. Одежда, умывание и кофе положение не спасли. В зеркале по-прежнему отображалась утопленница...

...Марь Иванна поджидала соседку-участковую на лавочке у крыльца. В руках у бойкой старушки была плетеная корзинка. А ее дом был окружен новым ровненьким забором.

— Лидия свет Степановна!

— Марь Иванна, — испугалась Лида, торопливо подходя к скамейке, — случилось что-то?

— Нет, я тебе пирожков напекла, с малиной, как ты и любишь.

— Марь Иванна!

— И не говори мне, что ты тогда пошутила. Знаю я тебя, шутницу. Ты мои пирожки с детства любишь, еще когда пацанкой востроглазой была.

Лида засмеялась, села рядом с соседкой на скамью.

— Марья Ивановна, ну совсем не нужно было утруждаться! Я могла бы и сама сделать.

— Сделать, когда тебе! Ты, Лидочка, на работе уже живешь! Не пора ли тебе немного для себя пожить? Замуж выйти, ребеночка родить.

— Так Лешка сидит же в своей части, как сыч, и не возвращается. Написал тут на днях, что им скорее всего контракт продлят. Так что...

— Лидочка, да чем плохи наши местные мальчишки? Чем мой внук-оболтус тебя так покори́л?

— Кто его знает, Марь Иванна, а я его до сих пор люблю. Вот и не вижу вокруг никого другого.

— А... — старушка кивнула и замолчала.

Лида покосилась на забор, куда Марь Иванна уже несколько раз бросала быстрые взгляды, и улыбнулась.

— И хотя наши местные мальчишки хорошие, — взять хотя бы Романа, что вам забор делал, но сердцу же не прикажешь! А наши мальчишки себе более подходящих подруг найдут, чем древняя рассыпающаяся на глазах участковая!

Наклонившись к старушке, Лида доверительно шепнула:

— Так пойдет?

И не дожидаясь ответа от по-девичьи захихикавшей старушки, громко сказала:

— Пойдемте, Марь Иванна, чай пить!

Лавочка опустела. В распахнутое окно кабинета было хорошо видно, как суетится участковая с чайником.

За забором соседки, прислонившись головой к забору, сидел Ромка. И на глазах парнишки были горькие непролитые слезы разочарования и обиды.

Она все поняла, не врала, любила другого. Но почему же так больно-то?!

И полетели дни. Листочки с календаря падали с пометками в ящик стола, приклеивались к делам и папкам. Лида встречалась с друзьями, знакомыми и незнакомыми, готовя большую мистификацию имени водяного.

На страхи не оставалось времени. На кошмары — сил. Доходя до дома, она падала на кровать и засыпала без всяких сновидений. Трехдневный турнир неотвратимо приближался.

И, наконец, наступила пятница. С утра начали прибывать гости из окрестных городов, родственники деревенских. Представители российского автопрома соседствовали с мощными американцами, юркими японцами и элегантными европейцами. Простые удочки, чуть ли не самодельные у деревенских мальчишек, встречались так же часто, как и элитные рыболовные снасти. Открытие турнира было назначено на восемь часов. Первый день назывался днем глупых споров. Столик судий стоял на краю пирса. К нему подходил любой желающий и громко заявлял через рупор:

«А спорим, что!»

После этого могло следовать все, что угодно. В обиде никто не оставался. Обычно эти спорные выкрики использовались для концертной программы.

В прошлом, например, было такое.

Невысокий мужчина, пьяно пошатываясь, подошел к краю пирса и прокричал:

— А спорим, что я вытащу русалку?

И вытащил сетями красивую деревенскую пышногрудую девушку в соответствующем макияже и гриме. Доказывала она свою рыбью природу чудесным голосом.

В другой раз из воды вытащили «золотую рыбку», исполняющую желания. В этом году в качестве концертной программы планировали адаптацию Пушкина про Лукоморье. Читать басню собирался кот-ученый. Старый чудесный библиотекарь Котофей Тимофеевич.

— В некотором царстве, в некотором государстве, на берегу Хмарного озера в котором стынет темная вода, есть два села.

И покатило...

Лида, бегая по территории, никак не могла выбрать время и подойти к судьям. Уже желающие успели на спор таскать сапоги из воды, тину, яблоки, искать крючки в одежде подставного человека, ловить в озере пираний и акул, искать в нем русалку и так далее, и так далее.

— Все, — девушка убрала со лба влажные волосы, — у меня перекур.

Геннадий Аксенович, сидящий с удочкой на берегу, взглянул на остановившуюся рядом подчиненную с добродушной усмешкой:

— Передохни, Лидок, передохни.

— А вот и передохну!

Не снимая рабочего кителя, девушка двинулась к рупору:

— А спорим, — крикнула она, — что я за три минуты поймаю трех щук! Каждая будет не меньше весом, чем три килограмма. И наживку использовать я не буду, только стишок смешной прочитаю!

По берегам прокатилась волна хохота. Для Лиды Димка вынес стул, рыболовные снасти. Установив предмет мебели на пирсе поустойчивее, Лида забралась на него с ногами. Смущенная донельзя отступать она все же не собиралась, набрала в грудь воздуха и задорно прокричала:

— Хозяин речной, поиграй со мной,

На мои крючки рыбку подведи!

Как только слова отзвучали, Лида предъявила судьям пустой крючок и забросила удочку. Судья перевернул первые минутные песочные часы.

Песок не успел отсыпаться даже на середину, а девушка подсекла и вытащила из озера рыбу.

— Щука! — ахнул кто-то, а удочка полетела обратно. Вторую рыбину Лида подсекла еще быстрее. А вот третья ловиться не хотела.

Под конец, когда в третьих часах почти не осталось песка и заинтересовались даже те, кто решил, что номер постановочный, зрители начали вести обратный отсчет.

— Десять! Девять! Восемь! Семь! Шесть! Пять! Четыре! Три!

И на тройке все случилось, Лида вытащила из воды последнюю, третью щуку!

— Выполнено! — гулко крикнул судья, а потом тихо спросил. — И строго между нами, а что за слова вы такие произносили?

— Вы, — подначила Лида со смущенной улыбкой всех судий разом, — не поверите. Это

было в старой-старой книге, слова для заручения помощи у водяного. Главное только, что без подношения он больше чем три рыбки не пришлет. А вот если еще, — между пальцев Лиды мелькнула едва заметно монетка, — подношение какое сделать, то и улова можно хорошего добиться.

— С таким помощником у нас турнир полный неумеха выиграть может.

— Нет, вот это вы зря. Водяной просто косяк рыбы перегонит поближе к удочке. А наживка, присыпка для рыб, подсекание — все на совести рыбака.

— Но у тебя же крючок был пустой, — напомнили Лиде.

Девушка развела руками и охотно ответила:

— А вот это секрет фирмы!

До конца закрытия первого дня и открытия «ночной», к Лиде подошли несколько человек. Мялись, краснели, а потом все же спрашивали:

— Не подумай, меня это как раз не очень интересует, меня просто попросили уточнить, а что за странные слова ты говорила?

Лида их повторяла, добавляла, что без веры в водяного в этой присказке никуда, и отправлялась заниматься дальше своими делами.

Ссора, драка, участников которой развели силами дружины, мешающий засыпающей деревне один из приезжих, врубивший в машине мощнейшие басы. Все слилось в сплошную полосу действия, из которой Лида вынырнула только около полуночи под испуганным взглядом Димки.

Заметив, что сестра уже немного пришла в себя и не рвется на подвиги, он торопливо вручил ей кружку с горячим бульоном и ломоть хлеба с поджаренным мясом.

— Немедленно ешь! — велел он, — не то свалишься. И не ходи в ночное. Я у костров все равно сидеть буду, рыбные байки слушать. Прослежу, чтобы твое вовремя зазвучало. Поняла? Тебе вообще спать осталось часа три, ты же в рассветном соревновании участвуешь!

— Угу.

— Доедай, я пока найду кого-то, чтобы тебя проводили.

— Зачем это еще? Я что, не дойду спокойно до дома?

— Ты может, и дойдешь, а я за тебя бояться буду. Пойду, спрошу у дружинников, кто идет домой, чтобы по пути тебя проводили.

— Дима!

— И не спорь.

Надо было спорить до хрипоты, — с ужасом осознала Лида, когда из темноты вслед за братом, вынырнула огромная движущаяся гора. Мельник.

— Пойдемте, барышня, — велел он, подхватывая с земли Лидин рюкзак.

Димка, убедившись, что сестра послушно за ним пошла, помчался к огромному костру. На ночном рассказывались байки, когда несуществующие, когда реальные достижения рыбаков. И в одном кругу, почти соприкасаясь плечами, сидели сейчас не люди, разделенные социальным положением, а мужчины и женщины из братства рыбаков.

Лида, отчасти завидуя брату, двигалась по дорожке, стараясь не оглядываться. Спина девушки закаменела, отчасти даже ноги она передвигала как ходули. Вокруг было светло, двигались они по центральной улице, ярко освещенной, но Лиде все равно было очень неуютно и зябко. Мельник, несмотря на свои огромнейшие размеры, двигался почти неслышно. И ей то и дело хотелось обернуться, чтобы посмотреть, там ли он?

— Барышня, — тихий голос над ухом заставил Лиду схватиться за сердце. — Не меня ли

вы боитесь?

— Михаил Андреевич! Ну, кто же так подходит-то!

— Какие современные барышни пугливые.

— А вам есть с кем сравнивать? — усмехнулась Лида.

Мельник улыбнулся. И эта улыбка неожиданно его преобразила. Нет, он не стал писанным красавцем, как в сказке. Но вот ощущение плотного ужаса куда-то пропало.

— Как вам сказать, барышня, — и внезапно Михаил Андреевич проказливо добавил. — Вы не поверите.

Сердце в груди дало сбой. «Не поверю? Да я поверю сейчас даже в то, что земля квадратная», — хотелось сказать Лиде.

Оказывается, Мельник мог и вот так...

— Барышня, вы побледнели, — констатировал мужчина очевидный факт.

Лида его не слышала. Ее взгляд был устремлен в темноту, туда, где кто-то был. Еще неоформленный, только собирающийся из клочков тьмы, только приобретающий узнаваемые черты. Только...

Полуночник.

Она видела, как собираются, возникают из ничего человеческие черты.

Мельник, повернувшись, посмотрел туда, куда смотрела Лида.

— Там никого нет, — сказал он, взяв девушку за руку. — Лидия Степановна, посмотрите на меня.

Девушка как замороженная перевела взгляд на Мельника. Тот кивнул.

— Вот так. Там никого нет, Лидия Степановна. Там никого нет.

Спорить с добровольным провожатым девушка не стала. Не потому, что не хотела или не было сил, хотя с этим действительно были проблемы. Просто, вот в этом случае ей бы точно никто не поверил. Даже если учесть, что у Мельника в запруде два келпи живут, а он сам по воде на карете катается.

— Михаил Андреевич, я могу дойти до дома одна, — улыбнулась непослушными губами Лида. — Тут осталось пройти всего несколько шагов.

— Ваш дом на отшибе, милая барышня. А после того, как вы только что чего-то испугались, вы будете от каждого шороха вздрагивать, каждого куста бояться. Так что я доведу вас до дома, а там — как хотите. Хотя я рекомендовал бы вам выпить пустырника и лечь в кровать.

С губ Лиды сорвался смешок. Кажется, только что ее окольным путем назвали истеричной сумасшедшей.

— Барышня?

Еще один комок тьмы начал собираться прямо на дорожке перед идущими.

И Лида, проклиная сама себя, поняла, что ноги ее не держат. И еще подумав о том, что первый раз случайность, второй уже похож на закономерность, потеряла сознание.

В себя она пришла всего через несколько минут. Ей было тепло, и мир вокруг немного покачивался. Едва-едва, не как при шторме или качке. А как...

Глаза девушки распахнулись.

Мельник спокойно опустил голову:

— А, барышня, очнулись? Вот и хорошо. Полежите спокойно, ваш дом уже впереди виден. Будете дома, сейчас спать ляжете.

Не в силах смотреть на спокойное лицо мужчины, Лида закрыла глаза. Он нес ее на

руках! Слово она была маленьким ребенком или совершенно ничего не весила. Ее, высокую девушку, как ни в чем не бывало!

Мужчина, которого она так искренне боялась. Мельник, которого чуть не стала считать, самым распоследним гадом...

— Извините...

— Не извиняйтесь, барышня. Я понимаю, вы столько с этим турниром набегались. Устали. Взрослый мужик не все сдюжит из того, что вы уже успели сделать.

«Это он сейчас о чем говорит?» — держать голову гордо не получалось, и Лида сдавшись прислонилась щекой к плечу Мельника. — «О турнире? Или о полуночниках? И не поймешь же этого мужчину».

— Вы мне вот что скажите, Лидия Степановна. Давно вы так пугаетесь?

Сознание уплывало, и у девушки никак не получалось сосредоточиться на словах Мельника.

«Это он о чем?» — немного заторможено подумала она. — «О тенях? Комках тьма? А... тот, кто преследовал...»

— Почти неделю, — прошептала она. — Неделю назад за мной кто-то шел...

— Что было после этого, милая барышня?

— Кошмары, мне начали сниться кошмары.

«Зачем я это ему говорю? — вяло удивилась Лида. — Я даже папе никогда бы это не рассказала, а перед ним вдруг...»

— Барышня?

Сонное оцепенение исчезло, словно его никогда и не было.

— Поставьте меня на землю, — потребовала девушка, а потом все же смягчила свою грубость, — пожалуйста.

Мельник послушно выполнил сказанное.

По позвоночнику Лиды гулял холодный ветер. И из переплетения ветвей у дома на нее смотрели ярко-голубые глаза. Снежный зверь.

— Ну, здравствуй, — вздохнула девушка, — давно не виделись.

На этот раз Михаил Андреевич свое «барышня, там нет никого» говорить не стал. Зверь медленно вышел из кустов, со свалывшейся шкурой, с косою рваной раной на боку. Слово протирался где-то до этого сквозь военную колючку.

Зверь не нападал. Ярко-голубые глаза смотрели на Лиду, пожалуй, что и с мольбой. Но отреагировать девушка не успела. За спиной раздался щелчок затвора, и снежный зверь растаял в кустах.

Повернулась участковая быстрее, чем Мельник успел спрятать пистолет-ракетницу.

— Разрешение на ношения оружия есть? — индифферентно уточнила Лида.

— Есть.

— А на его применение?

— Тоже.

— А на содержание рядом с домом незарегистрированных существ?

— Ес... — Мельник замолчал, но было уже поздно.

Лида смотрела на него с улыбкой.

— Итак, Михаил Андреевич, а как же называется тот орган, что выдает лицензию на содержание полуночников около дома? Хотя не говорите, наверное, ОСПБ.

— Вы...

— Нет, я не все знаю. Но вот ваших келпи — видела.

— Когда?

— В полночь, — отозвалась девушка уклончиво.

— Вы понимаете, что они могли вас порвать? — Мельник словно раздался вширь и в высоту, шагнул к Лиде, хватая ее за плечи. — Барышня, вы понимаете, что келпи хищные кони? И они...

— Во-первых, мне больно. Во-вторых, я была не одна. В-третьих, полуночники меня не трогают, если их, конечно, не натравят. И, наконец, Михаил Андреевич, не делайте из меня дуру. То, что я вам поверила там, где нельзя было выяснять отношения, не значит, что я не сделала этого намеренно. Вы знаете, кто меня преследует?

Это была классическая вилка.

Только что Мельник продемонстрировал знания полуночного мира, и сказать, что он ничего не видел и не знал, было уже нельзя.

Обвинить Лиду в том, что ей все почудилось, тоже бы не получилось.

Так или иначе нужно было отвечать на вопрос. Либо говорить про лицензии, либо говорить про тех, кто преследовал девушку от берега реки.

— Не человек, барышня, — Мельник, недовольный ситуацией, стал похож на грозную тучу. Снова подавлял и пугал, только Лида, уже знакомая с замечательной улыбкой этого человека, не испугалась.

— И, кстати, Михаил Андреевич. Спасибо. Это же вы в прошлый раз этого самого «не человека» от меня отогнали.

— Барышня, загоняете в угол.

— Научилась у нашего волкодава. Он, знаете ли, создание просто потрясающее. Но волка не отпускает, пока не задавит.

— Девушкам надо учиться у более подходящих... созданий.

— Когда-нибудь, — пообещала Лида. — Кофе со мной выпьете?

— Нет, барышня. Пойду домой. Поспать надо и взять рыболовные снасти. Тряхну стариной, поучаствую в рассветном соревновании. Вы же тоже участвуете?

— Да.

— Тогда я найду за вами утром, барышня...

И не дожидаясь ответа, Мельник пошел прочь по дороге. Лида посмотрела ему вслед, нервно потерла плечо, где, кажется, остались следы от пальцев мужчины, и пошла домой. Нет, пить не кофе — пустырник. И в кровать.

Потому что ни на что другое не оставалось сил.

И ведь Мельник выполнил свое обещание, он зашел за девушкой с утра и проводил до озера. И сидел совсем недалеко от нее, не выпуская из вида. И занял второе место, обогнав Лиду на четыре рыбины!

Потом она весь день была на виду у людей, занимаясь делами участка и обеспечения безопасности соревнований. Выходных у нее на этой неделе из-за них не было.

Участковую делами занесло, закурило. Где-то после обеда на «связь» вышел водяной. Вода в графине в кабинете Лиды качнулась, колыхнулась, завертелась водоворотом, и она услышала голос водяного. План действовал! Да, такой вере была грош цена, она была преходящей. Но тех, кто приманивал помощь водяного, было много! И силы, которая поступила, вполне хватит, чтобы привести в порядок и Хмарное озеро, и речку! И даже омут почистить, чтобы там люди не тонули.

Пообещав, что это еще не конец, Лида продолжила заниматься делами. Беготня, беготня, беготня!

Очнулась она уже опять у костра. Только напротив сидел не только Димка, но еще и... Мельник.

— Михаил Андреевич, а вы откуда...

— Ну, ты и закрутилась, — покачал Димка укоризненно головой. — Сама же его пригласила!

— Когда? Не было такого!

Мельник басовито расхохотался.

— Не удалось нам вас ввести Лидия Степановна в заблуждение, не удалось. Я только подошел, чтобы вас домой проводить.

— Спасибо, — улыбнулась через силу девушка.

— Отдохнете немного или пойдем сразу?

— Чуть-чуть посидим, — попросила Лида. Сил, чтобы двигаться, не было.

Как в тумане, она услышала в стороне слова брата:

— Чай будете?

А потом наступила темнота.

И снова Лида быстро вынырнуть из нее не смогла, а когда открыла глаза, мир вокруг покачивался.

— Вы опять...

Мельник над головой хмыкнул.

— Барышня, вы так себя загоните.

— Ничего, — пообещала Лида. — Завтра последний день, а в понедельник у меня выходной. Отсыпаться буду.

— А получится? — прозвучал в голосе мужчины самый настоящий скепсис.

— Должно.

Лида задумалась, но мысли уплывали. Ровное покачивание успокаивало. И в руках незнакомого практически мужчины, было так надежно, что девушка снова уснула.

Проснувшись она, когда ее опускали на кровать, хотела было что-то сказать, но над ее головой прозвучало:

— Тс-с, спи, барышня.

И она послушалась.

...Наутро Мельник не пришел. Лида собиралась на рассветные соревнования, ощущая какое-то иррациональное чувство обиды.

Еще одной проблемой было то, что на нее словно напала спячка. Вначале она чуть не заснула в ванной, затем — на кухне за столом вместе с кружкой кофе, затем перед выходом. И когда в прихожей надевала свою легкую куртку.

Желание попросить, чтобы все дружно взяли и оставили ее в покое, было нестерпимым.

Но Лида отличалась не в меру упертым характером.

Поэтому прихватив короб с рыболовными снастями, она отправилась на берег озера. Послушно зарегистрировалась у судей. Отшутилась от знакомых, спрашивающих не собирается ли она с помощью водяного выиграть утренний заход. Пришла на свое место, села на берегу и поняла, что засыпает.

Сонное приятное оцепенение раскатилось по телу. Из ослабевшей руки выпала удочка. Глаза закрылись, и Лида уронила голову на грудь. Она просто немного поспит. И все. Ей

надо-то всего несколько минуточек.

Всего чуть-чуть.

А потом наступил провал.

В следующий раз девушка открыла глаза от того, что ей было холодно. Ледяная поутреннему вода забиралась ей под одежду, заливалась в высокие сапоги, поднималась к груди. Скользила по чужим рукам, обхватывающим ее поперек груди.

Чужим? Рукам?

Сознание никак не могло сбросить с себя сонную одурь.

И когда над головой сомкнулась вода, Лида тоже не проснулась. Это все так походило на кошмар. Кошмар?

Ну, да... Подумаешь, ее пытаются утопить. Интересно только, живой топят или мертвый?

И нет, не топят... Просто привязывают к шее тяжелый камень, вместе с которым она сейчас пойдет ко дну. Все равно дышать водой она не умеет, не русалка же, в конце концов.

А еще это просто кошмар, мало ли что в них причудится.

Даже вот такие красивые хвостатые мальчики, почему-то скользят сквозь толщу воды с таким обеспокоенным видом. Ничего, мальчик-русалочка, все хорошо. Ты тоже сон...

«Да очнись же!»

Чужой крик ворвался в разум Лиды, и девушка распахнула глаза. К ее губам прижимались холодные губы. В этом поцелуе не было ничего романтического. Русал делился с ней воздухом.

Заметив, что девушка пришла в себя, он одобрительно улыбнулся.

«Ну, ты даешь, матушка. Сейчас, потерпи немного, я перережу веревку. Только не засыпай. Я не могу одновременно заставлять тебя дышать и тебя спасти, хорошо?»

Показывая, что все поняла, Лида кивнула.

Она не видела, что именно делал русал с веревкой, которая привязывала ее к камню, но уже спустя пару секунд получила свободу. Придерживая девушку за талию, внук водяного начал подниматься вверх.

И уже очень скоро она вдохнула речной воздух.

— Все в порядке, матушка?

— Просто Лида, — попросила девушка, удерживаясь на воде благодаря русалу.

— А я Рим. Приятно познакомиться.

Губы Лиды дрогнули в улыбке, а затем она задорно рассмеялась. У них было совместное романтическое плавание под полной луной, они дважды обменивались дыханиями, он спас ей жизнь, а познакомиться удосужились только сейчас.

Ну, и как это назвать, кроме как сумасшествием?

Смех русала серебристыми колокольчиками вплеся в смех Лиды, а потом стих.

— Тебя уже ждут, Лида. Приходи завтра вечером к нам на берег реки. Дед как ребенок силе новообретенной радуется. Будет фокусы показывать.

— Я приду, спасибо.

Русал осторожно опустил девушку на дно у берега и отплыл на глубину, где ему было удобнее.

У Лиды же сил подняться из воды не было. Она так и сидела у берега в намокшей одежде. И на подходящего Мельника смотрела расфокусированным взглядом и с блуждающей улыбкой.

— Как кошка под валерьянкой, — вздохнул мужчина, поверх головы несостоявшейся утопленницы взглянув на русала. — Ты видел, кто ее топил?

— Нет, мне рыбы сказали, что наша матушка тонет, я сюда метнулся, а она с камнем на дно опускается. Какое уж тут «тонет», тут «топят».

— Ясно, — зайдя в воду в болотниках и подхватив Лиду на руки, Мельник укоряюще взглянул на нее. — Ну и что, барышня, я твоему отцу сказал бы? Не уберег? Не заметил, как сбежала, а ведь должна была спать до обеда!

— Гипноз?

— Нет. Магия, барышня. Обычная магия. Кто ж знал, что ты, упертая такая!

— Я вся в папу, — отозвалась со смехом девушка и закрыла глаза. Она была в безопасности.

Мельник был не враг, не друг, а так. Он тот самый друг, которому папа говорил, не вмешивать ее, Лиду, в дела полуночников. Он и не вмешивал. Этот самый Михаил Андреевич. Присматривал за ней, уже спасти успел пару раз. И шоколадка! Вот кто шоколадку ей у администрации подбросил, и гадать не нужно.

Проблема в другом. Стоит она кому-то поперек стоит. И этот некто не успокоится, пока ее не убьет. И кому она только умудрилась настолько помешать? Лида не знала.

Интересовал этот вопрос и Мельника.

И даже Саню, который поздно, но все-таки получил сообщение участковой о том, что ее кто-то преследует, и это не человек! А еще о том, что в Малых Луках снова появился снежный зверь.

Хозяин зверя смотрел сверху вниз на своего вернувшегося подчиненного с неммым вопросом в глазах, а потом спросил:

— Как это ее опять не удалось убить? Повторить попытку до положительного результата! Сроку тебе месяц!

3. Зов русалки

На мельницу Лида ворвалась без стука, потрясая в воздухе толстым конвертом. Сбросила туфли у порога, прошла в комнату и села за стол. Хотела было что-то сказать, но передумала, просто злобно сверкая глазами.

Мельник, не отвлекаясь на нее, молча лепил огромные манты и укладывал их в чашу мантышницы.

— Это тебе, — наконец, ожила Лида, осторожно положив конверт на стол. Не потому, что бумажка была хрустальной, после того, как девушка трясла ее, это было бы, по меньшей мере, странно. Медленное движение помогло девушке удержать себя в руках и не порвать вот этот кошмар, невыразимо ее раздражающий.

— Что это? — спросил Мельник.

— Тебе передали! — снова вскипела Лида.

Хотя «передали» это было неправильно. Конверт подбросили ей домой на крыльцо. Сверху была записка: «Передай Мельнику. Папа».

И все! Ни вопроса как она и Димка, ни слов о том, как себя чувствует он сам, когда вернется и прочее-прочее!

Безусловно, Лида была взрослой девушкой и с любыми, почти любыми проблемами могла справиться сама. Но такой подход, почти игнорирование, невыразимо ее раздражал!

— Ты сейчас закипишь, и от тебя пойдет жар, — сообщил Мельник, поставив перед Лидой кружку с чем-то темным. — Пей, не бойся.

— Это что?

— Это квас, барышня. Знаешь, был такой в стародавние времена напиток.

— Он и сейчас есть! — обиделась Лида немного.

Мельник добродушно хохотнул.

— Пей, барышня. Сейчас посмотрим, что в конверте.

— Слушай, Миша...

Рука Мельника зависла в воздухе. Мужчина посмотрел на гостью с явным недоверием в глазах. Ответный взгляд был спокойным, разве что в обманчивой кротости можно было рассмотреть подвох и обещание грядущих проблем.

— Что ты хочешь, барышня?

— А проводи меня сегодня к водяному на посиделки?

— Зачем бы мне это делать?

— Ты же папе пообещал меня защищать. Сидеть дома я не могу, мне надо очень много всего сделать. А если я пойду ночью к водяному одна, кто знает, что может случиться.

— Барышня, ты боишься?

Губы Лиды чуть заметно дрогнули. Откуда-то пришло ощущение, что Мельник поймет, если она скажет неправду. В данном случае будет намного лучше и правильнее сказать правду.

Решив так, девушка отрицательно покачала головой:

— Не страшно. Страшно было, когда я была уставшая, с рассеянным вниманием и замедленной реакцией. В таком раскладе, если бы то «что-то» напало, то я бы в любом случае не успела бы защититься.

— Барышня.

— Да?

— Я провожу тебя. Не уходи из дома одна. Водяной вряд ли будет на берегу устраивать свои посиделки. А до их заповедного круга, он заброшенный был, ты пешком не дойдешь.

— А как бы я тогда?

— Тебя же пригласил русал?

— Да, — согласилась Лида.

— Ну, вот, ты бы пришла к берегу, спустилась в воду, а там бы он взял тебя на буксир.

— А что предлагаешь ты?

— Келпи. Управлять им ты не сможешь. Слишком человек. Поэтому поедешь со мной пассажиром, договорились?

Лида с неохотой кивнула. Она не любила так сильно оказываться к кому-то привязанной. Надеялась то на провожатого, а получила спутника на всю ночь. Впрочем, наверное, это не так и плохо. Заодно под шумок можно будет попробовать что-то выяснить.

Уйдя в свои мысли, Лида машинально вцепилась в кружку, поднесла ее к губам, сделала глоток и... пропала. Напиток был немного искристый, сладко-кислый. Язык чуть защипало. Глаза распахнулись. Бодрило до невозможности!

— Это что!

— Квас, барышня. Самый настоящий, как его готовили предки.

— Миша.

— Да?

— Сколько тебе лет? — спросила девушка. — Да, ты говоришь очень правильно. Но временами проскальзывают слова-паразиты из старого времени.

— Барышня.

— Водяной сказал, что ты принадлежишь двум мирам сразу, не знаю, что это вообще должно было мне сказать. Но вот предположить, что тебе не тридцать и не сорок — я могу.

Мельник промолчал.

— Миша? — жалобно позвала его Лида. — Меня любопытство заест! Я даже согласна на бартер. Хочешь, я тебе что-нибудь взамен расскажу или что-то для тебя сделаю?

— Барышня, любопытство привело к гибели не одну кошку, а много более.

— Так я не кошка, и все равно в деле по самые уши. Так что все закономерно. И неужели нельзя сделать скидку на то обстоятельство, что в случае чего я смогу себя защитить?

— Не ото всего, барышня.

— Лаадно, не буду спрашивать. Скажи мне тогда, знаешь что? Нет, даже два вопроса задать хочу. Первое, это ты мне назначал встречу на Гиблом перекрестке. Что и от кого ты должен был мне передать?

— Что сейчас отдам, раз ты спросила — имею право. А вот кто именно — не скажу. Личность заказчика не раскрывается ни при каких условиях.

— Почему-то я не удивлена, — пробормотала Лида. — Даже если и можно было по кодексу раскрывать, ты бы точно этого не сделал. Так что, давай то, что я так и не получила в тот раз.

Мельник кивнул, поднял голову. На потолочной притолоке, Лида еще удивилась причудливости выбранного места, спала кошка. Та самая, перепугавшая девушку во время первого прихода на мельницу.

— Дари, принеси, пожалуйста.

Кошка открыла один глаз, взглянула на хозяина и закрыла обратно, для надежности еще и прикрыла мордочку хвостом.

— Дари! — в голосе Мельника прозвучало удивление, но кошка и в этот раз не тронулась с места.

— Что-то не так? — проснулся в Лиде профессионал.

— Моя кошка сошла с ума, — пробормотал Мельник. — Посидите здесь, барышня. Раз эта капризуля не хочет, схожу сам.

Проводив мужчину смеющимся взглядом, Лида подняла голову и позвала:

— Дари, иди ко мне.

Серая размытая молния нагретое местечко покинула сразу же. И когда хозяин дома вернулся, его ждала картина маслом. Его кошка дремала на коленях Лиды, а та почесывала и поглаживала серую нахалку.

— Теперь понятно, чего она меня выпроваживала, — пробормотал Мельник. — На женские руки захотелось. Гоните ее прочь, барышня. В обиде все равно никто не будет.

— Но она же такая прелесть! — возмутилась девушка.

— Хитрая она. Это единственное, что у этой прохиндейки не отнять.

— Вы несправедливы к ней, Миша.

— Говорите на ты, барышня, раз уж все равно решили называть меня по имени.

— Я нарушила какой-то запрет? — нешуточно смутилась Лида.

Мельник вытащил из принесенной продолговатой шкатулки браслет, молча застегнул его на предплечье гостыи и только потом ответил на вопрос.

— Совсем нет, барышня. Просто с Перевозчиком стараются не общаться ни жители человеческого мира, ни жители мира полуночного.

— Почему?

— В моих силах многое. Например, лишить полуночников сил. Или превратить в полуночника человека.

— Разве это возможно?

— Для меня — да.

Лида задумалась, потом расплылась в улыбке:

— Надо запомнить и подумать, как это использовать. А пока, спасибо за квас. Пойду я домой. Раз уж у меня будничной выходной, надо заняться накопившимися административными и личными делами.

— Может, отобедаете со мной, барышня?

— Спасибо, но мне, правда, надо домой.

Мельник кивнул, потом прикрыл мантышницу полотенцем.

— Я провожу.

— Но зачем? День же!

— Днем не страшно?

— Совсем, — кивнула Лида.

Мельник усмехнулся:

— Совсем неубедительно, барышня, поэтому я вас провожу. Глядишь поспокойнее и мне будет, и вашему батюшке.

Лида посмотрела, посмотрела на мужчину и махнула рукой. Быстрее было согласиться. И не так для нервов затратно. В конце концов, пусть проводит. И ей спокойнее будет, и этому большому мужчине. А до вечера еще столько дел переделать нужно!

Потом до позднего вечера девушка металась искристой кометой и только ставила мысленно галочки в составленном на ходу списке.

Деньги с карточки снять. Готово.

Оплатить счета, отстояв положенную очередь на почте. Готово.

Позвонить Геннадию Аксенычу, отчитаться по проведенному мероприятию. Готово. Бонусом к звонку начальства стала неожиданная, но от того только более приятная похвала.

Прибраться дома. Готово.

Под конец насыщенного дня, уставшая Лида сидела на кухне, а домовый суетился вокруг нее с чаем.

— Ну, матушка, — уговаривал он. — Хоть плюшку скушай! Зря я что ли полдня с ними возился.

— Тимофей, успокойся, я же от голода не падаю.

— Да вы же бледная, матушка, как смерть! На вас смотреть, и то больно! Скушайте плюшку, вкусная!

— Тимофей, скажи, а ты в нашем доме давно живешь?

— Недавно, матушка. Я раньше в развалине на окраине жил. А потом кто-то принес меня сюда и разбудил.

— Разбудил?

— Тут, матушка, такое дело, — Тимофей пододвинул блюдо с румяными плюшками, сел на соседний с Лидой стул. — Мы, полуночники, от людей зависящие, долго без них не можем. И луна, которая питает остальных, заменить людей нам совсем не может. Поэтому мы засыпаем. И спим, пока нас не пробудят специальными словами заговорными. Но такой сон из нас силы выпивает, ничего нам не оставляя. И потом год, два, когда больше, мы восстанавливаемся до уровня самого слабого домового и начинаем помогать своим хозяевам.

— А как же плюшки?

— Так, разве это помощь, матушка? Это только так, вас побаловать. Когда до нужной силы доберу, я и убираться буду, и готовить, и стирать. А еще, матушка, — не дал Тимофей себя перебить. — Браслет у вас на руке. Будьте с ним осторожны.

— Нехорошая вещь?

— Что вы, матушка, при вашей работе полезнее некуда, ведь...

Узнать, что именно этот самый предмет делает, Лиде снова не довелось. Дверь хлопнула, и раздался юношеский ломающийся басок:

— Сес, я дома!

В полуночников Димка не верил, и домовый, чтобы не тратить свои силы рядом с ним, всегда торопливо исчезал.

— Слушай, сес, — парнишка, забежав на кухню, рухнул на стул, голодно покосился на блюдо и вцепился в крайнюю плюшку сразу двумя руками, словно испугался, что сейчас она или убежит, или отберут. — А кто из полуночников дома живет?

— Домовой.

— А... У нас такой есть?

— Есть, Дим. А с чего это вдруг ты про полуночников заговорил? Ты же в них верить отказался!

— Ну, было дело, отказался...

— И с чего такой вопрос?

— Знаешь, когда посреди ночи, в доме, где только ты один, неожиданно сам собой

включается чайник, открывается холодильник, а потом по воздуху плывут чашка с кофе и бутерброды, тут хочешь, не хочешь, а поверишь во все и сразу!

Лида, воззрилась сначала на Димку с удивлением, а потом, когда представила себе эту картину, звонко расхохоталась.

— Сес! Тебе смешно, а мне реально нереально страшно было!

— Ладно, ладно. Попросить его больше так не делать?

— Нет, передай мое спасибо, — серьезно сказал парнишка.

— Это ты можешь и сам сделать. Просто тихо скажи, можешь даже голос не повышать: «хозяин дома, не тужи, хозяин дома — удружил». И все.

— Все-все? — скептически спросил Дима.

Но его сестра только кивнула и, несмотря на внутреннее удивление тому, что он это делает, парень сказал вслух заговорные слова.

Занавески на окне качнулись, плюшки подошлись поближе к Димке, и голос кого-то невидимого тихо сказал:

— Ну, хоть кому-то мои плюшки понравились!

Лида, посмотрев на потрясенного брата, расхохоталась в голос, уже не сдерживаясь. Как же много всего принесли полуночники в ее жизнь!

Вечер наступал неохотно, накатывал на Малые Луки волной сонной одури, погружая в сон даже самых устойчивых. Лида с Тимофеем сидели на крыльце, разглядывая край алого закатного неба, окутанного легкими облаками и плотной пеленой туч.

— Тимофей, — Лида взглянула на своего домового, трясущегося у ее плеча. — Что-то не так?

— Да как сказать, матушка, как сказать. Чувствуешь сладкий запах в воздухе? Это мак, маковый туман. Но он один не появляется, такой туман — предвестник. Он укутывает сейчас село, погружая всех в сон. А вслед за ним придут кошмары. Они стелятся по земле, низко к ней припадая. У них на загривке короткая шерсть стоит дыбом. И их мягкие лапы кончаются веером острых загнутых когтей. А в центре деревни они распадутся и отправятся всей стаей по домам. Подходя к человеку, они нырнут в его ухо, проникнут в его сон.

Лида помолчала.

— И? — спросила она негромко. — Зачем они являются?

— Если они чьи-то, то они наведут кошмары и под шумок что-то выведают у своей жертвы. Если же они ничьи, то кошмары войдут во сны человека, чтобы питаться ими, оставляя взамен кошмары.

— Очень интересно. А взглянуть на этих лапочек как-нибудь можно?

— Смотрите, матушка! — домовый ткнул пальцем в сторону ворот. — Двое пришли сами.

Лида кивнула, поднялась с крыльца, мимолетно пожалев о служебном револьвере, и застыла. Браслет на предплечье раскалился, сжался, причиняя ей боль, и запульсировал. А затем в руках у Лиды оказался боевой обрез, немного незнакомой конструкции, но общие очертания были знакомы.

На поясе появился патронташ, и, зарядив весьма страшную игрушку, хладнокровная

участковая выстрелила прямо в оскаленную часть мчавшегося на нее кошмара. Создание, лишь отдаленно напоминающее пантеру, на месте истаяло серым дымом.

— Тимофей, — попросила Лида негромко, — присмотри за домом и за Димкой, а я пойду по деревне, — последовал новый выстрел, и девушка фразу закончила: — погуляю.

Домовой, глядя на участковую, которая даже ночью заступала на свой пост, кивнул. И Лида, перезаряжая обрез, двинулась за ворота, на ходу раздумывая над тем, какой страшнее вариант явления кошмаров на ее территорию? Выходило, что в любом случае оба весьма и весьма нехорошие.

Количество патронов было ограничено, поэтому Лида стреляла сразу же на поражение, двигаясь к своему участку. Даже с учетом того, насколько серьезным оружием был обрез, патроны обещали вот-вот кончиться. И если Лиде не повезет, это случится раньше, чем она доберется до своего участка.

Ей не повезло.

Патроны закончились рядом с большой группой кошмаров, рвущих кого-то на небольшой улочке, недалеко от Лидино участка.

— Ни первое и ни второе, — пробормотала девушка негромко, чуть качнув обрез в руке. Использовать такое замечательное оружие в качестве дубины было жалко, но ничего более подходящего, у Лиды под рукой просто не было.

— Ладно, — пробормотала она негромко. — Поиграем в «убей суслика». В качестве лопаты...

Лопата. Браслет, раскалившись на руке, запульсировал вторично, прыгая искрами по запястью и пальцам к обрезу и меняя его на ходу. Когда же от слепящей боли Лида смогла прийти в себя, в ее руке была лопата — совершенно восхитительная, удобная, с черенком, легшим в ее руку, как влитой. Края лезвия были наточены, а сама лопата отдавала серебристым блеском.

Спрашивать, что вот это такое происходит, Лида не стала. Интересно было, но не было подходящего источника знаний. Зато были кошмары, которых надо было отправить обратно в небытие, чтобы не лазили там, где их не ждут. А еще было небольшое затруднение. В плане рукопашного боя Лида была полной бездарностью и сама не отказалась бы от помощи!

Лопата в руке участковой дрогнула, круто ее разворачивая. И на прыгнувшего кошмара, подкравшегося со спины, обрушился косой удар. Впрочем, даже скользящего соприкосновения с лопатой было достаточно, чтобы кошмар истаял. Невольно девушка ощутила охотничий азарт, и понеслось!

Кошмаров не осталось по внутренним часам девушки часа через два. На деле, закономерно полагала она, прошло вряд ли больше десяти-пятнадцати минут.

— Теперь посмотрим, что мне досталось в качестве приза. Я не отказалась бы от какого-нибудь нежного красавчика, великолепного и замечательного, чтобы можно было... — собственный голос показался девушке нарочитым и фальшивым, и она подавленно замолчала.

Там, где только что была толпа кошмаров, лежал уже знакомый Лиде полуночник. Снежный зверь. Состояние создания просто поражало. Косые раны, выдранные куски мяса, загноившиеся лапы и почти полностью закрытые глаза. Зверь был настолько болен и порван кошмарами, что у него даже не было сил сопротивляться смерти. И из жалости его надо было бы даже добить, но участковая, присев рядом со зверем на корточки, сделала сразу три вывода. Перед ней была самка. Раз.

Зверь был низкий, более вытянутый и не такой внушительный, как тот огромный самец, что напал на Лиду — два. Вместо ярко-голубых глаз на девушку смотрели глаза цвета теплого янтаря. Ну, наконец, участковая просто не могла оставить мучиться полуночника, который нуждался в ее помощи.

— Не было печали, — пробормотала Лида, двигаясь широким размашистым шагом к забору соседки Марьи Ивановна, — купила баба поросю. Надеюсь, Марь Иванна свок ультрагрузовую тележку оставила, где обычно, а то на руках зверя я до дома не донесу...

Нести не пришлось. Тележка была там же, где и обычно. Прихватив с собой из маленького сарайчика на участке старый рабочий халат, Лида затянула зверя на тележку и двинулась домой. Следовало бы сообразить, чем теперь снежного зверя лечить. Но все, что пришло участковой на ходу в голову — это то, что ей нужны снег и лед. И в очень большом количестве!

А еще, как оказалось, просить о помощи было некого, наравне с тем, что не было и лишних свидетелей случившегося.

Пока Лида занималась отстрелом непрошенных и незваных гостей, облако макового сна разрослось и надежно усыпило всех и вся.

До утра, пока девушка суетилась около снежной самочки, ее никто не побеспокоил.

А потом, закрыв дверь на замок, участковая отправилась на работу, совершенно не выспавшись, зато невообразимо довольная! Почему-то в душе царила уверенность того, что она все сделала правильно. Именно так, как надо было.

Вернув на место тележку, Лида прошла на свой участок, как обычно отзвонилась начальству, сделала кружку черного кофе, вытащила из сейфа припрятанную на работе шоколадку, хоть и не черную, но на безрыбье...

Сделав первый глоток, Лида чуть не подавилась под осуждающим взглядом вошедшего без стука Мельника.

— Ты чего? — хрипло спросила она гостя. — Белены объелся?

— Ты выходила ночью из дома? — потребовал мужчина ответа.

— Уснула, прямо за столом. Хорошо хоть не головой в тарелку! Кофе себе сделала, собралась выйти и... Впрочем, я была не одинока. Тимофей тоже уснул. Кстати, Миша. Ответь, пожалуйста, на вопрос, а то я сразу спросить не догадалась, а у домового не получилось — мы уснули. Что мой браслет умеет?

— Обрез с патронами против полуночников. Количество патронов ограничено на сутки. Если тратишь пули и на следующую ночь выходишь под свет луны, патронташ снова заполняется. В новолуние останешься без патронов, если накануне потратила. Сам обрез появится в твоей руке, если тебе будет грозить опасность или ты сильно чего-то испугаешься.

Мельник говорил хоть и сухо, но обстоятельно. Лида, поглядывая на него с изумленной благодарностью, сделала кружку кофе и даже пододвинула гостю шоколадку.

— Кофе-то тебе зачем? — скупос осведомился Мельник.

— Давление повышать. У меня после вчерашнего давление исключительно низкое. Кстати, теперь вечеринка у водяного отменяется?

— Да, от макового тумана он и леший восстанавливаться будут долго. Лида, если будешь задерживаться после работы, снова тебя будут преследовать — позвони мне. Не хочу потом краснеть перед твоим отцом.

— Где вы с ним познакомились? И почему это для тебя так важно?

— Он спас мне жизнь, — отозвался Мельник, отвечая на второй вопрос и полностью игнорируя первый. — Так что в его отсутствие, я буду за тобой присматривать. А потом, надеюсь, он справится сам.

Лида, фыркнув, говорить о том, что на месте Михаила она бы на это не рассчитывала, не стала.

— Собственно говоря, — осведомилась она негромко. — Что за... Как ты назвал вчерашнее происшествие?

— Меньше знаешь — крепче спишь, — обрубил Мельник. Одним глотком выпил кофе, поблагодарил и вышел.

Лида, глядя ему вслед, усмехнулась:

— Вот уж точно, крепче спишь...

И завертелся обычный рабочий день.

Бумаги, звонки, обработка поступивших звонков, контроль дел обычных, контроль дел полуночных. До осеннего соревнования еще оставалось много времени, но вот начинать к нему готовиться следовало уже сейчас.

Разработка безопасных маршрутов следования, проверка мест, где будут собирать участники грибы, ягоды. Надо было созвониться с местным клубом самодеятельности и подкинуть им не просто идею для выступления, а полноценный сценарий. В общем, не выдалось ни одной спокойной минутки.

Дома Лида весь вечер суежилась вокруг снежной самки, принявшей, к искреннему удивлению девушки, вид красавицы золотистого ретривера. Еще пару дней на то, чтобы затянуть самые страшные раны, и красотку Дени удастся легализовать на полном на то основании.

А до этого момента ретриверу, Лида запретила себе даже думать о том, кто скрывается под этой шкуркой, предстояло проводить дни в старой сараюшке. С достаточным количеством воды, еды и периодически пополняемым запасом льда и снега, хотя раздобыть их, и не привлечь внимания Тимофея, было сложновато.

Дни промелькнули незаметно, и уже через пару дней ретривер ходил за Лидой хвостом, иногда припадая на раненую лапу.

Участковая занималась своими делами, закономерно полагая, что теперь находится не только под самой лучшей, но еще и самой незаметной охраной.

Ни домовой, ни Мельник, заглянувший, чтобы передать приглашение на пятничные посиделки, не разгадали, кто скрывается за кличкой Дени.

Занимаясь своими делами, девушка так и не нашла времени связаться с Саней. А поскольку он сам до сих пор не позвонил, решила, что опер еще не вернулся с выездного задания.

Вообще служба в ОСПБ представлялась участковой тем еще кошмаром. Сплошные выезды и ожившие страшилки.

Возможно, Лида бы очень удивилась, если бы узнала, что такое представление действительности не соответствует. Служба в ОСПБ проходила в основном тихо, мирно. И только один-два случая на сотню касались действительно полуночников. Чаше опера раскатывали по деревенькам в свое удовольствие. Это просто девушке так исключительно «повезло» с участком.

На самом деле Саня в свой отдел уже вернулся, но связаться с участковой не смог. По неофициальному каналу она не отвечала, а по официальному начальство Саше

категорически запретило звонить. И вообще оперу было вменено в обязанность немедленно забыть и про это место, и про его обитателей. Саня сказал «есть», взял под козырек и написал заявление на отпуск, первый за последние три года.

Ни о чем этом естественно Лида не догадывалась. Ей вообще о делах других людей было некогда думать. Димка вел себя исключительно странно, и девушка буквально выбивалась из сил, чтобы не выпустить его из поля зрения. Полуночные дела ненадолго выскользнули из поля ее внимания.

О чем Лиде предстояло очень скоро пожалеть.

...Мельник появился в пятницу поздним вечером. Верхом на огромной черной зверюге с самыми настоящими клыками. На Лиду этот коник смотрел презрительно, фыркал гневно. Но когда девушка осторожно погладила его по бархатистому носу, дергаться от неожиданной, но приятной ласки не стал.

Мельник, протянув руку, помог Лиде устроиться в седле, сжал колени, и келпи взял с места в карьер.

Около реки, на крутом берегу, конь спрыгнул с обрыва. Выбил копытами на воде ворох светлых брызг и помчался по водной глади вдоль речной излучины. Чтобы спросить у Мельника что-то, надо было бы кричать во все горло, в надежде перекрыть гудящий в ушах ветер. Лида предпочла сидеть молча, закрыв глаза, чтобы ветер не досаждал.

Можно было бы сказать, что помимо этого было еще и холодно. Но вот здесь девушка покривила бы душой. Холодно не было. От основного ветра ее закрывали мощные руки Мельника. Обзор оставался, а вот в остальном, увы.

Где-то на середине водной дороги под водой зажегся светлячок. Плескаясь в водном пузыре, стуча в его тонкие стенки, он поднялся из-под воды и вырвался на воздух. Покрутился под копытами загарцевавшего на месте келпи и повел его за собой. Только теперь келпи ступал очень аккуратно, почти медленно.

— Что случилось? — запрокинула Лида голову.

Мельник, взяв ладонь девушки в свою, чуть вытянул ее вперед. И тут же возникло ощущение, что вокруг желе. Густое, вязкое, сопротивляющееся каждому шагу водного коня.

Впрочем, стоило Мельнику выпустить руку девушки из своей, как ощущение исчезло.

— Это граница между двумя мирами. Миром людей и миром полуночников.

— И ни один из них ты не называешь своим.

— Ни один из них моим и не является. Я живу на границе.

— Как это? Ты же живешь на мельнице.

— Почитай сказки. Мельницам то и дело приписывали необъяснимые звуки, вспышки и яркие цвета. А мельников всегда считали пугающими. Дело как раз в том, что мельница — это граница между двумя мирами. И люди, туда попадающие, или сходили с ума, или... Не сходили.

— И что тогда?

— Тогда, — Мельник добродушно усмехнулся. — Они могли видеть духов, на своей мельнице и заключать с ними договора. Ни для одной профессии не была так важна преемственность, как для мельничьего дела.

— Слушай, — озадачилась Лида. — А почему тебе так не нравится дружелюбие в твоём отношении? Неужели всем то и дело что-то нужно было в твоём отношении?

— Как правило, да, — кивнул Мельник. — И это раздражает. Поэтому в какой-то момент я предпочел держаться на расстоянии от людей.

— Разве это хорошо?

— Это не настолько плохо, чтобы делать из этого трагедию. К тому же есть категория людей, которые получив от Мельника желаемое, становились для него другом.

— Например, мой папа? — предположила Лида вкрадчиво. — Ведь это с тобой он разговаривал через мою почту.

— Лисица, — усмехнулся Мельник. — А если не скажу?

— То закономерно я сделаю вывод, что ты скрываешь что-то. А раз скрываешь, значит, это ты.

— Действительно, — пробормотал Мельник. — Нет. Я не общался с твоим отцом через твою почту.

— Ты просто читал то, что он там писал, — покивала Лида.

Мельник смотрел на нее со снисходительной улыбкой и молчал.

— Скажи, — серьезно сказала девушка. — Только честно. Мы с тобой встречались раньше?

— Нет.

Слишком быстрый ответ. Излишне быстрый, чтобы Лида могла не задуматься. Но привлечь внимание к себе было нельзя, поэтому она послушно кивнула и замолчала.

Конец границы девушка, как ни странно, ощутила сама. Горло перехватило удушливой лентой вони. Из глаз брызнули слезы. А потом также неожиданно, как и накатило, все неприятные ощущения пропали.

— Лида? — встревоженный голос Мельника слился с не менее встревоженным голосом русала снизу. И прыгая с седла вниз, в руки русала, она отозвалась:

— Все хорошо. Просто... Это бывает.

Мужчины Лиде не поверили, но зато оба промолчали.

— Матушка, — поднялся водяной со своего места. — Здравствуй. Спасибо, что пришла на наши посиделки.

— Спасибо, что пригласили, — ясно улыбнулась Лида. — Это доверие, которое я даже и не знаю, как оправдать.

В глазах водяного что-то мелькнуло. Задумчивое, немного растерянное. Но Лиде некогда было об этом думать. Ее увлекали к костру прохладные руки русала Рима.

— Итак! Место это выглядит заброшенным, но сейчас со стороны воды наше заповедное место станет получше, почище. А там глядишь, и лесной хозяин расстарается. Матушка, — хозяин воды перевел на Лиду завораживающий взгляд, и словно два водоворота, вытягивающих душу, взглянули на нее. — Вы так много для нас сделали. Спасибо вам за это.

Лида чуть нахмурилась. Слова прозвучали отчасти в прощальной тональности. То ли извиняется за сделанное, то ли за какое-то намерение. Что-то спросить было нельзя, и Мельник, и Рим строго следили, чтобы не была нарушена чистота ритуала. Безопаснее было промолчать, что девушка и сделала.

Водяной, протянув руки к воде, забулькал. Возможно, это было бы смешно, если бы не ощущение силы, прокатывающееся по нервным окончаниям.

Страх. Сила, которую сейчас будил водяной, Лиду безотчетно пугала. В лицо пахло озоном. Словно из ниоткуда на площадке совершения ритуала появилась водная завесь капель. Они медленно танцевали в воздухе, то сливаясь в небольшие группы, то разлетаясь веером прохладных брызг.

Выглянувшая из-за туч луна залила площадь своим светом, и каждая капелька зажглась

подобно маленькому светлячку. Капельки кружили хороводами вокруг водяного, вокруг алтаря в центре заповедной поляны и вокруг Лиды.

И в этом прекрасном свете, окутывающем все и вся эфемерной пеленой, поляна засияла. Река вышла из берегов, и вода затопила поляну, смывая с камней потеки гари, грязи и чего-то буро-зеленого. Вода добралась до низких кадок, с засохшими стрелками растений, и по ним пробежала волна. Она не изменилась сразу, нет, но было совершенно очевидно, что в растения вернулась жизнь.

Вода добежала до пересохшего источника в центре площади, и там забил хрустальный родник, чудесно звеня на разноцветных камнях. А потом вода отхлынула.

На заповедной поляне стало и почище, и красивее. Сама поляна больше не производила впечатления места, которое покинула сама жизнь. Жизнь сюда вернулась, чтобы больше никогда не покинуть эту заповедную поляну.

Лунные капельки брызнули в разные стороны, причудливо украшая собой все: родник, камни площади, горшки, цветы, воду. Капельки разноцветными сияющими низками висли в воздухе и оставались там аккуратными светильниками. Капельки метались заголовоно в разные стороны, выбирая себе место, и в этой феерии цвета прошло совершенно незамеченным то, что несколько лунных капелек упали за шиворот Лиды. Девушка только дернулась от ощущения холода за воротом, а капли пробежали по спине, очертили влажный круг вокруг предплечья и шеи. Но не удовольствовались этим, еще немного покрутились по телу, выбирая себе место, и собрались на животе, у пупка.

Задирать рубашку, чтобы взглянуть, что там такое, Лида не стала. Предпочла затихнуть, затаиться.

Водяной тем временем набрал в чашу воды из бьющего в центре родника. Оставшиеся лунные капли собрались над чашей и словно «выкрутились», проливая в нее лунный свет. Чаша пошла по рукам. Просто три глотка, не говоря ни слова. И странное ощущение родства со всеми, кто был на поляне.

— Мы включили тебя в наш круг, матушка, — водяной опустил чашу к роднику, и она застыла там, опутавшись водной паутиной. — Теперь вы можете беспрепятственно проходить в наш мир в любое время, и вам не нужны проводники. Мы включили вас в круг, и теперь вас будут защищать все полуночники, как одну из нас. Вы столько сделали для нас, матушка! Теперь, когда поляна заповедная настолько восстановлена, мы сможем прожить дальше без проблем. Вы же, матушка, больше ничего не делайте, пожалуйста.

Ощущение было, что ее ударили. Лида дернулась, отпрянула, смотря, не веря, испуганно.

— Почему вы так говорите? Я что, плохо помогала?

— Слишком хорошо, матушка. Маковый сон, который недавно опускался на наши Луки, был наведенным. И кошмары, которые пришли вместе с ним, случайными не были. Кошмары пришли за вами. Кто-то очень хотел, чтобы вы больше не проснулись. Если бы эти кошмары смогли проникнуть в ваше сознание, вы бы никогда не открыли глаза. Ничто на свете не смогло бы вас разбудить. Мы не нашли, кто именно перестрелял всех кошмаров, матушка, но этот человек не всегда сможет оказываться в нужное время в нужном месте.

— Так, — Лида, стараясь не показывать обиды, сердито смотрела на полуночников. — Давайте-ка пойдём с другого конца, для меня более важного. Я вам что, плохо помогала? От меня проку мало?

— Матушка, как вы могли такое подумать, да если бы не вы!

— Нет, перечислять мои заслуги не надо. Значит, я делаю достаточно, и поводов для вынесения мне вотума недоверия — не давала. Так?

— Так, матушка.

— Значит, слушайте меня, оба. И хозяин речной, и хозяин лесной. Я перестану быть вашей участковой, только если не буду справляться. А до того, даже не поднимайте подобные темы! Я участковая. И точка. А насчет кошмаров, — Лида рассеянно постучала пальцами по браслету на плече. — Я их и перестреляла. Мне Тимофей сказал, что это такое на мою территорию забралось. Ну, опасность грозила всем, так что я прихватила обрез и молча их перестреляла.

— Молча? — полузадушено уточнил Мельник.

— А что, мне им надо было колыбельные петь? — оскорбилась девушка.

— Колыбельные — не колыбельные. Но даже с учетом особых патронов невозможно перестрелять полуночников, не используя заговорных слов над каждым патроном, — пояснил негромко русал, покачивая в воде хвостом.

Лида задумчиво покосилась на хвост, посмотрела на застывших остальных полуночников и пожалала плечами:

— Если я скажу, простите, не знала, это будет достаточным оправданием для меня? Нет? Ну, я почему-то так и подумала...

— Если ты можешь без заговорных слов убить любого полуночника... — Мельник покачал головой. — Я постараюсь связаться с твоим отцом, барышня. Он должен немедленно вернуться домой. Твоя способность — это опасность для тебя. Если об этом узнают в ОСПБ, то они захотят тебя получить любой ценой. А вот тот, кто в ответе за последние попытки тебя убить, после этого попробует убить тебя еще активнее.

— Говоря о попытках моего убийства, кого ты в тот раз отогнал от меня с помощью ракетницы?

— Мертвяка, — на этот раз не стал Мельник играть в молчанку.

— Кто это и чем опасен?

— Бывший человек. Умер не до конца. Душа вернулась в тело, потому что его что-то к нему привязывало. И мертвяк теперь живет, служа тому, кто смог найти на него управу.

— Сам по себе жить не может?

— Если у мертвяка нет хозяина, — не стал Рим щадить нежные чувства Лиды, — то он питается мертвечиной. У вас на кладбище рядом разве были случаи вандализма? Разрытые могилы? Выкопанные трупы?

— Нет.

— Вот это и значит, у него есть хозяин, который его подкармливает.

— Ясно, — пробормотала Лида. — Этот мертвяк мне звонил.

— Когда? Как? — нахмурился Мельник.

— Недавно. Звонок и молчание в трубке. Пугали, наверное.

— А ты?

— Не испугалась, — пожалала девушка плечами. — Это как-то очень по-детски было.

— Ты в кого такая не пугливая? — спросил Рим изумленно.

— Не знаю, — взглянула участковая на мрачного Мельника. — Иногда мне кажется, что я не боюсь потому, что у меня в жизни было что-то очень страшное. Только я не помню.

Если бы Лида не сводила с Михаила взгляда, она бы не заметила этого. Глаза мужчины распахнулись, зрачки увеличились, и все тут же стало как обычно.

«Он знает. Он что-то об этом знает», — Лида повернулась, отвечая на какие-то вопросы лешего. Но мысли ее были далеко.

В конце концов, девушка смогла взять себя в руки, и почти до рассвета время на сиделках пролетело незамеченным. Обрато домой участковую доставил Мельник. Келпи двигался неторопливо, убаюкивая своим шагом. Ветра не было, поэтому бессильно привалившись к плечу Михаила, девушка отчаянно сопротивлялась накатывающей слабости.

Спящий дом встретил Лиду тишиной. У компьютера брата была записка: «ушел к Лехе». Ретривер лежал у кровати Лиды. Поменяв ему миску со льдом, девушка торопливо избавилась от всей одежды и рухнула в кровать. Сон накрыл ее мгновенно.

И снова она видела те же серые коробки домов, узкий переулок, по которому она бежала. Снова ощущала зловонное дыхание на шее и чужие зубы в своей шее...

Проснулась Лида мгновенно, вынырнула из сна, как из воды. Сердце заходило лихорадочным стуком.

Там, во сне, перед тем как она проснулась, грянул выстрел. И чей-то знакомый голос крикнул: «она жива!»

Но чей именно голос это был Лида вспомнить так и не смогла. А потом ей стало и решительно не до этого. В дверь постучали, и на пороге дома Лида увидела Лешку. Обаятельно улыбнувшись, этот прохиндей попросил:

— Теть Лид, а Димку можно?

— Какая я тебе «тетя»? — возмутилась девушка и ахнула. — Подожди. Как это «можно Димку»? Он же у тебя!

Минутная задумчивая заминка, и Лешка начал выкручиваться.

— Да он от меня ушел минут десять, пятнадцать назад. Вот я и подумал... Он, наверное, ко мне вернулся.

— Смылся он, — сказала Лида негромко. — А тебя предупредить, чтобы ты его прикрыл, не успел.

Телефон у парня в нагрудном кармане рубашки зазвенел.

Весьма знакомой мелодией из любимой игры обоих мальчишек.

— Логично предположить, — Лида телефон выхватила быстрее, чем Лешка успел к нему хотя бы потянуться. — Что раз подобная песенка стоит у него на тебя, то и обратное тоже будет верным. Итак. Ответить.

— Лех! — тут же зазвучал взбудораженный мальчишеский голос. — Я из дома сбежал. Прикрой меня перед сес, плиз. Не хочу, чтобы она волновалась. Но ты же знаешь, как мне важно увидеть маму.

— Она хоть знает, что ты к ней мчишься? — поинтересовалась Лида скупно.

На том конце трубки воцарилось молчание.

— Спасибо, что не стал кидать трубку, — сообщила девушка негромко. — Деньги на поездку у тебя откуда?

— Заработал, — буркнул Димка.

— Верю. Сбежать в тайне обязательно было? Да еще и ночью?

— Ты бы не пустила! — запальчиво крикнул Дима.

— Возможно. Документы с собой?

— Что я, маленький, что ли?

— Раз так сбегаешь, значит, не большой, — обрубил Лида все вялые попытки брата оправдаться. — Вернешься — поговорим.

И больше не слушая лепет брата, отдала смущенному Лешке телефон и прошла в свою комнату, на ходу вытаскивая планшет. Спустя пару дней после исчезновения отца, куда-то канул и его мобильник. Лида подозревала, что голосовую почту своего мобильного он прослушивает регулярно, хотя и не включает его постоянно.

Поступок Димки девушку и задел, и обидел. Но возможности отправиться за ним вдогонку не было, да и снимать парня с поезда тоже. Оставалось понадеяться на отца.

— Телефон абонента выключен или находится вне зоны действия сети. Пожалуйста, оставьте свое сообщение после звукового сигнала.

— Пап, это я. Димка сорвался в Москву. Хочет увидеть Ее. Я не досмотрела, моя вина. Если ты сможешь, останови его, пожалуйста. И возвращайся побыстрее домой. У меня к тебе накопилось столько вопросов!

Отключив планшет, Лида выглянула в коридор. От Лешки уже и след простыл. Закрыв дверь на ключ, девушка подошла к зеркалу, затаила дыхание и сбросила халат. В электрическом свете это смотрелось обыденно. словно лепестки четырехлистного клевера вокруг пупка. Они не блестели, не светились. И выглядели как естественная часть Лиды. Наощупь лепестки едва заметно охладили.

Переодевшись в домашний костюм и включив колонки, Лида двинулась на кухню.

— Тимофей, — позвала она негромко. — Поможешь немного?

— Со всем моим удовольствием, матушка! — обрадовался появившийся на краю стола домовый.

Лиде предстояло приготовить на пару дней еды, а потом двигаться в местный клуб. Сценарий с нечистью, предложенный Лидой, решили использовать, даже не догадываясь, что среди подставной «нечисти», ожидающей участников соревнований в лесу, будет еще и нечисть самая настоящая. Но чтобы все сработало, человеческая сторона актеров должна была отыграть на ура! А для этого, собственно, и нужно было присутствовать на первой репетиции, да и желательно на всех крупных последующих.

До вечера Лида, хваля себя за предусмотрительность, просидела в ДК. И только убедившись, что да, все задействованные актеры поняли, что от них требуется, двинулась домой.

Выздоровевшая Дени, послушно ожидавшая ее на крыльце, подпрыгнула и, разразившись задорным лаем, забегала вокруг.

— Тихо, тихо, — положив ладонь на голову ретривера, Лида чуть потрепала ее за ушки. — Идем домой.

Гав! Умное создание, безо всяких проблем понимающее Лиду, твякнуло и помчалось вперед по той дороге, что вела к дому. Отбежит подальше, разлается и мчитя обратно, только уши от скорости качаются!

Только один раз, пролетев стрелой мимо Лиды, Дени на кого-то бросилась. Но прежде чем участковая успела вмешаться, то, во что вцепилась собака, распалось уже знакомыми клоками тени.

— Какая же ты замечательная, — похвалила Лида искренне собаку. — Моя ты, Дени, умница.

— Гав! Гав-гав! — откликнулась ретривер и снова начала нарезать вокруг Лиды круги.

Дома уже был подогрет ужин. Домашние дела закончились как-то очень быстро. А поскольку на воскресенье девушка запланировала поездку в город, лечь следовало пораньше, что Лида и сделала.

...Стук раздался после полуночи. Лида подорвалась с кровати, испуганно кинулась к двери. Ретривер золотистым шариком следовал за ней, только что скалился молча. Распахнув дверь, девушка отшатнулась, увидев брата и отца.

— Папа? Дима?

Степан Викторович подтолкнул сына в плечо, подсказал:

— Здесь надо шагнуть, Дима. Приподними правую ногу, хорошо. Наступи на порог. Отлично. Теперь подтяни ногу. Молодец. Шагни левой. Хорошо. Теперь иди.

Парень кивнул, шагнул в полосу света от неяркого настенного бра, и Лиде пришлось испуганно зажать рот. В прихожую шагнул живой труп.

У ее брата были пустые глаза мертвеца, серый цвет лица, мелкий тремор рук и головы. Он шагал, как мертвый. И его буйная шевелюра каштанового цвета покрылась светлым серебром. Всего за одни сутки, на которые Лида выпустила брата из виду, он поседел.

— Господи, папа, что это?

— Последствия умолчания. Сделай кофе. А я его пока уложу спать.

— Сейчас! — Лида бросилась на кухню. Попыталась зажечь спичку и не смогла, руки тряслись. И огонек гас еще до того, как девушка успевала зажечь конфорку.

— Сядь, матушка, — на плечи Лиде опустился легкий как паутинка платок. — Я все сейчас сам сделаю.

— Спасибо, Тимофей.

Первую кружку, пахнущую какими-то травами, домовой впихнул Лиде.

— Пейте, матушка, лишним не будет. Здравствуйте, Степан Викторович.

— Здравствуй, Тимофей.

Лида, уже сделавшая плоток дурманно пахнущего чая, даже удивляться не стала. Догадывалась, что папа отлично знает, что в доме есть полуночники.

— Что с Димкой? — спросила она.

— Зов русалки, — пробормотал мужчина, отпивая из кружки. — Молодой дурак, в голове много всего наивного, вот и вдарило по нему так, что... Он скорее сейчас на овощ похож, чем на человека.

— Где он взял русалку?

— Мать ваша. Надо было мне еще года два назад сказать. Хотя бы тебе, но он так радовался... Как можно было лишить его этого...

— Этого?

Степан Викторович сгорбился на стуле, грея ладони о кружку с кофе. Не в силах рассказать, но не видя смысла скрывать то, что уже стало открытым ящиком Пандоры.

— Мать нас бросила. Сразу же после рождения Димки. Умчалась, не в силах быть на одном месте, не желая его кормить и портить свою великолепную фигуру, ее инстинкт материнства затих так же мгновенно, как и появился.

— Начнем с другого, — попросила Лида, — она человек?

— Не совсем. Несколько лет назад...

— Несколько? — скептически перебила отца Лида.

— Хорошо, пару сотен лет назад, она отведала плоти русалки, приобретя бессмертие, нечеловеческую красоту и завораживающий голос. Но за это она заплатила дорогую цену, совершенно утратив человеческие черты. Все, чего она хотела, — это петь. Каждый день, почти каждый час. Ей ничего не нужно было. Только пение. Она завораживала своим голосом всех, кто слышал ее, погружала людей в омуты безумия. От русалок отличалась

только тем, что не убивала людей и жила на суше.

— Очаровательно, — прищурилась девушка. — Дальше давай.

— Мы встретились в тот год, когда ей в голову ударил материнский инстинкт. Она родила тебя, но почти не принимала участия в твоём воспитании. Все, что она делала — это пела тебе по ночам русалочьи колыбельные. Может, хотела передать тебе свое проклятие, может еще чего. Я не знаю. Но потом родился сын, а она сбежала.

— Далеко?

— В соседний городок. Там были гастролы бродячего театра. Она к ним прибилась. Прошла пробы, и пару лет ездила вместе с ними. Потом, по мере того, как ее голос становился все более и более нечеловеческим, она стала реже выходить на спектакли. Дальше — почти полное забвение. Ее потом увидел какой-то бандит, столичный, изгнанный. Лишенный своих денег, он искал шанс и увидел его в ней. Он увез ее из городка ночью, перевез в крупный столичный центр, выкупил захудалое местечко и сделал ее примой этого местечка. Не прошло и полгода, как чтобы попасть в это место, стала нужна запись загодя.

— Почему?

— Голос русалки сходен с наркотиками. Вызывает все те же симптомы. Только без привыкания. Это мгновенная разгрузка тела и рассудка. Кто смог бы устоять?

— Она... — Лида прикусила губу. — Нас помнит?

На лице Степана Викторовича появилось настоящее облегчение. Самую болезненную тему дочь подняла сама.

— Нет, — сказал он. — Забыла в тот же год, когда перестала петь для театра, и вернулся ее русалочий зов. Она...

— Какой же из нее человек? — грустно спросила Лида. — О чем ты говорил?! Она же...

— Прости.

— Димка значит ее нашел?

— Да. Видимо вошел в зал в разгар выступления. И...

— Сошел с ума? — предположила Лида худшее.

— Нет! Конечно, нет, — Степан Викторович суеверно сплюнул и постучал по краю стола. Хотя обычно в вере в суеверия замечен не был.

— Значит, не все так ужасно, просто плохо?

— Точно.

— Хорошо, — выдохнула девушка — значит, он попал под зов русалки, как обычно попадают под поезд.

— Форма странная, но содержание верное.

— И судя по твоему лицу, ты не знаешь, как с этим справиться.

— Да, — с неохотой признался Степан Викторович.

— Ладно, спрошу у полуночников, может, знают.

— Не у Мельника?

— У него даже спрашивать не буду, — отмахнулась Лида. — Продолжим. О полуночниках ты знаешь, в этом нет сомнения. Давно?

— Да.

— А здесь? Все случилось случайно или есть некий умысел?

— Умысел, — вздохнул отец участковой, разглядев в дочке профессиональную встревоженность. — Здесь государственный заказник. Сюда перевезли представителей почти всех видов.

— Отлично. Ты в этом заказнике?

— Егерь.

— Работа в школе — прикрытие. Ну, а слова о сменах на заводе — ложь.

— Точно, — кивнул мужчина. — Как и ожидалось от моей дочери, столько всего успела выяснить.

— Куда ты пропал в ту ночь, когда на меня напали?

— Хотел сделать то же, что и вы с Сашей, поговорить с кликушницей. Но до нее не доехал, увидел, как темная тень опустила тебя на крыльцо, и помчался следом. Не догнал, но след взял. И все эти дни пытался выследить.

— Темная тень. Человек или полуночник?

— Один из тех, кто как Мельник ходит между двумя мирами. С тем учетом, что тогда за тобой шел мертвяк, скорее всего, на тебя напал некромант.

— Некроманты — это повелители мертвых?

— Не совсем, хотя и близко. Они повелители мертвой материи. То, что жило и умерло, или того, что никогда не жило.

— Не вдохновляет. Но хотя бы понятно, почему полуночникам он планирует дать свободу убийств. Из живых он не сделает для себя ничего полезного. А вот с мертвыми ему простор для фантазии.

— Верно.

Отец и дочь немного помолчали. Лида отставила в сторону опустевшую кружку, подняла голову и прямо спросила:

— На меня, когда я была маленькая, действительно мертвец напал?

Кружка выпала из рук Степана Викторовича и покатилась по полу. Зазвенела выроненная ложечка.

— Ответ положительный, — Лида провела ладонью по мгновенно повлажневшему лбу.

— Кто сказал?

— Сама вспомнила. Мы в городе были, я почему-то от тебя ушла. Заблудилась. Вокруг дома были одинаковые. Тогда все и случилось. Так, это был мертвяк?

— Лич.

— В чем разница?

— В возможностях и последствиях, — туманно отозвался Степан Викторович.

— А если не уклоняться от ответа?

— Количество власти, данное создателем. В силах лича создать из человека подобие мертвяка.

— Мертвяк — это неразумная тварь?

— Нет. Неразумная тварь — это бездушные, люди, из которых некромант или лич вытащили душу. Личи таким образом питаются, некроманты проводят эксперименты. Вот бездушным как раз только бы жрать, ни на что другое не отвлекаясь. Мертвяки сохраняют свою душу и способны притворяться людьми, если хозяин постоянно их кормит.

— Замечательно. И, раз такая тварь меня цапнула, я должна была умереть.

— Мы вернулись вовремя.

— Мы? — насторожилась Лида.

— Я и еще один человек. Он был достаточно умелым, чтобы пристрелить лича. Но трупный яд к тому моменту уже попал в твое тело.

— Благодаря этому яду я опасна для полуночников? Я носительница этого яда.

— Более того, — Степан Викторович погладил дочь по опущенной голове. — Твой организм теперь вырабатывает этот яд самостоятельно.

— Почему меня никто не изучает в этом случае? Неужели нет ученого в среде ОСПБ или среди тех, кто над ними?

— Милая, с чего ты вообще взяла, что у ОСПБ есть вышестоящее начальство?

— Элементарно, Ватсон, — усмехнулась девушка. — ОСПБ — это мальчишки на побегушках, не то есть, не то кажется. Да и ты сам сказал, что наша территория — заказник. Вряд ли отделение, которое занимается казнью полуночников, будет заниматься созданием такого места, как это, а затем бросать его на произвол судьбы.

— Ты просто умница. Столько не знаешь об обществе полуночных созданий, но, тем не менее, умудряешься делать правильные выводы. Верно. Над ОСПБ есть начальство. И в этой структуре действительно есть ученые, которые были бы счастливы заполучить тебя. Но о случившемся никто не узнал. Поэтому ты можешь не бояться за себя и свои тайны.

— Разве очень похоже, что я боюсь? — возразила негромко Лида. — Я совершенно закономерным образом опасаясь.

— Ты умница, — повторил Степан Викторович. — А теперь, пойдём спать.

— Будет лучше, если я прямо сейчас прогуляюсь до воды. Водяной вряд ли спит. Да и его внук тоже. А кому как не им знать о том, что такое зов русалки и как от него спастись.

Мужчина покачал головой, но отговаривать Лиду не стал, вовремя осознав бесполезность этой затеи.

Спустя минут десять-пятнадцать, переодевшись в теплый спортивный костюм и прихватив ретривера, Лида мчалась к реке. В отношении водяного она все же ошиблась. Он не спал, но был вне досягаемости Лиды.

Встретивший девушку у берега Рим гневно качнул хвостом и нарочито нейтрально сообщил, что дед закрылся вместе с лесным хозяином в заповедном месте и сейчас активно чего-то ворожит.

— Может, я чего подскажу? — предложил русал, разглядывая Лиду, мрачнющую на глазах.

— Можешь и подскажешь, — согласилась та задумчиво. — Только разговор долгий, а я на такой холод не рассчитывала. Так что, давай я загляну завтра?

— Судя по твоему виду, — Рим хлопнул по воде, — у тебя случилась беда. Поэтому раздевайся и иди сюда. Я дам тебе дыхание русалок, а под водой тепло. Гораздо теплее, чем здесь.

— В таком раскладе поговорить не получится, — улыбнулась непослушными губами Лида. Промозглый речной ветер заморозил ее напрочь. И хотелось как можно быстрее укрыться хоть где-нибудь!

И предложение Рима на этом фоне выглядело в меру завлекательно.

Отчасти было страшновато, но все-таки девушка должна была еще и узнать, что же все-таки случилось с братом. И можно ли это исправить!

Скинув торопливо костюм, она шагнула к воде. Но успокоительные травы в чае домового сослужили Лиде дурную службу. Потому что спросить самое очевидное, она сообразила только у воды.

— А как ты будешь этим самым дыханием русалок делиться?

— Поздно! — расхохотался Рим. Мощный хвост ударил под колени. И Лида, вскрикнув от изумления, полетела в воду. Холодные руки обхватили ее за плечи. Холодное тело русала

было обжигающим. А затем испуганно приоткрытые нежные губы Рим накрыл жадным поцелуем.

Вода приподнялась, укрывая ласковой мантией. Затем выше и выше, пока не сомкнулась над головой. А русал утаскивал свою жертву все глубже и глубже в омут, и у Лиды даже не было возможности вырваться. Хвостом Рим удерживал ее ноги, а руками зажимал руки, не давая двигаться.

Под спиной мягко колыхнулись водоросли, приняли в свои необычайно мягкие объятия. И девушка, получив свободу, только боясь задохнуться, не стала кричать на проказливо улыбающегося русала.

«Слушай, — предложил тот неожиданно. И его мысленный голос звучал ясно и четко. — А становись моей женой? Будешь третьей принцессой крупного моря, теплого и красивейшего. Я сделаю тебя русалкой?»

«Сделаем вид, что я этого не слышала. У меня и без того безумное желание прибить тебя. Или себя за то, что заранее не уточнила очевидный пункт».

Рим снова расхохотался.

«Ты такая смешная, Лида! У полуночников все либо через кровь, либо через поцелуй, либо через смерть. Ну, не бывает других вариантов».

«Ограниченные вы какие!»

«Да я и не спорю. Не злись, Лида. Здесь тепло и красиво, а еще безопасно. Рассказывай что случилось».

К рассказу Лида сразу перейти все-таки не смогла. Вначале осмотрелась и осознала, что Рим ее не обманул. Здесь действительно было тепло, а еще — красиво. Не яркой, бросающейся в глаза красотой, а деликатными красками. Все было приглушено, как еще может быть на дне речном? Но очень нежно, уютно и завораживающе.

Дно было выложено разноцветной галькой и присыпано песком. Не серым, речным, как можно было подумать — а белым кварцевым и таким приятно золотистым. Дом, на качелях около которого и опустил русал Лиду, был сделан из чего-то напоминающего кирпичи, только не простых — а из спрессованных ракушек!

Разноцветные водоросли покачивались в воздухе, неизвестные Лиде грибы сияли, разгоняя царящий полумрак. И да! Повсюду были серебристые гибкие силуэты рыбок. Одна смелая красавица подплыла практически вплотную, вращая хвостом и заставив Лиду улыбнуться. Ну, чисто ее Дени.

«Лида?»

«Это случилось с моим братом», — начала Лида, опуская лишние на ее взгляд детали.

Но такой рассказ Риму не понравился. И почти перед рассветом, слушая его сухой голос, лишенный интонаций, Лида поняла, что рассказала ему гораздо больше, чем изначально хотела сама!

«Это редкий случай, чтобы просили за человека, попавшего под зов русалки. Но все же прецеденты были. И есть зелье, которое поможет твоему брату. Но его сварить может только человек, точно также как человеческими руками должны быть сорваны все ингредиенты, входящие в состав зелья. Я могу рассказать тебе, что ты должна искать и где. Но провести тебя на границу между двумя мирами может только Мельник».

«Все-таки придется идти к нему на поклон».

«А ты еще у него не была?» — обрадовался русал.

«И не хотела, и не хочу. Но придется», — девушка рассеянно запрокинула голову,

разглядывая толщу воды над головой.

«Лида, ты первая».

«Что?»

«Я с Мельником уже знаком лет сорок, так вот ты — первая, кто не захотел к нему обращаться за помощью. Когда дело касается наших двух миров или границы между ними, он всемогущ. Он... Палочка-выручалочка. А еще — ростовщик. Он никогда не помогает за просто так, всегда спрашивает свою цену. Во времена нашей спокойной жизни мы вполне были в силах ее заплатить. Речной жемчуг, лунные кристаллы, особые водоросли, дающие возможность подводного дыхания — это была не просто посильная цена, а лишь мелочь для нас. Сейчас же даже цена в три жемчужины становится невыполнимой. Мельник помогает, разрешая оставить оплату на потом. Но «потом» откладывается, а долги множатся».

«К чему ты мне это говоришь?»

«Даже не знаю, — русал развел руками. — Дурак, наверное. Светает, Лида. Тебе пора подниматься. Под водой время ощущается немного по-другому, и тебя ждет сегодня очень тяжелый день».

«Скажи, а как насчет тебя? Во-первых, откуда ты знаешь, что мне нужно? — проснулась подозрительность в Лиде. — А, во-вторых, что ты хочешь за свою помощь?»

«Ты будешь моей спутницей на ярмарке жемчуга через пару недель — это цена за помощь. А насчет откуда... Это очень сильное отворотное зелье, Лида. И, однажды, я готовил его собственноручно для себя, поскольку влюбился в человеческую девушку».

«А как все хорошо начиналось, — пробормотала Лида. — С ценой я согласна. Осталось узнать, что захочет Мельник за свою помощь. К тебе же я приду, когда все узнаю».

«Я заранее подготовлю список необходимого».

«Спасибо, Рим».

«Пока не благодари. Вначале твой брат выздоровеет, а там уже...»

«Я поняла. Как мне вернуть свое обычное дыхание?»

Русал развел руками и улыбнулся:

«Я бы сказал через поцелуй, но ты рассердишься. Когда ты вынырнешь на воздух, все вернется на круги своя».

Лида благодарно кивнула, оттолкнулась от качелей и поплыла вверх. Любопытная рыбка помчалась следом, на ходу меняя свою форму, и на берег рядом с Лидой уже выскочил ее ретривер.

Рим, посидев немного, встряхнулся и занялся списком. Следовало не просто его составить очень внимательно, но и указать, где именно искать растения, какие их части нужно собирать.

Русал хотел бы отправиться вместе с Лидой на границу между двумя мирами, но толку от него там было бы очень мало, даже если бы у деда нашлось бы припрятанное зелье временного обращения полуночника в человека. Только поэтому от этой идеи Риму пришлось отказаться... Оставалось верить, что Мельник назначит разумную цену и сам решит пойти с Лидой. И хотя русал понимал, что таким образом нравящаяся ему девушка останется с другим мужчиной, вопросы Лидиной безопасности перевешивали беспокойство на тему того, что она влюбится в Мельника.

А о том, что Лида уже любит мужчину и ждет его из военной части, Рим попросту не знал...

...Мельника искать не пришлось, он пришел сам. Правда, не к самой Лиде, а вообще к

Скворцовым домой.

Участковая вернулась после рабочего дня и обнаружила его около крыльца. Мужчина, облокотившись на перила крыльца, смотрел на подходящую девушку с выражением, которому Лида не могла подобрать иного определения кроме как «досада». Да, едва уловимая, почти незаметная, но она была.

Остановившись около ступеней, Лида поинтересовалась:

— Что-то случилось?

— Удивляюсь я тебе, барышня, — отозвался Мельник. — У тебя с братом такое случилось. Что же ты ко мне не пришла?

— Посреди ночи? — скептически отозвалась девушка. — Ты вполне мог быть и на своей работе, твоего точного графика я не знаю. Вот и постаралась обойтись без тебя.

— Получилось, барышня?

— Возникло небольшое затруднение. Почему-то на границу между мирами никто кроме тебя провести не может.

— Какая досада!

— Неопишуемая, — поддакнула Лида. — Словами не передать, как это обидно.

— Почему? — Мельник посмотрел на девушку немного свысока. — У кого-то еще ты же решила попросить о помощи, а ко мне идти не хотела?

— Не хотела, — подтвердила Лида. — Потому что ты сам говорил, как тебе надоели ходоки со словами «помогите».

— Только поэтому?

— Разве это недостаточная причина?

— Барышня, — Михаил даже сердиться перестал. — Ну, нельзя же так огульно.

— Почему нельзя? Или ты хочешь сказать, что мы подружились и поэтому ты для меня сделаешь исключение?

По губам Мельника скользнул тонкая усмешка, а Лида, не давая себя перебить, продолжила:

— Нет, не скажешь, поскольку нет поводов делать для меня исключения. Да и выбора другого у меня нет. Мне надо попасть на границу. И надо знать, что ты за это захочешь.

— Сделка что ли, барышня?

— Ну, конечно. Любой труд должен быть оплачен.

Мельник покачал головой.

— Удивительная барышня. Давай по-другому. Я тебя проведу на границу просто так, а уже потом решу, что с тебя спросить.

— Нет. Сначала стулья, потом деньги — это не мой способ ведения переговоров.

— Переговоров... — повторил Мельник задумчиво.

— Ну, послушай, Миша. Это тот самый случай, когда мне нравится человек в отрыве от его деятельности. Поэтому я не хочу от тебя «дружескую услугу». Я хочу просто стать частью твоей работы ненадолго. А вот дружеские отношения — это уже совсем другое.

— Упертая ты, барышня, — с каким-то даже сожалением сказал мужчина. — Но я не возражаю. Как насчет такого соглашения? Я возьму тебя с собой на границу, но не отдельно, а попутно. Найдешь все необходимое — честь тебе и хвала. Но защищать тебя, барышня, при этом я не буду. Также как объяснять, кто там водится, почему, кто опасен и так далее.

— Зачем тебе туда надо?

— За товарами для магазина. На границе растут уникальные растения и бегают во

временно живом виде будущие уникальные ингредиенты из животных.

Лида хлопнула ресницами.

— Ингредиенты?

— Точно. Части зелий животного происхождения, а зелий мне нужно много. Мой магазин работает во всей России. И он такой единственный.

— Во многом из-за того, что ты сам удивительный?

— Да, барышня. Из-за этого в том числе. Теперь насчет границы. Сегодня туда идти опасно, а вот завтра — идеальное время. Я зайду за тобой на работу. Побудешь до ночи у меня на мельнице, и отправимся на границу. Вернемся на рассвете, не раньше.

— Собаку с собой взять можно? — уточнила Лида.

— Нет, она не пройдет границу.

— И говоря о собаках... Пап! — крикнула Лида. — А куда ты нашего волкодава дел?

Степан Викторович, с молотком в руках свесившись с крыши, воззрился недоуменно на дочь.

— Вообще-то он оставался дома. Разве я мог бы оставить вас без защиты?

— Вообще-то он пропал в ту ночь, вместе с тобой!

— Куда?

— Вопрос, — согласилась Лида и повернулась к Мельнику. — Миша, чай будешь? Я на обеде тесто поставила, сейчас пирожки сделаю, если наш Тимофей до них еще не добрался. Не скажу, что готовлю как шеф-повар, но на мои пирожки еще никто не жаловался.

Сложно сказать, кто изумился сильнее — Степан Викторович, Мельник или выглянувший на крыльцо домовой, чтобы сообщить, что тесто подошло, ягоды он разморозил и можно печь пирожки.

— Я откаж...

— Не отказывайся, Михаил Андреевич, — опомнился Лидин папа. — Я крышу доделаю посидим как в старые добрые времена. Где-то и припрятанный бочонок сидра есть, по рецепту Авдотьи Никитичны, между прочим.

Лиде прозвучавшее имя ни о чем не сказало, зато для Мельника последний довод на удивление стал решающим. Он кивнул.

— Спасибо, не откажусь.

— Тогда пока, Миша, со мной посиди, а то если папа сейчас с крыши слезет, обратно придется с молотком и гвоздями залезать мне.

— Ну, это не дело, — покачал Мельник головой, — поэтому барышня некоторое время я действительно посижу с вами.

— Прощу, — Лида распахнула дверь.

Навстречу гостю бодрым золотым колобком выкатилась Дени, заскакала вокруг, звонко тьявкая.

— Как узнала, — пробормотала девушка, заходя в дом и закрывая дверь. Тимофей уже провел Мельника на кухню, невольно обеспечив Лиде мгновение передышки.

Слова о пирожках вырвались у нее сами собой. Не собиралась она приглашать Мельника на чай, даже не думала о такой возможности. А тут — мало того, что выпалила, так еще это и правильным показалось. Ну и в какую из категорий странностей зачислять случившееся?

— Барышня? — Михаил появился на пороге кухни и не показался чуждым элементом. Скорее, наоборот. И это пугало еще больше.

— Миша, скажи мне, неразумной, — набросив фартук, Лида прошла к раковине, чтобы помыть руки. Тесто лежало на столе, чуть в стороне был силиконовый коврик для раскатки и противни для выпечки. — А что ты собираешь на границе? И зачем?

— Собираю все необходимое для сборов, амулетов, заклятий или отваров.

— А в чем разница?

— Все время забываю, что ты об этом не знаешь, — Мельник чуть нахмурился. — Тогда расскажу по порядку. В отличие от полуночников, у которых есть своя, особая магия, люди вынуждены для достижения желаемого результата идти окольными путями. Об одном из них ты уже узнала.

— Зелье?

— Именно. Зелье варится полностью из потусторонних ингредиентов, обладает ярко выраженным действием и используется как людьми, так и в равной степени полуночниками. Для отваров берутся только травы твоего, барышня, мира. Ярко выраженного действия они не имеют, чтобы получить результат отвары надо пить несколько недель, а то и месяцев. Но иногда случается так, что лишь отвары могут помочь человеку. Сама догадаешься насчет сбора?

— Естественно, простая логика! Это середина, то есть это то, что состоит из растений и с границы, и из растений моего мира.

— Верно. Здесь дело в пропорции. Можно добавить в травяной отвар от простуды стручок волчьего перца и получить согревающий эффект. Если тот же перец добавить в желудочный отвар и присовокупить к нему сушеные крылья летучих мышей, получится один из самых популярных сборов для увеличения мужской силы.

Лида, смешивающая начинку, содрогнулась.

— Ой! Крылья?

— Сказки читала? Глаз рыбы, крыло мыши, чья-то лапа или внутренность. Это не редкость, обыденность. Более того, чем выраженнее нужен эффект, тем более неприятные используются компоненты.

— Не хочу знать примеры. А ты еще перечислял амулеты. И заклятия.

— Амулеты — это носители частицы магии границы. Защитной, атакующей, скрывающей, отслеживающей.

— Магия границы?

— В том числе ее обитателей. Это необходимо изучать на практике.

— А артефакты откуда тогда?

— Мастера зачаровывают. Те, кто живут на границе между двумя мирами. Как я, как бабки-ежки, как некроманты.

— Стоп, стоп, стоп! Кто?!

— Некроманты — это повели...

— Нет, нет! — перебила Лида, включив духовку, чтобы она начала разогреваться. — Выше! Бабки-ежки?

— Да. Баба Яга обыкновенная. Живет на границе между двумя мирами, часто служит проводниками по ним. В мире их осталось не больше десятка, наверное. Им просто свой дар передавать некому. Девочки, которые стали рождаться у них, не имеют ни капли магического дара. Если долго жить на границе, неотрывно, неотлучно, он появляется. Но кто захочет дожить до семидесяти лет, стать сгорбленной старухой, а после этого жить лет триста-четыреста в таком виде? Да, есть власть, сила, возможности — но нет главного,

молодости. Здоровье вернуть можно, с помощью древних отваров, да зелий, а вот молодость — нет.

— Ой, да! Говоря о зельях. Есть еще один вопрос.

— Слушаю тебя, барышня.

— А если наоборот?

— В каком смысле? — уточнил Мельник, не сразу поняв о чем идет речь.

— Если взять наоборот, то есть не в отвар добавлять полуночные растения, а наоборот, сделать сбор обратный. То есть в зелье добавить пару-тройку человеческих растений?

— Это интересная тема для холиваров. Бабки-ежки долго ругались на последнем съезде на Лысой горе дает это какой-то эффект или нет. В результате пришли к выводу, что все зависит от того, насколько правильно растения те собирали и для чего их добавляют. Единственное, неоспоримое, это как-то все-таки человеческие растения на зелья влияют. Но вот общеизвестных сборов — нет.

— Ты много об этом знаешь.

— Мама была бабкой ежкой.

— Была?

— И есть, — усмехнулся Мельник. — Живет в своей Сибири и здравствует уже почитай седьмое столетие.

— Сколько?! — ахнула Лида.

— Седьмое столетие пошло.

— Так много! А тебе тогда сколько?!

— Не скажу, барышня. Много будешь знать, вопросы задавать перестанешь. А с ними, чай, как-то и веселее.

Девушка вернулась к плите, перемешала лопаточкой грибы с луком. Рядом с плитой, на стойке, своего часа дожидалась свежая малина и рубленый зеленый лук с яйцами.

— То есть я тебя развлекаю?

— Нет, — Мельник, уловив в голосе Лиды обиду, неожиданно улыбнулся. — Когда не знаешь прописных истин, можно найти что-то совершенно особенное. Новый рецепт отвара, новое назначение для амулета. Первые два года, когда новичок попадает на границу, его специально ничему не учат, чтобы он мог делать открытия.

— А если попадет в беду?

— Его же одного никто не пустит, а результаты эти два года дают хорошие.

— Тебя тоже так учили?

— Нет, — с лица мужчины улыбка ушла. — Нет, барышня. Мое обучение было отдано на откуп местным полуночникам, поэтому все сложилось не так, как положено.

— А разве так можно делать? Отдавать в обучение не людям?

— Будущих перевозчиков, барышня, которые могут стать очень сильными, только так и учат. Вначале полуночники несколько лет, потом люди. Потом снова полуночники и снова люди. А потом экзамены.

— Сложные?

— Не особенно, барышня. Бывают неприятные, но если хорошо учиться, то они сдаются без проблем.

— А ты? Хорошо учился?

— Нет, — Михаил с трудом сдержал смешок, глядя на изумленное лицо девушки. Настолько живая у нее была мимика, что всю смену эмоций, как в калейдоскопе, можно

было хорошо рассмотреть.

— Но, как же так?

— Я учился из рук вон плохо, надеялся, что получится избежать уготованной участи.

— И не получилось?

— Как видишь, барышня.

— А почему ты не хотел становиться перевозчиком? Это плохо?

— Это... никак.

— В смысле? — озадачилась Лида, выключая под сковородкой огонь и повернувшись к тесту.

Мельник помолчал, глядя за окно.

Шумели птицы, слышался стук молотка по крыше. В соседней комнате можно было услышать ровное дыхание спящего человека. Димка как уснул, так до сих пор и не просыпался. Лида, в чью память буквально врезалось мертвое лицо брата, считала, что такой сон для него гораздо лучше.

Тесто под пальцами раскатывалось легко и послушно.

И на какой-то миг девушка словно провалилась сквозь время, когда вот так в кухне, она сидела совсем с другим человеком. В окно врывался свежий ветер, качая занавески, играя кисточками скатерти.

Чайник недовольно пофыркивал, и в его блестящем боку отражалась суеющая по комнате юная Лида. Краем был виден стол, за которым сидел какой-то парень.

Тогда тоже царила тишина: приятная, спокойная, потом разлетевшаяся на осколки.

— Барышня, вы побледнели.

Лида, прислонившись бедром к кухонной стойке, улыбнулась непослушными губами.

— Голова, это пройдет.

— Ну-ка, — Мельник плавно поднялся с места, придержал Лиду за плечи. — Давно?

— С той самой ночи, когда на меня на кладбище напали, — отозвалась девушка. — Повалялась в больнице, а когда вернулась, голова стала болеть.

— Одинаково?

— Нет, по-разному. Спасибо, Миша, я сейчас...

Лида не договорила, захлебнулась словами. Огромный Мельник неожиданно прижал ее голову к своему плечу. Глаза девушки потрясенно распахнулись. А потом... это не было теплом, как от солнца или от сковородки, это было что-то такое, совсем полуночное что ли. Мельник не светился, ничего особенного не происходило. В кухне не дрожала посуда, не тряслись стены, не волновалась вода в графине. Просто что-то случилось, и головная боль прошла.

Взамен пришла слабость, ноги подкосились, и Лида буквально осела на стул.

— Барышня, — Мельник немного придержал девушку. — К тебе что, память начала возвращаться?

— Сон, я видела странный сон, а вслед за ним пришло воспоминание, что шрамы на моем плече появились не случайно. А потом, пока папа из-за Димки был в расстроенных чувствах, я у него и выведала, что на меня действительно напал один из полуночников. Ну, и... А откуда, Миша, ты это знаешь?

— Тебя мучала память, и когда стало понятно, что с этим надо что-то делать, твой родитель привел тебя ко мне.

— Ты блокировал мне память?

— Да. А теперь эта блокировка рушится, и вместе с ней приходит головная боль. Нет, барышня, — слабый замах Мельник перехватил без труда, сжал своей ладонью кулак Лиды. — Ты тогда могла сойти с ума, а я, как палочка выручалочка, часто такими делами занимаюсь.

— Когда мы встретились, ты меня узнал?

— Барышня, — вздохнул мужчина. — Я занимался с ребенком. А на мельницу пришла участковая, которую я никогда не видел. В твоих чертах было что-то знакомое, но представь, за свою жизнь я видел столько, что даже предположить, когда это случилось, было довольно затруднительно.

— А фамилия?

— Ни о чем мне, барышня, не сказала. А вот когда я твоего отца увидел, тогда да, вспомнил. С ним мы были знакомы задолго до несчастного случая, что произошел с тобой.

— Задолго?

— Именно. Видишь, ты о своей семье даже не все знаешь.

Лида промолчала.

Мельник отстранился, сел за стол.

Вновь воцарилась тишина.

Лида не знала, что спросить, о чем сказать. Потом все же собрала воедино разбегающиеся мысли.

— Можно снять блокировку?

— Нет, — ответ последовал быстрее, чем девушка успела осознать толком последствия своего вопроса.

— Нет?

— Нельзя. Она спадет сама, — Мельник кивком поблагодарил Тимофея, выбравшегося из-под шкафчика и занявшегося чаем для гостя и обессиленной хозяйки.

— Когда?

— Когда придет время.

— А как я знаю, что время пришло?

— Когда проснешься со своими воспоминаниями.

— Как уклончиво! — обиделась Лида.

— Зато правдиво, барышня. Голова-то прошла?

Девушка прислушалась к своим ощущениям и подавленно кивнула. Теперь и ругаться, и злиться на Мельника было стыдно.

— Спасибо, — буркнула она едва слышно.

— Не за что, барышня.

— Было бы не за что, не говорила!

Мельник едва заметно усмехнулся и промолчал.

Лида, удивляясь собственной вспышке, вышла в ванную, умылась и после этого вернулась на кухню — доделывать пирожки.

Мельник ничего не говорил, ей тоже не хотелось снова выставлять себя душой, поэтому Лида благоразумно занималась готовкой молча.

Пирожки с малиной были отправлены в духовку. Пирожки с зеленью жарились в масле на сковороде. А Лида сноровисто лепила грибные пирожки, поглядывая на мужчину искоса, а потом не устояла.

— Миша...

— Да, барышня?

— А снежный зверь, он вообще, кто?

— Вспомнилось первое дело, которое затащило тебя в мир полуночников?

— Точно.

— Изначально, снежных зверей создали бабки-ежки, в качестве нянь для своих детей. Малыши, а потом дети, да и подростки тоже, могли перейти на границу между мирами, сами того не понимая, а там им грозила иногда опасность. Снежный зверь был проводником, который мог не только защитить в том месте ребенка, но еще и вернуть его домой. Пару раз меня лично возвращал наш личный снежный зверь, взяв в зубы.

— Они недостаточно крупные же, вроде бы, для этого. По крайней мере, тот которого я видела, смахивал на крупного волка, не более того.

— Снежные звери — полиморфны. Они могут менять форму.

— В любую сторону?

— Именно, они могут становиться меньше, могут становиться больше.

— Твоя кошка...

— Верно, — Мельник одобительно кивнул. — Единожды выбрав хозяина, снежный зверь больше его не покидает, служит верой и правдой до самого конца.

— Но сейчас он входит в перечень особо опасных видов ОСПБ.

— Причина тому случилась сто семьдесят лет назад. Двое сводных братьев-некромантов не поделили наследство своей пра-пра-прабабки, которая была, как думаю ты уже догадалась, Бабой Ягой. В числе наследства был и снежный зверь. Один брат был другого посильнее, он сумел, используя свою силу, подчинить зверя и натравил его на брата. Так родился монстр.

Лида расстроено покачала головой.

— Но ведь у них такое хорошее изначально предназначение!

— Было. Некромантский зверь, отведав человечины, отказаться от нее не смог. Свободолюбивое создание своим хозяином довольно не было, и вторым сожрало... именно его.

— А затем появился потомок?

— Точно, и не один. Истинный снежный зверь был один, а вот опасных тварей, которых сейчас так называют, клепал очень быстро, задирая волков. В конце концов, его убили, а вот потомков осталось тьма-тьмушая. До сих пор на том свете некроманту небось икается.

— И сейчас настоящих снежных зверей не осталось?

— Почти не осталось. Их создать очень сложно, а некромантов, которые хотели бы получить истинного зверя, пруд пруди.

Лида кивнула, присела за стол, разглядывая Мельника.

— Хорошо. Судя по стуку в терраске, папа вернулся, сейчас тебя утащит. Пирожки я подам минут через пятнадцать, двадцать.

— Договорились, барышня.

Лида не ошиблась. Степан Викторович, на ходу вытирая руки какой-то тряпицей, появился на кухне и увел гостя за собой.

Девушка допекла все пирожки, несколько часов посидела с проснувшимся братом, читая ему сказки, а потом отправилась спать. Мимолетно пожалев о том, что выспаться впрок нельзя, Лида заснула и... снова увидела сон.

Тихо стрекотали сверчки. Под босыми ногами неприятно кололись мелкие камешки.

Она стояла рядом с папой, вцепившись в его руку и отчаянно боялась. Всего.

И низких приземистых домов, которые никогда не видела раньше — только в кино. И высоких зарослей травы, от которой пахло горько и почему-то мокрой псиной.

— Пап, пап, — дернула девочка отца за рукав. — А зачем мы здесь?

Широкая ладонь легла на макушку и погладила.

— Мы теперь здесь будем жить.

— Мы больше не будем жить в городе?

— Нет, Лидонька. Надеюсь, тебе здесь понравится.

— А здесь я тоже не буду ходить в школу?

— Наоборот, здесь ты пойдешь в школу. Ты девочка у меня умненькая, быстро со всеми подружишься.

— Думаешь?

— Уверен.

А травинки недавно скошенные оказываются такие колкие! И на ромашке, девчонки научили, так смешно гадать. Ей из мальчишек и не нравится никто, но белые лепесточки так успокаивают.

И вокруг столько всего интересного, непонятного.

Девчонки и мальчишки знакомили Лиду с деревенской жизнью неспешно. А взамен получали массу новых и интересных знаний. Для девчонок о городской моде и о косметике, вместе они просматривали десятки модных подшивок. А мальчишки нашли в нескладном подростковом хорошем товарища для игр.

А потом появился мальчишка с удивительными синими глазами. Улыбнулся и протянул для рукопожатия руку, как большой.

— Меня зовут Лешка, — сказал он задорно. — А про тебя мне рассказывали, ты новенькая. Мы сегодня на стадионе в футбол играть будем, приходи.

И она пришла. Ради этих синих глаз, ради тепла этой ладони, она пришла на стадион. Вначале как зритель, потом как игрок на запасной скамье, потом стала игроком основного состава.

А мальчишка с синими глазами стал ее первой любовью.

Девчонки смеялись, говорили, что это безнадежно. Что Лида не первая, кто в него влюбился. Походит влюбленной пару месяцев, а там сама его и забудет. А она не забыла... Ни в школе, ни в университете, ни после, когда вернулась сюда, в деревню.

...Открыв глаза, Лида полежала, разглядывая потолок.

Сколько, оказывается, она не помнила! Целый пласт воспоминаний. Самое начало. И что значит «теперь будет ходить в школу?» Можно подумать, до этого не ходила. А может и не ходила. В памяти на этот счет было пусто.

В доме царила сонная тишина, но почему-то девушка проснулась же?

Поднявшись с места и набросив халат, Лида вышла в коридор. Под босыми ногами не скрипнула ни одна половица. Ни один шорох не выдал неспящую.

Димка спал в своей комнате, это она проверила в первую очередь. Спальня отца была пуста. А голоса доносились с крыльца.

Поправив на предплечье свой браслет, скрывающий смертоносный подарок, Лида крадучись двинулась к входной двери. Чем ближе был порог и открытое окно, тем лучше был слышен чужой разговор.

— Ты ей рассказал?

— Нет, конечно, такое разве можно говорить?

— А если сама узнает?

Девушка чуть сместилась к окну, осторожно выглянула. Голоса знакомыми были не случайно. На улице разговаривали папа и Мельник. Степана Викторовича видно не было, видимо стоял на крыльце. А вот Михаила видно было хорошо. Он сидел на скамейке, которую обожала Лида, и задумчиво разглядывал темное небо.

— Ты же говорил, что блокировка не поедет.

— Если бы она не столкнулась с полуночниками, память бы не вернулась. А теперь, одно зацепилось за другое, и процесс пошел.

— Можешь повторить?

— Нет. Я тебя с самого начала предупреждал, что блокировка разовая. Один раз слетит, второй раз поставить уже будет невозможно.

— Сплошное невезение, — пробормотал Степан Викторович. — И что делать то?

— Надеяться, что блокировка просто сместится, выпустив пару-тройку не самых болезненных для нее воспоминаний.

— Это возможно?

— Возможно. И это, и еще пара других вариантов. Все зависит и от степени везения, и невезения в равной степени.

Степан Викторович помолчал.

Лида, зябко поежившись, вернулась в свою комнату. Дени подняла золотистую голову от лап, встопорщила ушки и тут же успокоилась, только зевнула. Даже гавкать для порядка не стала.

Девушка, погладив свою неожиданную компаньонку по голове, устроилась на кровати, накрылась и снова уснула. На этот раз без снов.

Следующий день пролетел в работе. Не было ни единой свободной минутки, чтобы присесть и обдумать все, что стало известно благодаря сну и подслушанному разговору. Не хватило времени даже чтобы заглянуть к соседке. Марья Ивановна много знала, только знаниями делилась не со всеми, а только с теми, кто вопросы ей правильные задавал.

Вот это Лида и хотела сделать. Только, увы, это у нее так и не получилось.

В половину седьмого, когда замученная участковая уже не знала, куда ей прятаться от навалившейся работы, прибыл Мельник. Посмотрел на девушку, усмехнулся, вывел из здания, посадил верхом на свою страшную конягу-зверюгу, сам закрыл дверь участка и... Только их двоих и видели.

Глухому невозможно описать звук, слепому — все краски мира. А тому, кто никогда не был на границе, невозможно описать ее чуждость человеческому миру.

Дело было далеко не в нарушенных красках и пропорциях, что здесь царили. Мало ли миров придумано и описано фантастами. Вряд ли кого-то удивит темно-фиолетовым небом и бродящей по изломанной траектории полной луной. Пусть даже, когда Мельник и Лида шагнули на границу, на небе покачивался узенький серп.

Да и в траве, чернильно-черной, не найти ничего необычного. Пусть даже она удивительно хрупкая и при прикосновении рассыпается хлопьями жирного пепла. И вода,

которая на воду похожа лишь на словах, а на деле — как туман расплзается, оставляя в ладонях пустоту.

И деревья, вместо листьев — усыпанные шипами. И удивительно красивые кустарники, чьи кругленькие белые ягоды в тепле ладони распускаются белоснежными цветами. И низкие кустики с темно-синими крупными ягодами, которые буквально таяли на языке, оставляя кисло-сладкое послевкусие.

Мельник не обманул, он не собирался ничего объяснять, рассказывать. Лида шла за ним, след в след, и только иногда застывала на одном месте. Мудрая интуиция подсказала ей, что самое безопасное — смотреть издали, ни к чему не протягивая руки. Она и не тянула. Ее проводник и спутник показывал ей красоты этого мира мимоходом. Остановил около невзрачного кустарника, усыпанного белыми ягодками, взял за руку и высыпал на ладонь три ягодки, которые и распустились дивным цветом.

И пока Лида любовалась, застыв около куста, сам нарвал почти банку этих удивительных ягодок. Они в руках Мельника не распускались, видимо потому, что он сам был в перчатках.

И к небольшому озеру девушку он не пустил, хотя там и рос один из необходимых Лиде компонентов для зелья. Сам сорвал огромную кувшинку, нежно-розовую, с белоснежными кончиками.

Правда, поехидничать девушка не успела, хотя и хотелось. Еще несколько штук этих кувшинок Мельник сорвал и упаковал в собственный пакет.

Правда, это было из разряда исключений. В основном Лида искала необходимые растения самостоятельно. Список у нее был. Не текстовый, как она подумала немного испуганно, когда из воды соткался длинная бумажная «портянка». Около каждого пункта в списке был зарисован внешний вид искомого растения.

Посмотрев на осыпающиеся кусочки гуаши, Лида сделала себе пометку найти и купить для Рима нормальные краски, вгляделась в рисунки и пропала очарованная. Нарисованные растения казались живыми. Тронь — и скатятся росинки с широких листьев девясила высокого. Подуй и слетит золотистая пыльца с тычинок оленьего языка. Растения были как знакомыми, так и вообще впервые виденными. Но и более того, судя по списку, на границе произрастали растения из разных зон человеческого мира.

И Лида очень быстро убедилась, что это правда. На границе совершенно комфортно располагались рядом, практически на одной кочке, растения из жаркой степи и из холодной тайги. В лесу наряду с деревьями, аналогов которым девушка не смогла бы привести, росли и те, что она не раз видела в научно-популярных фильмах. Баобаб и саксаул перемежались карликовыми березами, можжевельникам и, неожиданно, кактусами, высокими, выше пяти-семи метров.

Мельник шагал без усталости, поэтому у Лиды не было времени разглядывать окружающий мир. В глаза бросались только самые яркие моменты и некоторые из них казались почему-то знакомыми.

Но этого же просто не может быть?

— Привал, — мужчина остановился на небольшой полянке, со всех сторон окруженной высокими кустарниками. На темно-коричневых ветвях качались, позвякивая, тонкие серебристые узорчатые листочки.

Они были настолько завлекательно красивы, что Лида, если бы не данной себе обещание, уже давно была бы рядом с ними. А так ей и оставалось только сидеть на одном

месте, изучая произведение природного искусства.

Именно поэтому она и заметила ярко-голубые глаза, изучающие ее из-за сплетений ветвей. У Дени глаза были цвета янтаря, поэтому по границе за Лидой и Мельником двигался тот самый снежный зверь, с которого все и началось.

Инстинкт сработал быстрее разума. Девушка вцепилась в запястье мужчины, но тот даже не повернулся. Лишь едва заметно покачал головой.

— Он пока не нападает. А серебролист, это тот куст, на который ты с таким интересом смотришь, ядовит для снежных зверей. Пока мы здесь, ты в полной безопасности.

— Он давно следует за нами? — расстроилась за свою невнимательность Лида.

— Минуты три. Появился, когда ты прикипела взглядом к серебролисту.

— Ясно. И что теперь нам делать? Ждать?

— Зачем, можем уйти в наш мир отсюда, не обязательно идти к местам перехода. А там уже нас встретит мой зверь.

Лида промолчала. Ярко-голубые глаза смотрели на нее не отрываясь.

— Что у тебя со списком? — уточнил Мельник.

— Осталось единственное растение. Льянка. Выглядит очень красиво и такие интересные соцветия.

— Значит, придется рискнуть и попробовать отогнать зверя, — Мельник взглянул на полную луну, что-то пытаясь в ней отыскать.

— Рискнуть?

— В моем рецепте нет льянки, барышня. У тебя либо рецепт более полный, либо более специфический. В любом случае, льянка на границе цветет трижды в месяц.

— Трижды? В месяц?

— Да. Здесь все подчиняется особым законам, поэтому даже посреди зимы можно найти и цветущие растения, и созревшие плоды, и только-только зацветающие цветы. Возможно все, поэтому тех, кто живет между двумя мирами, в первую очередь учат календарю. И льянка сегодня ночью цветет последний раз за месяц.

— Я не могу так долго ждать!

— Поэтому я и говорю, что придется прогуляться до того места, где она растет. Вот только что делать со зверем.

— Я могу, — Лида скользнула пальцами по браслету. — Отогнать его.

— Ты уже научилась вызывать обрез по собственному желанию? — в голосе Мельника наряду с прохладным спокойствием прозвучала нота удивления.

Лида кивнула.

— Не должна была?

— Почему? Это хороший знак. Только, барышня, зверя убивать нельзя.

Девушка, уже успевшая вытащить обрез и зарядить его, взглянула на проводника с неммым изумлением. И он снизошел до объяснений.

— Это зверь некроманта. Поэтому наиболее опасен он не тогда, когда жив, а наоборот, тогда — когда мертв.

— Не понимаю, но просто приму на веру. Это будет безопаснее для моих нервов.

Мельник усмехнулся.

— Стреляй в лапу. А еще лучше — прямо перед носом, чтобы его обожгло воздухом, но не задело.

«Знает или не знает о моем свойстве? — задумалась Лида, поднимая обрез. — Если

ставил блокировку, значит, о чем-то папа ему рассказал. Но если бы он знал, неужели все равно предложил бы стрелять? И кстати, в тот раз зверь от меня сбежал, как только увидел револьвер в моей руке, а в этот раз до сих пор смотрит на меня, словно хочет, чтобы я...»

— Миша, он прозрачный, — севшим голосом сказала девушка.

Мельник, успевший забросить на плечо рюкзак, повернулся. Кусты еще покачивались, подрагивали стебли крупного дикого лука, но на краю поляны осталось прозрачное изображение зверя, а не он сам.

— Эффект доппельгенгера.

— Что это значит?

— Доппельгенгер — призрак-двойник. Остаточное эхо того, кто здесь был. Какие-то зоны границы помнят в течение нескольких минут, а некоторые сохраняют призраков ушедших по несколько лет. Поэтому те, кто хотят скрыть здесь свое пребывание специально проходят только по тем местам, где невозможно оставить следы.

— Мы...

— Не оставляли следов, барышня. А вот за льянкой ты не пойдешь. Не стоит посторонним знать, что ты когда-либо была на границе. Мой же призрак успел тут примелькаться. Пойдем.

— Подожди! Ты же...

Мельник повернулся, притянул Лиду к себе, прижал, одновременно зажав ей рот. Вдалеке слышался шум чужих шагов. Девушка, в который раз недоумевая, как можно быть таким рослым и так тихо двигаться, могла только бессильно смотреть на происходящее. Мужчина же тем временем смещался в сторону, под тень высокого развесистого дуба.

И то, что смещается он с нагрузкой в виде Лиды, его совершенно не смутило.

Потрескивание мелких веточек под чужими ногами стихло. И если бы рот девушки не был бы закрыт, она вряд ли смогла бы удержаться от крика, потому что на тропинке, напротив двоих, остановился мертвец.

Петрович, убитый еще зимой, поправил на плечах лямки рюкзака, огляделся. Рядом с ним никого совершенно не было, это точно. Стоял убитый прямо напротив Лиды. Губы его шевелились, но ни одного слова не звучало в тиши леса. Зато по движениям, которые участковая хорошо видела, «сказанное» она поняла.

— Сколько можно тебе объяснять, ты мертвый. Поэтому и нет твоего доппельгенгера здесь. Нет, это не лечится и не исправляется. И если кто-нибудь потом встретит моего призрака, он будет порядком удивлен его шизофреническому поведению. Надо было по границе ходить, когда живым был. Тогда бы и встретился со своим доппельгенгером. А так ты, придурок, сдох давно. И труп твой уже сгнил. Хотя бы в голове у тебя ума было немного, или Хозяин нового напарника прислал. А то, что ты, что этот пьянчуга, толку от вас двоих — никакого. Тоха, вот тот парень был огонь. Но вишь ты, слишком умный, хоть сам сдох давно, а туда же — против Хозяина осмелился интриги плести. За это и поплатился. Нельзя в нашем деле слишком умным быть. Впрочем, от дураков-то и проблем поболее будет. Ладно, ладно. Вот зима придет, займемся отловом свежего мяса. Хозяин говорил, в этом году и полютовать можно будет. Участковая хоть и кремень-баба, но дура дурой! Пошли давай, трупяк-мертвяк...

И Петрович, немного припадая на левую ногу, двинулся по дороге прочь.

— Вот тебе и доппельгенгер, — сообщил Мельник, отпуская Лиду. — Правда, это давний. Месяцев шесть, может даже больше шатается. Барышня, что это с тобой?

— Он мертвый.

— Ну и что? — мужчина хладнокровно пожал плечами. — Тут в паре зон мертвецов найти можно которым и поболее чем пару сотен лет будет.

— Миш, ты специально?

— А ты мертвяков, барышня, боишься, чай?

— Нет, не боюсь. Но мороз по коже все равно продирает, — честно ответила Лида. — Идем за льнянкой. Потом вернемся, я займусь созданием зелья.

— Умница, запомнила, — Мельник мимолетным движением скользнул по волосам девушки и шагнул на тропинку. Лида шагнула вслед за ним. Граница очень быстро потеряла свою привлекательность. И больше на красоты этого мира случайная гостья не смотрела. Надеялась побыстрее отсюда уйти.

Удвоенная бдительность принесла весьма неожиданные плоды. В низкой траве позади что-то зашуршало, раз, второй. Мелькнул белый кончик хвоста, и ахнувшая Лида осознала, что на нее смотрит крошка-енот. Белый, как свежесвыпавший снег, с яркими янтарными глазами.

За Лидой следовала Дени. Ее личный снежный зверь, самый настоящий. Выбравший ее саму, ее одну. И на душе потеплело. Дышать стало легче, и вслед за Мельником девушка зашагала уже значительно бодрее.

До того момента, пока не дошли до места, где эта самая льнянка росла! Впрочем, вначале носа коснулся запах. Совершенно невероятный запах меда и молока. А следом под ногами влажно чавкнула земля.

— Осторожно, — Мельник, протянув руку, придержал девушку за плечо.

— Что это?

— Болото.

— А почему пахнет медом и молоком?

Мужчина промолчал, потом вздохнул.

— Постой здесь, барышня. Сейчас сорву твою льнянку, заодно прихвачу тебе источник этого запаха. Ты отсюда — ни ногой. Я бочаги вижу, а ты провалишься, и спасти никто не успеет.

Лида послушно кивнула. И действительно не тронулась с места. Зато в голову ей пришла идея попробовать вытащить планшет. Связь здесь, конечно, вряд ли ловит, но на нем были установлены пара игрушек, которые помогали отлично провести время.

Время текло как заговоренное. Медленно, размеренно. Как зачарованное.

Вначале надоело стоять. Желание присесть где-нибудь было просто нестерпимым, судя по электронным часам, на границе они уже ходили почти пять часов. Но и отойти с тропы Лида не решалась.

И хочется, и колется, и Мельник не велел.

Своих подсознательных желаний порой нужно слушаться. Да, они могут привести к грандиозным неприятностям, но иногда могут от них и избавить.

Девушка не послушала свой внутренний голос, она его даже не услышала. И в общем, даже не предполагала, чем закончится дело.

Вначале на грани слышимости раздался стук. Словно маленький молоточек раз за разом ударяет о звонкую тарелочку. Запершило в горле, и ослабили колени. Сонная хмарь накатила, грозя полным забвением.

«Нет, нет! — спохватилась Лида. — Не спать. Не спа...»

Холодные руки притянули ее к чужому телу. Легли на талию, хозяйским жестом скользнули под рубашку, погладив по животу, правда, до чешуек не дотянулись. Вначале одна, за ней вторая пуговица, оторванные с мясом, упали на тропинку, а там и холодный ветер коснулся груди.

Во время охоты, рыбалки или на длительные туристические вылазки Лида предпочитала надевать спортивное белье. И этот раз не стал исключением.

Эластичная ткань разошлась под острым лезвием охотничьего ножа. Из пореза чуть ниже ключицы потекли капли крови.

Больно...

Боль была какой-то неправильной, затуманенное сознание не хотело возвращаться в бренный мир. Что-то было не так.

Нож скользнул ниже, едва-едва нажимая, не до крови, но оставляя на коже красную полоску.

— Лида!

Мужской голос донесся, словно из-под тяжелой пелены. Ноги подкосились, над головой что-то жажнуло. И на этом Лида неожиданно пришла в себя.

За спиной раздался тоскливый вой, спину обдало ледяными брызгами, а потом на плечи легла мужская куртка.

— Запахнись, барышня.

Лида кивнула. Страх не отпускал, и дрожащими пальцами она никак не могла продеть пуговицы в петельки.

Мельник, повернув ее к себе, застегнул куртку сам.

— Барышня, с тобой вот так выйдешь погулять и уже не знаешь, вернешься домой без проблем, или с кем познакомишься поближе.

— Что это было?

— Посланник некроманта. Тебе просто продемонстрировали расстановку сил. Можно сказать, дали предупреждение, чтобы ты никуда не вмешивалась. Не искала лишнего. Здесь, на границе, эти порождения особенно сильны. Он затуманил твое сознание.

— У него был нож?

— Нет. Когти. Оно просто позволило тебе придумать форму.

— Оно?

— Да, барышня, оно. Порождение некроманта. Сама идти сможешь?

— Думаю, да, — осторожно ответила Лида.

— Хорошо. Идем тогда отсюда.

Первый шаг дался тяжелее всего, а потом пошло легче. Виновато поскуливающий енотик еще пару раз мелькнул в ветвях и растаял где-то позади.

На крыльце Мельник сдал девушку на руки отцу, вручил ему котомку с растениями, велел оставить их до полудня, и исчез в темноте.

Лида рухнула в кровать, до работы оставалось поспать всего пару часов...

...Варить зелье предстояло вечером того же дня дома у Мельника. В огромном подполе, кстати, на удивление тепло, у него была оборудована лаборатория. Причем Лида с первого взгляда даже растерялась, не зная, куда ее причислять — то ли к алхимическим, то ли к современным.

Потому что рядом с новейшим компьютером мирно соседствовал здоровенный котел. Чуть левее микроскоп на столе располагался рядом с яблоком на блюде. На дне

химического анализатора, Лида не раз пользовалась подобным во время практики в морге, лежало нечто, что можно было в равной степени назвать и корнем какого-то растения и сушеной чьей-то лапкой.

Под потолком, напротив кондиционера, висели связки трав и не только трав. На связках с сушеными крыльями летучих мышей Лида не выдержала, опустила взгляд.

— Пристанище сумасшедшего ученого-алхимика, — пробормотала она. — И с таким складом чего тебя понесло на границу?

— Определенные зелья требуют непременно свежих ингредиентов, барышня. А мне два таких недавно заказали. Спиртовка и колбы под столешницей на полке. Разберешься. Маленький котел найдешь там же. Если будут вопросы, можешь попробовать их задать, хотя совсем не факт, что я на них отвечу. Все понятно, барышня?

Лида предпочла кивнуть, хотя на языке вертелась тысяча вопросов.

Маленький котелок, острый нож, деревянная доска, чесночная давилка, терка и скалка. Вот и весь набор, необходимый для создания зелья.

Напомнив себе, что это все очень похоже на обычную готовку, Лида занялась зельем.

Резала, давила, терла, помешивала в котле, причем строго определенное количество раз в конкретном направлении. И не могла отделаться от чувства дежа-вю. Как будто такое уже было. Что она суетилась вот так у котла, подкидывая в разноцветное варево то одно, то другое.

Как будто бы уже терла коренья, резала листовую массу, создавая зелья.

— Миша.

— Да, барышня?

— Скажи, а я не испорчу зелье?

— Нет, не испортишь. У тебя же инструкция есть, соблюдаешь ты ее досконально.

Почему это может случиться?

— Н-н-не знаю, — Лида спрятала взгляд, стараясь не смотреть на Мельника. Он ведь действительно мог не знать о ее особенности. Хотя с другой стороны, с тем же успехом мог и притворяться.

Чувствуя, что запутывается все больше и больше в сетях паранойи, Лида огорченно вздохнула. Она бы не отказалась от ясности в некоторых вопросах, ответы на которые ей очень было нужно получить.

Если рассуждать логически, папа давно знаком с Мишей. Значит, в той историей, когда Лиду чуть не загрыз лич, он мог обратиться и к всемогущему Мельнику. А мог обратиться и к кому-то другому. Нет, как ни крути, а получалась полная ерунда. Что в профиль, что в анфас.

Добавив в зелье последние лепестки, оборванные с цветка дивной ночной розы, Лида закрыла котел крышкой и посмотрела на Мельника.

Зелью предстояло еще кипятиться три часа.

— Может, я могу тебе чем-то помочь? — неуверенно предложила Лида.

Мельник задумался. Закрыв крышкой свой котел, отошел к шкафу, вытащил оттуда толстую папку и перелистал ее страницы. Что-то нашел, смерил Лиду задумчивым взглядом, заставившим девушку нервно поежиться. Мужчина смотрел оценивающе и вместе с тем было в его взгляде что-то еще. Не совсем ясное, но было однозначно.

— Можешь, — кивнул он, наконец. — Это зелье готовится быстро, но оно одно из самых сложных. И я не раз жалел, что у меня только две руки. Вот с ним ты мне и

поможешь.

— Да!

— Только, — Мельник усмехнулся, — это темное зелье, сможешь с ним справиться? Резать крылья, тереть лапки, давить рыбы глаза и сердца лягушек?

Лида хихикнула:

— Чувствую себя героиней фантастической книги или даже сказки! Смогу. С чего начинать надо?

— С этого, — на стол перед Лидой легла костяная доска и такой же нож. — Дерево здесь недопустимо.

— И сталь тоже, — радостно отозвалась Лида, — но можно воспользоваться костью!

К концу собственных слов улыбка с лица девушки куда-то сбежала. Остался только вопрос в огромных, совершенно испуганных глазах: «откуда я это знаю?»

Мельник на случившемся заострять внимание не стал. Положил перед Лидой связку сушеных крыльев, стопку змеиных выползков и современные электронные весы.

— Семьдесят пять грамм мелко нарезанных крыльев нетопыря и сорок грамм чешуек гадюки. Приступай, помощница.

Лида кивнула, поудобнее взяла нож, взглянула на крыло и занялась делом. А в голове словно эхо давних событий звучали чужие слова, сказанные женским незнакомым голосом:

— Крылья нетопырей один из базовых компонентов полуночных зелий. Поэтому мы сегодня начнем с него. Чтобы правильно порезать крыло, необходимо сначала найти главное сухожилие и резать вдоль него на тоненькие полоски. В зелье сухожилия не идут, поэтому полоску с ним ты откладываешь в сторону. Когда будешь резать остальные полоски, режь их по одной. Так будет медленнее, но зато — вернее. Второй важный компонент зелий — это змеиная чешуя. Она может в зелье идти в разном виде: целиком, порезанная, измельченная или по отдельным чешуйкам. Чтобы порезать, тебе будут нужны ножницы с закругленными кончиками, для измельчения чешуи используется мясорубка. А для того, чтобы получить отдельные чешуйки — пинцет.

Где-то там, в прошлом маленькая девочка откликнулась:

— Хорошо, я все поняла.

Отложив в сторону костяной нож, Лида размяла пальцы и подняла голову на Мельника.

— Миша, мне нужен пинцет.

— В ящике позади тебя, барышня.

Пинцетов было много. Длинные, короткие, толстые, тонкие, с закругленными кончиками и кончиками-иглами. И какие именно ей нужны, Лида не знала.

Мельник, неслышно подошедший ближе, вытащил из общего сверкающего сталью великолепия тонкий пинцет со скошенными краями.

— Вот эти, барышня.

— Спасибо, — вежливо поблагодарила Лида, подняв голову.

Сердце дало сбой. Больно укололо и часто запорхало под грудиной. Мельник стоял очень близко. Настолько близко, что до поцелуя оставался всего лишь один шаг...

«О чем я думаю? — испугалась Лида. — Что за мысли? Какой еще поцелуй?!»

— Барышня?

Девушка торопливо отступила на шаг назад. И эта торопливость чуть ее не подвела. За девичьей спиной был кипящий котел.

— Барышня, осторожно!

Рука Мельника сомкнулась на ее локте, удерживая. Так уже было однажды. Только не с ним. И Лида провалилась в новое воспоминание.

Колючее, болезненное и такое глупое, и важное.

— Мы снова представляем всю школу, — Алексей, покачивая в воздухе своим рюкзаком, шел чуть впереди. — Слушай, Скворцова, начни что ли чуть хуже учиться. Глядишь, в этом случае меня отправят с кем-то другим.

— Леш, оставь меня в покое, — попросила Лида. — И без того плохо.

В глазах мир медленно раскачивался. Влево, вправо, влево, вправо. Не было сил даже ноги переставлять. А уж реагировать на подначки одноклассника не хотелось совершенно.

— Скворцова, — Лешка, рассердившись, круто повернулся. — Ты мой личный кошмар!

Лида, соглашаясь, кивнула. Между ней и горячим телом, между ней и таким манящим теплом был всего один шаг.

«Потом надо будет извиниться», — твердо решила Лида, преодолевая это малое расстояние.

Парень изумленно ахнул, обхватил прислонившуюся к нему девушку за плечи.

— Скворцова, да ты горишь!

— Все нормально, — немного заплетающимся языком сказала Лида, отшатнулась и начала падать.

У Лешки была очень хорошая реакция, и девушку он удержал за локти, затем его лицо страдальчески искривилось:

— Что ты со мной делаешь, Скворцова?

Первый поцелуй оказался совсем не таким, о котором мечтала Лида. Не было ни нежного касания, ни нежности. Был злой поцелуй, колючий. Словно наказывал парень одновременно и себя, и девушку.

А потом отстранился, прижался лбом к ее лбу.

— Скворцова. Не знаю всех твоих тараканов, но ты меня бесишь.

Прохлада именно там, где гулко раскатывалась боль, была такой необходимой и приносила хоть и краткое, но все же облегчение. Лида даже кивать не стала. Она отлично знала, как к ней относится первый парень школы. Знала причину и...

— Скворцова.

— Что?

— Ты будешь со мной встречаться?

— Не-а, — откликнулась эхом Лида. — Ты же меня ненавидишь.

Лешка как-то невесело усмехнулся.

— Пошли уж, бедолага. Провожу тебя домой. И вызову нашего фельдшера. И угораздил же тебя.

— Зато отправишься на представительские с другой девушкой, как и хотел, — сообщила Лида.

И угадала...

...Взгляд Мельника на мгновение стал растерянным.

— Барышня?

— Извини, — отозвалась Лида, подняв голову. — Что-то нехорошо стало.

— Может быть, поднимешься наверх, поспишь?

— Нет, все нормально. Чешуйки, сорок грамм. Помню. Сейчас сделаю.

Мужчина кивнул и отошел. Девушка, с трудом удержавшись от того, чтобы перевести

облегченно дух на миг прислонилась боком к шкафу.

Всего минуточку, и она продолжит зелье. Только странно как-то... Воспоминание о Лешке были на месте, но почему-то всплыли в памяти именно сейчас. Как будто...

— Миша, — устроившись на высоком барном стуле, Лида занялась мерным выдергиванием чешуек. — А ты знаешь, что за «ярмарка жемчуга» у русалок?

— Когда-то была красивым зрелищем, сейчас лишь остатки бывшего совершенства, барышня. А вы надумали ярмарку посетить?

— Условие договора с Римом.

— И в каком качестве?

Лида задумалась, косясь на табло весов.

— Даже и не знаю. Это не обговаривалось.

— Будьте осторожны, барышня. Русалки не любят, когда их красоте и совершенству не уделяют должного внимания.

— Только русалки?

— Иногда нет, — кивнул Мельник. — Например, снежные звери очень любят покрасоваться.

— Почему ты вспомнил о них?

— Потому что, — мужчина качнул головой, показывая направление. На краю шкафа сидела кошка, лукаво сверкая глазами. — Если ей не сказать вовремя, как она у меня умница и красавица, в доме начинается погром.

— Ой ли? — не поверила Лида. — Дари же у тебя такая умница, красавица, шерстка гладкая, глаза как изумруды, шерстка серым руно. Ну, просто, совершенство!

Кошка смущенно мурлыкнула, устроилась на краю и даже глаза прикрыла от удовольствия.

— Вот видите, барышня.

— Миша, почему ты меня то на «вы», то на «ты» называешь время от времени?

— Потому что... — мужчина усмехнулся. — Не хочу переходить на личности.

— Нас ждет долгое и плодотворное сотрудничество, а ты не хочешь перейти на «ты»? — изумилась Лида. — Ты же не собираешься отсюда уезжать?

— Нет, барышня, не собираюсь.

— Я увольняться тоже не планирую в ближайшее время, как и менять свою полуночную область деятельности. Так почему бы не попробовать перейти на более близкое общение?

— Барышня. Тебе что-то нужно.

Лида, едва заметно улыбнулась, торжествующе отметив «тебе» и легко призналась:

— Нужно.

— Что именно?

— Ты же завтра в город едешь.

— Барышня, это тебе откуда известно стало?

— У меня свои источники, — изобразила надменное превосходство девушка.

— И? Что ты хочешь?

— Шоколадку. У меня в следующие выходные — ярмарка. Через неделю — дежурство на соседнем участке, там о помощи попросили. Через две недели на выходные курсы краткосрочной квалификации. Наш Аксеньч... ну, мой начальник в смысле, все пытается что-то сделать с моей косорукостью в отношении драк и то и дело меня куда-то запикивает. А последняя шоколадка закончилась уже давно.

— Барышня...

— Ну вот, — опечалилась Лида, — не получилось. Держи и давай следующее задание.

Мельник несколько минут изучал лицо своей нечаянной помощницы. Долго смотрел, подмечая и мелкую складку на лбу, и едва заметно опущенные уголки губ. А ведь попросила же, хотя, он знал это точно, даже отца не просила о том, чтобы тот купил ей шоколадки. И с чего вдруг решила довериться?

— Барышня, почему ты вдруг меня решила об этом попросить?

— Потому что у тебя своих тайн полно, одной больше, одной меньше — какая разница то? А я... Ну, ты же все равно знаешь о том, что я люблю черный шоколад. А другие — нет.

Мельник вздохнул и махнул рукой, сдаваясь.

— Куплю я тебе шоколадки, барышня.

— Спасибо! — обрадовалась Лида. — Большое, огромное и невероятное!

— Но взамен.

— Взамен?

— Когда ты отправишься на ярмарку русалок, поедешь на моем келпи. После заповедной поляны, когда тебя в круг полуночников включили, управлять им ты сможешь.

— Но зачем?!

— Чтобы могла оттуда уйти с ярмарки сама, никого не дожидаясь. Мне так спокойнее будет.

«Спокойнее? — Лида, кивнула, показывая, что согласна и все поняла. Получила тарелочку с крупными вороньими ягодами и толкушку, с наказом сделать из этого ягодное пюре. Толкушка мерно поднималась и опускалась, а в голове девушки мысли скакали с одной темы на другую. — А с чего это вдруг? Не хочет потом меня же спасти, если я окажусь настолько неудачливой, что привлеку чье-то внимание? Да ладно, быть такого не может. Наверное, есть другая причина, о которой я даже не догадываюсь. А вот мне главное не забыть свой браслет. А еще надо спросить Рима заранее о том, надо ли что-то с собой. И сколько длится эта ярмарка. И...»

— Барышня.

Лида подняла голову на Мельника.

— Да?

Мужчина помолчал. А потом, девушка буквально ощутила это кожей, сказал не то, что собирался:

— Я тебя на келпи домой отвезу. Посматривай по времени за своим зельем, не то убежит, повторно придется идти на границу.

— Не убежит, — помотала Лида головой. — А впрочем, даже если и попробует, не страшно. Поймаю. Кстати, Миша...

— Барышня, — Мельник, вытащив терку с ручками в виде двух ящериц, занялся какими-то корнями. — Ты уж спрашивай то, что тебе интересно, не подбирай слова. Я если не смогу, отвечать не буду. А если это в моих силах, то объясню.

— Несколько лет назад, в городе. Папа за помощью пришел к тебе? Когда я пропала.

Молчание в ответ.

То ли Мельник ничего говорить не хотел, то ли не мог, потом взглянул на Лиду.

— Барышня, ты вопрос же неспроста задала.

Признаваться в подслушанном ненароком разговоре девушка не спешила. Сделала вид, что целиком сосредоточена на том, чтобы выловить и раздавить последнюю ягоду.

— Хорошо. Да. Твой отец пришел ко мне, когда ты пропала.

— И?

— Что «и»? — виртуозно изобразил недоумение Мельник.

— Что дальше то было?

— Что-то было.

— Миша!

— Барышня, некоторые вещи лучше не знать.

— А если вспомню?

— Тогда, если будет причина для разговора, мы поговорим.

— Уклончивый! — возмутилась Лида, потом отставила в сторону чашку. —

Следующий! Ну, в смысле задание следующее.

Мельник хмыкнул, вручил ей терку, три корня валерьяны и велел:

— Занимайся.

Девушка закатила глаза, скосила взгляд на заинтересованную Дари и занялась тем, чем ей было указано.

Вопросы были, но задавать их не хотелось.

Мысли текли вяло, зато дело шло споро.

И через пару часов, к тому моменту, как зелье от русалочьего приворота было готово, Мельник на пару с Лидой закончили и второе зелье.

— Ему кипеть сутки, — пробормотал Михаил, переливая темно-синее зелье Лиды в маленький узкий фиал. — А это — три дня поить брата будешь. Утром, после работы и перед сном. В еду или воду по три капли.

— Что-нибудь говорить надо?

— Нет. Если не хочешь неожиданно обнаружить, что твой брат в тебя влюблен.

— Поняла, — кивнула девушка.

— Вот и хорошо.

Закрыв флакон плотно притертой крышкой, Мельник уронил готовое зелье в ладони Лиды.

— А мне понравилось, — запрокинула она неожиданно к нему голову. — Пригласишь еще раз, чтобы я тебе помогла?

— Я подумаю, — усмехнулся мужчина.

Расстояние всего несколько сантиметров. Так близко, только не понять для чего. Так тепло, из-за его большого тела.

Так хочется... непонятно чего.

В тишине. Даже Дари куда-то сбежала и словно отдалился звук бурлящего в котле зелья.

— Барышня? — тихий голос Мельника погладил Лиду словно пушистой лапой по голове и она засмеялась.

— Отвезешь меня домой?

— Идем.

— Иду!

Дари, выпрямившаяся из тени на шкафу, проводила хозяина и гостью таинственно мерцающими глазами, мяукнула и прыгнула на люстру, меняя форму. Раскачиваться на этой большой и удобной тарелке было гораздо удобнее с длинным хвостом и совсем другими лапками!

Рим прибыл за девушкой в пятницу вечером. Будние дни пролетели незамеченными. Днем текучка на работе, вечером Лида суетилась вокруг брата.

В первый день он вышел из своего коматозно-подобного состояния. Начал моргать, двигать руками, пробовал что-то говорить, но получалось только невнятное мычание. В этот же день, по совету заглянувшего с шоколадками Мельника его отправили в душ и обдали ведром родниковой воды. Не святой, но и не из заповедного места. Над этой уже водой Лиде пришлось шептать заговор, убивающий наваждение.

На второй день уже ближе к ночи Димка начал узнавать родных. Правда, до сих пор не говорил. Только плакал, безостановочно, беззвучно. В ту ночь, почти до трех утра Лида сидела с братом и как в детстве, обнимала его и рассказывала сказки.

На третий день непослушный язык начал слушаться, и Димка заговорил.

Мельник, снова завернувший в дом Скворцовых, рассмотрел парнишку и одобрительно кивнул.

— Зов снят, это хорошо. Но тебе теперь, парень, придется постараться, чтобы снова встать с кровати, начать ходить и бегать. И если не хочешь оказаться на инвалидном кресле, будешь делать все, что я скажу.

Димка, посеревший, с заострившимися чертами лица, впавшими глазами, молча кивнул. Лида, стоящая за его плечом, взглянула на Мельника. Глаза мужчины были профессионально-отстраненными. Лида знала, очень хорошо знала этот взгляд. Так полицейские смотрят на жертв происшествий. Их жалость никому не поможет, поэтому они должны быть отстраненными, сохранять хладнокровие, чтобы действительно кому-то помочь.

Мельник работал. Видимо Степан Викторович решил, что сам вместе с Лидой не справится, поэтому им нужна помощь других. И Мельник согласился.

Девушка закономерно полагала, что ей о цене соглашения никто не скажет. Впрочем, также она была и не уверена, что подобное знание ей вообще надо.

А вот посмотреть на работу Мельника было интересно. Только возможности такой не дали.

Мужчина, серьезно посмотрев на Лиду, показал ей на дверь:

— Не смущайте брата, барышня.

Девушка обиженно прищурилась и не тронулась с места, сверля Мельника негодующим взглядом.

— Хорошо-хорошо, — сдался Михаил. — Иди, барышня, займись своими делами, а я займусь твоим братом.

Ощущая удовлетворение и отчасти некую радость, Лида отправилась на кухню. Готовить для Димки специальное питание. Думать о том, почему она так радуется тому, что Мельник назвал ее на «ты», Лида не решалась. Боялась, что ответ, вытасченный из глубины души, ей не понравится.

В общем, после всех этих событий посланника Рима на крыльце встречала уставшая девушка, похожая больше на тень самой себя. Огромный келпи танцевал за забором, приплясывая на месте от нетерпения. Обещанная ему поездка: далеко, по воде и наперегонки с русалом, привели черного Шторма в отличное расположение духа. Даже эту

«пигалицу», как назвал он Лиду, он согласен был потерпеть.

Кстати, это было неприятным сюрпризом, что келпи не только разумны, но и обладают весьма паршивым характером. Хотя возможно это повезло только Лиде.

До Рима заранее она так и не добралась. Пришлось осторожно выпытывать информацию об обычаях русалок и их семейном укладе у Мельника, а потом, вдобавок ко всему, покупать в его магазине нужное вино.

Оно вместе с выходным платьем и босоножками лежало в рюкзаке. Сама Лида была в немарких брюках, водолазке, специальных сапогах для верховой езды и по совету Мельника в тяжелой куртке.

— Итак, — увидев всплеск синего света за окном, Михаил появился на улице вслед за Лидой. — Барышня, держитесь крепче и ничего не бойтесь. Шторм, за нее отвечаешь головой.

— Было бы за кого отвечать, — фыркнул келпи, кося на Лиду лиловым взглядом. — Прыгай, пигалица. Жду не дождусь гонок с русалкой.

— Русалом, — педантично поправила его Лида, устраиваясь в седле.

— Одно сено, рыба. Готова?

— Всегда, — отозвалась девушка, подбирая поводья.

— Значит, полетели.

Шторм забил передними ногами в воздухе, разбрызгивая вихрь колючих искр, требовательно заржал и помчался вперед, перескочив через высокий двухметровый забор дома, как через лежащее бревно.

Ветки в лицо не летели, это была часть охранного щита келпи, а вот ветром могло бы и сдуть. Мимолетно и с искренней благодарностью подумав о Мельнике, Лида приникла к шее келпи и попросила:

— А ты еще быстрее можешь?

Шторм, ожидающий, что его вот-вот попросят ехать потише, радостно заржал, всхрапнул и помчался еще быстрее.

На встречу с русалом Лида немного опоздала, впрочем, берег был пуст.

— Рим? — крикнула она, спешиваясь. — Я здесь!

Келпи ходил вдоль берега, ощипывая молодую травку у реки.

Ответом Лиде была тишина.

— Не поняла, — пробормотала она, оглядываясь по сторонам. Потом присела около воды на корточки и легко постучала по водной глади косточками пальцев. Вместо того, чтобы почувствовать, как пальцы омывает прохладой, Лида услышала стук. Поверхность реки у самого берега была затянута узкой полоской тонкого льда.

А затем вода забурлила. Крупные пузыри поднимались со дна и лопались на поверхности, разбрасывая в разные стороны сверкающие влажные брызги и искры: синие, белые, голубые.

Затем по черной глади немного утихомирившейся реки пробежала разноцветная дорожка из крупных пятен света. Словно узкие серпы месяца собрались в полосу браслета. А затем серпы оторвались от воды, наливаясь литым металлом, собрались воедино, формируя коляску.

— Ты смотри, — проржал Шторм, положив на плечо Лиды морду. — Как он на тебя старается произвести впечатление. Гарный хлопец, только ты ж не снулая рыба, на что он рассчитывает?

— Не знаю, — Лида, погладив чувствительный нос, махнула Риму рукой.

Русал, появившийся на поверхности с парой водяных коней, уставился не на Лиду, на келпи, ехидно скалящегося за ее спиной.

— Лида?

— Привет, Рим. Я сегодня со своим другом.

— А я думал, мы поедем вместе, — пробормотал русал.

Лида и Шторм смерили взглядом маленькую коляску, переглянулись. Келпи заржал, Лида покачала головой.

— У меня боязнь малых пространств.

— Да она больше делается.

— Нет, в качестве фотосессионного я бы может и рискнула, но ехать в такой? Нет, ни за что!

Рим хмыкнул и промолчал. Лида же, еще раз смерив взглядом коляску, негодуя фыркнула, зато с интересом огладила взглядом водяных коней.

— А правда, что твои водяные коняшки келпи обогнать могут? — спросила она, чтобы заполнить тишину.

— Да легко!

— Да быть такого не может, — искренне оскорбилась за Шторма девушка.

— Точно, точно! — поддакнул келпи. — Я их сделаю, как стоячих!

— Не сделаешь! — вспыхнул русал. — Мои кони — одни из лучших во всем Черном море. Да мы первые призы на межокеанских соревнованиях забираем каждый второй раз!

— Врешь!

— Могу доказать! Давай, пари!

— Пари?

— Ага, — Рим прищурился. — Если мы тебя обгоним, ты меня поцелуешь.

— А если мы тебя?

— То я выполню твое желание.

— Любое? — казуистски уточнила Лида.

— Нет, — признался после раздумья русал. — Любое не смогу.

— Тогда не пойдет.

— Тогда как насчет украшений? У нас в семье есть изумительный гарнитур слез.

— Слишком название подозрительное. Не хочу.

В глазах Рима на миг мелькнуло что-то темное, недоброе, а потом он расслабился, глядя на девушку с добродушной усмешкой.

— Ладно. Как насчет коробки темного шоколада?

— Да! Да! Да!!!

— Кажется, с этого стоило начинать, — пробормотал русал, запрыгивая в свою коляску и погружая ее почти до половины в воду.

Лида устроившись в седле, наклонилась к Шторму, пока Рим что-то там чаровал.

— Мы его сделаем?

— Сделаем. Он еще будет вытирать брызги из-под моих ног!

— Ты просто умница. Если выиграешь, то с меня...

— Бочонок клюквенной настойки, руками сделанной, — предложил келпи.

— Если это тебе не навредит.

— Не-а, с хозяином я сам договарюсь. Только это, ты, пигалица, держись покрепче. Не

упади. Я тебя магией своей придержу, но если увлекусь, то чтобы ты не сорвалась. Русал победить настроен, видимо, ему твой поцелуй получить очень хочется. Так что, это будет славная гонка!

— Хорошо, — согласилась Лида, прижалась к холке келпи. — Я готова.

— Тогда на старт, — согласился Рим. — И рраз!

В воздухе, около прибережной глади повисла водяная лента, на концах ее вода закручивалась в тугие спиральки.

Цвет у ленты был тревожный, алый, и она в разные стороны рассыпала алые искры.

— Два!

Цвет воды изменился, словно на краю водяного озера взошло солнце, и теплый оранжевый свет залил ленту. Гудящие оранжевые искры взрывались в воздухе маленькими зонтиками фейерверков.

— Три! — крикнул Рим.

Зеленая водяная лента полыхнула в воздухе, разбрасывая вокруг зарево полярного сияния. И коляска с русалом, и Шторм сорвались с места...

Та ночь осталась в памяти Лиды как полет. Келпи летел по водной глади, поднимая каскады брызг, мчался свечой вверх на перекатах и буквально летел, где уровень реки резко понижался.

Луна мелькала то справа, то слева, нашептывая: «Быстрее, быстрее». И они мчались все быстрее и быстрее...

Обогнали скоростной пассажирский поезд, подразнили стоящие в пробки машины, согнали с насиженного места стаю перелетных птиц.

А потом стрелой влетели в рассвет...

Огромный огненный шар поднимался над горизонтом, озаряя темные воды изнутри. Над головой летали чайки, то и дело ныряя вниз и снова взлетая. Где-то гудел теплоход.

Келпи, влетев в воду почти по грудь, резко остановился. А Лида, даже не замечая, что водой накрыло и ее ноги, и пояс, смотрела вперед. На самую яркую и впечатляющую картину рассвета, которую она когда-либо видела.

Русал к берегу прибыл через несколько минут, чтобы увидеть, как келпи свечой поднимается вверх, а Лида прыгает вниз солдатиком. Ее одежда уже была аккуратно сложена на берегу вместе с рюкзаком и седлом. После такой безумной ночной скачки, седло для келпи девушке уже не надо было. Зато очень надо было вымыться. Пусть даже в холодной морской воде.

— Из тебя получилась бы замечательная русалка, — сообщил с грустью Рим.

Лида, вынырнув из воды, отряхнула волосы, сияя улыбкой.

— Что?

— Русалка из тебя вышла бы просто отличная, — послушно повторил русал.

Девушка замотала головой:

— Не-а! Не хочу!

— Но ведь воду ты любишь?

— Обожаю!

— Тогда почему не хочешь принадлежать ей вечно?

Лида замерла, выбралась из воды на берег, устроилась на песке, пересыпая его между пальцев. Потом решительно посмотрела на Рима.

— Потому что я человек. И хочу им оставаться столько, сколько мне отмерено. Не

больше и не меньше.

— Но почему?

— Потому что... человеком быть прекрасно. Нам доступны все красоты этого мира. Земля, вода, небеса. Если смотреть широко раскрытыми глазами, то можно каждый день встречать чудо. А для того, чтобы насладиться водой — не обязательно быть русалкой.

Рим кивнул.

— Ты хочешь отдохнуть? — спросил он тихо. — Или сразу отправимся на погружение?

— Опять делиться дыханием будешь? — подозрительно спросила Лида. — И снова через поцелуй?

— Точно, — усмехнулся русал.

— Ты говорил еще можно через кровь...

— Нет...

Резкий ответ заставил Лиду вздрогнуть и вынырнуть из блаженной дремоты, в которую она, как в манто успела закутаться.

— Рим?

— Прости. Если человек и полуночник разделят кровь — они побратаются.

— Ты не хочешь такую сестру, как я?

— Если бы «такую», то может быть и да, но... — русал хлопнул хвостом по воде, подняв веер радужных брызг, и его дальнейшие слова потонули в рокоте волн. — Ты можешь отдохнуть внизу, в моем доме, — предложил Рим. — Твой конь уже исчез в морской пене.

— Вернется, когда я его позову. Ты же свою повозку тоже отпустил.

— Да. До нужного нам течения нас подбросят дельфины, а там уже доберемся вплавь, — русал протянул руку. — Вставай, не будем терять время.

Но, чего и следовало ожидать, услышала Лида совсем не то, что хотел бы Рим.

— Дельфины?! — ахнула она.

— Дельфины, дельфины. Пойдем уж. До места назначения прокатишься так, а перед погружением — поделюсь дыханием.

Девушка кивнула, раз, второй, а потом закивала как китайский болванчик.

Все неприятности отступили перед мыслью о том, что ее ждут дельфины! Такие замечательные, красивые, гладкие, умные! А еще волны, а еще...

— Кажется, я был неправ, — пробормотал Рим себе под нос, — кажется, Мельнику стоит посочувствовать.

Лида не услышала. Ей было гораздо интереснее то, что впереди было продолжение приключения, и Риму пришлось смириться.

Дельфины на зов откликнулись быстро. Причем приплыла пара, хорошо знакомая русалу. И вместо того, чтобы вести девушку в свой дом, Рим решил показать ей, как хорошо быть русалкой...

Частично его затея удалась. Лида впечатлилась. Ей понравились и гонки на дельфинах, и катание на подводных течениях, и подводные рукотворные «светлячки». В подводный город она вообще влюбилась, но ее мнения это не изменило даже на каплю.

И даже эффект разговоров — слова теперь звучали сквозь волны, оставляя цепочки воздушных пузырьков, это стало лишь дополнительным развлечением.

— Все, — Рим, поглядывая на уставшую девушку, показал вперед. — Нам осталось пройти еще пару домов, и мы будем у меня дома.

— Ты здесь живешь один?

— В этом доме — нет. Это главный дом рода. Я подумал, что тебе не понравится, если я приведу тебя в тот дом, где живу один. Я был... не прав?

— Наоборот! — жарко откликнулась Лида. — Спасибо.

Русал кивнул, стараясь не показывать, как сильно его задел ответ девушки.

— Еще немного, — сказал он тихо. И...

Это была, наверное, неудача. А может быть, и не только она. Лида, подняв голову, уставилась на высокие шпили виднеющегося впереди дворца, а на нее налетел какой-то русал. Ему даже не пришлось в голову извиниться, хотя девушка от столкновения отлетела довольно далеко.

Невоспитанного русала интересовал только Рим и никто кроме него.

— Римушка! Римуся! Какие русалы соизволили посетить отчий дом. Неужели тебе хватило смелости перестать бегать? Говорят, ты даже у деда спрятался, только чтобы тебя перестали обижать. Маленького, такого, хорошенького.

Лида сжала кулаки, попыталась уговорить себя, что это не ее дело. К тому же, Рим не просил о помощи. Но тут взгляд говорливого остановился на ней.

— Ой, какая пусечка. Это кто, Римусик, твой новый зверек? Тебе было мало того, что тебя угораздило влюбиться в человечку, теперь ты человечку притащил в наш подводный мир? Откуда такие идиоты, как ты, берутся? И откуда берутся такие идиотские клуши, которые соглашаются опуститься под воду?

Терпение Лиды лопнуло сразу же, как мыльный пузырь. Ей даже показалось, что это было хорошо слышно в этом странном подводном городе.

Впрочем, судя по тому, как продолжил разглагольствовать незнакомый русал, окружающим понятно, что пора спасаться, — не стало. А стоило бы.

Потому что круто повернув к себе русала, Лида мысленно пожелала ему всех «неблаг» и ударила.

Если бы била в челюсть, обидчик недосчитался бы многих зубов, а так просто согнулся пополам, что-то шипя в сторону девушки.

А потом Рим только и успел крикнуть: «Лида, осторожно».

Но было уже слишком поздно. Незнакомец выпрямился. На девушку взглянули два омута цвета ржавой воды, и... мира вокруг не стало. Это был зов русалки.

Вначале пришла тишина. Бесконечная.

Не слышно ни слова, ни звука. Исчезло все.

Затем отказали глаза. Лида отдалась на волю воды, опускаясь на песок, слепо глядя в никуда, в молчащую бездну.

После этого появилось ощущение взгляда. Кто-то смотрел на девушку, изучая ее. Решая, что с ней сделать. И пришло понимание, что если она сейчас сдастся, то не будет ничего, все останется так, как было. Просто девушка Лида Скворцова, хорошая участковая, исчезнет в никуда.

Просто была и не стало.

Точно так же, как если бы она погибла в автокатастрофе. Или тогда ее все-таки сожрал бы лич.

«Не хочу!» — мысль была кристально-четкой.

Ясной. Лидиной.

«Не желаю становиться игрушкой зарвавшегося, так и не повзрослевшего ребенка. Я не для того становилась участковой. Я не для того пошла работать на свой собственный

участок. И уж тем более, я не для того спустилась сюда вниз!»

Глаза Лиды полыхнули упорством. Белая пелена сошла, возвращая зрение. И наклонившемуся довольному русалу на этот раз прилетело прямо в зубы...

— Извиняться, — честно сказала девушка. — Даже не подумаю.

— И не надо. Я вволю поглумлюсь над твоим трупом, — прозвучало ответ.

Лида даже не успела опомниться. В руках русала закрутилось что-то темно-серое, острое и сорвалось в ее сторону.

Рим был быстр, хотя и не достаточно. Он сорвал девушку с места, роняя ее на песок. Капли крови с лица русала смешивались с водой, обагряя ее в темные тона. И вместе с его кровью в воде смешивалась кровь Лиды с порезанного плеча.

«Вот и породнились», — грустно шепнул мысленно Рим.

Девушка, подняв ладонь, погладила его по щеке.

«Не грусти. Из меня хорошая сестра».

«Не сомневаюсь в этом», — поймав в захват нежное запястье, русал как-то грустно и потерянно потер нежную кожу. — «Прости. Не стоило тебя сюда приводить».

«Разберемся, сейчас еще и этому зазнайцу покажем, где раки зимуют. Вот сейчас он, свято уверенный в том, что мы без сознания подойдет поближе и тогда...»

Прозвучавшее в мысленном голосе предвкушение заставило Рима разве что невесело усмехнуться. Но охотничий инстинкт участковой, которая не раз и не два сталкивалась на работе с подонками такого рода, не подкачал.

Подплывший ближе незнакомец хорошо размахнулся, чтобы ударом хвоста пнуть обидчицу и ее защитника и попал впросак. Сильно оттолкнувшись от песка, Лида перекатилась в сторону вместе с Римом. Течение, едва ощутимое здесь, неожиданно пришло на помощь.

А когда девушка выпрямилась, на улице, так и остающейся все это время безрусалочьей и пустой, появился новый персонаж. И увидев, кто именно встал между ней самой и этим не представившимся русалом, Лиде захотелось выругаться.

Подводный город посетил Мельник.

И девушка почему-то была уверена в том, по чью душу он здесь.

— Миша...

— Помолчи, барышня.

Нервно задергался русал, под внимательным взглядом появившегося мужчины, и откуда только тот приплыл? Но предпринимать никаких действий не спешил.

Мельник же оглянулся на Лиду и Рима, оценил багровые расплывшиеся облака крови, растворенные водой, и усмехнулся:

— Минус один, Рим?

Русал молча развел руками.

— Вы о чем? — возмутилась Лида тому, что выпала из непонятого разговора.

— О своем, о мужском, барышня. Итак, теперь ты... — повернулся он уже к русалу, не в добрый час привлекая внимание могущественного Мельника. — Чтобы с тобой сделать.

— Ничего с ним делать не надо. Рим. На ярмарке обычно проводятся разные потешные бои? — уточнила девушка. — Давайте, перенесем разборки туда. Что у вас такого интересного водится?

— Кулачные бои, магические бои и стрельба.

— Отлично, — потерла Лида ладони. — Вот если он проиграет мне...

— Нам, — поправил Рим ее.

— Хорошо, — не стала девушка спорить. — Итак. Если он проиграет нам три раза, будет извиняться при всех передо мной, перед тобой, перед всеми, кого обидел.

— Есть альтернатива, — предложил Мельник, видя, что русал не собирается благодарить за предоставленную ему возможность. — Станешь человеком, лишившись всех полуночных бонусов.

Русал сплюнул, даже не желая рассматривать всерьез такую возможность, и посерел.

Дуло обреза, упершееся ему прямо в живот, заставило его очень внимательно отнестись к следующим словам, произнесенным улыбочивой девушкой.

— И последний, третий вариант, я тебя пристрелю, прямо здесь. На месте. Видишь ли, какая несправедливость, это если полуночник убьет человека, его казнят на месте. А если человек поиграет в вершителя судеб, ему ничего даже не будет.

— Я не хочу, — разжал рот русал. — Не желаю участвовать на потехе публике в этом действе.

— Значит, выбираешь пулю?

— Ты не выстрелишь, пигалица, у тебя духу не хватит.

— Извини, — Лида пожала плечами. — Ты ошибся.

Прогремел выстрел.

Русал, медленно отползая по песку от девушки, смотрел на нее перепуганными глазами. Только стремительное движение Мельника спасло его от смерти. Выстрел прозвучал, но пуля ушла в воду вверх.

Лида вздохнула, подняла голову.

— И зачем, Миш? Ну, убила бы я эту рыбку, никто бы и не заметил.

— Не стоит. Он может быть полезен и сделает все, что ты скажешь. Прямо сейчас.

— Тогда пускай извиняется. Вначале перед Римом, потом перед всеми, кого обидел. И если не извинится перед всеми так, чтобы его простили, пусть с ним станет что-нибудь плохое.

Спрятать нотки не предвкушения, нет, спрятать нотки требовательной злости у Лиды не получилось, да она и не старалась.

Руки Мельника легли на ее плечи, чуть сжали.

— Ты понимаешь, что за такое желание я возьму с тебя плату, барышня?

— Я согласна, — просто ответила она. — Я заплачу соразмерную плату за свое желание.

— Умная барышня.

Взгляд мужчины, казалось, выпивает душу. А в памяти девушки неожиданно распахнулось новое воспоминание.

«Не видать счастья ни той, что будет выбрана Мельником, ни той, что сама выберет его».

— Парень, — взгляд Михаила тем временем обратился на русала. — У тебя ровно трое суток, чтобы извиниться перед всеми, кого ты обидел. На заре четвертого дня, море вышвырнет тебя на сушу и не будет тебе ни на земле, ни в воде, ни в воздухе покоя. Это мое слово, Мельника. И граница мне свидетель.

— В общем, — Лида показала на Рима. — Можешь начинать извиняться. Пока Рим тебя не простит, дальше можешь не двигаться. Миш... А он чего-то не двигается и кажется даже не дышит.

— Сейчас очнется, — сообщил Михаил равнодушно. — До него только что дошло, кому именно он перешел дорогу. Рим, я ее забираю. Ярмарку оставим на другой день.

— Все равно все испорчено, — кивнул Рим. — Лида.

— Да?

— Шоколад за мной.

— Спасибо, Рим! — улыбнулась девушка. — Я буду тебя ждать, ты же вернешься?

— Да. Я еще вернусь. К тебе... аурен.

Мельник, обхватив Лиду за пояс, оттолкнулся от дна, взмывая вверх. И пока ласковое течение поднимало их все выше и выше, разнося зов для келпи, мужчина пояснил:

— Аурен на языке русалок «маленькая сестра».

Лида кивнула, обняла Михаила за шею и закрыла глаза. И ощутила, как что-то в ее теле отзывается ласковому теплу моря. Ладони ослабли, ослабли руки...

И когда Мельник поднялся вместе с волной прибоя на песчаный берег, девушка в его руках спала. Морские приключения и история с зовом русалки была благополучно закончена...

Налетевший ветер бросил в лицо горсть желто-алых листьев. Близилась осень...

4. Браконьеры

Осень налетела в сентябре вихрем золотых и алых листьев. Задождило за окнами косыми струями, под ногами расплзлась земля. На работу уже приходилось ходить в резиновых сапогах.

Верный велосипед стоял в сарае колесами вверх. Красавчика забирал то и дело отец, а Лида до работы добиралась пешком.

Мало-помалу брат приходил в себя, хотя первую половину сентября он пропустил в своем последнем выпускном классе. Справку ему оформил отец липовую, и Лида посмотрела на это сквозь пальцы.

С братом нужно было что-то делать. Димка ходил бледный, не подходил к своему компьютеру, да и вообще не походил сам на себя. Рим предупреждал, что этим дело и закончится. Человеку, которого спасли от зова русалки — легче станет не сразу. Должно пройти время, оно лучший лекарь.

Лида потихоньку пыталась растормошить брата, но заняться этим вплотную не получалось. Не хватало времени. А сегодня, когда у нее был выходной, вместо того чтобы провести время с семьей, девушка надела дождевик, высокие болотные сапоги и двинулась на небольшую поляну.

Рядом с ней оглашая воздух задорным лаем мчалась Дени. Дома красавицу-ретривера удалось легализовать на удивление легко. Кто-то выбросил на трассе, а Лида нашла и подобрала. Ошейника не было, чипа не было, никто ее не искал. Видимо, никому такое чудо было не нужно. Ну, а сама новоявленная хозяйка, могла только улыбаться, глядя на свою счастливую находку.

О приходе Лиды леший узнал заранее, поэтому ждал ее на поляне, подставив редким солнечным лучам морщинистое лицо.

— Батюшка лесовой, — девушка, не став садиться на предложенную ей скамейку из переплетений веток и листьев, присела на корточки. — Скажи мне, пожалуйста, а не происходило ли в твоём лесу, на территории тебе подотчетной чего-то странного в последнее время? Волки там, бешеные лисы и еноты не появлялись?

— Никак нет, матушка! — оскорбился леший. — Скоро же праздник Леса, на мою территорию люди придут. Я и волков отогнал подальше, и за лисами, и за енотами слежу внимательно. Какое бешенство? Я же хозяин этого леса. Все, кто в нем проживает, мне подотчетные, а благодаря тебе, матушка, у меня силы есть и чтобы гниль прогнать из корней деревьев, и чтобы болезни у зверья лесного вылечить.

Девушка кивнула.

— Значит, в лесу нет ничего, что ускользнуло бы от взора твоего?

— Ничего, матушка!

— А скажи тогда мне хозяин леса, почему ты про браконьеров ничего не знаешь? Или они от взора твоего ускользнули?

Леший открыл было рот, чтобы соврать и не смог.

— Ты правду отвечай, лесовой, правду мне говори! — прикрикнула на него девушка. — Почему я, на тебя понадеявшись, говорю начальнику, что никаких сигналов мне не поступало. А он мне на общем совещании говорит, что браконьеры у меня на участке завелись. И я не знаю — не справляюсь, значит! Поэтому и делать мне здесь нечего.

— Как нечего? — испугался Леший.

— А вот так, — пожалала плечами Лида. — Раз не знаю, что у меня на участке браконьеры повадились, значит, и нечего мне делать здесь.

— Но как же так! Матушка, это же...

— Ты же знал. С самого начала должен был знать. Они у меня уже три недели на участке сидят, где-то отсиживаются. А ты молчишь. Зачем молчишь-то, лесовой?

Леший опустил голову. Лида смотрела на него с укором, и он понимал, что да — виноват. Но ведь он тоже хотел защитить матушку! Она такая... такая...

— Леший, тебе что Мельник велел замолчать о браконьерах?

Лесовой кивнул.

Участковая кисло усмехнулась.

— Начинаю сомневаться, кто именно из нас работает, а кто... занимается собственным предпринимательством. Так, лесовой, хозяин ты лесов, я тебе говорю первый и последний раз, тихая я только до того момента, пока меня не злят. Еще раз какую-то информацию затаишь, неважно из каких побуждений, я найду на тебя управу.

Леший вздрогнул, поднял голову, не веря.

Куда делась мягкая девушка с приятным голосом. На него смотрели холодные глаза ледяной статуи. Морозом продрало до самого основания, пятки, которыми Леший упирался в землю, покрылись изморозью.

— Матушка? — испуганно спросил он.

И все исчезло, Лида обаятельно улыбнулась:

— Мы договорились? Я здесь участковая, я закон и порядок. И мне не хотелось бы, чтобы на МОЙ участок прислали нового человека, которому будет на вас плевать. А я в свою очередь, если буду отсюда уволена, в деревне не останусь. Уеду. Поэтому, лесовой хозяин, мы друг друга поняли?

Леший кивнул, раз, второй, а потом закивал быстро-быстро.

— Ну, и отлично, — устроившись на скамейке, девушка вытащила из сумки каравай хлеба. — Это тебе, сегодня утром испекла. И бутылку молока принесла. А пока, рассказывай мне, лесовой хозяин, все, что знаешь о браконьерах. Когда появились, что в лесу забыли, где прячутся.

Посочувствовав Мельнику, тот, кажется, тоже не знал, что такое злая, очень злая участковая, хозяин леса заговорил:

— Они появились сразу же после праздника Воды. Двое мужчин, прошлись вдоль озера, обошли лес. Пристрелили мимоходом волка. Я его отправил за ними проследить, а он обратно не вернулся. Эти двое дошли до кладбища, а там исчезли. Потом появились снова. Поставили сетки и капканы.

— Что с ними случилось?

— Сетки порвал, капканы покорежил. Они ходили, три дня пытались их снова собрать и реанимировать, да так и не получилось. Так и пошло. Они ставят — я порчу. Они ставят — я порчу. Никого они в моем лесу поймать не смогли, обозвали его проклятым и ушли.

— Где жили?

— В заимке. Там где дальний лес.

— Значит, кого-то поймать пытались... — Лида задумалась. А точно пытались? Как-то не похоже это. Капканы на кого обычно ставят? На волков, да медведей. Лис приманивают, на енотов силки ставят. Но сетки с капканами? — Как они свое «оборудование» ставили?

— Капкан вниз, по краям несколько сеток. Как только кто в капкан попадет, все сетки вниз падали.

«Крупное животное, значит, ловить пытались. И не просто ловить, а чтобы не убить, но и сбежать не дать. Дени? Кто-то знает, кто-то лишнее увидел? Или просто это последнее место, где ее видели? И кстати, почему же ее в лесу искали?!»

— Хозяин лесовой, а в лесу странных зверей не появлялось в последнее время?

— Странных, матушка? Это каких же?

— Пахнет одним зверем, выглядит другим. Выглядит белкой, летает как голубь, а под землю зарывается как крот.

— Был один такой, матушка, аккурат под праздник Воды появился. Только долго здесь не пробыл, пропал куда-то.

«Либо их два, — Лида прикусила губу, разглядывая темно-серое небо над головой, — и ловили второго, либо я в своей работе ничего не понимаю».

— Хозяин Лесовой, ты присматривай за своим участком, как только эти двое снова появятся — пошли мне вестника.

— Как появятся?! Матушка, они же ушли!

— Вернутся, — девушка, успевшая подняться со своего места, взглянула на лешего строго. — Они еще вернутся, и вот тогда мы внимательно посмотрим, что же это за браконьеры такие. И кого именно они так старательно поймать пытались.

— Но зачем же они вернутся?!

— Они не нашли того, что искали, а им найти это очень нужно было. Поэтому и вернутся.

— Но...

— Пойду я, хозяин лесовой, мне еще по дому делами заняться надо, с братом посидеть. Скоро праздник Леса, мне не до выходных будет.

Леший кивнул и уходящую Лиду он провожал расстроенным взглядом. Подвел матушку! Хотел защитить ее, а получилось, что лучше бы предоставил ей возможность самой решать, что для нее опасно, а что нет.

А Мельника ждет ее гнев! Ох, матушка на него ругаться будет!

...Леший ошибся. Лида, поймав себя на том, что ей действительно хочется направиться прямо на мельницу и сказать Михаилу все, что она думает о таких способах заботы, сама себя по лбу хлопнула.

Мельник он на то и Мельник, чтобы вмешиваться всюду, куда его не просят. А она сама хороша, доверилась ему невесть с чего. Надо было проследить, надо было клятвы требовать с лешего, да водяного, чтобы всю информацию ей сообщали. Так нет же, понадеялась на них, решила, что раз они разумные, благоразумные, сами все знают. А они...

Девушка вздохнула.

Давненько ее не отчитывали так. При всех коллегах, как малолетку-школьницу. Но люди действительно о браконьерах ничего не знали, а тот, кто о них знал, постарался, чтобы его личность осталась скрытой.

Кто-то очень хотел, чтобы Лида лишилась своей работы.

Начальник, пригласив девушку к себе в кабинет, якобы для продолжения разноса, налил ей чашку чая, поставил конфеты и сказал:

— Странные дела на твоём участке происходят, Лидок. Ой, странные. И дело даже не в том, что ты про браконьеров не знала, анонимки на тебя приходят. Уже вот четвертая

сегодня была. Что то ты на рабочем месте отсутствуешь, то опаздываешь, то пьешь.

Глаза девушки стали огромными-огромными, она даже чаем подавилась, закашлялась отчаянно.

Постучав ее по спине, Геннадий Аксенович вернулся за свой стол.

— Это еще не все, Лидок. Ко мне наемдни, пару дней назад с бутылкой коньяка зашел начальник особого отдела. Говорил долго, все окольными путями. Но намекал на то, что было бы неплохо уволить тебя, а на твое место — взять специалиста из их отдела.

— Геннадий Аксеныч, как же так!

— Цыц, Лидок. Естественно, я ему отказал. Но зато не смог отказать ему в другой просьбе — вокруг твоего участка, сразу в трех соседних районах появились посты, на которых дежурят круглосуточно спецы особого отдела. Кого-то ловят, возможно. Чего-то ждут, тоже вполне вероятно.

Девушка опустила голову.

— А вы знаете? — спросила она тихо.

— Чем занимается особый отдел? Знаю. Молодым дураком был, попал вместе с ними на общую операцию. Как раз тогда упырей развелось, девяностые года лихие были, вот и лезли эти твари из всех щелей.

— Значит, когда вы Саню отправили, вы уже знали?

— Что на участке есть нечто, что не описано в человеческих законах? Знал. Но тебе говорить не стал, Лидок. Ты поверила в происходящее только после того, как сама все своими глазами увидела.

— Откуда знаете?

— Помимо своего начальства Саня мне рассказал о случившемся, ну и он мой протеже.

— Ваш?

— Да. Сын дальней родственницы. В обычной полиции ему скучно было, острой жизни хотелось, вот я ему и помог, по-родственному.

Лида усмехнулась.

— Помог бы кто мне, разобраться с происходящим...

— Справишься, Лидок, ты девчонка умная, глаз у тебя острый. Да и на твоем участке, Саня говорил, матушку любят. А сама не сможешь найти причину происходящего, мы подключимся, да подскажем.

— Спасибо, Геннадий Аксенович.

— За что, Лидок?

— За то, что не отдали спецам мой участок, за то, что рассказали и за чай тоже спасибо. Конфеты были очень вкусные.

Начальник улыбнулся и кивнул. Девушка вышла в коридор с уныло-расстроенным видом, ответила на ободряющие пожатия и похлопывания и отправилась к центральному выходу, спиной ощущая жгучий взгляд.

И вот теперь, сидя дома, Лида сама себе сочувствовала. И тому, что не подстраховалась, и тому, что напрасно понадеялась, и многому другому.

Дени вилась под ногами, выпрашивая свою порцию ласки.

На кухне ворочал сковородками домовой, что-то напевая. После того как его начал видеть еще и Димка, и поверил заскочивший на тему поиграть Лешка, сил у Тимофея прибавилось. И зная, что Лида обычно на обед домой не возвращается, а мужчинам — отцу Лиды и брату есть в обед хочется, домовой вплотную занялся готовкой.

Завтраки были по традиции на Лиде, ужин готовили вместе, а вот обедом теперь занимался исключительно Тимофей.

— Вот скажи, — устроившись на кухне с картой своего района и приготовив бумажные флажки и булавки, Лида подняла голову к домовому. — Ты про браконьеров знаешь?

— Что за браконьеры, матушка? Далеко ли?

— Не знаешь, — кивнула девушка. — Ладно. Это хорошо, что не знаешь. Тимофей.

— Да?

— Пообещай мне, что ты от меня никакую информацию скрывать не будешь.

— Как можно, матушка. Вы участковая, вы наша последняя защита от мира людей. Вы наша заступница. К кому как не к вам со своими бедами бежать? А если леший да водяной о чем замолчали, вы на них не сердитесь. Они ребята хорошие, только людям совсем отвыкли доверять.

— Придется им привыкать заново, — сурово сказала Лида и улыбнулась. — В конце концов, пока я здесь участковая, их никто тронуть не посмеет! А я на их стороне буду, пока...

— Пока, матушка?

— Да. Пока они в меня верить будут. И еще кое-что... Тимофей.

— Да, матушка?

— Сделай, пожалуйста, чашечку кофе? Так как его варишь ты — я не умею!

Домовой, обрадованный доверием, засуетился вокруг хозяйки. Лида остановившимся взглядом смотрела на карту. В ее центре было белое пятно. Место, о котором она до сих пор ничего не знала...

Карандаш в мужской руке сломался почти пополам.

— В твоих же интересах сказать, что я услышал тебя неправильно.

— Простите, хозяин. Ни у кого не получилось ее убить. Мы старались, вы же знаете, но... Она как заговоренная! Кошмаров, что мы выпустили, кто-то перестрелял. Когда ее топили, невесть откуда появился молоденький русал и вытащил ее. В лесу мы к ней даже подойти не смогли, как водил кто кругами! А потом она вообще исчезла! Мы по этому лесу бродили-бродили, бродили-бродили, и все бесполезно!

— Мертвых пробовали?

— Двоих натравливали. Одного она сама застрелила, второго кто-то еще.

— Кто-то еще? Откуда еще кто-то взялся?

— В деревне Мельник поселился, — пробормотал гость кабинета, втянув голову в плечи. — И опер особого отдела в деревню рвется, уже заявление на отпуск подписал. Мы его пытаемся не пустить, да куда там...

— Что он забыл в деревне?

— Девка... девка засекла появление снежного зверя. И хоть мы глушили ее телефон, она все же ему сообщила. И вот он собирается сюда приехать.

— Вот дрянь! Что ж ей не живется-то тихо и спокойно. Уже устроили ей проблемы по всем направлениям, сидела бы курица дома и не рыпалась. Так нет же...

— Что делать-то, хозяин?

— Убить девку надо, убить. Обязательно. Она со своей добротой ничемушной все планы порушить может.

— А... Хозяин... У них еще... праздник Леса намечается.

— Это еще что за беда?

— Она пытается вернуть веру в нечисть. И у нее это получается. Водяной своими силами речку начал чистить. Она туда рыб запустила, а он за ними присматривает, выращивает. Она праздник воды провела, так из-за кратковременной веры там... полянку... заповедную... восстановили. А проникнуть туда, чтобы снова ее уничтожить у нас не получилось.

Хозяин даже не разозлился, посмотрел только задумчиво, покатывая между пальцев несколько хрустальных шариков.

— Она была на заповедной поляне?

— Мы не знаем... Но пахнет от нее магией...

— До чего же... — мужчина неожиданно расхохотался. — Ну, кто бы знал, что эта тихоня может стать такой занозой. Ладно, сроку вам до конца этого самого праздника. Делайте что хотите, но сорвите его. Человеческие жертвы не ограничены. Если будет спец из особого отдела — устраните его, только без смертей. С этими зверями лучше не связываться, когда они мстят за своих. У них крышу срывает мгновенно.

— А девка?

— Если сможете — убейте ее. Не сможете, пусть живет. Попробуем дотянуться до нее человеческими методами. У меня есть парочка должников, которая не откажется вернуть давний должок.

— А если и у них не получится? — спросил тихо гость кабинета.

Хозяин задумался, барабаня пальцами по столу, потом пожал плечами:

— Я заплачу Мельнику. Он, конечно, не особо любит «мокрые» дела, но он изначально нейтрален, и еще я не слышал о том, чтобы он когда-то отказался убить человека. Он их мусором считает. Так что...

— Но ведь!

— Он может изображать любые чувства, делать вид, что он заинтересован в этой девке, — мужчина едва заметно улыбнулся. — Но не надо обольщаться. Он не считает людей за равных. А в мусор Мельник не влюбляется. А девка... как бы дело не повернулось, жить ей осталось недолго.

— Вы так думаете?

— Я в этом уверен...

Выходной промелькнул, девушка даже не успела насладиться им в полной мере. Димка перестал от нее шарахаться, и весь вечер она с братом проиграла в монополию. Не компьютерную — а самую настоящую настольную.

Третьим был Лешка, а четвертым затащили Тимофея. Домовой долго упирался, сомневался, смущался, а потом втянулся, а в конце так вообще партия закончилась его безоговорочной победой.

Утро девушка встретила у плиты, а на работу бежала почти вприпрыжку, наслаждаясь

ясным солнцем.

Дени путалась под ногами, звонким лаем распугивая пичуг.

На заборе Марьи Ивановны сушились банки, да сама она сидела на крыльце, глядя на небо.

— Плохая погода сегодня будет после обеда... — пробормотала она, поднимаясь с кряхтением. — Доброе утро, Лидочка.

— Доброе утро, Марь Иванна!

— А тебя там кавалер ждет.

— Где?

— В участке, вестимо. Я ему предбанничек открыла, чтобы не замерз болезный, а то примчался, трясется, зубами стучит. В своей куртяшечке тоненькой. Кто такие вещи в такую холодрыгу носит? Вот и поплатился.

— Кто же это такой, — изумилась Лида, поднимаясь по крыльцу, потом остановилась, выглянула обратно из-за угла. — Марь Иванна, будете со мной чай пить?

— Нет, Лидочка, пойду в магазин схожу, да глава наш просил зайти за чем-то, а ты иди, чай кавалер совсем заждался.

— Совсем заждался, — повторила девушка, открывая предбанник. Дени, почему-то не любящая старушку-соседку и прячущаяся под крыльцом, первая скользнула внутрь. Лида вошла следом, и до Марьи Ивановны донесся ее удивленный голос: — Саша?!

Что уж там за кавалер прибыл, слушать досужей старушке было некогда. И посетовав на отсутствие времени — такая интересная сплетня пропадает, Марья Ивановна двинулась в магазин и на почту. Почтальонка звонила, что от внука письмо пришло, заказное, в толстом пакете. Вдруг что-то мальчику надо, а она тут время теряет.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

В участке же Саня развел руками.

— Ну, у тебя и холодина здесь, участковая.

— Какая есть. Могу печку затопить, если хочешь.

— Да, не надо! Я свитер надел, потеплее будет.

— Тебя какими судьбами сюда принесло то, Саша?

— Снежными. Ты же сама писала, что снежный зверь где-то рядом мелькнул. Ну, я все сводки забрал, заявление на отпуск написал и к тебе. К тому же, праздник Леса, мне тоже поучаствовать хочется. Про него уже столько всего успел послушать.

— Ты что, заядлый грибник?

— Не, как городской житель, — пройдя вслед за Лидой в ее кабинет, мужчина устроился на диване, — грибы я видел только на картинке. И даже плохо представляю, как их там искать надо, собирать, что вообще с ними делать нужно.

— А что ж тогда на празднике ты забыл?

— Гостей. Обещаются очень уж интересные гости.

— Ты сейчас о чем? — спросила девушка, включая телефон. — Кто-то особенный?

— Например, начальник нашего отдела. А он, скажу я тебе, ненавидит какие бы то ни было поездки. Терпеть не может общественные мероприятия, а еще боится транспорта. Но уж если он решил приехать...

— Можешь не продолжать, что-то грядет. А ты хочешь быть в центре происходящего или просто в курсе дел?

— В курсе дел. К тому же, я до сих пор чувствую себя виноватым, что там, на кладбище,

ничем не смог тебе помочь.

— Думаю, там вряд ли бы кто-то помог. Хотя я до сих пор не знаю, кто именно на меня там напал и почему.

— Попытаемся выяснить.

— Попытаемся, — со вздохом согласилась Лида. — Ну, опять остановишься у меня?

— Нет, — Саня покачал головой. — Не хочу вам мешать, да и... по деревне погулять бы надо, а у тебя брат глазастый, да и отец очень интересный.

— Чем же?

— А про него никто ничего не знает. Скворцова Степана Викторовича, пятидесяти трех лет от роду, — не существует.

— Что? Как?! Подожди, ты меня специально сейчас путаешь?

— Нет, Лида, — мужчина покачал головой. — Я специально все проверил. Проверял осторожно, правда, даже в спец архив забрался. Но такого человека никогда не было. Возможно, его действительно зовут Степан Викторович и фамилия действительно Скворцов. Но ему точно не столько лет.

— Ладно. Этот вопрос я проясню... Следовало его еще в тот раз задать, когда мы Димку вытаскивали.

— Ага, Димка. Лида.

— Да?

— Ты уверена, что он бросился к матери сам по себе?

Это было сродни нокауту. Девушка открыла рот и закрыла.

— Ты хочешь сказать...

— Я не уверен, сама понимаешь, в таких делах уверенным быть на сто процентов невозможно, но есть такая вероятность, что выманить из деревни хотели тебя. Кому-то ты мешаешь, но вот чем.

— Чем... — эхом откликнулась Лида.

— Это очень интересный вопрос, — закончил за нее Саня. Потом подался вперед. — Твоя соседка.

— Марь Иванна?

— Она комнату мне не сдаст? Можно просто постоя без питания. Сможешь с ней договориться? Я присматривать буду за тобой днем, а ночью за участком. Если игра пошла по крупному, то вполне возможно, что кто-то решит устроить диверсию, используя твой участок.

— Мне это не нравится!

— Мне тоже, — согласился Саня с Лидой. — Мне тоже, поверь. Но все это началось здесь, все крутится вокруг тебя и праздника Леса.

— А еще браконьеров.

— Каких еще браконьеров?!

— Вот меня тоже этот вопрос интересует. Ладно, сделаем так, — девушка взглянула на часы. — Посиди тихонько, займись чем-нибудь. Марь Иванна вернется, я тебя к ней определю. Она бабушка добрая, внук у нее примерно в твоих годах. Так что возражать, думаю, не будет. К тому же она на язык подвешена, знает почти все, что происходит в деревне. Сможешь найти к ней подход — она тебе много чего расскажет. И...

Телефон на столе зазвонил и, снимая трубку, Лида шепнула:

— Только одно, пожалуйста, не мешай мне работать!

И уже в трубку сказала:

— Участок номер сто девяносто девять, Скворцова слушает.

И пошла работа. Отвлекаться на Саню было некогда. Когда вернулась соседка, Лида определила к ней оперативника на постой и занималась своим. Бумажки, дела, рутинные проверки и неожиданные отчеты — все это было достаточно привычно.

Но обыденность разбилась на осколки, когда уже за несколько минут до обеда раздался звонок из местного дома культуры. Лидию Степановну просили срочно подойти.

По пустякам заведующая вряд ли бы побеспокоила, потом прихватив куртку со стула, девушка двинулась на место, по дороге пытаясь избавиться от дурного предчувствия. Саня двигался вслед за участковой, поглядывая по сторонам цепким взглядом. С оперативника стало ясно и предположить, что это была подготовка, чтобы выманить из безопасного участка Лиду.

Как выяснилось очень быстро, просила позвонить заведующая клуба. А беда, случившаяся в клубе, была в том, что невесть куда пропал сценарий праздника, и куда-то делся исполнитель главного героя!

— Как пропал? — ахнула Лида, садясь на предложенный стул.

Саня, остался у входа, скрестив на груди руки и разглядывая встревоженное лицо участковой.

— Вот так, Лидочка. Был и нету.

— Но ведь... А копии?!

— Все пропало, Лидочка. Но я тебе больше скажу, наш главный исполнитель в больницу попал. Как — сам не знает, но ночью домой возвращался, задержавшись, а потом... в голове потемнело, а когда прояснилось — он уже в больнице был.

— Нет, это просто ни в какие ворота! — разозлилась участковая. — Следы взлома были?

— Нет, Лидочка, — заведующая домом культуры немного отодвинулась, словно пышущая жаром девушка могла ее обжечь. — Не было.

— Посторонние люди были?

— Не видела...

— Вот, что за невезуха! Где я теперь найду главного героя?! Сценарий распечатать не проблема, он у меня с собой и на планшете есть, и дома на компьютере. Но все-таки! Главный герой! Исполнитель главной роли?! Где я его найду?!

— Лидия Степановна, — тихий смущающийся голос вызвал на лице участковой радостную ухмылку. Голос она узнала сразу же, теперь следовало не спугнуть «добычу». А пришедший тем временем продолжал: — Мне сказали, что вы пошли сюда... И я вот...

— Ромка! Ты вовремя, ты чертовски вовремя. Ты на этих выходных занят? — перешла с места в карьер участковая.

— Нет...

— А на следующих?

— Тоже нет.

— Отлично! Марина Петровна, — взяв вошедшего парня за плечо, Лида его чуть встряхнула. — Как вам вот этот кандидат?

Спустив очки на кончик носа, заведующая клуба воззрилась на парня. Роман же занервничал:

— Кандидаты куда? На что?

— На главную роль праздника осени, конечно же. Или ты совсем-совсем против?

— Но я... никогда... даже в клубе самодеятельности... — заюлил парень.

Лида радостно хлопнула его по плечу.

— А это тебе Марина Петровна все расскажет и покажет. У нее самые безнадежные случаи и пели, и танцевали, а какие юморительные сценки показывали!

— Лидия Степановна, я по делу... В лесу...

Приблизив свои губы к уху парня, участковая тихо спросила:

— Браконьеры?

Парень кивнул.

— Я знаю, — отозвалась Лида отступив. — И поэтому... — сложив руки, она попросила: — Пожалуйста! Нам очень нужен главный исполнитель этой роли! А я даже не знаю, кого попросить. Там по лесу надо будет перемещаться... И, и...

— Лидия Степановна! — парень чуть ли не покраснел. В его голове метались заполошно мысли: «не надо на меня так смотреть, не надо!»

— Ну, пожалуйста! Неужели ты никак, никак не сможешь?

— Хорошо, — сдался Рома. — Я все понял. Я постараюсь. Я буду очень-очень-очень стараться.

— Уррра! Спасибо! — просияв искренней улыбкой, Лида отступила и чуть подтолкнула парня в сторону заведующей клуба. — Марина Петровна, он ваш! У вас неделя на индивидуальные репетиции. И еще несколько дней на общие. Саш, нас ждут, пошли!

Недрогнувшей рукой подхватив оперативника из ОСПБ за руку, Лида поволокла его из клуба со словами:

— И только не надо нам тут мешаться, совсем не надо, даже немножко и совсем чуть-чуть. Пошли!

— У меня только подозрение, или ты...

— Выступила сводницей? — взглянула девушка на него через плечо. — Если только совсем немного. Так. Я возвращаюсь в участок, ты идешь со мной?

— Нет. Я тут своего знакомого увидел, когда мы шли в клуб, так что зайду к нему, поприветствую.

— Хорошо. Если что-то понадобится, мой номер ты знаешь, и домашний, и сотовый, хотя он чаще всего недоступен. Где мой дом — знаешь тоже, так что если что-то тебе понадобится, не стесняйся, звони, заходи.

Саня кивнул, остановился около перекрестка, провожая ладную удаляющуюся фигурку. И он даже не догадывался, что как только фигура Лиды скрылась с его глаз, около ее правой ноги из пожелтевшей и поредевшей травы выскочил маленький мышонок, чтобы всего через пару мгновений вокруг участковой на четырех лапах запрыгал золотистый пушистый шарик. Самый лучший охранник в мире заступил на свой пост.

И видя настроение Лиды, ретривер не стала бегать вокруг. Чуть увеличившись в размерах, Дени подстроилась под правую руку хозяйки, пальцы девушки запутались в золотистой шерсти, а в голове неожиданно помутнело.

«— Вот вроде и руки есть, — женский голос звучал странно, не разочарованно, но укоряюще. — И голова на плечах тоже присутствует, понимаешь, что можно, что нельзя. Но почему же ты вечно то одно подкинешь в котел, то в другое? А потом приходится все переделывать и исправлять.

— Я не порчу! — детский разочарованный голос, вне всяких сомнений, принадлежал

самой Лиде. — Они не испортят! Они только улучшат.

— И с чего ты это взяла? Кто тебе такую глупость сказал?

— Они сами!

— Кто они?

— Растения!»

Воспоминания растаяли. Лида обнаружила, что стоит на коленках на земле, вцепившись в шерсть поскуливающего ретривера. О чем шла речь? Девочке Лиде о чем-то говорили растения?! Сами по себе? Какая невозможная чушь!

И нет, это все же не могла быть она сама.

Невозможно! Невозможно!

С какой стороны не посмотри!

Но логический ум участковой уже начал соединять воедино факты.

Ложь с возрастом отца.

Факт явного давнего знакомства с Мельником.

Егерь в заказнике, уникальном, и скорее всего единственном на всю Россию. Так просто, взять любого человека с улицы? Невозможно!

Знания для простого смертного слишком объемные и из сферы, которая не входит даже в интересы большинства человечества.

И... Лида уткнулась лицом в шерсть ретривера.

Отец знал больше, чем говорил. Да и вряд ли бы простой человек сошелся бы накоротке с Мельником и женщиной, отравленной проклятьем русалки. Конечно, на очень «накоротке» это похоже не было. Но ведь именно Мельник почти два десятка лет назад спас маленькую девочку. И в этот раз с Димкой именно Мельник пришел на помощь.

Отец что-то скрывал.

Дело было не в том, что девушке хотелось узнать это любой ценой. Она понимала отлично, что он не скажет. Но все же почему? Откуда у нее такие знания? Костяной нож, во время подготовки зелий, вот это всплывшее воспоминание...

Почему отец так волновался, когда узнал, что Лидина блокировка на памяти начала спадать. Что именно она забыла? Что было в те времена, когда она чуть не попала на зуб личу. И чей именно женский теплый голос она слышит в своих воспоминаниях? Это точно не голос той, что была носителем русалочьего проклятья. Почему-то казалось, что женщина, говорящая с маленькой Лидой, ненавидела несостоявшуюся русалку больше чем кого-либо или кто-либо.

Сомнения, раздирающие девушку на кусочки были столь сильны, что она не нашла в себе силы пойти в участок. Были дела и вне его, поэтому мысленно извинившись перед теми, кто решит прийти к ней без звонка, участковая двинулась по рабочим делам.

А в конце, когда уже от усталости в голове начали плавать бессвязные обрывки мыслей, ноги сами собой вынесли Лиду на берег реки.

Рим, сидящий у воды, улыбнулся подходящей участковой и протянул к ней руки.

— Ты холодный, — вздохнула девушка огорченно, на миг коснувшись его ладоней своими. Приветствие на русалочий манер.

После всего случившегося на ярмарке жемчуга, которую Лида так и не посетила, Рим вернулся к деду. Лида понимала, что их нежданное побратимство разочаровало и расстроило русала, поэтому старалась пореже приходить на берег. Но добилась только обратного эффекта. Рим расстроился еще больше.

И девушка решила вести себя как прежде, разве что стараясь придать их отношениям теперь не только теплые дружеские, но и родственные ноты. Пока получалось не очень, русал время от времени застывал на полуслове, его взгляд скользил то по Лидиным губам, то по ее телу. В омутах русалочьих глаз полыхало нечеловеческая страсть и тоска, и все пропадало. Быть с девушкой рядом Риму было мучительно и тоскливо, но отказаться от нее он не мог.

Тот русал, который неосмотрительно перешел дорогу Мельнику, все же получил снисхождение — извинившись перед Римом и почти перед половиной города русалов. После просьбы родителей, Мельник отменил свое жуткое заклинание. Но Лида хорошо помнила, что ей, не сдержавшей своей злобы и порывистости, это заклинание еще придется оплатить.

— Что-то случилось? — тем временем спросил негромко русал.

Лида, севшая на берегу неподалеку, от воды веяло сентябрьским холодом, чуть заметно покачала головой.

— Небольшие проблемы, ничего страшного.

— Я могу помочь?

— Только если сможешь сказать, как снять блок с памяти, установленный когда-то самим Мельником!

На лицо Рима набежала тень, потом он вымученно улыбнулся:

— Только сам Мельник может что-то сделать со своим заклятьем. И то не всегда.

— Не всегда?

— Некоторые заклинания не имеют обратного хода. А некоторые имеют в качестве обратного хода такие условия, которые выполнить просто невозможно. Классическую сказку о спящей красавице помнишь? Темная ведьма наложила заклинание, и разбудить принцессу мог только поцелуй истинной любви. В сказках, которые распространялись среди людей, все было красиво. И первый поцелуй принца, который прошел сквозь зеленые насаждения, разбудил спящую красавицу. На деле это был не первый и даже не сотый. Он пять лет прожил в этом замке...

— Пять лет? — пробормотала потрясенно Лида.

— Да. Пять лет долгих ожиданий. Возможно, если бы он смог выбраться из замка, у него была бы другая жизнь. Но принцы, попавшие в замок, или умирали, или пробовали полюбить и разбудить спящую красавицу. Другого выбора не было.

— Как это ужасно! А если бы он полюбил другую?! И как он прожил там пять лет?!

— О нем заботился старый дворецкий одного из принцев, которые умерли в замке.

— Рим, хватит! Не говори мне таких ужасов!

— Это не ужасы. Это ты неправильно реагируешь, — улыбнулся русал, — девушки в этом месте складывают руки, мечтательно улыбаются и сообщают, что «ах, какая романтическая история»! В любом случае ты поняла теперь, что есть заклинания, снять которые можно только выполнив определенные условия?

— Теперь мне к Мельнику даже подходить не хочется, чтобы спросить, что он там такое выставил в качестве условия снятия!

— Для тебя было бы гораздо безопаснее, если бы ты вообще не имела с ним никаких дел.

— Почему?

— Мельники — люди и нелюди одновременно, они живут в двух мирах сразу и ни одному не принадлежат. Та, что их...

— Рим, — в голосе Лиды зазвучал слабый отзвук предупреждения. — Ты же не хочешь сказать, что считаешь, что я в него влюбилась?

— По-моему, так считают все полуночники. Кроме разве что самого Мельника. Честное слово, никогда не мог понять, что у него на уме!

— Господи, как же хорошо, что Лешка не имеет никакого отношения к полуночному миру! Я бы не отмылась от ваших домыслов!

— Лешка? — изумленно переспросил русал.

— Ну, полное имя, конечно, Алексей. Но поскольку мы с ним друзья детства, и я его невеста, для меня он просто Лешка.

— Невеста?! Стоп, стоп, подожди минутку! — Рим сжал руками голову, потом взглянул на девушку. — Ты... ты же...

— Я невеста одного замечательного человека. Он военный. И мы не поженились только потому, что его по контракту отправили в горячую точку, и он не хотел, чтобы, не побыв толком его женой, однажды утром я проснулась его вдовой.

— Великие морские духи... Это мое сердце забрала девушка, уже в кого-то влюбленная? Не иначе, как то, что я считал великой неудачей, отвело от меня беду большую, чем можно представить.

— Рим, о чем ты? Я тебя вообще перестала понимать!

— Сказки хорошо знаешь? — серьезно спросил парень, даром что хвостатый.

— Девчачие не очень. Я сама их читала, но то время не помню. А для брата, естественно, сказки я подбирала не о любви и не волшебстве превращений и поцелуев.

— Но, тем не менее, ты попала в точку. Любовь. Истинная любовь способна преодолеть все. Девушки на святочные гадания вызывали мертвых суженых из-за порога смерти, и спасал их только крик петуха. Но какой силы должна в этом случае быть любовь можешь себе представить? В любом случае, истинная любовь — это табу для полуночников. Ни один из нас не смеет разрушить ее, если мы хотим не только жить и радоваться жизни, но еще и однажды родиться человеком.

— Что?!

— Мы верим, что однажды умерев, снова мы родимся людьми.

— Рим!

— Но те, кто вмешивается в человеческую судьбу и тем более любовь, обречены на то, чтобы раствориться в этом мире, не получив шанса на новую жизнь. Тем, кто истинно любит, не страшны проклятья и русалочий зов. Именно поэтому ты устояла...

Лида чуть смущенно пожала плечами, говорить о своих чувствах было немного сложно:

— Я люблю его с детства. Для меня он самый любимый, самый необходимый. Самый лучший.

— А как же... Мельник?

— Мельник... Я сама не знаю. Он кажется мне уютным и знакомым. Даже несмотря на то, что я понимаю, это невозможно, я все равно продолжаю пытаться его вспомнить. Но в моей памяти черные дыры, потерянные воспоминания и какая-то тайна. Иногда я думаю, что будет после того, как я все вспомню. А потом вспоминаю о том, кто такой Мельник, и мне кажется, что я не вспомню ничего и никогда...

Ощувив в голосе Лиды тоску, Рим неожиданно сам для себя коснулся ее плеча и спросил:

— Ты же очень одинока?

— Бинго, — невесело усмехнулась девушка.

— Но почему?!

— Потому что все мои друзья живут в городе. Мы общаемся по интернету, но это совсем не то, чтобы поговорить вживую. Или выпить вместе чашку кофе. Или потанцевать в клубе, а потом за клубом настучать кому-то в бубен.

— Ты же! — возмутился Рим.

— Я да, — кивнула с лаской в глазах Лида. — А моя лучшая подруга — нет. Она из категории «служак», выполняет все дословно, что ей сказано. В этом плане ей удивительно с напарником повезло. С логикой у нее грандиозная беда, да и с интуицией не все в порядке. Вот она просто обожала парней по татами катать. Высокая, под два метра, там такой размах плеч... в общем, она очень любила это дело. С нашей третьей — миниатюрной лапочкой, мы собирали приключения все, что могли. Она по боевой поддержке, я по логике, а наша третья по интуиции. «Три сестрицы»... к концу обучения нас и не называли иначе.

Рим хмыкнул.

Если посмотреть с этой стороны, то ставшее для него трагедией побратимство для этой одинокой девушки стало настоящим подарком. И, наверное, ему самому стоит поучиться у нее смелости, задорности, стремления идти до конца и умению, смотря в окружающий мир, видеть в нем не только плохое. Наверное, стоит попробовать найти плюсы в том, что теперь у него есть человеческая сестра, к которой он относится чуть нежнее, чем следует.

— О чем ты задумался? — спросила Лида негромко.

— О том, что скоро мне придется возвращаться домой, — слукавил русал. — Я все-таки морской обитатель. На Руси холода злые, вцепятся в воду, покроют ее ледком. Будь у деда сил побольше, можно было бы и с ним перезимовать, но я морской, мне нужен простор, да и... каникулы закончатся, возвращаться нужно.

— Ты говорил, я помню. Но как же тогда «перезимовать» у деда?

— У нас обучение длится очень долго, но зато не круглый год. Можно и пропустить порой... годик. А еще я не люблю то место, где учусь.

— Почему?!

— В подводном мире, — Рим с грустью отвел взгляд. — Алхимики ценятся менее всего. Самое главное достояние нашего мира — это маги. Пусть даже они такие... как тот мальчишка, из-за которого ты пострадала. Он маг. А это окупает все, даже его характер, причем дар у него один из самых слабых. Моим родителям нагадала болотная ведьма, что я буду одним из самых сильных магов молодого поколения. Но я влюбился в человеческую девушку, хотел просто быть с ней, а мне не дали. Мне пришлось самому варить отворотное зелье. Вместе с ним, когда я утратил любовь к той девушке, я утратил и частичку себя, своей сущности. Вслед за любовью ушла и магия. Из мага, надежды семьи, я стал обычным алхимиком. Алхимики не могут сделать ничего великого. Наверное, можно было бы попробовать доказать, что это не так, но я струсил. Я почти не посещал учебу, я ничего не учил, винил в своих неудачах других. Видишь, какого брата ты получила.

— Если хочешь знать мое мнение, — подсев поближе, Лида растрепала влажные волосы русала, — то очень даже хорошего. Конечно, как и все мальчишки, самодовольного и самоуверенного, любящего покрасоваться, но зато заботливого, знающего, когда надо признавать поражение, но не унывающего, а способного встать и попробовать снова.

— Лида...

— Ты уж меня, толстокожую участковую прости, я ни в коем случае не романтик. Но я

тебе хочу кое-что сказать, в ту ночь, когда ты пил зелье, и в тебе умерла часть тебя — в тебе умерло детство. Его вернуть, к сожалению, невозможно, ведь никто не знает, куда и почему оно уходит. Но, самое важное, твоя магия по-прежнему с тобой. Она в твоём сердце, твоей душе. Возможно, просто нет никого, ради кого ты хотел бы ее применить. Возможно, просто дело в том, что ты утратил веру в себя. Я не знаю, но ты обязательно встретишь ту, ради которой захочешь совершить невозможное. А веру... пока ты не веришь в себя сам, я буду верить в тебя. В то, что мой подводный брат сможет сам выбрать свой путь.

— Лида...

— Ничего не говори. Обдумай и найди себя сам. А вообще, — девушка поднялась с пригорка, взглянула на небо, оценила набегающие тучи. — Будет дождь, пойду я домой. Передавай хозяину лесному, да водному большой привет. Я к ним на днях забегу, по сценарию кое-что уточнить нужно будет. Не нравится мне, что он пропал из закрытого клуба, как бы кто не решил сюрпризы нам устроить. Так что лучше заблаговременно приму некоторые меры. Рим, спасибо, что поговорил со мной.

— Не думаю, что от меня было уж очень много пользы. Но я был рад снова увидеться с тобой.

Лида улыбнулась, свистнула, подзывая свою Дени, и двинулась домой. Обида на Мельника не забылась, но грош была бы профессионализму девушки, если бы поддавшись этому чувству, она не смогла выполнять свою работу. Волноваться, впрочем, стоило не о делах, а о другом, но Лида пока об этом совсем ничего не знала.

Она возвращалась домой, и на ее лице играла немного усталая улыбка.

И до самой ночи, до того момента, как она упала в кровать, измученная прошедшим днем, девушка занимала себя все новыми и новыми делами. Все. Ради того, чтобы не думать о словах Рима, ради того, чтобы не думать о мыслях окружающих, посчитавших, что она влюблена в Мельника.

Она любила Лешку, Лида знала это точно, как то, что дважды два — четыре. Но все равно, взять и выкинуть Мельника из головы никак не получалось.

Все-таки было в прошлом что-то такое, что, даже оставаясь неизвестным, будоражило чувства и мысли.

«Ну, Мельник! — со злостью подумала девушка, укладываясь в постель и понимая, что даже усталость не помогла ей избавиться от мыслей об этом человеке, — ну, погоди!»

...Кресло-качалка поскрипывала на сухих половицах. Сквозь небольшое оконце на чердак заглядывало солнце, а воздух был буквально пропитан запахом трав. Повсюду, где было свободное место, сушились травы. Связками на веревках, закрепленными прищепками. На огромных белых полотнищах на полу. Зачем-то в больших тазах.

Травы были везде и разные-то какие!

В другое время девочка с удовольствием изучала бы их, но сейчас, набегавшись за день, сидела у старенького кресла-качалки, вслушиваясь в его скрип.

Та, что там сидела, обычно много рассказывала, чаще непонятного, что приходилось запоминать, заучивать наизусть, ее можно было о многом спросить, отвечала она редко, но попробовать стоило всегда.

У девочки было много, очень много вопросов. Но в этот раз она предпочла затаиться, вслушиваясь в голос. Голос рассказывал сказку.

И маленькая Лида готова была целую вечность, сидеть так!

Но сидящая в кресле была настороже.

— Ай-ай, опять клюешь носом.

— Я слушаю! Слушаю! Ведь так интересно!

— Егоза, — на детскую макушку легла осторожная рука, погладила. — Я почитаю тебе эту сказку в другой раз, а пока — спать.

— Но ведь!

— Тсс. Ты же знаешь, как для тебя важен дневной сон, так что не упрямься. Взамен, я разрешаю тебе поспать здесь. Можешь забраться в дальний гамак и остаться там.

— Правда?!

— Конечно.

— Ой, спасибо! — маленькая Лида засмеялась и бросилась к тому углу, где в темноте и прохладе висел гамак, и остановилась перед ним, не зная как забраться.

А потом под мышками у нее сомкнулись сильные руки, и она вознеслась вверх. Высоко-высоко, под басовитое:

— И когда же ты немного подрастешь, барышня? Чай не малышка, а сама в этот гамак никак забраться не можешь!..

Лида села на кровати, прижимая к груди руку. Сердце заходилось и частило в бешеном ритме. Она была знакома с Мельником! Тогда, давно!

Она была... что именно? Что связывало ту женщину, у которой Лида была, и Мельника? Ведь не надо быть болотной ведьмой, о которой рассказывал Рим, чтобы понять, что он ничего не скажет!

Но ведь что-то же было!

Мысли девушки прервал тихий шорох.

За окном кто-то был.

Шорох повторился, на этот раз более явственно. Что-то царапнулось по стеклу, хотя на улице по ту сторону никого не было, только разве что качалась странная тень.

— Тимофей, — позвала негромко Лида. Но безотказный домовый, обычно появляющийся по первому зову, не пришел. Дени, спящая в ногах Лиды, не проснулась. И браслет не отозвался по желанию девушки.

«Или мне только приснилось, что я проснулась, или я чего-то о полуночном мире не знаю».

Скрип за окном повторился. Повода паниковать Лида пока не видела, а способ «спрятаться от кошмаров под одеялом» перестал ей помогать еще в детстве.

Тень за окном качнулась, вытянула к окну крючковатые сучья-руки.

Хозяйственные постройки терялись в тени безлунной ночи, не было видно ни одного огня, а около спальни Лиды никогда не росло деревьев!

Тень по ту сторону существовала сама по себе. Тянулась к окну, но того источника света, что породил ее, не хватало, чтобы дотянуться до окна и пересечь его границу.

Растерянная и чего скрывать — напуганная девушка, не могла даже пошевелиться. Не могла зажечь свет, чтобы прогнать тень, не могла закричать. Только всматривалась в безмолвную пустоту, в отчаянии выискивая источник монстра, становящегося все меньше и меньше. А потом неожиданно нашла — в тени забора тлела сигарета. Единственный огонек в ночи почти погас, готовясь погрузить все во мрак. Но не было никого, кто курил бы сигарету, словно ее просто выбросили, не желая... Попасть под удар собственного создания?

Лида нервно рассмеялась, но страх не прошел. Сигарета еще не дотлела, но:

— Чур меня, — слетело с губ само собой, и уже увереннее Лида повторила: — чур меня,

чур меня!

Огонек погас.

Тень мгновенно разрослась, заполнила собой двор, растянула во все стороны свои сучья-руки, заплела двор в ловчую паутину.

А потом щеку Лиды обожгло шершавым теплом.

— Дени, — прошептала девушка, вцепившись в золотую шерсть ретривера. Скрученные судорогой пальцы, скорее всего, причиняли боль золотистому пушистому шару, но сейчас разжать руки Лида не смогла бы ни за какие сокровища на свете.

Умный взгляд янтарных глаз обратился на девушку, и... Она покатила по полу собственной комнаты, охваченная янтарным сиянием!

Приземление вышло мягким — прямо в пушистый золотистый бок. Дени ободряюще, но впрочем, довольно деликатно гавкнула, словно отчиталась за выполненное на совесть задание.

За окном во дворе горели два ночных фонаря на солнечных батареях. Край неба светлел, озаряя изнутри белую вату облаков неуверенным сиянием просыпающегося солнца.

С кухни доносилось позвякивание — Тимофей ставил чайник.

По телу Лиды тек холодный липкий пот. Простынь на кровати была смята, словно устраивали подушечные бои. В счет этой версии шли перья, опускающиеся на холодный деревянный пол с потолка, и куда-то пропало одеяло. Лида подозревала, что найдет его на полу.

На наволочке подушки, лежащей у ноги девушки, остался черный отпечаток чужой когтистой лапы. Три длинных прочерка, словно углем навели и следом подожгли.

Испугаться Лида может и хотела бы, но не смогла. Тело было очень легким, почти невесомо плыло в объятиях усталости. В противовес телу голова была чудовищно тяжелая.

Но было кое-что еще, точнее, не было.

Не было душной и неестественной тишины, вязкого воздуха с кислым запахом и пустоты в животе.

Вокруг был реальный мир. И как только Лида это осознала, все остальное стало простым и понятным: она была на границе. В том нереально-реальном, отчасти пугающем, отчасти знакомом мире, полном загадок и несуразностей.

Как она туда попала, тоже было интересным вопросом.

Сама по себе, вне всяких сомнений, загреметь по ту сторону границы Лида не могла. Уж тем более ее туда не перенесла Дени или, смешно даже подумать, Мельник!

Кто-то еще. Кто-то незамеченным проник в дом, перенес Лиду в мир, из которого она не должна была вернуться. Если бы это был живой человек или полуночник, снежный зверь Лиды поднял бы лай и ничего бы не случилось.

Но этого не произошло.

В этот раз, значит, «гостем» было что-то эфемерное, нереальное даже для Дени. Возможно заклятье, возможно что-то еще...

Глаза сомкнулись, девушка больше не могла слепо таращиться в потолок. Рука соскользнула с золотистой шерсти, бессильно упала на кровать. И еще попытавшись встряхнуться, Лида поняла, что все бесполезно, и она падает, падает, бесконечно падает в поджидающую ее бездну.

Сквозь сон Лида слышала звонок будильника, тихий голос Тимофея, лай Дени, но открыть глаза не могла. Брата и отца дома не было, домовую покинуть территорию дома не

мог, поэтому не было никого, кто мог бы разбудить Лиду.

Участок остался закрытым, до участковой никто не смог дозвониться, и в результате в доме Скворцовых появился встревоженный Саня. Дверь ему открыл домовый. Встревожненным клубком подкатился под ноги, прося:

— Пожалуйста, скорее, она не просыпается!

Но и голос Сани участковую не разбудил. Мужчина ее не смог дозваться, словно она попала под чье-то наведенное заклинание. Не помогли ни походные меры в виде нашатыря и холодной воды, не помогли и тяжелые меры в виде заклинаний домового.

Оперу пришлось звонить старшему родственнику и говорить о том, что случилось небольшое ЧП, и участок Скворцовой будет на сегодня закрытым.

Геннадий Аксенович только головой покачал у себя в кабинете:

— Что за ЧП, Саня?

— Спит и не просыпается, у меня с собой сканера нет, но этот сон определенно не естественный.

— Наведенный? Или опоили чем-то?

— Не знаю. Тут нужен анализ крови хотя бы взять, а я даже если и сделаю, все равно бесполезно. Тут нигде нет хорошей биохимической лаборатории.

— Разбудить ее можешь?

— Не смогу, уже не получилось. Хотя я уже все попробовал, что в голову пришло.

— Сань, там говорят, мельник на участке есть.

— Настоящий? — не поверил опер, считая пульс спящей девушки.

— Точно. Будь добр, сходи к нему. И участок на сегодня закрывать нельзя. Там свои проблемы. В общем, давай даже сделаем по-другому. Мельнику я сам сейчас позвоню.

— Номер знаете?

— Нет, но найду, — начальник бедовой участковой рассеянным жестом потер переносицу. — Тут, в общем-то, надо-то позвонить лишь главе их администрации. С тем мы давно знакомы, не одно дело вместе делали, он и подскажет. Ты посиди на ее участке. Врать, что она вышла не надо, говори, что плохо себя чувствует, а ты ее подменяешь. Документы я тебе отправлю завтра с утра почтовой машиной. Официально будешь помощником ее на время подготовки и проведения праздника леса.

— Геннадий Аксенович, а как же...

— Делай все, что сочтешь нужным. Если понадобится помощь — звони, ясно? Говорить тебе, чтобы ты без самостоятельности обошелся — не буду. Не маленький, сам знаешь, что можно, а что нельзя. И, Саня, никому вообще не говори, что случилось с Лидой на самом деле, хорошо?

Мужчина хмуро кивнул сам себе, потом ответил:

— Да, я все понял.

— Тогда иди на участок, я позабочусь, чтобы тебе позвонили минут через десять. А Мельнику позвоню сразу же.

— Спасибо.

Убрав мобильный в карман, Саша посмотрел на волнующегося домового.

— Начальник Лиды сейчас Мельнику позвонит. Если он согласится помочь, тогда придет. Никого кроме него, незнакомого, чужого, в дом не пускай. Я пойду на ее участок, подменю. Геннадий Аксенович сказал, что ее, кажется, подсадить кто-то хочет, поэтому не будем давать поводов для служебок. Как тебя зовут, кстати?

— Тимофей, мы, — перешел домовый от волнения на старый язык.

— Хорошо, Тимофей. Ты умеешь пользоваться телефоном?

— Да. Матушка... научила нас.

— Отлично, так будет даже проще. Если чужого увидишь, кто около дома будет ходить, или поймешь, что что-то нехорошее он сделать пытается — звони мне, на номер Лидино участка, я постараюсь сразу же после этого прийти. Знал бы, что тут такое творится, — посетовал Саня, — прихватил бы пару ребят покрепче, есть у меня хорошие знакомые, которые не отказали бы. Ладно, Тимофей, Лиду оставляю на тебя, а я пошел.

Домовой послушно кивнул, но подумал мимолетно о том, что матушка рада бы не была тому, что опять кому-то из-за нее приходится обращаться за помощью к Мельнику. А еще, то ли она него обиделась, то ли почему-то он на матушку рассердился, но на пироги, когда его звали, не пришел.

Ежели это Мельник обиделся, то на помощь он может и не прийти. Тогда надо будет звонить этому самому оперативнику, который пришел с утра и вызывать на помощь человеческих врачей.

Но то ли это не Мельник, а матушка обиделась, то ли обида была не настолько сильная, как Тимофей посчитал, но Мельник появился, верхом на своем келпи примчался, торопился, значит, сильно. Вид у него недовольный был, словно у медведя-шатуна не вовремя из спячки поднятого.

— Где она? — спросил гость, спешиваясь и снимая сумку, притороченную к седлу.

— В спальне у себя, барин, спит и не просыпается.

— Веди, — велел мужчина, — сейчас посмотрим, сама она сладким сном решила себя потешить, или помочь кто осмелился.

Доведя гостя до комнаты матушки, Тимофей тихо вернулся на кухню.

Мельник, войдя в спальню, остановился на пороге. На стене висели несколько фотографий в рамках, одна из них и привлекла его внимание. Несколько минут, наверное, он смотрел на девушку и парня, стоящих в обнимку.

А потом повернулся к кровати. На лице Лиды было спокойное выражение, пульс был замедлен, дыхание было слегка прерывистым. Жара не было, скорее, наоборот, у девушки была понижена температура. Не настолько, чтобы забили тревогу человеческие врачи, но Мельник к ним не относился. То, что он видел, ему не нравилось.

Использовать силы второго, полуночного мира около людей он не любил, зачастую человеческое неверие приводило к искажению результатов, но здесь и сейчас Фомы неверующего рядом не было.

Тонкая граница между миром реальным и миром полуночников откликнулась легко, шагнула навстречу, распахивая свои объятия. И Мельник с трудом удержался от крепкого словца. Вокруг девушки в воздухе порхали тонкие черные «реснички». Тонкие эфирные следы от чего-то, что принадлежало миру полуночников.

Сон был не настоящим, а наведенным. Кто-то очень не хотел, чтобы участковая проснулась. Или же, все было еще куда хуже, чем Михаил посчитал. Граница откликнулась слишком легко, словно сюда ее уже вызывали.

Присев на край кровати, Мельник наклонился к лицу спящей. Граница не может уйти просто так, она оставляет след, который хоть и стирается, но его можно обнаружить, главное знать, куда именно смотреть.

Естественно, Михаил знал.

Если не приглядываться, тонкую паутинку на побелевших губах можно было даже и пропустить. Мельник, хоть и испытывал некое чувство смущения, приглядывался внимательно.

Паутинка было не чисто-черной, скорее серой. словно девушка не просто побывала на границе, но и смогла вовремя ее покинуть. У самой Лиды таких возможностей не было, Михаил знал это точно, не могло их быть у ее домового или отца.

Мог Димка приобрести после зова русалки немного экстрасенсорные способности — это был вопрос, что-то могло поселиться в его душе, приоткрыв дорогу миру полуночников. Но вряд ли этим чем-то могло быть умение переходить между мирами.

Был вариант, что вмешался кто-то еще, другой, нежели тот, с чьей подачи Лида побывала на границе. Могло быть что-то, о чем Мельник не знал. Он не считал себя непогрешимым, и знал точно, что есть вещи, о которых он сам даже не догадывается, несмотря на возраст и весь свой опыт.

Наклонившись еще ниже, чтобы рассмотреть краешки плетения следа, Мельник пропустил тот момент, когда Лида распахнула глаза.

И Михаил, впервые попавший в настолько дурацкую ситуацию, когда его поймали за таким положением, словно он собирался спящую поцеловать — растерялся. Растерялась и Лида, не знающая, как отнестись к подобной ситуации, когда в комнате оказывается без приглашения мужчина, да еще и так близко.

Была бы на ее месте лучшая подруга, та бы безо всякого стеснения, заявила — чего замер, целуй. Но она-то была не на ее месте! И к тому же, у нее был жених. И...

Михаил с деликатной ситуацией справился все же первый:

— Не двигайся, барышня, — велел он, отстраняясь. — Сейчас я это уберу, потом отвечу на твои вопросы, если они у тебя есть. В идеале было бы замечательно, если бы ты не мешала выполнять мне работу и сейчас помолчала.

Взгляд Лиды на миг наполнился обидой, потом ресницы дрогнули, опускаясь.

— Это значит, что ты, барышня, все поняла и помолчишь? Хорошо.

Единственной реакцией на последнее «хорошо» стал сжатый кулак девушки, впрочем, руку она тут же расслабила и предпочла вообще закрыть глаза. Мельник над ее головой усмехнулся:

— Почто же вы меня так не любите, барышня? Уже лесовой ко мне прибежал, говорил, что из-за нашего молчания вы пострадали, Да еще так, что даже разговор об увольнении зашел. Я тебя ждал, что ты ко мне ругаться придешь, а ты так и не пришла.

Взглянув на Михаила, Лида снова закрыла глаза. Ругаться с ним не хотелось, хоть обидно и было настолько, что словами не передать.

— Ты на меня обиделась, барышня, — вздохнул Мельник.

Лида упрямо промолчала.

Сама понять толком не могла, что же ее так задело, но еще как задело, как выяснилось! И даже понимая, что раз Михаил здесь, значит, с ней что-то случилось, да настолько, что потребовалась его помощь, она от своей обиды иррациональной избавиться не могла.

И даже убеждения, что она чужая невеста, что она любит другого, и вообще он Мельник, а она обычный человек — не помогали. Более того, если бы кто-то сказал, что Лида в Мельника влюбилась, как сказал ей Рим, она по-прежнему бы невероятно удивилась. Разве такое может быть?

— Почти готово, — пробормотал Мельник. — Сейчас может быть немного больно, но

второй способ снятия этой гадости тебе не понравится.

Боль была, резкая, но короткая. По губе потекла кровь, и Мельник, отстранившись с пинцетом, на котором висела тоненькая, но странно отворачивающая паутинка, протянул Лиде свой платок.

— Прижми. Сейчас разберусь вот с этим, и прижгу ранку.

Лида вздохнула. Спорить не хотелось, вообще ничего не хотелось. А потом опять сознание куда-то начало ускользать, на предплечья сжались чужие руки. Встревоженный голос над головой что-то требовал, но сон был сильнее.

— Тимофей, — крикнул Мельник.

— Да, барин? — выглянул домовой из стены.

— Принеси сумку, собери для барышни что-то из вещей. Я ее с собой на Мельницу забираю. Там виднее будет, что на нее наложили, кто и зачем.

— Она поправится, барин?

— Куда же она от меня денется-то, Тимофей. Степану я сам позвоню, поговорю.

— А что сказать Александру?

— Это еще кто? А, — спохватился Мельник, — опер тот?

— Да.

— Скажи, что я барышню на мельницу забрал. Больше ему знать ничего не надо.

Тимофей послушно кивнул, забегал по дому.

И через полчаса кроме домового никого в нем и не осталось. Дени мелкой пичугой мчалась за хозяйкой. Саня отвечал на шквал звонков в участке, понимая, что это не к добру.

А около дома Скворцовых кто-то бессильно злился, не найдя не то что полумертвую Лиду, а даже следов своего заклинания...

Пробуждение вышло не из лучших.

Еще даже не открывая глаза, Лида знала, что в очередной раз все пошло наперекосяк, потому что воздух пах кислым, и босые ноги холодил не ветер — а голая земля. Где-то в стороне слышалось чириканье и посвистыванье птичьего разноголосья.

Открывая глаза, девушка морально готовила себя к тому, что она сейчас не дома, и поэтому надо собраться и не пугаться, но все равно действительность оказалась страшнее всех ожиданий.

Во время первого пробуждения на границе, она была хоть и не дома, но, по крайней мере, так казалось — обстановка вокруг была мало-мальски знакомая и не такая пугающая. А сейчас вокруг был лес, ну, не совсем лес, скорее его предвесье.

Лида лежала на траве. Ноги холодила земля. Серые колкие травинки, оставшиеся от летнего богатства, неприятно кололись, забирались под домашние брюки. Было очень холодно — ветер скользил по обнаженным плечам. На Лиде была из верха только майка на тонких бретельках, и, естественно, никаких кофт или курток.

Поднявшись с земли, девушка осмотрелась, но... вокруг не было ее пушистой защитницы, снежного зверя Дени. Не было и следа дома или хотя бы стрелочки «к смерти в ту сторону».

Оставаться на одном месте было зябко. Двигаться по кругу — больно. Босые ноги кололи травинки, под них попадали то крупные камни, то комья земли. Зато на ходу лучше размышлялось.

В прошлый раз граница проходила очень близко к дому Лиды, видимо, чтобы легче было ее туда столкнуть. В этот раз граница затащила ее гораздо глубже. Возможно,

заклинание было настроено таким образом, что если участковая смогла бы вернуться обратно, в следующий раз такой возможности возникнуть даже не должно было.

Оглядываясь по сторонам, девушка мимолетно подумала о том, что здесь Дени ее не найдет. Впрочем, Мельник тоже. Вряд ли папе придет в голову, что непутевую дочку во сне могло занести на границу. Это вообще вряд ли кому-то могло прийти на ум, потому что на границу провести может только Мельник.

Лиде это преподносили как аксиому, осталось только понять, почему же тогда она сама оказалась на границе.

Нет, был еще один вариант — то, что ее в действительности украли из дома, перенесли куда-то «туда» и оставили одну. Возможно, даже участковая рассмотрела бы этот вариант в первую очередь, если бы не огромный баобаб, торчащий чуть левее той поляны, на которой она пришла в себя.

Это было возможно только в одном-единственном случае, если бы Лида оказалась на границе. Как-то слабо верилось в то, что пока она спала несколько часов, кто-то специально для того, чтобы ее смутить, вырастил баобаб среди русского подлеска или, того хуже, создал технологию голограммного воспроизведения.

— Итак, — пробормотала Лида вслух, собственный голос немного успокаивал. — Что мы имеем? Границу. Там не знаю где. Отсутствие еды, воды и надежды самостоятельно отсюда выбраться. А еще возможности с кем-либо связаться, чтобы об этой помощи как раз-таки попросить. Да что ж так больно-то! — ругнулась она, задирая майку.

Чуть повыше пупка словно монету раскалили. Больно, больно и с каждым мигом все больнее и больнее!

Серебристое «зеркальце», о котором Лида успела забыть, сияло и переливалось. И как-то очень быстро стало понятно, что сейчас надо приложить к этому зеркальцу палец и кого-то позвать.

Можно было позвать водяного, ведь изначально это «зеркальце» было сотворено из его магии. Или лешего... или Рима. Но всем троим придется идти на поклон к Мельнику, а значит, и платить за работу. Именно поэтому, как делать этого и не хотелось, Лида приложила палец к зеркалу, зажмурилась и позвала Мельника.

— Михаил...

Не последовало ни отклика, ни ответа, не было даже знака, что Лиду услышали, и девушка малодушно этому обрадовалась. Теперь у нее появилась законная возможность, чтобы позвать кого-то другого на помощь.

Капельке первородной магии так не казалось. Пока девушка предавалась сомнениям, раздумьям и малодушьем — она просто погасла.

Ругаться Лиде не позволила сила воли, хотя очень хотелось. Вместо этого девушка, обиженно пробормотав себе под нос пару добрых слов в адрес тех, кого видеть не хочется, но приходится просить о помощи, она с размаху села на землю.

Злобно ойкнула, когда под зад попало что-то острое, и подскочила. На земле лежал какой-то странный комок... какой-то предмет с острым сколом. Он ушел в землю так глубоко, что без дополнительных инструментов вытащить его было невозможно.

Лиду охватил азарт.

Сбегав до ближайших кустов, она выбрала несколько веточек потолще и вернулась обратно — раскапывать холодную землю.

Первая веточка сломалась, вторая, оцарапав ладони, последовала судьбе первой, третья

и четвертая оказались не лучше.

Если бы работал браслет на предплечье, Лида бы уже давно озаботилась более приличным орудием производства, но, увы, как и в прошлый раз, работать браслет не собирался. А интерес точно так же никуда не собирался исчезать.

Вначале поддался верхний слой, с дерном, а затем, осторожно отгребая в стороны корешки, Лида добралась и до того, что было скрыто в земле. Правда, выглядело это как комок грязи с твердой сердцевиной.

Заинтригованная происходящим еще больше — иногда ребенок в душе девушки подбивал ее на странные поступки, она заозиралась по сторонам. Нужен был источник воды. Небольшой, не лужа, конечно, с расцарапанными ладонями, только в грязной воде не хватало возиться. Нужен был ручей или озеро.

— Что-то потеряли, барышня?

Голос был тихим и отчасти незнакомым.

Какой-то частью рассудка девушка еще отметила, что Мельник в бешенстве, а затем...

Отреагировать она не успела бы в любом случае. На территории границы Лида была гостьей, к тому же гостьей незваной, а вот Мельник здесь был хозяином. К тому же он был и выше девушки, и крупнее ее в плечах, и, наконец, она была растеряна, замерзла и еще не успела взять себя в руки, а он был зол, и эта злоба придавала бы ему сил справиться с кем угодно, а не просто с одной отдельно взятой участковой.

— Барышня.

Надо было повернуться, когда на плечи легли чужие руки. Надо было закричать, надо было...

В голову мгновенно полезли всякие глупости и страшилки. Лида даже рванулась в сторону, но... тот самый ее недостаток, полное неумение защищать себя, подвел ее и в этот раз. Она просто рухнула на землю, хотя Мельник в последний момент и придержал, не давая удариться.

Спросить, что ему надо, Лида просто не успела. Она ничего не смогла сделать, как оказалась опутана растениями. Подчиняясь хозяину границы, длинные корни и не отжившие стебли растений опутали руки девушки, ноги, прижимая ее к земле.

— Бесполезно, барышня, — сообщил Мельник негромко. — Эти растения не чета земным, почти потерявшим свои силы, эти растения чтобы порвать, надо или слово заветное знать, или быть хозяином границы.

— Как ты? — спросила задиристо Лида.

— Как я, барышня, — согласился мужчина, не обращая внимания на вызов в словах и глазах. Сейчас его интересовало другое. Как объяснить происходящее.

На мельнице он попробовал разбудить девушку, но потерпел неудачу. Первый раз! Первый раз за все время он не мог не только что-то сделать, но и понять причины произошедшего. Лида просто спала, не отвечая на вопросы, окрики, не реагируя на нюхательные соли, зелья и даже заговоры.

Кто бы мог подумать, что душа спящей красавицы, из-за которой вся семья стоит буквально на ушах — найдется на границе.

Еще был интересный вопрос, как именно она подала сигнал о том, где она, но сейчас предстояло все-таки сначала разобраться с тем, что именно сюда ее привело.

Мельник был аксиомой полуночного мира, как и его умение провести человека или не человека на границу. Но из этой фразы постоянно упустили вторую, более важную часть.

Только в силах хозяина границы было умение безопасно вернуть гостя полуночного мира обратно в его настоящий мир.

Попасть на границу можно было десятками разных способов, при этом обратное возвращение ни один из них не гарантировал.

Во-первых, зелья. Мельник навскидку мог назвать пяток зелий, разного времени приготовления и разной «глубины» действия, позволяющие переместиться на границу. Чем сильнее зелье, чем могущественнее использовались компоненты, входящие в его состав — тем глубже отправлялся гость в потусторонний мир.

Лида в эту категорию входить никак не могла. Зелья были билетом в один конец, но действовали вместе с телом. А ее тело было под защитой излома на мельнице.

Во-вторых, амулеты. Это было не редкое дело, шаманы, ведьмы, баб-ежки любили заниматься такими амулетами, даже до людей история о них доходила нередко в сказках и сказаниях. Например, известный даже маленькому ребенку путеводный клубочек из сказок про Иванов. Ограничение «не смотреть по сторонам, ни с кем не заговаривать» в некоторых сказках упоминалось не случайно — проходя по границе вслед за амулетом пути, можно было с него сбиться, если внимание с клубочка перескакивало на обитателей мира границ. После этого обратно «Иваны» не возвращались.

Опять-таки, это было не про Лиду, поскольку ее тело — было на месте. Да, было несколько амулетов, отдельная категория, которые отправляли в путешествие только душу — но от таких амулетов шла осязаемая черная волна, и они не смогли бы пересечь границу мельницы, должны были треснуть, а девушка, соответственно, проснуться. Раз этого не случилось, значит, дело было и не в амулете.

Оставалась третья, самая редкая и чего таить — самая опасная категория — заклинание.

Вот заклинания воздействовали на жертву так, как было угодно заклинателю. В их силах было вполне забросить душу на границу отдельно от тела, и это вполне укладывалось в те знания, которыми Мельник уже обладал. Невесть с чего на Лиду взъялся некромант, это они как раз такое умели.

Было только одно «но», подобные заклинания всегда оставляли материальный след в мире нематериальном. То есть где-то на теле Лиды должно было быть проявление заклинания. Украшение, появление которого она не сможет описать, или — какая-то татуировка, или что-то еще.

Именно поэтому самым важным делом девушку было сейчас раздеть.

О том, что самой спасаемой такие меры могут не понравиться, Мельник не думал. Наложённое заклинание могло быть «каскадным», то есть с каждым разом отправлять свою жертву на все более и более глубокие слои границы, и вытащить Лиду оттуда можно было уже просто не успеть.

Душа, не защищенная телом и естественными щитами человека, которые есть у многих людей, могла просто рассыпаться, оставшись разве что новым привидением в лесу Скорби, весьма неприятном месте на Границе.

Церемониться с одеждой тоже было некогда, и штаны Лиды поехали по шву, оставляя ветру длинные обнаженные ноги. Ветряный прохиндей с удовольствием вцепился в новую игрушку, Лида удивленно и как-то жалобно вскрикнула.

От неожиданного поведения Михаила мгновенно на глазах выступили слезы:

— Что ты делаешь?!

— Как ни странно, барышня, спасаю тебе жизнь.

— Вот таким образом? Что-то я не слышала, чтобы у кого-то... — обличительную речь Лида до конца не довела. Нож скользнул выше, и брюки, ставшие двумя бесполезными половинками, были отброшены в сторону.

Мельник, скользя шероховатыми сильными пальцами по светлой коже, досадливо шипел себе что-то под нос.

Лида, закрыв глаза, уговаривала себе, что ей просто снится дурацкий сон. Что это просто... ну, бывает, случается, гормоны сошли с ума, мозги ушли вслед за ними. Бы-ва-ет. И совсем не повод для обиды и для тяжелого комка в низу живота.

Касания пальцев Мельника были очень легкими, словно крылья бабочки то и дело пролетали по коже. От щиколотки вниз — к пальцам, вдоль икры вверх к коленке и в чувствительное местечко — под. Лида не боялась щекотки, но сейчас, лежа на голой земле, она думала о том, что лучше бы боялась, тогда можно было не так дрожать, в ожидании того момента, когда руки скользнут выше, к бедрам.

Потому что тогда было бы просто щекотно, тогда не надо было бы уговаривать себя, что это... это...

— Хватит! — сорвалось тихо с ее губ.

— Прости, барышня, — Мельник не остановился, очерчивая круги на коже, — к сожалению, есть заклинания, последствия которых не видны глазу. Можно только руками... Если бы была где-нибудь поблизости ведьма знакомая, или из лешаков, водяных кто поблизости был с женской ипостасью, я бы их позвал. Но у нас на это нет времени. Так что...

— Стиснуть зубы и терпеть, стиснуть зубы и терпеть, — нараспев продекламировала Лида.

— Точно, барышня, именно так.

Выдержки Лиде хватило до бедер. Когда мужские руки поднялись до краешков ее белья, нервы у нее сдали.

— Поговори со мной, — взмолилась она.

— О чем, барышня?

— О чем угодно! — «О чем угодно», — как молитву про себя подумала девушка, стараясь не думать о том, что сейчас чего-то из своего белья она лишится. Или майки, или... про второе «или» даже думать не хотелось. — Я знаю! Когда я была у Рима... когда... тот... напал, олух подводного царства! Ты забрал меня оттуда, но перед этим выполнил мое желание, за которое мне предстоит расплатиться. Ты уже знаешь, какую цену с меня запросить?

Вопрос Мельнику неожиданно не понравился. Не понравился настолько, что, не рассчитав собственного движения, он потянул тонкую ткань майки и... раздался треск, а вслед за ним еще более злобный речитатив чем прежде.

Окликать Михаила уже больше не хотелось. Ветром обожгло грудь, и больше всего сейчас Лида жалела о том, что после того, как отрезала волосы, не догадалась их отрастить. Сейчас бы они...

Мысли из головы вынесло тем самым ветром, которым обожгло кожу, оставшуюся без майки.

Мужская ладонь легла на ложбинку, осторожно погладила кожу... и... это не было болью, в том смысле, который хорошо знаком любому человеку. Это не было щекоткой. Просто было ощущение, что под кожей перебирает кто-то лапками, и этого «кого-то» тащат

наверх.

С губ сорвался не стон, не крик — скорее тихий вой, а потом все закончилось.

Лида поняла, что свободна. Больше нет корней, больше нет растений, больше нет границы.

Одежды, впрочем, тоже не было, как и знакомой комнаты.

Была небольшая спальня, где она лежала на кровати, глядя в темный потолок, где на длинной веревке покачивались связки трав.

Сил двинуться не было, не было желания шевелиться. Тело было каким-то бескостным, лишившимся опоры.

Надо было прикрыться хоть чем-то, потому что Лида понимала, что сейчас, разобравшись с той гадостью, которая раз за разом утягивала участковую на границу, Мельник вернется к ней уже в живом, настоящем виде, но... не получалось.

Надо было собраться с мыслями. Чтобы быть готовой ответить не на его вопросы, а на свои — чтобы понять, кто именно что подсадил! Но подвигом казалось двинуть хотя бы мизинцем. Внутри не было ничего. Даже ненависти к тому, кто так ее подставил и чуть не убил. Лида очень хорошо поняла, о чем умолчал Мельник, что именно он упустил, отделившись скомканным «нет времени». Еще один бы провал на Границу — и тело бы осталось бесхозным. Возможно, его подключили бы к аппарату искусственного жизнеобеспечения, решив, что это просто кома, и хозяйка вернется, возможно, тело без души очень быстро бы сгорело. Девушка не знала, но понимала, что обязана теперь Михаилу гораздо больше чем раньше. Обязана ему за свою жизнь уже дважды.

Надо, надо, надо...

Глаза закрывались, словно к ресницам привязали гири.

— Не спи, барышня, — тихий голос раздался над ухом, и Лида бы подпрыгнула, если бы на это были силы. Сил не было. Было ощущение бесконечной мягкости под головой и нежного тепла на теле.

— Открывай глаза, барышня. Иначе ведро холодной воды, которое стоит у кровати, я на тебя вылью. Тебе то все равно, но пожалей меня, мне потом придется спать на полу, а там знаешь ли, дует, заделать щели у меня еще не получилось.

— По... че... му?

Губы не слушались, но... Мельник понял.

— Откроешь глаза, скажу, как догадался, что тебя надо искать на границе.

Любопытство было достаточным побуждающим стимулом, чтобы Лида встряхнулась, но его не хватило, чтобы девушка смогла взглянуть на своего спасителя-мучителя. Не помогла даже угроза ведра холодной воды, что-то подсказывало, что Михаил ее все равно не выполнит, и совсем не потому, что потом...

Спать?

Кровать прогнулась. Большое теплое тело рядом...

В голову постучалось «это не к добру». Усталость посоветовала махнуть рукой и забить, все равно никто не узнает, да и вообще...

— Барышня, тебе нельзя спать.

— А если очень хочется?

— Тем более нельзя. Если ты сейчас заснешь — снова вернешься на границу, потому что твоя душа еще не успела понять, что все, нет того, что тебя туда тянуло.

Лида кивнула.

Правая рука, которая все это время была сжата в кулак, больно дернулась. А потом... Больше всего это напоминало «послевкусие» ощущений после того, как часть тела долго не двигалась, а потом в ней начала снова циркулировать, как и положено, кровь. Девушка взвыла!

Больно! Щекотно! Неприятно... и все это одновременно.

— Об этом-то я и не подумал, — сообщил Мельник, откуда-то над головой Лиды. Девушка, открыв глаза, с трудом взглянула налево. На кровати рядом с ней лежала огромнейшая кошка, черная, с ярко-зелеными глазами. Дари. Снежный зверь хозяина мельницы.

Теперь Лида знала еще на одну тайну больше. Но...

Тяжелые шаги, удалившись в сторону дверей, вернулись обратно. Мельник подошел к кровати с огромным полотенцем, в которое быстро и профессионально завернул Лиду.

— Это чтобы, барышня, ты не стеснялась. Теперь время есть, можем побережь твою нежную душу.

— Издеваешься.

— Есть немного, — согласился Мельник, пододвигая к кровати тяжелый табурет и зажимая между коленей банку с темно-зеленым содержимым, одуряюще пахнущим мятой и клевером.

Зачерпывая прохладную не мазь — гель, мужчина начал втирать ее в кожу. И мало-помалу неприятные ощущения исчезали, возвращая Лиде чувствительность. Единственным плюсом от такой вспышки было то, что сон исчез. Как и слабость во всем теле.

— Миша...

— Что, барышня?

— Спасибо. Я знаю, ты мог не приходить, но... Спасибо тебе.

— Будем считать, барышня, что за это мы в расчете, — сообщил Мельник негромко. — Твоя одежда сгорела там, на границе, так что домой тебе придется ехать или в моей одежде, или тебе кто-то из родственников привезет сменную. В любом случае, твоя репутация будет подмочена... или испорчена. В виду того, что у тебя есть еще и жених, это был не самый мудрый мой поступок.

— Об этом я и не подумала, — отозвалась задумчиво девушка, потом вздохнула и рыкнула: — Не заговаривай мне зубы! Можно подумать одежда или репутация могут быть равны жизни!

— Мне этого ничего не стоило. Так что, не...

На лице Лиды медленно расцветала самая настоящая обида, и Мельник замолчал, потом вздохнул и сдался:

— Хорошо, барышня. Хорошо, я понял. Ваша...

Обида стала еще явственнее и после тяжелого вздоха, мужчина признался:

— Я не знаю, что с тебя взять, барышня. Не доводилось мне еще спасти чужие жизни, да еще и так часто. Обычно мы, хозяева границы, держимся на расстоянии и от людей, и от представителей мира полуночников. Мы оказываем им услуги и выполняем их задания, после чего множатся их долги перед нами и перед нашим родом. А спасать... ну, подумай, сама. Зачем бы Мельнику спасти людей? Это только ты, такая, уникальная. Сама решила все, за себя и за меня тоже, вот и занимаюсь теперь делом, которое мне и не с руки, и незнакомо, и радует, и пугает тоже. Ну, не брать же твою жизнь в качестве оплаты? Что мне с ней делать? Не обиделась, барышня?

— Зато честно, — пробормотала Лида.

— Пойми, барышня, — тыльной стороной Михаил погладил девушку по щеке. — Я Мельник, и естественно ты никогда не сможешь вернуть долг сторицей и спасти жизнь мне. Ты человек.

— В сказках за жизнь платят еще душой, сердцем... чем-то самым дорогим.

— Барышня, ну, что я буду делать с твоей душой или пуще того — сердцем? В зелья их не добавишь, в амулеты не вложишь, в заклинаниях не используешь.

— А для себя?

— Я не человек, барышня. Не был им и никогда не буду. Это для простых людей чужие души и сердца — важны, а для мельников — игрушки. Поэтому пусть твоя душа и сердце остаются при тебе. И если тебе так важно, то... — Мельник задумался, потом ухмыльнулся. — Я тебе озвучу оплату. Несмотря на то, что случилось из-за лешего, ты не будешь меня избегать. Все-таки дружеские отношения — это не то, что мне хотелось бы потерять.

— Только в обмен! — Лида, хотела уже торжествующе вздернуть руку, но замерла. В ладони, которая только-только начала разжиматься, что-то было. От неловкого движения, острый скол поранил кожу, зато форма этого «что-то» стала гораздо понятней. И девушка буквально заledenела, осознав, что тот комок грязи, который она вытащила с Границы — до сих пор с ней.

— В обмен? — уточнил Мельник, не заметивший заминки из-за того, что перешел к втиранию геля в ноги.

— В обмен на то, что ты больше не будешь вмешиваться в мою работу. Я не хрупкая девочка, я вполне могу себя защитить.

— Я в этом даже не сомневаюсь.

— Тогда не вмешивайся, пожалуйста, не заставляй скрывать полуночников от меня информацию. Я уже говорила лешему, повторю и тебе, единственное, что меня держит здесь — это моя работа. Если я ее лишусь — я уеду в тот же день.

— Почему?

— Мне предлагали работу в других местах, просто... я всегда хотела быть участковой, именно здесь. Мне нравится это место, мне нравится помогать другим, меня радует, что я могу быть кому-то нужной. А то, что я полезна полуночикам, особенно радует. Это сейчас редкая возможность для людей — быть кому-то полезной и необходимой. Нас стало слишком много. В любом случае, если ты не хочешь, чтобы я куда-то лезла... — Лида замолчала, задумавшись о том, как это прозвучало.

Звучало как-то неправильно, с каким-то подтекстом что ли, почти романтическим, и на ходу подбирая слова, девушка поправилась:

— Если ты считаешь, что то, что я собираюсь сделать — опасно, и полагаешь, что тебе вновь придется вмешаться с целью спасти меня-непутевую, скажи мне об этом заранее. Я лучше приму дополнительные меры безопасности или подумаю о том, как снизить риск. Вот!

Оценив уклончивость вынужденной дипломатии, Мельник вначале хмыкнул, а потом басовито захохотал.

Огонь-девка, ну, как такую на одном месте удержать за решетками золотой клетки? Такая не только клетку сожжет, но еще и то место, где эта клетка стояла.

— Ладно, барышня, так мы и решим. И начнем сразу с демонстрации твоего доброго

намерения.

— Сразу?

— В лесу сегодня снова те же браконьеры появились, окопались на дальней заимке. Так вот, барышня, одна ли, с опером своим отпускным, да глазастым — ты туда соваться даже не вздумай. Ты хоть и матушка, земли этой заступница, но браконьеры эти и по моей земле, на границе бродят, заклинаниями некроманта ведомые. Мне над ними суд и вершить. Так что, на заимку когда соберешься — меня с собой позовешь. Договорились, барышня?

Лида кивнула. Люди, бродящие по границе, заклинанием некроманта ведомые...

Вот чего некромант этот на нее ополчился? Дорогу она никому и нигде вроде не переходила, на козе кривой не перебегала, а вот смотри ж ты — как старается со свету сжить. За что бы это?

Единственное, что в голову приходило и больше всего было похоже на правду, так это то, что она замахнулась на возвращение веры в нечисть славянскую. Но кому это могло бы помешать?

— Миша...

— Что, барышня?

— А кому плохо будет от того, что в одном отдельно взятом месте вера вернется в домовых, да банных, полевиков, леших, да водяных?

— Думаешь кому помешала?

— Ну, да, — согласилась Лида. — Просто сам посуди, никому особо не мешала, а попытки начались сразу после того, как я в мир полуночный окунулась. Вот чем я некроманту помешала?

— Союзом.

— Что?

— Союзом, — повторил Мельник, убирая банку с гелем и вытирая руки о принесенную с собой тряпицу. — Между полуночниками и людьми.

— Почему?!

— Ты знаешь, как появляются некроманты?

— Откуда бы, — расстроилась девушка.

— Действительно, — пробормотал мужчина, потом сел на стуле поудобнее. — Я расскажу, барышня. Чай, тайна это не особо и большая.

— Но все же тайна?

— Все, что касается мира полуночников, тайна, барышня. И то, что они существуют — тоже, так что ты сама хранительница этой тайны. А где одна, там и вторая, третья. В любом случае, слушать будешь?

— Да!

— У баб-ежек есть строгий запрет. Делай что хочешь, хочешь темные дела, хочешь светлые, никто слова поперек не скажет. Хочешь среди людей постоянно будь, хочешь среди полуночников. Но в полнолуние баба яга обязана быть в своей избушке на курьих ножках.

— На куриных?

— На курьих, — повторил Мельник. — Столбы дыма, скажем так. Подробнее потом могу рассказать, но к делу это отношения не имеет.

— Ага, — проснулась язвительность в Лиде. — Так и запишем, отношения к делу не имеет.

— Барышня!

— Слушаю, я тебя очень внимательно слушаю! Рассказываешь-то ты завлекательно.

Решив проигнорировать эти слова, мужчина продолжил неторопливо рассказывать:

— Полнолуние — это время, когда любой может прийти к бабе яге и попросить ее о помощи. Если сможет оплатить заказ, то помощь будет оказана. Никаких запретов на работу. Единственное, на что он есть у бабы яги — так это на то, чтобы... забеременеть от чистокровного полуночника. Это табу. Это запрет, установленный еще на заре становления человеческой цивилизации. Если баба яга нарушает этот запрет, рождается некромант. Получеловек, наполовину полуночник. И он ненавидит людей. Человеческая кровь, кипящая в его жилах, не дает ему справиться с полуночным даром и приводит к слабому телу. Это можно изменить. Каждая новая смерть человека дает некроманту силы на укрепление собственного тела. Но это дает эффект временный. А вот если кто-то из полуночников, осознанно нарушает запрет неприменения вреда человеку, руководствуясь приказом некроманта — то эффект улучшения самочувствия сохраняется надолго.

— То есть... он раньше в заповеднике убивал? Кто-то из полуночников, выполняя его... Да почему кто-то, — Лида схватилась бы за голову, но побоялась показывать тот комочек грязи, который был зажат в ее руке. Что-то подсказывало, что делать этого не стоит. — Снежный зверь! То, с чего все началось! Снежный зверь... и видимо кликушница, которую убили на перекрестке — они выполняли приказы некроманта!

— Скорее всего, — согласился Мельник. — Поэтому ты и стоишь некроманту поперек горла. Он на этот заповедник планы может строил, а тут явилась ты... и все. Все полуночники, что на твоей территории живут — ни один больше не посмеет тронуть человека.

— А пришлые?

— Что? — замер мужчина.

— Пришлые полуночники? Как насчет них?

— Те, что добровольно пришли, приносят присягу, клятву не причинения вреда. Те, что сюда прокрадутся подобно вора, будут выброшены за пределы территории границей, которая тебя признала.

— Меня признала граница? Когда?

— У тебя на животе капля первородной магии. Я- то все гадал, как так получилось, что ты со мной связаться смогла, а вот как оно вышло.

— Она... — Лида прикусила губу. — Может только дать возможность связи с кем-то?

— Нет, не только. Она дает много возможностей, но изучать их, барышня, будешь самостоятельно. Люди редко удостаивались такой чести, и о них сохранилось слишком мало данных. В любом случае, на сегодня достаточно. Давай закроем тему.

— Но...

— Спать тебе еще нельзя, но тяжелых разговоров достаточно на сегодня.

— А как же...

— Я останусь с тобой. Буду тебя просвещать, барышня, читать наши полуночные сказки.

— Полуночные сказки?

— Да. Человеческие сказки... «наоборот», тебе понравится, — пообещал Мельник негромко. — А завтра утром вернешься на свою любимую работу, займешься своим праздником леса, а там найдем время и до браконьеров доберемся. Так что...

— И это «страшный» Мельник, — пробормотала Лида, прикрывая глаза. — Будет рассказывать девице, попавшей в беду и им же спасенной, сказки. Куда катится полуночный

мир?

Ответа она не дождалась, мужчина усмехнулся, глядя на нее с нежной лаской, и тихо заговорил:

— В некотором царстве, в некотором государстве, на краю густого леса, где темные ветви шелестели на ветру, скрывая тайны полуночного мира, стояла избушка...

Когда Лида проснулась на следующее утро, голова была ясной, тело полным сил. И о том, что она играла в прошлые сутки в спящую красавицу, разве что поцелуя для спасения не понадобилось, ничего больше не напоминало.

Мельник спал на другом конце огромной кровати, завернувшись в теплое одеяло, как в шкуру убитого медведя. Спал очень тихо, и девушка несколько минут пролежала, изучая его с чем-то, очень напоминающим нежность. Хотя сама этого осознать не успела, испугалась и подорвалась с кровати.

На часах было семь утра, рабочий день начинался в девять, и хотя домой можно было бы не заходить — домовый постарался подобрать такую одежду, чтобы Лида ощущала себя в ней комфортно, все же отцу и брату надо было сказать, что с ней все в порядке. Но для начала следовало что-то сообразить на завтрак.

Будить хозяина дома девушка не стала, двинулась к дверям, около которых сидела черная кошка с лукавым выражением на мордочке.

— Проводи меня, пожалуйста, на кухню, Дари, — попросила Лида тихонько.

Кошка, поднявшись с места, качнула хвостом влево и вправо и двинулась первой по коридору. Девушка отправилась вслед за ней. По узкому коридору, главное было пригнуть голову пониже, чтобы не зацепиться за вязанки трав, пахнувшие одуряюще. Затем в низкую дверцу, и гостья оказалась в царстве света от поднимающегося солнца. Комната была восточной, и сквозь огромные — совсем не мельничьи окна, по полу стелились яркие солнечные мазки. Солнечные плитки-пятна разбегались по стенам, подсвечивали золотые крупинки. Пахло ромашкой и зверобоем. Над плитой были натянуты хозяйственные веревки.

В дальнем углу, куда не дотягивался свет солнца, прищепками были приколоты матерчатые пакеты. И для собственного спокойствия Лида решила даже не приглядываться к тому, что именно там внутри.

Открыла холодильник, нервно икнула и закрыла обратно.

Кошка, сидящая на подоконнике, встретила действия девушки одобрительным мурчанием.

— Еды там, я так понимаю, нет. Я права, Дари?

Снежный зверь Мельника, покосившись насмешливо, качнул головой, вверх, вниз и еще раз.

Лида с трудом подавила желание схватиться за голову.

— А ест он что?

На этот раз кошка задумалась, потом огляделась по сторонам и спрыгнула со своего подоконника. Прошлась вдоль тумбочек, и ловко поменяв очертание кошачьей лапки на лапу мартышки, подцепила замочек выбранной. В открывшейся полутьме Лида увидела ровные стопки... пачек макарон быстрого приготовления.

— Бомж-пакеты, — мгновенно опознала девушка. — Сама на них сидела, но за два года испортила и желудок, и кишечник. И не особо сэкономила деньги, экономия была и весомая только времени. И? Давно он сидит на этом?

Кошка задумалась, сильно задумалась. Задумалась и Лида. В тот раз, когда она забежала на мельницу, Михаил готовил манты. Но сейчас, глядя на утварь в кухне, девушка сомневалась, что хозяин вообще занимается готовкой.

В наличии было: сковорода, тяжелая, чугунная, черная — одна штука. Кастрюлька, низенькая — одна штука. Ковшик маленький — одна штука. Точка.

Две вилки. Около сорока ножей разной формы, правда, судя по вырезанной «а» на рукояти, все поголовно алхимические. Одна ложка деревянная, одна ложка стальная. И в самом углу современного кухонного уголка был электропот. Чайник-термос литров на пять, не меньше.

— Нормальной еды здесь у нас значит не предусмотрено... — пробормотала Лида, а потом, словно мысль-озарение, в голову ей пришло, что в таком случае, она знает, как можно расплатиться с Мельником. Не за свою жизнь, но хотя бы хоть как-то отблагодарить за внимание к ее жизни и ее здоровью. И вернуть это внимание в обратную сторону.

Насколько девушка знала — пренебрегать завтраком никогда нельзя.

Это самый главный прием пищи, который обеспечивает здоровье человека. Обед Лида и сама не готовила, в будни была на работе, по выходным находились другие дела. А сейчас этим занялся Тимофей. На ужин Мельник точно придти не захочет, а вот сделать так, чтобы он нормально питался по утрам, было вполне в силах девушки.

— Дари, ты сможешь каждое утро забегать ко мне за плетеной корзиной? — поинтересовалась Лида, вытаскивая пакет с одеждой и споро переодеваясь.

В пересмотренных планах значилось отправиться в магазин, закупить продукты, не относящиеся к классу «скоропортящиеся» и сварить нормальный завтрак. А родителю и брату перезвонить уже с работы.

Кошка воззрилась на девушку, как на ненормальную.

— Твой подопечный, — назвать Михаила «хозяином» Лиде почему-то даже в голову не пришло, — нормально не питается. Подрывает свое здоровье. Будем с тобой на пару кормить его завтраками. Я буду готовить, а ты ему приносить и следить, чтобы он все съел.

Выразительный взгляд кошки ясно показал все, что она думает о своей возможности повлиять на Мельника.

— Ну, — смутилась Лида. — На этот счет мы что-нибудь попробуем придумать, о! Знаю! Мы будем бить на жалость!

Если бы Дари могла принять человеческую форму, она бы ее приняла исключительно ради того, чтобы покрутить пальцем у виска. Этого сделать она не могла, к сожалению, но и без того кошачий взгляд был красноречивей любого жеста.

— Ничего. Это он один-два раза попробует отказаться от завтрака. А если мы ему неделю, месяц будем их притаскивать, то на жалость сможем бить безо всяких проблем. И так... Для начала, о! Тимофей даже мою сумочку положил и зарядное. Так, планшет кажется остался в спальне. Дари, сможешь включить мой планшет на подзарядку? А я пока сбегаю в магазин.

Кошка задумалась, потом решительно покачала головой и двинулась к Лиде.

Девушка, сообразив, что Дари при ней менять форму не будет, положила зарядное, накинула куртку, обулась и выскочила на улицу, сказав кошке только, что рассчитывает на

нее.

Со стороны забора донесся тихий присвист.

— Дени, — улыбнулась Лида, разглядев маленький золотистый шарик на пушистых ножках. — Сейчас-сейчас!

— Что сейчас? — высунулась из воды мельничного пруда черная морда.

— Привет, Шторм. «Сейчас» — в значении, что я выйду за калитку и пойду в сторону дома.

— Ты никуда не пойдешь. Хозяин не велел одну выпускать, хотя и предполагал, что ты утром подорвешься и куда-то помчишься.

— Тебе велел?

— Ага, — келпи выбрался из пруда, отряхнулся, побил копытами, разглядывая Лиду, потом мотнул головой: — Сдается мне, ты не домой.

— Мне в магазин надо. Про него чего-нибудь говорилось?

Конь задумался, потом помотал головой:

— Не было такого.

— Вот! А подбросить меня можешь? До магазина? А то твой... хозяин нормально не питается. Хочу хоть сегодня что-то нормальное приготовить.

Шторм задумался, посмотрел в одну сторону, потом в другую, потом снова на Лиду и наклонился, позволяя на себя забраться.

— Только в другой магазин поедем. Не в тот, где тебя каждая собака знает.

— Хорошо, — не стала возражать Лида, усаживаясь на спину келпи и хватаясь за его шею, когда он выпрямился. — Только тогда побыстрее, чтобы успеть и завтрак приготовить, и Михаила убедить, что меня можно спокойно отпускать на работу.

Келпи заржал, замолотив в воздухе тяжелыми копытами, потом оттолкнулся мощно от воды, и помчался по речной глади прочь от мельницы и от лидиной деревушки.

Комментировать услышанное он никак не стал. В конце концов, с этой девушкой хозяин начал вести себя очень странно, на взгляд келпи, который с ним был уже очень давно.

Не замеченная Штормом, на плече Лиды сидела маленькая канарейка. Дени дорвавшаяся до хозяйки, упускать ее из вида не собиралась.

...Мельник проснулся к своему изумлению гораздо позже рассвета. Полежал, не веря собственным ощущениям, утверждавшим, что до восьми часов осталось не больше двух минут, и поднялся.

На кровати естественно девушки уже не было.

Умывшись и переодевшись, мужчина двинулся в соседнюю комнату. Смотреть, куда делась беспокойная гостья. То, что уйти с мельницы она не могла, Михаил был уверен. Все-таки Шторм получил на этот счет точные указания.

В полупустой гостиной, не успел Мельник нормально ее еще обставить, было тихо. Не бормотал телевизор, была отключена стереосистема. Сквозь едва-едва приоткрытую штору в комнату пытался забраться луч света.

Не нашлось Лиды и в огромной библиотеке — самой большой комнате, которая была обставлена в первую очередь.

Девушка нашлась на кухне. Под аккомпанемент жарящихся оладушек, воодушевленно размахивающая лопаточкой и что-то рассказывающая Дени. Кошка, устроившись на подоконнике, кивала в такт рассказу.

И на словах:

— Что куда, а тарелка полетела в стену, — Мельник и вошел в кухню.

— О, — обрадовалась Лида, поворачиваясь. — Ты вовремя, еще минут пятнадцать, и я пошла бы тебя будить. Ты кофе пьешь с сахаром и сливками, или как все нормальные люди — черный?

— К нормальным людям, барышня, ты сейчас причислила себя?

— Конечно, — не смутилась Лида. — Кто еще может к ним относиться?

— Действительно, особенно, если вспомнить о том, что я даже не человек. Барышня, где ты продукты взяла? Насколько я помню, в моем холодильнике молока, яиц и сметаны отродясь не водилось.

— Зато они водятся в магазине. А добраться до него при наличии хороших друзей, которые по воде как по асфальту мчатся, не составило никакого труда. А ты вместо того, чтобы разговаривать, Миш, садись и ешь. Потом мой планшет дозарядится, и я поеду на работу.

— Барышня.

— С Сашей я созвонилась пятнадцать минут назад, как раз когда первую порцию оладий пожарила. Он мне сказал, что кто-то настолько горит желанием не найти меня на работе, что это уже даже заставило Геннадия Аксеныча забеспокоиться. Я должна быть там.

Мельник промолчал, потом покачал головой:

— При единственном условии.

— Каком?

— Ты возвращаешься сюда.

— ... Что?

Растерянность так явно читалась на лице Лиды, что мужчина даже улыбнулся, потом пояснил:

— Ты, барышня, видимо, совсем упустила из вида, что тот тип, который очень старался до тебя добраться, просто так тебя в покое не оставит. Ему смерть твоя нужна, нужна настолько, что впору за голову всем хвататься. Ночью около дома твоего кто-то шатался, отец твой сказал. Поэтому, если тебе так хочется на работу — вперед, но после нее ты возвращаешься на мельницу.

— После этого, — Лида отложила лопаточку в сторону, — твоей репутации, Миша, ничто не поможет.

На этот раз искренне удивился мужчина:

— Моей?!

Девушка кивнула, аккуратно раскладывая по неглубоким мисочкам сметану. Половина пакета ушла Дари.

— Видишь ли, тут какое дело... Меня в деревне пропащей считают, а еще «недоброе приносящей». Именно мужчинам. Ты подумай, хорошенько подумай, надо ли тебе такое... Хотя нет, лучше не думай — ешь. А поговорить и потом можно будет.

— Не о чем разговаривать здесь, барышня. Если ты идешь на работу — то потом ты возвращаешься ко мне на Мельницу. Только при таком раскладе я тебя выпущу.

— Если я отка... — девушка вздохнула. — И чего я задаю глупые вопросы? Наверное, чтобы убедиться в том, что я все правильно поняла. Так вот, если я откажусь, ты меня не выпустишь?

— Верно, барышня. Мельница принадлежит наполовину миру границы, и силы мои здесь, как хозяйина ее, гораздо больше, чем силы человеческой девушки. Если ты откажешься

сюда вернуться, то я закрою двери, уберу окна. И будешь ты сидеть здесь столько, сколько понадобится.

— Это шантаж.

— Это констатация факта. Других вариантов в данном случае я не вижу, барышня. И если уж ты совсем не хочешь свою жизнь ценить и беречь, — чуть нахмурился Мельник, — то подумай о том, что твой отец и брат не перенесут, если с тобой опять что-то случится. И, между прочим, барышня, подумай еще и моих трудах. Мне же тебя спасти придется. А кто знает, что придумает твой некромантический поклонник в следующий раз.

— Действительно, некроманты на гадости судя по всему весьма изобретательны. А как ты себе представляешь, — схватила Лида за призрачный шанс избежать такого договора, — что я сюда вернусь добровольно? Вот сейчас соглашусь, а потом не вернусь.

— Раз уж ты со Штормом договорилась, чтобы он тебя до магазина отвез, без седла, то сможешь без проблем на нем до участка доехать и обратно. А уже он тебе свернуть никуда не даст.

— Ты не оставляешь мне выбора! — возмутилась Лида.

— Я с самого начала тебе об этом сказал, барышня, так что ж ты так возмущаешься-то?

— Ну, ... - в девичьем голосе прозвучала заминка.

Михаил, уже подтянувший поближе стопку румяных оладий, от них отвлекся, глядя на девушку с непониманием. Говорил то он точно на русском, чего же она мнетя?

— Мне домой надо, — наконец, выпалила Лида. — За вещами заехать.

— Тебе все Тимофей собрал.

— Домовой, конечно, все положил. Но он же не рассчитывал, что я у тебя опять ночевать буду!

— Не только ночевать, — Мельник вытащив из-под стола газету, развернул ее, скрывая лицо. — Или пока мы некроманта твоего не прищучим полностью, барышня, или пока мне не пришлют нужные ингредиенты, чтобы я мог защитный амулет тебе сделать. Рассчитывай, что ты временно ко мне переезжаешь. Да, и с отцом твоим я уже договорился.

«Спокойствие. Только спокойствие и ничего кроме спокойствия», — категорично велела себе девушка. — «Если сейчас я ему на голову надену кастрюлю с тестом, это никому не поможет, поэтому...»

— И я об этом узнаю только сейчас?! — прорвалось раздражение в женском голосе. — Зачем бы мне это делать?! Я не согласна!

— Барышня, успокойся. У моей кошки от твоего гнева шерсть дыбом встала. А на меня это не действует. И не надо так смотреть на кастрюлю, ты все равно не успеешь.

— Я не хочу!!! — крикнула Лида и села на стул.

Мельник кивнул, даже убрав в сторону газету, чтобы на нее взглянуть.

— Вот поэтому я и собирался сначала просто поставить тебя в известность, когда бы ты ничего не смогла изменить. И даже времени на возмущения не осталось бы.

— Зачем, Миша?! — у девушки было такое ощущение, что у нее руки просто опустились. Исчезли куда-то и силы, и радостный подъем. Глядя на хозяина дома, чем-то недовольного, она не могла отделаться от ощущения, что опять видит сон. Снова. И это не настоящий мир, и не настоящий Мельник, и она — тоже не настоящая!

— Затем, барышня, что я не хочу, чтобы тебя потом хоронили, — отозвался мужчина. В его голосе прозвучал отдаленный раскат грядущей бури. На этот раз Дари, облизнув усы от сметанных капель, прыгнула с подоконника и шустрой мышью нырнула в щель между

плинтусом и стеной.

— С чего это вдруг?!

— С того, что тот, кто хочет твоей смерти — некромант, барышня.

— Не понимаю причин ужаса. Некромант и некромант, дальше что?

— Барышня, он может поднять все окрестные кладбища и натравить их на тебя. Ты можешь просто не успеть добраться до безопасного места. Или до лешего, водяного, которые могли бы тебя спрятать. Или до моей мельницы. Ты можешь оказаться запертой его волей в своем теле, а можешь наоборот его потерять. Он может наложить на тебя проклятье и сделать так, чтобы ты никогда не вернулась домой. И твои похороны будут в этом списке его возможностей не самым страшным.

— Не может, — перебила Лида всю тираду Мельника. Сама не знала, откуда взялась такая уверенность в собственных словах, но она буквально отмахнулась ото всего, что Михаил сказал.

— Чего он не сможет и почему? Барышня, — сдался мужчина. — Ну, что с тобой делать, скажи? Мы не знаем, кто некромант. Его сейчас ищут, но он умная зараза — легко спрятался, к тому же почти не оставил следов. Выставлены кордоны, оцепление. Нужно время, а ты не хочешь соблюдать даже элементарных мер безопасности.

— Я соблюдаю! У меня...

— Ты драться не умеешь. И собака ваша куда-то пропала.

— В последнее время начинаю задумываться, а была ли она, — пробормотала Лида, ставя на стол локоть и удобно опираясь на ладонь щекой. Раздражение куда-то ушло, а на Михаила почему-то было просто приятно посмотреть.

Как говорит, как двигается, как улыбается, было в нем что-то такое притягательно-мужское, трудноуловимое. Возможно, складка у губ, возможно, короткие темные ресницы, возможно, небольшая синева под глазами, или...

— Барышня, ты меня слушаешь?

— Нет, — честно призналась Лида, вырванная из своих мыслей.

— Ты меня в гроб загонишь, барышня, — вздохнул Михаил.

— Если только упрямством, оно у меня папино, фамильное.

— Тогда скорее уж бабкино.

— Ты ее знал? — мгновенно наострила девушка уши. О бабушке рассказывать папа отказывался категорически, хотя и сама Лида, и Димка даже его пробовали подловить. Бесплезно, могильная плита. И тут такая неожиданность!

В глазах Мельника скакнули и тут же пропали лукавые искорки.

— А я тебе не скажу, барышня. Ты же после работы возвращаться ко мне на мельницу не хочешь, домой рвешься.

— Миша!

— Да-да, барышня?

— Кто ж так делает-то! Я же теперь! Я же...

— Любопытство у тебя тоже должно быть семейным, барышня.

— Ты специально!

— Конечно, — признался легко Мельник. — Ну, так что?

— Мне, правда, домой заехать надо.

— Обязательно сегодня?

— Н... нет, — сдалась Лида.

— Тогда согласно моему волевому решению, барышня, мы поступим так. Напиши список, я его отдам твоему домовому. Ему же ты доверяешь собрать то, что тебе нужно, но что ты категорически не желаешь озвучивать мне?

Девушка кивнула.

— Отлично. Тогда сейчас ты допиваешь свой кофе, идешь за Штормом и едешь на работу, — подытожил Мельник утренний спор. — Вечером возвращаешься ко мне на мельницу. А после ужина мы идем в лес разбираться с браконьерами. А сегодняшний день я проведу с оладьями и книгой, — мужчина с совершенно изумительной улыбкой, от которой сердце Лиды стукнулось об ребра и разучилось биться, потянул к себе вторую тарелку с оладьями. — А ты поспеши, барышня, поспеши, а то опоздаешь.

— А... ага, — девушка поднялась со стула, тряхнула головой, допила залпом кофе и бросилась с мельницы так, словно за ней духи границы по пятам гнались. Мельник проводил ее задумчивым взглядом, потом отложил в сторону газетный лист. Внутри лежал чистый лист бумаги. Увидь его посторонний — отправил бы без раздумья в мусор или в список черновиков.

Взгляду мужчины предстал коротенький перечень баб-ежек, которые не могли иметь детей от людей, а значит, в итоге могли нарушить правила и ради ребенка лечь с полуночником.

Таких было немного, но все же были.

Мельник собирался начать свое расследование.

После двадцать шестого звонка, Лида осторожно положила трубку на рычаг и с ужасом воззрилась на Саню:

— Вчера было точно так же?

— Не, — отмахнулся оперативник, с удобством разлегшийся на диванчике с книгой в черном переплете. — Вчера было хуже. Тебя не было. Это сегодня они все придумывают, как выпутаться из ситуации «она есть — а что сказать не знаю». Вчера они просто хотели услышать, что тебя нет, а еще задавали интересные вопросы.

— Очень интересные?

— Аксеньчу понравились.

— Ты ему звонил?

— Он сам звонил, после того, как узнал от твоего отца, что ты на мельнице, — Саша отложил книгу, поняв, что спокойно почитать ему деятельная участковая не даст, и пояснил. — В особом отделе с Мельником стараются не связываться. Он у нас личность... почти легендарная.

— Может быть, — Лида отвела взгляд, чтобы не выдать блеснувшее в них торжество: «источник информации!», — ты знаешь, сколько ему лет?

— Не знаю. Но вряд ли мало. Наша служба была организована 145 лет назад, и насколько мне известно, первый начальник этой службы был выбран с легкой руки Мельника.

— Так много! — ахнула девушка.

— Он же не человек, — укоризненно покачал головой Саша. — Да и войны нет. Знаю

точно, что самому известному мельнику на момент смерти было 727 лет, и прожил бы еще дольше, да не повезло — ему голову отрубили, а потом похоронили — голову отдельно, тело отдельно. Жители городка были очень «счастливы» получив привидение без головы, которое по ночам заглядывало в окно и деликатно спрашивало: «Вы не видели мою голову?»

— Это была не Россия?

— Нет, мужика занесло за рубеж. Вторую жену ему захотелось... Вот и дохотелся.

— Хм... — девушка задумалась. Звякнувший телефон сняла мгновенно, не успел он еще разразиться негодующей трелью. — Участковая Скворцова слушает. А, Геннадий Аксенович.

— Как ты там, Лидок? Успешно держишь оборону?

— Так точно!

— Ну, держи. Мы тут с начальником особого отдела смотрим, какие ниточки потянутся от звонящих тебе к тому самому таинственному, кто обустроил тебе бешенство телефона. Скажи мне, Лидок, ты никому дорогу случайно не перешла? Из живых? Или дело все-таки касается особого отдела в первую очередь?

— Сама который день уже ломаю над этим голову. Но боюсь, что касается в первую очередь все-таки дел особого отдела, — повинилась девушка, накручивая телефонный провод на палец.

— Значит, Лидок, давай-ка я тебя познакомлю.

— Я сам Аксеныч, — раздался голос с ленивой прохладцей в телефонной трубке. — Здравствуйте, Лида.

Голос у начальника Сани был впечатляющий, отлично поставленный, с таким голосом выступать в опере, а не командовать особым отделом. И что самое главное, девушка узнала его практически мгновенно.

Они были знакомы, ее отец и начальник особого отдела, хотя о его должности Лида узнала только в этот момент.

Раньше она просто очень уважала этого высокого подтянутого мужчину, всегда хорошо одетого и благоухающего очень приятным «лесным» одеколоном. А еще любила слушать в его исполнении сказки и колыбельные для Димки.

Насколько Лиде было известно, начальник особого отдела мог стать действительно опереточным певцом, но над ним висел самый настоящий злой рок. Он три раза пытался поступить в консерваторию по классу вокала и трижды проваливался. В первый раз сломал ногу и во время экзамена был в карете скорой помощи, во второй раз попал в тяжелую автомобильную аварию и этот день провел в реанимации. Третий раз — оказался в доме с обрушившимся потолком. В итоге, сдался и подал документы, куда «повезет». Повезло милицейской академии.

— Здравствуйте, Олесь Русланович.

— Узнала?

— Конечно, ваш голос, — витиевато отозвалась девушка, — навсегда в моем сердце. Только я не думала, что вы начальник особого отдела.

— Ну, признаться, мне и в голову не пришло бы, что с отличием закончив милицейскую академию, ты решишь вернуться в свою деревушку, Лида. Что у вас там происходит, я слышан. И хотя очень удивлен, что ты — маленькая разумница-скептица неожиданно оказалась вовлечена в самый центр полуночного мира.

— Так получилось, Олесь Русланович. И вообще это не я даже! Он сам ко мне пришел.

— В лице...

— В морде будет точнее.

— Хорошо, хорошо. В морде снежного зверя.

— Точно, — вздохнула Лида, не горевшая желанием вспоминать то снежное, зимнее расследование, закончившееся не просто неудачей, а еще и больницей.

— Знаешь что, Лида, пока Саша там с тобой, начните снова копаться в том давнем деле.

— Мы что-то упустили?

— Нет. Но вполне возможно, о ч`м-то вы просто не подумали, а теперь с новыми знаниями можете и подумать.

Саня, последние две минуты, после имени своего начальника, слушавший разговор через параллельную трубку, сухо кивнул. Действительно, было ко`-что о чем он не рассказал Лиде.

А девушка наоборот отрицательно покачала головой:

— Олесь Русланович, сейчас никак не можем мы копаться в том старом деле. Впереди праздник леса, не будет ничего хорошего, если мы погонимся за двумя зайцами.

— Праздник могла бы и отменить. На кону твоя безопасность твоя жизнь.

— Ну, уж нет! — вскипела мгновенно Лида. — Я обещала! У меня уже все готово! У сценарий, и в лесу, и полуночники только своего часа ждут. Отменить это?! Да ни за что! Только через мой труп!

Олесь Русланович усмехнулся и отключился, не сказав ни слова. Саня, осторожно положив трубку на рычаг, покачал головой:

— Так значит, вот причина, по которой за тобой охотится некромант.

— Ага, — согласилась Лида, поворачиваясь на своем стуле всем телом и глядя с грустью в окно. — Она самая. Но я не могу бросить полуночников. Они мне доверились. Они... ждут моей помощи, ждут, когда в них снова начнут верить. Не могу же я просто вот так взять и сдать на полпути! Это хуже чем просто «плохо» — это отвратительно.

— Слишком ты честная. И упрямая.

— Ага, — девушка скрестила на груди руки. — А еще я вредная и злопамятная!

— Вспыльчивая и совсем не понимаешь шуток. Как на тебя еще кто-то позарился?

— Кто-то? — спесь в мгновение ока слетела с лица Лиды, а потом она расплылась в безудержной улыбке. — Его зовут Алексей, а для меня он еще со школой был Лешкой.

— Твоя первая любовь?

— Ага, — согласилась Лида, подавшись вперед. — А твоя? Какая она? Была первая?

— Последней, — отозвался Саня с легким налетом тоски в глазах.

— Она... погибла?

— Нет.

— Тогда... Почему последняя? — не понимая, уточнила Лида.

Саша смотрел на нее долгих несколько минут. Участковая даже снова уловила своим особым профессиональным инстинктом, когда из расслабленности оперативника проглянула сталь убийцы — палача полуночников, нарушивших закон, а потом все пропало, будто бы и не было никогда. Привиделось, причудилось, показалось.

— Ее зовут Алария, и она русалка.

Изумление было всеобъемлющим. Лида смотрела на опера и не верила своим ушам.

— Помнишь, я рассказывал тебе, что вопреки ожиданиям наставника очень долго не мог переступить через себя и увидел полуночников только после того, как меня притопила русалка?

Девушка кивнула, жадно вслушиваясь и боясь пропустить хоть слово.

— Это была она?

— Да. История в итоге вышла дурацкая, расследование касалось водяного и его семьи, подозревались все, и она в первую очередь.

— И как в плохом детективе убийцей оказался тот, на кого меньше всего думали?

— Нет, убийцей оказался некромант, которого мы до сих пор поймать не можем.

Напускное спокойствие с лица Сани слетело как луковая шелуха.

— Он сам убивает очень редко, только когда невмоготу или закончились все силы. Мы знаем о нем только, что это мужчина, что у него в подчинении был лич, высший. Лича того убил Мельник во время какого-то личного заказа, а больше высших некромант не поднимал почему-то. О том что «наш» и «твой» один и тот же некромант стало понятно только четыре дня назад, когда наконец-то закончилась экспертиза паранормальных исследователей. Тебе привычнее, наверное, слово «экстрасенсы», а мы называем их паранормы. Они такие же, как некромант — дети человеческого и полуночного миров. Очень редко, один ребенок из тысячи, но такое бывает.

— Так! — Лида вскинула ладонь. — Погоди, некромант это интересно, но твоя русалка ближе к шку... К телу. Извини. Так, она русалка, ты человек. Вы же не можете быть вместе!

— Ты права и неправа одновременно.

— Как это?

— Человеку и полуночнику никогда не быть вместе. Но один из них может принять сущность другого. Это очень дорого, но можно заплатить Мельнику. И... Быть вместе.

— Она решила стать человеком?

— Нет, — Саня покачал головой. — Она русалка... И дочь водяного всех озер и рек на Руси. Ей никогда не позволят покинуть водное царство. Она — мать будущего водяного. Помимо веры в полуночников, они могут немного сохранить свою силу за счет чистоты крови. Алария — одна из таких детей.

— Тогда как же...

— Она говорит, что моя проклятая работа однажды меня убьет. Она подождет, пока это случится и заберет меня в мир воды.

— Она... — ахнула Лида.

— Может это сделать, из-за чистоты крови. Она их водяной маг. И по ее воле я стану не банальным утопленником, а русалом.

— И ее отдадут тебе?!

— Уже отдали, — Саня, закатав левый рукав свитера, показал серебристую татуировку.

Лида искренне улыбнулась.

— Значит, ты уже женат?

— Точнее будет помолвлен. Как и ты?

— Нет, — Лида покачала головой. — Помолвка у нас была больше шуточная, когда его провожали.

— А кольцо?

— Да, кольцо он мне надел. Мы друг другу поклялись в верности. И... Если бы не то, что его отправили в горячую точку, я бы стала его женой. А так... получилось, что теперь я его жду.

— Он знает? — Саша нервно сжал и разжал кулаки, глядя на опять зазвонивший телефон.

— Двадцать девять, — поставила девушка новую палочку у себя на листочке и подняла трубку. — Участковая Скворцова слушает. Да. Да, на месте. Отменить праздник леса? Никак не получится, на него приезжают люди не только из нашей области, но и из соседних. Вы представляете, что будет, они приехали, а тут — пусто? Это традиция, которая никогда не была отменена и отменена не будет. Да. Да. Приехать? С ночевкой? Одну минуточку, да. Еще есть два дома, которые готовы принять гостей. С остальными что? Уже заняты. Сколько всего? Сто пятьдесят у нас, около восьмидесяти у соседей. Да, да. А еще палатки. И в машинах некоторые спят. Почему так много? Так уже который год проводится! Да. Да. Хорошо. Запишите номер телефона, созвонитесь напрямую с хозяевами. Будем ждать. Спасибо.

Положив трубку, Лида воззрилась на Саню с некоторой неуверенностью.

— Ты сейчас имеешь в виду полуночный мир? Нет. Лешке я ничего об этом не рассказывала. И не буду. Он человек. Обычный человек, такой же, как и я.

— А если он вернется? Тогда что? Ты откажешься от полуночного мира?

Девушка вздрогнула, опустила голову и отрицательно покачала головой.

Потом, когда она вновь взглянула на Сашу, в ее глазах стояло непримиримое, жесткое выражение:

— Если чтобы быть с полуночным миром, придется отказаться от Лешки, я так и сделаю. К тому же, — убрав прядь волос за ухо, девушка виновато улыбнулась: — Не уверена я, что вообще ему сейчас нужна. Лешка — это Лешка. А я... так, не пришей кобыле хвост, как иногда говорила его бабушка.

Что на это сказать, Саня не нашелся.

Просто молча смотрел, пока Лида не спохватилась и не вернула на лицо подобающее выражение спокойствия и пусть натянутой, но все же улыбки.

До конца рабочего дня чрезвычайных происшествий не случилось, количество звонков дошло до сорока трех, и к пяти часам по счастью шквал телефонный полностью прекратился.

— Тебя проводить? — спросил Саня, поднимаясь со своего диванчика и откладывая в сторону зачитанную до дыр газету.

Девушка отрицательно покачала головой.

— Меня заберут Шторм.

— Конь Мельника?

— Да.

— В таком случае уже неплохо. — Саня двинулся к дверям. — Тогда увидимся завтра, участковая.

— До завтра, Саша.

Дверь за опером в отпуске закрылась. Лида прищурилась.

По какой причине он не спросил ничего про браконьеров? Успел узнать все сам? Или это было указание на то, что не все можно доверять стенам участка? Или не всегда?

Собрав в пакет документы по зимним делам, может быть, удастся теперь, зная немного больше, найти в них что-то еще, участковая закрыла кабинет, затем дом и двинулась по улице вниз, навстречу к гарцующему по дороге Шторму.

И споткнулась, разглядывая сидящую на крыльце своего дома соседку.

— Мария Ивановна! Вы меня тут что ли ждете?

— Думала, что ты уже прошла мимо, егоза, — всплеснула старушка руками. — Уже и

время тебе выходить, а тебя все нет и нет. Уже оперок в магазин убежал, а ты все задерживаешься и задерживаешься. Я уже заволновалась, не случилось чай чего.

— Все хорошо, Марья Ивановна, — улыбнулась Лида, опираясь на забор. — А чего вы меня ждали? Случилось что-то?

— Случилось, Лидочка, случилось. Касатик наш вчера звонил поздно ночью, дали ему отпуск. Дали! Аккурат после окончания Дня леса домой приедет.

Надо было обрадоваться. Надо было всплеснуть руками, переспросить неверным дрожащим голосом: «неужели, наконец-то!»

А Лида даже шевельнуться не могла, только спросила:

— Насколько?

И Мария Ивановна словно и ждала этого вопроса, радостно воскликнула:

— Навсегда возвращается наш касатик, Лидочка! Навсегда! Так что вернется, осмотрится, и всем честным мирком да за вашу свадьбу!

Лида не помнила, что сказала соседке, не помнила, как добралась до Шторма. Стерся из памяти путь до мельницы. Она помнила только как буквально рухнула с встревоженного келпи в мельничный пруд.

Холодная вода остудила голову, но не вернула ясность в мысли.

А потом вокруг ее запястья сжались мужские пальцы, и Мельник выдернул Лиду из воды. Покачал головой, взял на руки и понес на мельницу, что-то говоря. Она не могла его слышать. Весь мир вокруг вращался, кружился и шатался.

Пришла она в себя, когда ей под нос мужчина сноровисто подсунул какую-то пахучую гадость.

— Это что? — хрипло спросила девушка, отпихнув от себя руку Михаила.

Тот едва заметно пожал плечами:

— Травка с границы, барышня. Хорошо помогает при шоках.

— Какой еще шок?

— Откуда же я знаю, тебе виднее. Вставай уж, барышня. В промокшей насквозь одежде сидеть не лучшее дело. Заболеешь, и никаких браконьеров тебе не будет. Или ты уже передумала?

Взгляд у Мельника был такой, что на язык просилось: «да, я передумала», но Лида не была бы упрямой участковой Скворцовой, если бы сдалась просто так.

— Тимофей одежду мою передал?

— Да, барышня.

— Тогда я пойду переодеваться. И охотиться на браконьеров. Сейчас положительные эмоции мне крайне необходимы.

Если быть точнее, крайняя необходимость у Лиды была — «смотреть под ноги», потому что когда она встала... под ноги ей попала рукав ее собственной снятой куртки. Не успев даже охнуть, девушка рухнула.

У Мельника была хорошая реакция, но «снаряд», набравший инерцию, так просто остановить было нельзя.

Стул завалился.

Вместе с ним мужчина, и сверху, с неожиданно мягким приземлением, оказалась Лида.

— Сегодня не мой день, — пробормотала девушка, опираясь ладонью об пол.

— Возможно, — не стал спорить Мельник. — Вставай, барышня. Иначе еще немного, и менять одежду придется мне тоже.

— Ой!

— Вот тебе и «ой», — усмехнулся мужчина. — Не тяни, барышня, тебе переодеться надо и побыстрее. Иначе не будет тебе ни праздника леса, ни работы в ближайшую пару дней. Это я тебе как опытный хозяин границы говорю.

— Да, да, — кивнула Лида и не встала, разглядывая лицо Михаила. Спокойное, словно и не было этой ситуации, достойной разве что комедийных мелодрам. — Я тебе совсем не нравлюсь?

— Барышня, ты сейчас сама слышишь, о чем говоришь? Тебе не хватает комплиментов? Вроде бы, на девушку, которая жизни без них себе не представляет, ты не похожа.

— Нет, — мотнула Лида головой. — Я не об этом.

— А очень похоже, — не дал Мельник сбить себя с проторенной дороги, потом поднял руку, убирая влажные пряди волос за ухо, чуть погладил большим пальцем по нежной щеке. — Вставай, барышня. Вставай. Иначе еще минут пять, и мне придется отправить тебя в баню.

— Не хочу туда, — девушка дернулась в сторону. Пол и потолок поменялись местами. Голова закружилась так резко, что невольно вырвался стон.

Диспозиция поменялась мгновенно. Уже Лида лежала на полу, а Мельник нависал сверху, тревожно разглядывая ее бледное лицо.

— Барышня, с кем сегодня разговаривала?

— Со многими... Человек сорок звонили, с лишним.

— А лично?

— Только с Саней и... бабушкой Лешки...

— Твоего жениха?

— Да. Он возвращается... уже скоро. Навсегда.

— Разве он собирался?

— Ага... Обещал. Но то ли забыл, то ли...

— Барышня, она тебя касалась?

— Нет. Не помню... мне плохо стало... — девушка потрясла головой, пытаясь выбраться из трясины дурноты. — Она хорошая!

— С этим никто и не спорит, барышня. Полежи спокойно. Сейчас станет легче.

Мельник куда-то пропал, а потом вернулся.

Приятная прохлада легла на лоб, потом на шею, на грудь. Легче стало почти сразу же. Лида лежала с закрытыми глазами, поэтому не видела, как три светлых камня, сияющих своим собственным светом, вначале почернели, набухли недобрым злым оттенком и запульсировали.

— Вставай, барышня, — велел мужчина, сноровисто пряча камни в карман, чтобы потом их перебросить на границу. — Иди в ванную, Дари проводит, и переодевайся. Я пока... другим займусь. И пока я не вернусь, за границу мельницы ни ногой. Кто бы к забору не подошел и не начал упрашивать тебя выйти, ясно?

Девушка кивнула, осторожно поднимаясь с пола, опираясь на протянутую руку.

— Даже если ты? — спросила она тихо.

— В этом случае, барышня, тем более. Дари, присмотри.

Кошка, выбравшаяся откуда-то из-под кухонного стола, кивнула. Мельник придержал пошатнувшуюся Лиду и покачал головой:

— Барышня, приходите в себя. Хоть немного, иначе в ванную, приводить вас в порядок,

нам придется идти вместе.

— Я сама! — вспыхнула девушка.

— Вот так-то лучше, — одобрил мужчина, круто повернулся и вышел из кухни.

Лида, посмотрев ему вслед, закусил губу и пробормотала:

— Значит, так и буду. Ванная, ванная, переодеться и привести себя в порядок, чтобы быть похожей на человека. Во избежание... чего-либо во избежание. И почему я вечно попадаю в такие ситуации?!

На риторический вопрос девушке отвечать Дари не стала. Мягким пушистым клубком скользнула у ног и двинулась первой к ванной. Горячая вода заговаривающейся госте была просто необходима!

...Ванная действительно помогла.

Перед тем как опуститься в горячую воду, девушка бросила туда несколько зеленых веток и цветов из тех, что принесла Дари.

Горячий пар, смешавшийся с травами, вернул ей не только ясность мыслей, но еще и способность трезво оценить свои поступки.

— Вот и в кого я такая? — вздохнула грустно Лида, опираясь локтями и подбородком на бортик огромной ванны. В меньшую бы Мельник просто не влез.

Дари, сидящая на деревянной тумбочке, махнула хвостом. Рядом сидела ее точная копия. Снежный зверь Лиды зачем-то счел нужным показаться полуночной хозяйке мельницы, и теперь две кошки не только подружились, но еще и явно что-то задумали.

— Да, да, — согласилась девушка. — Раньше думать надо было, раньше. А теперь... состав ушел, дергаться поздно. Надо думать, как выпутываться из ситуации с наименьшими потерями.

Два снежных зверя переглянулись, на глазах у девушки превратились в двух маленьких мышек и спрятались в верхнем ящике тумбочки. Лида проводила их насмешливым взглядом и снова оперлась на бортик ванны.

Тихий стук в дверь и встревоженный голос Мельника вырвал ее из размышлений спустя почти полчаса.

— Барышня, ты там не утонула часом?

— Почти заснула, сейчас выйду.

— Хорошо. Я поставлю чайник.

— Спасибо.

На кухне Лида уже появилась полностью одетая, взяв себя в руки и спокойная. Ну, на последнее, по крайней мере, она искренне надеялась.

Мельник пил чай. На лавке около двери в сени лежало ружье, кобура с пистолетом и небольшой топорик.

— Это что?

— Это аргументы для общения с браконьерами, — сообщил мужчина, не отвлекаясь от кружки. — Мед на полке, малина в полке. Чашки где стоят — знаешь.

— У тебя она всего одна нормальная чашка! — отозвалась Лида удивленно. — Почему во множественном числе?

— Теперь их две, — вздохнул Мельник.

— Зачем?!

— Барышня, одному мне очевидным кажется, что если в доме два человека, то нужны две кружки?

Девушка растерялась. Это что же получается, «делом» Михаила была поездка за кружкой? Но зачем?! Она же...

Действительно. Она пока живет здесь, с ним, в его доме. Непонятно почему он так о ней заботится. Всемогуший Мельник и вдруг...

Может быть, там в детстве было что-то еще? Что-то, о чем обязательно надо вспомнить?

— У тебя не только кружки, тебе еще и посуду надо нормальную купить, — сообщила девушка, вытаскивая белую кружку с зелеными побегам на стенках.

— Нет, барышня. Если ты хочешь нормальную посуду, то на выходных поедешь со мной в город, сама выбирать будешь.

Простые слова неожиданно отдались болью под сердцем.

Лешка ненавидел покупки.

Самые простые, даже канцелярию. Поэтому когда надо было что-то купить очень большое, весомое, он появлялся на пороге Лидино дома, со словами:

— Степан Викторович, я вашу дочь на покупки позаимствую!

Они с Лешкой ссорились каждую неделю, потом мирились. Но Лида никогда не отказывалась, а парень при этом никогда не злоупотреблял ее добротой.

Как раз незадолго до своего отбытия, они с Алексеем вместе ездили в крупный гипермаркет. Выбирали набор посуды. Большой, для семьи: кастрюли, сковороды, ковшики, тарелки, кружки, миски, столовые приборы — чтобы все было в одном стиле.

Этот набор так и стоял не распакованный в доме Марии Ивановны — Лешкиной бабушки.

— Барышня?

— Извини, просто вспомнилось... кое-что. Но я поняла, если я хочу готовить в эти дни нормально, то мне просто придется озаботиться покупкой нормальной посуды.

— Точно, барышня, точно.

— Может быть, — неуверенно предложила Лида, — мне что-нибудь сейчас приготовить?

— Нет, барышня. Сегодня в лес лучше идти с не переполненным желудком. Можешь съесть бутерброд или пару печений, но не больше.

— Почему-то, — нахмурилась девушка. — У меня такое ощущение, что ты знаешь больше, чем говоришь.

— Не понимаю, о чем ты говоришь, барышня. Не понимаю. Знаешь что, до выхода еще часа два, так что можешь перекусить даже плотнее и идти подремать. И нет, барышня, не спеши злиться, — примирительно улыбнулся мужчина. — Я не уйду без тебя.

Верить Мельнику хотелось, очень хотелось, поэтому девушка кивнула и двинулась к леднику — за овощами и делать салат. По крайней мере, это было гораздо лучше, чем бутерброды, и не просто вкуснее, а еще и соблазнительнее.

И хоть Михаил не сразу смог сообразить, что задумала его обворожительная гостя, салатом он соблазнился. А потом, пока девушка пыталась его на предмет кулинарных предпочтений, впервые задумался о том, что будет, когда она уйдет...

Лида о его мыслях даже не догадывалась. Составляя список продуктов, которые надо будет купить, чтобы были про запас и на ближайшую готовку, она старательно гнала от себя размышления и о Михаиле, и о Лешке.

Пресловутое русское «авось» отлично действовало и на логичную в поступках и делах участковую. Авось все как-то решится само собой. Авось наступит завтра, новый день, новые

мысли — и она найдет решение. А может быть, никакого решения и не понадобится, потому что Лешка... Лешке она уже не нужна.

— Итак, предлагаю на завтра такое меню...

— Барышня, — Мельник покачал головой. — Какое меню, скажи на милость? Если тебе комфортнее готовить — готовь. Но никакого меню и предварительного согласования, особенно если учесть, что ты успела вызнать все мои вкусовые предпочтения. И... иди лучше, куртку теплую тебе Тимофей передал. Одевай. Выедем пораньше, к лешему завернем. Поговоришь с ним, как у него успехи в подготовке к празднику. Все ж лучше, чем сидеть дома.

Лида благодарно кивнула и двинулась в спальню.

Глаза пекло.

И сделав себе внушение «совсем ты расклеилась, участковая», — девушка двинулась в обратном направлении. Браслет на предплечье жег руку, но на свою беду Лида на это даже не обратила внимания.

На заповедной поляне было не по сезону тепло. Устраиваясь на каменной скамейке, окруженной чуть подросшими зелеными побегами, Лида даже избавилась от куртки. В стороне от поляны, не пересекая ее границы, в воде резвились келпи. Белую подругу черного Шторма звали очень соответствующе — Вьюга.

И хотя Мельник не стал подтверждать мысли девушки о том, что келпи могут что-то еще, кроме как очень быстро бегать, в том числе и по воде, Лида осталась убеждена в том, что у этих копытных есть еще какая-то тайна.

Леший вместе с водяным появились почти через полчаса, впрочем, заигравшаяся с воздушными пузырями девушка в обиде не была. Более того, порция хорошего настроения, которую эти самые пузыри ей обеспечили, была очень ко времени. Скорее, была предельно необходима, потому что оба хозяина были расстроены.

— Итак, — Лида опустив воздушные пузыри и проследив, как они впитались в купол, села удобнее на скамейке. — Рассказывайте, что случилось.

— Браконьеры, матушка, — Леший отвел взгляд. — Все порушили. Все, что мы последние полтора месяца делали. И заградки, и норки, и безопасные дорожки, и капканы. Ничего не осталось.

— Браконьеры?

— Да, матушка, они как появились, так и начали все разрушать. И хоть мы старались не допустить этого, им все равно было! Они как заговоренные мимо наших ловушек проходили, обманки наши не видели.

— От них посторонним ничем не пахло? — спросил Мельник, бросив взгляд на бледнеющую на глазах Лиду.

— Пахло. Черным, гнилым, — кивнул водяной.

— Некромант? — спросила девушка.

— Точно. Значит так... — Михаил задумался, потом кивнул, приняв решение. — Водяной, леший, я вам дам сферы с силой. Воспользуетесь ими, чтобы восстановить все, что порушили эти браконьеры. Сдается мне, если бы мы барышне о них раньше сказали, то всего этого бы не было. Поэтому вина моя в случившемся тоже есть. Барышня, а ты не...

«Раскисай раньше срока», — мужчина счел за лучшее оставить за кадром.

Девушка медленно подняла голову. В глазах исчезла радужка. Остался только черный-черный зрачок. И водяной, и леший уловив что-то, исчезли с глаз мгновенно. Леший — в

землю втянулся, водяной в воду прыгнул.

— Если они не люди — я убью их на месте. Имею на это право, Миша?

— Имеешь. Ты как участковая полуночного мира, можешь сделать все, что считаешь нужным. Но...

— Шторм, — крикнула Лида, круто повернувшись и двинувшись к границе. Сама заповедная поляна торопливо раскрыла перед девушкой щит, чтобы только она до него не дотронулась. — Подкинешь?

Келпи заржал насмешливо, чуть наклоняясь:

— Валькирия! Как будто дома очутился.

— Барышня! — окрикнул Михаил разозленную девушку.

— Они на моей земле поганить вздумали, — круто повернулась она. — Я им такого разрешения не давала! И не дам! Выкину отсюда, как котят, если живые. А если мертвые — убью на месте!

Мельник только вздохнул.

А ведь была такой очаровательной малышкой, как вот выросла такая фурия?

Догнать «фурию» ему удалось только уже у дальней заимки, той самой, про которую Ромка говорил, когда про браконьеров рассказывал. Ту самую, около которой следы снежного зверя появлялись. Но последний факт дошел до Лиды слишком поздно, только когда в лицо пахло снегом, только когда раздался перезвон ледяных сосулек с крыши, и от крыльца поднялся мощный зверь.

Он не бросился ни на нее, ни на Мельника, толстая цепь крепилась не только к его ошейнику, но и к кандалам на всех четырех лапах.

— Значит, в прошлый раз они искали именно его, — пробормотала девушка, спешиваясь.

— Барышня, стой здесь, — велел Мельник, спрыгивая с Вьюги.

— Стою я, стою, — буркнула Лида. — И даже никуда не двигаюсь. Хотя все равно он с цепи не сорвется.

— С этой — нет. Уже отсюда вижу, сколько на ней некромантических следов. Надо же, как этот зверь некроманту нужен был. Нам нужны здесь эксперты. Барышня, звони своему оперу. Прямо сейчас звони.

— И что ему сказать?

— Пусть звонит начальству, кому угодно, но чтобы эксперты были здесь через полчаса.

— С такой скоростью сюда можно добраться только на вертолете.

— Ничего, барышня, как только в его управлении узнают, чей след здесь найден, не только старый вертолет, а реактивный, последнего поколения, возьмут на пару дней у ближайшего олигарха.

— Ради одного некроманта?

— Ради очень особенного некроманта, барышня. Звони.

— Не-а, — через пару мгновений отреагировала девушка. — Не могу. У меня на телефоне нет связи.

— Возьми мой.

Черный «кирпич» пролетел по воздуху и рухнул в подставленные ладони.

— Ой! У тебя пять антеннок. У меня столько не было даже на горочке!

— У нас свои секреты, барышня. Звони.

— Звоню, звоню.

Вызов прошел.

— Лида, на часы смотрела? Половина двенадцатого! — раздался тихий раздраженный шепот Сани.

— Не смотрела. И тебе сейчас не до них будет. Саша, нам срочно, немедленно, вот прямо сейчас, нужны эксперты особого отдела.

— Лид, какие эксперты. Ночь!

— А если я тебе скажу, что у нас есть снежный зверь на цепи и очень весомые следы некроманта? Вполне возможно, что того самого, ты мне что скажешь?

— Что через полчаса они будут у тебя!

В ухо полетели короткие гудки, Лида с удивлением воззрилась на Мельника и успела только заметить, как расширяются его глаза. А потом поняла и причину. К ее виску был приставлен пистолет.

— Вот говорил же, — раздался знакомый глуховатый голос с раздраженными интонациями. — Давайте убьем девку. Кому от этого плохо будет? Никому.

— Петр, — всплеснула девушка руками.

— Он самый, участковая, он самый. Давно я тебя, гадину, убить хотел, а все никак не получалось. То хозяин категорически запретит, то вокруг тебя народ шатается. Тц! Ты, мужик, не двигайся. Стой, где стоишь. А то я ей полчерепа снесу быстрее, чем ты успеешь «а» сказать. И за ножиком своим не тянись, не тянись. Даже если метнешь, ничего толкового не получится.

— Почему это?

— Потому что мертвый я, — усмехнулся Петр, перемещая пистолет с виска к затылку и подталкивая Лиду вперед, к крыльцу и загону со снежным зверем. — Иди, девка, к зверю иди. Я тебя ранить не хочу, тут волки вокруг шастают, на запах свежей крови быстро набегут. Поэтому, топай, топай к зверю. Мы его впроголодь держим, а тобой он, бедолага, не только закусит, но и наестся от пуза.

— Подожди, подожди, — Лида шагнула в сторону к насторожившемуся зверю. — Как это мертвый ты?

— Сдох, в сорок втором году, когда партизанил в местных лесах. Наша бригада в основном на подрыве железнодорожного полотна специализировалась. Мы с сыном хорошей боевой двойкой были, а потом, когда немцы прорывались, и погибли, не дав им по мосту пойти. Сами тоже не ушли. Нас хозяин поднял, ему служить обязав. Жаль тебя велел не трогать, а давно бы убили.

— А кто хозяин? — заинтересованно спросила девушка.

— Ишь какая, верткая. А не скажу я тебе, — сплюнул Петр. — Даже если бы и захотел, не сказал.

— Миш, о чем он говорит?

— Мертвые, поднятые некромантом, не могут нарушить заклинание, запечатывающее уста.

— И обойти это никак нельзя?

— Пробовали, не получилось. Если бы лич был, а так...

— Ты, мужик, — испугался лесник от резкого движения Мельника. — Ты не дергайся!

— Стою я, стою! — поднял Михаил руки вверх.

А Лида продолжила гнуть свою линию.

— Значит, практическая полезность этого типа нулевая?

— Увы, единственное, на что он способен, это просто угрожать тебе. И не более.

— Ты мне тут поговори! — вскипел Петр, выдвинувшись вперед и становясь на одну линию с Лидой.

А ей этого только и надо было.

Браслет с предплечья скользнул по руке горстью раскаленных шариков и собрался уже в руке в дробовик.

— Прощай, — сообщила Лида негромко, вскидывая обрез и стреляя прямо в упор.

Мертвый еще успел рассмеяться, свято веря, что человек ничего не сможет ему сделать.

Человек! Просто, ничтожный... девка, гадина, которую он ненавидел с первого дня ее появления в Малых луках. Ставшая виной смерти его сына!

И вдруг...

Петр не сразу сообразил, что происходит что-то недоброе. Он просто тянулся пальцем к курку, в надежде выстрелить, но пистолет уже утекал по его телу, как по зыбучим пескам. А следом таял он сам...

Пока на земле не осталась грязная лужа.

Снежный зверь улегся на землю, закрыв морду лапами и тихо подвывая. А потом, когда от мертвого не осталось даже и заметного пятна посреди осенней последождевой хляби, поднял морду и завыл от души.

Лида содрогнулась всем телом. Выронила дробовик, но тот исчез, возвращаясь на свое место быстрее, чем долетел до земли. Девушка обхватила себя за плечи, мелко дрожа.

— Я убила человека... Я его убила!

— Барышня! — Мельник спрыгнув с крыльца, обхватил оседающую на землю девушку за плечи. — Ну-ка, посмотри на меня! Нет никакого трупа. Это был не человек! Слышишь меня? А раз так, то и нечего голосить. Ты вернула земле — то, что ей всегда принадлежало. Заодно, эта тварь голодающая не будет на кладбище могилы разрывать. Так что успокойся.

— Голодающая тварь?

— Да. И Леший говорил, что браконьеров было двое, значит еще один где-то здесь бродит, — постарался Михаил разговорами отвлечь девушку от мыслей.

Она отрицательно покачала головой:

— Двое, Миш, двое. Это местный. Лесник наш. Что я скажу, когда меня спрашивать будут, куда он пропал?

— А разве кто-то спрашивать будет?

— Нет?

— Нет. О мертвых, как только они теряют свое воплощение, забывают даже те, кто с ними связан был. Никто ничего не вспомнит, ничего не скажет. Встряхнись, сейчас же, барышня! Если здесь еще двое, и они нападут одновременно, мы ничего не сможем с ними сделать. Поняла?

Лида кивнула.

— Да, — мертвым голосом сказала она. — Я все поняла. Прости. Я сейчас соберусь. Вот прямо сейчас...

— Барышня, знал бы, что ты так отреагируешь, оставил бы на мельнице.

— Ну, уж нет! — сверкнули злостью ясные глаза.

— Вот так-то лучше. Давай, барышня. Приходи в себя. До приезда экспертов нам надо найти браконьеров и разобраться с ними.

— А если они не здесь? Если они на границе? Поэтому Леший ничего с ними не смои

сделать?

— Тогда, — Мельник чуть улыбнулся. — Мы последуем за ними!

Лида зажмурилась инстинктивно. В лицо ударила волна кисло-пряного воздуха. Волосы у висков чуть завились от высокой влажности. Под ногами чавкнула влажная земля. Над головой было темное небо, некоторые крупные звезды нависали так низко, что до них, казалось, можно было дотянуться рукой.

Граница была добродушно настроена, а повинуюсь воле своего хозяина, подсветила разноцветной краски две пары следов. Одни вели на север, вторые на юг. И каждая пара была довольно светлой. Хозяева успели уйти не только далеко, но еще и это было давно.

— Кажется, — улыбнулась Лида криво. — Здесь нам придется расстаться. Мы не успеем вдвоем проверить и те, и те следы. Так что...

Мельник взглянул на следы, потом на Лиду. Потом снова на следы и снова на девушку, кивнул и начал расстегивать собственную рубашку.

Девушка даже опомниться не успела, как он снял со своей шеи кулон и накинул его на шею самой Лиды.

— Защитит. От чего угодно. Но даже с учетом этого, барышня, не рискуй. Ясно?

Растерявшись, Лида кивнула, Мельник, осмотрев следы, повернул ее по направлению к светло-зеленым следам, что-то шепнул и окружающая граница расплылась.

— Я найду тебя, — пообещал мужчина негромко. — Иди и не поворачивайся по сторонам, назад не смотри. Когда следы доведут тебя до места, убей браконьера, кем бы он ни был. А сразу же после этого я найду и заберу тебя. Поняла?

Лида кивнула и двинулась по следам. Дальше и дальше от Мельника, от заимки и самого первого убитого полуночника.

Вокруг царил темнота, не живая, какой бывает переполнен лес, а мертвая, которую можно увидеть в застывшей картинке фотографии или видео. Словно время остановилось в одном отдельно взятом участке вокруг Лиды, а потом так и двигалось вслед за ней по тропинке из следов.

Помня наказ Мельника, по сторонам девушка не смотрела. В памяти еще были свежи слова о том, что можно заблудиться на границе, и уже никогда не вернуться домой. А домой вернуться было надо.

Слишком уж много дел накопилось, которые решить надо. И праздник леса, который теперь неизвестно пройдет удачно или будет сорван. И мир полуночников, который не все тайны раскрыл перед ней. Или даже сама Лида! Что таится в ее памяти? Что за таинственный медальон освобождается мало-помалу из-под земли границы сейчас в банке с раствором в ее сейфе?

Что вообще происходит в ее жизни? Или все самое главное уже случилось, а теперь она только пытается разгрести все то, что было... и не было сделано.

Лида не знала, только ощущала, что ее мир никогда не будет больше прежним.

И что быть обыкновенным человеком ей не понравилось. В том прошлом, где маленькая девочка разговаривала с растениями, ей нравилось гораздо больше. Там, где был Мельник.

Интересно, вот действительно он ее не вспомнил? Или снова соврал?

Что настоящее в этом мужчине, его удивительная мягкость и спокойствие? То лукавство, с которым он называл ее «барышня» или забота и нежность, которая таилась на дне его глаз. Или то хладнокровное выражение воина, привыкшего убивать, но совсем не умеющего защищать?

Лиде почему-то нестерпимо хотелось его разгадать. Хотя немного приблизиться, заглянуть за ту стену, которой почему-то Миша себя окружил. Что-то там было. Простая логика, которой оперировала участковой, намекала, что там, в прошлом, было что-то еще, почему так отчаянно не хотел папа, чтобы вернулась к Лиде память.

Там...

Мысли о прошлом растворились, исчезли, подобно опадающему золотому листопаду с высоких берез.

Перед глазами мелькнули кровавые мушки, впереди появилось что-то упругое и заклинивание оборвалось. Путь вывел Лиду на пологий берег.

Вниз, к воде вела утоптанная тропинка, хотя следы были оставлены и не людьми.

Под светом полной луны хорошо видны были золотые и алые листья, покрытые не кровью — зеленоватой светящейся субстанцией.

К сожалению, вряд ли это был фосфор.

К еще большему сожалению, Лида опоздала.

Следы заканчивались у воды. И под взглядом девушки начинали стираться, возвращаясь обратно, туда, откуда она пришла.

Темный куль, залитый ядовитой зеленью, мог быть только одним — трупом.

А еще нежданно-негаданно участковая умудрилась на месте преступления оказаться не представителем судебной власти, а свидетелем.

Убийца еще только выпрямлялся, стряхивая зеленые капли с черных рук. Из-под темного капюшона на Лиду смотрели зеленые-зеленые глаза.

— А, — раздался тихий смеющийся голос. — Участковая. Тебя мне и надо.

— Убивать будешь?

— Ну, что ты. К сожалению, тебя убивать лично мне нельзя. Через третьи руки, не обессудь, еще не раз попытаюсь, пока попытка не станет удачной.

Некромант, а это был он, перешагнул через труп и не пошел — полетел в сторону Лиды, застывшей на месте замороженным столбиком. Сердце девушки стучало часто-часто, как пойманная в клетку птица.

«Как же страшно!»

Страх окутывал некроманта темной пеленой. Он стоял рядом со своей второй жертвой, а она даже взгляд поднять не могла, чтобы на него взглянуть. Просто стояла и умирала под зеленым жгучим взглядом.

— Удивительно, — пробормотал некромант. — Я представлял тебя совсем другой.

— Что, — вскинула Лида голову. — Более смелой?

— Нет. Более умной. Но твоя глупость только на руку мне играет. Я не буду с тобой прощаться, участковая. В следующий раз мы увидимся уже сразу на твоих похоронах. Ты мне живая столько крови испортила, что после своей смерти будешь отрабатывать свои долги мертвой, под моим началом.

Рука в черной перчатке скользнула по щеке, росчерк лунного сияния отразился на лезвии кинжала, в воздухе мелькнула опускающаяся прядь женских волос.

— А это, — раздался мягкий шепот, — что-то вроде залога твоей очень долгой послежизни, участковая, так что, сделай милость, умри побыстрее.

Некромант ушел почти сразу же после этого. Равнодушно отвернулся, не глядя больше на поверженную противницу. Шагнул к воде и скрылся в ее темной глубине.

Мельник появился почти через полчаса после этого. Лиду он нашел на пригорке.

Девушка сидела под высоким развесистым кленом, притянув колени к груди. По бледным щекам катились слезы. Потрясение сегодняшнего дня было столь велико, что ее нервы окончательно сдали.

Мужчина, появившись из тени деревьев позади девушки, молча сел на пригорок рядом с ней, положил огромную руку на плечо, потом просто притянул к себе. Плач стал еще горше и отчаяннее, Лида повернулась всем телом и приникла к большому и теплому Мельнику.

— Что случилось? — тихо спросил Михаил.

— Некромант здесь был, — сквозь всхлипывания прорвался тихий голос. — Отрезал у меня прядь волос. Сказал, что сам меня убивать не станет, а вот через третьи руки — пока не получит положительного результата. А после смерти я на него работать буду.

— Вот гаденьщ, — покачал головой мужчина, поглаживая плачущую девушку по голове. — Барышня, ты мне веришь?

— Ага...

— Вот чтобы поднять после смерти человека, недостаточно просто владеть его волосами. Нужны частицы кожи, ногтей. Нужна обязательно кровь, отданная добровольно. Кость потом берется из трупа. И уж поверь, есть способы сделать так, чтобы ни один некромант не смог поднять труп человека.

— Ты так можешь?

Мельник помолчал, отвечать на этот вопрос ему не хотелось, потом все же вздохнул:

— Да, барышня.

— А на мне эти чары использовать можешь? Я заплачу, все что угодно. Я не хочу думать, что после смерти могу оказаться...

— Барышня, — перебил девушку мужчина. — Не говори лишнего. Граница к таким словам очень чувствительна. Ты можешь оказаться в вечном рабстве у нее из-за своих неосторожных слов. Поэтому лучше молчи, об этом поговорить и на мельнице можно будет. И если ты сейчас немного успокоилась, то давай, поднимаемся. Там прибыли эксперты. Разговаривать ты с ними... точно не будешь, поэтому выйдем на той поляне, заберем Шторма с Вьюгой и отправимся на мельницу.

Лида кивнула, но руки, сжавшиеся вокруг пояса Мельника, разжимала с большой неохотой. Шла она медленно, а спотыкалась часто. И, в конце концов, мужчине пришлось взять ее за руку и вести за собой как маленькую.

Лида не возражала.

На поляне только Саня нашел, что поведение участковой отличается от ее обычного и в худшую сторону. Но опер, возвращенный в строй, вынужден был выслушивать нотации и ценные указания от начальства. Эксперты, еще только начавшие работать, сказали, что некромант где-то поблизости, и очень скоро будет еще ближе, чем обычно.

Саше предстояло выступить засланным казачком, а всему особому отделу — на несколько дней праздника леса в полном составе перебраться в Брянские леса.

Переговорив с парой знакомых и договорившись о том, чтобы в участке вместе с Лидой дежурили посменно двое полицейских, Мельник повлек девушку за собой. Сидеть сама в седле она бы не смогла, поэтому сев верхом на более выносливого Шторма, мужчина поднял вялую Лиду к себе, прижал, закутывая в куртку, спасая от чужих докучливых взглядов.

В другое время, Мельнику и в голову бы не пришло демонстрировать свои возможности, но в этот раз ему хотелось отвести девушку как можно быстрее в безопасный излом мельницы. И велел водяному присматривать за тем, что делают эксперты, Михаил погнался.

коня прямо по водной излуине реки.

Домой. И как можно быстрее, а там что-нибудь сделать с Лидой все-таки удастся.

Мельник ошибся.

Самонадеянно посчитав, что он напоит девушку вином со снотворными травами, и этого будет достаточно.

Вино на Лиду совершенно не подействовало. Нет, она не плакала. Она просто забила в дальний угол широкой кровати, закуталась в одеяло и тряслась, и зуб на зуб не попадал. Ни уговоры, ни слова — ничего не помогало.

Девушка не могла закрыть глаза — тут же перед внутренним взглядом появлялся расплывающаяся лужицей Петр, а вслед за ним труп незнакомого браконьера у реки и некромант.

Это был личный ад в обертке ночных кошмаров.

Даже сама мысль о том, чтобы лечь спать, вызывала зуд и отчаянный крик в душе.

Мельник, с которым Лида отказалась разговаривать, сдался раньше.

В который раз, изумившись собственному поведению, он подхватил девушку и прижал к себе. Как она и была, закутанную в одеяло.

— Я сейчас скажу тебе слова, — велел он негромко, — ты их повторишь и никаких кошмаров не увидишь. А завтра после работы, мы прогоним твой страх. Поняла?

Лида кивнула.

— Тогда повторяй три раза. Пятница — пятница, кто любит — пусть приснится.

Голос девушки звучал надломлено. Она уже сама не понимала, чего ей хочется. Наверное, вернуться в прошлое... наверное...

В слова, которые она произносила, сама Лида даже не вслушалась. Ну, пятница, ну, кто-то там приснится. Все равно, это бабушкины сказки.

Полуночники есть, заклинания есть, а вот такие присказки на сон все равно никогда не работают.

...Солнечный полдень развесил повсюду свои паутинки. В воздухе пахло одуряюще травами. Босоногая Лидочка бегала по чердаку и никак не могла выбрать, какую же траву попросить бабушку добавить в чай.

Бабушка пока была занята, так что время еще было. Впрочем... Гораздо интереснее было посмотреть, кто же это там такой приехал, что бабушка велела быть здесь и ни за что не спускаться?

Лидочка была не слишком любопытной девочкой, но огромный черный конь, гарцующий у крыльца, был таким красивым, что она не удержалась. Нет, она не собиралась нарушать бабушкин наказ и спускаться вниз по лестнице. Она просто спустится на улицу по ветке удачно расположенного рядом дуба. И там и останется в тени, у нее там и мороженое было припрятано. Камешек ледяного купола еще на три раза использовать можно. А в такую жару только мороженое и спасает.

Сказано — сделано.

Кому придет в голову, что окна закрывать надо? Бабушка поворожила, мухи и комары туда не летят, а свежий воздух, вкусно пахнувший свежескошенным сеном впустить в комнату — благое дело.

Ну, а то, что ушки на макушке у одной «леди», бабушке и в голову не пришло.

Сквозь распахнутые створки, бабушку совсем не было видно, зато хорошо было видно ее гостя. И слышно тоже.

Огромный гость, занявший один весь диванчик у окна, показался маленькой девочке больше, чем медведь! И голос у него был звучный, трубный, можно было даже не прислушиваться — все равно все хорошо слышно было.

— Михаил, — голос бабушки журчал словно речка на перекатах. — Ты хоть познакомишься бы с егозой, а то заглядываешь почитай каждый месяц, а на нее посмотришь издали и уходишь.

— Куда мне знакомиться с маленькой малышкой? — возразил гость. — Ты на меня посмотри, я огромный, испугается и все. Первое впечатление не изменишь.

— Ох, Миш, не тянул бы ты с этим. Ей уже скоро шесть, дотянешь до того, что познакомишься с ней на официальных смотринах. Тебе оно надо? Для девочки это шок будет, так пусть хотя бы она тебя узнает до этого. Ты представь, ее приведут в незнакомое место. Вместо любимых полей и лесов — будет мертвый костяк города, потом подведут огромного мужчину, которого она не зная точно испугается, и скажут, что это ее жених. Ну, зачем так? Пойдем, познакомишься с ней. Сказку расскажешь.

— Какую еще сказку? Я ни одной не знаю!

— Значит, наоборот, — миролюбиво откликнулась бабуля. — Вначале, моя егоза расскажет тебе сказку, а потом ты ей. Можешь даже ту же самую, она в обиде не будет. Я даже кресло-качалку тебе уступлю ради этого. А пирожные ты ей сам отдашь. Ну, так что, Миш?

— Может, все-таки в другой раз?

— Никакого другого раза. Всемогущий Мельник боится маленькой девочки, что за безобразие!

— Она не просто маленькая девочка. Пройдет еще несколько лет, и она станет прехорошенькой девчушкой, особенно если и внешностью в тебя пойдет. А там — еще несколько лет, и я ее под венец поведу... Естественно, я ее боюсь! Я холостяком уже сколько лет жил! И жил бы еще столько.

— Вот и нечего, давай-давай. Поднимайся, Миша, поднимайся. Пойдем знакомиться с твоей нареченной. И имей в виду, за год не добьешься того, чтобы она тебя полюбила искренне и от всей своей детской души, я тебя на порог больше не пушу!

Мельник вздохнул, махнул рукой.

— Ну, тебе разве откажешь? Пойдем. Будешь меня знакомить. С солнечной егозой, не сидящей на месте.

На этом интересный разговор закончился. Лида, чтобы посмотреть, что будет дальше, поползла по ветке вперед. Что еще скажут? И когда этот большой как мишка мужчина повернется, как он выглядит? И почему он не знает сказок? И о какой невесте он говорил?

Ветка под ногами и руками непоседы треснула, и с тихим ойканьем девочка полетела вниз.

Не разбилась.

Раздался мягкий не то шелест, не то шорох, и она оказалась в больших руках того самого мишки, в человеческом облике, который так ее заинтересовал.

Положив ладошку на щеку встревоженного человека, Лида засмеялась:

— Я знаю, ты заколдованный принц, а по ночам ты оборачиваешься в медведя. Я буду твоей принцессой и раско... раско... расколдую тебя от чар злой ведьмы!

...Луч света скользнул по лицу, Лида зажмурилась и резко распахнула глаза.

В спальне никого уже не было.

Мельник — ушел. Не было рядом и Дари, только на подоконнике радостно прыгала маленькая пичуга.

В душе был полный раздрай.

Только что девушка узнала, что же именно скрывал Мельник от нее, что за тайна была там, в том прошлом, о котором она ничего не помнила.

Помолвка. Раньше.

Та маленькая Лида, судя по всему, была не совсем человеком, поэтому и была заключена договорная помолвка. И если бы девушка все не забыла из-за лича, вполне возможно, что сейчас она была бы замужем за Мельником!!!

Мысли в голове метались серебристыми испуганными рыбками.

Что делать?! С кем поговорить, у кого просить совета? Куда бежать? Что искать? Что спрашивать?

Но Лида не знала, что это еще только начало.

Тихо звякнул телефон, и, поднеся его к уху, надеясь услышать голос Михаила, девушка услышала совсем другой голос, который она уже и не чаяла услышать.

— Скворцова, — раздался смеющийся мужской голос. — Не говори мне, что ты с утра пораньше в пятницу уже на работе. Да, я знаю, что в следующие выходные начинается праздник леса, но иногда к должностным обязанностям можно отнестись и с небольшим головотяпством. Короче, душа моя, я дома буду через полтора часа. Так что... поставь, что ли чайник, домашних пирожков от тебя сегодня я не дождусь. Знаю, сам виноват, надо было предупредить пораньше. Но нас с оказией отпустили на полторы недели до срока, и я даже позвонить не успел. Вещи покидал в сумку и домой. Как же я по тебе соскучился, Скворцова. По твоему голосу. По твоей улыбке. Ну, ты чего молчишь, не рада?

— Лешка, — прошептала Лида и снова расплакалась...

Она уже не слышала, что там говорил возвращающийся блудный жених. Она не знала, что в участке ее ждет Саня с очень важной информацией по погибшим браконьерам. Лида не знала, что при перевозке снежный зверь все-таки сбежал и теперь возвращался обратно на ее территорию. Не догадывалась она и том, что Михаил стоит в соседней комнате, прислонившись к стене, и слушает ее разговор.

Она отчаянно плакала, понимая, что и без того запутанная жизнь, превращается на ее глазах в руины.

Начиналось все с браконьеров... но теперь браконьеры были мертвы, а проблемы кончатся и не думали.

Впереди был праздник леса и всего неделя на его подготовку.

А еще всего два часа, чтобы понять, что сказать Лешке, а о чем промолчать. Что ему рассказывать о полуночном мире, а о чем не вздумать даже и упомянуть ради его безопасности.

— Скворцова, я скоро приеду! Вытирай слезы немедленно, — велел Лешка. — Иначе обнимать тебя, заплаканную, я не буду. Жди меня, любимая. Совсем немного осталось, совсем чуть-чуть.

Одновременно с гудками из ослабевшей ладони выскользнул телефон, и Лида отчаянно пожалела о том, что блокировка с памяти начала падать. Некоторым знаниям лучше было бы остаться похороненными там, в прошлом, для спокойствия ее самой и мужчин, которых неожиданно в ее жизни и сердце стало двое.

Чего Лида не могла себе даже представить, так это то, что происходящее было только

началом.

И фамильные тайны, которые были похоронены в шкафу среди безобидных скелетов, угрожающе затрещали костями, запылали огнями в пустых глазницах.

Близился праздник леса.

Возвращался Лешка.

И довольно далеко от деревушки Малые луки, собирала чемодан высокая ухоженная дама с седыми волосами, завитыми в букли. Медальон, в котором была фотография смеющейся малышки, несколько часов назад почернел и рассыпался.

Чтобы ни произошло, а внучке угрожала смертельная опасность. И больше следовать идиотским правилам сына, запретившего видеться с внуками, дама не собиралась. Ее любимой малышке нужна была помощь, а значит, эту помощь баба-яга северо-западного округа собиралась ей любой ценой оказать.

5. Праздник леса

Когда слезы стихли, внутри осталась только ледяная опустошенность. Ничего не хотелось и ничего не «моглось», не было сил встать, не было сил заставить себя улыбаться. Надо было набрать номер брата или отца, надо было... но Лида только сидела на кровати, глядя в стену. Выпавший телефон затерялся где-то в складках простыни. Что?! Что она должна делать?

Что она вообще может сделать?

У упрямой участковой просто опустились руки. Да, она была бойцом по натуре, сильной и волевой личностью, но слишком много всего произошло.

Прошое, настоящее, будущее — все слилось в катавасию, которая не давала возможности что-то с собой сделать. Было плохо. Это все, что сейчас Лида ощущала. Боль угнездилась где-то под сердцем, вспыхивая горстями ледяных искр и рассыпаясь по всему телу.

За что ей все это?!

Она ведь не может вовлечь Лешку в эту беду с некромантом. Тот четко сказал, что не оставит своих попыток ее убить. Сам руки пачкать не хочет, но других зашлет со всем своим удовольствием. И тогда... ее... ее...

Назвать Лешку женихом не получилось. Даже мысленно.

Потому что, как выяснилось, она была еще даже до Лешки помолвлена с совсем другим человеком. Но назвать женихом Мельника было еще хуже. Может быть, там, в прошлом, помолвка с ним была разорвана? Может быть, Лида совсем напрасно себя накручивает? Ничего плохого не случилось, ничего... он же промолчал. Значит, ему такая невеста и не нужна. И Лешка, который за годы своей службы писал «нежные» письма исключительно чужими руками, ничем не отличается. Может он просто придет и скажет, что не нужна ему такая невеста?

А она тут себя накручивает, сама себя заставляет страдать. Кому это надо? Не ей же точно! И...

Дверь комнаты хлопнула.

Лида подняла голову к вошедшему Мельнику, попыталась улыбнуться. Но непослушные губы остались недвижимы.

Она уже готова была сказать, что ей просто приснился плохой сон, но Михаил вручил ей кружку с ледяным квасом и сел на стул, разглядывая лихорадочные пятна на бледных щеках.

— Кто звонил?

И Лида не смогла соврать под его вопросительным взглядом.

— Лешка.

— Твой жених?

В сердце снова отдалась вспышка боли. Что это такое? Что... почему она не может дать этому название? Он так холоден, так отстранен. Так...

— Да, Алексей Гусаров. Он же Гусар, — тихо сказала девушка, делая глоток древнерусского напитка. Кисловатая сладость прокатилась по горлу, в глазах защипало, но плакать на глазах Мельника! Ну, уж нет! Ни за что!

— Что ты будешь делать дальше, барышня?

— Я не могу вовлекать его в дела полуночников. Он человек, а я... — Лида отвернулась,

посмотрела за окно. У воды паслись два келпи. Тихо шуршали мельничные крылья, делая один за другим обороты. В какой-то момент показалось, что так было всегда. И эта кровать, и этот запах трав, и Мельник рядом. А ей приснился дурной сон, и про некромантов, и про границу. И никогда не было полуночников, никогда не было этих всех...

— Барышня?

Вздвогнув, девушка сделала добрый глоток кваса и повернулась.

— Прости. Кажется, я сегодня снова вернусь к тебе на мельницу. Не хочу вовлекать посторонних в это дело. Но сама себя, к сожалению, я защитить не смогу.

Михаил кивнул, но ничего на это не сказал. У него была возможность посмотреть на разную участковую. На смелую, гордую, упрямую, трясущуюся, испуганную, больную, смеющуюся, занятую своей работой. Она была очень разной. Но такой как сейчас — с потухшим взглядом, с потерянностью в глазах, в движениях он не просто ее не видел, но и не желал видеть.

Она сгорбилась, отводила взгляд, но все равно были видны слезы на ее лице. И хотелось ее обнять. Но... Он всемогущий Мельник, а она — человеческая девушка, хоть и участковая для нечисти, у нее есть своя работа, свои задачи и человек, которого она любит.

— Михаил?

— Все хорошо, барышня. Возьмете моего Шторма, он вас доставит. Вьюгу тоже можно, но Шторм взрослее и умнее, так что, будете представительной участковой на черном звере.

— И ты снова меня на «вы» начал называть. Я думала, что... что... — Лида попыталась выдавить из себя улыбку и поменяла резко тему. — Да он и не захочет со мной быть.

— Шторм-то? — ухмыльнулся Мельник. — Да он просто себе цену набивает, ему ты, барышня, понравилась с первого взгляда. Мало того, что не испугалась, так еще скакала на нем во весь опор, не боялась, не визжала, а только просила «быстрее, быстрее». Он бы полетел, если бы мог, чтобы тебя порадовать. Ну, мне не веришь, сейчас спросим.

Мужчина не поменял своего положения, взглянул укоризненно на окно, и засовы поехали в разные стороны, новый взгляд, и створки качнулись в разные стороны, впуская в комнату по-осеннему холодный воздух, пахнувший яблоками и прелыми листьями. И тут же в комнату засунулась любопытная черная морда.

— А тут про меня говорили?

— Про тебя. Участковая тут волнуется, захочешь ли ты на нее поработать в течение этой недели. Ей теперь при подготовке к празднику много куда придется бегать. А ты у нас быстроногий, да и защитить в случае чего от кого угодно сможешь.

— Раз валькирия того хочет, — Шторм качнул мордой, — то мы со всем нашим удовольствием, — и пропал, снова погарцевав к пруду.

Окно за ним закрылось.

Лида бессильно улыбнулась.

— Ты его подговорил!

— Кого?

— Шторма!

— Ничуть. Келпи подговорить невозможно. Их вообще невозможно заставить что-то сделать без их на то желания. Они только притворяются послушными, а... — Михаил не договорил, спросил серьезно: — Ну, что, барышня, полегче стало?

Прислушавшись к себе, девушка поняла, что да, как ни странно — стало. Хотя вроде бы с ней Мельник ничего не делал, в квасе постороннего точно не было, в воздухе ничем

подозрительным не пахло, а спокойнее на душе стало. Исчезло то ощущение полной безнадежности, которое над ней висело после звонка Дамокловым мечом.

Ну, живет она временно на мельнице и нельзя будет Лешке сказать настоящую причину. И врать не хочется. Но так она может просто сказать ему, что это требование рабочей необходимости, и достаточно будет.

Главное, сегодня все успеть.

Встав с кровати в своей канареечно-пушистой пижаме, которую домовой Тимофей положил в пакет вместе с теплой курткой, Лида благодарно улыбнулась Михаилу:

— Спасибо.

— Собирайся, барышня. У тебя скоро рабочий день начнется. Ты и так, проспала отчасти, хоть и ранняя пташка. А дел у тебя много.

Девушка вздохнула и кивнула, понимая, что сказано это было совсем не в упрек, но надо бы поторопиться. Может быть, Сашка уже в участке и удастся узнать что-то от вчерашнего расследования. Заодно, спросить, куда дели снежного зверя, потому что было что-то знакомое в том, как он смотрел на Лиду.

Уже подойдя к стулу, на котором лежала ее одежда, девушка остановилась и чуть повернулась:

— Миша.

— Да?

— А снежный зверь может превращаться в коня?

Михаил, уже бывший почти у дверей комнаты, остановился.

— Барышня? — в голосе Мельника звякнуло что-то опасное, похоже на отдаленный раскат грома.

Наверное, в этом месте надо было испугаться, но Лида, опустив обратно на спинку стула свою рубашку, взглянула на мужчину упрямо и повторила свой вопрос:

— Может ли снежный зверь превращаться в коня?

Очевидно было, что вопрос Михаилу не понравился. Взгляд у него стал откровенно недобрый, но... неожиданно он кивнул:

— Взрослые снежные звери, которым по двадцать, двадцать пять лет могут и такое. Почему ты спрашиваешь?

— ... Показалось, — покачала девушка головой. — Прости, чушь в голову пришла. Я пойду одеваться, да помчусь в участок. Сегодня начнутся первые звонки, будем согласовывать маршруты квестов.

— Квестов?

— А это секрет, — Лида повернулась к Мельнику, — ты же будешь участвовать в празднике леса?

— Всесильный Мельник занимается тем, что играет в детские игры... Барышня, куда ж я денусь? Это самый простой способ быть около тебя и присматривать за тем, чтобы... ничего не случилось.

— Ага, а! Да! — девушка нашарила в разрезе пижамы кулон. — Ты надел его на меня вчера, сейчас...

— Нет, барышня, — голос мужчины прозвучал чуть резче, чем возможно хотелось бы того ему. — Пусть будет.

— А что это? Я понимаю, что это защитный амулет, но от чего он защищает?

— Ото всего на свете, — без улыбки ответил Мельник. — И даже немного больше.

Спрашивать не шутит ли он, Лиде не пришло и в голову. Прозвучало это достаточно четко и внятно.

— Но такой амулет важнее для тебя самого! — возразила она. — Зачем ты надел его на меня?

— Для Мельников не нужна такая защита. Нас защищает граница. Где бы мы ни находились, она всегда рядом с нами, вокруг нас. И захоти я того, ни один человек в этом мире и ни один полуночник в мире подлунном не сможет меня коснуться.

— Как это?! — загорелась интересом девушка.

— Секрет фирмы, барышня.

— Ну, хотя бы показать можешь?!

— Нет.

— Ну, хоть немножечко!

— Нет.

— Чуть-чуть? — наклонила Лида голову, и обнаружила, что упирается носом в грудь Мельника.

Михаил подошел так близко, что сердце неожиданно рухнуло куда-то в пятки.

Что он?!

— Барышня, — наставительно сообщил Мельник, — любопытство это порок.

— Я знаю, — вздохнула девушка. — Но так интересно. Очень-очень! Я... просто посмотрю...

— Просто посмотреть не получится, — мужской голос звучал спокойно, размеренно, но снова проснувшаяся интуиция подсказала, что там где-то звучит ирония.

— Почему?

— Потрогать придется, — вздохнул Михаил. — Потому что, я же сказал «коснуться», чем ты слушала меня, барышня?

— Ушами? — предположила Лида неуверенно и шагнула к Михаилу, протягивая руку. Сама толком не зная, чего желая, на что надеясь. Рука прошла сквозь плечо, только на мгновение обожгло кисть холодом, как было при пересечении границы. И все. — Как?!

— Граница. А теперь, барышня, посмотри на время.

— А... А?! — вырвался у нее испуганный взвизг.

До начала рабочего дня оставалось ровно пятнадцать минут.

Михаил хмыкнул и вышел из комнаты, оставляя Лиду одну.

Правда, метаться девушка не стала. Закрывает глаза, напомнила себе, что спешат медленно, сделала глубокий выдох и быстро начала одеваться.

Мельницу она покидала бегом, и только уже когда вскочила в седло ждущего ее Шторма, обнаружила инородный предмет в кармане куртки.

Но только в участке девушка узнала, что это — плитка черного шоколада.

Вариант, кто это сделал, был только один. И отправив текстовое сообщение со словом «спасибо» на телефон Михаила, ибо его номером она все-таки разжилась, Лида занялась делами.

Ответила на звонок начальства, поговорила с заведующей клуба. Марина благодарила за вовремя предоставленного актера, заодно отчиталась, что они почти готовы.

Затем участковая прозвонила хозяевам всех домиков, кто собирался принимать гостей. Разбив их на сектора, сообщила, когда придет к кому с проверкой, заодно обсудила с главой администрации, по какому маршруту будет двигаться народная дружина. Деревенские за

пару дней до этих праздников и одновременно с приездом первых гостей собирались и начинали патрулировать деревеньку, заодно приглядывая, чтобы никто не зашел в лес и там не заблудился.

Лида ждала этого времени еще и затем, чтобы начать свою «подрывную» полуночную деятельность. В таких патрулях ходила и она сама, а что может быть интереснее страшилки на ночь глядя? А заодно — насколько это полезно для тайного мирка!

Тимофей, уже получивший от участковой указания, разговаривал с теми немногими полуночниками, что жили в деревне. В их задачу входило вовремя скрипеть дверями, ставнями, заборами, что-то ронять, поднимать ветерок. В худшем случае на это никто не обратит внимания, а в лучшем — полуночники смогут получить немного силы от вспышки веры.

Саши в участке, к сожалению, не было. И как подозревала Лида, на месте с браконьерами они провозились так долго, что парня можно и не ждать в ближайшие несколько часов.

Но времени хватило только на то, чтобы этот факт отметить и не более.

Попутно девушка заглянула в собственный сейф, но находка с границы все так же плавала в воде, чище особо не став... Поменяв воду, Лида вернулась к делам. Территорию праздника должны были патрулировать полицейские, причем не только из человеческих подразделений, но помимо Сани в Малые Луки должен был прибыть наряд полуночного спецназа.

На плечи Лиды легла задача устроить их на постой, впрочем, это легко решилось с помощью звонка дяде Макару и уговора с папой. Гораздо сложнее оказалось составить для них скользящий график патруля, правильно расставив наряды на ключевые точки во время праздника леса.

Отчасти участковая переживала за своих — за водяного и лешего, за их подопечных. Успокоил ее Олесь Русланович, как раз и перезвонивший с сообщением о том, что к ней прибудет спецназ.

Когда Лида сказала, из-за чего переживает, начальник особого отдела заверил участковую, что те, кто принес ей клятву не принесения вреда на ее территории, признав патронат — неприкосновенны для особого отдела. И вмешиваться в личные дела участка оперативники смогут только в том случае, если Лида сама попросит о помощи. До этого все, что не случилось бы на ее территории, касается только ее.

Если же дело касается пришедшей нечисти, или той, что не приносила Лиде клятву верности, то в дело особый отдел вступить может. Именно поэтому тот самый снежный зверь, с которого все началось зимой, находится в их юрисдикции, и именно особый отдел за него отвечает. Лида как хозяйка полуночной территории, может оказывать содействие отделу, а может этого не делать, точно так же как и Мельник, обустроившийся неподалеку.

Особо успокоенной девушка себя не чувствовала, но полегче на душе стало.

В беготне время до обеда пролетело незаметно. Не то чтобы есть и мирно попить кофе, у задержанной участковой не хватало времени даже на то, чтобы съесть шоколадку, подкормив организм вредными углеводами.

А вообще, вся эта ежегодная катавасия настроила хозяйку участка на лирическо-философский лад.

Если бы кто-то ее спросил, любит ли она свою работу, Лида ответила бы однозначным «да». Как и везде здесь были свои препоны и препятствия, но было и хорошее.

Если бы ее спросили о самой ненужной работе, которую приходилось выполнять, и самой тяжелой, участковая бы ответила так: самое бессмысленное в работе — это количество бумаг, которые приходится заполнять. А самое тяжелое — это организовывать, а точнее сопровождать массовые мероприятия.

Большое количество людей, которых надо было безопасно устроить, а потом убедиться уже в том, что безопасны именно прибывшие. Необходимость патрулировать улицы днем и ночью. Прибывающие коллеги... А теперь вот добавилась еще и необходимость договариваться и вносить в ситуацию элемент полуночного мира.

Лида не жаловалась, совсем нет.

Хоть это и было тяжело, ей нравилось общаться с людьми, ей нравилось видеть, как загораются глаза детей, с которыми она всегда выходила в лес, когда они находили свой первый гриб или собирали горсть ягод. Ей нравилось удить ранним утром рыбу и смеяться с рыбками, рассказывать последние сплетни и с удовольствием травить рыбацкие байки или не только рыбацкие.

Ей нравились ночные посиделки у костра с приезжающей молодежью.

Ей нравилось все. Но как же это было тяжело морально и физически!

«Может быть и хуже», — утешила себя Лида, потянувшись за чайником и... накаркала.

Вода в графине забурлила, закружилась, выплескиваясь за границы стеклянных стенок. А потом собралась в упругий комочек и выпрыгнула на стол, откуда Лида торопливо убрала бумаги. На столешнице комочек шустро отрастил ручки, ножки, голову и согнулся в поклоне:

— Здрава будь, матушка!

— И тебе не хворать, водяной хозяин. По делу чаешь, аль от дела бачишь?

— Вопрос к тебе, матушка, есть. Пришлые тут... на бережку появились, права качают, полицейскими назвались, нас не то прогоняют, не то вызнать что-то хотят. Подошла бы ты?

Лида прикусила губу и подорвалась с места.

— Сейчас буду, хозяин водяной. Мне Мельник келпи своего одолжил, мигом примчусь. Где вы?

— А на излуине у русалочьей заводи, матушка. Мы уж ждем. И, — испугался водяной посланник, — мы ничего! И не атакуем, и не возмущаемся, только территорию свою щитом накрыли и тебя ждем.

— Правильно делаете, хозяин водяной. Мне за вас ответ держать, и, — налился темной грозовой злобой взгляд Лиды, — вас же защищать. Сейчас узнаю, кто без моего ведома на моей территории качать права удумал.

— Ждать будем, матушка, — прошелестел водяной комочек и расплескался по столешнице озерцом.

Привычно бросив туда полотенце, Лида прихватив ключи и шоколадку, двинулась на улицу, крикнув через окно Шторма.

На излуине она была уже через несколько минут, и еще даже не подъехав к группе крепко сбитых ребят в кожанках, поняла, что водяного обманули. К полицейским структурам эти ребята не имели никакого отношения. Спрыгнув с Шторма и похлопав напрягшегося келпи по шее, девушка двинулась к берегу.

— Итак, — спросила она, остановившись за пару метров до компании. Скользнула взглядом, пересчитывая: шесть. Да для нее, если ребята с недружелюбными намерениями и двоих было бы много. — Вы кто? И, пожалуйста, попрошу сказку об органах охраны

правопорядка не заводить.

— А говорили у нее никакой интуиции нет, — хмыкнул коротко стриженный шатен за спиной мрачного брюнета.

Тот повернулся, отвесил короткую оплеуху и повернулся вновь к Лиде.

— Марат. Служба охраны заповедника мира полуночников.

— Врете, — отозвалась лениво девушка. — Если бы у этого заповедника была бы служба охраны, то меня бы об этом предупредили еще пару месяцев назад. И, например, смотритель этого места тоже предупредил бы о вас. Да и думаю, мои услуги в таком случае были бы не нужны. Попытка номер три?

— А первая куда делась? — взглянул на Лиду блондин со смеющимся взглядом.

— Ушла водяному хозяину. Ему вы соврали.

— Хорошо, — брюнет коротко и сухо кивнул, вытащил из-за отворота куртки корочки. — Спецназ мира полуночников, Лидия Степановна. Меня зовут Марат Ахтыров, и я вместе со своим отрядом приписан к этому заповеднику на ближайшие две недели, чтобы способствовать безопасности проводимого мероприятия. Нас вы не увидите и не услышите. Единственная просьба дать разрешение на пребывание на вашей территории.

Лида прищурилась. Наглые молодчики ей не нравились. Очень не нравились. И то, как они себя повели, и то, что попытались обмануть, а особенно то, что проверять удумали.

— Я хочу клятву.

— Простите?

— Я хочу от вас и ваших людей клятву о том, что вы вольно или невольно не будете причинять вред тем из полуночников, кто находится под моей защитой. Хозяин водяной.

Вода, которая недавно пошла кругами, вспенилась пеной, и под ноги расступившимся спецназовцем, выкатился кругленький водяной.

— Да, матушка.

— Сможете на пару с лесным хозяином сделать так, чтобы эти ребята сразу видели, кто из вас «мой», а кто «пришлый»?

— Конечно, матушка.

— Вот, — улыбнулась Лида Марату. — Только на таком условии, я дам вам разрешение быть на моей территории. Более того, если надо поспособствую получению палаток, спальников, если у вас не с собой и на постой у деревенских останавливаться вы не захотите. Можно в школе, например, остановиться. Что касается горячей пищи обед и ужин — без проблем, с завтраком будет посложнее.

— А если мы откажемся? — чуть прищурил черные глаза Марат.

— Так и я тогда откажусь. От необходимости вашего присутствия на моей территории. Мне вы мешаете, — сообщила девушка. — Знаете, такая аллергия на присутствие незваных лиц.

— Мы сможем принять меры, чтобы вас поменяли.

— Безусловно, — согласилась участковая, расслабленно засунув руки в карманы куртки. — Вы можете. Вы можете сделать все, что захотите, пока это не пересекает границ, установленных законом.

— Вы не будете говорить, что тоже примете встречные меры? — уточнил Марат.

— Я не буду этого говорить, я буду делать. То, что посчитаю нужным. Привлекать тех, кто мне поможет. Но поверьте, мне не нужны здесь люди, которые знают о полуночниках, но не считают необходимостью принести клятву о том, что не принесут вреда тем, кого я

защищаю.

Марат покачал головой:

— Лидия Степановна, вы же понимаете, что так мы не договоримся?

Лида молча смотрела на него и даже не вздрогнула, когда с тяжелым вздохом на ее плечо легла морда келпи.

— Хозяюшка, — фыркнул Шторм ей в волосы. — А давай мы их убьем?

К чести прибывшего спецназа не дернулся ни один, зато напряглись все точно.

— Келпи? — пробормотал все тот же добродушный блондин. — Говорящий келпи черного цвета... Марат, это же...

— Да, я узнал. Лидия Степановна, вы понимаете, что если мы принесем такую клятву, то ваши полуночники смогут навредить уже нам?

Девушка сжала кулак, на мгновение мелькнуло и тут же пропало вокруг него золотистое сияние кастета.

— А в таком случае, — сообщила она холодно, — я вразумлю их лично.

Водяной поежился:

— Матушка в гневе страшна... — пробормотал он, потом четко и громко произнес. — Ни я, ни мой народ ни вольно, ни невольно не причинят вреда тем, кто принесет клятву матушке. И леший повторит такую же клятву, если вы боитесь, как малые дети.

Спецназовцы переглянулись, посмотрели на Марата. Спецназовец погипнотизировал немного Лиду взглядом, потом улыбнулся:

— Вы победили, Лидия Степановна. Упрямства в вас не занимать.

— Бабушкино, — отозвалась девушка немного рассеянно. И так и не поняла, почему взгляды у спецназовцев стали на мгновение такими пришибленными.

Со своей территории был спешно вызван Леший.

Спецназ и полуночники обменялись клятвами, добавив участковой спокойствия, причем в отношении и людей, и полуночников.

После этого Лида обменялась телефонами с Маратом, указала, как добраться до школы, где они решили расположиться, и двинулась обратно к Шторму. За обеды и ужины ребята собирались платить сами, а председатель уже дал телефоны дам, которые были бы не прочь подзаработать. Ужинать спецназовцы собирались в школе, а обедать приходиться на место.

— Матушка, — окликнул водяной девушку, уже севшую в седло.

— Да?

— Завтра мой внук домой отправляется, придешь попрощаться с ним?

— Конечно, — кивнула Лида, — завтра с утра и приеду. Надо будет территорию объехать, времени много будет.

Похлопав келпи по холке, разворачивая его, девушка помчалась обратно к участку. Если постараться, она могла успеть еще до конца обеда выпить чашку кофе с шоколадкой!

Келпи, уловив настроение участковой, мчался со скоростью недоступной обычным лошадям, и вернул Лиду в участок за пять минут до конца обеда, за что был награжден коротким поцелуем в нос и крепким алым яблоком.

В чашке оставалось кофе всего на один глоток, когда дверь в небольшую прихожку хлопнула:

— Это я, — раздался голос Сашки, а потом он на миг просунул в кабинет встрепанную голову. — Сейчас вытащу папки, и такое расскажу, закачаешься!

— Уверен, что я закачаюсь?

— Уверен, — отозвался опер, снова скрывшись в прихожей. — Я документы поднял, в том числе и по тому делу, на котором мы с тобой познакомились. И знаешь, что выяснилось? Олесь Русланович прав был.

— Даже так? Мы что-то упустили?

— Не мы. В центре. Если бы эту информацию мы получили вовремя, вполне возможно, что смогли бы поймать вовремя снежного зверя. А так...

Саня не договорил, дверь хлопнула вторично, и до Лиды донесся удивленный возглас опера:

— В центре сошли с ума?! Не просто подразделение элитного полуночного спецназа в таком маленьком захолустье, но еще и во главе с легендарным майором! Глазам своим не верю, в этот раз гад некромантский точно не уйдет!

Кто вошел в прихожую Лида не поняла, услышала только что-то тихое... И гость двинулся к дверям. Любопытство девушки, может быть, и подтолкнуло ее к окну, но дверь открылась третий раз, и раздался изумленный женский возглас:

— Гусар вернулся!

И ручка из руки Лиды выпала, покотившись по столу.

— Ой, — все слышался женский говорок. — Ты, наверное, собирался Лидочке сюрприз сделать, а я испортила? Прости, прости! Лидок! — в кабинет вошла одна из ее знакомых домохозяек, согласившаяся готовить для наряда спецназа. — Я все купила, пускай молодчики приходят сегодня ужинать, а завтра я им обед сготовлю.

— Хорошо, Яна Алексеевна, спасибо.

— Да не за что, Лидок, — заулыбалась одна из первых сплетниц на деревне, поглядывая на прихожку, — ну, я пойду...

«Сплетню разносить», — холодно отметила Лида.

— Извини, что сюрприз испортила, но он вроде к дверям шагнул, вот я и подумала... Ой, Лидок, ты не забудь, молодчикам звякнуть! Пущевай к семи будут.

— Хорошо, Яна Алексеевна.

Похикивая, женщина выкатилась за двери, раздался хлопок, звук торопливого бега по ступенькам, и Яна Алексеевна еще не вышла за околицу, а до Лиды уже донесся ее голос:

— Ой, Манька, ты не поверишь! Кого я сейчас встретила...

Дверь кабинета и без того плотно не закрытая, открылась целиком.

И на пороге появился человек, которого Лида любила, без которого не мыслила жизни, ради которого переехала в деревню и который, как оказалось знал гораздо больше о мире, чем даже она сама.

— Привет, Лещ, — улыбнулась девушка, заставляя непослушные губы двигаться.

Он изменился. Как же он изменился за эти пять лет, что толком они не виделись!

Три года, пока он учился в офицерской высшей школе, он еще дома был наездами, а потом только работа, работа, работа. Редкие звонки, редкие видеоконференции, и вот живую, наконец, близко, рядом. И такой чужой, что сердцу больно и холодно.

Куда делся задорный живой синий взгляд? Вместо него — холодная сталь. Привлекательно, но так зябко...

Не просто подтянутый, а военная строгая выправка.

Только разве что голос не изменился.

— Здравствуй, что ли, Скворцова. Хоть обняла бы, а то стою тут, как неродной.

Лед не сломался, но треснул.

Лида улыбнулась уже более живо, по-настоящему, поднялась из-за своего стола и тут же оказалась в мужских объятиях.

— Скворцова, ты не меняешься, — пробормотал Лешка, обнимая ее крепко-крепко. — Не так уж давно общались, и вот уже, оказывается, что ты не просто знаешь о полуночном мире, так еще и по уши во всей этой грязи. А я думал, чего мои ребята написали, что скоро в моих родных Луках будут, а тут оказывается катавасия с некромантом.

— Лешка, — пробормотала Лида, вдыхая горьковатый запах. — Это ты не меняешься, хотя нет, изменился, — отстранилась она, оглядывая мужчину. — Заматерел, возмужал. Сам на себя не похож. Или это просто я тебя давно видела.

— Давно видела, — эхом повторил Лешка.

— Саня, — крикнула девушка. — Иди сюда. Я вас хоть друг другу представлю, а то мало ли. Леш, это Александр, специалист из особого отдела по расследованию дел полуночного мира. Сань, это Алексей, мой жених, и как только что выяснилось, — метнула участковая задумчивый взгляд на Лешку, даже не подумавшего сделать вид, что раскаивается, — один из спецназа. Так, а теперь, Леш, ужасно рада тебя видеть, но...

— Ты на работе, — ухмыльнулся мужчина, — помню. Рад видеть, что хоть какие-то вещи в этом мире остаются неизменны. В том числе и твой трудоголизм, Скворцова. И да, перед тем как уйду, чей зверюга под окнами?

— Временно мой, — отозвалась Лида, уловив что-то похожее на презрение в голосе Алексея.

— Откуда у тебя келпи? — изумился мужчина.

— Мельник ссудил. У нас тут... с некромантом возникли некоторые трудности на личной почве, вот и получилось, что мне понадобилась защита. Мельник мне одолжил своего коня и предложил свой кров. Точнее, предложил он его вместо меня моему отцу, но папу ты знаешь, естественно, он сразу же согласился, не думая. Так что...

— Так. Помедленнее, Скворцова. И знаешь что, дела тебе придется сейчас отложить. Я хочу знать, о чем это ты говорила.

Саня сделал страшные глаза, покачал головой и вышел в коридор, сообщив, что он пойдет пока поработает со свидетелями. Прошло, конечно, достаточно времени, но вдруг им повезло?

Лида, проводив опера задумчивым взглядом, посмотрела на Алексея.

— Присядь, куда-нибудь, — попросила она. — Я сейчас Геннадий Аксенычу звякну, отчитаюсь, что все пока без происшествий, и что я встретила наряд полуночного спецназа, а потом... поговорим.

Алексей с трудом дождался, когда его невеста поговорит с начальством и сразу же, после того как она положила трубку, резко спросил:

— А теперь по порядку, что за личные отношения с некромантом, что за Мельник и что значит, что он предложил тебе свой кров?!

— Не кровать и не руку с сердцем. Лешка, что с тобой такое? Ты умудрился измениться и в характере тоже? Что-то не припоминаю в тебе такой ревности.

— Скворцова, — Алексей как-то сгорбился. — Ты меня в могилу сведешь!

— Не дожدهшься, — сообщила Лида. — Я, конечно, девушка исключительной обаятельности, но до могилы пока вроде никого не доводила.

— Вроде?

— Что стало с теми несчастными, кого я покинула, то мне неведомо! — заявила

флегматично участковая и шаловливо улыбнулась.

Лешка горько вздохнул:

— Понял. Ладно, давай с самого начала, что более важно, что за некромант и что ему от тебя надо?

— Ну, с некромантом мы немного разошлись во мнениях на тему того жить мне или не жить, — сообщила Лида, нервно затеребив на безымянном пальце серебряное колечко с сапфиром. — Я ему мал-мала дорожку перешла, он мал-мала на меня обиделся.

— Скворцова! Зная твое определение слова «мал-мала», меня интересует, что ты сделала бедному некроманту?

— Ну, засекала убийство, совершенное снежным зверем, согласилась с появлением спеца из особого отдела, не мешала ему изучать окружение... — Лида задумалась, тактично опустив эпизод на кладбище, после которого оказалась в больнице уже сама.

— Это не повод!

— Ну да, — призналась девушка. — А еще я стала участковой для полуночников, занимаюсь их делами, и сейчас собираюсь вернуть веру в лешего и его подопечных на грядущем празднике леса.

— Скворцова, у тебя мания на безнадежные дела?!

— Почему это?!

— Потому что это невозможно, — вздохнул Лешка. — Никогда полуночники и люди не будут жить в мире и согласии!

— Этого и не надо.

— Тогда я тебя не понимаю.

— Я не хочу, чтобы люди знали о существовании полуночников, видели их. Мне достаточно того, что в них будут верить, шептать нужные заговорные слова. А полуночники мне подыграют, еловую лапочку там поломают, знак подадут, рыбку подведут.

— Невозможно. Полуночники такое по своему желанию делать не могут.

— Я им скажу.

— Ты? — Алексей лишь укоризненно покачал головой. — Скворцова! В образовании твоём я вижу не просто пробелы, а зияющие безграмотностью лакуны.

— Что?! Лешка, ты чего?!

— Скворцова, раз не нашлось никого умного рядом — слушай умного меня и запоминай. Поняла? Итак. В мире полуночников есть строгая иерархия. У каждой территории есть свой глава, что-то вроде округа и поставленного над ним правительства. На территории леса — леший. В его подчинении все, кто в лесу находится, в том числе и болотники, и кикиморы. Если есть болото, а леса нет — старший болотник. Речницы, водяницы, русалки, утопленники — все водяному подчинены. Дворовые, домовые, банники подчиняются напрямую бабе яге, если такой на территории нет, то самому старшему домовому из всех. Лесовики со своими проблемами сами справляются, они самостоятельные. Но над ними леший или водяной силу имеет. Если на округе кладбище есть, то над ним костяница поставлена. Она старшая над упырями, скелетами, да вурдалаками. На перекрестках кликушница силу имеет. Последние две упрямые очень, наглые, да нахальные. Бабки-Ежки с ними не дружат, держатся подальше. А вот кашеи, да некроманты в них свою силу находят.

— Лешка...

— Слушай дальше, — не позволил мужчина себя перебить. — Раз уж никто не подумал

о том, что эти знания важны для твоей же безопасности, тебя буду я просвещать. Касательно людей и полуночников. Есть три категории людей, которые знакомы с полуночниками. Первая, те, кто полуночников видят на грани между жизнью и смертью. Они стоят на границе между явью и наявью и видят всех, кто принадлежит миру подлунному, полуночному. Это временное явление, но именно из таких людей после смерти получается самая младшая ступень полуночников: утопленники, болотники, упыри и так далее. Вторая категория, это люди, у которых есть определенные задатки, можно назвать их экстрасенсами, если тебе так будет ближе. Из таких людей, со слабым даром, формируют полуночные отделы. Самых сильных — забирают в спецназ. И третья категория людей, которые, собственно говоря, имеют половину крови от полуночников. Бабки ежки, кашеи, мельники. Вот они могут управлять полуночниками. Но приказывать им и быть уверенными в том, что их приказы выполнят, из людей могут быть только «матушка» и «батюшка».

Лида почесала кончик носа.

— Так, ага. И что это значит?

— Это когда полуночники добровольно признают свою власть над кем-то, вручают ему... ну, скажем, своеобразный поводок. «Родитель», скажем так, связан с каждым полуночником. Если его убьют — он почувствует это. Вера «родителя» в полуночников делает намного больше, чем может сделать десяток, несколько десятков, сотня обычных людей. Грубо говоря, вера любимого человека дает крылья и возможность совершить невозможное. Вера «родителя» в полуночников дает им магию, большую, чем можно себе представить.

— В обратную сторону это действует?

— Безусловно. Полуночники на своей шкуре понимают, что такое «хорошо» и «плохо». «Родитель» может приказать, и полуночники послушают, чтобы им ни приказали сделать, даже если прикажут нарушить какую-то клятву — они это сделают. Чем больше времени проводит такой человек с полуночниками, тем большую власть получает над ними и тем больше магии и веры им дает. В какой-то момент, он сможет приказывать, и полуночник появится рядом. Помнишь, как из сказок Сивка-Бурка?

— Ага...

— Здесь схожая магия, по крайней мере, ее проявление.

— Так, — кивнула Лида. — А если, допустим! Только допустим! Например, есть полуночники, у них есть «родитель», про которого ты говорил. Выгодно это некроманту там? Или бабе яге?

— Смеешься? Скворцова, ну, включи логику! Некромант, любой некромант хочет подорвать устои полуночного мира, заставить тех, кто живет в подлунном мире убивать людей ради себя. А тут «родитель», который никогда не даст полуночнику сделать что-то плохое. Кто с этим согласится?

— Ага. Мельник точно знал, — Лида загнула палец, — Саня... тоже должен был, хотя он может и не слышал, потому и не предупредил... Хм... В общем, Лешка, спасибо! Как ты вовремя со своей информацией, я теперь хоть знаю, за что меня некромант так прибить хочет. «Родитель» для мира полуночников, да...

Из рук Алексея выпала кружка с кофе. Коричневое пятно расплзлось по краю столешницы и по брюкам мужчины. Лида, сноровисто схватившая бумаги, покачала головой:

— Некоторые мужчины все-таки не меняются. Иди домой, переодевайся. А вечером договорим об остальном.

— Вечером я тебя встречу и заберу домой.

— Нет, Леш. Вечером я еду на мельницу. У тебя и так с папой отношения не хорошие, не стоит обострять их сейчас. У нас и так... чуть трагедия не случилась с Димкой, папа сейчас настолько запуган, что за малейший намек на то, что я останусь без защиты... и он сделает все, чтобы мы никогда с тобой не были вместе.

— Скворцова, ну вот о чем ты говоришь? При чем тут Димка?

Лида, словно и не слыша, подхватила тряпку и полотенце. Кинув полотенце на колени Лешке, она начала протирать столешницу:

— Он попал под зов русалки. Откачали... еле-еле. И я еще не расплатилась за помощь тех, к кому пришлось идти на поклон. А папа... я боюсь, Леш, что если я буду настаивать, он — сломается. Поэтому, пожалуйста, подожди, немного. А потом...

— Меня слишком долго не было, да, Скворцова?

И, несмотря на то, что отвечать было немного страшно, Лида упрямо вздернула подбородок и ответила честно:

— Долго, Леш.

— Ну, посмотрим, как можно изменить эту ситуацию, — криво ухмыльнулся мужчина и двинулся к дверям. И уже из выхода из кабинета, остановился на мгновение и, не поворачиваясь, сказал. — Я не отпущу тебя, Лида. Ты моя невеста, ты станешь моей женой. Я жил в этом полуночном аду, потому что знал, что мне есть куда и к кому вернуться. И пусть меня не было долго, я просто... нет, мы просто начнем заново.

Лида промолчала, и Алексей вышел за дверь, тихо и деликатно прикрыв ее. Разговор был закончен не на самой веселой ноте.

Мельник пришел домой под утро. Он ни о чем не думал, ничего не планировал и все, что сейчас занимало его мысли — это ополоснуться в бане, да лечь спать. Старался он гнать от себя и мысли о том, что Лиды на мельнице сейчас не будет. Не будет, так не будет. Не велика беда. Пятница, как-то побудет без нее день, а потом на выходных так или иначе встретятся. Праздник леса же. Он из-за этого праздника все планы поменял. Чтобы в эти две ночи не ездить никуда, да по границе не ходить. Как маленький, даже хуже.

Маленькие хотя бы не понимают, что делают, но им такое поведение по малолетству положено, а он дурак старый о чем думает? Уже четыреста лет миновало, успел и при царях пожить, и развал застать, и перестройку, и новую Россию, а все туда же. Сколько раз ему мама говорила: «Не влюбляйся ни в кого, сына. Особливо чай от людей держись на расстоянии. Люди хрупки. Давненько повелось, что они все в тайный мир шагнуть желают, да только не все сделать это могут. Полюбишь смертную, счастья ей не будет. И тебе тоже. Не люби, сына, не надо. Из-за любви дурные дела происходят. Береги свое сердце для той, что твоей женой станет».

Мельник грустно усмехнулся. Вот она и должна была стать, договорной брак, внучка бабы яги, дочка той, что стала полурусалкой, была получеловеком. И отец у нее, впечатляющий. Но как все повернулось. Маленькой еще под укус лича попала. После такого не выживают обычно, не успевают оперативники ОСБ вовремя. А он — успел. Он Мельник. Только и его сил не хватило, чтобы маленькой девочке вернуть ее силу, ее магию.

И брак разорвали.

Ни его не спросили, ни бабушку Лиды, что этот брак организовывала, ни маму Мельника. Совет старейших волхвов повелел, и брак разорван был. Цепочка на заветном медальоне порвалась, фотографии в ней выгорели, вот теперь Михаил и мается, как ему на

эту девушку смотреть. Могла бы его стать, могла. Только не судьба была. Он эту деревеньку выбрал, чтобы подальше быть, кинулся прочь, как зверь раненный оттуда, где ему все напоминало про нее, чтобы оказаться рядом с ней самой.

Прикрыв за собой дверь тихо, мужчина повесил куртку на вешалку. Прошел в дом, зашел в спальню. Кровать была аккуратно застелена и ни следа чьего-то присутствия. Дари укоризненно поглядела на хозяина из-под шкафа и торопливо нырнула в какую-то щель.

«Дожил ты, Мельник, дожил», — укорил он сам себя, — «уже даже твой снежный зверь на тебя искоса смотрит».

Спать ложиться было бессмысленно, дел до вечера, впрочем, тоже не было. Заказы были, но душа не лежала.

Двинувшись на кухню, поставить чайник, мужчина уже подумывал о том, что неплохо было бы разобрать собственную корреспонденцию. Свет вспыхнул, и Мельник остановился как вкопанный.

На столе стояла тарелка, накрытая полотенцем. Посуда, чисто вымытая, давно уже высохла на полке. Окна были закрыты, а травы, которые у хозяина дома никак не доходили руки перебрать и разложить по мешочкам — исчезли.

Но главным было совсем не это, главным было то, что за столом спала девушка. Короткие волосы спустились вдоль лица, закрывая его. Положив голову на скрещенные руки, в кухне Мельника безмятежно спала Лида.

Кинув взгляд на часы, мужчина осознал, что переносить ее в кровать поздно, скорее уже будить надо. Вот как ее будить? Голосом или руку протянуть? Где взять терпение, где взять мужество, чтобы себя понять, и ее любое решение принять. Надо ли ей жизнь калечить. Она ведь любит, другого любит.

Из-под ворота расстегнутой рубашки выскользнул защитный медальон.

И взгляд Мельника прикипел к нему. Не собирался он его делать.

С самого начала! Ни делать, ни отдавать...

Не собирался, но делал.

С самого первого дня, как ее увидел и узнал.

Сложно не узнать было, когда она хоть и изменилась, а все такой же осталась. Разве что выросла. Она и в детстве волосы длинные не любила, и глаза также смотрели, задорно и вместе с тем мягко. И кожа ее стала лишь едва-едва загорелой. Да и на отца она была похожа, а с Степаном Викторовичем за двести лет Мельник не раз встречался.

Он даже не отдавал себе отчет, что не сможет надеть этот медальон, не сможет объяснить его существование. Просто пошел на границу, чтобы набрать самые сильные травы и взять крови у местного хозяина пограничного леса. И сделал медальон, который мог уберечь ото всего на свете, а не только от попыток некроманта свои руки дотянуть. Был бы этот медальон на шее Лиды с самого начала и ни заклятие того русала-юнца до нее бы не дотянулось, ни некромант до нее не достал и на границу не вытолкнул бы. А так, нет худа без добра, наверное.

Только... не след девушке на кухне холостяка спать так безмятежно. У нее жених есть, домой вернулся. Вот разберутся с некромантом...

«Уеду», — Михаил протянул руку, погладил девушку по плечу. — «Вот как только разберемся с этим некромантом, сразу же и уеду».

— Миша? — ресницы дрогнули, и Лида распахнула глаза. Чуть дернулась, оглядываясь по сторонам, потом головой покачала. — Я так в кухне и уснула?! Давно ты пришел?

— Минут пять назад от силы, — отозвался мужчина, отходя в сторону и ставя все-таки чайник. — Время позднее, барышня, тебе уже и в кровать идти смысла нет.

— Нет, — согласилась Лида, глянув на часы. — Мне еще до заводи сегодня до работы надо. Рим домой возвращается.

— Домой?

— У него еще и занятия начинаются. Я так поняла, что он их и прогуливать начал?

— Нет, барышня, — Мельник открыл холодильник, чтобы занять руки, а сам в итоге удивленно посмотрел на ряды появившихся продуктов, которых еще вчера тут не было. Вытащил сгущенку, повертел в руках и поставил обратно, только разве что головой покачал.

— Пирожки будешь? — спросила девушка, не видя его.

— А с чем?

— С вареньем, малиновым, одни. А вторые с яйцом и зеленью.

— Тогда буду, барышня, — согласился мужчина, поворачиваясь. — Только когда ты их сделать успела?

— Вчера после работы пришла и сделала. Тесто пока подходило, я начинку сделала. Думала, ты рано придешь, а ты...

— По делам пришлось съездить.

— По личным?

— Да вернее будет по твоим, барышня. Сядь.

Лида, старательно глядя куда угодно, только не на Михаила, села за стол, потом потрянула головой.

— Пойду я сначала умоюсь, — просительно взглянула она на мужчину. — Заодно и чайник пока нагреется.

— Ну, беги, — кивнул Мельник.

Девушка буквально вылетела из кухни, оставив его одного.

Впрочем, далеко не отбежала. Закрыв за собой дверь, Лида прижалась к стене и прижала к горящим щекам руки. Что! Что она делает?! Что с ней происходит? Этот мужчина, даже не человек, совсем сбил ее с толку. И теперь внутри настоящий ураган. Ей одновременно хочется быть и дальше от него, и ближе! Столько всего спросить хочется, узнать, рассказать. А он как чужой ведет себя! Может, они чужие и есть?

Разорвана была ли та помолвка? Вот как спросить об этом?

Как можно сказать: «Ты знаешь, моя память очень странно себя ведет, и в последнее время я начала понемногу что-то вспомнить. Вот вспомнила тебя и то, что я была твоей невестой!»

Особенно хорошо, если такое за столом прозвучит. Так и подавиться можно. Насмерть.

Если бы это помогло, Лида бы даже извинилась с удовольствием. Но за что извиняться?!

За то, что запуталась в собственной душе? За такое извинения не просят. За то, что не знает, чего ей от Мельника надо? Так ее проблемы же! Да и к тому же, не будет счастья той, что Мельника полюбит! Но и не любит она его, она Лешку любит... Только не того, что вернулся. Лида любила того, который ушел. А вернулся чужой, тот которого она совсем не знала, который изменился.

Какой этот новый Лешка? Из его глаз исчезла жизнерадостность, появилась сталь. Там, где была мягкость, остались только колючки. Не изменилось только то, как он ее называл. Скворцова.

Всегда одно и то же.

А у Мельника обращение звучит ласково «барышня», какая она ему барышня? Она даже себе не барышня, так, малолетка, даже хуже! Хуже!

Прикусив губу, до крови, от души, Лида оттолкнулась от стены и решительно пошла в ванную. Надо было и умыться, и расчесаться, и переодеться тоже. Умудрилась же, заснуть за столом, да такого со студенческих времен не было!

Потом кофе... вместо завтрака, кофе на обед, кофе на ужин, а к ночному патрулированию этот кофе у нее из ушей польется. Хотя нет, с пятницы на субботу дежурить ей самой не обязательно. По деревне народная дружина будет гулять, укомплектованная спецами из отдела Сашки. Еще четверо ребят прибыло. Около территории, не рядом с домами, а по широкому кругу, будут патрулировать ребята из спецназа.

Одна маленькая участковая погоды не сделает. Ее главная задача — объехать сегодня всю территорию, после обеда проверить все ли готово к приему гостей, убедиться, что проблем не будет и поговорить, наконец, с Саней.

И узнать о чем говорил Михаил, какими это ее делами он занимался!

Вернулась девушка уже на кухню вполне даже успокоенная. Впрочем, душевное равновесие куда-то снова делась, когда мужчина пододвинул к ней два блока горького шоколада.

— Покупал в другом месте, поэтому получилось немного больше.

Лида улыбнулась и закивала, стараясь не обращая внимание на тепло, зародившееся в груди:

— Спасибо!

— Не за что, барышня.

Приняв из рук Михаила кружку с кофе, девушка вытащила из горки ароматных разогретых пирогов пирожок поменьше и поинтересовалась:

— О каких моих делах идет речь?

— О некроманте.

— Ага. А что с ним?

— Дети из чистого воздуха не рождаются, барышня. Некромант может родиться только у бабы яги. Я навел на российских бабок ежек, которые не смогли завести детей от людей.

— И что, ты надеялся, что они сами тебе все расскажут?

— Ничего не надо рассказывать, барышня. Тот, кто имел тесные отношения с полуночниками, получает метку, которая никогда не сотрется, которую никоим способом нельзя замаскировать, удалить. Вообще. Не придумали, не нашли, хотя пытались.

— Ага. Ладно. Допустим, но... — Лида чуть порозовела. — Объясни мне, как?! Дети же не от поцелуев рождаются, или с полуночниками все обстоит по-другому?

Мельник подавился, раскашлялся, потом воззрился на девушку, как на восьмое чудо света.

— Барышня, что у тебя в голове?

— Мусор. Работа, — честно сказала она, хотя и опустила последнюю часть «ты и Лешка».

— От мусора надо избавляться. Знаешь, что... Сейчас детям внушают, что с незнакомыми людьми ходить никуда нельзя, ни в коем случае. А пошло это еще из далекой древности, еще когда даже не Русь была, а разрозненные славянские племена жили. Девицы-молодицы, парни удалые, женщины-красавицы и даже те, на кого никто не позарится — все знали, что с незнакомыми людьми уходить никуда нельзя. Особенно, если встретишь таких

на местах силы, где традиционно разгул нечисти происходит. На перекрестке, в лесах, на болотах. Встретит молодича красивого парня у болота, когда морошку набирает, он ей голову вскружит, а через девять месяцев ребенок родится, только не человеческий.

— Господи, — ахнула Лида. — Полуночники могли обращаться в людей?

— Да. Когда у них было много силы, когда в них верили многие, сил у них было намного больше. А вместе с силой и возможностей. Это сейчас они слабое подобие себя прежних, а тогда с нечистью связываться даже инквизиторы не решались. Потом, правда, позвали коллег из Европы, и общей силой справились, хотя бед наделали.

— Так. Хорошо, — девушка сжала виски. — Поняла. Значит, полуночники могли обращаться в людей. Если наберут много силы, то и сейчас смогут.

— Верно. За своих не бойся, на твоей территории полуночники, которым в голову не придет к людям идти. Продолжим просвещение?

— Если я скажу, что я не хочу больше ничего знать, но надо... что ты сделаешь?

— Единственный вариант, это уйти, но тебе его предлагать не стоит, я помню. Слушай дальше. У бабы яги может родиться сын или дочка. Дочка всегда станет следующей бабой ягой, исключений не бывает. Потом ребенок, безусловно, может отказаться от своих сил, жить как человек, подальше от изломов и границы, но силы бабы яги у нее есть всегда. С ребенком мужского пола возможны два варианта: кашей или мельник.

— В чем разница?

— В полюсе силы. Если у ребенка силы темные, то он станет кашеём. Если тебе будет проще, то можешь считать, что это вроде светлого некроманта. Он также может общаться с мертвыми, но в отличие от темного некроманта, который ненавидит людей, кашей к ним равнодушен, также как и большинство людей друг к другу. При полюсе силы светлом, ребенок станет мельником.

— Это если ребенок от человека. А у него всегда будут какие-то... мистические силы?

— Обязательно. Баба яга передает свою кровь ребенку в полном объеме. От отца ему достаются способности, которые человеческие, род, который будет защищать ребенка, характер, человеческая сущность — так проще всего объяснить это.

— А если ребенок рождается у бабы яги от полуночника? — уточнила Лида. — То есть баба яга осознанно идет на преступление?

— Если дочка — она будет бабой ягой, обязательно. Если сын — некромантом. Других вариантов не бывает.

— А почему тогда... подожди, если я правильно поняла, у баб ежек очень малая численность.

— Точно.

— А от полуночника шанс забеременеть выше?

— Он стопроцентный.

Девушка с трудом сдержалась, чтобы присвистнуть.

— А от людей? — осторожно спросила она.

— Пять, может десять, редко больше.

— Тогда почему бабы ежки поголовно не нарушают запрета?

— Потому что если родится девочка, она будет иметь сущность бабы яги, но она не будет иметь человеческой внешности. И что самое страшное, она никогда не сможет эту внешность получить.

— Но ведь ее родитель второй мог! Полуночник!

— Именно. Но это умение лежит в той области, за которую отвечает сущность чистокровного полуночника, чистая кровь. А рожденная малышка — становится как бы полукровкой, и ее не получает.

— Ужас...

— Поэтому баба яга идет на отношения с полуночником, когда уже все, когда нет сил, нет надежды, нет терпения. Но остается клеймо. В России сейчас шесть бабок ежек, которые могли бы пойти на нарушение запрета. Я был сегодня ночью у всех из них, но ни на одной клейма нет. Написал еще матушке, чтобы она по своим каналам спросила, может быть, кто-то из зарубежных бабок нарушил запрет.

— Ага... — пробормотала Лида, потеряв кончик нос. — Так, здесь понятнее стало. Нарушен запрет — появляется клеймо, есть клеймо — можно было бы найти маму некроманта. Так. Допустим. С трудом, но допустим... Что-то еще я хотела спросить, но что именно я забыла.

— Вспомнишь, спросишь. Тебя сегодня ждать?

— Да, конечно, — Лида даже не задумалась с ответом. — Сразу после работы я заскочу домой. Надо спросить Тимофея, чем там мои мужчинки питаются, потом заедем в магазин, надо приготовить что-то из жидкого и побольше бутербродов, а то два дня будет идти праздник леса, времени на то, чтобы готовить и нормально есть — почти не будет. Ой! Время, время. Мне еще же к Риму! Кстати, ты говорил, что он прогуливать не начал, а откуда знаешь?

— Обычно реки на Руси замерзают к середине октября, когда чуть раньше, когда чуть позднее. Средняя дата, не знаю уж откуда она взялась — 22 октября. Вот в это время и начинаются занятия в подводной академии. Хотя с каждым годом студентов там становится все меньше и меньше. Нечисть вымирает... Поэтому заповедник этот и был создан. И, кстати, удержишься еще на пять минут, барышня, и опоздаешь.

— Уже бегу! — засмеялась Лида. — Почти убежала!

И не обманула, допила на бегу кофе и помчалась к двери, хмарное настроение осталось где-то за спиной. Впереди была тяжелая пятница и еще более тяжелые выходные...

До заводи Шторм домчал участковую за десяток минут, погарцевал, красуясь, по воде и остался пастись на крутом берегу, пока Лида устроилась на бережке, опустив в воду руки. Прошло всего несколько минут, когда ее ладоней коснулись чужие, и из-под воды, ударив мощным хвостом, появился Рим, замерзший настолько, что даже кончик носа у русала покраснел.

— Как можно жить в таком собачьем холоде? — с трудом выговорил он, пока зубы выбивали брагурный марш.

— А вот так, — улыбнулась Лида, — скрываемся в домах, стараемся на улице показываться только в очень теплой одежде, и конечно носим перчатки.

— Ненормальные люди! — укорил русал, — хорошо хоть я домой уплываю. Там тепло. Но учеба это не так интересно.

— А ты сделай интересной, вступи в клуб, найди новых друзей, влюбись и ни о чем не думай.

— Не получается, — поморщился Рим. — Ни о чем не думать, вечно в голове «ах, если бы», а еще «вот кабы»...

— Знаешь, как у нас говорят, у людей? Если бы, да кабы — то во рту росли б грибы! Ну, я бы еще сказала, что вокруг плодятся гробы, но это будет уже совсем из ряда вон.

— Все совсем плохо?

— Я бы не сказала, — уклончиво пробормотала Лида. — Просто, знаешь, когда всего происходит так много, становится тяжело. Не то голове, не то тому месту, на котором сидишь.

— Я так понимаю, что ты не успокоишься, пока не найдешь некроманта?

— Да, — в ясном взгляде царила уверенность в собственных силах. — Сама с ним не справлюсь, так найду тех, кто сможет это сделать. И, Рим... ты еще вернешься?

— Сразу же, как только закончится курс. Пообещал бы приплыть зимой, но в такой холод, — русал содрогнулся, — я думаю, что я даже внизу не смогу находиться... Я буду скучать, — добавил он тихо.

— Я тоже, но нас же никто не заставляет этот год не видеться и не слышаться. Напиши мне, пришли письмо водной почтой, передай через хозяина водяного или пришли сам.

— Я не смогу, я же говорил тебе, что...

Лида перебила сразу же:

— А меня не волнует! Я хочу получить от тебя письмо, которое ты отправишь сам. Обещаешь? Вот прямо сейчас возьми и пообещай мне!

— Аурен, я бы и рад, но это...

— Раз рад, значит напишешь. Обещай.

И Рим сдался, покачал головой, вздохнул и кивнул, протягивая руку:

— Обещаю.

На коже Лиды потеплели лепестки первозданной магии, и когда она приложила ладонь к ладони Рима, сверкнула маленькая серебристая молния.

— Вот теперь, никуда не денешься, — улыбнулась она, наклоняясь и касаясь губами виска русала. — Удачи в новом учебном году.

— Удачи на празднике леса, — кивнул Рим. — Я буду верить, что все закончится хорошо. И что ты сможешь понять, что и как делать.

Девушка ничего не сказала, просто поднялась. К тому моменту, как к ней подошел Шторм, Рим уже ушел под воду. И Лида знала откуда-то, это не то пришло само, не то навеялось переливом речных волн, что первое письмо от названного брата придет всего через пару дней, как раз когда праздник леса закончится... К сожалению, те же волны не пожелали подсказать, чем праздник закончится.

Погладив келпи по бархатному носу, Лида спросила:

— Ну, что, на работу?

— С ветерком домчу, — согласился Шторм, потом добавил: — Хозяйка, ты бы от того держалась подальше...

— От того?

— Который к тебе приходил.

Понятнее не стало. К Лиде приходили многие, но келпи почему-то больше ничего говорить не стал, замолчал, только закусил удила и помчался вперед. А около участка, когда участковая зашла на свое рабочее место, улегся около крыльца, словно большой сторожевой пес. И вид у черного келпи был такой, что до обеда ее так никто и не тронул, что дало возможность поговорить спокойно с Саней.

После обеда участковая собиралась на объезд территории, а пока руки перебирали бумаги, она раздумывала над тем, что ей опер успел рассказать.

Первая новость касалась трех смертей. Как выяснил Саня, кто-то перехватил донесения

начальства, и вместо того, чтобы трупы поступили в особый отдел, вскрывал их самый обычный прозектор. Именно поэтому он пропустил то, что пропускать было нельзя. Три трупа лишились кое-какие частей. Если быть точнее, то все три жертвы не досчитались правого желудочка сердца. Ни в каких ритуалах такое не использовалось, поэтому единственным вариантом, который пришел в голову уже оперативникам особого отдела, проблемы были у некроманта с этим органом. Не сказать, что это знание могло особо помочь в поисках некроманта, но вот в качестве доказательной базы или для того, чтобы сузить круг подозреваемых, если такие однажды появятся, вполне подходило.

Еще больше Лиду удивило следующее сообщение: обе жертвы, которые водились с некромантом, были непростыми.

Петровича, оказавшегося мертвяком, действительно, никто не вспомнил. Более того, когда Лида попыталась с Саней заговорить на эту тему, оперативник только покачал головой. Он не помнил о существовании такого человека, как и Роман, который был долгое время напарником прямоходящего трупа. Помнил только Мельник, на которого выверты некроманта не действовали, и сама Лида.

А вот два найденных трупа браконьеров были куда более интересными. Не люди, но и не мертвые, что-то среднее между ними. Некромант экспериментировал с живым материалом, живыми людьми. И для этого ему нужно было очень много подопытного материала. Можно было зацепиться за трупы, выяснить, где именно они пропали, точнее, где именно они когда-то жили. И за счет этого сократить круг поисков.

Сообщил Саня и о том, что ребята из его отдела сильно проштрафились, при перевозке снежный зверь бежал, и можно было ждать гостей.

— Ну, гостей, в любом случае ждать придется, — пробормотала Лида. — Некроманту я как кость поперек горла, и хотел бы вцепиться, но что-то мешает. Сань, может, ты мне скажешь. Я же с ним встретиться тут смогла, как раз, когда второго браконьера нашла. Он сам, лично, мне сказал, что убить меня не может. Других подсылать будет, а сам — никак. Почему?

— Он наполовину полуночник же, — отозвался рассеянно Саша, уткнувшись в рапорты Лиды о Гнилом перекрестке и пытаюсь найти там какие-нибудь закономерности или полезные мелочи. — А ты — «матушка» полуночников. То есть, хочет он того или нет, но он не может тебя убить, у тебя над ним в этом смысле власть. Не сказать, что прям такая, что тебе не стоит опасаться, но прямого удара все же не последует.

— А опосредовано, через тех же кошмаров — без проблем?

— Именно.

— Слушай, а психологи есть? В вашем отделе?

— Зачем они тебе понадобились?

— Ну, смотри, вы же ведете учет всех его дел? Я хочу его психологический портрет, описание какое-то, хоть что-то на него вообще есть?

— Немного. То, что есть, я тебе сам скажу, я заведенное на него дело уже наизусть выучил, — Саня отложил бумаги в сторону, потом посмотрел на Лиду. — О, только в голову пришло, я заодно расскажу и то, что о нем точно известно. Высокий мужчина, белый. Проблемы с правой рукой. Что-то там бывает у него такое, не постоянно, но иногда свидетели, мертвые, правда, давали знание о том, что рука его подводит. Вполне возможно, что был перелом, плохо срослась кость. Постоянные жертвы это нивелируют, но стоит прекратиться подпитке смертей хоть на день, как сразу же вылезают застарелые проблемы.

Должен быть шрам. На левой стороне внутреннего бедра. Что касается его внутреннего мира: умен, начитан, вежлив, спокоен, редко выходит из себя, но при этом мстителен. Раздражителен. Есть некоторые «крючки», которые очень быстро могут вывести его из себя. Потрясает его физическая сила. Он спокойно проломил двойную дверь, когда добирался до одной из жертв. А, да! Жертвы. Те жертвы, которых он насилует, потом убивает. Встречаются редко, но скорее всего мы просто нашли не все трупы. Извини, если покоробит, но они очень показательны. Это всегда высокие девушки, с короткими волосами, русого и светло-русого цвета, возможны оттенки цвета меда или гречихи. Обязательны серые или светло-голубые глаза. Кожа загорелая.

— Не считая загара, я подхожу под описание его обычного типа сексуальных жертв, — Лида досадливо стукнула ладонью по столу. — Да что ж так не везет-то!

— Он не маньяк, — счел Саня нужным добавить, хотя и понимал, что участковую это вряд ли успокоит. — То есть своих жертв он не мучает, никакого садизма, пыток. Конечно, насилие от этого насилием быть не перестает, но когда мы находим этих девушек, то медиумы говорят, что умирают они спокойно и без мучений. После некоторых сдвинутых... это даже своеобразное утешение.

— Пугающее, я бы сказала. Сколько ему лет?

— А вот этого никто не знает. Первое упоминание его действий появилось примерно семьдесят шесть лет назад. Сейчас наши эксперты говорят, что действия некроманта немного изменились. За последние семь лет он стал... умнее, что ли. Хитрая и опасная тварь, которая нам не попадется, если продолжит в том же духе. Нам очень повезет, если мы его не просто найдем, если мы хотя бы его вычислим.

— Не самая приятная новость.

— Самому мерзко, — Саня махнул рукой. — Ладно, Лидок. Время. Перекуси, да тебе пора выезжать. Кстати. Во время заданий на празднике ты будешь в них участвовать?

— Да.

— Одна?

— Нет, Мельник будет со мной. Насчет Лешки не уверена, он эти праздники еще ребенком терпеть не мог. Я на страшилки бегала, на испытание храбростью, а он никогда...

— Испытание храбростью?! — нахмурился Саша.

— Подростки собираются, выбирают место и отправляются проверять себя на храбрость. Вместе с ними пойдет в этом году Димка. Рядом всегда взрослые. Обычно за такими испытаниями присматривал мой папа.

— А... Степан Викторович, тогда, конечно...

Лида пожала плечами, поставила в микроволновку бутерброды и включила на разогрев, мыслями девушка была уже далеко от перекуса и от испытания храбростью. Хотя по сердцу что-то царапнуло. Что-то из прошлого, она ведь тоже была на этих испытаниях. Так почему же не помнит ничего?

Девушка пошатнулась, схватилась за подоконник, виски заломило, и под испуганное:

— Лида!

Участковая осела на пол.

Мир кружился и качался, перед глазами все плыло, двоилось, троилось, в висках ломило, а потом...

...Избушка была совсем маленькая, покосившаяся. Стены покрылись с внешней стороны не то мхом, не то лишайниками, хотя какие лишайники так далеко от болота? Вокруг были

ели. Высокие, стремящиеся дотянуться своими макушками до темного неба. Самодельные факела отбрасывали во все стороны блики света. Самодельные луки и стрелы были наготове, место вокруг было такое нехорошее.

То заушает что-то страшно, то травы зашелестят, то за спиной кто-то закричит, да так, что кровь стынет в жилах.

И мальчишки держались и не предлагали пойти домой, только потому, что среди них была девочка. Единственная, кто за последние три года решил пойти на это испытание храбростью.

Лиде, оглядывающейся по сторонам, страшно тоже было. Страшно интересно!

И огромные черные деревья, в которых мальчишки видели огромных энтов, которые то и дело тянули к ним свои руки, для нее оставались обгорелыми остовами. Правда, выгорели эти деревья как-то странно — все, что вокруг, цело, а они одни пострадали. Молнии в них что ли прицельно били?

Волосы девочка заплела в две куцых косицы, вместо факела прихватила папин мощный фонарь, и все пыталась понять, что в окружающем мире ей кажется знакомым.

— Ну, все, дошли, почти без проблем, теперь бы обратно вернуться... — пробормотал себе под нос парень, который в этом году вел их компанию. А потом вскинул вверх факел, привлекая к себе внимание, и заговорил громко. — Смотрите вокруг. В этом месте много веков назад жила старая ведьма! Во времена инквизиции ее нашли и сожгли монахи. Ведьма страшно кричала на костре, проклиная своих обидчиков. И среди всех ее проклятий было сказано, что тот, кто посмеет нарушить территорию ее дома, будет проклят! И пусть те, что не поверят в ее слова, будут гореть на костре ее ненависти! Утонут в болоте ее слез! Умрут удушенными кольцами ее отчаяния! И бог услышал ее горячие слова и откликнулся!

— Я так думаю, что был это не бог, — пробормотала Лида, присаживаясь на корточки и прикладывая руку к земле. Влажно. На болоте что ли эту ведьму угораздило свой дом поставить? И кстати, что за дом?

Осторожно обойдя компанию сгрудившихся мальчишек, которые выясняли на «камень-ножницы-бумага», кому идти в дом, Лида поднялась по ступенькам, потрогала ручку и толкнула дверь. С пронзительным скрипом та открылась. Была ночь полнолуния. Яркий свет заливал грязный пол, с многочисленными провалами гнилых досок. Чуть слышно на сквозняке покачивалось старое кресло-качалка, скрипели покосившиеся дверцы огромного шкафа, такой теперь и не делают. Но и в те «стародавние времена», тоже вряд ли такой могли бы сделать, шкаф был с вполне даже современными шпингалетами. Над ржавым ведром у входа висел пластиковый ковшик для воды, чистый, совсем не подходящий этому месту. А около темной ширмы в углу, к которой Лида осмотрительно не пошла, на полу блестя стекланные осколки.

В избушке кто-то был. Кто-то... Девочка не пошла смотреть, кто прячется там, за темной ширмой, она не стала ничего касаться, вышла на улицу, показав кусочек мха, который сняла с дерева еще в самом начале этого глупого испытания на храбрость.

— Сняла со стены внутри дома. Ничего интересного в этой развалюхе нет, пошли домой что ли? Я думала тут будет что-то пострашнее!

Спорить с девочкой не стали, и очень скоро компания подростков покинула избушку старой ведьмы. Лида, уходя в тень высоких елей, что-то шепчущих на своем древесном языке, оглянулась.

В избушке по стенам танцевал свет от мощного фонаря...

Глаза открылись, и Саня перевел дыхание, пока участковая пыталась сфокусировать на нем взгляд.

— Как же ты меня перепугала! Я уже думал звонить Мельнику, опять звать его на помощь! Кто ж так делает то?!

— Сань. Дело есть.

— Дело?

— Да. Может ли такое быть, что некромант родом из этих мест?

— Нет, однозначно нет. Некроманты, это что-то вроде их этики, что ли, они никогда на родной территории не гадят. То есть, на своей территории они никого не убивают, да и полночников держат в узде, чтобы не баловали. А с чего тебе это в голову пришло?

— Знаешь, что собой представляют Брянские леса?

— Кошмар любого юного натуралиста! А еще опера. Огромные, с безумной протяженностью, заблудишься — к людям уже не выйдешь.

— Что в голову приходит с криминальной точки зрения? — вкрадчиво спросила девушка.

— Прятаться здесь великолепно. Никто не найдет. А если в лесу самом поселиться, то искать могут до скончания веков. Рядом пройдут, в двух шагах, не увидят, не услышат и в голову не придет рядом искать.

— Бинго! А теперь внимательно меня послушай. Малые Луки и Большие Луки стоят в очень интересном месте. Рядом река, раньше были пойменные луга чудесные, но в последние годы, когда и местный водяной сгинул, она начала мелеть. А вот болото, которое в лесу...

— Болото? В лесу?! — опешил Саня.

— Ну, да, — кивнула Лида. — Заболоченные территории, идешь спокойно, под ноги смотришь — земля только топкая немного, а так все хорошо. Еще метр пройдешь — и все, бочага, ухнешь с головой и... И нет тебя. Или с пригорки вниз спустишься — а там зеленая топь, ряской прикрытая.

— А... а... ага... Ладно... Сделаю вид, что я все понял.

— Так вот, — продолжила участковая. — Достоверный факт, подтвержденный документально, что за последние сто лет там погибло людей... больше трех сотен. А если добавить сюда, что в годы Великой Отечественной войны немцы до Брянских лесов дошли и тут засели, то количество это можно смело умножать на два, а то и на три. Но! Самое интересное, сохранились дневники дочери одного из председателей, которые отвечал за Малые Луки в те годы. Одной из жертвой была ее сестра! И она откровенно недоумевала, что в том болоте забыла девушка, которая готовилась к собственной свадьбе с любимым человеком, и которая смертельно боялась змей и на болота никогда добровольно не ходила.

Саня встал, заходил по комнате. Лида, перебирая бездумно карандаши в высоком стакане, продолжила:

— Я тебе больше скажу. В укромном месте, не зная тропинки — безопасно не пройдешь, стоит избушка. В этой избушке на первый взгляд, все старо и гнило. Но я помню... вспомнила, что когда я принимала участие в испытании на храбрость, было полнолуние. И в избушке кто-то был.

— Детей нельзя туда пускать, — мгновенно отреагировал оперативник. — А вот нам стоит наведаться.

— Именно. Но не сейчас, а в субботу, в ночь с субботы на воскресенье, когда должно

было проводиться новое испытание — и когда будет полнолуние!

— Зачем?

— Потому что, когда на небе не полная луна, избушку найти невозможно.

— Господи! Избушка на курьих ножках! Избушка Бабы Яги!!! А некромант, получается, появился здесь... в начале двадцатого века. Нам надо, нам обязательно надо там побывать, — Саня занервничал, потом взглянул на Лиду. — Послушай, ты кому-нибудь об этом говорила?

— Я сама об этом вспомнила только что. Я же тебе говорила, что у меня частичная амнезия, а теперь она отступает, возвращая мне мою память. Не самое приятное по ощущениям дело, зато сколько интересного вспоминается!

— Лида! Это очень важно. Не уходи никуда. Вообще никуда!

— Мне надо на обезд.

— Я сейчас ребятам из спецназа отзвонюсь, пусть кто-нибудь из них тебя проводит.

— Проводит куда? — поинтересовались из окна.

Саня, подпрыгнул и ругнулся, Лида заинтересованно выглянула через его плечо и улыбнулась Лешке.

— Выспался? Я думала, ты еще часа два проспидь, соня.

— Скворцова, все то ты знаешь!

— Я знаю твои привычки, ты всегда, когда приезжал на выходные домой, первый день спал, как сурок. Думаю, в этом смысле измениться ничего совершенно не могло.

— Скворцова, будь хорошей девочкой, — поморщился мужчина. — Не заговаривай мне зубы. О чем сейчас шла речь?

— О том, что мне надо на обезд, а Саня считает, что одной мне ездить никуда не стоит.

— Правильно считает, я с тобой.

— Лещ, я на келпи, ну кто на меня позарится, когда я верхом на таком звере?

— Не знаю кто, — нахмурился Гусар, — но одну я тебя не отпущу. Думаю, твой отец одолжит мне Красавчика, а гонять по лесу все равно нельзя, если этот монстр не желает поломать ноги.

— Лещ! Ну, я же не маленькая девочка, да и... мне уже надо отправляться!

— Я понимаю, Скворцова, терять время понапрасну ты не любишь, но одну тебя я не отпущу, смирись. Пока ты попьешь кофе, я доеду до Степана Викторовича и вернусь. Заодно обсужу с ним целесообразность твоего нахождения на мельнице. Защитить свою невесту от некроманта и его тварей могу и я. Так что, не скучай, пей кофе и жди меня.

Лида только досадливо головой дернула, а Гусара уже и след простыл.

Взглянув на Саню, она помахала ладонью у него перед лицом:

— Саня, начинай дышать!

— Ты не понимаешь! Лида, ты не понимаешь! Он же легенда!

— Лешка то?

— Да! Он легенда! У него не бывает провалов и осечек. Все, понимаешь, все его дела выполняются быстро и в срок. Он не срывает сроки, не отделяется отписками. Его кидают на безнадежные дела, а он их выполняет!

— Сань, ну, ты же не ребенок, чтобы фанатеть так по бравым парням. К тому же, ты сам к ним относишься. А Лешка такой же человек, как ты и как я. Разве что, дар у него есть... экстрасенсорный. Господи, вот вляпалась в какую-то чушь! И деться же еще никуда от нее не

получится, даже если захочется.

— Лидок, ну, ты как скажешь. Такой же человек! Он Гусар! Это... это...

— Бедный Лешка, если его постоянно так воспринимают, это же рехнуться можно от такого поклонения! Сань, он человек. А человеку свойственно ошибаться, поэтому ты восхищайся, но свою голову на плечах держи крепко.

— Ты не романтик! — нахмурился Саня.

— Я циник, а еще практик.

— Красивой девушке такой быть не положено.

— Саня, — протянула Лида укоризненно. — Романтикам на нашей работе быть не положено, сгорают быстро, спиваются или под чужие пули кидаются. А я хочу прожить долгую и счастливую жизнь, желательно при этом работая на любимом месте и занимаясь тем делом, которое у меня лучше всего получается. Никакого флера романтики я не хочу, и для «жили они долго и счастливо» она тоже особо не подходит.

— Ну, ты скажешь!

— Скажу, — кивнула девушка, потом взглянула на часы и вздохнула.

Не хотелось. Почему-то совершенно не хотелось, чтобы Лешка ехал вместе с ней в лес.

Не хотелось его ждать. Не хотелось думать о некроманте, хотелось все силы отдать на то, чтобы праздник леса прошел удачно, чтобы все остались довольны, чтобы не случилось никаких эксцессов. Хотелось просто качественно выполнить свою работу. Да много чего хотелось, только не моглось! И возможностей ситуацию исправить у Лиды пока не было.

— Ладно, сидя тут мы ничего не добьемся, отмирай от своего приступа фанатского восторга, звони Олеся Руслановичу, рассказывай о том, что мы узнали, что он даст, какую команду, а я собираться.

— Куда?

— На объезд территории.

— Так еще Гусар же не вернулся!

— Так он сейчас подъедет, — пожалала плечами Лида. — Я слышу ржанье Красавчика. Это ты, добрый молодец, в городе засиделся, а мы, деревенские, далеко слышим, хорошо слышим, и звуки трактуем мгновенно. Но то, что Лешка быстро вернулся значит только одно, с папой он не договорился.

Девушка не ошиблась. Появившийся Лешка был мрачен и раздражен, Степан Викторович даже выслушать его не пожелал. Сказал, что отлично знает, где именно служит Алексей, но его дочери будет безопаснее на мельнице, под защитой давнего друга. А раз ее жених хочет поспособствовать быстрейшему воссоединению со своей любимой — пускай прикладывает все свое рвение к тому, чтобы поймать этого придурка-некроманта, который сам не живет спокойно и другим жить не дает. Жестко, в некотором роде даже жестоко, но в то же время правдиво.

— Мимо? — очень даже искренне посочувствовала девушка, вылезая через окно, когда к нему через пару минут подъехал Лешка.

— Скворцова.

— Поняла, не ехидничаю, — ухмыльнулась Лида, запрыгивая в седло келпи. Шторм косился на мужчину и молчал, будто воды в рот набрал.

Объезд закончился быстро. Водяной и леший, получившие от Мельника заимствованную силу, в короткие сроки восстановили все покореженное. Сил хватило еще и на то, чтобы добавить магическую страховку от повторения подобных действий.

Все было готово к приему гостей, и леший волновался как мальчишка. Успокоив его, и напомнив, что не только хозяин лесной будет заниматься этим, но еще и водяной рядом будет на подхвате, и сама Лида присмотрит, так что все пройдет если и не отлично, то очень даже хорошо.

Леший поверил.

А всадники повернули обратно к дому.

— Скворцова... — Лешка подвел Красавчика вплотную к келпи.

Девушка вопросительно взглянула на него. Чтобы Гусар мялся и так осторожно выбирал слова? Это было чем-то новеньким, но интересным. Раньше он просто говорил то, что пришло в голову, а там хоть трава не расти.

— Лещ, ты чего?

— Ты... — мужчина махнул рукой и улыбнулся.

Такая знакомая улыбка, задорная, подбивающая на шалости была Лиде хорошо знакома. Но как же давно она ее не видела!

— Лешка...

— На свидание пойдешь? После праздника леса?

— Сможешь у меня выиграть — я подумаю.

— А просто так?

— Не интересно, — засмеялась Лида. — К тому же, не дай тебе достойного повода, ты участвовать будешь спустя рукава. Разве это интересно?

— А что будут достойные противники?

— Мельник будет участвовать, — коварно заметила девушка, и угадала.

Лицо Алексея застыла, по щеке прокатились желваки.

— Мстишь?

— Именно, — согласилась легко Лида.

— Скворцова, ты изменилась.

— Ты же не ждал, что я останусь такой же, как и была?

— Ждал. Хотя сам дурак, надо было остаться рядом с тобой и смотреть на то, как ты меняешься и взрослеешь, как твой характер становится все более твердым и закаленным. Огонь-девка.

— Лещ, открою тебе страшную тайну, то, что ты сейчас говоришь, на комплимент похоже мало.

— А это не комплимент, Скворцова! Это я просто говорю то, что думаю, — засмеялся Лешка. — Не все ж тебе надо мной подтрунивать.

— Ты меня, Лещ, всю школу мучил, так что, наберись терпения и смирись. Я пока не отомщу — не прощу.

Мужчина хмыкнул, протянул руку и, взяв ладонь Лиды, коснулся губами запястья.

— Я найду, чем тебя подкупить. Ну, что, ты на мельницу сейчас?

— Вначале домой.

— Я тебя провожу до упора.

— Спасибо, — кивнула девушка.

Красавчик двигался по пожухлой траве, келпи изобразил, что готов вот-вот куснуть Лешку за колена, отгоняя его в сторону, потом поддал задними ногами, не подпуская ближе, и помчался вперед, оставив Лешку за несколько минут далеко позади.

...Около дома, когда Лида подъехала, народу было неожиданно много.

Димка разбирали спальники, маркируя их, рядом стоял тот самый коротко стриженный шатен, который удивлялся тому, что у Лиды все-таки есть интуиция. Степан Викторович в стороне разговаривал с Маратом — временным главой отряда. Он же первым и заметил появление участковой.

— Лидия Степановна, добрый день.

— Добрый день, Марат, вы уж извините, не знаю, как вас по отчеству.

— Игореви́ч я.

— Отлично, — улыбнулась Лида. — С Яной Алексеевной общий язык нашли?

— Еще как, — усмехнулся спецназовец.

Участковая кивнула, потом спешила и повела Шторма к воде — напиться. Степан Викторович, отвлекшись от палаток, крикнул:

— А Красавчик где? И Лешку своего где потеряла?

— Шторму надоело плестись, как улитке, к тому же, на вечер у нас еще планы, так что мы побыстрее метнулись, а Лешка сейчас приедет. Ну, не совсем сейчас, но все же скоро.

— Бросила значит жениха.

— И никого я не бросала. Не пойду же я пешком!

— Действительно, имея такого помощника, — бросил Степан Викторович восхищенный взгляд на келпи, — ходить пешком было бы глупо.

— Вот! Ты меня понимаешь, — согласилась довольная Лида и двинулась в дом — ставить чайник. Девушка надеялась, что задерживаться Лешка нигде не будет, и перед тем, как ехать в магазин за продуктами, с ним удастся немного поговорить. О том, что надо было предупредить ребят-спецназовцев о том, кто именно едет к дому, Лиде в голову не пришло.

К тому же, ничего особенно легендарного в Лешке она все так же не видела, да и раз Лешка знал о том, что в его родных Луках появится его отряд, то, наверное, об этом и сам отряд знает?

Отряд, как выяснилось, не знал.

Взрослые мужики, прошедшие не одну боевую точку в полуночном мире, застыли как суслики перед взглядом удава, когда верхом на Красавчике со стороны леса показался Гусар.

— А... А... Алексей Петрович!!! — раздался слитный вздох и тишина... Спецназовцы кто как где был, тот так и остался, даже боясь тронуться с места.

Лида, увидев происходящее из окна кухни, высунулась на улицу, распахнув окно, и поинтересовалась:

— Леш, они всегда так реагируют на твое появление?

— В большинстве своем, — согласился Гусар.

— Да... С таким подходом можно и комплекс заработать, неполноценности, а еще проблемы с адекватностью самооценки, — пробормотала Лида,

— Когда у меня такая невеста как ты? Это невозможно, Скворцова. С тобой рядом надо внимательно смотреть по сторонам, чтобы не увели, а постоянный тонус помогает корректировать любую самооценку. Бойцы, отмереть, ать-два! Знакомьтесь, девушка с мерзким характером, светлой головой, перманентной ехидностью, въедливая, очень въедливая, не имеет кумиров, не пресмыкается перед вышестоящим начальством, всегда добивается поставленной цели. И это чудо — мое! Моя невеста и моя будущая жена, поскольку я в вас верю, и точно знаю, что вы костями ляжете, но не подпустите к моей красавице некроманта.

— Нет, вроде как и похвалил, — пробормотала Лида, для устойчивости опираясь на

подоконник, — но настолько в своей непередаваемой манере, что хочется взять сковородку!

Лешка хотел было подойти к девушке, спешившись с коня, но не успел, его команда собралась вокруг него, заинтересованная буквально всем сразу.

Коротко хмыкнув, участковая вернулась обратно в дом, прикрыла окно. Покидала в рюкзак пару вещей, о которых просить Тимофея не хотелось, и вышла на улицу. Постояла на крыльце, разглядывая своего... жениха? В окружении его отряда.

Сейчас Лешка казался совсем недоступным, совсем незнакомым. Властный, строгий и в то же время открытый для всех и сразу.

Лида уже собралась идти к Шторму, когда на дворе появилось новое действующее лицо.

Точнее вначале около ворот развернулась и остановилась Волга, черная, с мягким переходом крыльев, совершенно тихим мотором. Машина производила впечатление перебранной до винтика. Обертка осталась прежней, а начинка полностью изменилась.

Со стороны водителя вышел мужчина в деловом костюме, обошел машину и открыл заднюю дверцу, выпуская пассажира.

На землю опустились туфли. Черные лакированные туфли, на устойчивом каблуке со странным серебристым блеском. Совершенно женственные и впечатляющие. Вслед за туфлями можно было рассмотреть ноги в капроновых колготах, юбку-карандаш, темно-серую блузку с серебристым отливом, седые волосы, завитые в букли. Стальной взгляд синих как предгрозовое небо глаз, неожиданно мягкую улыбку на полных губах, чуть высоковатые скулы, ухоженные тонкие брови и задорный вздернутый нос.

— Господи, — ахнул с крыльца Степан Викторович, — мама?!

Димка, уронив спальники, повернулся на его голос. Лида обернулась, чтобы увидеть, к кому он обращается, но взгляд упал совсем на другое. Казалось, что удивить девушку невозможно, что спецназовцы уже сделали все, чтобы она считала себя повидавшей больше, чем ей хотелось. Но это только казалось. Ребята из боевого отряда вытягивались во фронт с бледными как бумага лицами и застывали статуями. И впереди всех — стоял точно такой же бледный Лешка.

— Влада Сергеевна, — гаркнул он, — здравия желаем!

— Вольно-вольно, — голос у новоприбывшей был зычный, четкий и звонкий, как у молодой. — Я на выходных, так что, можете заниматься своими делами.

Спецназовцы заниматься своими делами не пожелали. Пока прибывшая Влада Сергеевна не прошла мимо, не шевельнулся ни один. Дама посмотрела на Степана Викторовича, стукнула сына по плечу (сын согнулся) и кивнула:

— Вот и доверь тебе внуков, до чего дошло то, а! Ты значит, Дима, — повернулась она царственно к Димке, кивнула и притянула парня к себе. — Ну, здравствуй, внучек.

Внучек от «счастья» не знал, что сказать и все, на что хватило его это пробормотать что-то типа:

«Привет, ба, приятно познакомиться».

Лида на бабушку смотрела с интересом, прекрасно понимая и отца, и ребят из спецназа, потом хмыкнула и шагнула с крыльца.

Далеко не ушла, память снова накатила, ударила обухом по голове, роняя ее на колени.

Кажется, над головой кто-то вскрикнул, кажется, рядом тревожно заржал келпи, подныривая под ее руку.

Но вокруг уже плыло лето, одуряюще пахли травы, и на кухне около огромного стола суежилась бабушка. Седые волосы были стянуты широкой лентой (ленту бабушке вышивала

сама Лида, чем безумно гордилась).

Пальцы бабушки перебирали травы, пока она рассказывала малышке, где какая трава лежит.

И глаза ее смотрели так тепло и спокойно!

Звонок телефона, нарушавший идиллию, Лиду разочаровал. У бабушки и без того времени на нее не хватает, то и дело кто-то отвлекает, и вот опять! А ведь она обещала, что этим летом минимум месяц уделит только ей одной!

— Генерал-лейтенант Скворцова слушает, — сообщила бабушка, подмигнув Лиде.

Девочке так нравилось слушать ее голос, звонкий, молодой, слушала бы и слушала!

И улыбка у бабушки такая красивая, мягкая. Лида готова на все, чтобы бабушка смотрела на нее с улыбкой, а не сердилась.

Но в этот раз тот, кто был на том конце провода, ее не то чтобы рассердил, но расстроил. Улыбка исчезла, а в уголках губ появились тревожные морщинки. Стало грустно, а еще почему-то страшно.

— У меня отпуск, — тихо сказала бабушка. — Вы же знаете, что... Да. Да. Хорошо. Когда? Хорошо, я выезжаю.

Положив трубку, бабушка положила руку на макушку Лиды, грустно улыбнулась:

— Вот и закончился мой отпуск, олененок. Знаешь, что. Взять тебя с собой я не могу пока, но я обещала тебе травы и лето, и речку. Придумала! Сейчас я позвоню одному замечательному человеку, который тебя заберет. Проведешь пару недель у него, а потом и я подключусь. Только пообещай слушаться его во всем, хорошо?

Погрустневшая Лида кивнула, а через пару часов около дома остановилась темно-зеленая машина на высокой подвеске, а когда из нее вышел водитель, Лида кинулась на руки своему принцу-медведю... Конечно, это не бабушка, но и такое лето ничуть не хуже!

...Когда Лида в следующий раз открыла глаза, над головой был знакомый деревянный потолок. За закрытым окном шумели мельничные крылья, на подушках слева и справа сидели две одинаковые кошки. Дари и Дени — снежные звери Лиды и Мельника.

«Что-то часто я стала падать в обмороки», — с самоиронией подумала девушка, пытаясь подняться. Но тело с такой постановкой задачи соглашаться не пожелало. Мир, который еще мгновение назад был устойчивым, взбрыкнул, и снова опускаясь назад, Лида с огорчением поняла, что встать она может попробовать, чисто на упорстве, но вот лететь в таком случае ей придется долго, далеко и приземление выйдет болезненным, потому что в этот раз рядом нет большой подушки, которая может поймать.

Надо же, принц-медведь... У маленькой Лиды было очень живое воображение и очень большая любовь к этому самому принцу. Сердце стянуло удавкой вины и жалости. Жалко было, в первую очередь, себя саму. Там, в далеком прошлом, у той незнакомой и знакомой Лиды была бабушка, была магия и говорящие травы, сказки для девочек и принц-медведь.

Сейчас у Лиды была куча проблем, злой некромант на хвосте, полное отсутствие сил, чтобы встать, никакой магии, даже самой крошечной, и принц-медведь, который ее не помнит. От последнего было обиднее всего.

Надо было обязательно встать! Надо было привести себя в порядок и отправиться покорять новые вершины, используя в качестве дополнительной опоры для подвига ближайшую стену. Хотелось поговорить с бабушкой, чтобы узнать, какая она? Действительно такая, как Лида вспомнила? Надо же, «генерал-лейтенант Скворцова», а папа утверждал, что Лида первая, кто выбрала полицейскую стезю для себя. Хотя, может, бабушка

из военной сферы? Тогда становится понятно, почему ребята из спецназа так побледнели.

Хотя, вот о чем она опять думает? Надо думать о другом, надо думать, где найти силы, чтобы встать и завтра заняться делом!

Утренний маршрут, конечно, должен был вести в лес папа с двумя опытными егерями, да и лесий там за ними всеми, конечно, присмотрит, но и у Лиды были свои обязанности, и ей совсем некогда было лежать в кровати!

Собственный организм девушке, пожалуй, даже что и сочувствовал, только легче от этого не становилось. По идее должно было, но не было.

Тихий голос, зазвучавший в стороне, был отчасти неожиданным, поэтому она даже дернулась немного, когда услышала:

— Очнулась, барышня?

— Привет, Миша. Я опять умудрилась перепугать всех?

— Я бы не сказал так, барышня. Когда рядом ваша бабушка, кого-то перепугать проблематично. Рядом с ней даже лучше не дышать, что уж говорить о том, чтобы рискнуть привлечь ее внимание испугом.

— Она... кто?

— Баба Яга северо-западного отделения, генерал-лейтенант военного округа по полуночным делам, она же создала этот заповедник. Говорит, что таким образом хочет попытаться отдать долги перед теми полуночниками, которых убила лично или которых убили по ее приказу. Насколько мне известно, она ровесница моей мамы, то есть ей около семисот лет.

— А папа? Ты говорил, что у бабы яги если сын рождается, то он становится или мельником, или кашеём...

— Он кашей, барышня. В своем столетии был одним из самых сильных, но встреча с носительницей сущности русалки отобрала у него почти все силы.

— Навсегда?

— Нет. Кашей тем и отличаются от мельников или бабок ежек, что их дар, даже перегорев, может вернуться обратно. Именно благодаря дару, Степан так быстро нашел Диму. Человек, попавший под зов русалки, не отвлекается на голоса родных, барышня. И он меняется. Если бы вы отправились за своим братом, то прошли бы мимо него в двух шагах — и не узнали бы.

— Это последствия зова?

— Да.

— А Димка. Он? Тоже?

— Нет... Прецедентов почти и не было, поэтому сложно сказать, чего можно ждать от вас двоих... Впрочем, нет, от твоего брата, барышня.

— Я должна была стать бабой ягой, — спросила тихо Лида.

И Мельник кивнул, получив подтверждение тому, что ему начало казаться еще несколько дней назад. Барышня вспомнила что-то из того, далекого прошлого, и среди этого «чего-то» могло быть и то, что ей не понравилось, и то, что так не хотел Степан, чтобы вернулось обратно к жизни.

— Да, — не стал скрывать он очевидного, понимая, что кота в мешке утаить уже невозможно. — Именно так, барышня. У тебя были все шансы, пусть стать и не самой сильной бабой ягой в поколении, но достойной.

— Я вечно портила полуночные сборы и зелья, добавляя в них травы нашего мира, а

когда бабушка на меня сердилась, говорила, что травы мне подсказали, — Лида сдавленно хмыкнула, горло перехватило, но она смогла справиться с собой и не заплакать.

— Именно. А потом ты встретила с личем. И твоей силы не стало. Она вся ушла на то чтобы спасти тебе жизнь.

— Спасти жизнь, да...

— Да, барышня.

— Миш.

— Да? — спросил Мельник осторожно.

— Я завтра встану? Сама? С кровати?

— Боюсь, что это не является возможным.

— И почему я была уверена, что услышу именно это? — грустно пробормотала Лида.

— Потому что ты очень умная барышня, у тебя есть опыт, знания, а еще ты умеешь делать выводы. Редкое качество в наши дни.

— Почему-то сейчас это качество особо меня не радует. Миш, я не могу пропустить праздник леса. Незаменимых людей, конечно, не бывает, но... Есть вещи, которые лучше всего сделаю именно я.

От Мельника не донеслось ни слова.

— Миша? — неуверенно спросила девушка.

— И отговаривать тебя, барышня, конечно бесполезно.

— Ну, как... Бесполезно. Я все выслушаю и искренне поблагодарю за помощь.

— Но сделаешь все по-своему?

— Да, — не было у Лиды сил и на то, чтобы юлить, — именно так. Мне надо провести этот праздник, очень надо.

— Барышня, полуночники признали тебя своей матушкой, подожди пару лет, и ты сможешь давать им сил больше, чем вся деревня вместе взятая.

— Я не хочу ждать, я не могу ждать! В моих силах дать и людям, и полуночникам немного волшебства! Немного того, чего у первых никогда не было, а вторые уже успели про это забыть! Я хочу, чтобы этот заповедник был заповедным местом, а не просто им назывался или казался!

Горячий монолог на Мельника особого впечатления не произвел. Ему не хотелось выполнять просьбу Лиды. Лучше бы она эти два дня провела на мельнице, под защитой излома, где никто не сможет до нее добраться. Лучше бы она вообще не имела с этим некромантом никаких общих дел!

— Бабушка где? — спросила девушка тихо, поняв, что толкового ответа от Мельника сейчас определенно не дождется.

— Уехала еще час назад. Она прибыла вместе с тобой, отругала меня, похвалила мельницу, погадала на картах и умчалась прочь. На одном месте ей не сидится. Думаю, сегодня она будет воспитывать Степана, а завтра, когда ее руки дойдут до Димки, твой отец прибудет на мельницу просить политического убежища.

— Что сказали карты?

— Что все это было очень давно predetermined. Звезды так сложились еще до нашего рождения. И все то мы можем — это набрать побольше воздуха, чтобы не утонуть в водоворотах.

— Очень понятно.

— Кое-что она передала и для тебя.

— Да? — насторожилась Лида.

— Она сказала, чтобы ты не спешила. История девочки, принца-медведя и охотника еще только началась, и совсем не стоит делать резких шагов и напрасных поступков.

— Как всегда, в стиле бабушки.

— Ты действительно ее помнишь... — темная громада Михаила нависла над кроватью и пропала. Мужчина вытащил из угла огромное кресло и переставил его ближе. — Не думал, что моя блокировка все-таки однажды поползет.

— Миш. А что ты поставил в качестве ключа для ее снятия?

— Любопытная барышня.

— Ужасно! Так расскажешь?

— Нет, барышня, не сегодня. Возможно, как-нибудь в другой раз. А пока достаточно разговоров. Тебе нужно поспать.

— А зелье? Дашь завтра? — попробовала все-таки Лида настоять на своем.

Михаил помолчал. Как раз этого ему и не хотелось...

— Как друга прошу, — тихо прошептала девушка. — Не как Мельника, а...

— Вот в кого ты такая настырная, да упрямая?!

— Ты сам говорил, что в бабушку! А она точно такая и есть!

— И ты тоже. Ну, вот, скажи, барышня, неужели это так важно?!

— Очень. Правда, очень-очень.

— Барышня, ты очень дорого заплатишь за это желание.

— Я понимаю.

— Да не понимаешь ты! — кровать скрипнула, когда громада мужского тела нависла над лежащей Лидой.

От Мельника пахло пшеницей, солодом и квасом. А еще девушка поймала себя на том, что ей совсем не страшно.

Наверное, должно было быть, когда сердится на тебя такой большой мужчина. А вот не было и все тут.

Было темно. На улице наверняка должна была царить ночь, и вместо того, чтобы спать этот мужчина сидел и ждал, пока проснется она сама.

Кажется, сознание немного затуманилось, и Лида толком не отвечала за свои действия. Потому что вместо того, чтобы испугаться, чтобы о чем-то просить испуганно и растеряно, она подняла руки, хотя на такой подвиг они были решительно не согласны, обняла мужчину за шею и потянула к себе.

— Давай, ты будешь ругаться на меня завтра? Сейчас я хочу спать, завтра я хочу зелье, чтобы прожить два дня, не падая больше в обмороки.

— Барышня, — мучительно застонал Мельник, — ну что же ты делаешь?

— Тащу тебя в кровать. Не хочу кошмаров, хочу, чтобы рядом был ты, — с уверенностью пьяного человека, которому море по колено, сообщила Лида. — Я для тебя все равно, просто барышня, которую ты не вспомнил, к тому же подопечная, к тому же... Давай спать?

Михаил покачал головой, попробовал сдвинуться вбок, но разжимать рук девушка не собиралась, напрягла все силы, вцепилась и не отпустила. Голос ее стал невнятным, когда она прошептала:

— Только рядом с тобой я чувствую себя всегда в безопасности. И хоть расколдовать я тебя не смогу, побудь со мной сегодня, принц-медведь, пожалуйста...

Мужчина дернулся. Из прошлого повеяло запахом молока с медом, словно снова по

полу застучали босые ноги, и девочка с пышным бантом в волосах устроилась у него на коленях.

— Я почитаю тебе сказку, — серьезно сказала она, — а потом мы пойдем спать! Маленькие девочки днем обязательно должны спать, а ты, как мой принц-медведь, будешь охранять мой сон!

— Возражения не принимаются? — улыбнулся Михаил.

— Мне?! Возражать?! — маленькая Лида вздернула нос, насмешливо глядя на своего принца. — Не положено!

И вот она, рядом, в руках, так близко, растерянная, запутавшаяся, так отчаянно нуждающаяся в чужом тепле и помощи.

А перед глазами синие-синие глаза, цвета штормового неба и тихий вопрос:

— Так и не убежал от судьбы, Миша? Бежал, бежал, а вернулся туда, с чего начать и следовало?

— Барышня, барышня, — сдавшись, тихо прошептал Мельник, укладываясь на кровать и прижимая к себе закутанную в одеяло Лиду. — Что же дальше будет...

Дальше было утро. И первой проснулась Лида, в теплых руках огромного принца-медведя...

Немного полежала, глядя в потолок и пытаясь вспомнить, что было вчера и что нужно сделать сегодня, посмотрела снова на Михаила, снова на потолок, снова на мужчину и... Завизжать не позволило воспитание.

Зато в голове тут же застучали отбойные молотки вместе с заработавшим перфоратором. Захотелось выпрыгнуть из собственного черепа и торопливо кинуться куда-нибудь прочь, подальше, чтобы...

Руки на ее плечах сжались, Мельник, не просыпаясь, притянул Лиду к себе. Его губы коснулись русой макушки, и боль стихла. А девушка поняла, что ей уже больше ничего не хочется. Ни бежать куда-то, ни искать кого-то, ни спрашивать чего-то. И глаза уже закрываются, и какая разница, что будет, когда зазвенит будильник и надо будет просыпаться?

Надо что-то менять.

Надо самой тоже меняться.

И, кажется, Лида знала с чего начать — с понимания самой себя.

Как там бабушка сказала? Не спешить. Не делать поспешных поступков. Она и не будет.

Вначале пусть пройдет праздник леса, потом Лида поближе узнает нового Лешку, который такой чужой и далекий, совсем незнакомый, узнает заново бабушку, а еще спросит Михаила о двух вещах: была ли разорвана помолвка с ним там в прошлом? И действительно ли он ее не вспомнил?

Объяснить себе, почему это для нее так важно, девушка бы не смогла, даже если бы ее спросили. Но важным это действительно было.

А потом мысли разбежались.

От большого тела рядом веяло теплом, как от печки. Это тепло было мягким, расслабляющим, тело делилось своей силой, твердостью, и девушкам, конечно, не положено, но Лида чуть придвинулась, обнимая Мельника покрепче, и закрыла глаза. Под ухом билось сердце принца-медведя, и может быть, она еще не совсем потеряла возможность его расколдовать? Может быть, у нее еще есть шанс? И сказка о принце-медведе, охотнике и маленькой девочке все-таки закончится «и жили они долго и счастливо»?

...Наутро появившаяся на мельнице Влада Сергеевна свою внучку нашла на кухне. Напевая себе под нос что-то из древнерусских баллад, она суетилась около плиты, поджаривая яичницу. Рядом пыхтел чайник, готовый вот-вот закипеть.

— Лидок?

— Привет, ба, — девушка махнула лопаточкой и ясно улыбнулась.

Женщина вздохнула:

— Девочка моя, я тебя прошу, что за «ба», ты еще «бабулей» назови. Я тебе уже много раз говорила, что я на бабушку не буду выглядеть еще полтысячи годочков точно, ну, какая из меня бабушка?

— Самая настоящая, — даже не замедлила с ответом Лида, переворачивая кусочки бекона на другой сковороде. — А то что ты мне говорила этого, я не помню. И вообще, в кои-то веки мы с тобой встретились, и я даже помню, что ты моя бабушка, а ты не разрешаешь мне так тебя назвать?!

Влада Сергеевна засмеялась.

— Как была смышленной, так и осталась. И упертость твоя на месте. А я боялась, что свои самые главные качества ты потеряла...

— А ты не знала этого? Какой я стала?

— Все случилось, когда меня не было в России даже. Именно поэтому все пошло по самому неудачному пути развития события. Отец увез тебя сюда, на Брянщину, волхвы разорвали вашу с Михаилом помолвку, пропал ваш венчальный медальон, без которого разрыв прошел грязно... Ты потеряла дар, эти два взрослых дурака не нашли ничего лучшего, как заблокировать тебе память, а потом Степан еще и привез тебя сюда.

— Чем плохо это место? — уточнила Лида.

— Да ничем, не считая того, что это заповедник полуночников.

— Папа об этом знал?

— Безусловно, он потому и решил сюда ехать, — Влада Сергеевна отложила в сторону свой ридикюль, села за стол.

Лида, даже не фиксируя разумом свои действия, вытащила с полки чистую кружку, насыпала туда мяты со зверобоем, залила кипятком и накрыла чайной бабой, поставила перед бабушкой и снова вернулась к плите.

Влада Сергеевна за ее спиной медленно выдохнула. Внучка! Внучка светилась, когда насыпала траву. Она даже не заметила, что делая простой чайный сбор всего на мгновение засветилась, как баба яга. И ведь даже не поняла, что случилось, сама этого не заметила. Но этого точно не должно было быть, не могло даже! Вся сила внучки была выпита личом, это не только экстрасенс из колдомедицинской службы подтвердил, но и даже Мельник так сказал. А Мельник не ошибается. Но тогда кто ошибся?! Как такое возможно?!

— Бабушка? — девушка повернулась, не дождавшись от гостыи продолжения слов, и та опомнилась.

— Да, егоза. Сейчас. Расскажу.

— Только давай, пожалуйста, с самого начала, откуда возникло решение создать заповедник. И давай без сказки про белого бычка, на тему того, что это ради того, чтобы какой-то свой грех смыть. Чушь это.

— Прости?! — изумилась Влада Сергеевна, перестав понимать, что происходит.

Лида улыбнулась:

— Я хочу сказать, что бабе яге всегда было на низших полуночников плевать. Это с

дворовым, домовым у нее хорошие отношения были, поскольку они поддерживали порядок в доме или там на ее дворе. Еще с лесным и водяным баба яга могла пообщаться, но о помощи они никогда ее не просили, да даже если и попросили бы, то баба яга до них бы снизошла только в одну ночь в месяц — в полнолуние. Так, в свете этой информации, зачем бабе яге, да еще всего северо-западного округа понадобилось создавать заповедник? Да еще и в таком подходящем для этого месте?

— Неожиданный вывод.

— Значит, я не права?

— Увы, — Влада Сергеевна покачала головой. — Увы, моя егюза, в этом ты права. И в этом заключалась наша, всего нашего русского народа большая ошибка.

— Всего?

— Да. Новая вера отрицает существование полуночников и мало-помалу жители отказались от них, перестали в них верить. А вслед за этим, когда полуночники пришли к нам, мы отказали им в помощи.

— Разве баба яга могла бы что-то сделать?

— Могла. Много. Мы могли не пустить тех, кто заставлял перейти в новую веру, на наши территории. Мы могли дать полуночникам силу, могли просто помочь им. Сделать так, чтобы люди их видели, поддерживая тем самым в них веру. Да мы много что могли. Только не сделали.

— И раз это ты назвала «ошибкой», — Лида выключила газ, села за стол к бабушке, — то я могу сделать вывод, что это ваше действие, а точнее ваши бездействия обратной стороной ударили по вам самим.

— Верно. Верно, милая. Мы должны были понять, что не бывает вещей, оторванных друг от друга. Мы могли и должны были помочь полуночникам, но время ушло. Ушла вера в них, а вместе с этим мы потеряли свои силы. Не все, конечно. Но по сравнению с той мощью прошлых лет, которая у нас была когда-то... это крупинки. Мы могли вырастить за одну ночь непроходимый лес, а теперь чтобы вырастить дерево, нам нужен год. Мы могли осушить взглядом болото, а теперь хорошо если удастся найти безопасный по нему путь. Все, что мы умеем, все, что мы знали, теперь только причиняет боль, показывая, как мы были глупы...

— Бабушка...

— Старые мудрые, умудренные годами, мы должны были бы понять, как мы самонадеянны, считая мощь своей личной, но что случилось, то случилось. Этот заповедник должен был стать первым пробным шаром. На Руси начали возрождаться староверческие общины, староверы в Сибири, приверженцы старославянских традиций в центральной полосе. Около них некоторые полуночники могли бы проявить себя. Но именно здесь мы собирались создать заповедник, чтобы понять, возможно ли это. Что надо сделать, чтобы удержать полуночников в повиновении.

— Именно поэтому сюда в качестве наблюдателя, а точнее зрителя — отправился папа. Кащей.

— Верно, — Влада Сергеевна, кивнула, радуясь тому, что девочка не просто выросла, но еще и умеет из известной информации делать правильные выводы буквально на лету. — Степан должен был присмотреть за полуночниками. Но примерно через полгода, как вы сюда прибыли, стало понятно, что рядом есть некромант. Он не близко, но где-то рядом. Вокруг, в самом ближайшем окружении. Очень опасный и умный, убивающий через полуночников, хотя и немного нерасчетливо. Степан решил, что надо тебя отсюда увезти,

как можно быстрее. Но...

— Но? — нахмурилась Лида, ничего такого не помнящая.

— Как потом мне рассказывал Степан, вам этого не удалось сделать. Вас не выпустили за пределы лесного круга. Вы трижды пытались отсюда уехать, и трижды лес становился на вашем пути непроходимой стеной.

— Леший не мог этого сделать. У него недостаточно сил!

— У него — нет. А вот у местной бабы яги — да.

— Откуда здесь местная баба яга?

— Ну, девочка, напряги голову. Некромант должен же был откуда-то появиться? В Брянской области была одна баба яга... Старая... Очень старая. Больше двух, а то и трех тысяч лет. Она застала очень многие лета, и когда она почувствовала, что скоро умрет, а мы можем это чувствовать, то... Нет, не с этого. В общем, у нее никогда не было детей. Но видимо она нашла способ, как можно повлиять на пол будущего ребенка. Родила некроманта и умерла.

— А кто же тогда лес городил? — возразила Лида, мгновенно заметив несостыковки в сказанном. — Не складывается, ба. Временные линии не совпадают. Некромант вырастить бы лес не мог? Но если лес вырос, значит его мать жива. Та баба яга.

— Да. Все были уверены в ее смерти, а она смогла спрятаться и от нас, и от волхвов, — Влада Сергеевна вздохнула. — Я просила, чтобы Степан вызвал Мельника, чтобы он привез тебя ко мне, но сын отказался. Сказал, что самое безопасное для тебя место здесь и сейчас — именно здесь, в заповеднике. Почему он так говорил, мне было не понять. Шли дни, месяцы. Степан со мной почти не связывался. Я вас видела всего несколько раз на фотографиях. Пыталась приехать, но... рабочие обязанности забирали слишком много времени. Гораздо больше, чем мне бы хотелось. А может быть, это оправдания. Я просто боялась прибыть сюда и обнаружить, что местная баба яга сильнее, чем я, и она не пропустит меня на свою территорию.

— Значит, помимо некроманта есть еще и баба яга... — девушка прикусила губу, потом вздохнула и крикнула: — Дари, разбуди Мишу, пожалуйста. Ему позавтракать надо, иначе не успеет поесть и пойдет со мной голодным. А в качестве перекуса будут только несколько бутербродов и термос с чаем.

У потолка мелькнул черный хвост, Влада Сергеевна улыбнулась:

— Ты себя так здесь чувствуешь спокойно...

— Что?

— Когда ты была маленькой, ты ко мне часто приезжала. Дома баб ежек тоже стоят на изломах у границы, но только в моем доме ты никогда не чувствовала себя вот так — привольно.

Лида растерялась, ее рука скользнула к шее, потеряла медальон, и глаза бабушки ее расширились, став большими-большими, как у «анимешек», которые обожал смотреть Димка пару лет назад. К счастью, увлечение этим искусством сошло на нет к тому моменту, как ему понравилось программирование.

— Бабушка?

— Откуда у тебя это?

— Миша надел. Как раз когда мы на границе за браконьерами бегали.

Новая волна изумления. Показалось, что от бабушки потянуло жаром как от костра, в холодную ночь. Обожгло почему-то левое плечо.

— Бабушка?

— Прости, милая. Ты знаешь, что это?

— Он сказал, что защитный артефакт, а что, нет?

— Да... Защитный, только... — Влада Сергеевна не договорила, в комнату с протяжным зевком вошел Мельник, с вопросом:

— Неужели, обязательно вставать так рано и куда-то идти?

— Доброе утро, — улыбнулась ему Лида. — Не обязательно. Но тогда я иду одна.

— Доброе утро, барышня. И вам, Влада Сергеевна, — мужчина сел на стул, поморщился от головной боли. Что-то ему ночью такое снилось, недоброе, муторное, чуть душу не выпило. Будь на его месте человек слабый, неподготовленный — худо бы было. А так, он сам пострадает пару часов и все наладится. — Барышня.

— Да, Миша?

— Если кто спрашивать будет, как ты сегодня ночью спала, скажи, что плохо. Сны снились муторные, тяжелые, казалось, что душу тянут.

— Но зачем?

— Поверь, барышня, так надо. Кто бы ни спросил, говори только это. А я взгляну, кто тебя об этом спрашивать будет.

Лида фыркнула, как Дари сверху, поставила перед Михаилом тарелку, деревянной лопаточкой сняла яичницу, поставила нарезанный хлеб и взглянула на бабушку. Влада Сергеевна очень задумчиво смотрела на Мельника.

— Внучка, ты бы хоть сказала, где тебя сегодня я увидеть смогу.

— Нигде, бабуль. Ближайшие двое суток я дома не появлюсь. Ну, в смысле и на мельницу тоже вернуться не получится. С утра, через полчаса где-то начнется грибной забег. Мужчины идут по грибы. С ними идет папа и двое егерей из нашего лесничества. Страховать их будут двое из отряда Лешки. Потом в обед женщины по грибы. Так же, двое егерей, с ними один из наших заядлых ягодников, присматривать за ними две кикиморы будут, чтобы не заплутали. После обеда мы с детьми идем в лес, собираем вначале грибы, потом немного поягодничаем. Вечером снова мужчины идут в грибы, на другую делянку. Ночью — идем с подростками в ночное дежурство, заодно травим байки. У мужчин вечерняя рыбалка плавно переходит в ночные побасенки. Будут говорить про русалок, а русалки им будут подыгрывать, время от времени выполняя то, о чем тот или иной рассказчик будет говорить. Они теперь такие похорошевшие, эти девчонки! — улыбнулась Лида, потом продолжила: — А в воскресенье у нас будут три полосы. Мальчишки в деревне задания выполняют. Женщины и мужчины идут в лесной квест.

— Это что еще такое?

— Игра. Кто именно ее создал, сейчас неизвестно. Точнее как, — Лида хмыкнула. — Одним словом, известна неофициальная версия, только к ней и не подкопаешься. Одним словом, баба яга местная там поучаствовала. Еще во время второй мировой, в этих лесах пропало немеряное количество людей. Так мы поняли, что некромант был здесь еще тогда. Бабуль, вот скажи мне, знаешь что, а ваша братия может как-то поменять профиль деятельности и стать некромантом?

Влада Сергеевна застыла, задумалась. Задумался и Мельник.

— Одним словом, место это было выбрано не только вами, бабуль, под заповедник. Задолго до вашего плана, здесь кто-то жил. Кто-то опасный, кто-то, любящий убивать. И лесной квест был поводом для этого.

— Но почему они были настолько популярны?

— Они не были. Они есть. Квест — это серия заданий в лесу и на болотах, выигравший получает ценные призы. В прошлом году, например, наши спонсоры преподнесли цифровой фотоаппарат для второго места и для мужчин и для женщин. Мужчина, занявший первое место, получал шикарнейшую удочку, женщина — мультиварку. Из детей — игровая приставка, потом планшет. Третьему место был чайник, чемодан для рыболовных снастей и карманная игровая приставка.

— В чем польза для этих спонсоров? — уточнил практически настроенный Мельник.

— В рекламе. Во-первых, телевидение, каждый год сюда приезжают съемочные группы из разных мест. Во-вторых, те, кто здесь участвуют, получают «фирменные» предметы — футболки с логотипами, бейсболки, кружки, ручки — мелкие сувениры и призы. Поскольку делают их всегда на совесть, то человек продолжает ими пользоваться и после того, как уезжает с квеста. И, наконец, здесь происходит выставка и апробация новой продукции. Люди сюда приезжают, чтобы хорошенько отдохнуть, испытать азарт, погулять по лесу. А параллельно они знакомятся с продукцией наших местных производителей. Ну, а производители могут сорвать параллельно большой куш. Знаю достоверно не одну такую историю.

— Например? — удивилась Влада Сергеевна, ни о чем подобном от сына не слышавшая.

— Совсем свежая, прошлогодняя, к нам сюда три года подряд приезжал один из рестораторов, а на третий год устроил свою выставку местный завод овощных консервов и фруктов. Так ему настолько продукция их понравилась, что ресторатор перезаключил договора на поставку и работает сейчас с местными. Сумма контракта запредельная, так что, большой куш сорван. Ну, и по мелочам. Все продумано.

— И ты всегда готовишь это мероприятие?

— Нет, — Лида покачала головой. — Мероприятия готовится с нескольких сторон. На мне — безопасность внутри деревни. Народная дружина, посты, которые организуют мои коллеги. Еще я должна подготовить карту, где они будут стоять. Нужно обеспечить постой для того, чтобы они могли на выходных остановиться у людей, нужно разметить время патруля. Также я организовываю ночное патрулирование с подростками и страшилками. Лесничество занимается трассами в лесу, в этом году им незримо помогали леший и водяной, ну, а я, соответственно, занималась тем, что контролировала эту работу с внешней стороны. Экономическая сторона традиционно на сельсовете и на его главе — Макаре Никифоровиче. Ну, и последней частью — развлечениями, занимается наш клуб и его глава — Марина Петровна. Моя часть самая малая, по сути дела.

— Но муторная же, барышня?

— А с этим никто не спорит. Собственно говоря, Михаил... доедай, нам пора выдвигаться.

— Возьмешь Шторма. Я поеду на Вьюге, она молоденькая, поэтому не всегда сама может понять, что делать, а Шторм в случае чего сам все сделает.

— Ты как к войне готовишься! — нахмурилась Лида.

Влада Сергеевна тихо посмеивалась, но в разговор «молодежи» не вмешивалась. Не собиралась она и покидать пока мельницу, получив от ее хозяина разрешение побывать в его лаборатории.

Мельник степенно поднялся от стола, поставил тарелку в раковину и повернулся к девушке, посмотрел на нее пристально, строго. Девушка под этим взглядом занервничала,

опустила глаза, нервно облизнув губы.

Мужчина вздохнул.

— Пойдем уж, барышня, на твои лесные посиделки.

— И совсем они не мои!

— Твои, твои. Ты матушка полуночников, тебя эта земля признала, тебе ею и владеть, всем здесь заправлять по своему уму и своему разуму.

— Ненавижу, когда ты начинаешь так говорить! — рассердилась Лида.

Михаил только ей улыбнулся, открывая дверь.

«И как идти после такой улыбки?!» — возмутилась девушка про себя. — «Ноги подкашиваются! Ух, ладно. Где наша не пропадала. Ау, лесные, мы идем к вам. На двое суток лес вздрогнет!»

И лес вздрогнул. Грибники, ягодники, рыбаки — полуночники кружились вокруг них, обеспечивая себе стабильный приток веры, а Лида вертелась как заведенная, не останавливаясь ни на миг и, кажется, даже не ощущая усталости.

День пролетел как один час. Когда Мельник уже от усталости готов был валиться с ног, Лида выглядела так, словно только что встала с кровати после долгого сна.

— Это ненормально, — усадив Михаила в своем кабинете, Лида сделала ему травяной чай, вытащила из сумки-термоса бутерброды и разогрела их. — Я бы даже сказала, что зная тебя, впервые вижу в таком состоянии.

Мужчина усмехнулся.

— Ничего удивительного.

— Почему? То есть, с чего бы это вдруг один день тебя так вымотал?

— Потому что вымотать хотели тебя.

— Не понимаю, — вздохнула Лида. — Честное слово.

— Ты просто, барышня, еще очень многого не вспомнила.

— Это плохо?

— Удивительно, что ты вообще начала что-то вспоминать, — Михаил закрыл глаза, и тут же на его лоб опустился влажный компресс, снимая вяжущую боль.

— То есть, что-либо вспомнить я была не должна?

— Что-то вроде этого.

— Миш, а что ты ставил, как ключ от памяти?

— Много чего, барышня, очень много. Но тебе этого пока знать не надо. Сама вспомнишь. Или не вспомнишь.

— Какой же ты злой!

— Возможно, — согласился мужчина. — Послушай меня, сейчас я вернусь на мельницу...

— Нет уж, — Лида уперлась ладонью в плечо Мельника, мешая встать. — Минуточку. Ты еще кое-что мне не объяснил. А сама я догадаться могу попробовать, но как бы хочется вначале знать точно, правильный ответ это или нет. Ты сказал, что вымотать хотели меня, при этом я бегаю как заводная юла, а ты вымотан настолько, что еще немного, и мне станет страшно. Делаем вывод, амулет который у меня на шее... поменял нас местами? Точнее, нет, сделал так, что все то, что направлено на меня, падает на тебя. А из-за того, что тебя защищает граница, как ты сам говорил, то тебе до смерти ничего сделать не удастся. Верно? Именно поэтому ты сказал, что снились «мне» кошмары, а они снились тебе!

Широкая рука легла на губы Лиды, не давая ей продолжить. Взгляд девушки полыхнул

угрозой, и Михаил тут же ее отпустил.

— Не здесь.

— Но ты точно все объяснишь? — нахмурилась девушка.

Мельник промолчал. А Лида... неожиданно пошатнулась. Голова закружилась, перед глазами все завертелось, и только сильные руки, вовремя ее подхватившие, удержали участковую в вертикальном положении. От мужчины пахло лесом и квасом. И его руки были такими теплыми.

— Барышня?

Перед глазами мелькали картинки из босоного детства, когда он — такой большой, такой теплый и совсем-совсем не страшный, отвечал на тысячу вопросов, какими бы они не были глупыми. Для маленькой девочки все было важно, все было интересно, и он ничего никогда не скрывал... И уж тем более объяснял все очень подробно и обстоятельно.

На этот раз погружение в прошлое далось куда легче. Голова не кружилась, да и не было позывов посетить маленькое помещение на заднем дворе участка.

— Извини, — пробормотала Лида, — это был неправильный вопрос.

— Барышня?

— Сейчас Лешка придет, заступит на смену около меня в ночь, так что, — девушка выдавила из себя улыбку. — Возвращайся на мельницу, вернешься ко мне как сможешь.

Мельнику предложение не понравилось, но на мельницу ему действительно надо было вернуться.

— Тогда обещай мне, барышня, — взгляд мужчины стал темным, грозовым, пугающим. — Что ни при каких условиях ты не снимешь этот медальон.

— Но...

— Обещай. Прямо сейчас. Иначе я тебя свяжу словом. Хотя, — Михаил задумался. — Даже так будет лучше, без моего ведома тогда никто вообще с тебя его не снимет. Стой, где стоишь.

Лида непонимающе смотрела на мужчину, тот убрав со лба нагретый компресс, одним глотком допил чай, встал с места и шагнул к девушке. Она так и не тронулась с места, еще не совсем придя в себя. И на мгновение показалось, что так уже было, только наоборот. Малышка, убрав волосы со лба принца-медведя, что-то тихо шептала, а он смотрел на нее растерянно, но не то доверял, не то считал нужным прерывать какой-то ритуал, какой-то обряд?

— Миша?

— Тсс, барышня, — принц-медведь обнял застывшую девушку одной рукой, наклонился к ее уху и что-то зашептал. Слова незнакомого, но явно древнего языка прокатились по позвоночнику, застучали холодными горошинами по телу, оставляя непонимание, а потом все закончилось. — Одна работа оплачена.

— Что?

— Одна работа оплачена, — сообщил Мельник, двинувшись к дверям. — А снять этот медальон теперь с тебя могу только я. И никто другой, барышня. Так что, чтобы ни случилось, не бойся, некромант до тебя теперь не дотянется. Только через мой труп, а на это у него руки еще коротки долго будут. До того момента как до нужного уровня дорастут, мы его сами поймем и сдадим правосудию и палачам.

И пока Лида хлопала ресницами, вышел из комнаты как ни в чем и не бывало, оставив ее задаваться вопросом, что это такое сейчас было?! Именно этим состоянием непонимания

можно было объяснить некую отрешенность, с которой Лида встретила пришедшего Лешку.

До места встречи они дошли пешком. Шторм двигался за Лидиным плечом, чуть ли не положив морду на ее плечо. И Алексей, с некоторым недовольством поглядывая на келпи, чуть дистанцировался от девушки, пока, в конце концов, она это не заметила.

— Леш, ты не любишь келпи?

— Ненавижу. Нас однажды о помощи запросили западные коллеги, у них пара диких келпи поселилась и озверела. Вот я увидел, как эти твари разрывают людей. Так что, нет... Я их не просто ненавижу, я их еще и боюсь.

Шторм заржал, Лида легонько щелкнула его по носу.

— Не балуй.

— Ну, как скажешь, валькирия, —дохнул в волосы ей черная зверюга.

А участковая повернулась к своему жениху:

— Леш, давай тогда ты вернешься домой? Я буду не одна, я буду со Штормом. Да и какой некромант решится сунуться в место, где полно спецназа? Мы же будем не одни, ребята будут двигаться вдоль нашего маршрута, будут ждать в ключевых точках.

— Скворцова, ну, ты думай, о чем говоришь! Как это я тебя одну оставлю?!

— Да я не одна буду, кому только что об этом говорила? Со мной будет Шторм. Да и полно ребят, твоих между прочим! Лешка, не глупи. Тебе рядом находиться неприятно, у тебя в памяти сейчас крутятся только те стремные моменты, которые ты пережил. Не сердись, но охранник из тебя в таком ракурсе — ужасный!

— Скворцова... — простонал мужчина. — Ты себя со стороны слышишь?!

— Леш. Ты прекрасно знаешь, что я ненавижу тянуть кота за хвост, мне его жалко и времени на это тоже жалко. Так что, давай-давай, поворачивайся. Если тебе будет так легче, ну, отправь кого-то из резерва. Сашку, например. В прошлый раз он научился сидеть верхом и не падать. А по времени он должен быть сейчас в участке. В любом случае, давай, езжай. Если хочешь, я даже согласна тебе раз в пару часов отправлять смс-ку, что все окей.

— А почему не звонить? — подозрительно нахмурился Гусар.

— Потому что связь у меня не ловится! Вообще, нигде и никак. Скучно ей, понимаешь ли. Скучно.

— Скворцова. Ты сведешь с ума. Как это связи скучно?!

— Ну, с моим планшетом. Видимо, другие планшеты и телефоны, чтобы ее удержать, могут предложить более интересные способы, чем мой.

— Скворцова, помолчи. Помолчи, пожалуйста. И поеду я, действительно, от тебя, а ты мне сейчас наговоришь! И да, я принимаю твой вызов.

— Что?! — растерялась Лида.

— Я принимаю твой вызов. В квесте же ты всегда играешь. Вот я принимаю твой вызов. Я буду участвовать завтра. Обыграю тебя. И после этого ты пойдешь со мной на свидание.

— Лешка! — девушка даже головой затрясла и засмеялась. — Ну, ты даешь! Выиграть у меня, да еще и в лесном квесте?! Нет! Пока ты где-то был, я эти леса наизусть выучила! Так что, я выиграю!

— Посмотрим, Скворцова. Вот завтра и посмотрим.

Не добавив больше ни слова, мужчина, отодвинув морду Шторма, притянул Лиду к себе, поцеловал так, что у нее закружилась голова, потом вскочил на Красавчика и был таков.

— Что-то, — пробормотала Лида, касаясь губ, — у меня черное подозрение касательно того, в какую лужу я села.

— Валькирия? — Шторм чуть качнул ее мордой. — Все хорошо?

— Я бы... так... не сказала... — девушка пошатнулась.

Голова кружилась все сильнее и сильнее, в сердце вгрызлась тупая, колючая боль, а потом... нет, боль не пропала, она осталась ощущаться где-то совсем близко, но зато Лида неожиданно поняла, что надо делать. Пальцы сами собой сложились в лодочки.

Шторм с испуганным всхрипом кинулся в сторону, девушка даже не заметила.

В ладонях не было воды, ей там было не откуда взяться, но слова брались откуда-то из сердца. И снова, как с того момента, когда Михаил что-то шептал, девушка ничего не понимала, для нее звуки не имели смысла, но у них была власть над окружающим миром.

Деревья зашумели, разворчался недовольно ветер в их ветвях.

В доме, около которого Лида бессильно привалилась к забору, мигнул и погас свет. Где-то в стороне что-то не то стукнуло, не то хлопнуло, как бывает порой, когда кто-то по недосмотру взорвет воздушный шарик.

Приторно-сладко запахло ночными цветами, снова заворчал недовольный ветер... и все стихло.

В руках девушки почернела взявшаяся из ниоткуда вода, а потом просто исчезла, просочилась сквозь пальцы. Капли, падая на траву, оставили выжженные черные пятна, хуже кислоты! Шторм, дохнув в волосы теплым дыханием, подставил свою шею, помогая Лиде удержаться на ногах.

— Да, Валькирия, — пробормотал он, разглядывая отметины. — А ведь это вода с границы! Она проклятья снимать может.

— Очень рада, — выдохнула Лида, стараясь не показать, какой страх ее терзает. Пальцы немного тряслись, когда она набирала номер Мельника, набирала по памяти, запомнив мгновенно цифры.

Гудки прошли, раз, второй, и потом тихий голос Мельника ответил:

— Барышня?

— Миш, с тобой все в порядке?

— Что со мной сделается? — улыбнулся на том конце мужчина. — Но только что проклятье было какое-то очень убойное. До тебя даже достало?

— Да... Хорошо, что Шторм рядом был.

— Барышня, ты уже добралась до своей группы с ночными посиделками?

— Пока нет. Но уже близко.

— Тогда поспеши, я на первой точке вас встретить не смогу, наверное, а вот на второй — уже заберу.

— Договорились. Буду тебя ждать, — с плеч девушки словно здоровый камень упал. Голос звучал спокойно. Голос звучал уверенно. Обошлось! Обошлось...

Выдохнул, девушка чмокнула Шторма в нос.

— Как хорошо, что ты со мной рядом был, а то я бы запаниковала!

— Валькирия, — келпи заржал и присел, помогая девушке забраться в седло. — Помчались. Нас уже ждут.

Их уже ждали, и до первой точки, пока должно было начаться представление, срежиссированное пока еще людьми, Лида рассказывала байки, приглядывая за Димкой и его закадычным другом Лехой. Эти двое могли залезть куда угодно и влипнуть в проблемы, а ей этого совсем не надо было!

Мельник, вернувшийся домой, встретил на крыльце мельницы гостью. Влада Сергеевна

определенно куда-то отъезжала — лакированная волга с гладкими крыльями отъехала от крыльца, мигнула фарами и поехала прочь, растаяв посреди дороги. Но к возвращению хозяина — снова вернулась обратно.

Открыв дверь перед гостьей, мужчина пробормотал:

— Проходите.

Баба яга смерила Мельника взглядом странным, потом вздохнула:

— Я на кухню. Где травы — запомнила, еще когда твоя кошка около Лиды крутилась. А ты — умоешься ключевой водой и тоже приходи. Поговорить надо.

Лицо Михаила страдальчески исказилось, но возражать он не посмел.

Когда он появился на кухне, женщина уже успела заварить дымный чай, и в поднимающихся клубах пара можно было разглядеть дивные образы, перетекающие один в другой.

— Что? Сильно до Лиды добраться хотят, что тебе так плохо стало?

Мельник пожал плечами.

— Ну, откуда же мне знать, Влада Сергеевна?

— Ты, милоч, не забывай, с кем разговариваешь. Пусть мельники в отличие от бабы яги силу свою настолько не потеряли, но вот опыта нашего, знаний наших у вас никогда, почитай, и не было. Так что, не заговаривай мне зубы, мальчишка. Что за заклинание?

— Вытягивают жизненную силу.

— Некромант?

— Нет, — Михаил грел руки об кружку, глядя в клубы пара. — Рука бабы яги, Влада Сергеевна.

— Нехорошо это.

— Да и до этого ничего хорошего не было.

— А я ведь предупреждала тебя, Мишенька. Почему старуху не послушал?

— Влада Сергеевна, побойтесь бога, какая же вы старуха?

— Надо полагать, что очень хорошая, — отрезала баба яга. — А ты от вопроса не уворачивайся, чай не намыленный. Не послушался того, что я сказала, уехал с земли своей матушки. Там тебя не только граница, там тебя сама земля защищала. Почто переехал, почто сюда бросился?

— Не мог я там быть, — Мельник тяжелою опустился на скамью, устало глядя на гостью. — Вы же знаете, что для меня значила эта помолвка, и кем для меня ваша внучка была.

— А сейчас? — продолжила свой допрос вредная баб ежка.

— А сейчас, Влада Сергеевна, все только хуже стало. Раньше цвета были, полумеры тоже знакомы, а теперь у одного тона десятки оттенков и пойдешь пойми, что с этим делать. Вы барышне сказали, что сказка про принца-медведя может быть только начинается. Это откуда взялось? Принцем-медведем она всегда меня называла.

— Значит, внучка не сказала? — задумалась женщина, вытаскивая из своей сумочки колоду древесного таро в зеленом бархатном мешочке. — Или это я события тороплю, а она про то, что ты ее суженый и не вспомнила еще?

— Не сыпьте соль на рану, какой еще суженый...

— Самый что ни на есть настоящий. Я тебе с самого начала говорила, что вы одной нитью повязаны, по одной дорожке ходите. Ты бы к ней не пришел, она бы — вернулась, но встретились бы вы обязательно. Хорошо что случилось это сейчас, до того как она замуж за

Гусара вышла.

— Вам он не нравится?

— Парень он, Миш, хороший, — баба яга перетасовала вытасованные карты, протянула колоду Мельнику с требованием, — сдвигай.

А когда он выполнил сказанное, продолжила:

— Только внучке моей он не пара. Он охотник, сущность у него волчья, на одном месте его ничто не удержит. Как волка не корми, а все равно в лес он смотрит. Девочка же моя к земле приникает, прорастает в ней, корнями цепляется. Ну, несовместимы они. Парень он хороший, умный очень. Настоящий воин. Не раз и не два только благодаря ему самому его группа выходила из боя не только живыми, но еще и не покалеченными, а почти здоровыми. Только все равно...

— Но ведь он соперник? — пробурчал Михаил себе под нос. Не хотел, чтобы Влада Сергеевна услышала, но слух у бабы яги был тонкий, и на стол легла первая карта. Тройка мечей оплетала шипастыми лозами сердце, истекающее кровью.

— Был, безусловно. Любила его девочка моя слишком сильно, как-то даже я бы сказала, что чересчур, как навороженная, но вот сейчас у тебя шансов поболее будет.

— Почему?

— Память к ней возвращаться стала, а тебя она любила всей своей маленькой душой и всем сердцем. Может статься, что любовь к Гусару — суррогат, она пустоту в сердце так залечивала. Особенно если учесть, что там не только вы вмещались, там еще и волхвы потоптались. Но зачем вы полезли, зачем вообще ей память блокировали, скажи мне, Михаил?

— Степан просил. Последнее воспоминание не просто ее мучило. Гниль лича разъедала ее душу и вырывала из памяти целые куски. Вы на задании были, а она сесть начала. Маму я вызвал, она посмотрела, головой покачала, сказала, что здесь помочь сможет только баба яга с темным полюсом. А последняя такая сгинула еще четыреста лет назад как раз здесь на Брянщине. Ну, не сгинула видать. Да не об этом речь. Трупный яд наложился на ее светлый полюс, она помнила об этом каждую секунду. И мы решили, что если блокируем память, лич прекратит приходить к ней в воспоминаниях, и станет легче. Легче ей стало, но дар продолжал убывать, постепенно, словно лич в ее душе так и остался, хотя остался там, безусловно, только трупный яд. Наши действия и не помогли ничем. Только от головных болей и кошмаров ее уберегли, а еще от горечи из-за того, что она помнила о том, что потеряла.

— Говоря о том, что она потеряла, — женщина выкладывала по кругу карты, вглядываясь в их глубину. — Откуда? Дар она потеряла, с чего это она вдруг полуночников видеть начала? Да еще и без слов заговорных?

— Сам не знаю, — вздохнул Мельник. — Барышню разгадать мне не под силу.

— Ничего, это тебе так только кажется, — ободряюще кивнула Влада Сергеевна, торопливо складывая колоду, прежде чем Михаил увидел бы расклад и венчающую его карту смерти. — Поговорить мы и завтра сможем, а еще лучше в понедельник, когда эти лесные игры закончатся. У себя оставишь сегодня на ночь или мне к Степану вернуться?

— Оставайтесь. Сегодня пик полнолуния, на изломе легче будет. Где постелить — найдется, а вы рано встаете...

Мельник не договорил. Лицо мужчины почернело. Он схватился бессильно за край стола, что-то пробормотал и рухнул. Расплескался чай, дымные кольца над упавшим

мужчиной слились воедино, ошетинились в разные стороны колючками чертополоха. А Михаил уже захрипел, хватаясь за горло. Мир вокруг тонул в клубах черного дыма, кому-то надоело ждать.

Влада Сергеевна, поняв, что случилось, только руками всплеснула и кинулась в кладовую около кухни, где еще утром видела два ведра с мертвой водой.

Вода мертвая, вода живая в мире полуночников были не сказкой, а самой настоящей водой с границы из источников особых. Мертвая вода была из источника, способного снять любое проклятье.

Схватив оба ведра, баба яга выбежала обратно и окатила Мельника с ног до головы одним ведром, потом вторым. Судороги почти тут же стихли. Тело мужчины перестало скручивать незримой жуткой силой, и он расслабился. Только дыхание было все таким же, с одышкой, рваным. И сердце, женщина это видела хорошо, стучало с перерывом, перебоем.

— Минуты две, может три — да... — Влада Сергеевна подняла голову, откуда на нее смотрела с испугом черная кошка. — Что стоишь? Знаешь, где твой хозяин держит свои запасы?

Кошка закивала отчаянно.

— Так веди! Чего ждешь?! Зелье потом варить надо будет Лиде, убивать то проклятье, что в нем сейчас засело, а нам пока сделать бы так, чтобы он продержался до этого самого зелья.

Дари спустилась по стенке, потерлась о ногу бабы яги и повела ее за собой. Женщина, в который раз порадовавшись тому, что отказалась от традиционных мешковатых юбок, мчалась за ней со всех ног.

Вниз по лестнице, наискосок через весь зал к темным растениям с границы.

Пальцы, еще даже совсем не узловатые, скользнули по травам, словно по страницам книги, листая их, перебирая, выбирая.

В памяти всплыла мордашка внучки, когда она, обиженно нахмурившись, говорила: «И ничего не хуже! От этого только лучше будет!»

Два пучка ночной фиалки. Белокрыльник болотный. Корневище аира. Веточка брусники...

И, понадеявшись на то, что когда-то внучка была права, из другого шкафа баба яга взяла пучок душицы обыкновенной.

Под котлом вспыхнули языки огня. Там, где еще мгновения назад не было воды, вскипело белой пеной молоко, и в него полетели травы, на которые торопливым пришепетыванием накладывались заговорные слова.

Быстрее, времени совсем не было! А молоко, как назло, не спешило пропитываться травами, и, посмотрев на пучок душицы, Влада Сергеевна опустила его в чан. В первый момент показалось, что нет, все-таки Лида ошиблась, но... молоко вдруг полыхнуло духмяным жаром, пошло кругами и затихло, замерзнув, несмотря на то, что сейчас под котлом по-прежнему полыхал огонь.

Махнув рукой, Влада Сергеевна его погасила, вытащила из кармана жилета бутылочку с живой водой, которую при себе держала, и капнула в котел.

Радужный осколок опустился в молоко, канул, словно и не было никогда, а внутри котла вся жидкость, осталась только маленькая-маленькая капелька. Взяв со стола пипетку, баба яга опустила эту каплю во флакончик и побежала обратно вверх.

Времени почти не осталось!

Присев на колени рядом с лежащим Мельником, Влада Сергеевна капнула пипеткой на его потрескавшиеся губы.

И села рядом. Больше она сделать ничего не могла... Могла только смотреть и надеяться, что там, в другом месте, повезет ее девочке, потому что проклятье такой силы, что чуть на тот свет не спровадило Мельника, не могло не достать до нее.

А потом Михаил открыл глаза.

— Влада Сергеевна?

— А, голубчик, пришел в себя? — женщина села к стене, запрокинула голову, вытаскивая из сумочки живую воду и капая себе под язык. — Я уж думала все, не успела.

— Что это было?

— Проклятье. От бабы яги с темным полюсом силы. Будь ты один, и все. И не спас бы никто.

— Вы его сняли? — спросил Михаил, поднимаясь на руках, посмотрел на пол в своей кухне.

От мертвой воды остались черные проплешины, дерево на глазах сгнивало.

— Придется перекрывать пол, — пробормотал он. — И надо на это будет взять дерева на границе.

— Собираешь здесь остаться? — спросила Влада Сергеевна.

— Не знаю, — Михаил покачал головой. — Я уже ничего не знаю.

— Значит, не спеши, — посоветовала женщина. — И девочке, моей девочке скажи, чтобы она тебе зелье сварила. Сам можешь над душой стоять, контролировать, чтобы она все правильно сделала, но ни до чего не касайся.

— Зелье? Мне?

— Очищающее от проклятий. То, что сварила я — временное решение. Не моим рукам на такое зелье замахиваться. А ей, пропитанной ядом лича, только такое и варить.

Мужчина не ответил. Поднялся, пошатнулся, оперся на стену, разглядывая, как теперь там от отпечатка его ладони начинает расплзаться дерево. А потом раздался телефонный звонок. И на экране телефонного «кирпича», который брал даже по ту сторону границы, появилась надпись, которая невольно вернула на лицо Мельника улыбку.

«Барышня»...

Маленький покосившийся домик остался позади, мальчишки и девчонки жадно обменивались впечатлениями, хвастаясь друг перед другом, что им вот сейчас было совсем-совсем не страшно! Хоть и стучали окна, и даже стены покосились прямо у них на глазах, и там точно кто-то был!

И эти тонкие тихие крики вот совсем-совсем их не испугали!

Лида поглядывала на храбрую малышню с затаенной улыбкой.

И она такой была. И Костя, вратарь в их деревенской футбольной команде, с которым она и устраивала разные непотребства, как только поссорится в очередной раз с Лешкой. И Маринка, смешливая девчонка-хохотушка. Они все такими были: молодые, наивные, смешные. Как дети! Хотя... детьми они и были.

Сейчас в центре внимания был Димка, вокруг него собрались подростки, слушая его рассказ. В качестве «домашнего задания» мальчишке почему-то глянулась история про снежного зверя. Про то, какими они были описаны в книге.

Действительно, совсем не страшные, пушистые же! Подумаешь, снег остается на стенах и на земле, когда они проходят мимо; от их воя кровь стынет в жилах; облик любой они

принять могут! А так, ну, совсем милые звери.

И на словах:

— Жалко, что они вымерли давно, посмотреть не удастся, — посреди тупика состоялась чудное явление.

Нет, к сожалению, навестить подростков решил не кто-то из полуночников, принесших Лиде присягу. И не кто-то из оперативников.

Дорогу компании заступил снежный зверь.

Испуганно завизжали девочки, среди мальчишек чуткое ухо девушки расслышало пару матерков, а потом Шторм прыгнул вперед, вынося девушку вперед, под спокойные слова Димки:

— Ну, вот, полнолуние у нас однако, вот и снежный зверь решил выйти, а у меня сестра участковая для нечисти, зря он высунулся, она таких своевольничающих терпеть не может!

Браслет на предплечье запульсировал, Шторм угрожающе забил копытами, отгоняя снежного зверя прочь от ребят, затормозил на мгновение, давая Лиде устойчивость и возможность прицелиться. Жажнул обрез. Снежный зверь в последний момент успел прыгнуть в сторону, хотя от огня его чудесная шкура украсилась парой подпалин.

Но почему-то в этот образ страха перед Лидой он не испытывал. Словно она лишилась того яда лича, который тек в ней, или же зверь получил приказ убить ее любой ценой.

Перезарядив обрез, девушка выстрелила второй раз. И третий.

И раз за разом вертлявый полуночник успевал уйти от удара, а потом выстрел донесся и слева, и справа одновременно.

— А вот и специальная служба пожаловала, — пробормотал Димка, разглядывая ребят, на которых успел насмотреться в своем дворе.

Слева появилась Влада Сергеевна, неожиданно в военном камуфляже, посмотрела на замерших детей и подмигнула:

— Мальчишки и девчонки, привет. А мы тут немного подумали и решили вам немного поменять маршрут. У нас будет сегодня знакомство на плэпере с водяной нечистью и сказки дедушки-лешего. А еще сладкие булочки и никакого молока, обойдемся как взрослые крепким чаем с капелькой коньяка. Все — за мной!

Подмигнув Лиде, ее бабушка, на ходу сплетая сеть заклинаний, которые не позволят детям вспомнить о случившемся, повела их к воде. Где уже ждали леший и водяной, чтобы закрепить заклинания, дополнить их своей собственной магией. А еще — чтобы защитить детей.

Два оперативника сорвались по крыше вслед за снежным зверем, кинувшимся прочь. А рядом со Штормом тонко и негодуя заржала Вьюга, опускающаяся с крыши по воздуху, как по ровной земле. Мельник опустил ружье, покачал головой:

— Ну, вот, скажи мне, барышня. Как такое возможно? Что он на тебя так кидался отчаянно? Словно умереть решил.

— Решил умереть, — повторила задумчиво Лида и кивнула. — Это надо обдумать. Напомни мне потом то, что ты сказал? Хорошо. А пока, догоняем? Не хочу, чтобы на моей территории хозяйничали другие.

— А как же ночные страшилки?

— Бабушка проведет, — отозвалась девушка, вновь кинула взгляд туда, куда Влада Сергеевна ушла с детьми и сорвалась на Шторме вслед погоне за снежным зверем. Рядом мчался Мельник, и ей сейчас было ничего не страшно...

Что такое праздник леса?

Удивительное мероприятие, которое раз в год собирает на территории Брянских лесов несколько сотен человек. По размаху этот праздник не может соревноваться с рок-фестивалем, проходящими в соседней области в это же время, и надо заметить, что и не надо. Рок-фестивалей много, а вот таких праздников леса — один на всю Россию.

Корни этого мероприятия восходят к древности и традиционным забавам на Руси: кулачным боям, например, соревнованиями между деревнями и усадьбами разных дворян.

Таково зарождение этого мероприятия.

Расположены рядом два села: Большие Луки и Малые Луки. Основали их два брата, старший — Лукьянов Борис Витальевич, основал Большие Луки, а малые, соответственно, младший — Лукьянов Максим Витальевич. В крепостном веке они не поделили невесту, попробовали таким образом решить, кому она достанется. Пока решали, невеста вышла замуж за другого, а забава прижилась и осталась.

Сохранились исторические данные, свидетельства современников, описывающие, что в кулачных боях стенка на стенку участвовали и оба брата.

Во время СССР традиция приняла новые формы, во времена колхозов и пятилеток таким образом и решали. Кто больше урожай соберет, кто первым план пятилетки выполнит, кто новое улучшение предложит. На пользу это шло и Большим Лукам, и Малым.

Во времена России с демократическими условиями, главы поселений приняли решение, что будет возобновлена традиция из века крепостничества. Зимой — ледяные баталии, осенью грибы и ягоды, а летом — рыбный день.

Осенний праздник проходит в течение двух дней. В первый день участники собирают грибы и ягоды, вечером желающие могут порыбачить, но рыбалка в перечень соревнований не входит.

Во второй день проходит лесной квест.

С утра участники встречаются у входа в лесной массив и получают карту заданий. Участвовать в команде запрещено. Хотя перед началом соревнований участники записываются в команды Больших или Малых Лук. Подведение итогов происходит тем же вечером.

В этом году съемочная группа нашего канала также решила принять участие в этом лесном квесте.

И что из этого получилось, вы узнаете из нашего репортажа...

Лида, поправив камуфляж, зевнула, огляделась по сторонам. Вчерашняя гонка закончилась в пользу снежного зверя. Хотя это и спорно, в чью именно, если учесть, что где-то на середине гонки снежный зверь пропал с концами, и вся кавалькада чуть не залетела в болото, гонясь за каким-то манком — пустышным зовом. Спасло то, что Лида успела очнуться за несколько метров до этого болота и выстрелить из обреза в воздух.

Громкий звук снял чары, и вся компания успела вернуться с той ночи благополучно.

Баба яга или некромант, кто бы ни манил к себе их в ту ночь, остался без жертвы. А может быть, целью того зова было совсем другое, чем заманить пару оперативников и Лиду с Мельником в болото.

Это осталось вопросом без ответа.

Лида поправила бейсболку, спрятала под нее непокорные пряди, насмешливо фыркнула, можно подумать, кто-то обещал ей легкую жизнь! Все нормально. Как-нибудь решится. Так или иначе, тем или иным способом. В конце концов, на ее стороне Лешка... И надо посмотреть, все ли с ним в порядке. Мельник сказал, что такое проклятие, что прошло сквозь них, могло и Лешку дернуть, когда он целовал Лиду.

При мысли об этом, в животе начинал ворочаться холодный комок. Девушка никак не могла уловить что именно заставляет ее себя так жутко чувствовать. То, что она вообще целовалась с Лешкой? Ну, так он ее жених... комок в этом месте ворочался еще активнее; к тому же она за него замуж собиралась выйти...

Собиралась.

Досадливо махнув головой, девушка круто повернулась и ойкнула, чудом не упав. Мельник, подойдя бесшумно, удержал ее за локти.

— Барышня.

— Миш, напугал!

— Ну, прости уж, — в мужском голосе зазвучала теплая ирония, потом Михаил посерьезнел. — Я уже успел ознакомиться с правилами, поэтому понимаю, что это не самая лучшая просьба, но постарайся не отходить от меня далеко. Рядом с Мельником, когда вокруг него сила границы, любое заклинание бабы яги искажается, слабеет, а то и вовсе отражается обратно.

— Какая дистанция?

— Примерно метров пять-десять. Держись в пределах видимости, чтобы если что-то случилось, я успел тебя границей накрыть. Договорились?

Рука Лиды поднялась к медальону на груди.

— А это?

— Помимо этого, — сказал тихо мужчина. — Я понимаю, что это может быть тяжело, да и жениху ты вряд ли сможешь это объяснить, но...

— Что именно она не сможет мне объяснить? — раздался недовольный голос.

И девушка, ойкнув от неожиданности, спряталась... за Мельника, потом выглянула и рассердилась:

— Лешка! Я тебя убью! Что же ты творишь?! Знаешь, что все на нервах из-за этого некроманта! Так еще и подкрадываешься так тихо.

— Его ты так не испугалась, — нахмурился Гусар, поправляя свой камуфляж.

Лида задумчиво подняла голову, посмотрела на Михаила, выглядящего абсолютно безразлично, и шагнула из-под его защиты к Лешке.

— Ну, знаешь! Он большой!

— А где связь?! — изумился Гусар, пока над макушкой Лиды Мельник тихо хмыкнул, отступил в сторону и растаял в переплетении ветвей ближайших деревьев, оставляя обоих наедине.

— Блин, Леш! Ну, голову включи! Он большой, понимаешь? За ним прятаться удобно!

Алексей с трудом сдержался от оценки мыслительных способностей невесты, потом протянул ей руку.

— Идем?

— Леш, команды запрещены, — напомнила она весело. — Да и что со мной станет, когда я под твоей защитой?

Напоминать про то, что рядом еще и Мельник Лида не стала. Как не упомянула она и о

том, что на ее груди висит защитный артефакт, силы которого вполне достаточно, чтобы спасти ее от конца света. Не стала девушка говорить о том, что за ней двигался сейчас по пятам маленький юркий зверек, мышка-полевушка, которая в любой момент могла обернуться хоть львом. Снежный зверь самой Лиды, Дени была рядом.

На предплечье чуть пульсировал браслет, готовый в любой момент скользнуть в руку верным обрезом.

И не стоило еще забывать про каплю первородной магии.

Одним словом, девушка свято верила в то, что может встретиться с кем угодно и остаться в живых.

— Действительно, — вздохнул Гусар. — Скворцова, я забыл, насколько ты упряма.

— Фамильное.

— Вот уж точно. Мне и в голову бы не пришло, что ты внучка той самой генерала-лейтенанта Скворцовой!

— А я бы и не подумала, что вы и твои ребята будете так ее бояться!

— Так... — Лешка развел руками, — Скворцова, твое невежество меня пугает! Она... легенда всего северо-западного округа.

— Леш. Помолчи, — взмолилась девушка. — Я все это слышала, только в обратную сторону! Это про тебя говорили, что ты настоящая легенда. И вообще... что-то я Сашку давно не видела.

— Да вон он, — взяв Лиду за плечи, Гусар повернул ее вбок. Саня разговаривал с Мельником, помахал Лиде рукой, и она помахала в ответ. Здесь было все хорошо.

Леший качнул ветвями в стороне, подавая установленный знак — все было готово к проведению праздника леса.

В стороне с видеокамерами стояла съемочная группа местного канала. Эти ребята в последнее время повадились не только делать репортажи разной длительности, но еще и участвовать в празднике леса.

В стороне Марина Петровна — заведующая клубом, стояла у карты с рацией в руках. Эта при деле — сейчас по лесу наряду с полуночниками были и люди, которые выступали в качестве «квестоведущих», то есть тех — кто давал задания или проверял выполнение текущего. На пути следования также рассредоточились артисты, которые должны были выступать в качестве «нечисти» и «нежити», а настоящие полуночники, ехидно похихикивая, собирались показать класс самим артистам.

Все шло, вроде бы, по плану, но на душе было не то муторно, не то как-то тяжело. Недобрая туча нависла над игроками. Поглядывая на небо, где не было ни одного облачка, Лида жалела только о том, что не в ее власти отметить это мероприятие, не пустить никого в лес.

— Леш, я пройдушь перед началом, — пробормотала участковая.

— Скворцова, ты научишься когда-нибудь сначала отдыхать, а потом уже работать?

— Нет, — отрезала девушка, шагнув прочь.

Лешка остался стоять позади, растерянно на нее глядя.

А Лида покружила по поляне, раскланиваясь со знакомыми, обмениваясь последними новостями, пару раз вытаскивала свой планшет, а потом решила смириться с собственной натурой, и пошла к Мельнику на поклон.

Только как оказалось, его еще надо было найти. Лида сделала по поляне один круг, второй. Остановилась в недоумении у дерева, и тут же над ее плечом зазвучало тихое:

— Не меня ли потеряли, барышня?

На этот раз Лида даже не испугалась, подняла голову и расплылась в улыбке.

— Миша!

— Что-то предчувствую я, барышня, что напрасно показался.

— Миш!

— Да, барышня? — вздохнул мужчина.

— А если мне очень-очень надо поговорить по телефону, но надо чтобы меня никто не услышал, это можно как-то устроить?

— Очень нужно?

— Очень-очень! — молитвенно сложила руки девушка.

Ее просьба была выполнена быстрее, чем она успела даже пояснить, что случилось и зачем ей это нужно. Мельник снова протянул руку, взял ее за предплечье, и мир вокруг изменился.

Воздух запах пряной горечью, закачались вокруг вместо привычных берез и осин — непривычные деревья. В стороне снова был виден уже знакомый Лиде баобаб, и свою власть над ней распростерла граница.

И хоть сейчас граница не казалась опасной, да и была здесь Лида не одна, все равно это место для частного разговора девушке не понравилось, она взглянула просительно на Мельника.

— Барышня? — мрачно спросил он. — Когда ты начала вить из меня веревки?

— В детстве! — нашлась с ответом Лида.

— Действительно, — подтвердил Михаил с улыбкой. — Именно что оттуда.

На этот раз мир изменился не так быстро. Мельник опускался глубже, еще глубже.

Теперь над головой изменилось небо. По ярко-голубому полотну прошлись темно-синие прожилки, расстелились алые облака. И показалось, что там, в высоте бьется чье-то сердце. Качнулись колючие ветви, усыпанные бело-алыми цветами. Земля под ногами пружинила, словно болотная трава, но не было ни одного следа привычных девушке земных растений.

Воздух не пах ничем. Был вообще пресным, если можно так сказать. И где-то на границе видимости прочь метнулась темная тень.

— Вот тебе и граница, — проводила Лида эту тень взглядом. — Сдается мне, это был гость?

— Скорее, гостья. Некроманту глубокие слои границы недоступны. Обрато потом не выйдет. А вот баба яга могла бы зайти и выйти благополучно обратно. Удивительная у тебя интуиция, барышня.

— Не уверена, что это именно интуиция, — пробормотала девушка, потом огляделась по сторонам. — Давай взглянем, что она здесь делала?

— Сейчас начнутся соревнования, барышня. Если мы пойдем туда, ты потеряешь от старта два-три часа, здесь время идет по-другому. Уверена, что готова к этому?

— Ммм... Проиграю — придется идти с Лешкой на свидание. Но понять, что здесь делала баба яга — важнее.

«Придется?» — Мельник с немим вопросом в глазах взглянул на девушку, потом двинулся к огромному дереву. Только если в верхних слоях границы он представал как баобаб, то тут уже он принял свой настоящий вид. Огромный дуб, с узловатыми корнями, толстыми ветвями, шуршал на ветру тонкими, почти прозрачными листьями.

А около него на земле была расчерчена огромная пентаграмма.

Мельник бросил всего один взгляд на эту деятельность и рванул Лиду на себя.

— Не подходи!

— Миша?

— Стой, барышня, стой. Здесь, — велел мужчина.

Не понимая, что происходит, девушка послушно осталась там же, где ей и было сказано. В мужском голосе звучала не только власть, но еще и страх. За нее? Разве такие могущественные жители изломов могут бояться за простых людей? Этот почему-то боялся. Странный принц-медведь!

И она сама хороша. Чем вот думала, когда признавалась про свидание? И с чего вдруг на язык попросилось слово «придется»? Чего она вообще о себе думает? Как будто...

В сердце что-то царапнуло.

Та маленькая девочка, которой она была из прошлого, клялась, что никогда не разлюбит принца-медведя. А как только его выкинули из памяти, и в груди образовалась пустота, она заполнилась любовью к другому человеку, который был совсем не похож на Михаила. Разве что стальной стержень у них был похожий. И что-то еще. Что-то...

— Она здесь камлала.

— Что?!

— Камлание это путешествие по священной реке времени, когда будущее многовариантно, а прошлое — однозначно. По этой реке приходят души новорожденных, и по этой же реке уходят души умерших.

— Значит, — мгновенно выцепила Лида из архаичного объяснения самое главное. — Она хотела встретить чью-то душу?

— Не чью-то. Она хотела вытащить мертвых из-за порога смерти. И вернуть их в мир живых.

— То есть, живые мертвецы.

— Да, — Мельник кивнул, похлопал по карманам, вытащил свой нож и кинул его прямо в центр пентаграммы.

Грохнуло так, что заложило уши. Перед глазами почернело, волосы, кажется, встали дыбом! В воздухе повисло целое облако мелкой-мелкой черной пыли, мгновенно осевшей на двух незванных свидетелей.

— А вот теперь придется посетить родник, — вздохнул Мельник, напоминающий сейчас трубочиста. — Барышня, руку вашу прошу.

Девушка дернулась, потом положила свою ладонь поверх мужской руки, и в который раз за сегодня пейзаж вокруг изменился.

Это тоже была граница, только не та, где была территория Лиды.

Здесь был крутой берег и озеро с песчаным дном. И вода в озере была такой прозрачной, что видны были несколько мелких камушков, а вместе с ними видны были и выложенным камнем источники.

— Ночью здесь, конечно, лучше. Это горячие источники, — сказал Мельник, но Лида ему не ответила. — Барышня? — повернулся он встревоженно.

Лида молчала, остановившимся взглядом она смотрела на ровную гладь. И видела сейчас ее и не ее одновременно...

Луна бросала на водную поверхность свою дорожку, полнолуние очень важно для маленькой бабы яги, и девочка стояла на берегу, закутанная только в свои волосы. Недовольно фыркнула, словно сердясь сама на себя. Нет здесь никого!

Принц-медведь умчался на свою работу, строго-настрого наказав не выходить из дома. И келпи его чудесный, с которым так хотелось ей познакомиться, умчал своего хозяина прочь.

И в этом озере даже полуночники не жили. А она стоит тут мнется.

На шее сверкнул медальон, качнулся странный герб на верхней крышке, и, напомнив себе, что она уже взрослая девочка, Лида шагнула по ступенькам в воду. В прозрачной воде мелькнуло что-то темное, но девочка этого даже и не заметила, плывя к центру яркого лунного пятна.

Снова вокруг нее скользнули черные юркие тени, но не смогли даже коснуться, а потом тьма так и ушла прочь, даже не задев маленькую девочку.

Когда она вышла из воды, капли лунного света катились по ее коже, превращая малышку в серебряную статуэтку...

— Миш, кто жил в твоём источнике с горячей водой? — спросила Лида глухо.

— Маленькие кракены. Им нужна была передержка, — отозвался Мельник, умываясь. — Барышня, ты сейчас меня не чище, иди, отмывайся.

— Иду, иду... А кого бы они не тронули?

— Кащя только. Некроманта порвали бы сразу же, а бабу ягу притопили, чтобы на их территорию не заходила, я поэтому и говорил тебе, чтобы ты к озеру ночью в полнолуние не подходила. Вспомнила это?

— Да... — пробормотала Лида, подходя к воде.

Надо было внимательнее смотреть по сторонам, надо было не думать, что все вокруг неизменным осталось!

Потому что когда девушка потянулась к небольшому бортику, чтобы на него опереться, его рядом не оказалось, и с удивленным вскриком, Лида оказалась в горячей воде с головой!

— Барышня! — встревоженный Михаил подскочил ближе, протянул руку.

Лида взглянула на него, расцвела в совершенно шальной улыбке, и прежде чем мужчина успел сообразить, что огонь-девка что-то задумала, приняла его ладонь и рванула на себя, роняя в воду.

И над спящим озером зазвучал ее радостный смех...

Лесной квест Лида проиграла. Она проиграла даже Алексею, хотя и не собиралась. Но при этом ее ясный взгляд и улыбка делали все, чтобы сердиться на эту очаровательную девушку было попросту невозможно.

На подведение итогов она появилась в джинсах и белой водолазке. Разговаривала со знакомым, поздравила искренне Мельника, хотя и не могла понять, как это жук, появившийся в игре спустя четыре часа после ее начала, умудрился взять второе место!!! В то время как она, зная досконально все эти места, получила только седьмое. В своем рейтинге Лешка был шестым, и по чистым показателям он Лиду тоже обогнал.

Впрочем, в обиде девушка не была.

Раскланялась с Макаром Никифоровичем, проверила, чтобы все было в полном порядке в деревне и на стоянке для награждений, и, прихватив с собой Шторма, отправилась патрулировать.

Остался последний вечер лесного осеннего праздника.

Патрулирование прошло без проблем, а вечером, когда у лесного озера вспыхнули костры и зазвучали гитары, Лида пришла на вечеринку.

Шумел смех, рассказы про сегодняшний день напоминали байки, но ручеек веры до сих

пор еще не пересох, насыщая и лесного хозяина, и водяного для того, чтобы они могли подготовиться к зиме. Да еще и не стоило забывать про силу, которая лилась полноводной рекой от Лиды и с каждым днем становилась все устойчивее и чище — тоже.

Лешка был окружен своими ребятами, попытался вырваться пару раз, видя в стороне Лиду, но так и не смог. А она покружила по поляне, нашла Димку, задумчиво слушающего рассказ Сани, улыбнулась оперативнику и помахала рукой, но не подошла.

Расследование до сих пор было не закончено, но участковую от него отстранили, как только стало понятно, что дело складывается в целую цепь. С понедельника Саню и еще двух ребят из Лешкиного отряда приписывали к Лукам. Лиде было немного обидно, но в то же время она понимала, что будет обузой. В преступлениях полуночного мира она была еще новичком. И как правильно сказал Лешка — в ее знаниях были настоящие лакуны.

И пока бабушка здесь, а еще неделя и ее отпуск закончится, этим надо было воспользоваться! Во-первых, надо было все-таки стрясти с Миши, что там он накрутил с запечатыванием ее памяти, что до сих пор не может сказать! Во-вторых, надо было активно потрясти бабушку на предмет получения нужных знаний. Наконец, надо было объехать заповедник и заняться составлением его карты. К тому же, не лишним было бы составить список всех, кто есть на ее территории из полуночников и что им нужно будет весной для того, чтобы существовать.

А еще...

Найдя взглядом фигуру Мельника, сидящего у костра с папой и бабушкой, Лида прошла к нему и села рядом, привалившись к теплому боку, закрыла глаза, позволяя себе немного отдохнуть.

От крепнущего ветра ее скрыла теплая куртка, которую Михаил набросил ее на плечи, даже не заметив этого.

Потрескивал костер, в ветвях завывал ветер. Подошедший Димка что-то жарко рассказывал старшему поколению. Рядом посмеивался Мельник, глаза закрылись сами собой.

И видела во сне Лида свой собственный кабинет, сейф и хрустальный стакан, в котором плавал тот самый странный кусок земли. И один за другим, на ее глазах, от этого комка отрывались частицы грязи, таяли, освобождая из-под толстой корки грязи удивительно красивый венчальный медальон, состоящий из двух половинок, со знакомым гербом на верхней крышке. Гербом, который она видела совсем недавно в своих воспоминаниях о прошлом, гербом, который был известен в полуночном мире как родовой герб семьи Михаила Мельникова — Мельника...

6. Хозяин снежного зверя

Выспаться, как Лида втайне надеялась, в понедельник ей не дали. В точности оправдывая слова древних о том, что понедельник день тяжелый, примерно в десять часов с небольшим планшет разразился негодующей трелью, да еще так громко!

Искренне недоумевая, как такое возможно, совершенно растрепанная Лида свесилась с кровати, нашарила планшет и включила громкую связь.

— Да, — хрипло спросила она, еще пытаюсь понять, с чего бы это вдруг связь соизволила к ней вернуться, хотя ночует она дома! В месте где вот уже полгода связь не появлялась в принципе!

— Скворцова! Ты еще спишь что ли?

— Блин! — девушка с трудом подавила первое желание нажать на отбой. — Леш, сдурел?! Что я могу делать в понедельник, первый выходной после прошедшего и, к счастью, закончившегося без эксцессов праздника леса?

— Готовиться к свиданию, — как ни в чем не бывало сообщил мужчина.

— Какому еще свиданию? — вздохнула Лида, затягивая планшет на кровать и устраивая на подушке рядом с тобой. — То ли я плохо с утра соображаю, то ли ты не очень понятно объясняешь.

— Скворцова... Не тупи, родная.

— Леш, по утрам — я не человек, особенно когда позади такая нагрузка, и я не успела выспаться! Я тебе об этом уже говорила.

— Да? Давно?

Девушка опешила настолько, что глаза, которые открываться не хотели, распахнулись быстрее, чем ей этого бы хотелось.

— Да, не особо. Еще когда на последнем курсе была, ты надо мной смеялся. Леш... — голос Лиды стал сердитым и недовольным. — А сколько моих писем ты вообще читал? То, что ответил ты сам хорошо если на три-четыре из них, с этим я уже успела смириться. Но сколько ты читал?

— Половину. Наверное.

— Леш!

— Ну, что? — Гусар вздохнул. — Скворцова, ты плохо представляешь себе суть работы полуночного отряда оперативного реагирования. Мы... вокруг постоянно была грязь. Мне не хотелось даже открывать их. Я берег, ждал... но...

— Леш. Достаточно. Будем считать, что в этом вопросе я благополучно тебе поверила, и на этом мы закроем тему.

— Такая самодостаточная невеста — сущее наказание. Слышишь, Скворцова, ты — мое наказание.

— Ты мне говорил.

— Да? — растерялся Лешка, — а это когда было?

— В старших классах... Ты говорил. Да ты много чего говорил. Что я твой личный кошмар, что я тебя раздражаю. И вообще, Леш. Если ты закончил, дай я спать вернусь, а?

— Скворцова, когда ты успела настолько измениться?

— Я?! — настала очередь Лиды терять дар речи.

— Ну не я же.

— Да нет, Леш, как раз ты здесь больше всех изменился.

— Я просто повзрослел.

— И поэтому продолжаешь называть меня по фамилии?

— А это уже из чувства ностальгии, чтобы вспомнить те дни, когда я был глупым мальчишкой, и не знал о мире полуночников... Тебя это обижает? — тихо уточнил Алексей.

И Лида задумалась.

Он всегда ее так называл. Быстрее было дожждаться свиста рака с горы в четверг под дождичком, чем услышать от Лешки ее имя. Но действительно ли ее это обижало?

Вот в устах Мельника звучит это «барышня» — мягко-медово, раскатисто. Хочется глаза закрыть и слушать, слушать. А когда Лешка...

Девушка вздохнула.

Дальше думать было опасно.

— Да нет, Леш, не в этом дело. Просто... вроде взрослые люди. Жених и невеста, хотя ты сам сказал, что невеста из меня настоящее бедствие. Но, тем не менее, когда ты меня по фамилии называешь, у меня такое ощущение, что мы чужие люди. Хотя, с тем учетом, сколько мы не виделись... может так оно и есть?

— Нет уж!

— Что нет?

— Ты моя.

— И где связь?! — потеряла смысл происходящего Лида.

— Прямая. Если ты надеялась, что я скажу, что да — мы так давно не виделись, не общались, стали совсем чужими и от тебя откажусь — ты ошибаешься. Ты моя невеста. И никакому Мельнику я тебя не отдам! И заезжим операм — тоже!

— Добавь сюда еще случайно заплывшего в нашу заводь русала, — засмеялась девушка. — Лешка, ну, ты же не был таким ревнивым. Собственником, да, был всегда. Но твое «мое» всегда звучало как клеймо. Что изменилось?

— Ты.

Простое слово прозвучало тихо и определяюще.

Лида могла бы сказать, что она совсем не изменилась! Но... это было бы ложью. Она изменилась. Изменения начались с появлением в ее жизни не Мельника — снежного зверя.

Все происходило так быстро, что Лида не успевала опомниться. Полуночники. Существование тех, в кого она никогда не верила. Появление Мельника. Рима. Правда о матери. Правда об отце. Устройство этого мира. Помолвка с Мельником. Бабушка. Возвращение Лешки...

Мир, который еще недавно был простым и понятным, стал многогранным, в котором все для нее было неизвестным, непонятным. Потому что не помнила саму себя.

— Скворцова?

— Леш. Ты вообще зачем звонил? — вспомнила Лида о первоначальной цели своего молодого человека.

— Пригласить тебя на свидание. И не в плебейское кино, а в нормальный театр. Потом в ресторан.

— Такая программа подразумевает, что мы не вернемся вовремя, — заметила Лида.

— Снимем люкс в отеле.

— Ты разбогател?

— Знаешь, у моей работы есть один плюс. За нее платят достаточно. Я не хотел, чтобы

это звучало именно так... Скворцова, давай переедем?

— Что?

— Я зарабатываю вполне достаточно, чтобы ты могла ни в чем себе не отказывать. Переедем в город. Если хочешь — в Брянск. Хочешь — в Москву. Купим квартиру, новую машину. Если захочешь — даже личный самолет персонального класса!

— Леш...

— Я не хочу, чтобы ты была участковой для нечисти, не хочу, чтобы ты была их «матушкой». Я хочу, чтобы моя жена была здоровой, молодой и красивой, а главное — живой.

— Лешка!

— Скворцова. Ну, подумай что ли головой! Некромант на Земле... да что там на Земле в России — далеко не один. И тварей, которые пойдут на все, чтобы поживиться силой «матушки» полуночного народа, тоже много. Давай мы все бросим? Я могу уволиться. Отработаю срок по контракту и все. И достаточно. Устроюсь на работу. Или открою свое дело. Только бросай! Бросим все и сбежим. Давай?

— Я тебя не узнаю.

— Я не хочу тебя терять. Я не хочу тебя лишаться. Я готов на все, я готов даже убить страшного большого медведя, только чтобы тебя никому не отдавать.

В сердце кольнуло.

Что значит убить?! Что значит большой и страшный? Он ведь на Мельника намекал, да? Нельзя! Нельзя-нельзя-нельзя!

— Скворцова, — судя по долгому молчанию, Лешка хотел сказать, куда более грубее, и ему пришлось подбирать выражения более мягкие и... деликатные. — Не делай из меня чудовище, а? Я защищаю добропорядочных граждан, а не убиваю их вместо развлечения. Ревность не повод расчехлять табельный револьвер.

— Леш, мне бы это и в голову не пришло!

— Да?

— Да! — передразнила сердито Лида, садясь на кровати. — Я не хочу.

— Что?

— В отель не хочу.

— Значит, я привезу тебя домой. Наверное, так даже будет лучше. И безопаснее.

— Вот про безопаснее ты точно подметил. Лешк... А может, ну его? Этот театр, ресторан? Посидим дома, посмотрим DVD? Я сделаю...

— Нет, — перебил мужчина, даже не дослушав предложение до конца. — Я помню, что ты научилась готовить пирожки. Это письмо я читал. И про то, что вы купили широкоформатную плазму — тоже помню. Но какое же это свидание, если ты полдня проведешь у плиты, а?

— Обычное...

— Обычное свидание будет, когда уже... Неважно. Этот вариант отпадает, самым решительным образом!

— Лешк...

— Так, мы идем в театр. На Дездемону. Потом мы идем в ресторан. Потом я привожу тебя домой. Заеду за тобой в шесть тридцать. Моя карета будет хоть и черной, но чисто вымытой. И... Скворцова...

— Леш, если ты скажешь хоть слово насчет моего внешнего вида или манеры одеваться,

я тебя стукну. Больно.

— И в голову бы не пришло такое! — вздохнул Гусар. — Я хоть и... далеко от тебя был, но кое-что не забыл. В том числе и то, что рука у тебя тяжелая!

— А обиды то сколько!

— Скворцова! Женщину должен защищать мужчина! А тебе дай в руки твой пистолет и что? От тебя надо защищать окружающих!

— Леш. Прекрати, — попросила задетая за живое Лида.

— Больше не буду, извини. Но могу я надеяться на положительный ответ?

— Но почему именно сегодня?!

— Потому что потом ты откажешься! Придумаешь десятки отговорок.

— Я?!

— Почтальон Печкин, Скворцова. Не строй из себя блондинку. По части отмазок ты в школе была лучшей, никто из пацанов тебя перещегоолять не мог, хотя попытки были.

— А ты завидовал!

— Всегда.

— Если ты сейчас пошутил, то мне — не смешно.

— Да над чем здесь смеяться то? Сам дурак, — самокритично заметил Гусар, потом вздохнул. — Чтобы от тебя что-то получить, нельзя давать тебе опомниться. Поэтому пришлось прибегнуть... Как ты это называла? Методы повышенной несправедливости.

— И запомнил же! — изумилась Лида. — Это было в одном-единственном письме!

— В котором ты жаловалась на своих подруг. Одну мастерицу по интуиции, вторую любительницу парней по татами катать. Три сестрицы. Видишь, я помню. Я не настолько безнадежен, как могло бы показаться с первого взгляда.

— Ты еще добавь, что ты хороший!

— А вот это, — пафосно заметил Лешка, — я предпочту услышать от тебя. Ну, так что? Да?

— Ну, хорошо, — уступила Лида. — Да, да, да.

— Чудесно. Заеду в шесть тридцать, о моя принцесса!

— Хорошо хоть не золушка, — добавила девушка, когда в ухо ударили гудки отбоя. Счетчик высветил, что разговор длился двадцать две минуты сорок семь секунд. Сна не осталось ни в одном глазу.

Кровать была мягкой, такой привлекательно-притягательной и можно было в нее вернуться, укутаться в мягкое покрывало и заснуть, но... собственный организм девушка успела изучить досконально еще за годы учебы. Раз проснулась — назад ложиться бесполезно.

Можно было бы дойти до Мельника, ночевавшего в комнате с папой, и napроситься на какое-нибудь заклинание сна в его исполнении, но... пользоваться силой Миши в таких лично-коварных целях Лиде не хотелось.

Хотя к нему хотелось.

Хотелось снова испытать, как он накладывает заклинания. Даже не сами заклинания то, а когда стоит рядом, близко-близко, так близко, что сердце колотится, как пойманная птица.

Забравшись в кровать, Лида зажмурилась и позволила себе помечтать. Интересно, свидание с Мишей, каким бы оно было?

Безусловно, и речи идти не могло о том, чтобы он куда-нибудь ее пригласил, но... но... Каким?

Он очень спокойный, мягкий и деликатный.

Добродушный и большой.

Но ему не очень нравятся люди.

И не очень нравятся полуночники.

Ему и там и там не то, чтобы некомфортно, а как-то... погранично что ли. Он настолько привык к тому, что и там, и там ему нет места, что больше сам не оставляет его в своей жизни.

Мысли снова зашли на опасную колею, и Лида, потянувшись к расческе, тихо позвала:

— Тимофей...

Домовой появился в комнате с подносом, на котором стояла чашка с кофе, тарелочка с ватрушками. На его лице пополам со смущением играла яркая улыбка.

— Доброго утречка, матушка!

— А как же... Как?! — выдохнула Лида.

— Мельник сказал, матушка. Что проснулись вы, и кофе сейчас попросите сделать.

Лида закрыла губы ладонью, но все равно они разъехались в шальной улыбке.

— А сам Миша?

— Уехал, матушка. Сказал, что у него дела есть, а вы сегодня заняты будете. И бабушка ваша сегодня встала рано, с ним уехала.

Сердце снова кольнуло.

«Ты помнишь, кто здесь твой жених?» — сделала себе Лида суровое внушение, потом улыбнулась Тимофею:

— Спасибо за кофе и ватрушки! С апельсиновым джемом?!

— Да, матушка. Ваш брат сказал, что вы среди прочего его любите.

— Ну, Тимофей, удружил!

— Рад стараться, матушка.

Домовой поклонился с чувством собственного достоинства и пропал.

Лида, расчесав непослушную копну волос, перебралась за стол.

Все было хорошо, а почему-то неожиданно захотелось плакать.

Вчера закончился праздник леса. Они просидели за костром не так уж и долго, не то до трех часов, не то немногим больше, а потом все разошлись по домам.

Были потушены костры, затихли гитары, и пакеты с мусором были вынесены на свалку.

Впервые за праздник не произошло вообще никаких эксцессов. С обывателями. И полуночниками тоже. Дети благодаря бабушке, хозяевам лесному и водяному были в безопасности и не помнили ничего о том, что случилось. Взрослых защищало их неверие в мир полуночников, а вместе с ним отряд элитных спецназовцев. Лида и Мельник пережили убойное проклятье. К счастью, пережили.

Что случилось Лиде не сказали, но и бабуля, и сам Миша в один голос сказали, что ночевать сегодня будут не на Мельнице, а в доме Степана Викторовича.

И вместо того, чтобы сразу отправиться домой, на часах было без четверти четыре, Лида отправилась в участок.

Когда в четыре утра вернувшись домой, она упала в кровать, Миша и папа с бабушкой еще сидели на кухне. Тимофей внимательно слушал разговор, да время от времени подливал им в кружки свежий чай.

Остаток ночи прошел без тревог. И это было добрым знаком.

А сама Лида, в отместку родным, не сказала ни слова о том, зачем ездила в участок,

верхом на келпи Шторме, вместо того, чтобы сразу отправиться спать.

Она надеялась, что сон, приснившийся ей у костра, был в руку! И медальон в ее сейфе действительно освободился от грязи. Но, увы... Сон поманил надеждой, но не сбылся. На пару кусков грязи стало меньше, но действительно ли это нечто было приснившимся медальном, сказать было до сих пор нельзя. А Лида так надеялась!

Планшет еще лежал на краю кровати, приветливо высвечивая полную антенну связи. И, решившись, девушка потянулась к клавише быстрого вызова, на которую пару дней назад добавила Мельника.

«Ты не имеешь права!» — рассердилась Лида сама на себя. Протянутая рука зависла в воздухе и упала на стол. Чуть обиженно звякнуло блюдце, брызги горячего кофе попали на руку. И стало не до звонков и не до собственных душевных метаний.

А потом Лида напонила себе, что она девушка гордая — это раз; она понятия не имеет, как Мельник к ней относится — это два; у нее есть жених — и это три; она сама не знает, как относится к Мише — и это контрольное «четыре».

Пожалуй, вот это «контрольное» и было самой большой бедой.

Прежде чем что-то желать от окружающих, следовало разобраться в себе.

Безусловно, ее к нему тянуло, как магнитом. Обаяние Миши, наверное, было такой силы, что перед ним никто вообще не смог бы устоять. К тому же, он был ее бывшим женихом, ведь помолвку то тогда разорвали. Значит, бывший. Только принцем-медведем для Лиды он оставался по-прежнему.

И... Щеки залило лихорадочным румянцем, наверное, всего на самую малость, на чуть-чуть, она была в него влюблена.

А любила Лида, конечно же, Лешку.

Пусть даже он такой...

Далекий. Чужой.

«Кого я люблю?» — пришло в голову резкое. — «Я люблю того мальчишку из детства, но этого незнакомого мне человека любить я не могу! Я ведь ничего о нем не знаю. Чем он жил, как он жил, чем занимался, как работал. Он не читал половину моих писем, и... не знает огромный пласт из моей жизни. Мы сейчас два незнакомца, которым только предстоит познакомиться сначала. Но он в отпуске, у Лешки не так уж и много времени на это. А у меня работа, полуночный мир. Человек, меня хорошо знающий, никогда не предложил бы мне бежать от того, что составляет важную часть моей новой жизни! Ведь я... я...»

На смену резкому настрою пришла грусть.

Она не знала этого.

Лида больше не знала, кто она. Человек. Несостоявшаяся Баба яга. Дочь женщины попробовавшей плоть русалки. Матушка полуночного мира. Участковая для нечисти. Валькирия по характеру, как называл ее Шторм.

Кто она?

Ни то, ни се.

Поэтому и была недостаточно хороша для Миши.

Поймав мысль за краешек хвоста, Лида рассердилась сама на себя.

Можно подумать, это самое важное!

Можно подумать, нет...

«Нет, так не пойдет», — отставив в сторону опустевшую кружку, Лида подошла к

зеркалу, взглянула на себя. — «У тебя сегодня свидание с Лешкой. Театр и ресторан. А на улице осень, а вечером холодно, и твое осеннее вечернее платье нуждается в глажке, а ты сама — в ванной с молоком и травами, а то похожа безо всякого полуночного волшебства на натуральную бабу ягу. Марш приводить себя в порядок!»

Бросив взгляд на шкаф, Лида застелила постель, прихватила бутылочку с апельсиновым эфирным маслом, пару ароматических свечей и отправилась в ванную, сделав себе строгое внушение. О могущественном Мельнике сегодня не думать и постараться получить удовольствие от свидания.

Постараться!

Ну, хотя бы приложить к этому хоть какие-то усилия!

...Положа руку на сердце, к театральным постановкам по классике можно относиться по-разному. Можно считать, что поскольку это бессмертные произведения, то их ничего вообще не испортит. Можно кинуться в другую крайность и высказывать мнение в том смысле, что поскольку — это классика, всемирно известные произведения, а значит, у каждого его читателя есть уже свое мнение и свой устоявшийся стереотип. Соответственно, продолжая эту линию, можно заключить, что любое отклонение от канона — новое прочтение, как модно сейчас говорить, может привести к тому, что произведение будет безвозвратно испорчено.

Можно рассматривать ситуацию с другой стороны и обратить внимание в первую очередь на того, с кем именно это произведение ты смотришь. Так и самая жуткая постановка начинает блистать играть новыми красками. А в компании, в которой человеку ужасно некомфортно, даже самая прекрасная постановка обретет тысячи плохих моментов — все, ради того, чтобы появился повод уйти.

Таким образом, отправляясь на свидание, Лида надеялась, что постановка будет достаточно интересной, чтобы в случае, если ситуация пойдет по самому плохому пути, можно было отвлечься. Хоть немного, хоть чуть-чуть!

Ситуация по самому худшему пути не пошла.

Лешка появился ровно в шесть двадцать пять, в темно-синем костюме с искрой, на черном мощном джипе, на котором можно было протаранить, кажется, слона и при этом не пострадать. В руках (и откуда только взял?!) у Гусара был букет красивых розовых роз.

Лида, до последнего сомневающаяся в том, было ли это хорошей идеей, все-таки растаяла.

Степан Викторович на крыльцо не вышел, Тимофей был на кухне, занимался ужином для мужской половины семейства Скворцовых, поэтому Лида, приняв букет и скользнув губами по щеке Лешки, понесла букет сама в свою спальню.

Когда она вернулась, Лешка уже смог взять себя в руки.

Он уезжал от симпатичной молоденькой девчонки. Да, Лида в школьные годы была очень симпатичной. И эти две косы, и задорная улыбка, и совершенно шальные серые глаза. Мальчишеская фигура и манера пинать мяч в дворовый футбол с мальчишками.

Когда он вернулся, ему показалось, что она ничуть не изменилась. На смену неизменным джинсам пришли штаны-хаки, рубашки и водолазки, пиджаки и разгрузочные жилеты.

Он был уверен, что все так же, она все та же.

Но к тому, что Гусар увидел, готов он не был. К этому нельзя было подготовиться!

Да, безусловно, Лида присылала фотографии. И в той половине писем, что он открывал,

они встречались. Но ни одна фотография на свете не может передать красоты юной женщины, застывшей на пороге своего полного расцвета. Никакая фотобумага не может передать тонкого румянца смущения и ясности улыбки.

Она появилась на пороге не в классическом брючном костюме, хотя от Лиды этого можно было ожидать. Не выбрала она и юбку, что-то до колен, к которой она привыкла в своей форме. Девушка была в платье.

Длинном, бархатно-сером. Исчезла полицейская, несущая свой долг.

Исчезла матушка для полуночников, была только красавица, в одеянии из тумана. Волосы были убраны в сложную ракушку, несколько прядей щекотали шею и качались вдоль щеки, и их безумно хотелось сдвинуть в сторону.

Туфли лодочки, белоснежная накидка на плечах, что-то вроде вязаной шали — Гусар в этом не разбирался. В конце концов, когда раздеваешь женщину, не думаешь о том, как называется то, что на ней надето.

Сейчас он об этом немного жалел.

Открыв перед своей прекрасной спутницей дверь машины и предложив ей руку, чтобы Лиде удобнее было сесть, Лешка с какой-то усталой злостью подумал о том, что не стоило ее оставлять одну.

Мысль пришла и ушла, он сел за руль, закрыл дверь, повернул ключ зажигания и бросил взгляд на спутницу.

— Включить печку?

— Нет. Не настолько холодно, чтобы ее включать, — девушка, пристегнувшись, мечтательно взглянула в сторону близкого леса. Золотой колер радовал взгляд своим теплом. Бархатные сумерки еще только-только запутались в ветвях, и багровый шар солнца еще катился к горизонту, взбивая себе перину из облаков. — Ночью будет дождь.

— Как ты к нему относишься? — спросил Лешка.

Лида улыбнулась:

— Не люблю. До сих пор не люблю. А ты полюбил?

— Научился находить в нем свою прелесть. Он тихий. Успокаивающий. А еще его запах...

— Запах?

— Дождь пахнет свежестью. После дождя, помнишь из школьного курса естествознания, пахнет озоном? Один из способов определить рядом большое скопление полуночников — это дождь. Если он прошел, а озоном не запахло — значит, они рядом.

— Страшно? — спросила Лида тихо.

Лешка пожал плечами:

— Первое время, когда я только узнал, что по распределению попадаю в отряд полуночного спецназа — было жутко. Не страшно, а именно вот эта жуть. Она заглядывала ко мне в кровать, желала мне доброго утра. Смотрела на меня со dna обязательной кружки кофе. В такие моменты я думал, что ты бы не оценила мою трусость, и брал себя в руки.

— Неужели нельзя было отказаться от этой работы?

— Солнышко, — Лешка протянул руку и все-таки сделал то, что хотелось, качнул завитой локон у щеки. — Такая взрослая, а еще такая наивная. Эту работу тоже должен кто-то делать. И лучше, если это будут делать лучшие из лучших. Или, как в моем случае, те, кто до этих лучших под хорошим началом может дорасти.

— Ты смог?

— Кто знает. И... Скворцова, — вернулся безмятежно-легкий тон в разговор, — давай мы поменяем тему? О днях моего боевого прошлого и настоящего, мы поговорим в другой раз.

— Хорошо, давай тогда... о...

— И не о полуночниках.

— Даже не думала! — открестилась Лида.

Гусар хмыкнул.

— А глаза бегают. Врешь, Скворцова.

— Не вру! Стратегически утаиваю информацию, не ты ли говорил, что это разные вещи?

— Это говорила ты. Перед уроками математики, списывая у Димки контрольную работу.

— Да? — Лида засмеялась. — Ну, это вина математика, что я утаивала от него свои незнания в некоторых темах.

— А не твоя разве?

— Нет! Я была пацанкой, мне в принципе математика не могла быть интересна!

— Как история, литература, музыка, русский язык...

— Это все были временные помехи на пути к величию! — ухмыльнулась девушка. — Ну, знаешь, когда эти предметы отвлекали меня от того, что мне действительно было интересно.

— А потом весь преподавательский состав хватался за голову. Скворцова Лида заняла первое место по стрельбе из пневматической винтовки! Скворцова Лида заняла второе место по лыжам. Команда нашей школы заняла первое место в школьных сборах, благодаря Скворцовой Лиде, отлично разбирающейся в спортивном ориентировании.

— Ага, а к этому прилагалось, «разбила окно», «перевернула парту», «поставила Диме из Б-класса фингал под глазом», и как венчающий аккорд — «курила за углом клуба!»

— Последнее было неожиданностью для всех, — согласился Лешка.

— Первый и единственный раз попробовала, — фыркнула девушка, — и по закону подлости, на нем поймали, отругали, лекции читали, папе настучали.

— Чем, кстати, закончилась та история?

— Папа разрешил сесть верхом, чтобы у меня еще меньше свободного времени оставалось! Он, наивный, считал, что это поможет!

— Не помогло?

— Чтобы лишить меня своеволия? Нисколько!

— Чтобы ты не упрячилась... — Гусар задумался. — Нет, даже не могу себе представить, что надо тебе посулить, или что нужно сделать, чтобы этого добиться.

— Вот и не представляй! — заменила Лида просящиеся на язык слова «быть Мельником».

— Ладно-ладно, упрямая моя, этот ответ я тебе еще припомню!

— Вот! И тогда также ты говорил. А потом, «Скворцова к директору», «Скворцова к заучу» и начинается: «Лида, ты же девочка! Ты же...» и дальше полчаса воспитательной тирады, заканчивающейся обязательным: «Бери пример с Лешки Гусарова, вот молодой человек — образец отличного школьника». Веришь, если бы я в тебя уже тогда влюблена не была, я бы тебя возненавидела.

— Брррр, — передернулся Лешка, хорошо помнящий какую веселую жизнь его невеста

устраивала однокласснице, с которой вела холодную войну с периодическим обострением, выливающимся в боевые действия. — Насмотрелся, я на твое «ненавижу», еще когда ты с Юлькой воевала.

— Мы не понимали друг друга, — развела Лида руками. — Я не понимала, как можно быть такой гламурной кисо, а она — как можно носить джинсы, лазить по деревьям, гонять с пацанами мяч и бить окна.

— Полные противоположности.

— Почти.

— Было что-то, в чем вы сходились? — изумился мужчина.

— Лешка, не глупи. Мы обе были влюблены в тебя. Это была единственная точка соприкосновения, а заодно это только подкидывало дровишек в костер нашей ненависти.

— Вот как... Не знал, не знал. О, говоря о точках соприкосновения. Помнится, мне Димка был в тебя влюблен безумно. Где он сейчас?

— В Штатах. Сказал, что в России заниматься наукой невозможно, а она его любимая женщина. И смылся первым же самолетом после того, как ему предложили вакантное местечко.

— Да ты что! — Лешка, взглянув на часы, перестроился в соседний ряд, как только они выехали на трассу, и увеличил скорость. — Он же был таким правильным парнем.

— Был, — согласилась Лида.

Школьная тематика оказалась благодатной почвой. От некоего напряжения, которое еще витало в машине в самом начале, не осталось и следа.

Они разговаривали обо всем: школьных друзей и приятелях, учителях и соревнованиях, играх, учебе и устраиваемых проказах. Настроение того времени, легкая ностальгия смешанная с задорной и едва уловимой грустью, сопровождала Алексея и Лиду до самого конца вечера.

Только, не стоило надеяться на то, что начавшийся так хорошо вечер может закончиться без эксцессов.

Некромант не дремал, и как только Лида оказалась за пределами домашней территории, как только она вышла из поля зрения страшного Мельника, он нанес свой удар. Видимо, легендарный Гусар из отряда оперативного реагирования его не пугал. А может быть, любое качество, на взгляд некроманта, могло быть разбито количеством.

Машина была оставлена на парковке почти в квартале от ресторана. Но можно было и сократить путь, пройти по довольно безлюдному парку Звездный. В такое время прохожих уже не было, мягкий свет «шаров»-фонарей разгонял сумерки с тротуара, заметал листья, качал ветви и вниз сыпался золотой листопад.

Платье девушки мягко шуршало по сухим листьям. Каблучки едва слышно цоколи. День выдался все же довольно насыщенным, и Лида, опираясь на локоть Лешки, почти дремала.

Шум ветра, шелест ткани, запах его одеколona, ночной недосып — все сложилось воедино, став камнем на шее утопленника.

Когда ветви зашуршали слишком сильно, девушка не успела среагировать, и если бы не Лешка — то она пала бы жертвой первой же образины, выпрыгнувшей из-за низких парковых кустов.

Это было...

Ну, по крайней мере, Лида могла себя поздравить с тем, что ее иллюстрированный «словарик» полуночного мира только что пополнился еще на одно слово и на один образ,

потому что то нечто, что выпрыгнуло на дорожку, ей знакомо не было.

И даже в фэнтези книгах ничего подобного она не встречала.

У этого нечто было много ножек. Четыре, восемь, двенадцать... на шестнадцати Лида сбилась, а начать считать заново уже не успела, потому что, развернувшись от Лешки, четыре шустрые многолапые с усиками и очень впечатляющими клыками, помчались дружно к ней.

— Осторожно!

Возглас запоздал, мощными жвалами ближайшая тварь вцепилась в серую плотную ткань платья и выдрала кусок. На асфальт, разъедая его, падала зеленая кислота.

— Очень весело! — Лида дернулась прочь, остро жалея, что на этих каблуках и в этой юбке легко с асфальта ей не вскочить. Нужно была хоть какая-то опора, а до нее было ползти метров пять, не меньше.

— Ложись! — крикнул Лешка.

Девушка выполнила приказ, и огромная многолапка — размерами куда больше, чем те, что напали на нее снизу, мелькнула в прыжке у нее над головой.

Жахнул выстрел, от громкого звука заложило уши, и словно в замедленной съемке девушка увидела, как медленно-медленно падает та крупная тварь, что до нее не добралась. А Лешка заплатил за то, что вместо того, чтобы отступить, потратил драгоценные секунды на то, чтобы вытащить табельный пистолет. Еще две многоножки, притаившихся в засаде, прыгнули одновременно уже на него.

От одной мужчина увернулся, но от второй не успел. Ядовитые жвала вцепились ему в плечо.

Лида, наконец-то добравшись до скамейки, с ее помощью смогла подняться. Предусмотрительно держась подальше от радиуса досягаемости жвал незнакомых тварей, начала двигаться к Лешке.

А спокойствие ночного парка снова было нарушено. Второй выстрел, третий... пятый.

Когда закончилась обойма, на асфальте остались только трупы.

— Леш! — участковая, пожалев, что к платью не подходила кобура с табельным револьвером, подскочила к мужчине. — Там что, яд?!

— Помимо кислоты? Да.

— Надо срочно перебинтовать!

— Не поможет. Надо домой. За молоком.

— За чем?! — изумилась Лида, отрывая наспех от окончательно испорченного платья еще длинный кусок и все же завязывая мужчине руку.

— Молоко, родная. Молоко. Помнишь, как в сказках? Искупался в кипящем молоке, потом в ключевой ледяной воде — вышел писанным красавцем. Так и здесь, молоко многие проклятья и неприятности после полуночников снимает.

— Надеюсь, тебе в нем купаться не придется? — спросила девушка тихо, потом обернулась. На аллее, вдалеке, показалась темная тень. — Леш...

— Вижу.

— А кто сказать можешь?

— Обижаешь, милая, я же Гусар! Легенда. К нам идет лич.

Сердце стукнуло где-то в горле, а потом страх охватил его ледяной удавкой. Затряслись руки. Ноги ослабли, и если бы не спохватившийся Лешка, Лида просто бы упала.

— Скворцова?! Мать твою! Скворцова, возьми себя в руки!

Лешка, болезненно поморщившись, попробовал схватить девушку на руки, но его правая рука висела плетью, и на попытки заставить ее работать отзывать не пожелала.

— Скворцова... Ну, Лида же! Лида!

Уши заложило.

В глазах повисла черная пелена.

Рядом кто-то кричал, кажется, звучал знакомый голос. Но страх был куда сильнее.

Вроде бы она должна была что-то вспомнить, но не могла.

Страх был детским, застарелым, жизнеопределяющим. Слишком пограничным, чтобы можно было взять и про него забыть!

А потом прошлое качнулось навстречу.

Исчез парк и золотой листопад, снова вокруг расстелились серые коробки домов, узкий переулок и мчавшийся за ней, маленькой девочкой, лич.

Кажется, там, за спиной лича стояла фигура, какая-то, Лида тогда его не увидела. Она просто бежала, изо всех сил, надрываясь, пока сердце колотилось в горле, пока ужасно болела правая нога, на которой сомкнулись челюсти этой странной твари, которая появилась из огромного люка, когда она просто шла по тротуару.

Нога болела, из-за нее дергало все тело, слезы катились из глаз, но она сердито их смахивала и упрямо бежала дальше!

Ей нельзя было попадаться на зубы вот этому страшному, с гнилым дыханием! Один кусок не страшно: молоко, мед, две части подорожника, одна часть липы и две части льняной толокнянки с границы — и все будет хорошо. Но если он вцепится, как следует, она потеряет свой дар, поэтому надо бежать, бежать еще быстрее!

Волхвы говорили, она случайно услышала, что ее дар нестабилен! И что нельзя такую девочку, как она, Мельнику отдавать. Род Мельниковых свое бережет, а ее неплохо было бы исследовать. Значения слова Лида не знала, но поняла, что ее дар — это то, что может помешать ей быть с принцем-медведем, поэтому бежала.

И как назло рядом никого не было, кого можно было бы попросить о помощи.

Только... ну, неужели тупик?!

Нет, там кто-то стоит! Кто-то... маленький?

...Щеку обожгло болью.

— Скворцова! — сердитый Лешка смотрел сверху вниз. — Ты что, таким оригинальным образом убиться решила?!

— У тебя патроны есть?

— Нету! Я, знаешь ли, любимую девушку на свидание пригласил, а не на тропу войны вышел!

— Плохо, — пробормотала Лида, — очень плохо. Леш, я про личей ничего не знаю. Куда бить надо?

— Из чего стрелять будешь, Скворцова? Я знаешь ли, сомневаюсь, что он испугается наставленного на него пальца и сказанного «бух».

— Леш, не ерничай. Я вполне пришла в себя. Куда бить?

— В левый глаз.

— Именно в левый? Правый не пойдет?

— Да. Почему именно так, а не иначе, я не выяснял. Сказали — делаю.

— Ладно... — Лида нервно облизнула губы. Скользнула пальцами по предплечью и в руку лег охотничий обрез. За спиной ругнулся Лешка, но она уже не слышала.

Смотрела на подходящего медленно лича.

«Здравствуй, мой детский кошмар», — подумала она. И мысли отдавали горечью.

Она боялась, она боялась так, что рука тряслась, а Лешка — был правой, и даже не мог направить обрез.

Гулкий выстрел, и... мимо.

С губ девушки сорвался истерический смешок.

Что? Снова-здорово, она сейчас промажет еще пару раз, и лич снова вцепится ей в горло? Только на этот раз всемогущий Мельник может и не успеть спасти ее!

Спаси.

Мельник.

У нее же на груди висел амулет! Который лично повесил Миша.

Он еще сказал, что этот амулет позволит пережить ядерную войну.

Возможно.

Лич оказался слишком близко.

Только секунду назад эта тварь двигалась так медленно, что можно было спокойно от нее убежать, а вот уже зловонное дыхание обожгло лицо Лиды.

— Он быстрый! — ахнула она.

Обрез выстрелил вторично, и снова... мимо.

Половину носа лича разворотило, смотреть на это алое месиво было жутко, кислый комок подкатывал к горлу, но двигаться твари это не мешало.

Страх дошел до предела, а потом словно выключился.

На его смену пришла чистая, неподдельная ярость.

Внучка потомственной бабы яги, дочка кащея, бывшая невеста Мельника, сама чуть не стала бабой ягой, матушка полуночников, участковая для нечисти — по меткому определению младшего брата. А тут какой-то представитель полумертвых меньшинств на нее свою гнилую пасть раскрывает!

Серые глаза отдали мертвенной зеленью.

— Стоять! — командирским голосом рявкнула Лида.

И случилось чудо. Лич замер.

Видно было, что в алых глазах мертвой твари появилось искреннее изумление пополам с узнаванием, а потом он начал рваться из невидимых пут.

— Долго не продержится, — хрипло сказал Лешка за спиной.

Лида кивнул.

«Долго» ей и не надо было. Перезаряжать обрез было некогда, поэтому она просто его заставила исчезнуть и призвала снова. Уже заряженным.

Лич, стронувшийся с места с диким криком, получил очередной выстрел в грудь. Сила выстрела была такова, что тварь отшвырнуло прочь, давая девушке еще несколько мгновений на то, чтобы успокоить дыхание.

Четвертый выстрел стал контрольным и добивающим.

На землю упали уже разрозненные куски мяса.

Левая рука Лешки поднялась вверх, закрывая Лиде глаза.

— Не надо на это смотреть, Скворцова, — шепнул он, потом повернул Лиду по направлению к парковке. — Пойдем, нам нечего здесь больше делать. Ты со всем справились сама. Умница, Скворцова... Умница.

Лида кивнула.

До джипа отключившегося Лешку она тащила практически на себе.

Струсила его на заднее сидение и, набирая по дороге домашний номер, помчалась по пустой трассе.

Лиде даже объяснять ничего не пришлось.

Когда прошло соединение, зазвучал тихий и сейчас самый родной голос Мельника:

— Тшшш, барышня. Все хорошо, мы знаем. Уже твоя бабушка зелье варит.

Слезы подкатили к глазам.

Горло сдавило, но Лида с собой справилась. Только аварии не хватало устроить на трассе!

— Миш, кто это был?

— Некромантические каракатицы, подвид кислотно-ядовитых.

— А что, есть подвиды другого типа?

— Сколько угодно, барышня. Некроманты эти порождения особенно любят.

— С чего бы это?

— Послушные, удобные, можно создать какого угодно размера. Чем больше размер — тем больше яда с собой каракатица несет.

— Миш, а почему каракатица? Если я правильно помню, это моллюск, в океане живет, в море. А то, что я увидела, больше напоминало сколопендру!

В голосе Мельника зазвучал смех:

— Видимо, некромант боится многоножек, поэтому классическую сколопендру использовать и не стал. А если серьезно, название такое из-за внутреннего строения. Каракатицы несут с собой чернила, хранятся они в чернильном мешке. Кислоту те твари, которых ты видела, также хранят в особом мешке, очень схожем на чернильный. Поэтому и назвали так. Барышня...

Лида кивнула.

— Я... я... Да. Я внимательно смотрю на дорогу. Только не бросай со мной разговаривать.

— Не брошу.

— Потому что ты хороший?

— И это тоже, барышня. Хотя, скорее, я серый страшный волк.

— Ты принц-медведь! — возразила Лида сердито. — Вакантное место волка занято.

— Да-да, занято, так занято. Ну-с, барышня, о чем еще тебе поведать?

— О чем угодно!

— Ну, хорошо. Пусть будет... — Мельник задумался всего на мгновение, потом кивнул и начал: — Что же собой представляет граница? На последнем консилиуме, бабок ежик с кашеями было вынесено общее решение...

Речь Михаила текла плавно, содержание рассказа Лиду интересовало сейчас меньше всего, она цеплялась за интонацию, за мягкость слов, за неспешность ритма. Цеплялась изо всех сил, держалась, потому что надо было доехать. Лешке нужна была помощь, а ей...

Ей самой...

Чего хотела сама девушка?

Кажется, этого она — не знала. И вряд ли хотела узнать...

...Джип мягко остановился у крыльца.

Вышедший на крыльцо Степан Викторович с двумя ребятами из отряда Гусара, вытащили Лешку из машины и потащили в дом.

Лида, оставив ключи в зажигании, вышла из машины, сделала по инерции пару шагов и пошатнулась. Тело отказывалось вспоминать, что оно не гуттаперчевое и норовило согнуться в три погибели.

— Внучка.

Окно кухни приоткрылось всего на мгновение. Девушка подняла голову, разглядывая выглянувшую бабушку.

— Да, бабуль?

— Лешкой я сама займусь. Негоже юной девице такими вещами заниматься. Да и... сама понимаешь.

Лида кивнула.

Была бы она бабой ягой, то помогла бы обязательно. Но сейчас любое зелье в ее исполнение приобретало совершенно убойные качества. И слово «убойные» здесь было совсем не для красного словца.

Она не могла помочь, поэтому лучшим вариантом было сесть где-нибудь в уголке и не мешать. А еще — чтобы ее саму никто не увидел.

Потому что схваченное спазмом горло отпустить и не думало. И к глазам близко-близко прилипли слезы.

Ведь снова... эта тварь была так близко. И было так страшно...

Дверь комнаты закрылась за Лидой. И возможно это было сейчас не самое надежное укрытие, из теней чудились ей оскалы грозных тварей, но все же это было куда лучше, чем ничего.

Старенький плюшевый черный кот был, по словам папы, подарком от бабушки. Лида этого не помнила, зато хорошо знала, что если обнять Котофея, уткнуться носом в его мягкую шерстку, то все тревоги уходили, словно смытые волной прилива.

Уже очень давно Лида не пользовалась этим волшебством и этой магией. Наверное, зря. Может быть, тогда не было бы так страшно?

В углу было пусто, никого и ничего, а собственная кровать казалась девушке оскалившимся монстром... Поэтому прихватив одеяло, она сжалась в уголке, накрылась с головой и уткнулась лицом в пушистый бок плюшевого кота.

«Я в домике», — так и просилось на язык. — «Я в домике, а значит, здесь меня никто и ничто не тронет!»

Но безуспешно убеждала себя Лида, что в ее комнате никого нет. Что домовый Тимофей или ее личный снежный зверь обязательно подняли бы тревогу. Страх не утихал. Страх сотрясал ее тело мелкой дрожью, ядовитыми кольцами вползал под одеяло. Это было совсем не смешно! Но зубы выбивали стаккато, и она никак не могла утихомирить их. То и дело чудилось, что рядом кто-то есть.

Сопротивляться накатывающим ощущениям не получалось, девушка еще сильнее вжалась в угол, накрылась с головой толстым одеялом и затихла.

Как мысль спасение в голову пришло, что можно позвать на помощь, что совсем не обязательно столько терпеть и мучиться. Надо просто позвать... и...

Страх прокатился по телу разрядом молнии.

А кого звать?!

Разве у нее есть человек, кто сможет ее защитить?

От чего?

Мысли путались. С мыслями происходило что-то не то, чтобы странное, но... это было

ненормально.

Словно мысли были не Лидиными.

— Барышня!

Голос вырвал из забытья, Лида дернулась, рванулась прочь, не разбирая дороги, и оказалась прижата к груди Мельника.

— Миша...

— Барышня, что с тобой?

— А если бы я знала! — рассердилась девушка. — Тебя вдруг начала забывать! Главное понять ничего не могу! Видимо, я слишком испугалась... лича этого...

— Кого барышня?! — изумился Мельник, вытаскивая словно пушинку девушку из угла, и оглядываясь в комнате.

— Лича.

— Какого?! Откуда он взялся? На вас еще раз напали?

— Почему «еще раз»? Сразу же. Вначале те, сколо... недокаракатицы, а следом — лич появился.

— Как же так... Этого мы не видели... Так, — Мельник, включив свет, пересадил Лиду на кровать, закутал в одеяло, когда то начало сползать. Кинул взгляд на серую тряпку в углу, которая еще пару часов назад была прекрасным платьем, и снова взглянул на Лиду. — Барышня. По порядку, с самого начала. С того самого момента, как ваш молодой...

— Опять на «вы»? — Лида вскинула голову. — Пытаешься отстраниться опять? Не получится! Не отпущу!

— Барышня.

— В общем, — тряхнув волосами, девушка, взяв себя в руки, высвободила из-под плотной хватки одеяла ладони, завязала высокий хвост. — На «ты» и не забывай этого больше.

— Барышня.

— Да! Иначе, буду величать тебя Мельником и на «вы» и никак иначе. И даже близко не подойду! А... Шторма еще сманю, — улыбнулась Лида, сводя сказанное к шутке.

Мельник вздохнул:

— А ведь теперь у тебя, барышня, есть все шансы.

— Да? Это хорошая новость! Я взяла себя в руки, — немного покривила она душой. — Как вы меня видели?

— Наливное яблочко, золотое блюдце. Они работают точно так же, как и в сказках.

— Так... Хорошо. И с какого момента вы за мной смотрели?

— Как только ты села в машину, — улыбнулся Мельник. — Раньше бы Влада Сергеевна никого не подпустила.

— А инициатива была бабулина?

— Да. Ей не понравился расклад на сегодня, вот она и велела, что мы сидим и смотрим за происходящим. По очереди.

— И кто со мной смотрел театральную постановку? — засмеялась Лида.

— Влада Сергеевна и смотрела.

— И чего сказала?

— Что за такие посредственные постановки пороть надо. Вот приедешь в Питер, она тебя сводит на действительно стоящие внимания пьесы.

— А... Ага. Так, тогда... наоборот. Я теперь говорю, да?

— Да. По порядку, барышня.

— Лешка приехал в шесть двадцать пять. С букетом розовых роз. Вот те... А?!

На широком подоконнике не было ни вазы, ни цветов.

Впрочем, прежде чем Лида успела перепугаться и задуматься на тему того, не приснился ли ей вообще сегодняшний день, Мельник успел разъяснить возникшее недоразумение.

— Окно было открыто. Тимофей не уследил, и забравшаяся с улицы дворовая кошка разбила вазу. Выбрать мелкие осколки из цветов было невозможно, поэтому стеклянное крошево с розами выкинули. Дальше.

— Мы сели в машину. Болтали о школьных временах только. Перешли вроде бы на полуночную тему... но Лешка попросил ее все-таки не поднимать. На трассе он увеличил скорость. Пробок в Брянске почти не было, поэтому до театра мы доехали легко. Пробыли там. Потом поехали в ресторан. Около него на парковке мест свободных не было, поэтому оставив меня в ресторане, Лешка велел делать заказ, а сам ушел ставить машину на платную парковку. Вернулся через пятнадцать минут. Сказал, что встретил знакомого.

— Кого?

— Не знаю. Лешка не упомянул.

— Кого он мог встретить?

— Не знаю. Из наших несколько человек там точно есть. Из одноклассников. Хотя... с тем учетом, что мы разговаривали в машине про одноклассников, он обязательно сказал бы о том, что-то вроде «ты представляешь, кого я видел».

— Раз не сказал?

— То видел кого-то, кто связан с полуночниками.

— Хорошо. Дальше?

— Мы посидели в ресторане, — Лида задумалась. — Почти не разговаривали. Я из-за недосыпа то и дело клевала носом и пару раз, к его смеху, чуть не перепутала приборы и куда их нести. Попробовала наколоть на вилку прикольную резиновую фигурку, которая в качестве украшения была на блюде. Одним словом, чудила. Пару раз он меня о чем-то спросил, я не ответила, то ли прослушала, то ли не услышала.

— Демонстрировала полную потерю бдительности, — подытожил Мельник, подтаскивая поближе к себе кресло и усаживаясь в него. Взгляда с Лиды он не сводил, но девушке под этим взглядом было тепло и спокойно. Хотелось еще разве только, чтобы он взял ее за руку. Но... О несбыточном лучше не мечтать. — Дальше?

— Мы вышли из ресторана. На часах было десять с копейками. Звездный парк закрывается в десять часов, но мы прошли по «тайной» тропинке, о которой знают все, мало-мальски связанные с этим парком.

— Дальше?

— Мы были примерно на середине пути, когда... — голос Лиды дрогнул. — Они появились из кустов. Вначале мелкие многоножки, я споткнулась, потеряла координацию и оказалась на земле. Лешку отеснили от меня, а когда я упала... на меня напала каратица покрупнее остальных. Он ее пристрелил, и тут же из засады на него напали еще две. Страхнув своих противников, он их пристрелил. Патроны закончились, когда мы слышали, что по аллее кто-то идет.

— Этого мы уже не видели.

— Что вы видели?

— Когда все каракатицы были убиты, ты помогла Лешке добраться до машины. На этом мы выключили яблочко и занялись тем, что начали готовить зелье на молоке.

— Он не шутил? Правда, молоко используется?

— Правда.

— А! Миш, слушай, — Лида на мгновение сдула пряди с лица. — Я тебе сейчас зелье скажу, от чего оно?

— Называй.

— Молоко, мед, две части подорожника, одна часть липы и две части льняной толокнянки с границы, оно от чего?

— От яда личей. Только я не слышал, чтобы туда добавлялась липа... — пробормотал Мельник. — Толокнянка граничная, подорожник, мед и молоко — да. А вот липа... откуда она взялась в этом рецепте?

— Вот уж не знаю... — Лида отвела взгляд. Ей не хотелось вспоминать про лича. Про то, как тряслись руки, как она раз за разом промазывала, не в силах попасть в левый глаз полуночной твари. — Миш.

— Да?

— Я матушка полуночников, так?

— Так, — согласился мужчина.

— Если я прикажу... что-либо своим полуночникам, они меня послушают?

— Да.

— А если чужим?

— Нет. Никогда. Тебя послушают только те, кто находится на твоей территории и под твоей опекой. Никто другой слушать тебя не станет.

— Так... может тогда мне все это показалось? — пробормотала Лида.

— Барышня?

— Я расскажу. Только... я не знаю, как это объяснить. Может быть, это тоже мне показалось, если вы не видели лича? И был ли он...

— Если был, мы об этом сразу узнаем.

— Как? — изумилась девушка.

Мельник встал, и быстрее, чем Лида сообразила, что делает, она вцепилась в его руку:

— Не уходи!

— Тшшш, барышня. Спокойно. Я только схожу сделаю чашку чая.

— Нет, не надо. Попросим Тимофея, может быть? Только не уходи.

Мужчина плавно опустился обратно в кресло. Сильная девушка снова задрожала. Что именно они не увидели? Кто именно закрыл происходящее от взгляда одной из самых сильных баб ежек столетия?

— Хорошо, я здесь. Спокойно. Тимофей?

— Да? — тихий голос домового зазвучал в комнате, отдельно от него самого.

— Сделай нам, пожалуйста, чай. А барышне лучше успокоительного отвара завари.

— Сейчас будет сделано.

— Барышня. Что случилось на аллее?

— Он появился... — Лида облизнула мгновенно пересохшие губы. Руки затряслись так сильно, что ей пришлось сжимать их в кулаки, чтобы хоть немного скрыть эту дрожь.

Но, кого она пыталась обмануть?!

Мельник всегда видел все и немного больше.

Его широкая ладонь легла поверх кулаков Лиды и погладила. Мужчина не сказал ни слова, не начал сочувствовать, и за это девушка сейчас была ему бесконечно благодарна.

— Он появился с дальнего конца аллеи. Шел очень медленно. Я даже не поняла, кто это... Никогда... не видела же их. В тот раз, когда была маленькой... я его и не запомнила толком. А после того, что вы с папой устроили, не узнала бы. Если бы Лешка не сказал.

— Он сказал?

— Да. Когда я спросила, кто это, может ли он сказать, Лешка ответил, что это лич. Я когда это услышала... ощутила, что еще несколько мгновений, и я упаду. Прямо тут. И усилия никакого лича не понадобятся. Он... был медленный... лич... только с самого начала. А потом я и опомниться не успела, как он... ускорился. Было очень страшно. Вроде бы... ничего такого. Выглядит как обычный человек, только кожа серая, тонкая... и...

— Спокойно, барышня. Тихо. Все хорошо. Ты в безопасности. Здесь тебя никто не тронет.

— Д... да. Я утратила бдительность. Расслабилась... Решила, что я в безопасности. Что раз уж рядом... «легендарный Гусар», а у меня на руке — обрез в браслете, которым может даже безрукий стрелок пристрелить нападающего, то мы справимся с чем угодно. А на деле даже среагировать на движение не смогла. Первым же выстрелом я промазала. Он был близко, но стрелять надо было в левый глаз... у меня тряслись руки. У Лешки пострадала правая рука, и он даже не мог мне ничем помочь. Вторым выстрелом я тоже промазала... И знаешь, я словно в прошлое вернулась. Когда убегала от лича. И... я не просто убегала. Он меня загонял. В какой-то проулок, тупик, где меня уже ждали.

— Ждали?

— Я не помню! — всхлипнула девушка, почти до крови закусывая губу. — Не помню!

— Хорошо. Хорошо, барышня, все в порядке. Рассказывай дальше, что было с личем?

— Мне нужно было время, чтобы перезарядить обрез или чтобы отпустить его и призвать заново. У Лешки не было патронов. У меня не было... ничего, что можно было бы в него кинуть, чтобы отогнать, откинуть. И тогда... я закричала «стоять». И он остановился. Я видела, как отчаянно лич пытался освободиться от неких невидимых пут, но у него ничего не получалось! И... я... выстрелила. Третьим промазала, четвертым попала. От лича осталась куча гнилой плоти. И все... Лешка заставил меня отвернуться, когда плоть начала разлагаться, сказав, что это не то, что мне стоит видеть. Я перекинула его руку через плечо, повела к машине. Только по дороге уже он начал заваливаться и мне пришлось практически тащить его на себе. Собственно, это все. Позвонил ты, и благодаря этому я благополучно доехала до дома.

— Так. Пришла немного в себя, барышня?

— Относительно, — криво усмехнулась Лида.

— Тогда пошли.

— Куда?!

— На мельницу. Лешка в себя не придет еще дня три, может четыре. Особь, что его покусала, была не просто кислотная, но еще и ядовитая. Эффект «спящей красавицы» на три-четыре дня ему гарантирован.

Про то, что в сказке заснувшую принцессу будил поцелуй прекрасного принца, Лида и не вспомнила.

— Подожди, но на мельницу то зачем?! Уже вставать... скоро!

— Не настолько скоро, чтобы это повлияло на мое решение, барышня. Здесь ты не

останешься. Если охота идет на тебя, а так оно и есть, то некромант ни перед чем не остановится. Здесь тебя защитит будет куда сложнее, чем на мельнице. Так что ты не споришь, а одеваешься, берешь с собой сменную одежду, и мы едем на мельницу.

— Я... спать хочу, — заюлила Лида. — Да и наверняка на сегодня все закончилось.

— С тем учетом, как ты себя вела, когда я только вошел — я так не думаю. Собирайся, барышня.

— Но, Миша!

— Набор отговорок побереги до другого раза. Ты идешь со мной.

Спорить хотелось. И капризничать хотелось, что было уж совсем неприлично для взрослого человека. И хотелось спросить, зачем Мише это нужно, но Лида проглотила все вопросы и возмущения и послушно кивнула.

Собрала вещи, выпила маленькими глоточками принесенный Тимофеем отвар, и верхом на келпи вместе с Мишей отправилась на мельницу.

Спустя полчаса, уже укладываясь в пушистой пижаме в кровать, под бок тяжело вздохнувшему мужчине, спать снова предстояло по-пионерски, Лида подумала о том, что если бы Михаила не оказалось рядом, она бы сошла с ума.

Плечи дрогнули.

— Барышня? — тут же уловил Михаил неладное.

Сколько угодно и кому угодно Лида могла казаться железной, но она такой не была.

Она могла сегодня умереть.

От руки лича.

Снова, как в кошмарном сне. Как будто вернулась в детство, а оно уже ждало с распахнутой пастью, ощерившейся клыками.

Она могла не вернуться домой, и никогда больше не увидеть принца-медведя. И уж тем более, его расколдовать...

И мало того, что она умерла бы сама, она бы подвела еще и Лешку! Человека, от которого зависел целый отряд, который был нужен и важен на своей должности.

— Барышня.

— Я не хочу быть причиной чужой смерти... Я не хочу умирать! — слезы, которые так долго удавалось сдерживать, хлынули из глаз. И Лида, наконец, расплакалась.

Мужчина не сказал ни слова, привлек к себе ее ближе, как пушистую игрушку, обнял, нашептывая на ухо совершенно бессмысленные, но такие успокоительные глупости.

Так у него на груди девушка и заснула...

...Утро она встретила с немного гудящей головой — хотя вчера в ресторане спиртного точно не пила. Мельник спал на противоположном конце кровати, на которой можно было разместить точно половину футбольной команды и еще для менеджера место бы осталось.

На часах было семь часов с небольшим.

Спать ложиться было уже совершенно бессмысленно и, выбравшись из-под теплого одеяла, Лида посетила вначале ванную комнату, затем двинулась на кухню.

А вот там ее ждал сюрприз в лице Влады Сергеевны, с философским выражением лица раскладывающей карты.

— Бабуль?

— Доброе утро, внучка.

— Доброе, — улыбнулась Лида, включая чайник. — А я уж начала думать, то ли ты мне кажешься, то ли действительно ты. Давно ты пришла?

— Да почитай часа два уже. Мне Михаил ключи дал от погреба заветного. Семь трав нужно было взять. Каракатица «жениха» твоего потрепала куда сильнее, чем мне казалось. А может это врожденное заболевание... Ну, в любом случае, я решила отблагодарить его за твое спасением и подлечить парня.

— Ба, а чего в кавычках то?

— Потому что внучка моя была невестой Мельника и никого другого. Впрочем, это уже... сложности из прошлого. Тот волхв, что повелел вас развести, мне так мстил. За отказ. Четыреста лет назад отказала! А он, вишь ты, до сих пор припоминает мне это!

— Любовный треугольник, — прыснула Лида, закрыв рот ладошкой, потом двинулась к полкам. — Слушай, бабуль, раз уж ты так удачно заглянула, а можешь ответить мне на один вопрос? Думаю, ты меня этому учила, но... это все там же, где и остальная память, за запечатанной дверью...

— Ну, задавай, солнце мое, попробую ответить, если это в силах моих будет.

— Вообще не такой уж он и сложный. Вот смотри, привороты они действительно есть? Или только в сказках существуют?

— Ты что же? На Мельника думаешь?

— Да зачем бы ему это делать?! — опешила Лида. — К тому же, ему и без приворота... ничего делать не надо.

— Внучка?

— Не обращай внимания, ба. Так как насчет приворотов, раз ты так отреагировала, значит, есть?

— Вот уж внучка на мою седую голову! И в кого ты такая въедливая?

— Все кто знают, дружно утверждают, что в тебя, и мгновенно бледнеют!

Влада Сергеевна рассмеялась, потом кивнула:

— Да. Именно. Ты вся в меня. А значит такая же упрямая умница. Слушай, умница. Привороты действительно есть. И бывают они разные. Есть временные. Знаешь, мальчишки и девчонки баловались ими. Наговарят сами стишок простенький, потом с выбранным человеком ходят, за ручку держатся. Если в такой момент жертва приворота уже в кого-то влюблена, то приворот простой не действует. Наговаривается он словами.

— Значит, — вытащив рис и маленькую кастрюльку, Лида поставила кипятиться воду. — Следующий этап, когда нужно что-то... физическое?

— Да, нужна вещь того, на кого приворот накладывается.

— Личная?

— Не поняла тебя, внучка.

— Ну, например, хочу я человека приворожить, знаю о его увлечениях. Покупаю диск или предмет, схожий с тем, чем он интересуется, даю ему его. А потом получаю обратно. Что в этом случае?

— Не работает. Вещь должна быть личной и пропитаться энергетикой своего владельца. Так что, владельцем он ее должен быть не меньше месяца и покупать ее или сам, или она должна быть куплена членом семьи, связанным с ним кровными узами.

— Сколько сложностей! А можно как-то убедиться, подходит ли вещь для приворота?

— Конечно. Дальше слушаешь?

— Очень внимательно.

— Это довольно тяжелый приворот. «Плата» за него делится пополам между тем, кто просит приворота и тем, кто его делает. Тут уже даже говорят не привороженный, а

присушенный. Человеку, которого таким способом приворожили, никак от приворота не избавиться. Не видя того, к кому его присушили, жертва очень быстро начинает сохнуть, умирать.

— Защититься от него можно?

— Опять же, чистая и настоящая любовь. Конечно, жертва страдает. Во сне будет видеть чужого ей человека, ощущать некоторое желание позвонить ему, поговорить с ним. Но не более того.

— А если любви большой не было, но присушенный поймет, что его приворожили, и захочет от приворота избавиться, это возможно?

— Нет.

— Ладно, — кивнула Лида. — И должен быть третий тип приворота?

— Да. На крови. Кровный приворот. Избавиться невозможно, защититься невозможно. Привороженный навеки будет рабом того, кто его приворожил. Одно ограничение, если у человека кровь была обманом взята, то приворот снять возможно.

— Ясно, — пробормотала девушка.

— А с чего вопрос такой возник, внучка?

— Да... подумалось почему-то, — отозвалась та уклончиво, — завтракать с нами будешь?

— Нет, девочка моя. Есть отвары, которые на чистый организм варятся. Вечером пирожки делать буду, заглядывайте с Михаилом.

Лида кивнула, так и не поняв доброй иронии в словах Влады Сергеевны...

По сравнению с еще позавчерашним днем, сегодня в кабинете было очень тихо. Не было Сани, пытающегося ответить одновременно на два звонка. Не было мрачного Марата Ахтырова — заместителя Лешки, он из кабинета Лиды координировал работу своих ребят. Не было мальчишек и девчонок, то и дело прибегающих с записочками от Марины — главы местного клуба культуры или от Макара Никифоровича — местного главы администрации.

Царила тишина такая, что даже немного оторопь брала.

Не трезвонил телефон, мирно стоял в углу на столе и изображал из себя мертвую грудку пластика. Не подмигивал алым истеричным глазом автоответчик, буквально крича о своей переполненности.

Ти-ши-на.

У всех этих крупных мероприятий была еще одна неприятная особенность. После того, как они заканчивались, было совершенно непонятно, что же делать дальше. Водяной и леший, получившие за праздник леса рекордное количество силы от вспышек веры, лежали в своих «логовах» и были не в силах даже голову поднять. Когда они оба соглашались на авантюру с матушкиной идеей, ни один, ни второй не верили в то, что она может дать такие результаты!

Безусловно, хозяин лесной и хозяин речной в слова матушки поверили, но вот что делать с той прорвой сил, которая на них свалилась одномоментно — не знали. Давненько такого не было!

Так давно, что они уже забыли, каково это — быть могущественными...

Впрочем, благополучно прошел праздник, а в сухом остатке была еще и бюрократия, проще говоря — отчеты, именно ими Лида и предстояло заниматься всю текущую неделю.

Мощный компьютер, выданный по федеральной программе молодому специалисту, басовито загудел, на заставке мелькнули и пропали золотые рыбки.

На рабочем столе помимо папок с отчетностями и фотографиями, появились еще несколько ярлыков — скучающие ребята, проводящие в кабинете свое ночное дежурство, резались в компьютерный квест, поставили что-то еще.

Немного позавидовав им, она сама до своей любимой стратегии добраться не могла уже месяца три точно, девушка открыла шаблоны отчетов, подтянула поближе копии смежной документации из сельского совета и клуба, и начала делать то, за что свою работу терпеть не могла. Заполняла бумажки.

Утро тянулось, как резиновое. Хотелось все порвать и выкинуть в мусорку. А еще лучше спустить в шредер.

Жаль только, что это желание однозначно выполнимым не было.

Именно поэтому, когда за окном раздался сигнал автомобильного клаксона, Лида была рада тому, что сейчас бумажная работа закончится! Раз кто-то сердито гудит, предупреждая о своем появлении, значит дело важное.

И может быть, только может быть! удастся сбежать и заняться чем-нибудь более интересным. Чего, а точнее кого Лида не ждала — так это собственного начальника.

Хлопнула дверь, раздался стук тяжелых армейских сапог, и на пороге появился седовласый тучный мужчина с моржовыми усами.

— Геннадий Аксенович?! — ахнула девушка, поднимаясь из-за стола. — Доброго дня вам.

— Доброе, доброе, Лидок. Садись. Не в ногах правда, а разговор долгий будет.

— Так, может, я чайник поставлю?

— Ставь, — решил мужчина, ввергнув свою подчиненную в еще больший ступор.

Геннадий Аксеныч заезжал на участок в Луки редко, потому что доверял своему «молодому специалисту», да и считал, что неожиданные проверки отношения между начальством и подчиненным никак не улучшат.

Поэтому предупреждал заранее, приезжал ненадолго, от чая отказывался, а для действительно серьезных разговоров вызывал Лиду в город.

А тут... такие неожиданности.

Щелкнув чайник, девушка вытащила печенье из ящика, выложила в вазочку, поставила на стол. Заварила две кружки чая, и все это время начальство молчало!

Не самый хороший признак.

А уж когда гость еще и съел пару печенюшек, интуиция Лиды во весь голос затрубила тревогу.

— Лидок, — Геннадий Аксеныч откашлялся и заговорил. — Мы оба взрослые люди, хорошо понимаем, что к чему, поэтому я буду сразу говорить прямо.

— Хорошо, — кивнула девушка, пряча дрожь в пальцах за кружкой с чаем.

— Я хочу спросить, напишешь ли ты добровольно заявление на увольнение?

— Нет, — инстинктивный ответ прозвучал быстрее, чем Лида до конца осмыслила вопрос, потом резко затрясла головой. — Добровольно?! Ни за что! Никогда!

— Спокойствие. Это просто был вопрос, — мужчина отвел взгляд за окно, потом снова посмотрел на подчиненную. — В любом крупном городе есть экстрасенс, который двадцать

четыре часа в сутки мониторит обстановку. Собственно говоря, какие-то из них сильнее, какие-то слабее, но ни один экстрасенс не пропустит появление лича.

— Господи...

— Вчера, в десять вечера и три минуты в районе Звездного парка был зафиксировано появление лича, а следом — его смерть.

Лида побледнела так сильно, что казалось, еще мгновение — и она рухнет в обморок.

— Лидок!

— Все... нормально...

— Значит, я не ошибся. Это была ты.

— Да, Геннадий Аксенович. В Брянске, в этом парке вчера была я. Но он не должен был напасть!

— Егоза, — пожурил ласково девушку начальник, — видимо, личу об этом не сказали. На место преступления выехал Олесь Русланович. Вместе с ним выехал и я, получилось так что мы в одной компании отмечали юбилей общего друга. На месте... преступления, скажем так, было только то, что осталось от лича и четыре пустых гильзы, весьма необычной формы. С их помощью прибывший экстрасенс сказал нам, что случилось. На мужчину и молодую женщину напали вначале некромантические каракатицы — с ними справился мужчина, а следом появился лич. С ним справилась после несколько промашек юная женщина.

— Экстрасенс... сказал что-то еще?

— Да. Это и есть причина того, что я приехал сегодня к тебе. Обойдусь без вежливых фраз. Он не отступится. Он сделает все, чтобы добраться до тебя. Ты словно кость в горле некроманта.

— Чтоб он мною подавился! — выругалась Лида, отворачиваясь.

— Лидок?

— Что еще сказал экстрасенс? Почему вы задали вопрос про добровольность увольнения?

— Если ты увольняешься добровольно, у тебя на пару процентов будет больше шансов выжить. Впрочем, экстрасенс предупреждала, что ты не согласишься. Что ты из той постепенно растущей прослойки полицейских, которые не только любят свою работу, но еще и отлично знают, что должны делать. И, удивительное дело, в большей части у них это отлично получается.

— Вас это удивляет?

— Ничуть, Лидок. Ничуть. Что ты сделала некроманту?

— Вы знаете, что я «матушка» для полуночников?

Звонко звякнула ложка, выроненная из мужской руки.

— Матушка? Полуночников? Да как же ты... как же ты смогла?

— Так... само получилось. Геннадий Аксеныч, есть более удивительная вещь, которой я о себе очень долгое время не знала. И не узнала бы, если бы на нашей территории не появился снежный зверь. Все началось с него. После всех тех убийств, я начала видеть сны. Скорее, даже кошмары, в которых я ребенком бежала по улицам какого-то города. А меня преследовал лич.

Только поднятая ложечка дрогнула и покатила вторично. Гость даже ее поднимать не стал, потрясенно глядя на Лиду.

— Я ослышался?

— Мне было семь с небольшим. Я была не самой послушной девочкой, но уж точно...

не создавала лича. Я... не знаю до сих пор, почему лич меня преследовал. Память о моем детстве запечатал Мельник по просьбе папы.

— Зачем это понадобилось Степану Викторовичу?!

— Вы тоже не знали, да? Сколько вы знакомы с моим папой?

— Лет семь были знакомы до твоего появления в моем участке, — задумался Геннадий Аксенович. — Нас как раз Олесь и познакомил.

— Значит, Олесь Русланович должен знать. Мой папа — кашей, если вам о чем-то это скажет. А я, — Лида приложила ладонь к груди, — должна была стать бабой ягой. Может быть, и не самой могущественной в столетии, но я подавала надежды. А потом на меня напал лич. И все закончилось. Я потеряла свой дар. И папа решил, что память о том, кем я не стала, будет ранить меня. И мне запечатали память.

— Господи, — пробормотал Геннадий Аксеныч. — Лидок, а покрепче ничего нет?

С губ девушки сорвался короткий смешок, подойдя к сейфу, она вытащила бутылку коньяка и плеснула щедро в чай начальства, потом вернулась на свое место.

— Оказалось, что вокруг меня столько людей, связанных с миром полуночников, что очень страшно. А недавно, как раз незадолго до начала праздника леса, немногим позднее ребят из отдела оперативного реагирования прибыла моя бабушка. И знаете, Геннадий Аксенович, я до этого никогда не видела, чтобы отряд вояк так синхронно бледнел и вытягивался во фронт.

— Я так понимаю, что ты о ней не помнила?

— Да. А папа почему-то не горел желанием снова нас познакомить. Видимо, считал, что бабушкина сила может подтолкнуть мою память, а это было то, чего ради моего благополучия делать не стоило. Скворцова Влада Сергеевна.

Кружку Геннадий Аксенович удержал в руке, потом приложился, отдышался и покачал головой:

— Что ты сделала, некроманту, Лидок?!

— Сами гадаем уже который день. Видимо, что-то сделала, уж больно он активно пытается добраться до меня.

— Хорошо. Слушай мою команду. Отряд Гусарова Алексея... Ты знаешь этого человека? Ведь это же с ним ты была в парке.

Вздыхнув, Лида продемонстрировала кольцо.

— Я его невеста, Геннадий Аксенович.

— Тогда, я совсем не понимаю, что здесь происходит! — рассердился начальник. — Короче, Лидок. Гусаров в отпуске, половина его команды возвращается к местам дислокации. Еще половина — остается здесь еще на месяц. Экстрасенс сказала, что все разрешится до того, как на землю выпадет первый снег. Понятия не имею, почему так, а не иначе, но эта девушка еще никогда не ошибалась. Нам просто повезло, что ее из златоглавой столицы к нам временно направили для усиления местного отделения.

— Девушка?

— Да, — кивнул Геннадий Аксенович, потом поднялся. — Спасибо за чай, Лидок. О новостях теперь ты знаешь, что мог я тебе рассказать. Со своей стороны обещаю, если что-то нужно будет — звони сразу же, организуем.

— Спасибо, Геннадий Аксенович.

Начальник сухо кивнул, двинулся к дверям, остановился на миг и не поворачиваясь сказал:

— Я надеюсь, что ты появишься на новогоднем корпоративе, Лидок, так что... живи.

Выживи вопреки этому гаду.

— Я его еще и поймаю, — засмеялась Лида.

И мужчина вышел в коридор.

Смех стих почти сразу же, хозяйка кабинета встала со стула, подошла к сейфу и открыла дверь. В мутном растворе плавало то нечто.

Память отказывалась возвращаться.

События происходили одно другого хуже.

И было абсолютно непонятно, что со всем этим делать!

И... надо ли?

Тряхнув головой, Лида выбросила мысли не по уставу и вернулась к отчетности. Шелестели сухие страницы, мощно гудел компьютер, выплевывая на принтер один за другим распечатанные документы и копии.

Следовало их еще заверить, а потом отправить уже свои копии Марине в клуб и Макару Никифоровичу в сельсовет.

Обед проскочил незамеченным, Лида позвонила Мельнику, чтобы рассказать то, что передал ей Геннадий Аксеныч и получила вполне ожидаемый ответ, что в таком ракурсе до первого снега она переезжает на постоянное место жительства на мельницу.

Поругавшись немного с Михаилом, девушка в итоге все равно сдалась. Да, хорошо, она согласна (все равно не отстанет ни сам Мельник, ни папа, ни бабушка) — но в таком случае, они едут в магазин и покупают нормальную посуду! А еще пару скатертей, нормальные занавески на кухню и дополнительные комплекты постельного белья. И набор прихваток, потому что обжигаться, а потом просить Мишу, чтобы он залечил ожоги, ей уже надоело! Потому что это постоянно, постоянно приходится отвлекать его от дел! А ей этого совсем-совсем не надо.

Точнее надо было, и хотелось очень. Только следовало помнить о том, что это все неправильно и делать так нельзя!

А после обеда в опустевшем участке снова начали появляться гости.

Первым появился Саня, а за ним — уже хорошо знакомый Лиде Марат Ахтыров, заместитель отряда оперативного реагирования Гусара. В тот самый день, когда прибыли спецназовцы, в конце рабочего дня Лида гуляла у мельницы под присмотром Шторма.

Узнав о своей новой роли няньки, келпи ржал долго, смотрел на серьезного Мельника, снова заваливался на луг и начинал кататься, дрыгая в воздухе копытами.

Что не помешало ему потом идти рядом с Лидой вровень, позволяя не то за себя держаться, не то себя обнимать.

В тот же вечер он рассказал Лиде немного о келпи, отрядах оперативного реагирования и о Мельнике в этой связи.

Из всех полуночных малых народцев, известных обывателям по сказкам, легендам и мифам — ирландские келпи были одними из самых умных и в то же время диких народов. Агрессивные и умные — они не только избегали людей, когда это было необходимо, но еще и эффективно устраивали на них засады.

В то время как другие малые народцы нуждались в вере для собственной жизни, келпи вера была особо и не нужна. Есть — хорошо, получится летать и мчаться со скоростью ветра, а может даже разгоняться до скорости звука. Нет — ничего страшного, на Земле много воды, в которой можно от людей спрятаться и куда можно их затащить.

Агрессивных водяных коней боялись совершенно справедливо. С ними невозможно было договориться или поторговаться, в стычке келпи против человека, человека даже не находили.

— Среди всех, кто там стоял, — Шторм фыркнул в волосы Лиды, — сразу не испугался меня только один. Которого называли по имени. Чернявая пиявка. Такие самые опасные, потому что везде и всегда сохраняют спокойствие, много знают и мало чего боятся. Как только он понял, куда быстрее остальных, на ком вы примчались, он уже продумал до мелочей все. Куда прятаться, как на меня кидаться, какие приказы отдавать своим подчиненным. Но он испугался куда больше остальных, когда догадался, кому я принес присягу.

— Присягу?

— Невозможно приручить келпи, его поймать и сломать. Келпи навсегда остается свободен. Но мы, — Шторм топнул копытом, — гордый народ, мы уважаем тех, кто силен, чей дух крылат и кто так же, как и мы живет на два мира. Когда-то, очень давно, я познакомился с Мельником. И человек спас мне, главе табуна жизнь. Я был настолько восхищен этим, что принес ему присягу, пообещав следовать за ним до конца дней его. Я передал управление в табуна достойному преемнику. Вьюга пошла со мной. Она моя воспитанница и будущая танцующая в волнах, вроде вашего понятия «жена», — мудрый келпи качнул головой. Черная как ночь грива взвихрилась, и замороженная Лида застыла, лаская этот поток шелка пальцами. — Она собиралась взглянуть на человека, который сманил меня и проверить его, доказать мне, что он недостоин моего выбора. Глупая кобыла не понимала, что она унижает этим мой выбор. Но... Мельник доказал ей, что я не ошибся, и Вьюга ушла из табуна вместе со мной. По мнению людей, Мельник, совладавший сразу с двумя келпи, может быть только чудовищем.

— Миша не чудовище! — возмутилась Лида.

Шторм фыркнул ей в волосы и кивнул:

— Нет. Но ты запомни то, что я сказал и постарайся держаться подальше от того чернявого длинного. Он опасен и для тебя.

Уточнять, чем именно он опасен, Лида не стала. Догадывалась, что этот мрачный брюнет только на вид такой хладнокровный.

За те несколько дней, что прошли в тесном сотрудничестве, девушка успела выяснить еще пару вещей. Например, что никаких авторитетов, кроме Гусара, у Марата попросту нет. Человек он циничный до невозможности, и наряду с высокой самодисциплиной, очень болезненно относится к вопросам подчинения и в отношениях с другими людьми.

Хорошо зная Лешку, Лида могла предположить, что жених допускает своим ребятам некоторые поблажки, а вот Марату о них даже говорить не стоило — он ненавидел любое отклонение от уставов.

Одним словом, хороший служака, но пофигист и к тактике со стратегией человек в принципе не особо годный.

Самым же смешным во всем этом было то, что за коллегу он Лиду не считал, а похоже относил ее в разряд той же самой нечисти, что и лешего, водяного, келпи и Мельника. И совершенно закономерно в этом перечне был уважительный страх перед Владой Сергеевной — Лидиной бабушки.

— Доброе утро, Лидия Степановна.

— Доброе утро, Марат, — улыбнулась Лида, кивнув благодарно Сане, который

опередил сотрудника отряда быстрого реагирования буквально на несколько секунд.

Не сказать, чтобы с Маратом у участковой Скворцовой сложились плохие отношения, но некая напряженность там присутствовала.

Ахтыров так и не простил Лидиногое своеволия и отказа пускать отряд на свою территорию без принесения клятвы. А поскольку сам Марат вел себя очень далеко от добродушия, Лида только убеждалась в своей правоте.

При этом оба оперативника оставались профессионалами, и диалог между собой вели именно с этой позиции. Вежливость, взаимодействие и взаимовыручка.

— Я слышал ваша вчерашняя поездка в город выдалась не из лучших...

«Слабовато он начал для той, которая чуть не угробила его начальство», — Лида, включив чайник, кивнула:

— Да, вечерок вышел жутковатый. Сталкиваться с личем на пустом месте занятие не из моих любимых.

— О, а вы его раньше видели?

— Вы удивитесь, Марат, но я не просто с ним встречалась, а даже была им покусана, в бытность свою маленькой девочкой. Поэтому, если вы собирались долго рассказывать мне о том, насколько эти твари опасны — сразу опустите этот блок и переходите к делу.

— К делу?

— Мой начальник передал, что Олесь Русланович разделил вашу группу на две части. Одна остается здесь в Луках, а вторая возвращается к местам несения боевой службы.

— Точно. Знаете уже обо всем, Лидия Степановна?

— Не обо всем. Как я понимаю, Марат, здесь с частью группы остаетесь именно вы?

— Да, — счастья на лице мужчины по этому поводу видно не было.

Если бы мог — наверное, отказался, но что-то ему помешало это сделать.

Лида, остро нуждающаяся в информации, поставила на стол кружки и уточнила между делом:

— Предпочли бы, чтобы здесь остался кто-то другой?

— Нет. Этого некроманта я хочу убить лично. Просто, Лидия Степановна, вот смотрю я на вас, а причину такой активной охоты не вижу!

— Так, может, ошиблись, — предположила Лида более удобный для самолюбия оперативника вариант.

— Если бы там была не Ринго, я бы в это поверил куда скорее, чем в то, что некромант охотится именно за вами.

Имя царапнуло чужеродностью.

— Ринго? — переспросила Лида.

— Московский экстрасенс, — пояснил Саня, пока Марат кривился, оперативник сидел с бумажками и занимался как раз тем, чем еще недавно Лида — заполнял отчеты. — Пришла в службу в четырнадцать лет, сразу после того, как проснулся дар. Была такой аппетитной девочкой, сидела на яблочной диете. А поскольку ее задолбали вопросами, что это ты ешь — яблоко. Она начала отвечать по-японски. Ринго. Ринго и все тут. К ней и пристало. Сейчас входит в пятерку сильнейших экстрасенсов страны.

— Для честности надо сказать, что эту пятерку она замыкает, — сердито добавил Марат. — И уж тем более, она и подавно не ровня первой четверке.

— Марат! — Саня покачал головой. — Она еще совсем молоденькая девчонка, а зубры в первой четверке пережили вторую мировую войну, концлагеря и опыты на себе.

— Поэтому и не занимаются постоянным соплежуйствам, как Ринго. Она умная девочка, с этим никто не спорит, но эти ее моральные принципы...

Лида только отвернулась. У Марата с принципами *moralitas* дела обстояли не лучшим образом. То ли особо знаком с ними не был, то ли не считал нужным их соблюдать.

— Итак, — подытожила она более важную часть разговора. — Значит, поскольку это были слова той самой Ринго, вы, Марат, поверили и остаетесь в Луках.

— Да.

— Но это вряд ли было бы поводом для того, чтобы вы сегодня ко мне пришли.

— Да, — кивнул мужчина. — Вот что в вас мне, безусловно, нравится, Лидия Степановна — это то, что вы очень быстро соображаете.

— Вот уж спасибо за такой «вежливый» комплимент.

Пока все не обернулось крахом, Саня поспешил вставить свои слова:

— Лида. Ночь. Сегодня особенная ночь.

— Особенная? Я всегда считала, что особенная ночь — это только ночь полнолуния.

— Не всегда. Есть такое понятие, как «лунный день», помнишь, в деле о звере? Так вот, сегодня девятнадцатый лунный день.

— Чем он особенный? — уточнила Лида любознательно.

— Тем, что это день... делает сильных сильнее, слабых — слабее. Некромант очень силен, а в эти лунные сутки станет еще сильнее. И он нападет. Сегодня. На излете лунных суток. Поэтому... где вы будете, Лидия Степановна?

— На мельнице.

— Хорошо. Мои ребята рассредоточатся вокруг мельницы и по деревне. Мы попробуем его перехватить. Шансы у нас есть. Довольно хорошие, в общем-то. Я приду к мельнице сам. И уже от нее буду координировать действия своих ребят.

Лида пожала плечами.

— Не проблема. С Михаилом... с Мельником я договарюсь. Вы же имели в виду именно это, Марат?

— Да. И хотелось бы попросить вас удалить с территории келпи.

— Нет. Об этом не может идти и речи. Келпи мою жизнь уже спасал, а вот люди куда чаще доставляли сплошные неприятности.

Марат скривился, но возражать не решился. Кивнул, поднялся и со словами:

— Я позвоню, — вышел из кабинета.

Лида перевела дух и обмякла на стуле.

Саня хмыкнул:

— Ты с ним не в ладах. А мужик он хороший.

— Да, я вроде и не спорю, что хороший. Но общаться с ним тяжело.

Саня пожал плечами, уткнулся снова в бумаги, спросив словно невзначай:

— Значит, некромант сегодня ночью снова придет за тобой?

— Точно-точно, — также мимоходом ответила Лида, потом подняла голову. — Саш, не знаю.

— Чего?

— Чего он ко мне прицепился.

Мужчина ничего на это не сказал, перелистнул пару страниц и спросил:

— Может, все дело и не в том, что ты матушка полуночников? Может ты ему куда раньше хвост отдавила?

Лида пожалала плечами. Это можно было выяснить, но для этого надо было, чтобы заговорил Мельник. На взгляд девушки вот эта возможность стремилась даже не к нулю, а уходила в отрицательную бесконечность.

На что же такое он заговорил ее память, что она начала возвращаться сама по себе, и этот факт Мишу вверг в такой ступор?

И Саня верно сказал. Поведение некроманта очень, очень напоминает что-то связанное с личными обстоятельствами. Вопрос в том, что бы это могло быть.

Если рассуждать логически, то Мельник должен был заговаривать девочку по самому максимуму. Так, чтобы она никогда, никогда ничего не вспомнила.

Укус лича привел к потере дара.

Встреча со снежным зверем в итоге привела к посещению заповедной поляне и приобретению капли первородной магии.

А вот воспоминания... начали возвращаться до этого или после? Если после, то Мельник мог заговорить ребенка на возвращение дара — абсолютно невозможное событие. А капля первородной магии — могла быть принята блоком, как то самое возвращение. Сходится?

Нет. Не сходится. Первый сон-воспоминание пришел в кошмаре, еще даже до того, как Лида смогла выловить Мишу. Нет. Нет... Значит, этот вариант отпадает.

Что еще? На что еще можно заговорить ребенка?

На любовь? Город?

Нет. Не получается понять, что же там такое было и почему.

Не получается.

Что ж, придется отложить этот вопрос до того момента, как она придумает, как вытянуть информацию из Михаила. А пока...

— Сань, — Лида предвкушающе улыбнулась, опер поежилась от недобрых предчувствий. — А расскажи-ка мне, чего ты и твои коллеги накопили!

— Ты же отстранена!

— Ну, когда такие мелочи останавливало от участия в происходящем безграмотных участковых? — отозвалась задорно Лида.

Саша посмотрел на нее, не веря своим ушам, потом засмеялся и кивнул.

— Хорошо. Значит, слушай...

...На мельнице Лида после ужина бродила неприкаянным привидением из одного угла в другой, прокручивая в голове все, что стало ей от Сани известно. Многого он ей не сказал, конечно, но информацию для размышления подкинул.

Все время было ощущение, что на поверхности лежит что-то очень важное и серьезное, что-то, что обязательно нужно понять и... И что?! Что дальше?

— Барышня, — Мельник, разложивший на столе серьезный арсенал, которым можно было уничтожить пару-тройку монстров размера с дракона, взглянул на Лиду с укоризной. — Ну, успокойся же ты!

— Я не могу! — огрызнулась Лида. — У меня просто не получается!

— Ты нервничаешь даже больше, чем нервничал я, когда твоя бабушка вызвала меня к тебе знакомиться, — Мельник, отложив в сторону пистолет-пулемет, положил рядом несколько рожков с патронами.

Угадал он верно, Лида тут же замерла и повернулась к нему, возбужденно сверкая серыми глазами. Ну, как же, такая возможность что-то вызнать у самого Мельника!

— А ты нервничал?

— Еще как, — кивнул Мельник. — Чайник поставь.

— А, ага, сейчас, — девушка повернулась, включила чайник, потом потянулась за кружками, за печеньем... закрутилась, замоталась и успокоилась. Когда она села напротив спокойного Михаила, Лида уже взяла себя в руки и ощущала себя... ну, почти что нормально.

— Я вот думаю, — пробормотала она. — Миш, вот чего ко мне некромант привязался?

Мельник, узнавший о явлении Геннадия Аксеновича и его словах, пожал плечами. Просто движение вышло у него настолько плавным, что Лида даже немного засмотрелась, потом спохватилась, что это — неприлично! И снова расстроилась.

Ну, вот что это такое с ней происходит?

У нее есть жених.

Есть. Лешкой зовут. Гусаров фамилия. Они еще со школьной скамьи вместе.

А ощущение такое временами, словно она его не знает вообще.

Подумать головой — это невозможно и неправильно. И поведение ее неправильное, и сама она себя ведет так, что даже уважающая себя нечисть за голову схватится. А она — не хватается.

Лешка ведь всем хорош: пригожий, умный, сильный, с характером. Тяжелым. И поступками дурацкими!

Она столько времени от него ответа ждала, весточки, письма ему сочиняла, а оказывается, он половину даже не читал!

«Наверное, это во мне говорит обида», — потянувшись за печенькой, Лида обнаружила, что на тарелке, где еще пара минут назад была целая горка рассыпчатого лакомства, печенька осталась одна-единственная.

И она не просто осталась, она была оставлена специально для Лиды, потому из всех — эта единственная была с подгорелыми краешками, в точности как девушка и любила.

На глаза навернулись слезы.

Что между делом творит этот невозможный мужчина?! Он же даже не понял, что что-то сделал особенное! Для него это было в порядке вещей.

Захотелось сказать что-то сердитое, захотелось...

Некоторые вещи мужчинам лучше не замечать, но Мельник вскинул голову и тихо спросил:

— Барышня?

Захотелось закричать, громко, отчаянно. Или хотя бы попросить о помощи, потому что Лида окончательно запуталась в том, кого она любит на самом деле.

В проблемах женщины крайними всегда выступают мужчины, но девушка смогла сдержаться, не сказать того, чего хотелось, что накипело. Сдержалась. Взяла печеньку, начала ее грызть и заставила себя успокоиться. А потом для рефлексии времени не осталось.

С улицы донесся тревожное ржание, Шторм подавал знак, что явились незваные гости. А вслед за этим донесся звук пистолетных выстрелов. Кто-то отстреливался и приближался к мельнице...

— Марат? — пробормотала Лида, поднимаясь с места.

Верный обрез скользнул в руку.

Мельник встал рядом.

Так вдвоем они покинули мельницу. Предстояло взглянуть на ночных гостей.

Выстрелы приближались медленно, и, судя по отзвуку, отстреливался единственный человек. Лида, забросив обрез на плечо, погладила по бархатному носу любопытную морду Шторма, которую тот положил ей на плечо:

— Кажется, кого-то застали врасплох, — пробормотала она.

— Главное, чтобы врасплох не застигли нас, — Мельник оглянулся на свои владения, оглядел их, не то что-то рассчитывая, не то что-то решая.

— Миша?

— Не самый лучший день, — пробормотал тот.

— Смотри для чего, — возразила Лида. — Но я что-то вообще не понимаю, о чем идет речь и к чему весь этот разговор.

— К птичкам, барышня.

Склонности к дурным шуткам за Мельником Лида не замечала, поэтому и вскинула голову, чтобы увидеть... Ну, да, наверное, это были птички, но только на какой-то очень страшный, нечеловеческий манер.

У них у всех были огромные птичьи лапы, мощные когти с загнутыми когтями. А в какой-то неуловимый момент птичье тело переходило в тело человеческое. Парило все это создание на крыльях, в которые переходили руки.

Человеческие лица были покрыты перьями и искажены болью.

За Лидиным плечом с явным восхищением выдохнул Мельник:

— Какая силища!

— Это сделал некромант? — спросила девушка, повернувшись к нему.

— Да. Гарпии — птицы-предвестники смерти. Падальщики, питающиеся объедками со стола некроманта, и просто сами по себе неприятные порождения.

— Что они могут?

— Много, например, вот так, — Мельник, не церемонясь, схватил девушку за плечо и дернул к себе, закутывая силой границы.

Гарпия, парящая почти над самой мельницей, распахнула пасть и плюнула в Мельника и Лиду комком черного потрескивающего огня.

На земле, куда приземлился снаряд, осталась черная опаленная вмятина.

— Мило, — пробормотала Лида. — Очень! Она же так может все сжечь!

— Может. Например, помнишь, безумному Нерону приписывают, что он сжег Рим? На самом деле сожгли его эти «красавицы», когда охотились на императора.

— Чем он им не понравился?

— Им наверняка понравился его вкус. А вот хозяевам гарпий не понравилось, как много власти удалось получить Нерону.

— Это единичный случай?

— Нет, — Мельник едва уловимо улыбнулся и продекламировал: — Скажи-ка, дядя, ведь недаром, Москва, сожженная пожаром, была французу отдана.

— Все, — Лида вскинула ладонь, помахала ею перед лицом. — Все-все-все! Достаточно. Я оценила, вняла и... Будем считать для ясности, что испугалась. Слабые места у них есть? В том смысле, справиться с ними как?

— Мои предки разбирались с этими красотками очень даже просто. Лассо на лапы и резко вниз, как только внизу окажется — сверху клетку или полотно, а сразу же после этого отрубить голову.

— Однако, — пробормотала Лида. — У тебя нужные приспособления есть?

— У меня, — взглянул Мельник на девушку, — есть Дари.

— Твоя кошка, — понятно кивнула девушка.

— Назовем это так.

— А потом?

— Просто смотри.

До этого Лида не увлекалась ни средневековыми фильмами, ни такими же книгами.

Поэтому ей и в голову не могло прийти, что любой острый предмет может быть настолько красивым.

Грация Мельника была впечатляющей и запоминающейся. Он двигался... Лида даже не могла подобрать нужные слова.

Все произошло очень быстро, хотя в основном и за счет эффекта неожиданности. Гарпии были слишком высоко, чтобы до них можно было дотянуться с помощью крючьев-кошек. Поэтому глумящиеся твари были уверены, что никуда от них вкусное мясо на двух ногах не денется.

Темно-серый клубок перьев развернулся прямо в их гущу. Лев, самый настоящий лев с крыльями, кинулся на ближайшую гарпию и утащил ее вниз. Пробил своими страшными когтями крылья, мешая взлетать, удерживая у земли. И тут же Мельник шагнул вперед, заноса огромный топор. Оружие, которое Лида не подняла бы вообще, он держал в одной руке. Круто повернулся и смахнул гарпии голову.

Лида, замороженная мягкими, текучими движениями, только ахнула, а все уже закончилось!

Еще одна гарпия спикировала вниз с диким криком, целясь в лицо Михаила своими закругленными когтями.

И тут уже не подвела Лида, движущаяся «птичка» для ее обреза равносильна была стоячей. Обрез жажнул раз и второй, и голову гарпии сорвало. Хотя в отличие от работы Мельника, такого чистого среза не получилось...

— Валькирия! — заржал келпи, глядя на потрясенного Мельника.

Мужчина взял себя в руки, улыбнулся Лиде, прислушался:

— Сейчас появится.

То, что речь шла о Марате, Лида догадалась сразу. А вот вид оперативника, показавшегося из-за редкого подлеска, стал для нее сюрпризом.

Марат был уже потрепан, хотя при этом все равно не растерял своего ледяного хладнокровия.

— Доброй ночи, Лидия Степановна, Михаил.

— Привет, Марат.

— Судя по вашему виду, — Лида поглядывала вверх, где кружила толпа крылатых тварей, — называть ночь доброй не стоит. Где ваши ребята?

— Не придут, Лидия Степановна. Некромант нас переиграл по всем направлениям. Мы собирались его ловить, а он собрался нас всех перебить. И сделал для этого все необходимое. Я видел от леса, что над мельницей появились гарпии, к этому времени деревня была уже наводнена трупами. Если бы не Влада Сергеевна и не Степан Викторович, имеющие запас спецпатронов, нам пришлось бы совсем плохо. Попробовали дотянуться до вас, но... Ни сотовая связь, ни магия не сработала. Влада Сергеевна сказала, что пройти к вам сможет только один человек. Хотел Саня, но все же пошел я. Ваш домовый, Лидия Степановна, позвал хозяина водяного и лесного. Они дали мне защиту и проход и добавили, что сюда, к

мельнице движется целое войско.

— Кто напал на деревню?

— Скелеты, — Марат, вытащив из кармана запасную обойму, перезарядил пистолет, с яростью глянув наверх, на гарпий. — Вот мерзкие.

— Совершенно согласен, — Мельник, засунув топор в специальную петельку на поясе, к пистолету даже не потянулся. Его калибр здесь был совершенно бесполезен.

— Мертвые воины... — пробормотала Лида, — мертвые воины... Ну, да! Я же говорила, что во время второй мировой, скорее всего, здесь пропали много людей. Ведь никто особо не считал потери тогда, многих обвиняли в дезертирстве, но, сколько на самом деле сгнуло бесследно в ритуалах тех же некромантов, никто не скажет. Скорее всего, здесь конкретно погибло немало.

— Так, значит... Болото и не скелеты, а или упыри, или гули, — Мельник вставил в автомат рожок с патронами. — Что первое, что второе последнее, с чем я хотел бы познакомиться. Шторм.

— Помню. Я защищаю Валькирию.

— Если что-то случится, врагов будет слишком много или ситуация выйдет из-под контроля, гонишь Вьюгу к воде.

— Но!

— И это не обсуждается. Лида.

Девушка взглянула на Мельника растерянно, все это время она разглядывала гарпий, чтобы не пропустить момент новой атаки. Но страшные полуженщины-полуптицы только летали с отчаянными криками, а нападать не спешили.

Ждали, может быть, пока подойдет основное войско?

— Я скажу, кто придет к нам в гости. Сейчас запоминай их слабые места. Упыря ты убьешь в любом случае, стреляй, куда стреляться будет. С гулем сложнее, у них очень крепкая кожа, и чтобы ее пробить, нужен крупный калибр или нечеловеческая сила. Точка третьего глаза или в раскрытый рот — стреляй, куда покажется удобнее. Не обязательно из обрезка, в гуля можешь стрелять и из табельного. Еще могут пришагать скелеты. Чтобы этих упокоить, нужно стрелять в позвонок, соединяющий голову с туловищем.

— Поняла.

— Марат, — Мельник сверху вниз взглянул на оперативника. — Возьми себе что-то из моего арсенала.

— А патроны?

— Все специальные.

— Хорошо, с благодарностью принимаю ваше предложение.

Мельник что-то пробормотал. Гарантировать точность Лида не могла, но, кажется, в одном предложении там звучала предусмотрительность и мерзкая казуистика.

Внутри все начало сотрясаться мелкой и очень мерзкой дрожью. Лида подумала о том, что это даже не самое страшное из того, что на ее долю выпало. В конце концов, с личем она уже познакомилась и даже пережила это знакомство, практически без проблем.

Практически. Вся соль в этом слове.

Страх не считается, страх много чего может, например, подтолкнуть, остановить или заставить замечать намного больше мелких деталей.

Взгляд Лиды скользил без остановок, рядом ощущалось спокойное присутствие Михаила. Марат с оружием уже был готов к любому исходу и вообще к чему угодно. Гарпии

все так же метались вверх, четко над одной точкой. Если бы все они оттуда сразу же метнулись вниз, то...

Опустив глаза ровно по прямой, вниз от потрепанной немного стаи, Лида подумала, что там может быть что-то интересное или просто полезное. Или...

Внизу был человек. Человек?!

Серебристый зверь сидел у ног этого человека, напружинившись. Потoki вихря разносили по окружающему там месту снежный нанос, высветляя огромный круг и позволяя лучше видеть.

Луна еще не убывала в достаточной мере и давала столько света, что не составляло никаких проблем, разглядеть того, кто там был.

Хозяин снежного зверя. Показывать свое лицо он не собирался и был в темном плаще с глубоким капюшоном.

От фигуры... Нет, страшно не было и внутри ничего не задрожало. Экстрасенсорная чувствительность молчала, словно там, в этом круге вообще никого не было!

— Миша?

— Да, барышня?

— Вот там. В круге. Зверь и его хозяин.

— Зверь — да, его хозяин там не совсем сам. Он прислал свою тень.

— Тень?

Мельник помолчал, потом кивнул и пояснил:

— Некромант умеет отправлять свою тень туда, куда ему нужно, смотреть глазами тени и даже применять часть своей магии. Об этом мало, кто знает, конечно, но ты запоминай. Тень некрманта существует сама по себе. Она как кривляющийся ребенок повторяет движения, но если некрмант начинает нервничать и утрачивает контроль над тенью, она начинает действовать сама по себе. Может не успеть сделать шаг за своим хозяином или неправильно отразит его движение.

— Миш, ты...

— Я думаю, что ты была права. Некромант родом из этих мест. И раз уж он просчитал все, что будет делать Марат, он близко. Он очень близко к нам, а значит, барышня, мы можем ждать от него еще неприятных сюрпризов. Хорошо известно, что он очень умный человек, и в вопросах уничтожения себе подобных вряд ли он знает равных. А если его еще и баба яга поддерживает, все совсем плохо. Водяной, леший, наша нечисть — неизвестно могут ли они сопротивляться ее приказу, или они уже выдвинутся против нас.

Глаза Лиды сверкнули мертвенной зеленью.

— Нет уж! — с яростью мотнула она головой. — Полуночники мои! И через меня ни одна тварь до них не доберется!

...О чем Лида не знала, так это о том, что в тот самый момент, когда она с жаром кинулась отстаивать принадлежность собственных полуночников, заклинание, которое плела противостоящая им баба яга, разлетелось на осколки. А сама баба яга, жалобно охнув, свалилась на скамью, схватившись за сердце...

Мельник на жаркие слова внимания не обратил, его ладонь легла на макушку девушки и легонько погладила:

— Охолонь, барышня. Никто и не сомневается в том, кто теперь хозяйка этой территории. А теперь тихо, они идут.

Лида кивнув, обратилась вслух, но за мгновение до того, как она смогла бы хоть что-то

услышать, ее взгляд, как по ниточке, скользнул к тени некроманта. И тот... Если Лиду не обманывали глаза, он поклонился! Согнулся в насмешливо-угодливом поклоне, не отводя от нее взгляда.

В сердце ударило догадкой.

«Мы знакомы! Мы знакомы, может, даже я его не знаю настолько хорошо, насколько он знает меня!»

— Барышня?

Губы пересохли. Лида, не отводя глаз от снежного круга, кивнула.

Он не нападет. Она помнила его слова, что лично он ничего не сделает. Но продолжит попытки ее уничтожить, пока не добьется положительного результата.

«Не дождешься!» — со злым азартом подумала участковая, вскидывая обрез.

Угодливость тени исчезла. Когда некромант выпрямился, Лида поняла, что ее мысли, ее чувства тайной для него не стали. И это было тоже поводом задуматься и насторожиться.

А потом она услышала это. Шорох, шелест, ворчание, бурчание, пожалуй, даже рык.

Кто бы там ни шел, но кажется, одним перечнем тех, кого назвал ранее Мельник, дело не исчерпывалось.

Их было семь колонн. Первыми шли... воины. В истлевшей форме, с ружьями наперевес. За ними две колонны скелетов.

Следом еще одна колонна тварей, напоминавших костяных собак, с рогами и шипастым воротником. Хвосты тварюшек заканчивались шипастым шаром.

— Гончие, — выплюнул сердито Марат.

А вот пояснять ничего не захотел, и Лиде пришлось просительно смотреть на Мельника.

Добродушно-спокойное выражение его лица изменилось. Он смотрел холодно и зло. Выражение его лица было застывшей маской воина, собирающегося убивать.

— Миша?

— Да. Гончие, у них тонкий и гибкий хвост, который может растягиваться и сжиматься. На конце булава, пробивает деревянный щит, окантованный железом. Закончиться подобная встреча может очень плохо.

— Уязвимые места? — спросила деловито Лида. Ощущение было такое, словно она оказалась внутри сна, а потому и страшно не было.

— Вначале разбей наконечник хвоста. У них там нервный центр, и как только ты уничтожишь эту «кисточку», хвост станет недвижим. После этого стреляй, как в волка. Главное, чтобы сразу насмерть.

— Хорошо, — кивнула Лида. — Воины — гули?

— Да.

— Ясно, — девушка облизнула губы, задумчиво посмотрела на Мельника. — У нас на всех просто не хватит патронов.

— На всех и не надо, — пробормотал Мельник, — нам нужно просто дожить до рассвета. Как только трижды прокричит петух, все закончится.

— Сказки и на этот счет не ввали?

— Сказки никогда не врут, милая барышня.

— Это сколько же тогда страшилок правдивы?! — с деланным испугом спросила Лида.

Но Мельник шуточный тон не подхватил, покачал головой:

— Много, барышня, очень много.

А воинство некроманта еще не закончилось.

Вслед за отрядом гончих появились три отряда неповоротливых, но крупных тварей.

— Упыри. Убить легко, но могут задавить количеством.

— Хозяин? — Шторм наклонился к Мельнику. — Мне?

— Скелеты. Просто разноси им череп. Марат, я возьму на себя упырей, постараюсь удерживать их подольше на расстоянии. Барышня...

— Гули. И возможно, гарпии. Вряд ли эти летуны продолжают держаться на расстоянии, куда скорее, что они нападут в самый неподходящий для нас момент.

— Увы, — кивнул Мельник, — скорее всего, так все и случится.

Лида смотрела на него с удивлением и непониманием. Осознание ситуации, в которой они оказались, опаздывало. Взгляд скользнул к тени некроманта. Зверя уже не было, а тот, словно поджидая Лиду, стоял с поднятой рукой. Снег таял, а вместе с ним исчезала и видимость.

Он таял, пропадал — эта тень не собиралась ждать результатов, словно боясь, что если задержится, то поймут самого уже некроманта...

Поднятая рука опустилась, и вся лавина поднятого войска обрушилась на Мельника, Лиду и Марата. А тень некроманта просто растаяла, возвращаясь туда, где ждал ее хозяин.

— Барышня?

Отложив в сторону свой обрез, а точнее попросту вернув его в браслет с пополненным боезапасом, Лида взглянула на Мельника и взяла из приготовленного им арсенала пистолет и обрез.

— Значит, нам надо всего лишь дотянуть до утра? — спросила она задумчиво.

— Да, — кивнул Мельник, — всего лишь.

Лида хотела что-то сказать, даже губы приоткрыла и не смогла сказать ни слова. Он был рядом, но сейчас казался далеким, но не чужим. Как так может быть?

Шагнув ближе, девушка положила ладонь на плечо Мельника. Спокойный русский богатырь. Принц-медведь.

Хотелось, чтобы он обнял, прижал к себе, хотелось уткнуться лицом в это плечо, чтобы он взъерошил волосы. Не хотелось быть сильной, хотелось спрятаться за этой широкой спиной и забыть обо всех невзгодах, но...

Лида была Скворцовой Лидией Степановной, упрямой участковой, бьющей в десятку. Невзгоды легче переживались, когда их делили на двоих, и прежде чем думать о том, кого именно она любит на самом деле, следовало сначала дожить до первого снега, а там уже со всем разбираться. Что делать, с кем и почему.

— Барышня...

— Миш, — Лида отступила. — А где-то спрятаться у нас от них получится? Там, на крышу если забраться потом?

— Можно будет попробовать, барышня. Но выпускать их отсюда нельзя. Если хоть один ускользнет и останется на твоей территории, хоронить людей будем долго.

— Нет, так, не получится, — Лида вскинула обрез, — так я не хочу, — полыхнула оружейная вспышка, и бегущая первая гончая злобно взвизгнула и свалилась, убитая.

— Отличный выстрел, — пробормотал Марат.

— Не первый, — взглянула на него Лида сердито и улыбнулась, — и не последний.

Кровавой кашей то, что происходило дальше, назвать было нельзя. У напавшей армии не было крови, были только кости и куски сгнившего мяса.

Первую волну было сбить легче всего. Пушечное мясо упырей, прячущееся за спинами неуязвимых гулей, было недостаточно поворотливо, а потому очень легко расстрелялось. Гули теряли куски плоти и продолжали ползти, их даже не имея. Гончих сдерживали на расстоянии два идентичных крылатых льва. Из-за того, что рядом они не появлялись, Мельник был уверен в том, что лев только один. Лида также точно была уверена в том, что львов сейчас два.

Количество гарпий уменьшилось еще на две, одна потеряла голову от рук Мельника, а вот вторая пострадала от удачного выстрела Марата. Последняя оставшаяся кричала горестно, но близко больше не приближалась, наученная горьким опытом.

Самыми опасными противниками оказались как раз таки гули. Келпи и снежные звери легко разобрались со скелетами. В «нежных» руках Лиды кинжальный огонь из автомата не оставил ничего от упырей. А вот гончие в связке с гулями, явно сохранившими некоторую часть мозгов, оказались очень неприятным противником. Они изо всех сил пытались разъединить Мельника, Лиду и Марата. Но если мужчины вполне успешно огрызались, то вот что касалось Лиды, дела обстояли не так гладко. Если бы не келпи, уже дважды девушку могли бы оттереть в сторону.

— Достаточно! — Мельник, отбросив в сторону ружье, к которому закончились патроны, подхватил Лиду под руку. — Шторм, уводи Вьюгу.

Возражать келпи не посмел, махнул копытами, размозжил голову еще парочке гулей и помчался к воде.

Лида, взглянув на Мельника вопросительно, спрашивать ничего не стала, а он уже взглянул на Марата:

— Идем.

— Куда? — уточнил оперативник сердито, отбрасывая бесполезный автомат.

— На крышу. До рассвета несколько минут. Думаю, понимают это и они, сейчас пойдет самая страшная волна. Мы просто не выдержим массированной атаки.

— Мы можем постараться!

— Чтобы нас всех перебили? — Михаил взглянул на Марата тяжело, и оперативник притих, глядя в ответ исподлобья. — У меня еще работа, и свои планы, в которые смерть не входит. Так что, если хочешь красиво умереть, то погибай лучше при исполнении, защищая невинные человеческие души. А не здесь, где твоя смерть обернется только еще большим количеством жертв.

Марат промолчал, Лида едва ощутимо погладила Мельника по плечу и спросила:

— Как мы попадем на крышу?

— Пойдем туда, — отозвался Мельник, — я проведу вас обоих сквозь границу, там я могу манипулировать пространством.

— А какая связь? — непонятливо удивилась Лида.

Марат злобно хохотнул:

— Потому что манипулируя пространством там, Мельники влияют и на то, что находится здесь. Связь зеркала и отражения. Когда Мельник здесь, там не более чем отражение, но ситуация ровно наоборот, когда он там. Уже наш мир становится отражением.

— Поэтому, — добавил Мельник ровно, указав Марату на древко топора, — нас считают чудовищами и или ненавидят, или боятся. Другого не дано. А, нет. Еще можно делать вид, что нас терпят или с нами мирятся, но факта того, что нас боятся или ненавидят

— это не меняет.

Лида бросила заплывший взгляд на Марата, в надежде получить опровержение, но мужчина молчал, не говоря ни слова.

Мельник был более чем просто прав. Его уважали, за силу, которую он мог поставить себе на службу. Конкретно Михаила Мельникова многие уважали за его характер и спокойствие.

Его ценили просто как хорошую самодостаточную личность, но никому и в голову бы не пришло называть его человеком. Мельник был нужен и той стороне, и той, но нигде не считали его за своего.

Может быть, это было и не слишком честно, но это было правдой.

Люди не понимали пограничных жителей, потому что они были слишком могущественны или чужды их обычной жизни. При этом для полуночников те, кто живет на два мира — были слишком правильными и живыми. У них был больше спектр эмоций, они мечтали о том, зачастую о чем полуночники даже не знали. И, главный камень преткновения, могли прожить без людей.

Как бы полуночники не относились к людям, а как успела узнать Лида, когда даже тонкие стеклышки розовых очков потрескались, в большинстве своем людей они ненавидели. Нет, не до смертоубийства, никому и в голову бы не пришло людей убивать, делать с ними что-то, строить какие-то мелкие пакости. Но все же, полуночники людей ненавидели. И была бы возможность, полуночники с удовольствием прожили бы без людей. Им не нужно было их убивать, они просто хотели иметь возможность жить без них. И больше ничего.

— Барышня?

Лида улыбнулась, пожала плечами:

— А для меня это не имеет никакого значения, — сказала она ровно. — Монстр не монстр, чудовище — не чудовище. Меня это не интересует. Для меня — ты мой принц-медведь, а остальные могут идти лесом.

— Лесом? — опешил Марат.

— Для особо надоедливых и непонимающих, могу предложить болото, — взглянула она на него через плечо.

В уголках губ Михаила задрожала улыбка, и мир вокруг дрогнул. Это была уже граница. Воздух пах гнилью и порохом. Кислотой и вместе с тем чем-то... грязным, какой-то запах, от которого кружилась даже голова.

Вокруг были все те же куски гнили и мяса, разбросанные кости и разводы чего-то сопливого. А еще в воздухе было очень много черных разорванных лент, каждая из которых вела куда-то в одну сторону.

Лида загляделась на них настолько, что когда мир вокруг начал повышать свою высоту и вместо прямо дороги под ногами оказалась ступень чего-то похожего на лестницу, девушка споткнулась.

— Барышня?

— Черные... ленты. Что это?

— Ты их видишь? — вместо того, чтобы сразу сказать, о чем речь, Мельник ответил вопросом на вопрос, потом спохватился. — Ну, раз спрашиваешь, значит — видишь. Это след заклинания, которым некромант поднимал свое воинство. Что-то вроде тех нитей, которыми кукловод приводит в движение свои марионетки. Здесь то же самое.

— А... Ага. А по ним можно проследить, кто некромант?

— Нет, — ответил уже Марат, опомнившийся от неожиданности слов девушки, которую он, по правде говоря, считал обычной деревенской курицей, — нельзя. Неопытного некроманта, который не знает, как управлять этими нитями — можно. Но наш некромант опытная тварь, он их рвет, подсаживает паразитами к другим магам, а еще очень любит делать обманки. Мы гонялись за одним таким фантомом почти четыре месяца. Он спокойно жил обычной жизнью человека, а оказался чем-то вроде поддельного фантома с кусочком тени. Одним словом, наш некромант совсем не дурак, как бы нам не хотелось обратного. И эти ленты... не так уж много людей их видят. Так что... увы.

— Жаль, некоторые вещи могли бы сделать жизнь простых людей куда проще, — посетовала Лида, шагая по невидимой лестнице.

Михаил огляделся, кивнул, повернулся к Марату:

— Отпускай топор и отступай, пока я не скажу стоп. За твоей спиной в реальном мире окажется печная труба.

— Понял.

Марат послушно выполнил сказанное и пропал.

Мельник обнял Лиду, прижал к себе, чтобы переставить в другое место, но она не дала, обхватила его лицо ладонями.

— Миша.

— Что, барышня?

— Кем я была для тебя?

— Зачем ты спрашиваешь, барышня?

— Я хочу знать.

— Многие знания — многие печали, — улыбнулся Михаил, поворачиваясь сам и переставляя Лиду, как маленького ребенка рядом. — Потерпи, барышня. Ночь почти закончилась.

Девушка поджала губы, но граница вокруг уже таяла, расступаясь.

И вот уже они стоят на коньке крыши, а рядом, за печной трубой — сидит Марат с пистолетом и царапиной во все лицо.

Гули действительно не могли забираться по стенам, как и пара оставшихся гончих, с добрый десяток скелетов и пара трупно-тупого мяса упырей.

О чем не стоило забывать, так это о том, что в небе осталась одна гарпия. А еще стоило подумать о том, что некромант будет достаточно предусмотрителен для того, чтобы создать резервный летучий отряд. И они ждали того самого момента, когда обороняющиеся заберутся на крышу жилой постройки и посчитают, что находятся сейчас себя в безопасности.

В засаде были еще одни представители летучих тварей. Некроманту даже ничего и придумывать не надо было. Все было просто и в какой-то мере даже изящно. Противник не стал городить на ровном месте заборы и воспользовался многообразием земной фауны — использовал стервятников.

Мощные грифы с загнутыми клювами пикировали вниз, на голову Марата, а рядом торжествующе трубила горгона.

— Чем их убить? — крикнул оперативник, бесславно потративший последнюю пару патронов.

Ответить Мельник успел — жажнул раскатистый выстрел, и один из грифонов рухнул

вниз обезглавленной тушкой.

— Все просто, — ровно ответила Лида, — стреляй в голову. Не будет головы — не будет проблемы. Конечно, нужен более убойный калибр, но и с твоим тоже можно в принципе справиться.

Марат присвистнул, а у Мельника, Лида ощутила спиной вспышку его недовольства, лопнуло терпение.

Девушка не успела опомниться, когда было нужно, Михаил двигался не только быстро, но еще и бесшумно.

Обняв Лиду за плечи, Мельник повернул ее и привлек к себе так, что она уткнулась лицом ему в плечо. Вытянул руку в сторону грифонов.

Рядом охнул Марат. И хоть любопытство подстегивало Лиду повернуться, она осталась на месте, потому что Михаил не хотел, чтобы она что-то видела. Наверное, для него это было важно?

Важно было.

Михаил не хотел пугать девушку, а повод был бы. Ему совсем не нужно было переходить на границу, чтобы манипулировать пространством. Граница всегда была с ним, в нем, а еще он мог растягивать ее власть над другими.

Вытянутая ладонь была всего лишь помощником, упрощающим активацию и манипуляцию. Тупые грифы и горгона, слетевшая слишком низко, ничего не поняли. В этих черепах мозгов не было, откуда они у мертвых тварей? Воздух вокруг загустел, мешая махать крыльями. А потом Мельник просто смял воздушный шар, в котором висели противники, как комок пластилина. И еще, и еще, и еще.

Одновременно с первым криком петуха все было кончено. А к третьему крику исчезли все следы случившегося здесь побоища, и Лида получила свободу.

— Миш, — вскинула она голову. — Нам надо в Луки, скорее.

— Для начала, барышня, тебе надо умыться и переодеться. А уже потом говорить про посещение других мест. Шторм знает про то, что с третьим криком петуха все некромантическое тает. И прискачет. Мы будем в деревне очень быстро, так что — приведи себя в порядок, барышня, не пугай родных своим закопченным видом. А то еще перепутают, кто есть кто, и атакуют, не разобрав после бессонной ночи, что это их родственник не подумал умыться.

— Все-все, — засмеялась Лида, — я поняла.

— Это хорошо, — согласился Мельник, все так же обнимая ее за плечи. Потом взглянул поверх русской макушки на Марата. — Опер, не пугайся.

— Понял, — кивнул тот.

Граница откликнулась на зов, послушно расстелилась под ногами, и крыша исчезла. Спустя мгновение Лида оказалась в ванной, а Мельник с Маратом провалились ниже — в подвал. Царапины опера следовало обработать сразу же. Иначе трупный яд, попавший в его тело, с когтей грифона, мог превратить уже его самого в кусок гниющего мяса.

До умывальника Лида дошла не сразу.

Порывисто шагнула и крепко обняла двух огромных кошек, выросших за мгновение из крошечных мышат у стенки.

— Спасибо! С меня, — отступив Лида улыбнулась, уже хорошо зная, как справляться с этими снежными зверями. — Крынка молока и сметана.

— Муррррр, — согласились звери, и пропали оба.

Умывшись, Лида посмотрела на себя в зеркало и сама взвизгнула перепугано.

Из отражения на нее взглянула типичнейшая баба яга после неудачного эксперимента. Волосы дыбом и в мелких барашках, на лице полосы серого праха и копоты (вспышка от горгон не прошла бесследно).

Рубашка порвана, на джинсах прорехи. Пара подобравшихся слишком близко гулей умудрились лишить ее пары весомых кусков материи.

Охнув, Лида схватила мыло и щетку и начала отмываться. Бабушке в таком виде на глаза лучше было не показываться!

Как выяснилось, ночь в Луках прошла... И это было единственным плюсом, который можно было упомянуть, не боясь показаться безнравственным человеком, насмехающимся над чужим горем. Горя было много.

В Луках осталось из отряда в двадцать человек всего лишь семеро, Саня с коллегой из главного управления, Степан Викторович, Влада Сергеевна и Димка, ничего после своих компьютерных игрушек не боящийся.

Всего двенадцать человек, Марат был бы тринадцатым, но он пошел предупреждать Мельника и Лиду, что помощь не придет.

На деревню некромант натравил упырей и кошмаров. Спящие не просыпались, даже когда в их дома вламывались упыри и начинали свой кровавый разбой.

В Малых Луках жили постоянно почти двести человек, из них десять погибли, когда было прорвано одно из направлений, около сорока были в коматозном состоянии из-за кошмаров. И примерно семеро были покусаны упырями, а значит, если не принять мер, сами к ночи могли стать такими же вечно голодными, жрущими человечину тварями.

В доме у Степана Викторовича помимо хозяина дома, его мамы и детей были сейчас Мельник, Марат и Саня.

Пока осажденные с мельницы добрались до окраины Малых Лук, стало известно, что деревушка по-прежнему накрыта щитом неизвестной бабы яги. И связаться ни с кем не получится.

На этот случай было, конечно, указание. Если больше двадцати четырех часов оперативники не выходят на связь, то будет выслана группа быстрого реагирования на самолете, вертолете — что понадобится. Но срок истекал только в восемь часов вечера. А до этого времени справляться предстояло исключительно своими силами.

Влада Сергеевна, качая маятником над топографической картой района, пыталась пробить щит или хотя бы до кого-то достучаться, но увы — ее сил после ночного боя уже не хватало.

К тому же, первое, что сделала Влада Сергеевна, когда наступило утро — погрузила в беспмятный сон всех, кто был жив и не затронут ночной атакой.

— Что будем делать? — спросила она тихо.

— Зелья. Мы можем спасти тех, кто еще жив, от незавидной участи стать упырями, — Мельник взглянул на Лиду, прислонившуюся к стене. — Но варить его, барышня, придется тебе.

— Мне? — изумилась девушка.

— Сущность твоей крови, — Мельник взглянул на Марата, потом покачал головой, — оперативник Ахтыров, принесите клятву о молчания, здесь и сейчас.

— Клятву? — переспросил Марат, скосил взгляд на Лиду, потом на Владу Сергеевну и кивнул. — Я понял. Клянусь никогда никому не говорить ни слова о том, что сейчас и здесь услышу.

— Хорошо, — Мельник обернул ленту границы вокруг шеи оперативника. — Цена молчания — твоя жизнь. Другой цены я не назначаю.

Марат кивнул:

— Я согласен уплатить такую цену.

— Хорошо. Лида, яд лича в твоём теле — тот самый компонент, который нужен для того чтобы сварить зелье. Зелье, выгоняющее упыриную слюну, а вместе с ней и трупный яд, может сварить только лич или некромант. Нужна та сущность, которая течет в жилах лича или некроманта. А еще подобная жидкость течет в твоих жилах, Лида.

— Я поняла, — кивнула девушка.

— Влада Сергеевна, — Мельник взглянул на бабу ягу, — вам надо отдохнуть. Осенью темнеет рано, время некроманта тоже начнется рано. Второй штурм мы не переживем. Нам не хватит патронов, у нас их просто не осталось. Мы не сможем выжить, без вашей силы.

— Я поняла, — бабу яга поднялась, оставив кристалл на столе.

— Лида, — Мельник взглянул уже на участковую, — мы с тобой варим зелье. Марат, вы с Саней идете выбирать место, где мы будем строить баррикаду.

— Я поняла.

— Степан Викторович, нам нужно оружие, как можно больше.

— Я пройду по домам, соберу все, что удастся найти.

— Отличная мысль. Дима, — взгляд могущественного человека обратился на мальчишку. — Мне нужно, чтобы ты тоже кое-что сделал.

— Да.

— Я дам тебе радиостанцию старого образца, с такими бегали наши воины во время второй мировой войны. Мы проверяли, она и сейчас добивает до соседнего городка. Там есть точка, которая день и ночь прослушивает все частоты. Но добить до нее можно только с небольшой сопки, в стороне от Маленьких Лук. Тебя провезет келпи, ты мало вешишь, и он сможет вырваться с тобой из-под щита. Ты должен отправить на всех частотах просьбу о помощи.

— Я понял.

— Еще, — на виске Степана Викторовича билась жилка. — Я дам тебе координаты места, где спрятаны несколько ящиков со спецпатронами. Ты привезешь их обратно.

— Понял, — Димка, удивленный неожиданным доверием отца, взглянул на сестру. Та уже стояла около окна, вглядываясь во что-то... невидимое? — Сес?

Лида повернулась:

— Поспеш, — попросила она ровно.

— Сес...

— Я верю в тебя. Так что, выше нос, Димка. Ты должен успеть вернуться до полуночи. Потому что патроны все-таки даже с учетом моего запаса закончатся быстро.

— Твоего запаса? — переспросил изумленно Степан Викторович, ни о чем таком не подозревавший.

Лида взглянула на отца с улыбкой:

— Не думал же ты, что я не подумаю защитить себя?

— Когда ты успела?

— А вот места знать надо! — вздернула девушка голову, потом шагнула к Мельнику. —

Отправляемся?

— Да.

И подготовка к ночному штурму началась.

Никто не говорил ни слова о том, что шансы выжить, стремятся к нулю. У противников было слишком много сил и возможностей. О чем Михаил никому не сказал, так это на том, что над его мельницей стояла защита. И основательно потрепать летучий отряд противника он смог только на рассвете, когда сила некроманта ослабла.

И это явно было дело рук бабы яги.

Полуночники попрытались по углам, не в силах помочь Лиде, но в силах не перейти на сторону ее врагов. О том, что попытка враждебной бабы яги перетянуть их на свою сторону все-таки была, сообщил домовый Тимофей.

Шторм, которого озадачили новым заданием, проржал, что для валькирии он в лепешку разобьется, но все сделает, мчался по реке, поднимая радужные брызги. Димка, вцепившись в его холку, надеялся, что успеет.

Яд в телах людей медленно разъедал их кожу и кости, стремясь добраться до крови и органов, чтобы поднять к ночи уже голодных тварей...

...В травницкую Лиду Мельник не пустил, посмотрел задумчиво и отправил сразу вниз, с велением разжигать огонь под тремя котлами.

А на вопрос: «зачем так много», — Лида получила ответ, что варить они будут одновременно три зелья. И если любопытная девушка очень хочет узнать, какие именно — то нет ничего проще. На конторке почти в центре алхимического зала лежит рукописный талмуд, вот пусть туда и заглянет.

Лида и заглянула, сразу же после того, как разожгла под тремя котлами огонь.

Рука у Мельника была тяжелой и почерк таким же — тяжеловесным. Кое-где нажим был таким, что бумага немного продавливалась, а проводя пальцами по странице, подушечками можно было ощутить выпуклости от стороны соседней.

Зелья были записаны при этом не только очень аккуратно, но еще и были систематизированы! Каждое относилось в свой собственный раздел, при этом, что удивило Лиду, хорошо помнящую лекцию о том, чем зелья отличаются от снадобий и настоев, все это по отдельным местам не было расписано.

Скорее структура в разделе была такой: первым разделом были зелья лечебного характера. Видимо, потому что чаще всего обращались к мельникам за помощью именно в отношении здоровья. И на каждой странице был цветной выпуклый значок, что-то вроде детских наклеек. Узкие фиалы с темно-фиолетовой жидкостью внутри — означали, что на странице рецепт полуночного зелья.

Толстая колба, в которой переливалась ярко-золотая жидкость, символизировала отвар — сделанный только из чисто-человеческих ингредиентов.

А узкий пузырек зеленым настоем внутри означал сбор — смесь трав с мира человеческого и добавление ингредиентов с границы.

Следом шел раздел бытовой — различные отвары, настои и сбор, помогающие в делах домашних.

Потом раздел любовный, ветеринарный, боевой, защитный, некромантический.

Вот в последнем разделе зелье, которое варить предстояло именно Лиде и обнаружилось. И даже, к ее удивлению, с преамбулой! Для кого писался этот талмудище?!

Ну, видимо для кого-то очень важного.

Зелье, которое предстояло варить, было темным, истинно некромантских и... требовало неаппетитных ингредиентов. Называлось «кровь старшего». И завершающим элементом этого зелья — была кровь того, кто ее варил. По идее варить должен был некромант, и его кровь несла в себе тот самый трупный яд, который успешно отравлял жизнь Лиды уже более десяти лет.

Если бы зелье варил лич, ему пришлось бы добавлять в зелье кусочки своей плоти или прах от них. В тексте преамбулы было указание, что даже низшие лич, поднятые некромантам, не только обладали зачатками разума и моторной памятью, но и могли выполнять заданную последовательность действий. Высшего лича было почти невозможно отличить от человека.

Вариться все это должно было в пяти литрах воды. Прикинув на глаз, что «ее» пятилитровый котел — это средний, матового цвета, стоящий в дальнем углу, Лида перешла к нему, остановилась, с опаской разглядывая темную на глаз жидкость.

— Мертвая вода, барышня.

— А в большом? — повернулась Лида к вошедшему Мельнику.

— Просто родниковая. В малом же — вода живая. Догадаешься, что еще на чем варить будем?

— Чтобы из комы вывести — на живой воде, — предположила неуверенно Лида. — Соответственно, на родниковой воде надо будет варить что-то из бытовых зелий.

— Например?

— Я бы предположила, что что-то вроде... — девушка задумалась. Действительно, а что могло прийти в голову Мельнику? — Миш, а как нас определяют мертвяки? По запаху?

— Увы. Нет, в таком случае было бы их легко очень обмануть, например, сотрудникам службы оперативного реагирования. Но этого не происходит.

— Тогда почему? Они слышат?

— Да. Дыхание и ток крови в венах.

— Это у них такой слух?! — неприятно изумилась Лида.

— Очень острый. Поэтому бытовое зелье, которое мы будем варить — это зелье заглушающее. Наносится на стены дома или того места, которое надо заглушить, и с внешней стороны ничего не будет слышно.

— Значит, мы будем прятаться?

— Пока не вернется твой брат. Нам нужны патроны. Я сомневаюсь, что сотрудников... — Мельник вздохнул, — дружинников на старый, привычный мне лад, учат в обязательном порядке холодному бою. Марат хорошо владеет боевым цепом. Твой знакомый Александр, которому отдали твое дело — и правильно сделали, неплохо умеет обращаться с алебардой. Твой отец мастер в обращении с саблей. Если он взял ее в руки, лучше близко не подходить.

— А бабушка?

— Влада Сергеевна? Нет. Она по холодному оружию не знаток и не мастер.

— Как насчет ребят-оперативников?

— Нам придетсяделиться. С нами им будет опаснее. Я создам особый участок на границе, куда мы закроем всех людей. Но... порождения границы для обычных людей не

менее опасны, чем порождения некроманта. Так что, дружинники займутся тем, чем и должны — будут защищать людей, хоть это будет и немного не их профиль.

— А... зелье пойдет на тот дом, где спрячемся мы?

— Верно.

— И... что за дом это будет?

— Ващ, барышня. Мельница в этот раз станет ключевой точкой привязки, чтобы еще больше не пострадали мирные жители. Если ты захочешь...

— Нет, — Лида, подойдя ближе, безошибочно вытащила из рук мужчины те баночки, которые нужны были именно ей, потом повернулась и двинулась обратно к котлу. — Чтобы ты не сказал, я не останусь здесь одна. Буду вместе со всеми, кто... мне дорог. Или, ты тоже остаешься здесь?

— Нет, барышня, — Михаил даже не удивился неожиданному вопросу. — Чтобы поддерживать безопасный полог на мельнице, мне не обязательно самому быть здесь.

— Значит, будем все вместе, — подытожила Лида, вытаскивая из банки сушеные хвосты крыс, а из верхнего ящика стола, за которым устроилась, костяной нож. — Миш.

— Что, барышня?

— Для чего тебе такой огромный талмуд? Да еще и с такими разделами. Вроде любовных зелий или некромантических. Откуда?

— Некромантический раздел — это еще и раздел кашеев, барышня. Они тоже имеют некоторую власть над миром мертвых. Поскольку в полуночном мире мало вариантов для... романтических встреч, немудрено, что в фамильных деревьях встречаются... разные люди. В роде Мельниковых есть и бабы яги, и кашеи, и мельники, и простые люди.

— Простые люди откуда?

— Раз в пять поколений, чтобы кровь не застаивалась, принято вводить в род чистокровного человека. А раз в двенадцать — чистокровного полуночника.

— А такое возможно?! А... Да, — спохватилась Лида. — Саня же говорил, что он — чистокровный человек, станет таким же чистокровным полуночником.

— Верно. Обратное тоже возможно, когда мы, — Мельник помялся, потом все же сказал прямо, — покупали для своих детей жен и мужей из рода полуночников. Кровь за кровь, жизнь за жизнь. Мы получали полуночника в род, чтобы кровь не застаивалась и могущество не исчезало. А в народе полуночников появлялся чистокровный человек, ставший могущественным полуночником. Там все довольно сложно, но работает по сей день.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— А твои родители также делали?

— Да, — кивнул Мельник. — Мою мать так вытащили из привычной ей среды обитания. Но, барышня, сейчас не время для таких разговоров.

— Извини... — Лида опустила голову.

— Барышня, я не сказал, что не хочу отвечать на вопросы. Я просто сказал, что сейчас не самое подходящее время для них, — проходя к шкафам в дальней стороне лабораторного зала, Михаил мимолетно скользнул ладонью по макушке девушки.

Взять себя в руки и не сказать лишнего — удалось в самый последний момент, но Лида с этим справилась. Опустила ниже голову, уткнулась взглядом в ингредиенты и начала мелко резать хвосты. Отвращение к делу, которым она занималась, где-то запаздывало.

Говорить ни о чем не хотелось. Рядом с этим мужчиной было даже уютно молчать.

Он не стремился подсказывать, лезть под руку, руководствуясь принципом «Не маленький ребенок, нужна будет помощь — попросит».

Присматривал только за самой Лидой, чтобы она ненароком не поранила себя, чего-то не зная, и занимался собственными зельями.

К исходу отпущенного времени, к шести часам с небольшим, его работа была почти завершена, да и у Лиды зелье почти закипело. Осталось всего ничего — добавить охлажденное молоко из-под черной коровы, три ягоды вороньего глаза и ее собственную кровь.

— Миш... — Лида вскинула голову. — Слушай, а дар бабы яги и яд лича могут существовать вместе?

— Никто не знает. После лича не выживали обычно, барышня. То, что я оказался рядом — просто... случайность.

— Я бы сказала, чудо.

— Упрямая барышня.

— Ты это всегда знал!

— А я и не спорю. Я всегда знал, что ты, барышня, возмутительно упрямая.

— Возмутительно?!

— Именно, — Миша подошел ближе, сжимая в пальцах тонкий скальпель. — Ягоды добавила?

— Да. И три раза по часовой стрелке помешала. И молоко влила и... его тоже размешала.

— Что ж, тогда последнее, руку давай, барышня.

— Может, я сама? — предложила Лида задумчиво, потом помотала головой, протягивая правую ладонь. — Нет, сама не смогу.

В котле кипело зелье, черный дым, поднимающийся от него, скользнул по кольцу, пачкая его, покрывая металл слоем копоти.

Лида, замороженная выглядывалась в темно-синий сапфир в кольце на безымянном пальце, и именно поэтому она увидела тот момент, как по камню прошла змеистая трещина.

— Миша!

— Вижу, — отозвался мужчина задумчиво. — Барышня, ты кольцо снимала хоть раз?

— Н... нет... Каждый раз, когда мне приходило это в голову, что-то происходило.

— Плохое?

— Нет. Не всегда... Ну, в большей своей части просто какая-то мелочь.

— Хорошо. Разрешишь, я его сниму?

— Нет! — отчаянный вскрик сорвался быстрее, чем Лида успела обдумать то, о чем ее спросили.

Взгляд Мельника немного изменился, в агатовой глубине глаз поселилось что-то темное, недоброе, от чего засосало под ложечкой.

Стало страшно, потому что сейчас на Лиду глянул очень могущественный полночник, которого к числу людей причислить уже было невозможно.

А потом взгляд смягчился, Михаил коснулся протянутой ладони. Скальпель скользнул по коже, не причинив никакой боли. Капли алой крови упали в котел, и от них — Лида не могла оторваться! — в разные стороны покатались алые-алые волны. Зелье, которое еще мгновение назад, имело отчетливую зернистую структуру, начало меняться. Все катышки, комочки, маленькие кусочки, которые еще целиком не растворились в зелье — стали

исчезать. На глазах за несколько мгновений, зелье стало прозрачным, как самая чистая вода, разве что с едва уловимым оттенком малахита, а потом пропал и он.

— Пять литров зелья?! — спохватилась Лида, поворачиваясь к Михаилу. — Да еще два твоих огромных. Мы это все не дотащим!

— Дотянем, — не согласился с ней мужчина. — Взгляни на зелье живой воды.

— Взглянуть? А там есть на что смотреть? — девушка с неохотой вытянула ладонь из руки мужчины, взглянула мимолетно на порез, прикидывая, чем бы его перебинтовать и застыла. Пореза не было. — Как?! — круто повернулась она обратно.

Михаил улыбался.

— Я же всемогущий Мельник, барышня. А, да... Чуть не забыл.

Лида не успела и глазом моргнуть, как мужчина резким рывком прижал ее к себе, что-то шепнул и словно обруч на руке лопнул.

— Минус еще одна оплата, — пояснил Михаил, как ни в чем не бывало, и двинулся к дверям. — Пока будешь смотреть, что с зельем, я схожу за канистрами и будем отправляться.

— Миш!

Мужчина остановился в дверях, но Лида сама не знала, зачем и почему его окликнула. И так и не сказав ни слова, всемогущий Мельник вышел, тихо прикрыв за собой дверь.

В доме Скворцовых, где предстояло выждать вторую атаку, а никто из мужчин не сомневался, что она все-таки состоится, к тому моменту, как вернулись Мельник и Лида, уже никого из лишних не было.

Влада Сергеевна, устроившись с трубкой на террасе, качалась в кресле-качалке, проглядывая свежую газету.

Саня, сидя на крыльце, точил лезвие топора. Игольчатое копейное острие уже чуть заметно поблескивало.

— Яд, — пояснил Саша безмятежно, поднимая на нее взгляд.

Лида, ошарашенно разглядывающая оружие, только потрясла головой.

— Да я не по тому! Я ее на стене видела. И... игрушкой... считала.

— Наивная чукотская девушка, — засмеялся оперативник, потом поднялся, забросив алебарду на плечо. — Впрочем, когда ничего не знаешь о полуночном мире, то такое мнение — даже хорошо. Девушки не должны участвовать в войне.

— Сань, тебя куда потянуло? — поинтересовалась Лида, двинувшись к крыльцу.

— К оптимизму, — отозвался мужчина.

И девушка, со смешком, скрылась за дверями.

Мельник уже стоял с Маратом и появившимся рядом с ними Тимофеем, им втроем предстояло за два часа до захода солнца покрасить территорию дома.

Забросив в комнату свитер, Лида двинулась в комнату к Лешке. Остановилась в дверях, разглядывая его спокойное лицо, и чуть не закричала от неожиданности, когда он открыл глаза.

— Лешка!

— Привет, Скворцова, — по губам еще мгновение назад спящего человека скользнула мягкая улыбка. — Ты как?

— Куда уж лучше, чем ты!

— Действительно, во всех смыслах сразу, — согласился Лешка. — Иди сюда, будешь рассказывать, что тут вообще происходит. И почему даже отсюда я ощущаю, как воняет мертвячиной от тебя.

— Воняет?! — испугалась Лида, завертевшись вокруг своей оси. — Ну, да... Наверное воняет. Всю ночь промудохались с ними.

— С ними? — нахмурился Лешка.

— Короче, так, — Лида, выглянув в коридор и никого там не увидев, прошла в комнату и устроилась на стуле рядом с кроватью. — С чего бы начать. Что последнее ты помнишь?

— Что отключился после того, как ты разобралась с личем. Боевой воин-красавица, Скворцова-тян. Ты хоть была бы немного послабее, а то так непонятно, как тебя вообще защищать.

Лида вздохнула и напоминать о том, что если бы она была чуть послабее — трупами в парке остались они оба. Перешла сразу к делу.

— До машины мы дошли вместе, — деликатно опустила она слова о том, что под конец Лешка уже вис на ее плече больше, чем шел своими ногами. — Там я села за руль. Здесь уже все знали, тебя на кровать и лечить. А ночью на нас напали.

— Кто? И зачем? И... Скворцова, знаешь, ты безнадежна. Позови мне лучше кого-нибудь из мужчин, кто понимает в происходящем.

— А никто ничего не понимает, — мстительно ответила Лида. — Разве что, может быть, немного понимает Мельник. Он подойдет?

— Других вариантов нет?

— Есть. Но ты несправедлив, Леш.

— Я знаю, — мужчина даже не стал отрицать очевидное. — Я несправедливый и нехороший редислух.

— Не смешно.

— Это ты меня так называла.

— Да-да, сборное слово из «редиски», «лука» и «олуха».

— Скворцова, — Лешка с трудом, но все же привстал в кровати. — Скажи мне только одно. Я хорошо понимаю, почему олух... Более-менее могу догадаться, почему ты называла меня редиской. Но лук?!

— Да потому что я из-за тебя плакала больше, чем от лука! И это с учетом того, что вся готовка была на мне!

Мужчина не смог сказать ни слова, Лида высунулась из окна по пояс, огляделась по сторонам и крикнула во весь голос:

— Марат!

— Да? — оперативник вынырнул снизу, со стороны угла дома, Лида ткнула пальцем за спину. — Звали, Лидия Степановна?

— Тут твое начальство в себя пришло, желает пообщаться с человеком, у которого есть хотя бы частично представление о том, что же тут такое у нас происходит. Ты займись просветительской деятельностью, а я... Мельнику помогу.

И не давая опомниться ни Лешке, ни Марату, прыгнула с подоконника на улицу.

До Лешки донесся ее раздраженно-усталый голос:

— Можешь войти также.

Следом торопливые шаги, и Лида пропала.

Легендарный Гусар в очередной раз попал впросак...

Завернув за угол дома, Лида, ничего не видевшая от душившей ее обиды, врезалась в кого-то, дернулась прочь и застыла, пойманная в уютные объятия.

— Барышня? — сочувствующий голос Мельника подействовал подобно ушату ледяной воды.

Что это с ней такое? Никогда себе не позволяла расклеиваться и по более серьезным причинам, а тут ее слова посчитали бессмыслицей, а она уже обиделась так, словно небо на голову упало!

Закружилась голова, показалось, что на безымянном пальце кто-то вцепился в кожу, девушка даже дернулась, но...

— Барышня, — руки Мельника на плечах были надежным якорем, удержали в мире реальном, прибили к нему.

— Миш, — девушка запрокинула голову. — Слушай, а если у бабы яги недомерка, недоделки, жутко мерзкое ощущение грядущей беды, это что-нибудь значит?

— Кто знает, — Михаил приложил ладонь ко лбу Лиды, проверяя температуру. — Возможно, даже значит куда больше, чем ты думаешь. Кстати, барышня. Ты у меня Марата забрала зачем?

— Начальство его в себя изволило прийти. А я вернулась тебе на помощь.

— Не надо мне помогать, Тимофей сам справится. Кстати, сколько уже в вашем доме обретаюсь, а до сих пор не удосужился спросить, что твой домовый умеет?

— Мой? — Лида хлопнула ресницами и улыбнулась. — Мой домовый умеет все! Он же мой!

...Кисть, которую Тимофей не мог поднять уже пять минут, стала легкой-легкой. В руки вернулась былая сила, и домовый, залихватски присвистнув, опрокинул зелье на землю, одним махом нанеся его все тонким кольцом поверх забора.

— Ай да, матушка, — пробормотал он тихо. — Ай, да...

Мельник усмехнулся, отпустил девушку.

— Ну, значит, раз все умеет, сам справится. Скажи мне, барышня. Что за патроны у тебя? Специальные?

— Да, — кивнула Лида. — Попросила Рима, чтобы еще до праздника леса мне привезли пару ящичков.

— А рассчитывалась с ним как?

— Обменом. У них высоко ценятся обычные товары, причем на их ярмарках у них он стоит куда дороже, чем тот курс, по которому мы совершили обмен.

— Но я не привозил в Брянскую область никаких спецпатронов. Доставка нескольких ящичков была... прямо на Черное море... — Миша вздохнул, поняв, в чем его переиграли. — Когда он на пару дней якобы домой метнулся, чтобы уладить дела с учебой, верно? Даже от лешего скрыли! Как ты этого добилась?

— А это, — по губам Лиды скользнула мягкая довольная улыбка. — Пусть останется моей собственной тайной!

Мужчина на девушку посмотрел укоризненно, потом обнял за плечи и повлек к дому, со словами:

— Хватит здесь стоять. Тебе надо что-то съесть и готовиться к ночной атаке.

Лида, идя послушно рядом, смотрела на Мельника искоса и изо всех сил старалась не дать губам разъехаться в улыбке. Ну, кому скажи, что русала удалось подбить на авантюру

благодаря детским водостойким краскам? Разве кто поверит?

На кухне дома был только Степан Викторович. Лидин отец сидел за столом, прочищая одно из ружий. Рядом лежала коробка со спецпатронами.

— Вот скажи мне, — взглянул он на дочь, — в кого ты такая предусмотрительная? В меня пошел Димка — что в голову пришло, то и сделал. А ты предусмотрительная умница-разумница.

— А я в бабушку, — отозвалась Лида, включая конфорку под чайником и усаживаясь на стул рядом, взглянула в глаза отца и чуть не рухнула. В их серой безмятежности скользили ярко-зеленые огни. — Папа?!

— Глаза, — пояснил Мельник, усаживаясь на диванчик в углу. — Сила кашея возвращается?

— Осталось всего немного, — согласился Степан Викторович. — От силы пара лет, и можно будет начать колдовать. А там подобное к подобному, и сила быстрее начнет возвращаться.

— Колдовать? Сила?! — Лида, рухнув головой на стол на скрещенные руки, только вздохнула. — Господи, ощущаю себя участницей какого-то водевиля!

— Не хватает песен, — сообщил Степан Викторович.

— Сейчас организую, — опасно прищурилась Лида, поднимаясь. — У меня аудиосистема по всему дому раскинута, так что никаких проблем ни с песнями, ни с танцами. Всего полной мерой будет!

— Барышня, — Мельник перехватил девушку на середине движения. — Спокойнее, смотри, сейчас чайник закипит.

— Все равно его пить не с чем, — вздохнула Лида.

— Думаешь? — Михаил опустил руку в карман своего пиджака, Степан Викторович сейчас не видел их, Лида спиной загораживала от него происходящее в углу. Поэтому и черную шоколадку, вытащенную мужчиной отточенным жестом фокусника, он тоже не видел.

— Ой...

— Теперь есть?

— Да...

— Значит, чайник выключай и заваривай чай.

Лида закивала, спрятала шоколадку уже в своем кармане и двинулась торопливо к плите. Мельник проводил ее задумчивым взглядом под усмешкой Степана Викторовича:

— Вот как надо обращаться с этой своевольной упрямицей. Надо взять у тебя пару уроков.

— У вас, Степан Викторович, — Михаил взглянул на отца девушки, — это точно не получится.

— Жаль-жаль.

Чайник закипел. В маленьком заварнике клубился темно-янтарный напиток, разнося по кухне дурманящий запах смесей чая. На включенной сковородке шипело масло. Лида, мечтательно улыбаясь, сноровисто резала на куски хлеб, ветчину и сыр, собираясь сделать на скорую руку горячие бутерброды.

Нож мерно постукивал.

Степан Викторович поднялся и двинулся в зал, к чему-то прислушиваясь.

На кухне остались только Мельник и Лида.

Молчали оба.

Накрыв глубокую сковороду крышкой, девушка шагнула было к столу, но перед взглядом вдруг вместо стула, на который она решила сесть, появилось совсем другое место.

Вместо ремонта «под город» — бревенчатые стены террасы и пучки трав у потолка. На кресле-качалке лежит огромная серая кошка, щурящая на маленькую Лиду свои ярко-зеленые глаза. На правой лапке у нее алый бантик. И такой же алый бантик в волосах босоногой девочки. Сарафан белый-белый, так, что смотреть больно на солнце, но в террасе царит прохлада и запах трав.

Девочка может с закрытыми глазами перечислить все травы, что висят здесь в связках.

Правая коленка разбита, но она не плачет. Девочки не плачут по таким пустякам!

Принц-медведь напротив тяжело вздыхает и опускается на пол. Его большие руки теплые, и совсем не больно, когда он скользит пальцами по правой коленке. И слезки на глаза наворачиваются сами собой.

Большой принц-медведь вздыхает еще тяжелее, его рука ныряет в карман светлого пиджака, он делает что-то непонятное, а потом вытаскивает шоколадку.

— Держи, маленькая ведьмочка, — улыбается он. — И больше не плачь. Мы только с тобой вчера поливали огород! Если все зальет, придется сушить, а это — куда сложнее!

...Мир качнулся и вернулся обратно.

Мельник сидел на своем месте, да и Лида стояла еще там же, где была. Словно все это заняло несколько мгновений и не больше. Самую малость.

— Миш, на что ты заговорил мою память?! — требовательно спросила Лида.

Мельник не ответил, покачал головой, приложил палец к губам.

— Чайник, барышня. Ты его не выключила.

— Что?! Как?! — круто повернувшись, девушка метнулась к плите. А там и момент был упущен, семья, уловившая вкусные запахи с кухни, двигалась на них, как стая оголодавших волков.

Не получилось у Лиды поймать Мельника больше до самой ночи.

Он постоянно был где-то рядом, не выпуская ее из пределов видимости, но в то же время находился слишком далеко, чтобы его поймать и выпотрошить на предмет нескольких вопросов.

До ночного штурма мог оставаться и час, и два, и десять — в зависимости от того, как скоро нападающие найдут дом Скворцовых.

Оборонять его предстояло очень маленькой группой. Хотя, какое там оборонять! Выживать.

А выжить по ряду причин хотелось многим.

Саня с огромной винтовкой еще российского военного образца, залег на чердаке. Ему предстояло побыть в качестве снайпера, а заодно — дозорным за небом.

Вход на территорию был только один. Поверх забора была пропущена закольцованная молния, и, по словам Тимофея, она там была уже очень давно, почти с самого начала его пробуждения, набирая силу. Сила некромантов по полюсу была противоположна силе электричества, к которой относилась молния, поэтому ни сам некромант, ни его войско без нужды не полезет напролом.

Влада Сергеевна, баба яга северо-западного округа, стояла в брюках и рубашке у ворот. С классической «старухой» из сказок ее роднило только одно — метла, старая, с отполированным до блеска древком, и с распушенной метелкой.

Степан Викторович и Марат были у черного входа дома.

Мельник и Лида — у парадного.

Лешка тоже пожелал принять участие, поэтому был в доме, у окна — с двумя самострелами. Каждый из них мог оторвать человеку или нечеловеку голову.

К доброй встрече были готовы все.

Или это только так казалось...

Ночные гости должны были задержаться. Они не могли быстро найти дом Скворцовых. В конце концов, обманок, по словам Марата, они с Саней оставили больше, чем достаточно.

Но гости пришли куда быстрее, чем их ждали.

Первое, что услышала Лида — был шум, некое поскрябывание чего-то по земле.

— Пауки, — Мельник, стоящий рядом с ней, подавил желание обернуться к Гусару и сказать ему на простом русском, куда тот может идти со своей ревностью и тяжелым взглядом, раздражающим Михаила. — Некромантические пауки.

— Ага, — пробормотала Лида. В памяти словно пролистывались сухие страницы, оставляя после себя мягкий шелест, тепло большой ладони на макушке и запах чая с мятой. — Крупные особи, как правило, не меньше полутора метра в поперечнике, могут доходить до трех. Ядовиты. Паутина прочна, попав в нее можно не выбраться и стать добычей паука.

— Верно, — Мельнику удалось не выказать своего удивления. — Может быть, сможешь вспомнить, как с ними справляться?

— Головогрудь защищена очень прочным хитином, зато брюшко мягкое и слабое. Бить снизу.

— Чудесно, — вытащив рацию — детские Walkie-Talkie, которые каким-то чудом сохранились в старом ящике с Димкиными игрушками, Михаил нажал на клавишу. — Раз-раз, как слышно?

Помехи в ответе присутствовали, но вместе с тем, голос отца Лида расслышала очень четко:

— Слышим отлично. Что у вас там?

— Слышим пауков. Как вы?

— Слышим тяжелые шаги. Не гуль, не скелеты. Пока непонятно. Саня на чердаке говорит, что никого не видно.

— Может, поднял кого-то из животных? Вроде быка, медведя?

— Нет, никто близко не умирал из них.

— Ясно. Держите нас в курсе.

— Вы тоже.

Убрав рацию в карман, Михаил через плечо взглянул на Лиду:

— Не мнись, барышня, спрашивай.

— Миш! Слушай, для некрманта, я правильно поняла же? нужен исходный материал. Чтобы поднять гуля, ему нужен труп человека, чтобы поднять скелета — ему надо разорить могилу. Верно?

— Чтобы сделать гуля или лича, некрманту нужен живой человек, барышня. Иначе получившаяся подделка будет тупа, как пробка. Ну, по большей части. Что в голове, то и на языке. Хуже пьяного. Но я понял твой вопрос, может ли создать что-то некрмант, если у него нет исходного материала. Да?

— Да! Может?

— Да. Этот некромант — может. Силен мразь. Слишком сильный, чтобы можно было сказать, что это не в его силах. Самым страшным будет... — Мельник замолчал.

— Миша?

— Кажется, барышня твои предчувствия были оправданы, а мы снова недооценили нашего противника...

— Миш?

Мужчина не ответил, включил рацию, но кроме шума в ответ ничего не донеслось. Ни Степан Викторович, ни Марат не ответили.

— Так и знал. Твари с границы. Эта мразь смог поднять тварей с границы!

— Это... плохо?

— Хуже не придумать. Иди в дом, барышня.

— Что? — Лида нахмурилась, тряхнула головой. — Нет уж! Никакого дома. У меня есть оружие, есть патроны, а ты позаботишься о том, чтобы у меня была информация. Если уж умирать, то как и положено! Стоя и...

— Ты не умрешь, барышня, — Мельник всего на мгновение загородил девушку от взгляда Лешки, понизил голос, — ты — не умрешь, даже если все пойдет по самому плохому варианту развития событий. На твоей груди мой амулет, а значит, даже если весь мир будет против, ты будешь в безопасности.

Лида нервно облизнула губы:

— Как насчет тебя?

— А это уже тебя, барышня, не касается.

Ярость затуманила голову и взгляд.

Стукнув кулаком по плечу Михаила, девушка яростно сказала:

— Посмеешь умереть, подниму и убью уже лично!

Посмотрев на отливающие зеленью глаза, мужчина усмехнулся, наклонился к ее уху, шепнув:

— А ведь теперь это может у тебя получиться, — и резко рванул в сторону, покотившись по земле, в охапку с Лидой. Кусок ворот, около которого они стояли, ласточкой пролетел у них над головой. Смазанные петли были вырваны с мясом, а по ту сторону проема...

Пауки. Да.

Но глядя на этих пауков, Лида возблагодарила всех богов разом за то, что не страдает арахнофобией.

Темно-фиолетовые и зеленые, с мохнатыми лапками, огромными жвалами.

— Миш... — девушка нервно облизнула губы, потом чуть истерично засмеялась. — А можно я все же спрячусь в доме?

— Это будет самым лучшим вариантом, — согласился Мельник, поднимая ее на ноги. — Но, думаю, такое счастье никому из нас увидеть не получится.

— Увы, — согласилась Лида. Ее еще трясло, и стояла она рядом с Михаилом, глядя на воинство пауков. Попыталась посчитать, но каждый раз сбивалась на втором десятке. — Мой обрез против них, что слону дробинка!

— Тшш, барышня. Не надо про слонов. Слоны на границе в нашем районе не водятся, но кто знает, насколько упрям этот некромант. С него могло бы стать и приволочь их сюда.

— Ты шутишь?!

— Нет, барышня.

— Тогда я лучше с концами помолчу, — пробормотала Лида.

Мельник промолчал. Он слышал то, чего девушка еще не могла даже ощутить. Граница колебалась, пропуская кого-то очень весомого и массивного, кого-то тяжелого. Не такого, как слон или мамонт, и к счастью, не динозавр — хотя псевдодинозавры на границе водились. Например, та же Несси из известного шотландского озера, самая что ни на есть настоящая, только живет на границе, а в мир реальный проскальзывает во время проколов. Ну, и надо же ей чем-то... кем-то питаться. Обитатели границы в большинстве своем или несъедобные, или... несъедобные из-за зашкаливающего количества яда.

— Медведи. Двое, — Лида, подойдя ближе, вслушивалась в тихие шорохи и гулкие отзвуки шагов.

— Барышня?

— Только что услышала. Пауки, медведи, папа и Марат, судя по тому, что не ответили, столкнулись с кем-то очень крупным. Все это гости с границы. Но... как-то мелко, что ли... С пауками справиться легко, если ты можешь оперировать пространством, просто вырасти тонкие... деревца что ли, из земли... А... Нет, это же вотчина не мельников, а бабы яги. Ба!

— Не кричи, егоза, не кричи, — Влада Сергеевна со своей метлой подошла ближе, глядя на приближающееся воинство. — Я согласна с тобой. Для некроманта это слишком слабо.

— Может, на людей нападение?

— Нет. Никого нет.

— А как насчет силы? Может, блокирована? — предположила Лида.

Из дома подтянулся Лешка, уже устойчиво стоящий на своих ногах.

— Что случилось? Чего ждем? Как убивать их забыли? — грубовато спросил он.

Лида, недоумевающая, что такое происходит с любимым человеком, взглянула на него недоуменно:

— Леш? Что с тобой?

— Все нормально. Чего вы ждете? Пауков убить...

— Спокойно, парень, — Влада Сергеевна перевернула свою метлу древком вниз. — Не забывайся. Ты здесь больной, тебе с твоим сердцем на операцию надо, вначале на человеческую, а потом к любой бабе-яге, а ты все туда же — войну ему подавай.

— Ба? — Лида обернулась вопросительно, но ее бабушка уже была занята.

Древко ударило вниз, в землю, зарываясь в мягкую податливую почву на добрых два-три десятка сантиметров. Не было слышно слов, не было никаких эффектов. По древку прошла волна, раз, второй, потом задрожали руки Влады Сергеевны, которыми она сжимала метлу.

Потом дрожь от метлы перекинулась на землю. Или это как раз оружие баб-ежского «производства» дрожало, улавливая вибрацию земной тверди?

Пауки застыли, словно боясь пересечь какую-то черту.

Самые умные попятнулись, но было уже поздно. Власть бабы яги пробилась поверхность земли. Снизу вверх ударили сотни стрел молодых побегов кустарников, разрывая пауков на части.

До Лиды донесся изумленный голос бабушки:

— Они что, живыми были?!

А потом резко стало не до шуток, и не до смеха. Некромант не дурак, некромант умная сволочь подстраховался. Он не собирался давать противникам и тени шанса, но зато хотел сразу же лишиться их одного козыря. Например, силы бабы яги. После применения массивной и могущественной атаки за один раз — Влада Сергеевна оказалась очень

быстро в числе аутсайдеров и больше не могла принимать участие в обороне дома.

Лида, вскинув пистолет, всадила в морду ближайшего паука две пули, но что в лоб, что по лбу — чугун и то пробить легче.

Метнувшийся мимо Мельник, подрубил передние лапы того черного монстра, что тянул свои жвала к Владе Сергеевне, потом поднырнул под него, убивая и вернулся обратно, поддерживая бабу ягу под руку.

— Уходите в дом. На границу не идете. Там, скорее всего, тоже исключительный подарок.

— Я поняла, — женщина, за один миг постаревшая лет на десять, устало кивнула, взглянула на внучку. — Лида...

— Ба, мы справимся. Мы сильные. Не нам бояться некроманта, а ему — нас.

— Твои бы слова... — Влада Сергеевна покачнулась, но появившийся из-под ног Тимофей, придержал за локоток.

— Я провожу, матушка.

— Проводи, — улыбнулась ему обрадованно Лида и повернулась уже к воротам. — Сколько их?

— Тридцать шесть. Было. Стало тридцать пять. И два медведя. Только эти уже мертвые и застряли на границе, там мяса побольше, которое к тому же не сопротивляется. Но нам и этих с головой хватит.

— Что отличает мертвых пауков от живых?

— Скорость, сила, ядовитость, крепость паутины — одним словом, все. Место слабое у них то же самое — брюшко, только до него не доберешься без подручных средств и хорошей команды.

— Разве у нас плохая команда?

— Самая лучшая, барышня. Но нас только трое. Этого мало. Чтобы опрокинуть одного паука... господин Гусар, сколько в вашей предпоследней боевой операции понадобилось людей, чтобы убить одного такого паука?

— Шесть человек, господин Мельник, — ответил Лешка вежливо.

Только в его голосе Лида очень четко расслышала нешуточную издевку.

— Ну, поскольку вы это вы — спрашивать про потери личного состава не буду, — Мельник взглянул на пауков. — Но что-то с этими ребятами надо делать.

— Миш, а... кашей смог бы с ними что-то сделать?

— Нет. Даже могущественный кашей не может ничего сделать тем, кто пришел с другой стороны границы. С теми, кого поднял некромант на нашей стороне, еще можно попытаться справиться, но на той — уже увы.

— Но что-то с ними можно же сделать! — возмутилась Лида. — Мы просто не перебьем этих! Скорее, они нас перебьют и даже не запыхаются!

— Они не дышат. Так что... — Мельник взглянул на Лешку. — Господин Гусар, ваши варианты? Гениальный стратег и тактик, может, вы что-то сможете придумать на скорую руку?

— Как насчет тактического разумного отступления? — предложил тот негромко. — Отсидимся до рассвета. К тому же, сутки должны были истечь четыре часа назад. Скорее всего, уже мои ребята исследуют зону, сжимают кольцо и вот-вот появятся с помощью! Да и Дима, мне Марат сказал, что мальчишка отправился за помощью. Так что... У нас есть все шансы обойтись малой кровью.

Предложение звучало соблазнительно. В равной степени разумно-трусливо и обнадеживающе. Ведь действительно, их никто не обучал сражаться против массивных тварей, которые двигались хоть и очень тихо, поскольку самые передние запутались конечностями и никак не могли их распутать, что и дало защитникам некоторую передышку перед «смертью», когда можно надышаться.

Подойдут люди, для которых война — дело жизни. Привычное дело, которое они знают с детства, которое стало не только промыслом, но и ремеслом. Да и у них будут оружие и патроны. У оборонявшихся их было недостаточно. Димка где-то задерживался, патронов, что были — могло хватить только на первую волну, вот эту. И...

— Нет! — Лида махнула рукой даже. — Нет-нет-нет!

— Барышня?

— Скворцова?!

— Мы не знаем, что еще придумал некромант! А если мы зайдем домой, а он перенесет с границы, простите меня, кита?! И в доме нас просто расплющит?! Не хочу такого! Вы двое, придумайте что-нибудь более реальное, без сомнительных авантюр, пожалуйста!

Мельник и Лешка переглянулись.

Леди изволит другой вариант? Да попробуй его тут придумать! К тому же, в доме действительно было бы безопаснее.

— Со Скворцовой спорить бесполезно, — Лешка только руками развел. — Она девушка милая, добрая, но упрямее осла или барана. Если что-то решила, переубедить можно и не пробовать. Это было очевидно, еще когда мы в школе встречались. Ума не приложу, в кого она такая. Но переделывать ее бесполезно.

— В бабушку, Леш, — сообщила Лида рассерженно. — Я вся в бабушку, и я тебе уже об этом говорила! И раз ты так хорошо меня знаешь, то понимаешь, что переубедить меня не удастся. А поэтому делайте что хотите, но придумайте решение! А я пока... погуляю!

Прогулка в понимании девушки оказалась весьма чудовищной штукой, ибо она, демонстративно фыркнув, подхватила два пистолета и двинулась к паукам.

— Стой, дура! — рявкнул Лешка. — Пропадешь!

Но вот такая манера разговора с любимой девушкой, ту только подстегнула.

Лида даже не оглянулась, поднырнув под ближайшего паука.

Выстрелила, раз, второй, и когда противник начал заваливаться, нырнула под следующего.

Но... Она совершенно напрасно посчитала, что эти твари неразумные. Эффект недооценки сыграл на ее стороне только первые два раза, на третьем по счету пауке она просто отлетела в сторону кеглей, сбитой с ног гигантской битой. Не по правилам боулинга, зато очень эффективно.

Лида охнула, и ее приземление закончилось у дерева. Девушка осталась там без сознания.

— Серьезных повреждений, надеюсь, не будет, — пробормотал Мельник. — Ну, господин легенда, есть идеи, что делать с этим тварями?

— Убивать, — пробормотал Гусар, — самым что ни на есть обычным, а от того скучным способом — ручным.

— До барышни дойти сможешь? Я прикрою.

— Боюсь, даже если я до нее доберусь, помочь ей я не смогу.

Мельник с каким-то скрытым удовлетворением услышал, как его собеседник отчетливо

скрипнул зубами от злости. Услышал и задумался, а с чего это вдруг так его обрадовало?

А следом у него выпал шанс взглянуть, почему же этого человека на полном серьезе называли легендой. Судя по его личному делу (да, Мельник взглянул на него, беззастенчиво воспользовавшись своими связями) Алексей Гусаров был чистокровным человеком, но то, как он двигался, то, как он убивал — вызывало восхищение.

Сколько лет надо было тренироваться, чтобы стать таким воином? С детства? Но почему Лида никогда об этом не говорила. Ни слова.

И эта ненависть, так ненавидят полуночников только те, у кого они убили кого-то очень важного, дорогого... Слишком важного, чтобы это можно было простить и забыть.

Над ухом Мельника пролетел кинжал, и паук, который подобрался уже очень близко, припал на одну подбитую лапу. Рядом метнулось лезвие сабли, подоспевший Степан Викторович разрезал мягкое брюшко и кинулся дальше. Рядом появился Марат, боевой цеп в его руках вращался со скоростью лопастей корабельного винта, а следом Саня с огромной алебардой.

Прибыло подкрепление, на которое уже Михаил и не рассчитывал.

— С кем вы познакомились, Марат? — спросил Лешка, вставая на мгновение со своим оперативником спина к спине.

— Двое огров, — отозвался оперативник коротко. — Знаете, если бы не то, что мы уже однажды с этими ребятами встречались, мы бы не выжили. Мозг у них маленький, а черепушка тугая. Ужасно. Думал, порвут на части, хорошо Саня подоспел. С его алебардой это было... попроще, чем с нашими «зуботычинами». Разобрались с теми тварями и кинулись сюда, к вам.

— Ну, у нас тут свои прелести.

— Теперь справимся, — кивнул Марат.

И не ошибся.

Подошедшее подкрепление, Гусар и Мельник с легкостью сдерживали натиск огромных монстров, вначале мешающих друг другу, а потом начавших спотыкаться о трупы бывших соратников. К тому же некромантические твари сразу после восстания из трупа были голодны, а под тонкими лапами было мясо, много мяса... которое можно было спокойно рвать на куски и пожирать.

Обороняющиеся ловили момент, и добавляли к горе мяса очередной кусок.

Пока вся эта каша завертелась, Лида из вида пропала.

И когда Мельник добрался до того дерева, около которого она должна была лежать, девушки он там не нашел...

Зато был след серьезного пробоя, уводящего... на границу.

И пока мужчина пытался понять, куда унесло непоседливую участковую, она вернулась сама — вывалилась ему на руки, в крови, с синяками и ухмылкой во все лицо.

— Два-ноль в мою пользу! — сообщила она, потом потрясла головой и шепнула деликатно, — кровь не моя. Они просто попались... под руку. Я обошлась синяками.

— Барышня, ты меня седым сделаешь.

— Тебе пойдет, — засмеялась Лида, — будешь таким импозантным, Красиививым. Хотя сейчас тоже красивый. И такой ты мне больше всех нравишься!

Кажется, девушка просто не отдавала себе отчета в том, что именно говорит. Взгляд ее был расфокусированным, по лицу бродила улыбка пьяного или счастливого человека.

А вокруг кроме кусков разлагающегося мяса уже ничего не осталось.

— Уф! — радостно возвестили Лида очевидное. — Победа наша!

Взгляд ее скользнул по лицам всех тех, кто был рядом.

Саня сидел у дерева и баюкал правую руку. Перелом? Вывих? Судя по тому, как кривилось от боли его лицо — что-то серьезное.

Папа нашелся левее. С кривой саблей в руках. Лида такие ятаганы видела только в провосточных фильмах, а тут вдруг в действительности. Лезвие сабли приобрело выщерблины, а одежда Степана Викторовича пришла в негодность от яда и грозила вот-вот расползтись по швам.

Марат и тут сохранял свое циничное спокойствие. Словно ничего и не случилось, немного размялись, да и все.

Миша был рядом. Славянский богатырь со своим огромным топором, оглядывающийся цепко по сторонам и будто ждущий откуда-то подвоха.

Последним на глаза попался Лешка. Его губы были сжаты в полоску, а в глазах полыхало что-то темное недоброе. Смотреть на него стало неприятно, девушка торопливо отвела взгляд в сторону и прикипела к Лешкиной тени.

С тенью было что-то не так.

Лида подняла глаза. Лешка стоял, вызывающе скрестив на груди руки. Тень... девушка опустила голову, расползлась по земле от отдаленного уличного фонаря, и видно было, что ее удлинённый силуэт скрестил на груди руки.

«И придет же в голову», — с обидой на себя подумала Лида. — «До чего дошла! Собственного жениха в приступе паранойи подозреваю тьма знает в чем!»

Взгляд Лешки, когда девушка ему улыбнулась, успокоился. Его губы шевельнулись, и Лида по дурацкой привычке прочитала то, что он беззвучно говорил:

— Скворцова. Ты моя головная боль... Сколько можно быть такой упрямой, а? Уже сил никаких не осталось. Впрочем, твоя бабка меня подлечила, продержусь и без твоего участия, а там все равно доберусь. Взять ее.

— Лида!

Отчаянный крик донесся сзади. Лида стояла истукан истуканом и смотрела на собственного жениха. Ей показалось. Он не мог такого сказать! Нет-нет-нет! Только не он. Только не Лешка. Лешка ведь...

Перед глазами мелькнули картинки.

Острые. Ранящие. Колкие.

Лешка, толкающий ее к стене.

Лешка, угрожающе нашептывающий что-то на ухо.

Со злым взглядом.

С ножом в руках, с которого капает кровь, и шальная улыбка:

— Ты же будешь хорошей девочкой и никому не скажешь, а, Скворцова?

Лешка, надевающий на палец кольцо, а в его глазах мертвенно-зеленый цвет.

...Лешка...

— Не может быть, — вывели разом пересохшие губы.

Уголок губ Гусара дрогнул, поднимаясь в намеке на злую усмешку.

Стало не столько больно, сколько зябко.

А за спиной, обжигая затылок ледяным дыханием, зарычал снежный зверь.

Вообще, в России девушки делятся на две категории. Те, которые испугавшись, бегут прятаться за мужскую спину и те, которые испугавшись, сначала стреляют или бьют, а

потом выясняют, кому попало.

Попало снежному зверю.

Лида, повернувшись, вскинула обрез, все это время мирно спящий на ее предплечье. Жажнул раскатистый выстрел. Жар от выстрела ударил в лицо и в тело, кровь ударила в голову. Ибо ничем другим нельзя объяснить то, что случилось дальше.

Распахнув ярко-зеленые глаза, девушка резко крикнула мертвому зверю, поднимающегося из опметков мяса:

— Марш к своему хозяину!

Она не была бабой ягой или некроманткой, этот зверь не приносил ей присяги. И то, что Лида — хозяйка на территории, тоже на него повлиять не должно было. Но мертвенная зелень глаз имела еще одно объяснение, и зверь, поджав хвост, кинулся искать защиты у своего хозяина, у некроманта, у... Гусара.

— Господи, — вырвалось у кого-то позади.

Завыл, как раненный зверь Марат, до которого очень быстро все дошло.

Лида смотрела на Лешку, и ей самой хотелось завывать раненой волчицей.

— Скворцова, — почти нежно сказал выпрямляющийся некромант, пока зверь, спрятавшись за его ногами, тихо поскуливал. — Как же ты меня достала. Я все никак понять не мог, о чем мама говорила, дочь кашея, дочь кашея, ты бы поосторожнее, а оно вот как. Ты унаследовала от папочки дар восстанавливать свою силу. Я уж думал, мой лич сделал все, чтобы заблокировать ее в тебе, пропитал ее своим ядом, подготовив для меня питательное блюдо. А ты, мелкая паршивка, мало того, что живая осталась, так еще и долго сопротивлялась. Мой снежный зверь постоянно был рядом с тобой, в облике твоего пса. Было смешно смотреть, как ты пытаешься жить в этом мире, не зная, чего лишилась и что тебя ждет. Ну, что ты на меня так смотришь, глазами своими серыми хлопаешь, Скворцова? Не любил я тебя, никогда не любил. Сила мне твоя нужна была. Си-ла. Понятно, дурочка? Жаль, что на этом нашу игру придется заканчивать. Было очень весело смотреть, как ты пытаешься вычислить некроманта. А потом, когда ты догадалась, хоть и в последний момент, весело не было. А, за зверя спасибо. Мертвый он для некроманта сподручнее. И, милая, я тебе обещал, что после смерти ты моей будешь, так я тебе повторю. Будешь. Никуда не денешься. И никто, никогда тебе не поможет. Жди, моя ненаглядная. Уже очень скоро увидимся.

Опустив ладонь, Лешка похлопал по макушке зверя. Тело снежного волка, в образе которого тот был, начало меняться. Куски мяса отрывались и на лету перестраивались, обрастая костяными пластинами. Спустя томительно долгий миг, пока никто не мог вымолвить ни единого словечка, перед Лешкой застыл огромный конь, верхом на которого он и вскочил.

Лида смотрела на него широко распахнутыми глазами. Мертвенная зелень из них ушла, оставив бездну серого тумана.

Лешка вскинул ладонь, посмотрел на девушку почти с нежностью:

— А это подарок на прощание, красавица моя, чтобы мы встретились побыстрее.

Серый луч вонзился Лиде прямо в грудь, больно не было, но ноги ослабли, подкосились. И на безымянном пальце поселилось что-то холодное, мерзкое.

Кажется... змея?!

Подскочивший Мельник что-то метнул в некроманта, но Лешка, страшно захохотав, дал своему мертвому коню шенкеля, тот взвился с места, распахнул кожистые крылья и только

его и видели.

Слышался отчаянный вой, вой преданного зверя...

Матерился Саня.

Хохотал Степан Викторович, и смех этот был истерический.

Лида падала... бесконечно медленно и в то же время быстро.

Синие глаза первой школьной «любви» растворялись, темнели, становясь цвета агата, под кустистыми бровями.

Звонкое мальчишеское «Скворцова» исчезало, заменяясь мягким «барышня, туда не стоит».

Ее собственное «Лешка», полное чувств и счастья, сменялось истинным «мой принц-медведь», произнесенным детским голосом, полным уверенности в завтрашнем дне и этой любви, не просто детской или первой, не просто заколдованной или договорной, а единственной.

Мир таял.

С безымянного женского пальца Мельник сдернул холодную черную змею, кинул на землю, растаптывая, разрушая и ее, и чары некроманта, и приворот на крови, взятой против воли. Лопнула резинка, выпуская на волю русый каскад волос. Серые глаза закрылись, и все, что еще увидела девушка — был Мельник. Был его спокойный взгляд и тихие слова:

— Все будет хорошо. Я — рядом...

— Мой принц-медведь, — прошептала она, и мир исчез окончательно, отпуская ее на волю из плена самого жуткого приворота, который только мог существовать.

Таяла зелень в ауре, замещаясь бушующими цветами разнотравья. Сила бабы яги, подстегнутая силой кашея и каплей первородной магии, возвращалась в тело Лиды.

Качал головой Тимофей, суется по дому.

Влада Сергеевна держалась за сердце, опускаясь на крыльцо.

Смеялись водяной и леший, глядя за происходящим в водное зеркало:

— Ай да, матушка, — повторяли они на два голоса. — Ай да, дочь кашея!

В углу той подводной норы, где они были, лежал мальчишка. И на его бледно-серое лицо мертвеца было не суждено когда-либо вернуться краскам...

7. Участковая для нечисти

Она не спала, но и не бодрствовала. Лида потерялась. Бродила где-то между границами мира реального и нереального, не в силах открыть глаза или выбрать что-то окончательное.

Она определенно была жива и также определенно была не совсем в сознании. Вокруг не было живых, но вот не было ли вокруг мертвых — она точно сказать не могла. Были тени. Страшные тени, уродливые, изломанные. Светлые тени, едва уловимые, хрупкие.

Теней было много, очень много.

Но когда страшные пытались подойти ближе, из медальона на груди девушки вырастала тень огромного медведя и никого не подпускала близко.

Лида качалась на волнах сна, иногда проваливаясь в него, иногда снова поднимаясь к поверхности этого странного серого мира. Это не было границей, если, конечно, не считать границей грань между разумом и безумием в собственном сознании. Это было чем-то, о чем она даже не слышала. И не желала.

Мир был немного отдален от нее пеленой пустоты.

И именно так лучше было бы всему и оставаться.

Здесь не было запахов, не было цветов, не было звуков. Была только Лида и была серая, пустынная, пожалуй, даже грязная окружающая действительность.

Но именно здесь все вдруг начало вставать на свои места. Воспоминания возвращались неохотно, причиняли боль, даже самые светлые. Но Лида, когда поняла, что здесь она наедине сама с собой, копалась в них активно и отчаянно. Она пыталась найти. Пыталась понять.

Хотя бы... хотя бы что-то.

Девочкой она была умной, а с возрастом к уму и смекалке добавилась аналитическая логика. Лида умела обобщать, делать выводы. Ничего сверхсерьезного, но основные причинно-следственные связи, так или иначе, просчитывать она умела.

В памяти... в памяти была маленькая, удивительно светлая баба яга. Еще девочка, босоногая, бегающая по полянам и разговаривающая с травами. Та, маленькая баба ежка, которой Лида уже давно не была — действительно с ними разговаривала. Хотя разговором как таковым назвать это сложно. Это было нечто совсем иное. Без слов, без пояснений, без чего-то еще. Образы. Образы света, ночи, воды, образы жизни, образы холода... Нет, снова не так. Тому, что видела маленькая девочка, взрослая Лида не могла даже подобрать словесного описания. Но это было. И отчасти это было очень страшно.

Сейчас, она знала это совершенно точно, она не услышит больше ни одного цветка. Дар... Да, она поняла, что случилось. Она услышала это в словах, в мире вокруг. Баба яга вернулась. Она — сама. Ее дар. Он снова был... но не в ней — рядом с ней. Она еще его не приняла. Потому и застряла на границе между одним миром и вторым, между реальностью и границей, не зная, что делать, не зная, что выбирать.

Не зная, надо ли это делать.

Кто-то окликнул ее, но звук не дошел, погасился.

Лида вспоминала.

Босоногое детство. Запах трав. Каникулы у бабушки.

Жизнь с папой, тоже в деревне, только другой. Совсем рядом с Питером. Там была холодная река, там были в реке вкуснящие караси, и водяной совсем добродушный. Лида

бегала к утопленницам, и они рассказывали ей сказки, катали на водяных конях. Маленькая баба ежка была очень светлой, она любила мир, и мир платил ей тем же.

А потом произошло то самое, страшное, болезненное, тяжелое и больное. Лич.

В воспоминаниях, Лида смотрела на них отстраненно, впереди, в тупике ее действительно кто-то ждал. Маленький. Совсем маленький. Но в темном плаще. Он, тот маленький, командовал личем, который загонял девочку сюда.

А потом лич впился в ее шею. И появился Мельник.

Дальнейшее маленькая Лида не помнила, не увидела и взрослая Лида.

Зато среди всех воспоминаний... как много среди них было счастья, как сильно любила маленькая баба яга своего принца-медведя! мелькнуло и кое-что очень необычное, заставившее Лиду задуматься.

Это было всего через пару часов после нападения.

Когда маленькая девочка, уже понимающая, что ее дар утекает из ее тела, как вода сквозь песок, забилась в угол. Ей казалось, что отовсюду на нее смотрит тяжелое, гнетущее зло. Что оно тянет, тянет к ней руки.

Папы не было. Он куда-то ушел.

А маленькой девочке было очень-очень страшно.

Люди в темно-серых длинных мантиях появились в ее комнате неожиданно, заставив девочку вскрикнуть. Трое. Кто-то из них даже шагнул к ней, чтобы заткнуть «мелкому отродью» рот, но второй остановил.

— Охолонь. Здрава будь, юница.

— И вы здравы будьте, серые волхвы, — Лида поднялась из угла, настороженно глядя.

Тот, кто ее отродьем назвал, засмеялся:

— Чисто волчонок, того и гляди укусит.

— Она не укусит. Главное — не нарывайся. Юница.

— Да?

— У тебя медальон на шее висит. Отдай его.

— Зачем это? — девочка сжалась еще больше, закрыла медальон, скрестив на груди ручонки. — Мой он!

— Уже нет. Волей нашей помолвка между тобой и Михаилом Мельниковым разорвана была, юница. Отдавай медальон. Не тебе он принадлежать должен, не тебя теперь защищать будет.

— Да что ты с ней церемонишься! — самый грубый протянул руку к девочке и, ойкнув, ладонь отдернул. Ярко-золотая молния скользнула вокруг медальона и застыла над плечом девочки.

— Защищает! — хмыкнул самый спокойной. — Видишь? Сунешься еще раз — молния больнее ударит. Другой разговор, что молния в нем не вечна. А Мельник не придет сейчас, да и не почует ничего, мы об этом позаботились. И послушай меня, юница. Здрава ты. Ум твой смышлен. Защитить медальон ты не сможешь, мы силой его отберем. А ты уже больше и себя защитит не сможешь. Так что, упрямитесь здесь не стоит. Тебе лучше будет, если мы сейчас его заберем.

Девочка помотала головой.

И тут же дернулась от резкого удара. Третий волхв, самый тихий и самый молчаливый, подошел ближе и ударил ее по щеке. От души. Голова мотнулась, из прокушенной губы пошла кровь. Но и молчаливому пришлось отскочить, когда разряд молнии оставил на нем

свой отпечаток. Сплюнул этот волхв уже кровью.

— Дочка, не упрямься.

«Убьют», — и та, маленькая Лида, и взрослая Лида подумали это одновременно. — «Они просто меня здесь убьют, если я не отдам им медальон. Прятать надо... было».

Маленькая девочка исподлобья посмотрела на волхвов, запоминая их, запоминая в лицо каждого, потом улыбнулась.

Чистый звонкий голос наполнил комнату:

— Подождите минуточку, пожалуйста.

Шнуровка блузки поддаваться не хотела, девочка потянула раз, второй. Тот самый нетерпеливый подскочил ближе, дернул за ворот, разрывая рубашку, и отскочил, тряся рукой. Спокойный волхв взглянул на него с усмешкой, посмотрел на Лиду и вздрогнул.

Малышка смотрела уже на него с насмешливым презрением.

Медальон был не на шее — уже в ее руке.

— Не вы его надевали. Не вам его и забирать!

Отреагировать волхв не успел.

Девочка выпустила медальон из рук. Мелькнула порванная цепочка — кто-то успел порвать?! По шее маленькой Лиды текла кровь, а залог подтверждения венчания пропал, как будто его и не было.

Тот самый, нетерпеливый, подскочил, ударил со всей силы. Маленькая девочка отлетела в сторону, да так там и затихла, не в силах подняться.

— Охолонь! — рявкнул волхв, в руках высокого могущественного старика появился тяжелый посох. Поводив им из стороны в сторону, он только головой в растерянности покачал. — Ай, да юница. Недооценили как! На границу она забросила медальон. Вот тебе и дар уже почти потеряла, последними крупницами с кровью за свое желание заплатила. Не вернуть его нам. Пройти туда, пройдем. А обратно мы оттуда уже и не выйдем. Мельника же просить нельзя. Увидит, за чем мы пришли — сам убьет нас. Уходим.

— Но!

— Медальона на ней нет, защиты нет тоже. А остальное нас не касается. И друга своего забирай.

Волхвы ушли. Маленькая девочка подняться так и не смогла...

Зато взрослая Лида хорошо запомнила всех троих.

А потом пришел Мельник.

Принц-медведь смотрел на свою маленькую уже не невесту с отчаянной тоской. Его личное солнышко, его золотая малышка... Ему все равно было, что в ее крови уже тек яд лича. Ему и в голову бы не пришло из-за этого от нее отказаться, но... его не спросили. Поставили перед фактом.

— Барышня...

— Здравствуй, принц-медведь... — маленькая Лида лежала уже в кровати, когда Мельник пришел. В ее глазах оставалось все меньше и меньше света. Последние крупницы всего, что у нее было, она теряла. Когда Михаил протянул к ней руку, малышка вцепилась в нее из всех своих сил. — Он там есть! Смотри! Там... в углу...

В углу было пусто, только доказать это Лиде было невозможно.

— Я не хочу его видеть, принц-медведь... Пожалуйста... — в глазах маленькой девочки стояло отчаяние пополам с беспросветной безнадеей. — Я не хочу больше его видеть. Я больше так не могу. Или забирай меня! Забери меня с собой!

Забрать девочку с собой Мельник не мог.

Волхвы предупредили, чтобы он не натворил глупостей.

Он бы с удовольствием натворил бы их. Но... даже у Мельника есть ограничения.

К тому же... что делать маленькой девочке, которая никогда не сможет себя защитить, на границе? Сходить с ума? Обречь свою малышку на такую участь, мужчина не мог. К тому же, Степан просил стереть ее память.

Чтобы она не помнила о том, чтобы случилось.

Чтобы она не видела теней вокруг себя.

Чтобы смогла жить, как живут обычные люди...

Они все будут теперь так жить.

И не желая больше видеть боли в серых глазах, Мельник положил ладонь на макушку Лиды.

— Мы еще увидимся?

— Когда-нибудь, — тихо пообещал Михаил.

Лида уловила подвох только, когда в его словах прозвучал якорь. Мельник заговаривал память на возвращение дара. Абсолютно невозможное, абсолютно нереальное событие... Утерянный дар к бабе яге вернуться не мог...

Прерывать заклинание было нельзя, и по щечкам девочки покатались горькие, отчаянные слезы.

Она не хотела забывать. Только не принца-медведя! Только не его.

— Сладких снов, малышка... И прощай.

...Мир качался. Снова и снова в серой пелене всплывали воспоминания. Все новые и новые. Лешка. Их учеба, их ссоры, их ссоры. Ссоры. Они никогда не могли найти общий язык, он называл Лиду «мой личный кошмар», «мое наказание», и в то же время тот мальчишка присматривал, чтобы никому и в голову не пришло покуситься на то, что принадлежит одному ему.

Покуситься на Скворцову.

Она гоняла с мальчишками мяч и всегда была под его присмотром.

Она была рядом даже тогда, когда он этого не хотел.

Но сейчас, со стороны, Лида замечала то, чего тогда не замечала. Ни о каких чувствах со стороны Лешки и речи не шло. Она была ему интересна постольку-поскольку, она была для него запасом чего-то... полуночного.

Лешка был некромантом. Его мать — бабой ягой. А Лида была выбрана ими с какой-то очень определенной целью, которую не мешало бы прояснить. Но это попробуй еще понять, попробуй их еще найти.

Хотя, что пробовать, что искать. Сами придут. Лешка сам придет. Приворот на крови и фальшивое венчание — вот что защищало Лиду от некроманта. Вот почему он сам лично не мог ей навредить.

А теперь, когда не осталось ни кровавого приворота, ни кольца на пальце, он мог все. Он мог все, что угодно. В том числе прийти лично.

И Лида была готова его встретить. Нужно было только решить, в каком качестве встречать.

И последнее, что нужно было ей понять, это кто она — на самом-то деле. В каком мире она живет. В каком мире она хочет жить.

В обычном мире не было места полуночникам. Здесь и сейчас Лида могла отказаться

ото всего, чего она добилась. Уехать с Брянщины, отправиться в Питер, под защиту бабушки и особого отдела. До первого снега все решится... Так сказала Ринго, московская девушка-экстрасенс. Так она сказала. Была ли она права?

Скорее всего — была.

До первого снега всего ничего. Потерпеть всего немного, а потом забыть. Все забыть... Как страшный сон. Заплатить могущественному Мельнику, отказаться от него, отказаться от всего. И просто жить. Как жила когда-то.

Можно было так и остаться посередине. Просто матушка полуночников, просто обычный человек, с едва-едва осязаемым даром.

А можно было не убегать от себя. И признать, что ни первый, ни второй вариант не дадут ей главного — возможности быть с Мельником. Только баба яга, не просто дочь кашея, но истинная владелица силы могла быть с ним рядом. Не просто рядом, а вместе.

Скворцовы всегда были упрямыми. А уж Лида так вообще пошла в бабушку. С ее упрямством, известным всем и каждому.

Так что... отказываться она не собиралась. К тому же, у нее еще лежал в сейфе ее медальон. Венчальный медальон. И бабушка говорила, что помолвка не разорвана была правильно. И... пусть совершенно эгоистично, пусть возмутительно и невероятно, но Лида не хотела отказываться от своего принца-медведя.

Если она ему не нужна, что ж, тогда, да. Она смирится с этим. У нее получится. Не отступать вот так, просто так?! За шаг до возможной победы? Нет.

Нет.

Что там бабушка говорила когда-то? Что для бабы яги самый нужный и самый правильный инструмент — это метла.

Вот с метлы она и начнет.

Метла послушно легла в руку. Лида улыбнулась. Начинать нужно с малого, а там... дорогу осилит идущий... Почему бы не осилить дорогу и ей самой?

А еще, ей столько нужно выяснить, особенно у того, кого...

— Барышня.

Ресницы дрогнули, серый омут осмысленного взгляда обратился на Мельника, и Лида улыбнулась, едва-едва уловимо, едва заметно.

— Здравствуй, принц-медведь...

Мельник, сидящий на стуле у кровати, на которой лежала Лида, закрыл на мгновение глаза.

Он успел передумать за пару часов все самое страшное. А она...

— Принц-медведь?

— Я тебя всегда так называла, — дрогнули бледные губы. — Решила, что ты не обидишься, если я снова тебя так назову.

— Ты все вспомнила.

— Ты сам поставил как якорь возвращение ко мне дара. Дар — вернулся. Память — тоже. А вместе с ней кое-что очень интересное. Не ответишь мне на пару вопросов?

— Все, что захочешь, — кивнул Мельник. — Но все же, лучше, не сейчас. Тебе нужно выпить отвары. Влада Сергеевна приготовила.

— То, что бабушка приготовила это хорошо. А что за отвар?

— Комплексный. В том числе отвечающий за то, чтобы ты смогла прийти в себя после такого могучего приворота.

— А сейчас я в себя не пришла?

— А сейчас ты, барышня, не встанешь, даже если захочешь.

— Да?! — неподдельно изумилась Лида. Упрямство лукаво шепнуло на ухо, что это наговор и навет, она сама отлично со всем справится. В результате девушка резко поднялась и так же резко свалилась на руки успевшего Михаила.

— Барышня!

— Ну, вот что ты со мной как с маленькой?!

— Я с тобой с ума сойду, — вздохнул мужчина тяжело. — Вроде бы взрослая умница.

Но посмотришь — и ничуть не изменилась.

— Изменилась, — Лида помотала головой. — Я больше не светлая. В моей крови нет светлой силы... Зато есть трупный яд, который никогда и никуда не денется.

Мельник вздохнул еще тяжелее, прижал к себе Лиду и отпустил:

— Я могу...

— Нет! Нет, Миш. Я поняла, что ты хочешь сказать. Но нет, нет и еще раз нет. Я не хочу больше убегать. А еще хочу хоть немного понять, что это... это все может значить. С чего все началось и чем закончится. Я хочу приложить свои силы в том числе, чтобы это перестало действовать мне на нервы! И...

— И?

— Я больше не могу убегать, — жалобно сказала Лида. — Я больше не хочу терять эти воспоминания. Я хочу знать, что в моей жизни было, что в моей жизни есть. Помимо проблем, — очень «оптимистично» добавила она спустя мгновение.

— Барышня-барышня.

— Я помню... «егоза».

— Да, не сидится же тебе на месте. Хорошо. Сейчас ты выпьешь отвар, приготовленный твоей бабушкой. Я позвоню Степану Викторовичу, скажу, что ты пришла в себя, а значит все немного лучше и немного легче, чем могло бы быть. Потом...

— Ты мне ответишь на пару вопросов. Особенно, — Лида, опершись спиной на подставленную подушку, покачала почерневшим медальоном. — Вот про это. Что это вообще такое.

— Только после...

— Да-да. Я не буду упрямиться. Правда-правда.

От своих же слов девушке отчаянно захотелось отказаться, когда Миша принес то, что ей предстояло пить. Огромную кружку, мужскую такую, на поллитра, которая неизменно ее удивляла, с какой-то зелено-бурой жижей.

— Мамочки, — вырвалось у Лиды горестно.

— Потом даже дам шоколадку все это зажевать, — усмехнулся Михаил.

— Слишком много знаешь, — буркнула сердито девушка, принимая огромную кружку, покосилась на ее содержимое, и ее передернуло.

— Барышня, пей. Иначе принесу ложку, и будет тебе «ложечку за папу», «ложечку за бабушку», «ложечку за брата».

— За тебя будет? — вскинула серьезный взгляд Лида.

Мужчина замер, потом неуклюже поднялся:

— Кажется, я слышу чьи-то шаги. Пей, барышня.

— Ты не ответил!

— Это не тот разговор, который...

— Сбегаешь.

Мельник повернулся, взглянул сердито.

— Барышня.

— Ты всегда сбегаешь!

— Я никогда не сбегаю. Мы вернемся к этому разговору. Но не сейчас. Сейчас ты должна выпить отвар и прийти в себя. Все остальное может подождать.

— Это не может подождать!

— Барышня.

— Ты не понимаешь, Миш.

— Я все понимаю, барышня. Просто, — могущественный Мельник вышел из комнаты, прикрыв за собой дверь, а его слова еще метались в ушах Лиды: «Сейчас не время для этого разговора».

Вернулся он через пару минут с бледной Владой Сергеевной. Баба яга северо-западного округа устроилась у кровати с внучкой, посмотрела на нее и покачала головой:

— Ума не приложу, как может работать такая нестабильная система, какую сейчас представляешь ты.

— Что случилось, ба? — спросила Лида, ощутив, как от недобрых ощущений засосало под ложечкой.

Что-то случилось. Что-то совершенно определенно случилось, иначе не прятала бы Влада Сергеевна взгляд так устало.

— Ба?!

— Дима...

— Что с ним?! — дернулась девушка и охнула, сгибаясь пополам. Мельник оказался рядом, в который раз, придержал за плечи.

— Ты все выпила?

— Да.

— А... Что ж, Влада Сергеевна, через двадцать минут.

— Да, — баба яга кивнула. — Пойду пока чай заварю.

Опомнись Лида не успела, как была — в длинной плотной рубашке, так ее Михаил поднял на руки и перенес в ванную. Поставил на ноги, придержал.

— Вода березовая вот в той кадучке. Ополоснешься ей в конце. А сейчас... Барышня.

Девушка кивнула, показывая, что слышит, внимательно слушает и вообще всячески внимает. Говорить она уже не могла. Внутренности скручивало так сильно, словно вся «начинка» организма вознамерилась покинуть его раз и навсегда.

— Если будет нужна помощь — позовешь.

Отрицательно помотав головой, Лида двинулась деревянной походкой к умывальнику. Михаил, взглянув на нее, в очередной раз зацепился взглядом за почерневший медальон на женской шее и вышел из ванной комнаты.

Дверь закрылась, отрезая все звуки.

Мощное очищающее зелье — это, конечно, очень неприятная штука. И могущественный Мельник ничем сейчас Лиде помочь не мог.

Минут через пятнадцать, не просто бледная — серая! девушка вывалилась из ванной.

— Ужас, — простонала она. — Если бы знала, ни за что пить не стала бы!

— Потому и не сказали, — Михаил протянул приготовленную длинную юбку. — Помочь?

— Не-е-ет! — Лида даже головой помотала. — Не надо. Я сама...

— Сама так сама, — Михаил придержал девушку под локоть, когда она начала заваливаться. Смерил ее скептическим взглядом. — Ясно. Раздевать я тебя раздевал, будем совершать операцию обратную — одевать.

— Я сама!

— Стоять не может на ногах, а туда же, сама-сама. Егоза, стой смирно.

— Не!

Сердито надув губы, Лида замолчала. В прикосновениях Мельника никогда ничего не было. Никакого подтекста. Даже в тот раз, когда он раздел ее практически полностью, ничего не изменилось.

Он словно бы... был железным. Или она его не волновала. И не интересовала. И...

«Скворцова, у тебя ПМС?» — всплыл в голове ленивый голос подруги, которая обожала парней катать по татами. Той самой, одной из «трех сестриц». Лида сидела на паре, поджав губы. От Лешки пришло очередное «письмо», снова написанное не им. И больше всего Лиде сейчас хотелось отправиться туда, где он был, и устроить ему от души скандал.

Вот как раз тогда подруга и уточнила радостно: «Скворцова, у тебя ПМС? Ты сейчас перестанешь себя так четко и жестко контролировать, пойдет, разобьешь пару окон и покатаешь по татами пару мужиков?»

— Прекрати! — засмеялась тогда Лида. — Ты же знаешь, это не в моем характере.

— Не в твоём то оно, конечно, но иногда хороший скандал — это отличное подспорье делу.

— Я запомню.

— Применить не забудь, Скворцова!

— Барышня? — голос Михаила вырвал Лиду из воспоминаний. Покачав головой, она вздохнула:

— Извини. Стою. Спокойно.

Мужчина промолчал, застегнул замочек юбки, окинул растрепанную барышню скептическим взглядом, но предлагать свою помощь еще и в причёсывании не стал. Как не стал спрашивать, может ли она сама дойти до гостиной. Кухня после того проклятья еще даже отдаленно не была отремонтирована.

На руках отнес до комнаты, усадил на диван, прикрыл ноги пледом и повернулся к вошедшей Владе Сергеевне.

— Итак?

— Дима пропал, — баба яга вручила внучке маленькую кружку с морсом. Поставила готовую банку на стол рядом. — Не можем найти. Леший и водяной переглядываются и молчат. Что-то знают, но скажут только тебе.

— Хорошо, — кивнула Лида, как китайский болванчик. — Я поняла, доберусь до них. Миша, со мной съездишь?

— Да.

— Хорошо, — снова повторила девушка и воззрилась на бабушку. — Если бы все дело было в Димке, ты не была бы такая бледная и замученная. Скорее всего, ты уже и карты успела разложить, и лучше прочих знаешь, что с моим братом. Не поделишься?

— Слишком умная внучка, — всплеснула руками Влада Сергеевна, потом прищурилась. — Память вернулась?

— В числе прочего. И я вспомнила, сколько ты за картами сидела. Как и то, —

прорвалась детская, застарелая обида в голосе Лиды, — что ко мне карты не пошли. Ты сказала, что возможно колода нужна другая. И что если я буду этого хотеть, то ты поможешь мне подходящую колоду найти. И так и не помогла!

Влада Сергеевна засмеялась.

— И не помогу. У тебя теперь свой проводник по границе есть. Пусть к Художнику отведет, тот тебе твою собственную колоду нарисует. Но ты права, моя милая. Я разложила на Диму карты. И видела, что с ним все не хорошо и не плохо, но то, что случилось, при должном смирении и помощи может привести его туда, где ему будет лучше всего. Проблема в другом.

— В чем? — спросил Михаил негромко.

— Волхвы.

По лицу Мельника скользнули желваки. А у Лиды так сильно затряслись руки, что пришлось ставить кружку на место.

— Серые? — спросила она тихо.

— Серые, — подтвердила Влада Сергеевна. — А теперь расскажи мне, милая, что ты с ними не поделила. И почему они будут ждать тебя на поляне судилища.

— Я с ними ничего не делила. А на поляне это они меня правильно ждать будут. Они на меня руку подняли. Маленькую девочку. Пришли, медальон требовали отдать. Они, ба, меня кому-то продали, и я не откажусь узнать, кому именно, почему и зачем.

Бабушка исчезла, осталась на ее место только ярящаяся баба яга северо-западного округа. По стенам метнулись всполохи молний, где-то далеко-далеко прозвучал сердитый раскат грома.

— Что они сделали?! Руку на ребенка подняли?!

— Ну... Они были уверены, что я никогда этого не вспомню. Ни того, как они пришли. Ни того, как требовали отдать им медальон, ни того, как... — Лида нервно облизнула губы. — Ударили. Впрочем, это было последнее, что я помню. Отлетела в сторону, много ли мне надо было? Ударилась. Кажется, это был шкаф. Дальше провал. Зато их лица я вспомнила хорошо. Хорошо бы встретиться снова, побеседовать. Предметно.

В серых глазах мелькнули злые зеленые искры.

Мельник и Влада Сергеевна переглянулись.

Можно было перестать быть бабой ягой и снова ей стать, но, судя по всему, дочерью кашея от этого быть Лида не перестала. Больше — нет, и в ее жилах трупный яд лича стал естественной границей между двумя полюсами сил.

— Нужно будет отвести тебя к знакомому некроманту, — попытожила неожиданно Влада Сергеевна. — Миш?

— Отведу. К отцу.

— Как представлять будешь?

— Барышня в представлении не нуждается. И к волхвам, барышня, с тобой вместе схожу.

— Спасибо, — не стала Лида отказываться.

Безусловно, вспомнила она многое, но знания еще не уложились в ее голове, не систематизировались. Она сама для себя казалась книгой. Страницы уже были прочитаны, но так давно, что пора бы и перечитать.

— Значит, нам нужно на заповедную поляну, — постановила девушка твердо.

Михаил кивнул.

— Влада Сергеевна?

— Я не с вами, молодые люди. Мне нужно узнать, что за серые волхвы так много веса набрали на нашей территории. С чего это вдруг люди посмели позволять себе так много. Солнышко мое, — как когда-то в детстве взглянула Влада Сергеевна на свою внучку. — Надеюсь на твое благоразумие.

— Да, ба. Обязательно.

Баба яга кивнула и двинулась вместе с Михаилом на улицу. В окно Лиде хорошо было видно, как они о чем-то разговаривают на крыльце, а потом бабуля залихватски засвистела. Громко, от души.

Через несколько минут из-за поворота Мельницы, где и дороги никакой не было, плавно выехала черная-черная машина.

Лиде только и оставалось в изумлении смотреть на нее, дивясь тому, откуда такое могло появиться, а бабушка села в машину (за рулем вообще никого не было!) и... спустя мгновение ее и след простыл.

— Вот это бабушка! — пробормотала Лида, попробовала встать и не смогла. Мир еще был недостаточно устойчивым, еще вращался, качался, еще не стоял на одном месте. Лучше было спокойно переждать в одном месте, не пытаясь отыскать себе неприятности на ровном месте.

Девушка успела даже ноги обратно пледом прикрыть, прежде чем Мельник вернулся.

— Так, что за медальон ты на меня повесил? — спросила она, как ни в чем не бывало. — И сколько времени пройдет, прежде чем я смогу нормально двигаться, чтобы отправиться на заповедную поляну?

— Еще несколько часов, это точно, — пробормотал мужчина, опускаясь в кресло. — Думаю, этого хватит, чтобы немного поговорить.

— Немного?! У меня куда больше вопросов, чем ты можешь себе представить!

— Барышня.

— Да?

— Ты помнишь, что до первого снега ты перебралась на мельницу? А до первого снега еще несколько недель точно. Успеешь ты спросить все, что тебе хочется.

— А еще нормальная посуда, — вздохнула Лида.

— Да. Нормальная посуда и масса мелочей для дома. Я помню, — кивнул серьезно Мельник. — Поэтому, чтобы тебе не перенапрягаться, лучше нам начать с чего-то более серьезного и важного. А уже потом, после этого, если ты будешь чувствовать себя в порядке — ты задашь еще несколько дополнительных вопросов.

— Хорошо... Я согласна.

— Вот и замечательно. С чего начать, барышня?

— С медальона.

— Медальон... — Михаил помолчал, — медальон... делается на границе. Нужно добыть немного крови хозяина границы, взять ветвь заповедного дуба, у которого, ты его видела, баба яга камлала. Нужно придать дереву правильную форму, внутрь влить кровь хозяина границы, а потом выдерживать медальон в отварах. Каждый из них сложен сам по себе. На каждый нужно время. Всего нужно почти три недели, чтобы медальон изготовить до конца. Называется «медальон кровной связи». Можно оставить как есть, а можно еще и добавить своей крови, чтобы создать связь, по которой забирать проклятья, порчи, наложенные недобрые заклинания.

— То есть... ты создал медальон, по которому то, что предназначалось мне, ударило по тебе.

— Верно. То, что тебя могло убить, для меня было, как слону дробина. То, где ты могла потерять свою душу, для меня оказалось просто ночью тяжелых видений.

— Та самая, перед праздником леса! — нахмурилась Лида. — Когда ты говорил, что если кто спрашивать будет, то говорить всем, что я ужасно спала.

— Да.

— Но зачем?!

— Меня охраняла граница. Тебя — нет.

Проведя пальцами по контуру медальона, девушка задумалась, потом осторожно уточнила.

— А почему он почернел? Больше не работает?

— Почти нет. Потратил почти всю силу, защищая тебя от удара некроманта.

— И весь удар пришелся на тебя?

— Нет, — Михаил едва уловимо покачал головой. — В этот момент проснулась твоя сила. Удар заземлился о медальон, но на меня не перешел.

— Это из-за того, что я баба яга?

— Нет. Это возможность, которую дарует дар кашея.

— Подожди! Ну, я же баба яга!

— Ты дочь кашея, барышня. Слишком много всего происходит, было бы побольше времени, ты бы сама все поняла. Влада Сергеевна не случайно сказала, что нужно познакомить тебя с некромантом.

— Не понимаю, — Лида помотала головой, отчаянно не желая признавать кое-что более чем очевидное.

— Половина наполовину. Ты никогда не станешь светлой бабой ягой. Тебе никогда не создать целебные отвары, отвары, которые внушают любовь, несут созидательное чувство, — Михаил был не склонен церемониться. Очевидное нужно было донести до Лиды как можно быстрее. Даже не донести, она уже все сама поняла, сделать так, чтобы она не могла от этой правды сбежать. — Амулеты, артефакты — все то, что для баб ежек естественно как дыхание, у тебя этого никогда не будет. Но невозможно что-то потерять, не приобретя ничего взамен. К тебе вернулась магия, у тебя была пустота. И дар уже кашея эту пустоту заполнил.

— Я... смогу поднимать мертвецов?

— Никогда не сможешь. Для этого нужно быть кашеем до самых кончиков ногтей.

— Уже легче, — пробормотала Лида, потом вздохнула. — Но я уже ничего не понимаю...

— Разберемся. Не думаешь же ты, что тебя все оставят, и тебе придется одной иметь дело со всем этим?

— Нет. Не думаю... Спасибо.

— За что, барышня?

— За амулет. За то, что был рядом все это время, за то, что остаешься рядом. Мне... было бы страшно, если пришлось бы со всем этим разбираться в одиночестве.

— Ты не одна.

— Да... Правда. Спасибо.

Мельник промолчал. Тихие слова были очень похожи на прощание. Кажется, барышня

пришла к какому-то выводу. Очевидно, что выводу неверному. Но что с этим делать... Михаил не знал. Зато ему пришло в голову, что кое-что спросить он определенно забыл.

— Итак, барышня, волхвы пришли за твоим медальоном. Ты его отдала?

— Обойдутся! — серые глаза смотрели твердо, когда Лида подняла глаза на Мельника. — Они мне его не надевали! Не им его было и снимать.

— Ты?

— Отправила его на границу... И... — помявшись, девушка тихо призналась. — Его нашла. Когда... была та история, с провалами, когда некрома... когда... Лешка меня туда отправлял, когда я заблудилась, я нашла странный комок грязи. Он никак не очищался. А мне было интересно. Очистить его я не смогла, но... В общем, медальон сейчас у меня. В сейфе. Стоит в смеси воды мертвой и живой, с добавленной белянкой, отмывается. Правда, это не помогло... Грязь видимо была не простая. Я... видела, во сне-видении, как грязь отламывается на куски, открывая медальон. Думаю, если сейчас пойти в мой кабинет, то он уже будет чистым-чистым.

Михаил кивнул, поднялся, взглянув на часы.

— Ты одна побудешь немного? На мельнице, сама знаешь, тебя никто не обидит.

— А ты?

— Проверю.

— Медальон?

— Да, — Мельник мужчина подвинул к Лиде ближе стол с морсом, принес пару книг из библиотеки. — Это тебе читать, чтобы не скучала. Сейчас принесу торшер. Потом вернусь, и мы отправимся на заповедную поляну. Заодно узнаю у Степана Викторовича, как дела. И, барышня.

— Да?

— Не делай глупостей, пожалуйста.

Если бы она могла, она бы совершила. Десяток, а то и два-три глупостей. Но тело, глупое тело предало свою хозяйку. Встать с дивана Лида бы не смогла, даже если бы ей очень захотелось. Поэтому она предпочла сделать вид, что ничего такого не планировала, не собиралась, в мыслях не имела, криво улыбнуться и пообещать, что будет хорошей девочкой.

Естественно, Мельник ей не поверил! Естественно, сделать он ничего не мог. И укоризненно вздохнув, вышел из дома, понадеявшись на то, что пусть не благоразумия, но все же осторожности барышне хватит, чтобы не попасть в еще одну беду.

Список тех, что висели над ее светлой головой Дамокловым мечом, и без того был более чем впечатляющим...

...Келпи был тяжело ранен. Черные крутые бока Шторма ходили ходуном, а не просто ручейки — реки крови могли бы ввести в состояние паники человека, куда более спокойного, чем Лида.

— Барышня, не бледней, — приказал Михаил, поймав ее за локоть. — Стой!

— Что?! Что это?!

— Это — последствия атаки могущественной бабы яги, — сообщил Мельник. — Неизбежное зло вчерашней ночи.

— Надо же что-то делать!

— Надо успокоиться.

— Валькирия! — проржал насмешливо келпи. — Со мной все нормально. Будет.

— Точно? — встревоженно уточнила Лида, потом закрыла лицо ладонями. Да что с ней

такое происходит! Как будто действительно, внутри все местами поменяли, пошуровали активно шумовкой, а в результате получился не то пельмень, не то вареник, но точно какая-то несъедобная гадость!

— Точно-точно, — Шторм, подойдя ближе, фыркнул в волосы девушки, потом отстранился. — Только брата вашего, Валькирия, я не уберегу. Не думал, что эта баба яга окажется такой могущественной. Сил и хватило только донести до заповедной поляны, а там его уже леший с водяным забрали. А я бабу ягу водил кругами, пока на моей спине была иллюзия.

— С Димкой? Что с ним?

— Я не знаю, барышня. Я сейчас отвезу вас...

— Нет, — Мельник, притащивший от дома огромную бочку с чем-то, сердито покачал головой, — ты никуда не отправишься. Ты останешься здесь, и, Шторм, это не обсуждается.

— Но!

— Не обсуждается.

От командного рыка затихли, вжав головы в плечи, и Шторм, и даже Лида.

Мельник оглянулся на девушку, смерил взглядом своего келпи. И четко повторил, чеканя слова.

— Никаких. Прогулок. Никуда. Ты остаешься даже не здесь. Вместе с Вьюгой я отправлю тебя на границу. Когда вернемся, приду — поменяю повязки.

Шторм тоненько и надрывно ржал, пока Мельник смывал кровь с его шкуры, что-то тихо приговаривая. Потом отступил, погладив по черной холке вздрагивающего коня.

— Шторм? — Лида, чуть пошатываясь, подошла ближе, погладила его по носу, пока Михаил пошел к воде, выманивать Вьюгу.

— Валькирия...

— Болит?

— Не очень, — келпи опустил морду ниже, положив голову почти на плечо девушки. — Просто жжет, под шкурой. Это пройдет.

— Обязательно. Вот увидишь.

Отпустив на волю коня, Лида тяжело оперлась на руку подошедшего Мельника. Хозяин границы просто прищелкнул пальцами, и двух прекрасных келпи на лугу не стало.

— Барышня?

— Я почти готова идти, — кивнула девушка. — Ты забрал медальон?

— Да.

И ни слова дальше.

Лида даже не знала, что думать на этот счет. Почему он не сказал ни слова? Потому что все совсем плохо? Можно ли в таком случае говорить что-то? Нужно ли?

Рядом с этим мужчиной она терялась в мыслях, в словах, терялась в том, что делать, что говорить, что думать. Вплоть до того, как жить!

— Барышня?

— Я вот думаю, — заставила себя Лида заговорить о чем-то отстраненном. — Почему так никто и не пришел?

— А, это я знаю. Степан Викторович сказал. Гусар позвонил, сообщил, что у них все в полном порядке. Никому и в голову не пришло, что на самом деле в Луках происходит... такое. Уже прибыла служба зачистки и поддержки. Всех, кого не добились — добьют. Всех, кого нужно спасти — спасут. Память подчистят.

— Маленькие мальчики предпочитают маленькие машинки. Большие мальчики играют уже жизнями людей, — пробормотала Лида. Под ногами шумела трава. Где-то в стороне шумели машины. От реки тянуло пронизывающей сыростью. Но воздух пах свежестью, и голова, нывшая надрывно, вдруг затихла, словно боль заснула или решила найти себе другое пристанище.

— Барышня?

— Да?

— Все хорошо?

— Да, — ответила с улыбкой Лида. И на этот раз в ее словах было чуть больше правды, чем еще пару часов раньше. — Только, Миш... Как ты предлагаешь здесь передвигаться?!

— Вот так, — Мельник шагнул на воду и остановился, протягивая руку. — Не бойся.

Взглянув на воду, потом на мужчину, Лида снова взглянула на воду. Гладкая, ровная, стальная. Словно и не вода под ногами, а просто мокрый асфальт.

Сделав нерешительный шаг, девушка замерла, потом сделала еще шаг и наступила на воду. Поверхность оказалась не твердой, она пружинила, да еще так сильно, что испуганно дрогнув, следующий шаг Лида сделала куда размашистее и оказалась прижата к сильному телу посмеивающегося добродушно Мельника.

— Это!

— Не твердая поверхность, да. Пружинит. Нужно немного осторожнее.

Кивнув, Лида сделала еще шаг, еще.

А потом узнала!

Мельник уже приводил ее на такое вот поле, на такую площадку! Только тогда она не просто ходила, а танцевала, почти летала. А теперь боится даже шаг ступить. Ну, какая из нее участковая для нечисти?!

Стараясь не висеть на руке Михаила, а просто опираться на нее легко, девушка шла по воде.

— Барышня.

— Да? — вскинув голову, Лида вопросительно посмотрела на мужчину.

— Почему ты не отдала волхвам медальон?

— Тогда еще я считала, что он только мой. Что больше никому не принадлежит. А через пару часов я уже так не думала. Как только медальона не стало, что-то начало воздействовать на меня. А потом пришел ты, и все стало совсем-совсем плохо. Потому что ты забрал мою память. Хотя... я сама просила.

— Ты помнишь, почему?

— Я все время видела, как... вокруг меня тень. Я была уверена, что мне это кажется. Что это все... лишь только игра моего воображения. Но... тень действительно была.

— Была?

— Да. Я когда... сегодня... — Лида замялась. — Понимаешь. Я сегодня... была... где-то. В себе и вне себя одновременно. Я вспомнила что-то, но что-то даже и забыла...

— Не очень понятно, барышня.

— Прости... Я попробую понятнее. Немного. Если получится. Я видела сегодня свою память, но со стороны... То есть, я как бы была наблюдателем! Словно бы история была не моя, а чужая. Но я ее видела!

— Понятно, — кивнул Мельник. — Итак? Ты видела свою собственную историю, словно со стороны. И со стороны стало понятно, что?

— Эта тень была настоящей. Она действительно была. Не очень заметная, но... Она была. Кто-то постоянно сопровождал меня. А потом начал воздействовать. К тому моменту, как ты появился... все уже было закончено. Я не знаю, что это была за магия.

— Узнаем, — мужчина придержал Лиду за плечо. — Сейчас будет граница.

— Мне... к чему-то готовиться?

— Она может быть мягче, чем в прошлый раз, а может вообще тебя не пропустить. Ты должна быть готова... К тому, что может случиться все, что угодно.

— Сейчас уже ты меня пугаешь.

— Видимо, день сегодня такой, — Мельник хмыкнул, открывая границу перед Лидой. — Открывать новое. Познавать старое. Находить то, что давно считал потерянным... и сюрпризы там, где уже считал нет ничего...

Лида только и успела изумленно приоткрыть рот, а потом граница мягко притянула ее к себе и отпустила уже на заповедной поляне...

Заповедная поляна изменилась. Даже не так! Не то, что от нее что-то осталось, все было куда хуже. От прежней поляны практически ничего не осталось, зато сколько всего нового появилось!

Пока Михаил остановился на краю заповедного места, оглядываясь практически в шоковом изумлении, Лида только отметила, что обстановка изменилась и кинулась к огромной водной линзе, в которой был... Димка.

Оба хозяина: и водяной, и лесной — были здесь же. Сидели, привалившись друг к другу, около почти пересохшего источника силы и выглядели исключительно потрепано. Если бы полуночники старели, можно было бы сказать, что оба могущественных хозяина перепрыгнули разом несколько столетий в своей жизни. Или не перепрыгнули, заплатили ими за что-то.

Димка был не жив и не мертв, тот самый сон, который в сказках называли смертельным. Он напоминал Белоснежку, разве что вместо хрустального гроба была водная линза, удерживаемая в вертикальном положении с помощью многочисленных лоз: тонких, толстых, зеленых, коричневых, покрытых листьями, цветами, ягодами и по-зимнему лишенных какой-либо растительности.

— Матушка... — лесной отвлек Лиду от разглядывания линзы с братом. — Прости, Матушка. Не уберегли мы твоего брата. Не хватило сил...

Лида, снова взглянув на серо-землистое лицо Димки, кивнула, отвернувшись от него и начала осматриваться на поляне уже куда более внимательно. Она проигнорировала и лешего, когда он попытался снова заговорить.

Следовало вначале понять, что вообще тут такое происходит. Или происходило. Вряд ли что-то хорошее.

Когда она только попала сюда, в самый первый раз, здесь было голо, пусто, изувечено. Сейчас все снова было изувеченным, искореженным. Вот только как-то... не с тем вектором.

Пропали светлячки силы, пропали капли от волшебного родника. Молодая поросль, которая оживляла поляну, превратилась в мощные узловатые корни, которые заплели поляну по кругу, целиком, словно бы заключая ее в подобие чаши. С другой стороны этой чаши корни проросли шипами. И больше всего это напоминало защиту, на особый полуночный лад, конечно, да и очень агрессивную защиту, но что есть, то есть.

Сюда определенно ломались, от души, используя и огонь, и что-то вроде тарана — сразу в нескольких местах сплетенный из корней круг был серьезно продавлен. Но справился

со своей задачей, так никого и не пропустив внутрь.

Изменились очень сильно цветовые тона поляны. Там, где была нежная зелень, сейчас топорщились темно-коричневые, покрытые мхом, узловатые корни. Там, где были цветы, еще тонкие, совсем слабые, появились угольно-черные шипы.

Земля потускнела. Родник почти пересох, вода в нем помутнела и отдавала болотной тиной. Из белых камней, которые облицовывали это место, получились замечательные куски не то угля, не то чего-то черного и слоистого. Узнать навскидку Лида не смогла. Ну, не слишком она разбиралась в геологии и минералогии. Правда, когда дело не касалось амулетов, артефактов и травничества.

— Итак... Она сюда ломилась, да? — пробормотала Лида. — Когда поняла пришедшая баба яга, что гонялась за обманкой, она догадалась, куда на самом деле делся мальчишка.

— Она не пришедшая, матушка, — водяной, приманив к себе еще капельку воды из родника, грустно посмотрел на нее — отравленную силой той, злобной, алчущей крови и души мальчишки. Они с лешим даже не думали. Столько времени старались не попадать этой вздорной старухе на глаза, а тут подумали, как будут говорить матушке, что не уберегли ее брата... и не смогли, кинулись мальчишке на помощь.

И в результате... сил не хватило.

— Так, а теперь, — Лида, осмотревшись по кругу, нашла то место, где корни появились в последнюю очередь, и двинулась туда. — Скажите мне, пожалуйста, что с Димкой?

— Наша ошибка, матушка. Наша самонадеянность, не подумали, что не сможем загородить поляну от яги этой... И спасти вашего брата.

— Она в него попала?

— Д... да... — пришел на помощь запнувшегося лешему водяной. — Да, матушка. Смертельным проклятьем.

— Он должен был умереть?

— Да.

— Что вы сделали? — Лида, сама толком не понимая, что делает, провела ладонью над корнями. Посмотрела на свою ладошку, потом на корни, снова на ладошку и уже укоризненно на корни. Снова провела рукой над коричневыми узловатыми сплетеньями, и чудо случилось!

Мало-помалу корни начали сматываться и прятаться в землю. Не умершие, не застывшие, готовые снова в любой момент прийти на помощь и закрыть заповедную поляну от любого чужака. А сейчас отпускающие один за другим и цветы, и нежную поросль молодых деревьев. Светлела поляна, пока по потемневшей земле расплескивалась серебристо-зеленая трава. Светлел и родник. И к тому моменту, как Лида трижды обошла поляну по кругу, внутри уже снова появились первые светлячки, сотканые целиком из магии.

— Так, — напомнила девушка, пока и леший, и водяной смотрели на нее, полностью потеряв дар речи, — я вас слушаю, хозяева леса и реки. Надо же мне знать, что случилось и что со всем вот этим делать.

— Я тоже могу ответить, — сообщил негромко Мельник, появляясь за спиной Лиды. И девушка в который раз изумилась тому, насколько тихо и бесшумно он может ходить. — Они нескоро тебе ответят.

— Почему?

— Ты еще сама не поняла, что сделала, — Михаил кивнул, — я тебе потом объясню.

Собственно, глядя на линзу, ты и сама могла бы понять, что случилось. Но не будем терять времени. Перед тобой — редкое явление, вливание силы полуночника человеку. Тот самый ритуал, который однажды будет проходить твой знакомый оперативник Александр.

— Саня?

— Да. Ему тоже придется пройти такую процедуру. В данном случае, вливались силы сразу двух полуночников — земного и водного.

— Хозяин лесной и водный? — уточнила дотошно девушка, протянув руку и прижав на мгновение ладонь к линзе, где спал ее брат. От легкого касания по водной глади промчалась рябь и стихла, погаснув на древесной основе.

— Да, барышня, именно так, — Мельник одобрительно кивнул. Видимо, придется снова напомнить девушке некоторые прописные истины. Но именно — напомнить, в памяти это было. Конечно, прежде чем память станет снова естественной частью барышни, пройдет немало времени. — При этом сил не хватило у обоих, чтобы окончательно повергнуть проклятье, зато вдвоем — получилось его блокировать. Но не получилось сохранить человечность.

— То есть Димка теперь полукровка?

— Да. Один из самых интересных для жизни между двух миров. Таких полукровок создают только случайно, намеренно полуночники на это не идут.

— И? — нахмурилась Лида. — Что... как... как он будет жить?

— Он сможет жить и в воде, и на земле. Появятся некоторые ограничения. Например, каждое новолуние — он обязан будет встречать на земле, а каждое полнолуние — строго в воде. Вдобавок ко всему, не стоит забывать о затмениях. Лунные затмения — на земле, солнечные — в воде. Впоследствии все это можно изменить. И, кое-что еще, барышня. Чтобы пробудить твоего брата, понадобится сила нейтральной бабы яги.

— Это? Разве возможно?

— Да. Правда, это только недавно создали такую классификацию. Раньше называлось немного по-другому. Есть светлые — как твоя бабушка. Есть темные — как, например, та... баба яга, которая и устроила все эти неприятности. А были нейтральные, сочетающие в себе силу и светлого полюса, то есть силу баб ежик, ведьмину силу, скажем так, с силой кашеев или мельников.

— Разве это возможно?! — изумилась Лида.

— При определенных обстоятельствах, да, было возможно. Не в угоду кому-то, а исключительно ради жизни. Других. Например, когда баба яга принимает дар кашея от побратима, мужа или кровного родственника, с тем, чтобы впоследствии передать дар своему ребенку. Решаются на это очень немногие, во многом и потому, что после такого «хранения» дара, баба яга теряет свою светлость, становится нейтральной.

— И для того, чтобы вывести Димку из такого состояния... Точнее не так, для того, чтобы вывести из подобного анабиоза будущего полуночника, нужна нейтральная баба яга? А когда ее не было, как поступали?

— Очень просто. Бралась баба яга светлая, баба яга темная и мельник или кашей для стабилизации их. Чаще — мельник, а дальше все шло так же, как и при нейтральной бабе яге.

— Матушка! — леший, наконец, справился с изумлением, взглянул на Лиду вопросительно. — Матушка, как же так? Вы же...

— Вернула свою силу, — пояснила Лида просто. — В результате, кое-что нашла, кое-

что потеряла, но с этим будем разбираться немного позднее. Так... Главное, забыла! — круто повернувшись, девушка низко поклонилась, слова пришли на память сами собой. — Хозяин лесной, хозяин речной, здравы будьте, поступок ваш — по достоинству мной оплачен будет, в двойной мере, уже за то, что поступок вы совершали, о вознаграждении не думая.

Мельник хмыкнул. Полуночники потеряли дар речи вторично. Лида прислушалась к себе, убедилась, что все сказала правильно и снова посмотрела на спящего брата.

— Миш, как мне его будить?

— Своей силой, барышня. Помнишь, как к ней обращаться?

— Я бы не сказала, — расстроилась Лида.

— Тогда повторим урок, — Михаил огляделся, — но вот заповедная поляна для этого не очень подходит.

— Вернемся обратно?

— Нет, перейдем отсюда на границу, а потом вернемся, — покопавшись в карманах, Михаил неожиданно вытащил несколько шариков с зеленым и голубым дымом, взболтал их, добиваясь того, чтобы внутри все засветилось, и кинул полуночникам. — Это часть оплаты, — пояснил он негромко, потом протянул руку Лиде. — Барышня.

— Да? — не став выяснять отношения, было дело поважнее, Лида положила свою ладонь поверх ладони Мельника.

На мгновение отведя взгляд, мужчина просто повелел, и картина вокруг изменилась. Изнанка поляны вся представляла собой переплетенье корней: зеленых, черных, коричневых.

— Твоя сила, — сообщил Михаил, осторожно пригнув голову Лиды, чтобы она не ударилась о корень. — Точнее ее проявление. Ты — приняла силу, ты добровольно приняла эту землю. Когда встретимся с волхвами, мало того, что за тобой будут полуночники этой земли, за тобой будет вся земля разом. Но теперь и ты ее охраняешь, ты бережешь ее покой.

— Не... не понимаю, — растерялась Лида.

— Это разговор не на несколько минут, а куда более долгий. Баба яга обычно держится на расстоянии от земли, она пользуется ее силой, ее дарами, защищает по мере возможности свой небольшой участок земли, но она никогда не принимает ее. Мельники же защищают только границу. То есть равновесие — баланс, ты же...

— Весьма необычная зверюшка, — хмыкнула Лида. — Я поняла, Миш.

— Барышня, — укорил Михаил. — Не стоит так говорить, это неправильно.

— Зато правдиво. И очень правдиво. Не только ты, даже бабушка не очень понимает, что я собой представляю. И волхвы тоже.

— С волхвами мы поговорим отдельно, — помрачнел Михаил. — Что-то люди, которые даже смену века не успевают увидеть, стали позволять себе слишком много. Поговорим с ними, но тоже позднее. Пока же давай займемся твоей магией. Без этого выходить к волхвам — сущее безумие. Пусть они не так сильны, как ты сама, но зато их много. Уже одного этого более чем достаточно.

— В бою льва с гиеной, каким бы старым ни был лев — он в любом случае победит. Но когда соберется стая гиен, проиграть может даже молодой лев, полный сил.

— Верно, барышня. Качество порой пасует перед количеством. В данном случае, такое тоже может случиться. Поэтому займемся практическим курсом изучения магии. И баб ежек и кашеев тоже.

— Кашеев-то зачем?!

— Думаю, — Михаил притянув Лиду к себе, провел мимо какого-то растения, распутившего во все стороны жадно трепещущие серебристые жгутики, а потом почти тут же отпуская. — Все дело в том, что ты — дочь кашея. То, что твой дар восстановился, но не в полном объеме, знак того, что есть что-то еще. Мы уже разговаривали об этом. Сейчас взглянем на практике. Баба яга по сути дела — это защита, лечение, восстановление. Кашей — это уже поддержка и атака. Силой бабы яги тебе имеет смысл защищаться, а вот с помощью силы кашея — атаковать по необходимости.

— А она... будет?!

— Мы не знаем, зачем тебя позвали волхвы. Вряд ли для того, чтобы извиниться. Поэтому будет лучше и спокойнее, если в дополнение к твоему браслету с оружием, у тебя будет оружие, которое невозможно заблокировать. То оружие, которого от тебя не будут ждать. А значит, не смогут ничего противопоставить. Теперь продолжим. Бабой ягой ты уже была, ты уже знаешь, что это значит быть ей, тебе необходимо просто вспомнить ту силу, которая была в тебе и которая в тебе есть по-прежнему.

— Звучит очень так... просто, но вот непонятно совершенно! — расстроилась Лида.

— Давай на практике, барышня, — Михаил задумался, — в данном случае, это будет немного проще... Только как бы тебе показать?

— Показать что?

— Силу и ее отличие друг от друга. Даже для того, чтобы ее увидеть, нужно приложить определенным образом усилия... — могущественный Мельник даже растерялся, задумавшись на тему того, как показать то, что показано быть не может в принципе. Это было слишком тонким, слишком эфемерным, чтобы можно было с легкостью показать. — Барышня...

— Миш, а кто меня учил? Когда я была маленькой?

— Я же и учил, — вздохнул мужчина, — вот только, барышня, тогда все было проще.

— Почему?

— Принц-медведь был... — задумавшись о том, как напомнить о тех временах, Михаил остановился.

Лида, чтобы не столкнуться, уперлась ладонью в его плечо и вдруг — снова накрыло, подгрело под собой приливной волной такого живого воспоминания, как будто на мгновение провалилась в прошлое.

Где тихо шумел камыш у реки, и уже не ребенок — уже девочка-подросток сидела на мостике, болтая в прохладной воде ногами. Михаил сидел рядом с удочкой, в ведерке рядом была не рыба. Ловили «кочующие» водоросли, один из ингредиентов полуночных зелий.

Лида еще не умела пользоваться своей силой, поэтому могла только помогать на подхвате, а вот оперировать пространством над водой — уже нет.

— Почему у тебя получается? А у меня нет? — наконец, рассердилась она от души, отбрасывая за спину непокорную косу.

Мельник, на мгновение обернувшись, пожал плечами:

— Да откуда мне знать, барышня? Видимо, делаешь ты что-то неправильно.

— Все делаю так, как бабушка рассказывала и показывала! А... не... не получается! — шмыгнула носом девочка.

— Только сырости мне тут не разводи, барышня. Хорошо? Давай посмотрим, что у тебя не получается.

— А как?

— Я же Мельник, всемогущий и дальше по тексту.

— Ты не мельник, ты мой принц-медведь! — Лида прижалась лбом к широкому теплому плечу и расплылась в улыбке. Как же она без него скучала. Днем ли, ночью, вечером, утром, каждый раз, когда она останавливалась на мгновение, когда жизнь замирала на секунду, все мысли юной бабы яги были только о ее женихе. Она думала о нем постоянно, может быть, именно поэтому у нее ничего не получалось с магией? Магия расколдует принца-медведя и сказка закончится.

— Так, барышня, — Михаил вздохнул, положил тяжелую ладонь на макушку девочки, погладил. — Давай по порядку. Что у тебя не получается?

— Я не могу ее увидеть. Я не могу увидеть тот мир, который видишь ты. Бабушка. Который видят ребята из ее отдела. Я... Вижу только тот мир, который видят люди.

— А граница?

— Я же попадаю туда, только когда меня с собой берешь ты.

— Но ты же ее видишь?

— Да. А какая связь?!

— Прямая. Граница — это тоже магия, барышня. Это та тоненькая полоска могущества, которая есть в каждом из нас. А заодно это барьер, который не дает смешаться миру реальному с тем миром, который создали люди... и не люди тоже. Граница — это могущество только с одной стороны. С другой стороны — это очень неприятная обязанность, барышня. Но уже то, что ты видишь границу — говорит, что магию ты видишь тоже. Ты не видишь ее только в этом мире.

— А есть в чем-то разница?

— Да, — Михаил кивнул, создав на правой руке зеленый шарик. Левая рука — осталась пустой. — Видишь что-нибудь?

— Да. Зеленый шарик, — Лида протянула палец, дотронулась до овеществленной магии, улыбнулась: — щекотно! А на второй руке?

— Шарик, сотканный из силы границы. Ты сейчас смотришь взглядом человека, а теперь...

Лида только испуганно взвизгнула и вцепилась крепче в рукав Михаила, когда мир вокруг изменился. Вместо мостика — была гладкая шкура кого-то, очень похожего на кита, и вместо реки расстелилось озеро. И на шкуре этого «полуночного» кита сейчас сидели Мельник и Лида.

Та ладонь, в которой был зеленый шарик — оказалась пустой, а вот на второй ладони был серый шарик, с черной паутиной, которая билась внутри в такт биению сердца огромного кита.

— Это то, как ты смотришь на мир, когда на границе. Твоя человеческая суть уступает место сути бабы яги.

— А что нужно сделать, чтобы видеть их одновременно?

— Смотреть в мире людей глазами бабы яги. Дать ей немного власти.

— Так бывает?

— Конечно, — Мельник повел рукой, растворяя оба шарика, мир вокруг снова дрогнул и вернулся к нормальному виду. — Давай я тебе помогу.

— Поможешь?! Это возможно?

— Конечно, — согласился мужчина, — принцы еще и не такое могут.

— Не такое? — переспросила Лида, а потом Мельник повернул ее к себе, так, что

девочка оперлась спиной на его горячее тело, и закрыл ей глаза ладонями. — Это не очень просто объяснить, проще показать. Не бойся ничего.

— Миша? — удивилась девочка, а потом... глаза немного резануло. Это не было больно, просто словно песка в глаз насыпали, а когда ее принц-медведь убрал руки и словно бы в косвенных объятиях создал перед ней два шарика: зеленый и серый. — Видишь?

— Как ты это сделал?!

— Я обманул твои глаза. Они уверены, что сейчас на границе, они уверены, что видят именно тот мир. Точно так же работает и твоя сила. Она видит совмещение миров. То, что делает их едиными. Ты же баба яга и человек одновременно, то, что ты видишь магию — не делает тебя меньше человеком, чем ты есть. То, что ты не видишь магию, никак не влияет на то, что ты баба яга. Вот, смотри, — протянув руку, Михаил вытащил цветочек в земле, придвинул к Лиде. — Коснись.

— Я? Хорошо... — протянув руку, девочка коснулась белых лепестков и засмеялась, когда ромашка распушилась и кокетливо подмигнула яркой сердцевинкой.

— Видишь? Это — твоя сила.

— Но почему я тогда не вижу? — Лида резко замолчала, найдя ответ.

Михаил снова провел перед ее глазами, забирая свою силу, но уже зная, как она должна видеть, что собой должно представлять это видение мира там и там, она уже смогла воспроизвести его сама.

— Ой!

— Барышня?! — Михаил круто повернулся, придерживая заваливающуюся на него Лиду. — Что с тобой, барышня?

— Голова... закружилась... — пробормотала девушка тихо. Голова действительно кружилась, глаза едва уловимо резало, словно песка насыпали, а мир вокруг дрожал и качался, не желая быть в единых пределах, и то и дело пытаясь что-то поменять и что-то изменить. Словно бы... Очертания словно бы двоились!

Голова закружилась сильнее, ноги стали ватными, и Лида начала падать. Далеко не получилось упасть, Михаил, сообразив, что происходит что-то не то, притянул ее к себе, обнял за плечи и... ничего не спросил.

Лида, цепляясь за него, удивляясь сама себе, пыталась собрать себя воедино, получалось не лучшим образом, но, по крайней мере, она могла сказать, что старалась это сделать.

Каким он был теплым. Надежным. Уютным. Настоящий принц-медведь, из тех, про кого Лида десятки раз думала: «Почему такие не существуют в реальности?» Вот он — существует, только легче от этого нисколько не было, потому что... потому что.

Михаил молчал, молчала и Лида, потом подняла голову, когда приступ слабости прошел:

— Когда-то, когда я еще... еще... неважно. Когда-то ты делал два шарика. Один шарик был серым, второй — зеленым. Можешь создать для меня их еще раз?

— Конечно, только, барышня...

— Нет! — Лида замотала головой. — Нет. Не отпускай меня. Я... мне еще немного, еще чуть-чуть постоять.

Михаил вздохнул. Девушка вела себя странно, словно пыталась соединить в себе прошлое и настоящее, никак не могла понять, что с чем связано, что из чего следует. Хотя... он и сам понять не мог, что теперь со всем этим делать. Не то, что «куда бы ей», но... они были в равном положении.

Венчальный медальон жег руку, когда он прикасался к карману. Его собственный венчальный медальон волхвы не смогли найти. Мельник просто не дал им такой возможности. Отправил свою самую главную драгоценность на границу, а потом забрал. И сейчас его медальон был на мельнице, в сейфе, под охраной... много под чей охраной.

И сейчас бы разжать руки, отпустить Лиду, но ее плечи дрожали, и она сама — сейчас доверилась, отчаянно прося не о помощи, всего лишь о тепле. Гордая, умная, умелая, смелая и все же слабая. Только вот кто видел ее такой?

— Все, — Лида заставила себя отстраниться. — Спасибо. Думаю, я уже смогу стоять на своих ногах.

— Барышня...

— Да, Миш?

— После того, как от волхвов вернемся — поговорить нужно будет.

— Конечно, — согласилась Лида, даже не вслушавшись толком в его слова. В голове билось набатом: «до первого снега». А до первого снега было уже так близко, уже он был совсем рядом. Уже пахло в воздухе грядущей зимой. И уже вот-вот обещались запорхать в воздухе колкие кристаллики замерзшей воды.

Михаил, взглянув на Лиду, сжал кулаки, разжал и предъявил Лиде два шарика: зеленый и серый.

— Какой цвет видишь, барышня?

— Оба, — улыбнулась Лида устало. — Оба, Миш.

— Тогда ты на шаг ближе к тому, чтобы помочь твоему брату. Теперь продолжим, нас ждет следующий этап — необходимо тебе вспомнить, как нужно аккумулировать силу и направлять ее во что-то еще. Банально, как создать вот такие вот шарики силы. Не переживай, если у тебя что-то не получится сразу. Можно будет попробовать снова и снова. К тому же, я тебе всегда смогу подсказать, если что-то не получится.

— Снова и снова? — повторила Лида и кивнула. — Хорошо. Что мне нужно делать?

— Найти в себе источник силы, отщипнуть кусочек и переправить этот кусочек в другое место, например, в свои ладони. Очень осторожно, очень аккуратно. Затем придать кусочку силы — другую форму. Сделать ее плотнее, четче.

— Это звучит не очень понятно!

— Я могу показать тебе, как обращаться с силой, на примере моей собственной.

— Разве это возможно?

— Имеются определенные технические сложности. К тому же, от тебя потребуется доверие.

Лида проглотила явную фразу, что про доверие можно было не говорить. В конце концов, уже одно то, что она осталась с Мельником на мельнице, вопреки всему, особенно собственному лживому знанию и незнанию — говорило о том, что она ему доверяет.

И не только об этом.

— Хорошо, что нужно делать?

— Дай руку, барышня.

Порядком удивленная, неужели такие вот окольные пути потребовались лишь для того, чтобы... подержаться... за руки?!

Михаил не просто взял Лиду за руку, он переплел свои пальцы с ее, так тесно, что стало больно. Не в руке — в груди. Это ранило больше чего-либо еще, это ранило так сильно, что хотелось плакать.

— Барышня?

— Итак, — нарочито веселым голосом осведомилась Лида: — что именно мне нужно делать?

— Для начала, успокоиться и перестать прятать от меня глаза. Как будто, этого будет достаточно, чтобы я не увидел лишнего. Барышня, что случилось? — подушечкой большого пальца Михаил смахнул тонкую слезинку. — Ну, что с тобой такое?

От мягкого голоса только еще больше захотелось реветь, потому что сил терпеть — уже не было, не осталось. Слишком много всего, не успело все обдуматься, улечься хотя бы в голове. Вообще было ничего не понятно, а уже пришлось снова срываться с места и опять спасать — самого близкого, что было только еще больнее, еще страшнее...

— Барышня?

— Что нужно делать? — спокойно спросила Лида, взяв себя, насколько получилось, в руки.

— Закрой глаза. Выдохни. Вдохни. Теперь ощути тепло моей ладони. Вот она, совсем рядом, очень близко. Ощути тепло моей кожи.

— Твоя рука очень... шероховатая. Мозоли?

— Да. Немного.

— От... То происшествие на мельнице?

— Нечасто я беру в руки оружие. Куда чаще я беру лопаты, грабли, вилы. И все в таком духе.

— Вилы? Грабли? Лопата? — опешила девушка, потом засмеялась. — Для зелий и так далее?

— Конечно, барышня. Дальше. Ощути тепло.

Было не просто тепло, было очень тепло. Всего лишь простое прикосновение ладоней, но как же оно обжигало... Хотелось быть ближе, но — этого было нельзя.

— Ощутила.

— Теперь представь, что часть этого тепла — становится твоим.

— Моим?

— Да, — Мельник кивнул, — представь. Смелее.

— Ты... ощущаешь?!

— Конечно. Магия — это часть меня, такая же, как, например, рука. Барышня, делай. Быстрее сделаешь, быстрее сможешь помочь брату.

— Д... да... — девушка спохватилась, тряхнула головой. Сделала бы себе строгое внушение, но... Скворцовы так просто не сдаются!

Ощутить тепло, почувствовать, как это тепло становится частью ее. Тепло неожиданно теплым пушистым облаком потекло по руке самой Лиды. Взвизгнув, девушка потеряла сосредоточенность, и тепло рассеялось.

Михаил кивнул:

— Уже лучше. Еще раз.

На второй раз тепло успело дойти до локтя, прежде чем ощущения стали еще интимнее, и Лида снова потеряла сосредоточенность.

— Почти «хорошо». Еще раз. И еще.

И еще...

Пока Лида не научилась через Михаила черпать силу и использовать ее. А потом — свою собственную. Правда, к концу экспресс-курса по обучению магии одной баб ежкой, на

ногах девушка практически не стояла.

Михаилу пришлось придерживать ее за плечи, в который раз ругаясь про себя на женское упрямство. На ногах она сама, видите ли устоять может!

Но еще больше смущало то, что могущественный Мельник сам не знал, чего ему хотелось. Чтобы девушка позволяла видеть свою слабость немного больше, опиралась на него, или чтобы это все закончилось!

Магия вокруг полыхнула и вернула их на заповедную поляну.

Лида вначале увидела лешего и водяного — слишком уж они бросались в глаза. Полуночники, напоминающие двух переевших пиявок, привалились друг к другу около бьющего родника и уже просто икали, не в силах удерживать в себе такую волну силы. Вокруг бушевала жизнь и магия, много магии, очень много магии, выброшенной Лидой и Мельником.

Вот только сама девушка этого не увидела, Михаил расчетливо держал девушку так, чтобы увидела она сейчас только водяную линзу с братом.

— А теперь все просто, — сообщил он, — твоя задача вызвать свою силу, разделить ее на три части и поместить — одну в землю, чтобы отпустить оковы, одну в воду, чтобы разбить линзу, третью — в тело брата, чтобы он открыл глаза.

— У меня не...

— У тебя все получится. Если что, я подстрахую. Мельник присутствовал в ритуале именно для того, чтобы направлять силу бабок ежек. Ну, так, барышня, чем больше мы тут проводим времени, тем меньше у тебя его останется на то, чтобы выспаться. Завтра тебя ждут на работе, ты помнишь?

— А как же отгул?! — возмутилась Лида.

— А отгул ты уже весь потратила. Так что, давай. К тому же, — добавил Михаил сердито. — Я уже голоден.

— Ой!

После такого напоминания, что вообще-то они оба здесь уже далеко не один час, Лида как-то забыла о том, что ей страшно. Зато вспомнила о том, что мужчину нужно кормить, вкусно и разнообразно. К тому же они столько тренировались, да и — он же был рядом! И сказал, что в случае чего поможет и подскажет. И...

Он был рядом.

Этого было достаточно.

Сила легче легкого откликнулась на зов. Послушно собралась в ладонях и так же послушно разделилась на три части.

Лозы, покрывшись цветами, втянулись в землю, став ее естественной частью. Водная линза собралась в тучу и поднялась вверх, чтобы спустя мгновение пролиться теплым дождем вниз. На Лиду не попало ни капли, хотя в момент сосредоточенного колдовства, она даже не заметила, что происходит.

А леший и водяной только (в который раз за сегодня?!) застыли, изумленно глядя, как Мельник накрыл их матушку своей курткой. Потом переглянулись и расплылись в совершенно одинаковых понимающих улыбках таких добродушных старичков, которые только что нашли идеальную пару для любимого внука или внучки.

Димка, удерживаемый тонкими лозами — уже силой самой поляны, получил в грудь заряд сестры магии, вздрогнул и... открыл глаза.

— Сс... сес?! — изумился он, — а что ты здесь делаешь?!

— Полагаю, она возвращала тебя в мир живых, парень, — сообщил Мельник, пока Лида с торжествующей улыбкой начала просто заваливаться назад. Далеко не упала, оказалась прижата к его плечу. Но опять же — вредина! — на своих ногах.

— Так, Дима, ты идешь за нами. До полнолуния далеко, время у нас есть. Хозяин лесной, хозяин водный, откройте нам дорожку к мельнице. Сейчас это в ваших силах.

Полуночники переглянулись, кивнули. Дрогнул источник, зазвенели серебристыми колокольчиками проросшие около него ландыши... Димка, потеряв равновесие, осел на крыльцо мельницы. Мельник, чуть поддержав его за плечо, взглянул на почти полумертвую от усталости Лиду.

— С такими родными никаких врагов не надо, — посочувствовал он. — Дим, открывай дверь. Уложим твою сестру, после этого поговорим. Разговор будет долгий.

— И серьезный? — догадался подросток, взглянув на свои руки.

Мельник кивнул, проследив за взглядом мальчишки. Между пальцев подростка появились тоненькие перепонки, едва уловимо трепещущие.

— Да. Очень.

Спустя несколько минут Лида спала, а Мельник и Димка устроились в изувеченной кухне:

— Вам придется тут долго делать ремонт, — пробормотал парнишка, осматриваясь. — По крайней мере, сес когда опомнится, будет из-за нее ругаться очень сильно. У нее кухня — это то, без чего она практически не может обойтись. При этом готовить у нее очень мало, поэтому все должно быть под рукой.

— Почему ты... — растерялся Мельник. — Вдруг заговорил про это?!

Димка задумался:

— Ну... Не знаю. Просто... показалось почему-то.

Михаил, никак не прокомментировав сказанное, протянул руку, включая чайник:

— Хорошо, оставим в покое именно этот вопрос. Перейдем к более насущным понятиям. Что последнее помнишь?

— Последнее? Помню... — на этот раз Димка задумался серьезно. Помнил он немного если говорить откровенно не помнил практически ничего! Но в этом признаваться было немного стыдно: — Хорошо. Папа попросил меня добраться до радио. Я поехал на твоём черном коне. Почему-то по воде. В какой-то момент... Сзади появился кто-то, огромный. Шторм мчался изо всех сил, но то, что было сзади, оно догоняло. Я не видел даже. Потом помню боль. Что-то ударило в спину. И вода, темная вода сомкнулась прямо над моей головой. Я еще помню, что почему-то воздуха надолго не хватило. Потом что-то непонятное, снова боль и все. А сколько времени прошло?!

— Не так уж и много. Ты пропустил всего пару дней. Впрочем, случилось за это время...

— Много чего? — не по-детски мудро добавил Димка полувопросительно.

Мельник кивнул:

— Кое-что тебе понравится определенно. А вот кое-что не очень.

— И это кое-что связано именно со мной?

— Не только с тобой. С твоей сестрой, твоим отцом, бабушкой. Много чего придется рассказывать, но главное, ты прав, связано именно с тобой. Ты больше не сможешь жить на земле так, как привык до этого. Часть своего времени ты должен будешь проводить в воде. Впрочем, жить ты можешь так же, как тебе захочется. Кроме некоторых ограничений.

— Ограничения? Я...

— Больше не человек.

— Я такой как ты? — посерьезнел Димка.

— Нет. Таким как я нельзя стать. Хранителем границы — мельником, как и кашеём, как твой отец, можно только родиться.

— А я? Или все зависит от родителей?

— Про генетику знаешь?

— Да, у нас на биологии про нее рассказывали, да и сес потом объясняла, когда я не понял, — мальчишка от души поморщился: — рецессивные, доминантные гены, аллели, наследование. Гадость!

— Может и гадость, — согласился мирно Мельник, — но это работает.

— И это возвращает нас к тому, кто я. Я?

— Амфибия. Человек-амфибия, был у вас, у людей такой фильм и книга была.

— Нам задавали ее для летнего чтения. И я даже читал... Там главный герой мог жить под водой.

— Да. Теперь — ты можешь тоже. Жить под водой. Жить — на суше. Не имеет значения, где и какой мир ты выберешь, ты можешь там спокойно жить. Хотя и есть ограничения, касающиеся того, где ты должен быть во время некоторых природных явлений. Есть запреты на еду и воду, есть запреты на то, какую материю ты можешь использовать, а от какой должен держаться подальше

— Звучит, как аллергия — передернул Димка плечами.

Мельник развел руками.

— Страшно?

— Нет...

Страшно не звучало. Звучало так, словно парнишка попал в какую-то дурацкую историю, и она все продолжается, продолжается, никак не заканчиваясь. И вроде бы все это было неплохо, столько необъяснимого пришло в его жизнь, но с другой стороны — он о таком никогда не мечтал. Просто стал случайной помехой в том катке, который прошелся по его сестре.

— А сес? Что будет с ней? Она теперь... Чем закончилось все?

— Мы отбились. Хотя и противник был достаточно силен, — Михаил взглянул за окно, к чему-то прислушался, потом снова взглянул на Димку. — Выяснили весьма интересную вещь, что некромантом, которое все это время был рядом и просто насмехался над остальными — был Алексей.

— Гу... сар?! — опешил Димка. — Его же так расхваливали его люди. Они его любили, ценили, они его уважали! А он их просто предал?!

— Предать можно только того, кого считаешь за равного, отрок, — нахмурился Мельник. — Нельзя предать кого, кто изначально не был тебе ни другом, ни товарищем. Он с самого начала просто притворялся.

— А сес? Сес это понимает?!

— Кто знает? В любом случае, ей теперь придется очень тяжело.

Димка кивнул:

— Она так его любила.

— Не любила.

— Что?!

— Ты же пропустил и это, — вздохнул Мельник, словно бы бесконечная усталость прилегла на плечи. Он не любил людей. Они были слабыми, в большей своей степени слишком слабыми. Они теряли любимых, позволяли им уйти, убивали их сами, лгали, предавали, изменяли. Люди делали все, чтобы уничтожить тех, кто был им дорог, тех, кто был им важен.

Люди уничтожали места, где жили. Разрушали сами себя...

А когда получали доступ к силе и могуществу зачастую становились еще хуже, чем были до этого.

— Михаил Анд...

— Просто Михаил, — Мельник взглянул на Димку. — Он ее околдовал. Приворожил, присушил, на крови сплел приворот, в кольцо закрепил.

— То колечко? Которое она никогда не снимала?

— Да. Оно удерживало в себе проклятье, было своеобразным стражем. И как только... случилось бы что-то опасное для него, Алексей сразу бы узнал.

— Он и узнал? Поэтому и примчался? Хотя не должен был и не собирался?

— Сообразительный отрок, — кивнул Михаил одобрительно. — Кольцо подало сигнал тревоги, поэтому Гусар сюда и явился, хотя это и было опасно.

— Что теперь?

— Нужно убрать всех, кто дорог барышне, и при этом может пострадать.

— Предотвратить шантаж? — предложил Димка.

— Да. Он захочет ей причинить боль — любой ценой. Одно то, что она не просто осталась в живых, но посмела снять проклятье, для него, как нож по сердцу. Он не простит этого.

— Как будто сес будет его спрашивать! — возмутился мальчишка, потом поник. — Он очень опасен? Этот некромант?

— Ты не ребенок уже, ты отрок, а потому скрывать не буду. Да — этот нечеловек очень опасен.

— Значит, будет лучше, если я окажусь там, где он не сможет до меня дотянуться?

— В числе прочего, — одобрил Мельник. — Царство под водой — стодитя. Заодно познакомишься с побратимом барышни, он поможет тебе на первых порах.

— Мне... — Димка опустил голову: — мне нужно собирать вещи?

— Чем быстрее, тем лучше.

— А что мне сказать лучшему другу?

— Для него лучше будет, если ты его обманешь. И для него будет лучше, если ты сведешь вашу с ним дружбу на нет. Потому что ты — полукровка, проживешь теперь куда больше шестидесяти-семидесяти лет, что уготованы простым людям.

— Разве это правильно, кого-то обманывать?

— Нет, — Михаил протянул руку, потрепал мальчишку по вихрам. — Это абсолютно неправильно. Но по-другому не получится. Если твой друг — тебе дорог, если ты не хочешь его ранить, ему навредить.

— Ложь во благо?

— Лжи во благо не бывает. Рано или поздно за любую ложь придется держать ответ. Просто сейчас он не поверит тебе. Отроки всегда рубят с плеча. Потом, когда вы станете старше, когда он станет мудрее и сможет поверить, ты сможешь извиниться за эту ложь. Просто, к сожалению, сейчас ложь — это немного, что может сохранить будущее этой

дружбы.

— Я понял, — серьезно кивнул Димка. — Спасибо.

Михаил едва заметно улыбнулся:

— Почему-то мне кажется, что из тебя получится отличный полуночник, и, возможно, однажды ты придешь ко мне уже как просящий. Чтобы стать из полукровки-амфибии чистокровным жителем подводного мира. Не спеши мне ничего говорить, отрок. Будущее — далеко, а тебе еще бы с настоящим разобраться. Просто знай, что такая возможность есть. У любого полуночника. Ты не будешь особенным, если придешь с таким желанием. А теперь, пойдём, я выдам тебе легкое одеяло, на печке тебе уже постелено, но то одеяло жаркое. Не сможешь спать.

Мальчишка расплылся в благодарной улыбке и проглотил сакраментальное: «кажется, на этот раз моя сестра в хороших руках».

...На следующее утро, едва рассвет тронул серебристую перину тумана над рекой, Лида, ногу за ногу, отправилась на работу.

Мельника и Димку ждал приготовленный завтрак, а совершенно заспанная участковая двигалась на свое рабочее место.

Тяжелый мощный джип вынырнул из-за поворота неожиданно, затормозил около Лиды. Бронированное окно приспустилось вниз.

— Подвезти? — голос Марата, оперативника и правой руки Гусара, а с его предательством — начальника элитного отдела полуночного спецназа, был очень мрачным. Лида, смерив его задумчивым взглядом, только помотала головой:

— Доброе утро, Марат, — нарочито вежливо сообщила она, соблюдая человеческий политес и за себя, и за него в том числе. — Нет, спасибо, за твое предложение, но вынуждена от него отказаться, сегодня у меня в планах немного пройтись. Или ты хотел о чем-то со мной поговорить?

— Лидия Степановна, — оперативник, опешив, даже остановился на мгновение, мотор заглох, и спокойно идущую Лиду ему пришлось догонять. — Да вы язва!

— Какая есть. Говорят, вся в бабушку.

— Влада Сергеевна дама крепкого характера, суровая, но такой вот язвительности в ней нет.

— Много общались с ней?

— Что вы, Лидия Степановна. С Владой Сергеевной общаться мог только Гусар. Остальные равнялись по стойке «смирно» и старались даже не привлекать ее внимание. Чревато.

— Чем это?! — удивилась Лида, останавливаясь.

Марат, приоткрыв дверь, криво усмехнулся:

— Садитесь, Лидия Степановна. И я вам расскажу.

— На любопытство ловите!

— И на него тоже. Ну, так?

— Хорошо, хорошо, — обтерев каблуки сапог о пожухлую траву, Лида устроилась в машине, пристегнулась по привычке и взглянула на Марата. — У вас все хорошо?

— Не считая того, что я узнал, что совершенно не разбираюсь в людях, у меня все просто отлично, Лидия Степановна.

— И что задевает больше всего? То, что Гусар предателем оказался или то, что даже под грузом таких доказательств в это верить не хочется?

— И в кого вы такая умная, Лидия Степановна?

— Я бы сказала, что воспитание было хорошее, а учителя так вообще замечательные.

Особенно некромант постарался.

— Гусар?

— Нет. Я может и явную глупость сейчас скажу, Марат. Но о парне, женой которого я согласилась стать, я предпочту сохранить только хорошие воспоминания. Если мне придется стрелять в некроманта, моя рука не дрогнет. Потому что это совсем не тот рассеянный Лешка, привыкший быть в центре внимания, которого я... по-своему любила. Пусть даже это было и вызвано во многом приворотом. Я, знаешь, считаю, что этот Лешка — стал первой жертвой этого некроманта. Вот и все.

— Лидия Степановна... — Марат попытался и... просто не смог подобрать те слова, которые передали бы, какой сейчас камень с его души сняла эта простая участковая. Простая?!

Перед глазами всплыл прошедший день. Все, что случилось, было как в тумане, но что там говорил... некромант? «Дочь кащея», «восстанавливать силу»?! Это что же получается...

Снова воспользоваться способностями было тяжело. Во-первых, силы Марат исчерпал сверх меры, и они еще не восстановились. А, во-вторых, ранили воспоминания. Но почему-то оказалось очень важным расставить все по своим местам, и мужчина взглянул на Лиду другими глазами.

Еще совсем юная по меркам полуночников девушка, сидящая на сидении рядом — сияла. Не сверкающим хрусталем и серой сталью, как ее бабка, не черно-зеленым огнем, как ее отец, не чистой зеленью, как леший, и не ясной синевой, как водяной. Цвет был куда сложнее и в то же время — проще. Но как ни старался, Марат не смог подобрать ему названия.

А потом пришло в голову — горное озеро в заснеженных вершинах. Когда вода чистая-чистая, как слеза младенца, а дна не видно, глубина невероятная. Снег вокруг искрится, скачет десятками зайчиков, а у самого озера тень глубокая...

— Как-то раз, — тихо заговорил Марат, — мы зачищали одну пещеру, где появились ледяные великаны. Высоко в горах, рядом с горным озером. Тогда я единственный раз слышал, как Гусар говорит о своей невесте. Он даже не мне говорил, а одному из молодых лейтенантиков в нашем отряде. Мальчишка погиб... в ту ночь даже. Ничего не спасло. Даже наши лекари-экстрасенсы, что с нами тогда были. Хорошо помню, что мальчишка этот тогда спросил «Скажите, а какая она? Ваша невеста?» Алексей тогда усмехнулся... так спокойно... «Если я скажу, ты не поймешь. Кому бы я ни рассказал, этого никто не понимает». «А на кого она похожа? Ну, вот, Алекс недавно свою жену с ланью сравнивал. А Гор свою — с жирафой. А вы?» «А я?» — я помню, он тогда очень долго молчал, потом повернул парнишку к озеру. — «Вот с ним. С озером. Спокойное, смотришь — и глаз отвести невозможно. Оно кажется простым, манит в свои объятия, но в то же время — оно как бездна, зазеваешься, уйдешь под воду и уже не выплывешь. Моя такая. Именно такая».

Лида отвела взгляд.

Горное озеро? Чистое и одновременно бездонное? Гусар был прав. Она действительно была такой. Именно это сочетание в результате его и погубило. Она — его погубила.

— Марат, мы приехали, спасибо, что довез.

— Лидия Степановна. Я что сказать хотел. Мы остаемся здесь до первого снега. Будем рядом. Конечно, мы люди, не всегда поступаем умно, но мы сделаем все, чтобы в тот

момент, когда мы вам понадобится, оказаться рядом и помочь.

— Спасибо, Марат, — девушка улыбнулась, расстегнула ремень безопасности, выпрыгнула из машины и добежала до крыльца, взглянула на небо, погрозила хмурыщимся тучам, наползающим друг на друга в поисках самого лучшего места, чтобы пролиться холодным ливнем, помахала спецназовцу рукой, вошла в свой кабинет и выдохнула.

Саня, сидящий перед ее столом, помахал рукой:

— Ты пришла!

— Какая радость в твоем голосе, Сань! Я о чем-то не знаю?

— Да! Нет. Немного...

— Если ты решил сделать все, чтобы меня запутать, предупреждаю сразу — не получится. У меня третий дан по распутыванию рыболовных сетей.

— Надеюсь, по распутыванию загадок — будет ничуть не меньший. Смотри сюда...

Саня показал на стол, где сейчас лежала огромная карта с какими-то пометками, потом тщедушный опер светло улыбнулся:

— Добро пожаловать в экстренно собранный штаб по поимке некроманта, коллега. Нас ждут плодотворные денечки, а тебя — груда информации с высочайшим уровнем доступа. Приготовься, после этого твой мир никогда не будет прежним.

— Он уже и без того умудрился встать с ног на голову и обратно, — включив по дороге чайник, Лида рухнул на стул, подтащила к себе оставленную для нее груду талмудов, хмыкнула: — это все мне нужно прочитать?

— Да. Причем выносить из участка нельзя.

— Ну, и не будем, — согласилась Лида. — Мне понадобится пара часов.

— Они у тебя есть. А потом я поясню тебе карту.

— Хорошо, спасибо.

— Не благодари, — помотал головой Саня. — Рано еще пока.

Участковая не ответила. Открыв первое толстое дело, она углубилась в чтение, подумав мимолетно о том, что сейчас делают Михаил и Димка...

В сенцах что-то стукнуло, грюкнуло. Мимо взгляда промчалась Дари, распушив хвост и шерсть на загривке, забила куда-то на потолочную балку и слезать отказалась, а в приоткрытую дверь скользнула мягкая тень.

Огляделась, постояв на пороге, взглянула на Михаила и склонилась в угодливом поклоне:

— Мир вашему дому, уважаемый Мельник.

Простая ритуальная фраза сообщала, что гость пришел с миром. Вредить не будет, атаковать не будет. Не припрятал в рукаве ножа или яда, и больше всего надеется на ведение мирного, разумного, так сказать, разговора.

— Мир гостю, — Мельник, отложив в сторону ступку с пестиком, где перетирал мелкие черные корешки, показал гостю на аккуратную лавочку. — Что привело такого... необычного гостя на мою мельницу?

— Намекаете, что обычно некроманты держатся подальше от мельников? Как и кашеи, впрочем...

— Ну, что вы, — Михаил, поднявшись, включил чайник, продемонстрировав заодно гостю пустые руки. Только поворачиваться спиной не стал. Пусть даже это была всего лишь тень некроманта, а не он сам, подобная глупость могла быть чревата. Даже смертью. Кто знает, насколько честно соблюдает древние законы тот, кто предал женщину, которой

клялся в любви? — Подобных высказываний мы себе не позволяем. К нам в свое время кто только не приходил. И некроманты тоже заглядывали. Чаю?

— Благодарю. Но вынужден отказаться. Я здесь... «инкогнито».

«То есть без физического воплощения», — привел к более привычному выражению слова тени Михаил. Если бы физическое воплощение было, то это означало бы, что и некромант где-то очень близко.

Просто тень, тонкая, эфемерная могла дотянуться при силе некроманта, как у Гусара, хоть с противоположного конца Земли, что не радовало, а только очень-очень огорчало.

— Желаете ли узнать, что привело меня?

— Подозреваю, возможная причина, единственно возможная, это Лидия Скворцова, местная участковая.

— Да, и матушка для нечисти. Признаться, — доверчиво понизил некромант голос. — То, что вы ее защитили, стало для меня очень неприятным сюрпризом. Вот только, сколько я потом не вспоминал случившееся и не анализировал его, я не смог понять случайно вы это сделали или намеренно. Последнее было бы очень неудачным для меня вариантом. А первое — наоборот. Я даже готов выплатить вам определенную сумму. Достойную сумму, чтобы вы убили Скворцову.

— Почему не сделаете это сами? — Михаил, решивший было сделать себе кофе, оставил эту мысль. Руки пришлось спрятать в карманы, так сильно затряслись от ярости пальцы.

— Позвольте, я же не самоубийца! Несмотря на то, что я был далеко от нее, я хорошо знаю многое из того, что происходило с этой девушкой. У меня был... своеобразный маячок. Собственно, знаете, он меня и позвал обратно, начав посылать сигналы тревоги примерно сразу же после вашего появления. Но я такой растяпа. Я не сразу вспомнил вашу фамилию. Потом подумал мало ли, какие однофамильцы есть на русской земле. Потом забеспокоился и проверил. Каково же было мое удивление, когда я увидел эти строчки... Так, позвольте, уважаемый Мельник, я повторю вопрос: вы случайно защитили мою многострадальную Скворцову? Или нет?

— Вы же знаете ответ, господин Гусар. Вы знали его еще до того, как пришли.

— Я могу предполагать, Михаил Андреевич. Но как врага лучше знать в лицо, так и возможные проблемы лучше тоже услышать лично.

— Вы же не пришли сами.

— Я прислал свою тень, — Гусар, перехватив полностью контроль над своей тенью, развалился на скамье, — обидно, знаете ли, Михаил Андреевич. Я эту девчонку долго пестовал, холил, лелеял. И все ради того, чтобы вы неожиданно вернулись и ее спасли!

— Если скажу, что подобной цели не имел, когда сюда направлялся, вам станет легче?

— Увы. Тогда все станет только еще хуже. Потому что придется задуматься о том, что сюда вас привела судьба. А она, как и удача, дама капризная. Никогда не угадаешь, на чьем поле она сыграет в этот раз. Так, Михаил Андреевич? Мне считать вас неприятелем? Или сразу смертельным врагом? Или вы — на деле мой союзник? Или даже моя правая рука, поскольку, как и меня, вас категорически не устраивает та система полуночного мира, что сейчас сложилась?

— Врагом, — уронил Михаил. — Сразу смертельным. Мне решительно не подходит тот вариант, при котором у Лиды появятся еще несколько кошмаров, и опять по твоей вине. Так что, я должен попросить прощения, заранее, но умрешь ты от моей руки.

— Давненько я не слышал такой спокойной уверенности в своих словах, — тень

некроманта поднялась с места, взглянул на часы. — Признаться, мне пора. Все же, несмотря на то, что мы не пришли к компромиссу и определенно, просить вас убить Скворцову бесполезно, это знакомство было познавательным. Встретимся в следующий раз, Михаил Андреевич. В другом месте. И посмотрим, чья возьмет. Я буду очень счастлив, если вы умрете до этого, поэтому, пожалуйста, постарайтесь доставить мне такое удовольствие. Всего Вам самого недоброго, Михаил Андреевич.

— Всего доброго, — усмехнулся Мельник.

Сохраняя чувство собственного достоинства, тень, поднявшись, поклонился, подошел к окну и покинул мельницу.

Михаил остался стоять в кухне, спокойно глядя туда, где только что был его самый смертельный враг... Сильнейшая ярость поднималась из души, но мужчина, взяв себя в руки, придушил все недолжные эмоции. Он сказал Гусару чистую правду. Могущественный Мельник собирался сделать все, чтобы Лиде не пришлось добавлять себе еще тяжелых и гнетущих воспоминаний. А значит, умереть некромант должен был от его собственной руки.

Было даже не очень важно, ощущает ли Лида что-то на самом деле к Гусару, или все ее чувства были продиктованы приворотом. Не имело значения, что сейчас ощущает смелая и гордая барышня к Мельнику. Мужчина просто собирался сделать все, чтобы защитить Лиду. Неважно, какие для этого потребуются приложить усилия. Неважно, как далеко ради этого придется зайти. Неважно, какая награда последует и будет ли она вообще.

Важна была только одна Лида.

— Логика отсутствует напрочь! Она потерялась, она где-то спряталась под шкафом и отказалась вылезать! — сердитый женский голос донесся с крыльца.

Михаил, чуть улыбнувшись, «помяни ведьму», от души понадеялся, что его лицо лишнее не выражает и поднялся.

— Что тебя так рассердило, барышня? — спросил он, открывая окно.

Лида сидела на крыльце со стопкой толстых дел. Сердитая, обиженная, кажется, даже на весь свет.

— Я не буду спрашивать, чем они думали! — вскинула она голову к Михаилу. — Но, Миш, определенно не тем, на что надевают фуражку! Это какой-то кошмар! Это какое-то безобразие. Знаешь с какой формулировкой меня взяли в следственную бригаду?! «Чтобы не натворила глупостей!» И начальник еще и посмеивался! Видите ли, поскольку я одна из намеченных жертв некроманта, он точно за мной придет. Я точно буду делать что-то, чтобы предотвратить возможную драму или трагедию, а они меня! Меня!

— Кофе будешь? — спросил Мельник, поймав паузу между вдохом и выдохом. — С шоколадкой.

— Я? Кофе?

— Ты. Кофе. С твоей любимой шоколадкой.

— Буду! — решительно кивнула Лида, — сейчас приду. Спасибо.

— Приходи, — согласился Михаил. — Оставь свою макулатуру на крыльце. Я занесу.

— Но...

— А сама иди переодеваться, ты же не будешь ходить дома в форме?

«Дома?» — Лида на мгновение настолько растерялась, что даже не сразу нашлась с ответом. Потом активно замотала головой:

— Нет, нет, я сейчас переоденусь.

— Вот и займись этим.

Хозяин мельницы вел себя странно. Оставив в покое толстые талмуды, Лида подошла к окну, пользуясь своим высоким ростом протянула руку и прижала ладонь ко лбу Михаила:

— Странно. Холодный. Мне показалось на мгновение, что у тебя жар. У тебя все в порядке?

— В полном. К тому же, дураки не болеют.

— Так то дураки, — не растерялась Лида. — Ты к ним не относишься.

— Все-то ты знаешь, востроглазая барышня.

— Знала бы все, было бы легче. А пока я знаю только часть, и точно не того, что нужно! — пожаловалась сердито Лида, потом положила руки на подоконник. — Миш.

— Что, барышня?

— А может, ну, его кофе и шоколад. Пойдем к реке? Скоро лед встанет, не погулять будет. А погода — хороша!

— Волхвы ждать не будут. А встретиться с ними нужно обязательно.

— Почему-то мне кажется, что ничего хорошего из этой встречи не получится.

— Почему же?

— Интуиция. Хотя она у меня всегда была не слишком хорошая.

— Придется, — Михаил отстранился, двинулся вглубь кухни, — твоей интуиции на этот раз, как обычно, ошибиться.

— Волхвы прислали... место и время?

— Да. Их проведут на границу.

— А как по их мнению на границу должна пройти я? — удивилась Лида. — Я же... Миш! — поднявшись на крыльцо, нетерпеливо разувшись и пройдя на кухню, девушка воззрилась на спокойного Мельника. — Вот скажи, а они меня за кого держат? За человека или за бабу ягу?

— Влада Сергеевна говорила, что их очень интересует феномен «вернувшегося дара».

— То есть, они ждут на встречу бабу ягу... — девушка задумалась. — Интересно, можно ли это использовать?

— Кем ты видишь их сама, барышня?

— Тем, кто не желает мне ничего хорошего, — подумав, ответила Лида. — Понимаешь, дело даже не в том, что случилось в детстве, дело в том, что как-то это все странно следует одно за другим. Неправильная логическая последовательность. Если бы они были хотя бы нейтральными, они появились бы еще на этапе, когда неожиданно зарегистрировали резкий всплеск полуночной активности в этом регионе. Но они не появились. Если бы они были друзьями, они появились бы в истории с личем. А так... Все складывается в картину, в ходе которой единственно возможный вывод — это то, что они как минимум не на нашей стороне.

— Барышня.

— Да, Миш?

— Если получится, на поляне не отходи от меня ни на шаг.

— Ты будешь держать меня за руку? — спросила Лида.

— Да.

— Тогда никаких проблем. И... еще кое-что.

— Да?

Лида подошла к Михаилу, отобрала у него измочаленный пучок чайного сбора:

— Не нервничай! Все будет хорошо. Ведь у тебя есть я!

Мельник мог бы сказать «какая восхитительная наивность», Мельник мог бы напомнить, что защитить участковая едва-едва сможет саму себя. Но он только подумал о том, какая шальная и искренняя улыбка у Лиды и кивнул:

— Хорошо, барышня. Пусть будет так. Только ты все же переоденься.

— Сейчас! — засмеявшись, девушка убежала.

Михаил, сделав кофе и вытащив шоколад, занес в дом стопку дел, скользнул мимолетным взглядом по названиям, но вчитываться не стал. Двинулся к мельничной запруде и Шторму. Лечить келпи было нужно в любом случае.

Лида, уже передевшись, устроилась лицом к окну. Нет-нет, совсем не подглядывать, просто, просто... ну, вот просто так получилось. Бывает такое. Иногда... Когда никто не видит...

Зазвонивший телефон стал неприятным сюрпризом.

Удивленная тем, кто и зачем может звонить?! Лида даже трубку в первый момент не захотела поднимать. В конце концов, после работы, отправленная пораньше домой, она зашла к папе и Димке, пообщалась с ними, узнала, что от бабушки новостей нет. И ничьего звонка не ожидала...

— Алло?

— Скворцова... — слова донеслись сквозь потрескивания, но голос был знакомым...

— Ты.

— Я, — согласился Гусар на том конце. — Сам не знаю, зачем звоню, Скворцова. Мои наблюдатели уже доложили, что ты жива-живехонька, даже не бледная, в обморок не падаешь, по стеночке не передвигаешься. Обидно же, право слово! В кого ты такая... упрямая, Скворцова?

— Зачем ты звонишь, Леш? — тихо спросила девушка, ощущая, как от приподнятого настроения не остается и следа.

— Скворцова, Скворцова! С чего вдруг такой вопрос? Ты пытаешься меня в чем-то обвинить? Хотя нет, нет. Я знаю, ты считаешь, что у меня есть какие-то корыстные побуждения! Ну, разве же так можно? Я...

— Белый и пушистый, такой обаятельный и очаровательный, я слышала это и хорошо помню.

— Скворцова! Умерь свою гордость, а то с тобой общаться невозможно.

— Так и не нужно этого делать! — вспыхнула Лида.

— И отказать себе в удовольствии слышать, как мрачнеет твой голос? — Лешка расхохотался. — Ой, не могу, Скворцова. Твоя наивность такая умильная. Умилялся бы. До твоей смерти.

Девушка зябко вздрогнула.

Смерти?

Она совсем не хотела умирать!

У нее еще было столько планов. Она еще столько не успела сделать. Умереть?! Вот просто по той причине, что этого пожелал какой-то некромант! Да ни за что!

— Тише, тише, Скворцова, — на том конце поперхнулись, потом Лешка снова расхохотался. — Ты так злишься, что от твоей ярости плавится сейчас мой телефон. Не плавь его, пожалуйста, — полушутливо, полусерьезно добавил мужчина. — Я еще хочу с тобой поговорить немного. Слушай, Скворцова, давай договоримся? Я оставлю в покое твою семью. Никаких покушений на твоего отца, твоего брата или твою бабушку, хотя она... сама

кого хочешь в бараний рог скрутит. Но твой отец и брат могут пострадать от моих рук. Это будет такая трагедия! Такая жуткая трагедия.

— Леш, не ерничай.

— Не буду. Вообще ничего не буду. Не буду никак им вредить, мешать, ничего не буду.

Но ты не будешь вешать трубку, пока я не разрешу.

Говорят, что первая эмоция — самая правильная, самая честная, самая искренняя. Она очень настоящая, потому что разум не успевает включиться, и правят балом сердце и интуиция.

— Скворцова?

— Пошел ты! — резко рыкнула Лида. — Ты меня предал, ты отобрал у меня мои воспоминания! Мои чувства! Ты отобрал у меня все, что было. Руки у тебя коротки будут добраться до моего брата или моего отца! Так что можешь засунуть свои попытки туда, откуда у тебя руки растут!

Взорвались одновременно оба телефона. И тот, что держала Лида, и тот, что сжимал Лешка. Взвизгнув, девушка выронила пластиковый мусор, прижала ладонь к щеке, потом с недоумением взглянула на алые потеки на пальцах.

— Барышня? — вернувшийся Мельник вошел степенно в комнату, отложил в сторону перчатки. — Что случилось?

— Кажется... я немного вышла из себя, — немного испуганно сообщила Лида.

— Ну-ка, постой спокойно, — Михаил усадил девушку на стул, вытащил из верхнего ящика стола травяную мазь в баночке, изумленно взглянул на наведенный порядок. — Барышня, когда ты успела добраться до ящиков?!

— Незадолго до штурма, — отозвалась девушка задумчиво. — Ой! Ой! Ой-ой-ой-ой! Больно!

— Сейчас подую и пройдет, — улыбнулся Мельник.

— Благодарю! Вот этого не надо! Не маленькая же девочка. Кстати, когда была маленькой... ты никогда так не делал... — пробормотала Лида. — Даже когда я полетела с ветки того огромного дерева. Более того, мне и в голову не пришло плакать, хоть мазь была болезненной. А вот что случилось потом?... Не помню!

— Еще вспомнишь.

Девушка нахмурилась. Ей показалось?! Или только что в голосе Михаила прозвучало что-то очень, очень, очень похожее на облегчение? Едва уловимое?

Так, а что же тогда случилось? И...

— Барышня. Так что случилось?

— Ничего!..

— Врать нехорошо.

— Я не вру.

— Ты утаиваешь информацию, — сообщил Михаил. — Это некрасиво с твоей стороны.

— Ты тоже только что это сделал!

— Это разные весовые категории!

— А смысл один! — не пошла на попятную Лида. — Или говоришь, или ждешь, пока я сама вспомню.

— Барышня! — бессильно взглянул на нее мужчина. — Ну, это самый настоящий шантаж!

— Если только совсем чуть-чуть! — развела пальцы Лида. — Ну, так?

— Это не так уж важно.

— Тогда откуда эти царапины — тоже не так уж и важно!

— Барышня...

— Да-да?

— Так нельзя поступать.

— Да? Почему?! Я хочу! И никаких сделок, пока не услышу того, что хочу!

Михаил вздохнул, взглянул на осколки, разнесенные определенно силой дочери кашея. Это было проявлением не сил бабы яги, а противоположной ей силы. Но то, что категорично когда-то потребовала маленькая невеста — было... выполнить куда проще, чем сделать то же самое с взрослой и упрямой красавицей.

Это светловолосую босоногую малышку целовать легко было. И обещать, что по-настоящему обязательно, когда станет большой. Вот она — большая. И такое обещание выполнить кажется невозможным.

— Ладно, ладно, — сдалась неожиданно Лида. — Хорошо. С тебя еще...

Она не договорила.

В конце концов, даже у могущественных мельников однажды заканчивается терпение и... после этого останется только вовремя включать тормоза. Если получится.

Если захочется останавливаться.

Вообще-то, это было сущим наказанием, целовать желанную девушку, но осторожно, боясь спугнуть, боясь оттолкнуть.

И тонуть в хрустальных омутах ее глаз.

Отпрянула Лида, прижала чуть дрожащие пальцы к губам, изумленно, испуганно, не веря глядя на Михаила.

— Э... это... это...

Мельник отвернулся:

— Условие. То, что поставила ты сама когда-то.

— Я этого не помню. А! Почему я этого не вспомнила?! Я... я...

— Тогда бы сразу сказала все самое важное? — улыбнулся Михаил, совершенно спокойно поворачиваясь к девушке, и все же любуясь ей. Такой упрямой, такой честной, даже во вред себе. — Итак, что случилось? Почему ты сломала свой телефон?

— Я не только свой, еще и Лешкиному досталось, — пробормотала Лида, спрыгивая со стула. Подошла к Мельнику, вопросительно на него глядя.

— Барышня?

— Ты дурак или ты прикидываешься?!

— Неожиданный вопрос. В последнее время, начинаю думать, что правильный ответ — первый, — Михаил протянул руку, коснулся светлых прядей, потом поднял их к губам, целуя кончики. Рядом с этой девушкой он действительно глупел, не по дням, а по часам, ради нее собирался с легкостью поменять любые правила, нарушить все, что угодно. Только чтобы... Только чтобы она была счастлива.

Даже в который раз готов был забыть о себе. Готов был на все, но даже не верил в то, что счастье для него самого возможно. В конце концов, однажды ее уже отобрали, кто помешает тем же волхвам отобрать ее еще раз?

— Ну, и ладно, — согласилась Лида. — Дурак — это тоже неплохо. Как там в сказках было? Иванушка-дурачок в итоге и полцарства получал, и верного друга, и красавицу принцессу. У нас есть принц-медведь, вместо царства — граница, вместо верного друга —

опасный враг, вместо красавицы-принцессы совершенно безголовая участковая.

— Мне такой вариант нравится больше, — засмеялся Михаил, ощущая, как уходит напряжение, как становится легче дышать. Притянув к себе девушку, обняв ее, он почти тут же отстранил: — Ты готова? Нам до места встречи с волхвами еще придется добираться.

— На чем? Шторма брать нельзя.

— Я, конечно, не бага яга северо-западного региона с ее лимузином, но у меня тоже есть свои тайны и секреты.

— И ты меня в них посвятишь? — лукаво осведомилась Лида, пододвигаясь к Михаилу ближе.

— Возможно, — отозвался тот, аккуратно потянув девушку за собой за запястье. — А может быть, нет. Все будет зависеть от твоего поведения.

— Тогда, — задумалась она, — я буду хорошей девочкой.

— А у тебя получится?! — удивился Михаил, повернув голову.

И тут же получил ответ на свой вопрос.

Участковая подставила качественную подножку, пока могущественный мельник пытался удержать равновесие, обогнала его на лестнице и, улыбаясь с верхних ступенек, провозгласила:

— Нет! Но в этом же и состоит часть моего очарования. Тебе так не кажется?!

— Пиратка, — покачал головой сердито мужчина.

— Ага, — согласилась девушка, чуть подаваясь вперед, — и, заметь, ничуть этого не стесняюсь!

Отреагировать Михаил не успел, Лида потеряла равновесие, и ему только и осталось, что протягивать руки и... ее ловить. А когда девчонка просто крепко-крепко обняла его за шею, вдруг догадался, что это все было всего лишь разыгранным представлением.

— Вот так, я постою еще немного, — прошептала она. — Всего чуть-чуть.

— Всегда в твоём распоряжении, барышня.

— Угу... Спасибо...

И хоть разжать руки было жутко сложно, Лиде предстояло это сделать.

Нужно было переодеться (снова!), нужно было изучать очередные секреты полуночного мира, нужно было встретиться с серыми волхвами. Нужно было изучить все дела, снова, и снова, и снова — пока не удастся понять, что же там такое было очевидное, на самом видном месте.

Нужно было многое, а пока Лида стояла, тесно прижавшись к своему принцу-медведю, и не могла сдвинуться с места.

Это было выше ее возможностей, это требовало слишком много усилий. Ей хотелось быть к нему еще ближе, как можно ближе, всегда-всегда.

Потому что...

Хотелось крикнуть в голос:

«Люблю тебя!»

Но она сдержалась, диким волевым усилием отстранилась и улыбнулась:

— Две минуты, и я буду готова, даже можешь засечь. И да, Миш.

— Да, барышня?

— Имей в виду, после волхвов — мы едем в магазин! А на выходных первым делом тебе нужно будет отремонтировать пол, а то на него даже смотреть страшно, не то что там находиться или готовить!

И убегая в комнату, Лида так и не поняла, почему Михаил засмеялся...

...Огромная черная карета, настоящая, правда, только без лошадей, дрейфовала у крыши мельницы.

Лида, стоя у конька, на нее смотрела сердито:

— Ты хочешь сказать...

— Я уже все сказал, барышня, — Мельник, стоя на подножке кареты, протягивал руку. — До места мы доберемся в карете.

— Гробовщика!

— Ну, и что? Хорошая карета.

— Черная!

— Лакированная, удобная.

— Ты еще скажи, она внутри красным бархатом оббита! — возмутилась Лида.

— Оббита? И что здесь такого? Вкус у мужика специфический. Как и у всех некромантов.

— Как и у всех?! Миш!!!

— Мы можем продолжить этот разговор в карете, — лукаво сообщил мужчина. — Ну, же, барышня. Или это просто страх? Не припомню, чтобы ты боялась высоты.

— Я ничего не боюсь! — гневно тряхнула девушка головой и вздохнула. — Высоты я не боюсь тем более! Вот только эта карета... Она просто вызывает во мне какие-то недобрые подозрения и ощущения. Не слишком приятно видеть вот такое вот... практически перед собственным носом, и еще знать, что вот-вот предстоит в ней устроиться и еще куда-то ехать.

— Барышня, еще немного, и мы уже начнем опаздывать. Эта карета не может мчаться с такой же скоростью, как и Шторм.

— Это должно было меня успокоить?

— Это должно было намекнуть, что пора бы и поторопиться. У нас нет времени слишком долго ждать. Волхвы...

— Подождут и уйдут? — предположила невинно Лида. — В конце концов, Миш, я не хочу, чтобы они были слишком спокойными. Иначе, у меня не получится вывести их из равновесия.

— Это тебе еще зачем потребовалось?

— Я хочу понять, что случилось, когда я была маленькой. Один тогда не отличался завидным спокойствием. Второй... был тихий, но опасный. Третий сохранял ледяное хладнокровие и все время одергивал других. Если все будет так же и в тот раз, я не уверена, что у меня получится вывести их на разговор.

— Опасное дело ты задумала, барышня.

— Я же буду не одна.

— Это не всегда помогает и не всегда что-то решает, — Михаил снова поманил девушку к себе, — пойдём, барышня.

— Хорошо, хорошо, — приняв мужскую ладонь, Лида оттолкнулась от крыши и уже спустя мгновение опустилась мягко на подножку кареты. Внутри алого бархата не было, были две простые деревянные скамьи, на вид не очень удобные, зато определенно достаточно рациональные. Видно из окон ничего абсолютно не было.

— Итак? — скрестив на груди руки, девушка сердито воззрилась на Мельника. — Что это значит «не всегда помогает»? Ты хочешь сказать, что мне не поможешь?

— Думаю, волхвы уже оградили вход на поляну от тех, кто туда не приглашен.

— То есть ты со мной не сможешь пройти?

— Увы, барышня. Скорее всего, с волхвами тебе сначала придется разбираться самой.

— Очень весело! Я думала, ты будешь рядом и поможешь... Ты же говорил...

— Я буду рядом, — успокаивающе кивнул Мельник. — Присмотрю за тем, чтобы эти трое серых слишком многого себе не позволили. Но полностью взять на себя это дело, я, увы, не смогу.

— Это не радует.

— Понимаю, барышня, понимаю.

Лида хмыкнула. Вот в чем, в чем — а в этом она сомневалась. Если уж она сама себя никак не могла понять, то Михаилу и подавно это вряд ли было под силу.

Да что только стоило ее поведение! Как маленькая девочка цеплялась за его руку, словно бы... Да мало ли что «словно бы»! Она просто боялась того, что все происходящее в очередной раз окажется сном. Каким-нибудь воспоминанием давних, давних лет, а она уже не там, и не то... И...

Было слишком обидно.

Но вот объяснить себе причину этой обиды, Лида не смогла бы, даже если бы ее попросили. В чем было дело? Почему она решила, что имеет право обижаться? С чего она вообще взяла, что кто-то что-то ей должен?

Никто. Ничего. Ей не был должен. В том числе и пробовать ее понять, беречь ее чувства. Впрочем, в обратную сторону это работало тоже отлично. Она была не обязана думать о чьих-то эмоциях и побуждениях, о чьих-то причинах совершать тот или иной поступок.

— Миш.

— Да?

— Скажи, пожалуйста, сможет ли некромант дотянуться до кашея? И до... полукровки, который большую часть времени подводит под водой?

Михаил задумался.

Загадка сложилась из двух частей и легко нашлась с ответом.

Ей звонил Гусар. Вот почему барышня так нервничала. И судя по ее вопросу, Гусар не просто позвонил, он еще и был столь любезен, что пригрозил... девушке жизнью ее родных.

— Дотянуться до того, кто постоянно находится под водой, некромант не сможет. Вода — есть жизнь, по крайней мере, для полуночников. То есть это суть той стихии, которая прямо противоположна некроманту. Ты беспокоишься за Димку, поэтому спрашиваешь, барышня?

— Да, — кивнула Лида. Сейчас для нее получить ответ на вопрос было куда важнее, чем беречь собственные «нежные» чувства. — Именно.

— До Димки добраться он никак не сможет. Даже слуги некроманта, которых он может пробудить под водой — акулы и осьминоги, кракены и морские змеи — они ничего не смогут сделать обитателю подводного города. Там есть своя охрана, там есть свои способы справляться с такими вот... незваными гостями. И порой бедных гостей даже могущественным мира сего становится жалко. Подводные хозяева очень... недобро относятся к тем, кто является к ним, не спросив их на то разрешения.

— Почему?

— У них тоже осталось слишком мало сил. Поэтому когда кто-то демонстрирует такой

высокий уровень могущества, а чтобы некромант поднял водную тварь, он действительно должен обладать очень впечатляющим могуществом, то они...

— Профессиональная гордость, — подобрала мягкое определение ситуации Лида.

— Что-то вроде этого, — согласился Мельник. — К тому же, работать в водной среде любому некроманту еще и тяжело. На физическом уровне. Если я правильно понял слова Влады Сергеевны, то у Гусара какие-то проблемы со здоровьем?

Лида задумалась:

— Ты знаешь, да, что-то там такое с сердцем было. Но вот что именно я толком и не помню. Миш, слушай. Я правильно поняла, что он — ребенок бабы яги и кого-то из полуночников. Полукровка?

— Да.

— Но вид то у него человеческий!

— Не человеческий вид только у полукровки-полуночницы. Некроманты всегда сохраняют человеческий облик.

— Какой ценой?

— Что?

— Какой ценой? — повторила Лида сердито. — Я так понимаю, что тут есть две стороны монеты. Сторона внешняя — внешность, собственно, это то, чем платят полуночницы за дар бабы яги, ну, и соответственно наказание для бабы яги, пошедшей на нарушения правил. А как насчет некромантов? Чем платят они? Какая в этом случае появляется обратная сторона монеты?

— Кто знает... — Михаил задумался, подбирая слова. — Барышня этим вопросом никто серьезно не занимался. Просто потому, что это табу. Срабатывал стереотип. Если интересуешься — значит, разведываешь обстановку. Раз пробуешь почву, значит, собираешься нарушить правила. Таких не любили свои же.

— Но это же не повод отказываться от информации! Это наоборот повод изучить ее еще больше. В конце концов, полуночников с человеческим обликом намного больше! И... а если любовь?!

— Какая любовь?

— Миш. Леший и водяной, они могли приобрести же человеческий вид...

— Барышня, — мужчина замолчал резко. Потом осторожно покачал головой. — Барышня, полуночники никогда не относились добро к людям. Ненависть к ним была всегда. Потому что люди занимали те места, которые полуночникам нравились. Люди делали все, чтобы эти места уничтожить. Полуночники селились рядом, потому что не могли без людей, но их «матушки» и «батюшки», мельники, кашеи, бабы яги — за ними присматривали, чтобы те дел не натворили. Ты думаешь особый отдел, в котором твой знакомый опер Александр, создали просто так? Поинтересуйся у него как-нибудь, серия каких убийств привела к тому, чтобы этот отдел все же создали. Полуночники не относились к людям со спокойствием, они не любили их. Поэтому и речи не могло идти о том, чтобы создать «семью».

— Исключений не было? — Лида опустила голову, разглядывая свои чуть дрожащие пальцы.

— Были. Обычно вот эти как раз «матушки», «батюшки» становились такими исключениями. И заканчивалось все тем, что когда срок их жизни выходил, полуночники их утаскивали в свой мир, убивая досрочно. Такая вот... оплата за доброту. А бывало, что и

раньше убивали.

— Не может быть! — вскинулась Лида, но... Мельник не обманывал, и она устало обмякла на своем сидении. — Как же так?

— Барышня. Здесь нет единого решения, единого рецепта. Полуночники в твоём заповеднике — особые. Они смогли выжить, даже когда люди перестали в них верить. Ты сама совершенно особая матушка. Даже если полуночники попытаются выйти из-под твоего контроля, для них это плохо закончится. Не думай, что они этого не понимают. У них свобода действий, мыслей, только пока они играют по правилам.

— Нет. Не так!

— Не так? В чем это я ошибаюсь? Скажи мне, барышня, что ты сказала Марату и его ребятам, когда они не хотели приносить клятву? Что если кто из полуночников баловать будет, ты...

— Сама с ними разберусь.

— Как ты думаешь, кого больше испугались полуночники? Заезжих оперов, которые тут и не знают ничего, или матушку, которая может и не знать каких-то потайных местечек, коряг и оврагов, зато может приказать, и сила земли приведет нашкодившего полуночника к ней обратно?

— Я про это ничего не знала!

— Ну, так они-то не знали, что ты совершенно не понимаешь, что происходит! Полуночники были уверены, что ты понимаешь, как работает твоя сила. В конце концов, ты так легко делала все нужное. Эта легкость их и смутила.

— А леший! Ну, он же знал, какая я пришла! Он же был в курсе, что я... в первый раз полуночников в его лице увидела!

— Вот тут все немного сложнее, барышня. Любые полуночники очень тонко чувствуют ложь. Ты можешь говорить все, что угодно, но твое подсознание знает правду. Когда ты говорила лешему, что видишь полуночника впервые, твое подсознание знало, что это не так.

— То есть леший увидел, что я лгу?

— Да. Он видел твою ложь. Просто решил, что человек, с которым ты пришла, правды знать не должен. Потому и поддержал твою игру.

— Но ведь это была не игра!

— Повторюсь, барышня, он не знал этого. Да и зачем бы ему разбираться? На тот момент, ты была просто человеком. Да, уже очень много сделавшим для них, для полуночников. Но в то же время ты была чужой. Чужеродным элементом в их системе мира.

— Когда все изменилось?

— С моим прибытием. Степан мне потом рассказывал, даже то, что он не мог активно колдовать, не мешало ему активно наблюдать. Собственно, его сила, не веры в полуночников, а знание об их существовании, была одним из тех ручейков, который поддерживал заповедник. И его обитателей.

— Слишком это... некрасиво.

— Полуночники не должны жить в стороне от людей, барышня. Это заповедь не нами установленная, не нам ее отменять или вносить какие-то изменения. Если бы не то, что однажды люди отвернулись от своих корней, возможно, сегодня мир Руси был бы немного другим. Чуть более волшебным.

— Миш. Волшебство может защитить людей от «волшебной» силы атомной энергии и того, что на ней натворили? Волшебство и полуночники разве могут согреть дома?

— Они могут кое-что куда более важное. Волшебство — это кровь планеты, сила мира. Полуночники пополняют эти реки своим существованием, а уже оно идет на пополнение того, без чего люди жить не могут. Месторождения руд, драгоценных камней, всех этих богатств подземного мира. Например, газ, нефть — они все могли бы возобновляться, будь больше полуночников. Но ты права и в своем предположении. Невозможно одновременно иметь и то, и то. При выборе полуночников, люди потеряли бы доступ к атомной энергетике. Никаких бомб, никаких суперкомпьютеров, никаких вычислений, никаких полетов в космос. Но если бы была чистая земля, нужно было бы лететь в космос?

— Нужно было бы защищаться от тех, кто придет на землю, за ее чистотой, за ее реками, озерами, за ее драгоценными недрами. И мы бы просто не смогли защититься.

Мельник спорить не стал. В словах барышни звучало непримиримо упрямство.

И частично она была права. От всего этого защититься с помощью волшебства, просто не получилось бы. Это когда были мечи и доспехи, гнали захватчиков с Руси в три шеи...

Карету тряхнуло, качнуло.

На мгновение Лиде показалось, что за ее спиной алый бархат. Но когда она резко повернулась, за спиной были простые лакированные доски.

— Мы прибыли, барышня. Граница твоей территории. Здесь ты уже не сможешь воспользоваться ее силой для атаки. Зато она сможет тебя защитить. Волхвы же... не смогут атаковать с помощью той земли, которой сами поклоняются. Но зато и она сможет их защитить. Если сочтет нужным.

Больше Михаил ничего не добавил, а вот его последние слова просто застряли в голове Лиды.

«Если сочтет нужным»? А земля может счесть кого-то недостойным своей защиты?

Спрашивать было поздно. Открыв дверь кареты, Михаил ждал девушку уже на улице.

И спускаясь вниз по приставной лесенке, Лида, вот дернула нелегкая! обернулась назад. В карете за спиной полыхнул красный бархат, везде — на полу, на стенах, на потолке... вместе с зеркалом...

Дверца закрылась, Лида спустилась вниз, взглянула вперед. Там, у трех тонких березок, в окружении голодных щупалец промозглого серого тумана, стояли три высоких фигуры.

— Я буду здесь.

— Хорошо, — ответила тихо Лида и двинулась вперед, ощущая неприятную дрожь в теле. Потом взгляделась внимательнее в ожидающих ее, и не удержалась от смешка.

Три серых-серых фигуры, в серых-серых мышинных балахонах, и она сама — в пятнистом комбинезоне, в такой же куртке, с клинком в ножнах на бедре, с двустволкой через плечо.

«Девочка-девочка»? Нет, участковая для нечисти на рабочем выезде!

Остановившись перед волхвами и сообразив, что не знает, как их положено приветствовать, (а сама так и не вспомнила), Лида без улыбки сказала:

— Здравствуйте. Чем могу?

В стане серых наметилось легкое шевеление. Три фигуры качнулись друг другу навстречу и снова воззрились на Лиду.

— Девушка, ты ли Скворцова будешь?

— Лидия Степановна, младший лейтенант Скворцова.

— Говорят, ты девушка... — снова заговорил один из крайних.

— Пункт первый, — резко перебила Лида. — Или «Лидия Степановна», или «товарищ младший лейтенант». Можно даже не льстить, называя «товарищем лейтенантом». Девуш-

вы граждане, можете на панели снимать. А я здесь при исполнении рабочих обязанностей. Документы ваши пока не спрашиваю. Но не спрашиваю только «пока».

Волхвы снова переглянулись. Крайний правый хотел было шагнуть вперед, но его поймал за шиворот первый, удержал на месте.

— Я отец Фергий, дитя мое.

— Извините, отец у меня один, и вы точно не он. Фергий... как дальше по отчеству будет?

— Мы отказываемся от мирских имен, ди...

— Лидия Степановна, — подсказала Лида. — По имени, отчеству, будьте любезны. Дети находятся в яслях, детских садах. Школьников детьми уже не всегда язык поворачивается назвать. Так значит, просто Фергий? И что вы от меня хотели?

— Отрочица неразумная! — вышел из себя на этот раз левый. — Кто так себя ведет с волхвами?!

— Это какая-то ролевая игра? — удивилась Лида, неожиданно поняв, что нашла, нащупала верный тон! Теперь ей просто нужно было давить именно на эту линию, расшатывая спокойствие не просто крайних, те и так не отличались хладнокровием, а центрального — Фергия. К тому же, она на самом деле, не помнила в упор, как нужно обращаться к волхвам.

— Ролевая игра?... — центральный волхв помолчал, потом спросил осторожно: — Лидия Степановна, говорят вы... с силами нечистыми знаете?

— А... вы по этому поводу... — девушка пожала плечами, виртуозно изображая, что окончательно потеряла интерес к разговору. — Есть тут нечто странное на территории, матушкой обзывает. Опер заезжий городской о каком-то снежном звере разговоры водит. Некромант тут недавно пробежал. Если вы из-за них, то вам не ко мне обращаться надо. Меня от работы отстранили. Сказали, что меня не касается.

— Лидия Степановна, — пожурил Фергий мягко. — Ведь вы сейчас нас обманываете. Все было совсем не так.

— А как? Может быть, раз я не знаю, вы сами мне все расскажете? — мило улыбнулась Лида. А внутри, внутри все торжествовало. Купились на ложь об отстранении, не купились на ложь про описание событий. Именно в таком ракурсе ситуацию знал только один человек со стороны — как раз-таки некромант. Этих троих и сейчас, и, скорее всего, тогда — послал Гусар!

— Мы здесь не за этим, — нахмурился Фергий. — Лидия Степановна, вы...

— Участковая. Я, конечно, могу вам перечислить села и деревушки, входящие в мою зону ответственности. Но что-то подсказывает мне, что это вам совершенно неинтересно. Могу я услышать, что вас привело сегодня сюда ко мне?

— Лидия Степановна, давайте поговорим, как взрослые люди? Вы...

— Одна из участковых...

— Нет, Лидия Степановна, — волхв по-прежнему был спокоен. — Нас не интересуют человеческие регалии и реалии, нас интересуют мир полуночников. Поэтому... не откажетесь ответить на несколько вопросов?

— Конечно. Что конкретно вас интересует? — с удовольствием пошла на встречу Лида.

— Вы верите в полуночников?

— Я знаю об их существовании. Это... немного разные категории, как мне сказали. До того, как я встретила с первым полуночником в своей жизни, я в них не верила.

— Когда прошла эта встреча?

— Недавно. Меньше полугода назад.

— Встречали ли вы полуночников когда-либо до этого?

— Я... не уверена. Понимаете, у меня серьезные проблемы с памятью. Я очень многого не помню из своего детства.

— Ах, вот оно как... — Фергий кивнул. — Простите, Лидия Степановна, что отвлекли вас от работы. Думаю, на этом разговор можно закончить. Мы получили ответы, нас интересующие.

— Хорошо, — Лида кивнула.

То, как треснул обруч, никого чужого на поляну не пускающий, она не услышала, ощутила телом. А заодно увидела, что именно хотел Михаил. Чего именно дожидался. И почему не пошел с ней, чтобы не спугнуть!

Он дождался, пока волхвы расслабятся, поверят, что буря миновала, а потом перегородил им дорогу, перевернув всю поляну разом на границу!

И Лида невольно даже этим серым дрожащим посочувствовала, потому что могущественный Мельник был зол. Нет, она не умела читать его эмоции по лицу или по мимике. Все было куда как проще и нагляднее. Она заново научилась разбираться в том, какое влияние оказывает Мельник на границу. Рядом с ним, когда Михаил был в добродушном настроении, все расцветало, полыхало яркой жизнью, травы мягко шуршали, а опасные обитатели границы (а такие здесь были) держались подальше.

Сейчас же все было наоборот. Поляна оказалась окружена черно-фиолетовой чашей, торчали в разные стороны тонкие шипы, покачивались длинные хищные лианы. И из темноты, обступающей поляну непроглядным покровом, то и дело доносилось голодное рычание. Алые, янтарные, белые глаза, то и дело мелькающие где-то в поле зрения, пугали еще больше.

— Не стоит так спешить, серые светлые. Есть разговор один.

— Михаил Андреевич, — мгновенно узнал Фергий. — Вы ли это!

— Я это, я, отец Фергий. Давненько мы с вами не виделись. Еще с той поры, как вы венчание разбивали. Да до конца не разбили.

— Венчание? Михаил Андреевич, к чему вспоминать то такое?

— Так вы до конца не разбили его, отец Фергий. Из-за него, я ни жениться заново не могу, ни разведенным считаться. Вы... сделайте что-то, что ли?

— А кто невеста ваша, не напомним?

— А чего напоминать-то, отец Фергий? За вашей спиной стоит она.

Крайние волхвы вдруг задрожали. Центральный — заледенел смертельно. Потом повернулся, взглянул на Лиду, взглянул вначале налево, на одного своего помощника, потом направо — на второго.

— Еще раз, простите, Михаил Андреевич. Можете вы повторить?

— Вы пытались разорвать мое венчание со Скворцовой Лидией Степановной. Но как положено ритуал не провели.

— Еще бы его провели! Когда невеста ваша другая! И с другой мы венчание разрывали. А не с этой девицей.

— Как это с другой?! — изумился Мельник, теряя на мгновение сосредоточенность. Окружающий мир недобро оскалился, завыл, заухал, придвинулся ближе, потянулся шипами, лозами, закапал ядовитой слюной на черную-черную траву.

— Черным по белому в моих документах явлено было, что девица сия, медальон ukrала, самовольно на шею надела. А венчание твое пришлось разрывать с другой девицей, из-за пропавшего медальона. Яровой Антониной Федоровной. Бабой ягой нраву доброго, кроткого, характером светлым, самой пригожей красавицей.

— Это вообще кто? — даже не смог сдержать удивления Михаил. — Антонина Федоровна? Яровая?! Что-то в списке баб ежек я таких и не встречал ни разу.

Отец Фергий кивнул. Двух своих помощников, которые осторожно двинулись в стороны, он поймал как котят, за шиворот, чуть встряхнул.

— Значит, девочка-воровка с чужим медальоном... Михаил Андреевич, мне бы разобраться в ситуации. Затем...

— Врет он, — неслышно подошедшая Лида обошла по кругу впервые вздрогнувшего волхва. — Как есть врет. Он тогда всем заправлял. Еще этот посох огромный. Только и говорил «охолонь, охолонь». Он же потом и говорил, что медальон я на границу отправила. Последними крупинками дара, пополам с кровью заплатила. Им собственно, то ли медальон был нужен, то ли... просто, чтобы на мне его не было? Я так и не поняла.

— Второй вариант, барышня. Отец Фергий, не расскажете, зачем это вы к моей невесте явились? Когда она без защиты была. Да еще в тот момент, когда только один человек, кроме меня, ее отец знал о том, что она без защиты и дар теряет. Не некромант ли был столь любезен, чтобы вам это сообщить?

Волхв молчал.

— Не скажете ни слова?

— Ты ничего сделать не можешь, Михаил Андреевич. Понимаю, обидно вам, досадно. Но поймите, тут ничего вы сделать не можете. Вы более не хозяин этому месту. Всем волхвы заправляют. Не будет нашего разрешения, вы и сделать то ничего не сможете!

— Какая досада! — Лида, приставив обрез к затылку волхва, тихо прошептала: — Брянские леса — леса дикие, мало ли какие здесь водятся... животные. То оленя на дороге лихач собьет. Олень на своих ногах уйдет, а лихач из больницы не выйдет. То охотники беды натворят, подстрелив кого-то, с зайцем перепутав. То, вот трагедия, люди пропадают! Исчезают с концами и не возвращаются.

— Пугаешь, юница?

— Лидия Степановна, пожалуйста, Фергий. Я пока еще не пугаю, я пока еще довожу до вашего сведения, какие могут последовать варианты вашему непослушанию и отказу идти на контакт. Например, смертельные, в том числе. Это я вам пулю пушу в затылок, если буду доброй. А если не буду, под вами болото появится. Такое, глубокое, в которое раз попав, уже без помощи не выбраться. И ваших «помощников» рядом оставлю. Человек добрый, со светлой душой в первую очередь о спасении ближнего думает, а такие, как они, в первую очередь о собственном благополучии думают. Так что, мне и руки пачкать не придется, они сами вас утопят. Или...

— Хватит! — приказал волхв.

Лида только засмеялась:

— Разве так просят? Просить нужно по-другому, а еще нужно не забывать волшебное слово «пожалуйста». К тому же, мы в таком чудесном месте! Если я правильно помню, вот те черные лозы, с фиолетовыми шипами, плотоядные!

Михаил кивнул. Скрестив на груди руки, он мощным монументом возвышался на границе между поляной и агрессивной флорой. И казалось, что если он отойдет в сторону,

обязательно, обязательно случится что-то очень, очень плохое.

— Вы таким образом ничего не добьетесь.

Лида пожала плечами, спрятала обрез в браслет на предплечье, отошла на шаг, еще на шаг и пропала, возвращаясь в мир реальный.

— Знаете, — Мельник говорил тихим, спокойным, приятным голосом. — Я бы, может, и не тронул вас. Если бы не то, как вы себя повели, пытаюсь снять медальон с шеи моей невесты. В общем-то, уже понятно, что вы на стороне некроманта. Поэтому, мы поступим с вами следующим образом. Можете погулять здесь. Если не будете выходить с поляны, может, даже в живых останетесь. А я за вами вернусь. Когда первый снег ляжет, и все будет решено. Спасу тех, кто в живых останется, а ваши... оправдания и извинения — уже будут не актуальны.

Волхвы молчали. Не верили. Но поляна, на которой они были, провалились уровнем еще ниже. И еще...

А потом могущественный Мельник пропал, как будто его и не было...

Собственно, планы остались планами. Несмотря на то, что после возвращения от волхвов Лида и Михаил планировали многое сделать, ничего у них не получилось.

Участковую срочно вызвали на место происшествия. Рабочий день официально был закончен, но всегда оставались авралы, которые не подразумевали момента «подождите до десяти утра».

К счастью, не убийство, и к счастью, не явление снежного зверя на территорию. Лида догадывалась, что опасное создание сюда вернется, обязательно. И совсем не обязательно, что вернется вместе со своим хозяином.

Вызвали ее на ДТП, а поскольку день был напряженный, приезда дежурной части пришлось подождать, а до этого — помогать прибывшим спасателям. Гиблый перекресток в очередной раз «отличился», крупная авария, хоть и без смертей, всем потрепала нервы.

Обратно на мельницу участковая явилась в три часа ночи, когда там... не было уже самого Михаила. Была записка на кровати, что его вызвали на срочную работу. Даже могущественного Мельника могли сорвать с места, по разным причинам.

Не было у мельницы ни Шторма, ни Вьюги. Келпи были не просто под водой, но в пространстве границы, где восстановление черного водного коня происходило куда быстрее.

Два снежных зверя, лежавшие на кровати, подняли головы, смерили совершенно одинаково возмущенными взглядами Лиду, дождались, когда она устроится спать и переползли к ней на плечи. Так было удобнее, теплее... и спокойнее самой девушке.

Она уже практически уснула, когда на стене изогнулась угодливым знаком вопросам тень.

— Спишь, Скворцова? — насмешливо спросил голос.

Лида дернулась, раз, второй, но обнаружила, что даже не может пошевелиться. Две совершенно одинаковые черные кошки, лежащие на ее плечах, стали неподъемными. Настолько, что даже немного больно было от их давления.

— А ведь я по-хорошему предлагал тебе, «давай дружить», — тень некроманта подошла ближе, протянула руку к кровати и передумала на середине движения. — Слушай,

Скворцова. А что это ты молчишь? Не говоришь ни слова. Смотришь на меня и все.

«Не говори с некромантом, не надо», — голос бабушки звучал в памяти, когда она рассказывала маленькой внучке, какие правила должна соблюдать баба яга, чтобы жить долго и счастливо. — «Некроманты не плохие и не хорошие. Есть среди них достойные люди, есть среди них и те, кому руку подать стыдно. Вот таких ты даже близко к себе не подпускай. Некроманты любят влиять на разум людей. Любят они и ломать чужие души, если пойдешь на поводу у некроманта, заговоришь с ним — дашь ему возможность влиять на себя. Так что, если не хочешь такого — просто молчи».

Успокаивающая тяжесть на плечах... Лида закрыла глаза. Тень некроманта — это не некромант. Она не может нанести удар, она не может ничего, только смотреть и говорить. Но даже этому можно помешать, если знать как. Лида знала, в ее силах было такое совершить. И даже, кажется, было в памяти, что под присмотром своего принца-медведя она применяла эти силы.

Вот только... зачем выдавать собственные умения врагу?

С другой стороны... так хочется спать...

К векам словно привязали гири, поэтому девушка, не став сопротивляться сну, скользнула в его мягкие объятия.

Тень некроманта постояла над кроватью.

Гусар даже не злился, просто удивлялся. Как же так?! Вот он — тут стоит, а вспылчивая Скворцова, которая должна была бы за ним погнаться и покинуть территорию, на которой полыхала одна из самых могущественных защит полуночного мира, просто уснула!

Вот разве так можно?

— Эй! Скворцова! — почти беспомощно позвал он.

Бесполезно.

Она и в детстве умела так засыпать — мгновенно. Раз, еще глаза свои сонно таращит. Два, уже спит, как будто в темный омут рухнула.

Снов она никогда не видела. Даже когда была ребенком.

И Лешке! Пришлось отступить. Вопреки собственным желаниям поиграть немного с Скворцовой, заставить ее пострадать и помучиться.

Правда, это значило, что стоило добраться до дома Скворцовых и посмотреть, что же там такое происходит. Тень некроманта двинулась к окну, оглянулась. Кошки спали, не посчитав его за угрозу.

Что-то было не так. Что-то во всем этом отдавало тонкой ноткой опасного дурмана, и Гусар решил не задерживаться. У него были дела в Луках. Во-первых, нужно было расставить метки, снежный зверь должен был вернуться обратно, и предстояло ему указать, кого именно нужно убить в первую очередь. Во-вторых, Лешку очень интересовало, почему участковая так спокойна. Мать говорила, что убила мальчишку, а эта невозможная девушка спит, как ни в чем не бывало! Да, уставшая, эти синяки под глазами ни с чем не перепутать. Но определенно она не плакала.

Так, о чем же Гусар не знает?

Что еще эти невозможные Скворцовы приготовили?

Дом был темным. И ни следа еловых ветвей или гвоздик, или что там обычно кашеи используют, чтобы проводить в последний путь детей.

Гусар даже забеспокоился немного и застыл.

На крыльце спящего дома сидел неспящий человек.

Огонек сигареты высветил уставшее лицо, потемневшее от горя.

— Марат?

— А... — спецназовец вскинул голову. — Ты пришел.

И столько пустого глухого отчаяния было в этих словах... Лешка подумал, пожал плечами, прошел и сел рядом, протянул руку, получив сигарету, затянулся:

— Сколько мы так сидели?

— Много раз, Леш. Много, — Марат тускло смотрел в темное ночное небо. — Пришел посмотреть на дело рук своих?

— Можно и так сказать, — мирно согласился некромант. Ему нравился этот человек, этот служака. Сам, своими руками, построил свою карьеру. Разве что думал немного шаблонно, но этим все хорошие служаки и отличаются от плохих. Не могут поступать неправильно, а потому застывают перед неким потолком, не в силах его преодолеть.

Лешка с легкостью переступил потолок, дошел до главы полуночного спецназа, да так там и остался, а Марат, у кого и опыта побольше было, да и знаний, чего греха таить, так и остался на своем месте «правой руки».

— Итак, — затянувшись и выпустив в небо тонкий столбик дыма, Лешка скосил взгляд на своего подчиненного. Еще не бывшего. Спецназовцы еще пытались придумать оправдание своему кумиру, и это играло некроманту на руку. Он всегда умел использовать слабости людей, всегда позволял им обманываться. Зачем тратить силы самому, если можно предоставить людям сделать всю грязную работу, а потом насладиться результатами?

— Итак? — Марат взглянул на Гусара.

Тень некроманта была объемной. Но не плотной. Не в своем физическом воплощении, а значит — начальник, бывший начальник, был где-то очень далеко. Правда, разве тени курят?

Хотя... Некромант. Сын бабы яги и полуночника. Кто знает, кто стал его отцом? Кто знает, какое еще могущество может скрываться в этом теле? И в этой тени...

— Мальчишка жив?

— Да, — согласился спецназовец тихо. — Водяной и леший закрыли его своими силами.

— Превратив в полукровку?

— Да.

— Это плохо, — вздохнул Лешка грустно. — Еще и кашей свои силы вернул. Ну, никакого спокойствия и благополучия. Как прикажете в таких условиях работать?!

— Леш...

— Да? — скосил некромант взгляд на Марата.

— Ты зачем пришел то?

— Сентиментальным старым дураком стал, знаешь ли. Вот... хотел поговорить. С тобой. Со Скворцовой...

— Ты на нее правда приворот навесил?

— Правда, — согласился с усмешкой Гусар. — И не просто приворот, на крови ворожил, позаботившись о том, чтобы на ней венчального медальона Мельника не было. Пришлось, правда, найти подходы к волхвам. Но дело того стоило. Чуть-чуть мне не хватило. Всего чуть-чуть. Несколько бы дней, я как раз после праздника осени собирался вернуться, и все было бы закончено. Она бы тихо умерла, я бы стал вдовцом. И все были бы счастливы. Так нет же, принесла нелегкая этого опера из города, начали копать. Снежного зверя

моего вытащили. В полуночный мир девчонку затащили. Вот зачем? Она хорошо себе жила в мире настоящем. Снов не видела, печали не испытывала, прошлого — не помнила!

Марат промолчал.

Кто этот человек рядом с ним?

Его начальник человеком был приятно-неприятным. Он был честным малым, открытым, иногда — чересчур. Мог и в лицо сказать грубость, мог и крепкого словца не сдержат. Но за своих ребят всегда стоял горой. Не сдавая их ни вышестоящему начальству, ни смерти. Лучшие операции, лучшие штурмы. Все самое лучшее, что сделало их отряд легендарным — исходило от Гусара. А сейчас рядом с Маратом сидел и скалился некромант. Опасный тип, для которого, что чужая жизнь, что чужая смерть не имели никакой цены...

Он был совсем другим. Не таким!

Или не был? А казался?

И права была участковая, со своим тихим: «Я думаю, что Лешка, которого я даже отчасти любила, пал первой жертвой этого некроманта. Я не хочу омрачать свою память, поэтому предпочту думать именно так».

— Она была права.

— Она? — Гусар взглянул на Марата, потянулся, разминая мышцы. Взглянул на свои руки и закурил уже нормально. Вид у настоящего некроманта, без труда переместившегося за тысячи километров, был немного расхристанным. Простые домашние брюки, распахнутая на груди рубашка и сотни мелких шрамов вокруг сердца. В остальном — отличная мускулатура, которую Марат видел не раз. Мышцы, раскаченное тело. Только эти шрамы... — А, ты про участковую? — добавил Лешка тем временем. — Никогда не мог понять эту девчонку. Вроде человек как человек. Без силы своей «светлости» — она даже не слишком к добрым поступкам была склонна. А вот поди ты, как скажет что-то, хоть за сердце хватайся.

— Как будто оно у тебя есть, — бросил Марат сквозь зубы и пожалел. Лицо некроманта стало каменным, желчным.

— Есть, — ответил он, тем не менее, спокойно. — Если бы не было его, было бы проще. Если бы только не было этого куска мышц! Без которого люди не живут почему-то...

— Зачем тебе все это надо?! Зачем?! — спецназовец даже не догадывался, с каким отчаянием звучит его вопрос, с какой болью.

Гусар посмотрел на него со снисходительным презрением. Людьми было так просто манипулировать!

— Сердце, Марат. У меня больное сердце. Человеческими методами оно не лечится. Зато методами некромантско-полуночными — да. Я просто хотел жить. Понимаешь? Жить. И ничего больше.

Тихий спокойный голос, нотки доверия, хотя, скорее, правильнее будет сказать, щедро сдобренный магией вызов на доверие. Магия ласкала, гладила, уговаривала подчиниться. В конце концов, они так долго были друзьями. Все это время.

Кто как не Гусар стоял за спиной Марата? Кто как не этот безголовый Лешка тащил его на себе по тому ущелью, раненого. И ведь дотащил! Вовремя. И врачи смогли помочь, и руку спасли. Ту самую руку, которую сейчас этот некромант осторожно пожимает.

— Я ведь не хотел, — Лешка чуть сжал ладонь друга. — Все это должно было быть другим. Я не хотел родиться некромантом. Не просил об этой силе. Даже когда подышал, не собирался использовать чужую силу. Не собирался никому причинять боль. Я держался,

когда кашлял кровью. Я держался, когда мое тело полосовали на куски невидимые лезвия. И знаешь, от этого не было толку. С каждым днем мне становилось все больнее. Каждый следующий день был хуже предыдущего. Каждый день. Мне казалось, что я в аду. Что быть больнее не может, но приходил новый день и я понимал, что ошибался. Снова. И снова. И снова.

Рассказ был тих и безыскусен, таким тоном можно говорить о погоде, разговаривать о событиях в маленькой деревушке, где самое страшное, что может случиться — это, пожалуй, что появление лисы. Или как две кумушки друг с другом поссорились, поругались, да друг другу мелко напакостничали. Одна на белье куриные перья высыпала, вторая обидчице соль вместо сахара подсыпала, а та пирог праздничный делала...

Вот только, когда таким тоном говорят о собственных бедах, это ранит, куда сильнее. Это заставляет кричать на одной ноте, бесконечно сочувствуя и переживая.

Бесконечная боль?! Разве можно с ней смириться?!

— Никакие лекарства не помогали. Мой снежный зверь лежал сутками под моей кроватью, отказываясь от еды. Я почти не мог встать. Я считал себя обычным ребенком...

«Ребенком?» — Марат содрогнулся. — «Все это было с ним, когда он был ребенком?! Это же... слишком жутко!»

— Мама не могла пойти к могущественному Мельнику, чтобы найти у него лекарства от моей болезни. Я не должен был появиться на свет, чтобы ни способствовало этому. Что бы ни стало причиной. Я был... ублюдком, по мнению всего мира. Выродком... А боли не становилось меньше, боли становилось все больше и больше, — Гусар смотрел в темное небо, где тучи затягивали небосвод. Далекое, по-зимнему уже холодные звезды, были где-то высоко-высокого, бесконечно... Не дотянуться. Не найти ни тепла, ни понимания. Ни-че-го. Протянув ладонь, Алексей попытался поймать хоть одну звездочку, но темные тучи накатили жадной пеленой, скрыли от него нежный свет. — Так всегда. Когда я встречаю какой-то источник света, он исчезает от меня быстрее, чем я успеваю понять, что это было. Неужели я никогда не дотянусь? Тогда тоже не дотянулся. От невыносимой боли сердце маленького ребенка не выдержало и остановилось. Я открыл глаза в теле человека.

«Теле... человека?»

— Мое тело, настоящее тело маленького ребенка, было похоронено в болоте. На долгих семьдесят лет. Я стал... лишь частью души некроманта. Пугающего. Твари, которая не думала ни о чем. Он просто убивал. Это была работа настоящего мастера, — Гусар немного истерично хохотнул. — Вот сижу с тобой, Марат. Я ведь никому не говорил этого, представляешь? Возможно, мне хотелось кому-то об этом рассказать. Найти кого-то... кого можно попросить о помощи...

— По... мощи? — Марат откашлялся, — о чем ты говоришь?

— Я хотел, пока был в том теле, чтобы меня вернули в тело маленького ребенка и позволили спокойно умереть. Я не хотел жить, поэтому большую часть времени спал. Пока однажды... — Лешка замолчал. — Я не проснулся снова. От голоса женщины, человека и русалки одновременно. Она пела так нежно, в ее голосе было обещание надежды. И тогда я открыл глаза. И снова окунулся в боль, боль... Лучше бы и не просыпался.

— Ты... — Марат вскинул голову. — Я могу тебе помочь?

— Да, — начав снова истончаться, некромант кивнул. — Чтобы жить, жить спокойно, дальше. Без чужих смертей, без этой вечной боли, боли, боли, мне просто нужно сердце. Сердце полуночника. Ни черного, ни белого — нейтрального.

— Участковая?

— Да, — Лешка плавно кивнул, — мне нужно сердце Скворцовой. Только ее сердце подойдет мне в этом поколении. Только ее. И я должен получить его до первого снега, потому что именно столько осталось силы у моего тела. Ты мой друг, Марат, ты мой брат, мы были вместе в самых страшных местах. Я прикрывал тебе бесчисленное количество раз, ты был моей правой рукой. Ты был со мной в самых страшных кошмарах. Неужели ты откажешься от меня сейчас?

— Н... нет, — Марат начал заваливаться вниз, но тень его не поддержала, окуталась вокруг черным дымом, скользнула медовой патокой в уши.

— Тогда ты поможешь мне?

— Д... да...

— Принеси мне сердце участковой.

— Я сделаю это...

Тень некроманта растаяла в небытие, как будто ее и не было...

Дом Скворцовых, который был пуст, продолжал спать, глядя на ночь пустыми окнами. Кашей и его сын были в гостях у водяного, разбирались с тем, как теперь жить Димке. Домовой спал на чердаке, даже не почувствовав появление врага.

В глазах Марата не осталось и тени жизни... Но к утру, когда он открыл глаза в кровати, он не вспомнил ничего о том, что случилось ночью. А в доме уже было полно людей. Дом гудел, трясся как живой, и чуть ли не подпрыгивал возмущенно. Марат, войдя на кухню, даже растерялся, не зная, куда ему приткнуться. Здесь было слишком много людей!

— Подождите, подождите, — раскрасневшаяся Лида, поставив в духовку второй пирог, повернулась к родным.

Папа устроился в кресле у окна с газетой в руках. Димка сосредоточенно что-то писал. Бабушка, вернувшаяся на рассвете, заваривала чай. Михаил, спокойный как скала, устроился на подоконнике, вытаскивая из дерева узкий медальон.

Саня, появившийся с корзиной яиц, только хмыкал, нарезая вместе с домовым на тонкие ломтики колбасу и сыр.

— О! — первым увидел он Марата, — привет. Садись куда-нибудь, а то заметят — ничего хорошего не получится.

— Сань! — возмутилась тут же Лида, — не запугивай человека! С добрым утром, Марат.

— С до... добрым, — кивнул мужчина. В голове билось удивленным набатом «Что за дурдом с утра пораньше?!»

— Это ты не понимаешь, — добавил тем временем Саня, — невозможно эту задачу разбить на несколько частей.

— Да не просто невозможно! Нужно! Это все разные вещи, как вы не поймете! У нас нет комплексной проблемы «победить некроманта», у нас есть десятки мелких проблем, с которыми нужно разбираться. Но, скорее, ситуацию можно сравнить с трехговым Змеем Горынычем. У нас есть одна голова — «баба яга», мать некроманта. У нас есть средняя голова — сам некромант. И третья голова — его снежный зверь.

— Снежного зверя ты почему приплела? — Степан Викторович отложил газету в сторону, глядя на дочь с недоумением. — Хорошо, я понимаю, почему ты темную бабу ягу и некроманта разделяешь, но снежного то почему отдельно?

— Он с самого начала был не со своим хозяином, пап! Ты забыл? Снежный зверь убивал

здесь людей! А некромант шатался очень далеко вместе со своими ребятами!

— Послушай, милая, — Степан Викторович заговорил тише сам и замолчал.

Саня задумался:

— В принципе... ты хочешь сказать...

— Да ну вас! Марат!

От сердитого окрика участковой спецназовец подпрыгнул и выговорил себе с досадой. Нервы совершенно расшатались, стали со всей этой историей и кутерьмой с некромантом ни к черту!

— Да?

— В конце февраля, где вы были?

— В конце? — Марат задумался. — Да мы много, где побыв... Да нет. Не много где. Мы весь февраль и март, как идиоты, в Египте проторчали. Два археолога-энтузиаста вскрыли старую гробницу. И мы там торчали! — ярость спеца прорвалась в голосе и стихла. — В общем...

— Слишком далеко, чтобы некромант был здесь, барышня права, — поддержал Лиду Михаил, потом задумчиво взглянул на Марата. — Итак, значит...

— Значит, — словно ее и не перебивали, продолжила Лида. — Снежный зверь нападет снова. И снова. Но один! Почему-то опасность грозит именно жителям деревни. Это даже не месть, я бы назвала это чем-то куда более глубинным. Не знаю. Мне кажется, происходящее что-то значит, но моя память пока еще не до конца моя, и... я теряюсь в происходящем!

— Еще вспомнишь, — ласково улыбнулась внучке бабушка, потом взглянул на сына. И также как и Мельник пристально посмотрела на Марата.

— Что? — занервничал оперативник.

— Это странно, — Влада Сергеевна кивнула сама себе. — Это очень странно, мой друг. Твоя сила, которая и раньше не очень была скрыта, сейчас совершенно нараспашку. Ты вчера... позавчера,... в пределах двух-трех дней, ни с кем не встречался? Может, женщина?

— Нет, — твердо ответил Марат.

Лида, недоуменно взглянула на бабушку, потом на Михаила. Что-то происходило, чего она сама понять как-то не могла.

— Все нормально? — спросила она осторожно у Марата.

Спец кивнул:

— Немного зябко. Видимо, вчера... пересидел на улице.

— А что ты вчера на улице делал? — удивился Степан Викторович.

— Не мог уснуть, — предельно честно отозвался Марат.

Остальные переглянулись и решили больше не расспрашивать.

— Значит, — вернулся Саня к обсуждаемому вопросу. — Ты считаешь, что снежный зверь вернется, баба яга по-прежнему нам угроза и третья угроза — некромант?

— Точно. Причем, полагаю, что первым в Луках отметится снежный зверь. Потом... Не знаю. Но почему-то мне кажется, что вначале некромант, а потом баба яга.

— Почему?! — почти в один голос спросили Саня и Степан Викторович.

Лида растерянно взглянула на бабушку.

Но ответил Михаил:

— Защищая свое дитя. Сейчас она не может здесь появиться. Агрессивная защита у заповедной поляны нанесла ей... серьезные раны.

— Откуда ты? — остро взглянула на него Влада Сергеевна.

— В разных местах разные люди взяли у меня ингредиенты, которые складываются в рецептуру достаточно серьезного зелья, которое к тому же обладает свойством восстанавливать запас сил.

— То есть она переколдовалась вдобавок ко всему? — уточнила Лида.

— Не сгорела, к сожалению, — добавила ее бабушка. — Если бы сгорела, то сейчас никакой опасности из себя она бы не представляла. А так... Как думаешь, на сколько дней?

— Прием зелья? — Мельник с благодарной улыбкой принял у Лиды тарелку с куском пирога и чашку кофе, а следом и она сама устроилась рядом. — Минимум три недели, Влада Сергеевна.

— То есть к первому снегу может и успеть?

— С тем учетом, сколько ей лет, вряд ли. Она хочет восстановиться, а не убить себя в погоне за силой. Так что куда реальнее срок в шесть недель.

— То есть после первого снега, — подытожила Лида. — Так что получается, что я была права. И они нападут именно в таком порядке. Дальше, Сань.

— Да?

— То, что мы видели в тех документах, о том, что у наших жертв не хватало части внутренних органов.

— Да. Было такое.

— Марат, — взглянула Лида уже на спецназовца. — Скажи, пожалуйста, вы же должны проходить какие-то медицинские обследования? Освидетельствования? И все такое?

— Конечно.

— Тогда нам нужна медицинская карточка Гусара. И... поговорить с врачом, который был закреплен за вашим отделом.

— Есть такие. Тебя отвезти?

— Думаю,...

— Нет, — Мельник перебил участковую быстрее, чем она согласилась. — Нам это важно, но не настолько, чтобы ты, барышня, покидала Луки. Здесь какая-никакая, а защита.

— Я поняла, — в серых глазах участковой мелькнул сердитый зеленый огонек, но она осталась спокойна. — Хорошо. Но документы, правда, нужны.

— Я съезжу, — вызвался Саня. — Здесь я пока не нужен, заодно заверну в свой отдел, может, есть что-то новое. Марат, когда...

— Да прямо сейчас.

Оперативник и спецназовец допили утренний кофе и покинули дом Скворцовых.

— Итак, — уже когда был закончен завтрак и вся компания перебралась в уютную гостиную, уточнила у бабушки Лида, — что узнала, ба?

— Немного... — вздохнула баба яга. — К сожалению, пока мы занимались одной насущной проблемой, мимо взгляда ускользнуло кое-что достаточно серьезное и важное. Милая моя.

— Да? — удивилась Лида.

— Что ты помнишь об организации системы безопасности нашего мира от мира людей? «Немного», — была первая эмоция, а потом знания сами собой всплыли в голове, разложенные по полочкам, правда, еще не слишком переосмысленные.

— Троичная система, — пробормотала участковая, задумавшись. — За полуночным миром, безопасностью в нем и соблюдением режима умолчания следит «полуночный отдел», к нему же приписан отдел полуночного спецназа. Если моя информация до сих пор

верна, то специалисты-полуночники есть, как минимум, в каждом городе, чтобы вовремя отреагировать на происшествия. При этом основные команды расследования подобных дел — выездные.

— Верно, — согласился Степан Викторович. — Частично в эту же систему входят Смотрители, например, за заповедниками и аномальными зонами.

— Как ты?

— Как я. И как ты, «матушка полуночного мира».

Недовольно фыркнув, девушка воззрилась на Мельника:

— А как насчет тебя?

— Я не вхожу в официальную структуру. Если быть точнее, я не являюсь частью полуночного отдела, я обычный полуночник, который находится под условным контролем со стороны гос. структур.

— Гос?

— Конечно, все это на государственном уровне, — подтвердила Влада Сергеевна. — Как ты думаешь, что получилось бы, приди к власти человек, который понятия не имеет, что происходит в стране на самом деле? Продолжай, милая.

— Продолжаю, продолжаю, — пробормотала Лида. — Есть отдельный «инфернальный отдел», официально он называется ОЗН, расшифровывается как отдел наблюдения «за». Но с легкой руки какого-то шутника века так три-четыре назад к ним прицепилось другое название «инквизиция». Так и болтаются сейчас в этом духе. Третий отдел, который осуществляет общий контроль над инферналами, полуночниками и присматриваем за другими расами и гостями на Земле — это СБ, служба безопасности. С тем учетом, что им нужны свои люди, своя независимая служба наблюдения, в этом качестве зачастую выступают волхвы. В том числе, серые.

— Все правильно ты помнишь, но на текущий момент ситуация немного изменилась, — Влада Сергеевна посмотрела на свои чуть дрожащие руки. — Мы упустили все это... Так что теперь возможны небольшие проблемы.

— Проблемы?

— Да... Да, — Влада Сергеевна довольно грустно вздохнула. — В тот же год, когда на тебя напал лич, случилось кое-что еще. Инквизиция слишком заигралась в правителей судеб. Девочка, которая воспитывалась в семье главного инквизитора, умудрилась... Да много что, откровенно говоря, она умудрилась натворить. Закончилось все тем, что в инфернальном отделе началась массивная перестройка, проверка СБ... Пока были беспокойные времена, а они до сих пор продолжаются, волхвы получили несколько... преимуществ. И посчитали, что свою власть они отдавать не хотят.

— А я здесь причем?

— При волхвах. Им пообещали власть. Что не ОЗН будет заниматься инфернальным миром, а именно они.

— Как это мог бы обеспечить некромант?! — удивилась Лида. — Для того, чтобы проверить такое, необходимо диктовать свои условия СБ, и не разово, а плотно взять их за горло. Никто не пойдет на такой перекосяк во внутренней структуре.

— Немного не так, барышня, — Мельник смотрел куда угодно, но не на Лиду, заставив девушку занервничать.

— Я не знаю чего-то еще?

— Скажем так, в самом СБ не все гладко, — вздохнула Влада Сергеевна. — У Гусара

как раз был бы шанс, не просто взять СБ за горло, но возглавить его. Ведь если бы у некроманта все получилось, он получил бы войско. Мертвых тварей и живых полуночников, убивающих людей — неважно, кого он в итоге бы выбрал, некромант стал бы серьезной угрозой обычному миру. В общем-то, девочка моя, ты умудрилась так крепко вмешаться в его планы, что не передать никакими словами.

— Он придет меня убивать.

— Да, вне всяких сомнений. И не только тебя.

Взгляд Лиды метнулся мимо дверей, в комнату брата. Димка был виден в приоткрытую дверь. Расхаживая по собственной комнате в огромных наушниках, парень собирал вещи.

После ночи под водой он решил, что опасное время переждет в подводном царстве. Уже было передано сообщение Риму, и он прислал ответ, что будет встречать брата своей названной сестры на границе территорий. Вместе с ответом пришла записка и для Лиды.

«Аурен, я присмотрю за ним. Так что за него — не бойся. Береги себя».

Записка была на маленьком, практически прозрачном листке, не чернилами, а как пояснил Водяной — специальным составом на растолченных ракушках, с помощью магии. К Риму возвращались его силы...

— За нас не волнуйся, — спокойно сказал Степан Викторович. — Да, он некромант, но даже некромант не в силах справиться с кашеем в месте его силы.

— Месте силы?

— Да. Я тоже покину Луки. У каждого кашея есть его собственное место силы. Там, где кашей неуязвим практически.

— Так же, как мельники на границе? — уточнила тихо Лида.

— Что-то вроде.

— Одним словом, — подытожила Влада Сергеевна, — девочка моя, этот бой предстоит тебе принимать одной.

— Не одной. Я буду рядом, барышня, — Михаил едва уловимо пожал ладонь Лиды.

Девушка бросила на него благодарный взгляд, потом посмотрела на бабушку:

— Ба, а ты?

— Хочу выбросить волхвов со своей территории, — в глазах бабы яги была опасная для окружающих сталь. Впрочем, тут же Влада Сергеевна едва заметно улыбнулась. — Не переживай, солнышко, ничего страшного. Даже если начнется война между нами, волхвам придется отступить. Пусть у бабы яги нашего времени давно нет той силы, которая была, и теперь она найдет, чем угостить пришедших незваных гостей.

— Ба. Ты напрасно не рискуй.

— Не буду, не переживай, солнышко. Рисковать напрасно сейчас мы не можем себе позволить. Слишком непредсказуемый и опасный враг у нас на этот раз.

— У кого враг, а у кого рабочий день начинается, — Лида, бросив взгляд на часы, поднялась. — Так что, вы тут обсуждайте, если что осталось... Димка!

Девушка вошла в комнату брата, закрыв за собой дверь.

Оставшиеся в комнате переглянулись:

— Это обязательно? — спросил негромко Мельник.

— К сожалению, чем мы ближе, тем опаснее для нее, — вздохнула Влада Сергеевна. — Миш, тебе ли не знать, что если бы был другой вариант, мы бы остались рядом? Но сейчас мы не сможем защитить себя рядом с ней.

Дверь хлопнула, на пороге возникла Лида.

— Лида? — Степан Викторович, увидев дочь первой, дернулся. В глазах «милрой малышки» плясали зеленые злые искры.

— А вот с этого момента поподробнее.

— Ты же ушла к брату! — возмутилась Влада Сергеевна.

— Димка ушел прощаться к другу, — сообщила девушка невозмутимо, проходя обратно и усаживаясь на стул верхом. — В окно вышел, правда, но не суть важно. Я и дверь закрыла, чтобы вы этого не увидели. Так, ба, пожалуйста, минутой ранее. Ты сказала, что вы не можете защищаться рядом со мной. Почему?

Утаить шило в мешке не получалось, и Влада Сергеевна со Степаном Викторовичем переглянулись растерянно. Михаил, знающий подоплеку происходящего, спасти их и не подумал. Спокойно смотрел на Лиду, изучая тонкие структуры вокруг нее.

— Солнышко...

— Ба, к делу, — резко перебила ее Лида. — Давай, в другой раз ты попробуешь меня уговорить, что все это не имеет значения. Я хочу знать, по какой именно причине рядом со мной вы не сможете защищаться. Или вы хотите сказать, что я неправильно что-то услышала, и в этом все дело? Может, мне обратиться к отоларингологу? Да вы не стесняйтесь.

— Барышня, — укорил Мельник девушку. — Ты еще не работе. А твои родные и без того все скажут. Не стоит демонстрировать на них, какая ты на работе.

Бросив на него недовольный взгляд, Лида скрестила на груди руки, правда, голос все же понизила и смотрела спокойнее:

— Я жду, ба, папа. Не хотелось бы прибегать к каким-то дополнительным усилиям, чтобы получить от вас вразумительный ответ, что все это значит.

— Вот и не прибегай, — предложила Влада Сергеевна. — Солнышко...

— То, что важно, а то, что нет — я могу решить сама.

Михаил хмыкнул. А вот старшая баба яга растерялась. Она действительно собиралась сказать, что это все неважно, что есть то, на что нужно обратить внимание в первую очередь и...

— Я жду.

Взгляд у юной бабы яги, а по меркам полуночного мира Лида была практически ребенком! был очень жестким. Такой свою внучку Влада Сергеевна не видела ни разу. Даже не знала, что она такой может быть. Не сердитой, Лида была спокойна, но взгляд...

— Не туда ты пошла работать, не туда. Надо было по военной сфере двигаться.

— У меня голос недостаточно командный, — приподнялись в улыбке уголки губ.

— Голос у тебя может и недостаточно командный, а командуешь хорошо.

— Пришлось научиться.

Степан Викторович только хмыкнул. За своей дочерью таких талантов он как-то и не подозревал.

— Разница в полюсах силы, — пояснила Влада Сергеевна, наконец. — Дело не в твоей лично силе, дело в том, что ты «нейтральная баба яга».

— Это имеет значение?

— Еще какое. В полуночном мире имеет очень большое значение на какой территории ты находишься, с кем ты эту территорию делишь. Поскольку невозможно жить в вакууме... — баба яга вздохнула, сообразив, что перешла на лекторский тон, которым своим студентам лекции читала. — Вся мировая экосистема построена на цепочке взаимосвязей,

характерно это и для полуночного мира. Например, пищевые цепочки и симбиоз. У вас...

— С Димкой недавно проходили, — вздохнула Лида. — Симбиоз, хищничество, нейтрализм и антибиоз. В каждой категории практически есть свои подвиды.

— Именно. Для полуночного мира такое тоже характерно, влияние одного вида... созданий на другой. Например, как выяснилось... только вот буквально в этом веке баба яга и полуночники — это тоже пара симбиотов, несмотря на то, что жить и полуночники, и баба яга могут спокойно друг без друга, развиваться они могут только во взаимосвязи.

— Факультативный симбиоз, совместное существование выгодно, но не обязательно, — пробормотала Лида, вспоминая энциклопедию.

— Точно, — грустно кивнула баба яга. — Именно так и есть. Вот только выяснили мы это слишком поздно, и теперь непонятно, удастся ли что-то с этим сделать. Не суть. Продолжаем. На одной территории две бабы яги не уживутся, если у них разные полюса сил. Например, баба яга светлая и баба яга темная — никогда не будут селиться рядом. Между ними должно быть расстояние, кратное тринадцати, но при этом не менее двухсот пятидесяти километров.

— Так... много?! — изумилась от души Лида.

— Раньше это расстояние было еще больше, но раньше и баба яга была немного... не такая. К сожалению, чем именно мы отличаемся от наших предков, тоже до сих пор неясно. А спросить — не у кого.

— Ну, хорошо. Допустим. И? Значит, две бабы яги с противоположными силами...

— Не силами. Полюсами, — наставительно заметила Влада Сергеевна. — Силь изначально одни и те же, да и заклинания мало отличаются. Разница именно в полюсах. То, как направляет баба яга свою силу, то, как она ее восполняет, то, на что откат приходится.

— Откат?... Явление бумеранга. Сотворенное тобой, к тебе и вернется.

— Да, — одобрительно кивнула баба яга. — Так и есть. Явление бумеранга. Так вот, возвращаясь к структуре нашего мира. Два разных полюса, влияя друг на друга, приводили к тому, что у каждой из баб ежек сил становилось в два раза меньше.

— Вот так, — опешила Лида.

Мельник рядом с ней хмыкнул. Действительно, о таком маленькой девочке они не рассказывали. Баба яга, когда воспитывает себе замену, вообще о многом на свою беду не рассказывает.

— Точно так же влияют друг на друга кашей и мельник.

Взглянув на отца, потом на Михаила, Лида неуверенно переспросила:

— И вы что ли?!

— Мы нет! — отмахнулся Степан Викторович. — У меня сил не было, куда мне на него влиять?

— К тому же, — добавил Мельник негромко, — барышня, мельники тоже бывают разные.

— Уникальные?

— В том числе.

Влада Сергеевна едва заметно улыбнулась.

Нет, все-таки правильным решение было отдать замуж эту егозу за Михаила Мельникова. Если не растеряется «принц-медведь», то у этой сказки еще есть возможность закончиться хорошо.

Главное только с некромантом разобраться, да сделать так, чтобы волхвы в не свое дело

не полезли.

— Так, значит... Осталась нейтральная баба яга, — напомнила Лида.

— А вот здесь, девочка моя, все гораздо интереснее и сложнее. У нас вопросом... сочетания... скажем так, разных полюсов никто не занимался. В древности же закономерности вывели и просто передавали их дальше.

— Закономерности?

— Да. Нейтральная баба яга — явление редкое, но тем интереснее оно было для древних. Сейчас это простая прикладная комбинаторика, которую легко назвать, но сложно объяснить. С какой бы то ни было точки зрения.

— Ба, не очень понимаю.

— Хаотический элемент, — подсказал Мельник. Когда же Лида, круто повернувшись, на него воззрилась, Михаил едва заметно улыбался. — Неизвестная величина, которая может влиять положительно и отрицательно на ситуацию.

— Как?

— Не буду вдаваться в излишние подробности, но если нейтральная баба яга сильнее, то светлая теряет в своих силах в два раза, а темная — в четыре.

— Ба?

— Ты меня сильнее, — кивнула Влада Сергеевна. — То, что ты будешь сильнее, было понятно еще в детстве.

— Хо... рошо. А мельники и каши?

— Поскольку по отношению к кашею ты слабее и со мной связана кровной связью, мое количество сил ты режешь, — пояснил Степан Викторович.

— Я тебя слабее? И я тебя... Стоп, подождите, как же?

— В столкновении кашея и бабы яги, кашей всегда сильнее, при этом практически всегда выигрывает баба яга. Такой вот... исторический феномен. Тем не менее, он есть. Если я остаюсь рядом, то мы принимаем как данность, что я слабее до твоего уровня. При этом, — погладив расстроившуюся дочь по макушке, ее отец подсластил пилюлю. — Самое интересное другое. Теряя в слепом могуществе, кашей приобретает в изощренности. Но этому нужно учиться. А вот как раз на это времени у нас нет.

— А... с мельником, — Лида бросила осторожный взгляд из-под ресниц на Михаила. — Раз уж мы рассматриваем все полностью.

— С мельником в зависимости от силы бабы яги. Например, в вашем случае с Михаилом, здесь и сейчас, он тебя усиливает, а ты для него усиливаешь границу.

— Как?! — опешила Лида. — Разве баба яга какое-то имеет отношение к границе?

— Самое прямое, — подтвердила негромко Влада Сергеевна. — Самое прямое, девочка моя. Правда, опять же, механизм возникновения этого влияния — совершенно непонятен. Но нейтральная баба яга, как и нейтральная ведьма могут влиять на границу, усиливая ее проявление в мире обычном.

— Все! Запутали! — Лида схватилась за голову. — А! некромант?

— К сожалению, тут не очень понятно. Слабая баба яга — усиливает некроманта, сильная — ослабляет. Но мы не можем сказать, сильнее ты или слабее Гусара. Этого никто сейчас сказать не сможет.

— Плохо, — пробормотала Лида. — Очень плохо. Да и к тому же, непонятно! Ничего непонятно! Вы только меня запутали!

— Подумаешь, распутаясь, — ободряюще улыбнулась Влада Сергеевна, потом

взглянула на часы. — Милая, тебе пора на работу. Иначе — опоздаешь.

— Да, вижу... Спасибо, ба... Увидимся вечером!

Махнув рукой, участковая двинулась на улицу. Простучали по крыльцо быстрые каблукки. Старенькая нива возмущенно рыкнула мотором и покинула двор.

— Что ж, — Степан Викторович потер руками уставшее лицо. Ночь без сна еще не давала о себе знать, но следовало отправляться спать, чтобы не терять скорость реакции. — Самое страшное удалось не сказать. Уже легче. А упрямством она, — взглянул он на мать недовольно. — Вся в тебя пошла!

— И что тебя так сердит? Была бы такой мягкой как ты, была бы уже замужем за некромантом. А может быть, уже и в гробу. Так что радуйся, что девочка в меня пошла.

Михаил, поставивший чайник, вернулся обратно, взглянул на подоконник и сел на кресло, загораживая окно широкой спиной.

— Так, о чем вы ей еще не сказали то? — спросил он, — вроде бы все прозвучало. Или я чего-то тоже по нейтральным не знаю?

— Полуночное донорство, — напомнила Влада Сергеевна устало. — Нейтральная баба яга идеальный донор для любого, потому и не живут они долго. Это раньше можно было убить «нечаянно» одного, двух идиотов, чтобы остальным неповадно лезть было. А сейчас что? Даже не думай себя самого защищать! Особенно, не приведи силы убить кого-то при этом.

— Влада Сергеевна, так это если узнают, что Лида — нейтральная баба яга. А она пока ведет себя как обычная участковая. А все ее силы можно смело переадресовывать на то, что она матушка полуночников.

— Если кто внимательно посмотрит, то все это будет белыми нитками шито, Миш, — только горестно вздохнула баба яга.

— Всегда можно обойти чужие взгляды...

Что там было дальше, Лида не слышала. В трубку мобильного телефона ударили гудки.

— Вот глазастый! — рассердилась девушка, с досадой стукнув по рулю. Этот Мельник! Он же определенно увидел оставленный включенный телефон, специально вывел бабушку на разговор, а потом, когда началось все самое интересное — его же сам и выключил! Ну, вот как?! Как это называется?!

«Опоздание на работу!» — взглянув на часы, Лида сердито дернула головой и завела мотор, тронувшись с обочины. Времени рассиживать и ждать непонятно чего, у нее, к большому сожалению, не было.

До вечера она провела в банальной и очень человеческой рутине. К счастью. Не было ни подозрительных звонков, ни посещений. Но, к сожалению, не было ничего, ни единой весточки от Сани. Он словно пропал. И чем меньше времени оставалось до конца рабочего дня, тем отчетливее становилось понятно, что дело идет к шторму...

Не на мельницу, а к папе и Димке, Лида приехала в восемь часов, оставила машину и вышла, постояла, разглядывая дом.

— Матушка... — домовой, вспрыгнувший на крышу старенькой Нивы, взглянул на Лиду растерянно. — Как же? Как же так? Все разъезжаются...

— Я с Мельником уже говорила, Тимофей. На мельнице нет домового, с нами пойдешь? Пока мы с этим некромантом бегать будем, твоя помощь там не лишней будет.

— С удовольствием, матушка, — поникший было домовой воспрял духом, потом нахмурился. — Матушка.

— Да? — девушка взглянула на неизменного в последнее время помощника по дому с тревогой. Тимофей мялся, а значит, случилось что-то, о чем он стеснялся сказать. Потому что не мог проверить или поверить в это. — Что такое?

— Кто-то был тут. Чужой. В дом не заходил. Ни к чему не притрагивался. Просто был. В ту ночь, когда Степан Викторович с молодым мастером у хозяина вод были.

Лида, невольно отметив это уважительное «молодого мастера», нахмурилась.

Откуда и кто бы мог быть здесь? На территории? Может, снежный зверь уже появился? Да нет, если бы он — то уже бы напал. Баба яга еще восстановиться не могла, а судя по ее действиям — она умная и хитрая старуха, рисковать попросту не будет. Лешка? Не должен. Ему попросту здесь делать нечего.

— Хорошо, Тимофей. Знаешь, не говори ни папе об этом, ни Михаилу. Сами разберемся. Не думаю, что тебе привиделось, но думаю, от пустых переживаний — никому лучше не станет.

— Как скажешь, матушка.

Лида улыбнулась и двинулась к дому.

В окне был виден свет, кто-то был на кухне. Но почему-то это место перестало быть «домом».

— Барышня, — мягкий голос и в очередной раз неслышная поступь заставили Лиду подпрыгнуть! Круто повернувшись, она сердито уставилась на Мельника:

— Миш! Ну, кто так делает?! А если бы я испугалась?!

Мельник задумался, потом едва уловимо улыбнулся:

— Барышня, ты бы в меня не выстрелила. Даже если бы успела вытащить обрез.

— Почему? — растерялась девушка.

Михаил, проходя мимо, подтолкнул ее едва-едва к дверям и пояснил:

— Узнала бы быстрее.

Лида споткнулась и тут же оказалась в руках повернувшегося Михаила.

— Барышня?

— Вначале говорит такие слова, потом удивляется, что тут кто-то в ногах заплетается, — сердито пробормотала Лида. — Миш.

— Да?

— Ты сам проводишь Димку?

— Да, до места. Так что не переживай, барышня. Никто не обидит твоего братишку. Даже если захочется.

— Мне уже заранее страшно за тех, кому придет в голову заступить дорогу страшному Мельнику, — вздохнула девушка, потом тряхнула головой, вскинула голову. На горизонте ходили тяжелые тучи, но ветер дул с юга, а значит — снега принести не мог. Зато могли прийти дожди, поздние, затяжные, неприятные...

— Барышня?

— Ничего, все хорошо.

Михаил ничего не добавил, просто открыл перед Лидой дверь.

Наверное, это был самый грустный день за последний год. Как только жизнь изменилась, когда Лиде открылась граница полуночного мира и все пошло наперекосяк. Она прощалась с родными. С Димкой — минимум на полгода. С папой — вообще непонятно.

Ему предстояло куда-то отправиться. И он только говорил про «место силы». Куда вернее, закономерно полагала Лида, ему предстояло выполнить какое-то свое задание. И

бабушка. Эти двое, несмотря на то, что и связь в эти годы не поддерживали, напомнили девушке шулеров. Вроде бы и карта где-то в рукаве припрятана, но не понять какая. И почему-то казалось, что спрятали эти двое козырь.

Через час все было позади. Лида стояла вместе с домовым посреди мельницы в полном одиночестве. Михаил провожал Димку до теплых морей. Папа и бабушка уехали на ее черной волге.

Лида осталась одна.

Конечно, в Луках было полно людей.

Где-то было полно людей в городах. Вокруг мельницы были полуночники, да и с ней самой был домовый и два снежных зверя. Но почему-то в душе было такое беспросветное глухое одиночество...

Стук в дверь раздался, когда Лида, уже перебравшись в домашний теплый костюм, медитировала над учебником по травологии. Ее собственным учебником. Предстояло понять, что именно из общего списка она может использовать, а какие рецепты не стоит даже и брать, если на выходе она не хочет получить восхитительный и совершенный яд.

— Матушка... — Тимофей появился на шкафу с кружкой кофе, прыгнул, поставил его на край стола, в стороне от Лиды и разложенных травников. — Там гость.

— Иду, — кивнула девушка.

К ее искреннему удивлению на пороге мельницы оказался...

— Марат?!

— Вечер, — вздохнул спецназовец. — У нас проблемы.

— Большие?

— Я бы сказал очень.

— Проходи! — спохватилась Лида, отступая в сторону. — Сейчас подогрею чайник, и, кажется, оставались пироги. Что случилось? Почему ты один? А... Ванная где знаешь, тебе же надо с дороги помыть руки?

— Да. Спасибо.

Через пару минут Марат вернулся на кухню, Лида, уже поставив чайник, вытащила кружки, которые забрала из опустевшего дома. Для гостей подойдут, а для мельницы она собиралась вместе с Михаилом купить уже другие. Вместе.

Сердце вдруг стукнуло немного жалобно и восстановило свой ровный бег.

— Итак, что случилось? — спросила Лида, стараясь не подать виду, что что-то только что ощутила. Что-то... Чужое присутствие?! Неужели снежный?!

Да нет, не должно быть, не может такого быть. Рано еще! Рано.

Но она определенно, вот только что, ощутила рядом чужое враждебное присутствие!

— Александр не вернется сегодня. И завтра. И послезавтра.

— Марат, ты меня пугаешь!

— А! Извини. Он жив, с ним все в порядке. Не в порядке с нашим врачом. Если быт точнее, он убит.

— Как?! — ахнула Лида, выключая чайник и подвигая кружку с чаем к Марату. — Подожди, как такое вообще возможно?!

— Никто не знает. Поскольку главный офис полуночного спецназа располагается в Москве, вызвали на место преступления Ринго. Единственное, что она смогла определить — это то, что убийство произошло сегодня, за пару часов до нашего появления. Кто именно — сказать не смогла. Просто по той причине, что тот, кто пришел убивать нашего врача, знал о

существовании Ринго и о том, что она сотрудничает с нашим отделом. Поэтому он предпринял все необходимые меры безопасности. Особенно, убийца сделал все необходимое, чтобы защититься именно от нее и ее сил.

— Ты опять про нее говоришь!

— Опять? — Марат даже немного растерялся, потом хмыкнул и кивнул. — Да. Я ее знаю, доводилось встречаться лично. Никогда не думал, что девушка-экстрасенс может произвести на меня такое впечатление. У нее получилось, и это было не просто удивительно, но и не очень приятно.

Лида чуть вздрогнула. Что-то в речи Марата ее насторожило. Сейчас он говорил спокойно, немного даже заморожено. А вот в прошлый раз к едва слышной нотке презрения, «слишком моральная», примешивалось и едва заметное уважение. Сейчас в голосе мужчины не было вообще ничего, ни единой эмоции. И это было неправильно.

— Ты уже говорил.

— Действительно, было такое, — согласился мужчина, потом покачал головой. — Извини. Совершенно из головы вылетело.

— Да ладно, неважно, — вздохнула Лида. — Так, значит, врача убили. А как насчет медицинской карты Алексея?

— Увы. С этим тоже большие проблемы. Карта была украдена. Кто именно украл — совершенно непонятно, с какой целью — можно только спекулировать на догадках.

— Ты сейчас издеваешься что ли?! Мало того, что у вас из-под носа украли документы, вдобавок ко всему убили врача, вы не знаете, кто сделал это, зачем, и вообще... Ну, хоть что-то хорошее есть?

— Слова Ринго. «Убил не тот, на кого вы думаете».

— Не тот? — нахмурилась Лида. — Не Гусар?! Карта пропала. Кто-то знал о том, что есть такая Ринго, да еще и предпринял все необходимые меры защиты от нее? Именно от нее одной. Так... так... Такое ощущение, что... Марат, получается, что есть предатель в вашем отряде?!

— Да, — кивнул мужчина. — Это очевидно. Именно поэтому сейчас проверяют, кто именно из наших ребят где находится, кто именно может быть предателем, а кто именно — нет.

— Да уж... Столько неприятностей доставляет этот некромант. Теперь еще и внутренняя проверка началась, что тоже не слишком приятно.

— Это точно, — согласился Марат. — Но и это еще не все. У некроманта силища такая, в общем... пока отозваны вообще все оперативники из Лук, чтобы не навредить. Если на них кто-то повлияет извне, то беда может быть такая, что никакой некромант в одиночестве не натворит.

— Значит, я осталась одна, — пробормотала Лида, подытоживая. — Без какого-либо прикрытия. В принципе, этого стоило ожидать, но я не думала, что все пойдет к этому и этим в итоге закончится. Неприятный эффект.

Мужчина кивнул, отставил опустевшую чашку.

— К сожалению. Извини, что все так закончилось.

— Так? — нахмурилась Лида.

Мужчина взглянул на часы, не ответил, просто сказал:

— Я переночую в машине, а утром уеду.

— Почему в машине?

— Потому что, знаешь, я еще не настолько сошел с ума, чтобы ночевать на мельнице, да еще и в отсутствие мельника!

— А есть какая-то разница?! — растерялась Лида.

— Еще какая. Тебе Михаил не рассказывал? Мельница — это граница между миром обычным и миром полуночным. Граница не просто внутри мельника, она действительно существует, порой соприкасается с миром обычным. Можно сказать, что мельницу ставят аккуратно в самых тонких местах, там, где вот эта полоса между мирами истончается. Никогда нельзя угадать, что случится в следующий момент. Ты спокойно проспай до утра, или граница раскроется и выбросит на тебя пару тонн агрессивного мяса.

— Но вас же учили справляться с порождениями границы! Я хорошо помню тот ночной бой, и...

— Учили. Нас много чему учили. Но все же ночью... мало ли что может случиться ночью. Так что я лучше на улице, в машине. В моем джипе спать хорошо и удобно.

— Как скажешь, — пожала плечами Лида, верно поняв, что наставить сейчас не стоит, да и бесполезно это делать. — У меня здесь есть термос, давай я тебе сделаю крепкий кофе с собой? Чтобы завтра утром было легче проснуться. Или если решишь ночью подежурить, пока я одна.

— Если не затруднит.

Лида кивнула, вышла из кухни и почти тут же вернулась. Марат сидел на своем месте, устало вытянув ноги. День выдался тяжелым, суматошным.

А еще это возвращение сюда. Не хотел он быть крайним, не хотел. Но нужно было кому-то сообщить, что происходит этой смышенной участковой. Слишком смышенной. Она действительно могла стать неприятностью. Жаль, только, что не станет.

Часы на стене мерно тикали, словно синхронизируясь с биением границы. Неправильный тик-так, а что-то куда более асинхронное, рваный ритм биения магии, чему-то, чему сложно в обычном мире подобрать определение или синоним.

Все, что сейчас оставалось Марату, это одно...

Убить ее быстро.

Очень быстро.

Чтобы она не успела испытать много боли, поэтому и извинялся, поэтому и просил прощения. Заранее.

Мачете не было для него особо привычным оружием. Как-то так получалось, что обычно Марат предпочитал держаться от него подальше. Но когда нужно было убить человека, именно простого человека, лучше этого мачете не было ничего на свете.

Рукоять легла в руку как влитая. Мачете чуть заметно дрогнуло, когда Марат поднялся со стула. Он собирался убить ее быстро, замахнулся...

Но все пошло не по тому пути, что он распланировал заранее. Все пошло по пути случайностей.

Под ноги, непонятно откуда возникнув, кинулась черная кошка, Марат дернулся, пытаясь нанести удар, но не успел. Мачете сорвалось, оставив на плече Лиды лишь длинную рваную царапину — участковая рванулась прочь от опасного удара, успев, но не до конца.

Девушка отпрянула, испуганно глядя и не зная, куда бежать. Показывать сейчас спину — было самой плохой идеей из всех, что могли прийти ей в голову.

— Извини, — Марат поправил в руках мачете. — Правда, извини. Мне всего лишь нужно твое сердце и не более того.

— Не более того?! Ты что? На... Лешку?

— Я просто хочу ему помочь, вот и все, — мужчина снова взмахнул острой игрушкой. Лида попыталась увернуться, но и на этот раз недостаточно быстро, недостаточно успешно. Острое мачете оставило царапину на левом боку. Порез был не слишком глубокий, крови было немного.

Следующий удар пришелся уже на колено. Лида вскрикнула и отшатнулась, прижавшись к стене. Нога подогнулась, стоять было тяжело. Дышать почему-то тоже было очень сложно.

И использовать браслет было никак нельзя! Потому что Марат... глаза спецназовца были совершенно пустыми! Делать он делал, а вот понимание того, что именно — у него не было! А значит, все шло именно по тому пути, по которому идти не надо было. Здесь и сейчас этот мужчина был всего лишь жертвой. Пешкой Лешки. И нужно было решать эту ситуацию, каким угодно способом, только не убивая! И не светя своих снежных зверей!

Потому что если напал сам Марат, то присутствие, которое Лида ощутила немногим ранее, означало, что рядом Лешка!

А голова кружилась все сильнее.

— Я... д? — спросила Лида оседая.

— На лезвии? Конечно, — согласился Марат. — Ты извини, Лешка настаивал, что твою смерть хорошо бы сделать поунизительнее, зрелищнее, чтобы Мельника сломать. Вот уж не знаю, что эти двое не поделили и когда успели. Но все же, ты хорошая девчонка, я подумал, что будет лучше, если ты умрешь очень быстро и безболезненно. Этот яд — нервнопаралитического действия. Сначала ты не сможешь двигаться. Потом дышать. Потом потеряешь сознание — и умрешь. Видишь, ничего страшного.

— Дей... стви... тельно... — согласилась Лида, бессильно сползая по стене вниз. — Ни... че... го...

— Яд даже не смертельный! — пояснил Марат, — так что ты это, не переживай. Смерть получишь от моей руки, я просто тебе отрублю голову. Уж прости, за такие подробности.

— Значит, не смертельный? — уточнила Лида, уронив голову на грудь.

Марат кивнул, подтвердив невольно:

— Именно.

Мужчина шагнул ближе, наклонился, размахиваясь. Тень на стене, слившаяся с тенью кухонных шкафов, всего на мгновение дрогнула. Дернулся и Марат, в отчаянном усилии пытаясь вернуть себе контроль над телом, но проигрывая. Вот только этой заминки хватило самой Лиде.

Конечно, она была не слишком хороша в боевых искусствах, но на таком маленьком расстоянии промахнуться было невозможно в принципе.

Рванувшись с места, девушка схватилась за рукоять мачете, круто дернула и повернула, разворачивая острый тесак против хозяина. И...

Попала.

А уже в следующий миг браслет на предплечье Лиды раскололся, оставляя в руках дробовик. Грохнул выстрел, тень некроманта на стене дрогнула и распалась, а сама девушка рухнула на пол.

— Тимофей! — крикнула она. — Мне нужна твоя помощь!

Домовой не отозвался... Зато тень некроманта на стене собралась воедино:

— Это было больно! — рассердился Гусар, спускаясь со стены в объемном виде вниз, на пол. Правда, как благоразумный мальчик, в своем теновом, а не настоящем облике. —

Скворцова, ты сдурела?! А если бы насмерть?

— Была бы только очень этому рада.

— Ну, ты же не убийца, Скворцова. Что ты вот тут говоришь всякий бред?

— В данном случае, я не выдаю желаемое за действительное, я просто тебе честно озвучиваю свои намерения, чтобы не было недоразумений.

Гусар усмехнулся, окинул лежащую на полу девушку недовольным взглядом:

— Какая жалость. Если бы он не пытался тебя отравить, а сразу бы убивал — то все прошло бы гораздо быстрее и проще. А так, из-за яда лича в твоём организме, по-прежнему на тебя ничего не действует! Такая досада.

— Шел бы ты отсюда, — вздохнула Лида. — Бери ноги в руки и просто убирайся!

— Как грубо! Могла бы быть немного повежливее.

— С чего бы вдруг? Тебя не звали.

— Ну, и что? Кто вдруг запретит мне приходить туда, куда я хочу?

— Что ты сделал с Маратом? — уточнила девушка сердито.

— Сделай мне чаю, — велел Лешка, усаживаясь на стул. — И я даже расскажу.

Нейтральная баба яга полыхнула яростью и тут же успокоилась. Нельзя было выдавать собственные силы, ни в коем случае. Нужно было успокоиться, нужно было взять себя в руки. Раны кровили. Не сильно, но заметно. Ручейки крови текли по ноге, по руке, по боку.

Но встать девушка смогла.

Браслет на предплечье раскалился, но дробовик вызывать вторично Лида не стала. Включила чайник, выдвинула верхний ящик тумбочки и взглянула на набор ножей там. На каждой костяной ручке были выбиты руны, а часть к тому же была еще и с дополнительными связками трав.

Перебирая рукояти, Лида собралась пропустить мимо ушей абсолютно все, что говорил Гусар. Но застыла сразу же, как только он заговорил:

— Знаешь, Скворцова, пришлось попотеть, вытаскивая волхвов с той полянки. Признаться, я не думал, что можно живых так глубоко отправить!

— Зачем ты мне это говоришь? — спросила девушка равнодушно. — У тебя какие-то проблемы с личной жизнью? Некому пожаловаться? Рассказать о своих проблемах и достижениях? Можешь обратиться к психотерапевту. Порой это очень хорошо помогает.

— Скворцова, замолчала бы ты что ли.

— Ничего полезного ты не говоришь. Слушать твою бессмыслицу не желаю. Поскольку выгнать тебя без хозяина мельницы я не могу, очевидно, что я могу только виртуозно портить тебе настроение.

— Это у тебя всегда получалось, — вздохнул Гусар расстроено. — Ты всегда была умелой в этом вопросе.

— Вот и вали, пока я тебе по всем болевым точкам не прошлась.

— Слишком ты в себе уверена. Ничего про меня настоящего не знаешь, а туда же. Вот о каких болевых точках ты ведешь разговор, деточка?

— Ты недооцениваешь меня, — сообщила Лида негромко, вытаскивая несколько ножей. — Подумаю немного, найду, чем тебя «порадовать», хочешь убедиться?

— Обойдусь, — отказался Гусар немного торопливо, потом взглянул на свою бывшую девушку. — Ты определенно плохо представляешь, о чем речь, деточка. Симпатичная ты, миленькая. Вот только...

— Леш, ты чего забыл? Пришел посмотреть, убьет ли меня Марат? Мимо. Так что вали!

Достал уже. Думаю, скоро вернется уже Мельник, не думаю, что тебе понравится общение с ним.

— Ничего, ничего, — мерзко ухмыльнулся некромант. — Думаю, быстро он не вернется. Я подготовил для твоего братишки комитет по торжественной встрече. А потому я был вдвойне рад, обнаружив, что в мою ловушку попал именно он! Конечно, это его надолго не задержит, но зато с тобой мы пообщаемся. Сколько времени мы уже с тобой не разговаривали, а?

— С тех пор, как у тебя голова стала только подставкой для воображаемой короны. И не более того.

— Скворцова, — поморщился от души некромант. — Да что у тебя за мерзкая привычка такая!

— Что посеешь, то и пожнешь, ничего особенного, — сообщила мило Лида.

На этот выпад отвечать Гусар не стал, прислушался к чему-то и поднялся, стараясь держать себя в руках, только все равно в глазах мелькнуло испуганное изумление:

— Что ж, жаль, что так получилось, но, думаю, я еще зайду в гости, когда рядом не будет твоего защитника, а он, к сожалению, уже сейчас появится.

На этом некромант превратился в плотную тень, втянулся в стену, а следом хлопнула дверь.

— Барышня?! — испуганный оклик зазвучал прямо над головой, и Лида, повернувшись, рухнула прямо в руки подошедшего Мельника.

Добавлять больше ничего не пришлось.

Мельник срочно вызвонил Олесья Руслановича, и пока начальник полуночного спецназа выдвинулся с рабочей группой в сторону мельницы, сам Михаил, перебинтовывая раны Лиды, заодно рассказал и кое-что еще.

Помимо того, что был убит врач, была еще одна проблема. Саня оказался в больнице. Потому что некромант навестил не только Марата, он пришел «в гости» еще и к Александру. Через пару часов выяснились и дополнительные подробности, когда появился Олесья Русланович.

Марата, под присмотром двух оперативников и целителя из отдела, увезли на скорой, вместе с оружием, аккуратно запакованным в пленку, чтобы было понятно, что именно за яд там был с самого начала. Есть ли готовое противоядие или придется подбирать индивидуально. То, что это не потребуется, Лида говорить не стала. Не нужно выдавать личные особенности организма, чтобы не стать подопытной лягушкой для кого-то.

Саня, как не просто один из оперативников полуночного отдела, но, что было куда важнее, возлюбленный русалки, отличался редкой устойчивостью перед чужим ментальным влиянием. Как не пыжился Гусар, он просто не смог взломать природную защиту оперативника. Правда, при этом перестарался. Убить не убил, но Александр оказался на больничной койке.

Когда же Олесья Русланович отбыл, уже Лида «порадовала» Мельника сообщением о том, что волхвов с поляны некромант выпустил, а значит в добавление к трем головам «змея горыныча» добавилась четвертая.

А они как раз остались без защиты.

Ситуация была просто «чудесной», вне всяких сомнений. Особенно в той ее части, где оговаривалось, что Лида осталась без поддержки.

От СБ ее могли прикрыть в полуночном отделе только так, переведя на больничный.

Решить ситуацию законными методами было больше невозможно. При этом что было самым интересным и немного... не совсем человеческим, так это логика полуночного мира. Как «участковая, работающая в ведении полуночного отдела», Лида не имела права разбираться с кем бы то ни было своими силами.

При этом (где логика у этих людей?!) — как «матушка» на своей земле, она могла разобраться с кем угодно, если этот «кто-то» нарушал установленный порядок.

А он нарушал!

В общем и целом, очень хотелось схватиться за голову и отправить всех этих «понимающих» далеким лесом.

— Итак, — Лида, уже намазанная какой-то вонючей и жутко кусачей гадостью, сидела на кухне, болтая ногами. Тимофей суетился вокруг нее с чаем и бутербродами, Мельник сидел у окна, заканчивая что-то делать. На тот черный корень, который был у него в руках, Лида старалась вообще не смотреть. Мгновенно начинало печь под веками, да и внутри, в животе словно бы появлялась голодная холодная лягушка, а то и целая армия их. — Что у тебя в руках?

Михаил, отвлекшись на мгновение от своего занятия, крутанул в руках нож с очень тонким лезвием:

— Пустотное дерево. Растет на границе.

— Зачем оно тебе?

— Из-за его интересных способностей. Может много чего... в принципе, но в нашем случае куда важнее его способность вызывать аллергию.

— У кого?!

— У некромантов. Не тех, что во плоти, а тех, что отправляют свою тень шататься куда ни попадя. До первого снега ты сама вряд ли освоишь это заклинание, а вот Гусара отучим являться туда, куда его не звали.

— А почему ты сразу не воспользовался им? — не удержалась от удивленного вопроса Лида.

Мельник хмыкнул, опустил голову, вновь занявшись делом:

— Да потому что, барышня, считал, что он хоть и некромант, но не полный дурак. Мне бы и в голову не пришло, что он решит на мельницу, как к себе домой, начать захаживать.

— Но ведь... — Лида вздохнула. — Слушай, может, это просто было разово? Из-за Марата?

— В следующий раз может статься, что он придет с кем-нибудь еще. Так что...

— А как насчет тех, кто находится уже под его влиянием? Им как-то помочь можно?

Михаил задумался, потом неохотно кивнул:

— Вообще-то это очень специфическое зелье. Особенно в том плане, как оно влияет на своих пациентов. Да и мало кто вообще может его сделать. С твоими силами, особенно с тем учетом, что в тебе течет до сих пор яд лича — ты сможешь его сделать. Вопрос только один, как ты собираешься разбираться, в ком именно сейчас часть души некроманта?

— Часть души?! — растерялась Лида.

— Ясно, этого ты еще не прочитала, да, барышня?

— А можно просто объяснить? Ну, в смысле... я могу пойти и почитать, но все же, может быть, ты мне так объяснишь? А я пока тесто поставлю.

— Сядь, барышня, сядь. Успокойся. Сейчас расскажу.

Лида кивнула, вернулась на место, задумчиво глядя на Михаила. Он уже успокоился,

больше не пугал мантией душной силы, топорщившейся вокруг мириадами колких игл.

— Значит, часть души, — напомнила она, о чем идет речь.

— Некромант может влиять на других людей несколькими способами. Очарование — банальный гипноз, некромант внедряет в жертву какую-то установку или мысль, тратится сил немного, работает хорошо. Ты этим сможешь пользоваться.

— Мне-то это зачем?!

— Банально, нужно пройти — не пускают, внушила, что ты — это «начальник», спокойно прошла и вышла. Очарование развеивается за пару часов, не наносит ни психике, ни телу, никакого вреда. Следующий пункт — подселение, подселенец. Это влияние на мир физический, на живых людей, через астральное тело. Это тоже тебе будет доступно. Некромант сам заселяется в тело, осторожно поправляя мысли, чувства, поступки жертвы.

— Соответственно, тело самого некроманта в этот момент остается беззащитным, — пробормотала Лида. — И влиять некромант на жертву может только в режиме «реального времени», здесь и сейчас.

— Совершенно верно, — кивнул одобрительно Михаил. — Здесь и сейчас, и никак иначе. Следующий уровень, расщепление. Тебе это никогда не будет доступно.

— Уже легче, — улыбнулась девушка открыто.

Мельник хмыкнул:

— Барышня, барышня, а вдруг понравилось бы? Быть темной владычицей?

— Да, ну. Что в этом хорошего?!

— Кто знает.

— Бррр! Не говори таких страшных вещей, лучше не останавливайся! Расщепление — это?

— Некромант разделяет свою душу на несколько кусочков... Спасибо, Тимофей, — Мельник принял из рук домового громадную чашку с кофе и взглянул на Лиду. — Часть души — подселается в жертву, таким образом некромант сам в своем теле, но получает неограниченное влияние на того, в ком часть его души. Подобное, как ты понимаешь, наносит чудовищный вред и психике, и телу. Причем, обоим: и некроманту, и жертве.

— То есть прибегают к этому в самых крайних случаях. Но если я правильно поняла, из тех документов, что мне передал Саня, то наш некромант тем и отличается, что очень легко расщепляет душу и отправляет ее, куда ему больше всего захочется.

— Точно, — кивнул Мельник. — И это неправильно.

— В то же время — это очень опасный сигнал... Понять бы, на что еще он Марата зацепил. Может быть, удалось бы выяснить что-то полезное.

— В это не стоит верить... — Михаил замолчал.

Лида покачала головой, перебивая его:

— Миш, насколько я успела убедиться, Гусар — не лжец. Да, он некромант, но всюду и всегда он продолжает пользоваться самым простым принципом — говори правду, просто подавай ее под разными углами. Это выгоднее.

— Не очень понимаю...

— Понимаешь, он писал мне письма. Естественно, он не говорил ни слова про мир полуночный. Да и была еще одна особенность. Почти все письма... Я просто была уверена в том, что все эти письма, ну, в большей своей части, были написаны разными людьми! А теперь, если посмотреть на это под другим углом, то становится понятно, что он не врал. Да, адаптировал происходящее, переадресовывал задачу другим, но главное эти письма должны

были сделать. Я должна была переживать, волноваться, и постоянно думать о нем.

— Неужели он использовал разделение даже для этого?

— Возможно. Потому что были в письмах только его фразочки, которые не позволяли мне думать, что к этим письмам сам Лешка не имеет никакого отношения. Я попросила ребят из его команды написать, хотя бы кратко, где именно они были, на заданиях, все, что вспомнят. Хочу сравнить с его письмами.

— Зачем, барышня. Проверить его искренность?

— Проанализировать его личность. Посмотреть, на чем именно он делает акцент. На каких вопросах. Что именно, по его мнению, должно было вызвать во мне сочувствие, интерес. Как говорит Димка, на какой именно крючок он пытался меня посадить.

Михаил медленно кивнул:

— То есть ты полагаешь, что то, что он говорил Марату, было — правдой?

— Да. Безусловно, очень избирательной, поданной под таким углом, под каким удобно именно ему. Но это не меняет главного — в этом осколке может быть что-то важное.

Задумчиво кивнув, Мельник поднялся:

— Тогда пойдем, барышня. Начнем сегодняшнюю ночь с лаборатории и зелья, а потом поговорим с Маратом.

— Всегда мечтала! — наигранно всплеснула Лида руками, потом засмеялась. — Что мы будем делать?

— Одно из некромагических зелий, найти которые можно только в гримуарах очень светлых бабок ежек.

— А такое бывает?!

— В полуночном мире еще и не такое можно встретить, — вздохнул Мельник, определенно о чем-то сожалея.

— Миша?

— Не обращай внимания, барышня. Просто зелье это...

— Не слишком аппетитное? — улыбнулась Лида. — Или нет?

— Нет, — не поддержал шутливого тона Мельник. — Совсем нет, барышня.

— Тогда, может быть, ты мне просто все расскажешь? — уточнила девушка. — А то только запугиваешь, а я ничего не понимаю!

— Извини, — Михаил открыл тяжелый люк, пропуская свою напарницу вниз. — Что ты вообще помнишь про зелья?

Лида задумалась, вопрос был очень сложный, по сути своей. Что она о зельях помнит? Да настолько мало, что можно сказать: «ничего вообще»!

Нет, конечно, не все было так плохо, были проблески. Например, она помнила, как варила зелье с бабушкой. И...

Прошлое поманило запахом луговых трав, колкими травинками под босыми ногами, звенящим смехом и спокойным взглядом принца-медведя. И Лида добровольно, отдавая себе отчет в происходящем, сделала шаг назад.

...Трава была ярко-ярко золотой, среди разноцветных макушек огромного клевера запутались неожиданно блеклые цветочки.

Принц-медведь был позади, на эту странную поляну на Границе он заходить не стал. Маленькая девочка бежала по лугу, возмущенно подпрыгивая, когда колкие травинки щекотали босые ноги.

Повернувшись назад, она воззрилась на Михаила:

— А ты?

— Я не пойду, егоза, — мужчина едва уловимо покачал головой. — Тем, в ком есть хоть капля границы, не место на этой поляне. Только светлые душой и телом, и силой — такие как ты, могут быть там.

— Ясно! — девочка, гордая оказанным ей доверием, серьезно качнула головой. Венок из лугового клевера, совершенно обычного, чуть не свалился и пришлось спешно его ловить. — Значит, мне нужно ровно пятнадцать вот этих блеклых цветочков?

— Да. Это полуночная белладонна. Она и в нашем мире не слишком яркая, а здесь совсем бледная.

Присев на корточки, Лида тронула пальцем светлые-светлые, практически до прозрачности, кончики лепестков. Белладонна походила на колокольчики, только раскрывшиеся. И была куда крупнее. И красивой тоже была. Вот только доброты в этих цветках не было.

— Это же яд?

— Верно, — принц-медведь, опирающийся спиной на огромный-огромный клен, кивнул. — Так оно и есть. Только яд в малых порциях — лекарство, поэтому тебе и срывать эти цветки. Тебе же и варить зелье.

— А ты меня научишь?

— Конечно, — едва уловимо улыбнулся Михаил. — Это несложно, да и тебе понравится.

Он не ошибся. Маленькой бабе яге понравилось. И огромная-огромная комната, и котлы, разной формы и из разных металлов, и шкафы, в которых были баночки-скляночки, реторты и спиртовки, колбы и банки с ингредиентами. Ей понравились ножи и скальпели: костяные, деревянные, металлические.

И доски непонятные, и вообще весь этот мир, в котором каждое движение было исполнено тайного смысла.

— Общее исцеляющее зелье на белладонне очень редкое, — принц-медведь сидел за столом напротив, на девочку смотрел серьезно и одобрительно, но не вмешивался и не притрагивался ни к чему, что Лида делала. И это доверие заставляло малышку относиться к своей задаче еще аккуратнее, еще осторожнее и вдумчивее.

— Почему?

— Во-первых, полуночная белладонна редко цветет. Раз в несколько лет. Во-вторых, ее нужно собирать очень осторожно. Взрослые люди — тяжелые, они не могут, как ты, пробежать по полю так, что не шелохнется ни одна травинка. В-третьих, нужно обладать светлыми силами. А это сейчас редкость. Наконец, это зелье очень сложно сварить.

— Разве? — озадачилась малышка, посмотрев на котлы. — Ой! А почему их так много?!

Вокруг стола, где она сидела с корешками имбиря, стояли семнадцать котлов.

— Это все для зелья, — кивнул Михаил. — Но ты справишься, к тому же, там где будет можно, я буду тебе помогать.

— А у меня точно получится?

— У тебя? — принц-медведь улыбнулся, а у Лиды возникло ощущение, что он положил тяжелую ладонь ей на макушку и погладил. — Вот как раз у тебя, солнечная малышка, получится вне всяких сомнений!

...Опершись ладонью на стену, Лида повернулась к Михаилу:

— Помню. Ты объяснял мне тогда, какие зелья бывают, чем друг от друга отличаются,

почему, от чего зависит, как изменить это можно, а что менять нельзя. Какая классификация бывает. В общем, проводил краткий курс молодого алхимика.

Мужчина взглянул на стоящую перед ним девушку:

— Такое было?

— Да. Мы тогда зелье из полуночной белладонны варили. Семнадцать котлов! И чтобы меня развлечь, ты мне объяснял все и вся. В том числе и то, что бабушка объяснять мне не пожелала!

— Ну, и память у тебя, барышня, — порядком изумился Михаил. — Было такое, действительно.

— Вот! А я была в полутрансе тогда и все-все-все хорошо запомнила.

— Это радует. Тогда будет легче.

— Я надеюсь, сегодня такое количество котлов не понадобится?

— Нет, барышня. Давай-ка сама тогда сообрази. Сколько котлов понадобится, если будем некроманта из чужого тела выгонять, от чужого влияния жертву избавлять?

— Шесть, — на мгновение задумалась Лида, потом повернулась и снова двинулась вперед, к алхимической лаборатории. — Молоко. Вода ключевая. Вода морская. Вода мертвая. Настой на травах. И... выжимка. Дымная.

— Правильно, барышня. Правильно. Столько котлов нам и понадобится. Что из этого тебе делать придется?

— Настой на травах, и выжимку на дыме, — девушка повернулась, пошла спиной вперед, разглядывая Михаила. — Вот только состав трав даже навскидку подобрать не могу, ни туда, ни туда. Полагаю, мандрагора понадобится, корень василиска, волчья ягода, вороний глаз, крылья летучей мыши... А еще?

— Молоко мечника голубого.

— Это что?

— Гриб, в Америке растет и в Восточной Азии.

Лида растерянно хлопнула ресницами, прыснула.

— Грибное молочко? А сам гриб съедобный?

— Да. Если хочешь, можем побывать в Китае, там из него в ресторанах отличные блюда готовят.

— Никогда не бывала в Китае.

— Исправим, — кивнул размеренно Мельник. — Дальше продолжать?

— Да, буду познавать новое!

— Не раньше, чем научишься не падать!

Сердитый окрик чуть не запоздал. Под ноги метнулось что-то темное, ойкнув, Лида рухнула назад и оказалась в руках Мельника.

Даже опомниться не успела. Ни испугаться перед падением, ни дрогнуть, когда оказалась в руках Михаила.

И вообще, сколько можно было?! Взрослые люди, оба. Что она сама, что этот невозможный мужчина! Но почему же оказаться рядом с ним, так близко, рядом — можно только тогда, когда что-то случается? Почему нельзя быть ближе, когда этого действительно хочется?

— Барышня?

Лида, еще мгновение назад, прижавшаяся лбом к теплему плечу, отстранилась.

Наверное, в моменты слабости, она хотела, чтобы это все было сном. Нереальным,

волшебным, пусть и немного темным. А в реальности были обычные дни обычной участковой, а таких мужчин как Михаил не было. Потому что от них — настоящих, реальных, было только большее. Все время казалось, что достать до него не получится. Что догнать не выйдет, пойти рядом, доказать. Сделать так, чтобы он увидел, заметил, обнял.

Даже не защитил и помог, а просто... просто... Тяжело это было. Очень.

Никак не получалось все собрать воедино, посчитать так, как положено, соединить в картину нового мира, как-то понять, что устоявшееся уже мировоззрение неправильное, и там, где она считала, что есть стены и границы — на самом деле только огромное и неизведанное пространство.

— Ты побледнела, — тихо сказал Мельник над головой Лиды.

Вымучив из себя улыбку, девушка отступила:

— Спасибо. Не думала, что в коридоре мельницы может оказаться что-то под ногами.

— Это ты здесь в полночь полнолуния не ходила, — насмешливо отозвался мужчина.

Отпустить Лиду ему было невероятно тяжело, но было нужно. В который раз повторив себе, что настоящее — это не прошлое, в настоящем нужно жить, соблюдая новые правила и законы, Михаил сам себе же поверить не смог.

Не хотелось ему: ни новых законов, ни новых правил, — ничего. Вот только ее одну — бледную, но не сломленную. Столько всего на долю выпало, любой другой уже с собой бы покончил, а она и думает, и другим помогает, и еще смеется.

Сильная. Гордая. Смелая.

— Барышня...

— Миш!

Они заговорили одновременно, уставились друг на друга и рассмеялись. Какое-то странное неприятное напряжение, которое витало в воздухе вот уже несколько дней, треснуло и распалось. Им снова было легко друг с другом и спокойно.

— Разберемся сначала с зельем! И ты не закончил список, — сообщила Лида со смехом.

— Действительно, как я мог! Итак, нам понадобится еще сухая горчица.

— В живую воду!

— Верно. Затем, несколько куриных лапок.

— Обязательно черной курицы? — невинно предположила девушка.

Михаил не выдержал, улыбнулся:

— Барышня, у тебя хорошее настроение?

— Замечательное, можно сказать!

— Отлично. Тогда сохраняй его до самого конца. Завтра после твоей работы поедem в магазин.

— Такое ощущение, что это все, конец мира.

— Женщина в магазине?! — мужчина чуть заметно покачал головой. — Барышня, я в магазине был... с родственницами, но каждый раз — это настоящее испытание.

— Для кошелька?

— Нет. Для нервов. И напрасная трата времени.

Прищурившись, Лида показала кончик языка и пообещала:

— Вот увидишь, завтра я заставлю тебя передумать!

Михаил хмыкнул и кивнул:

— Я буду ждать, барышня.

Влада Сергеевна перелистнув последнюю страницу отчета, сняла очки, покрутила за тонкие дужки и отложила в сторону, потирая уставшие воспаленные глаза.

Сколько она уже в кабинете сидит, перелистывая эти бесконечные бумаги из архива? Уже так долго. А еще нужно сделать очень важное дело, которое личное, и которое не поручишь адъютантам и помощникам. Баба яга северо-западного округа собиралась найти ту старуху, что посмела покуситься на ее внука и внучку и зарыть ее в землю.

С головой. Можно даже заживо.

Уж что-что, а у старшей Скворцовой характер был недобрый, тяжелый. Не зря ее боялись ее подчиненные. На расправу генерал-лейтенант скорой не была, выясняла все-все-все о случившемся, своих защищала до последнего. Но если уж подчиненный виноват был, то проще было добровольно мылить веревку.

— Влада Сергеевна, — симпатичная молоденькая девушка, остановившаяся на пороге, посмотрела на начальницу с тоской. — Уже шесть утра.

— Ты что здесь делаешь в такую рань, Марина?! — удивилась баба яга, открывая верхний ящик и решительным движением смахивая туда все туда. — Да еще и... в выходной день.

— За вами не присмотри, вы тут на все выходные останетесь.

— Не надо так говорить. Я уже почти в отпуске.

— Домашние проблемы? — мудро улыбнулась девушка.

— Возможно. А ты... почему пришла?

— Предупредить, Влада Сергеевна. Я же тоже уйду в отпуск. И не я одна. За последние три дня свой пост покинули в полном составе ребята из отряда Гусара.

Баба яга, уже начавшая подниматься с места, села обратно. Лицо женщины немного посерело, потом она тихо спросила:

— Ты уверена?

— Да, — кивнула Марина. — Я вам более того скажу, Влада Сергеевна. Из них части покинули по своему желанию, а вот еще части — помогли такое желание принять. Поэтому, — из-под стола показался аккуратный дипломат, который девушка переложила на стол. Из-под приоткрытой крышки показались списки, в которых предстояло поставить прочерки или обвести их кружками. — Не знаю, что вы планировали сделать, но, боюсь, у вас это не получится. У нас с вами занятие будет куда более важное. Найти их всех. И убедиться, что мы можем вернуть их в строй.

— Не получится, Мариночка. Подселение части души некроманта не имеет никаких внешних проявлений. Можно годами жить рядом с таким человеком и никогда ничего не понять.

— Ну, и ладно. Зачем нам понимать? — девушка мило улыбнулась.

Влада Сергеевна, глядя в чистое светлое лицо, только головой покачала.

«Какая милая», «очаровашка», «откуда только такие берутся?», «Мариночка, вот билет», «Мариночка, как насчет чашечки кофе?»

И никому, ни одному из поклонников этого светлого ангела не пришло в голову, что не попадают такие на работу к генералам-лейтенантам. Что или она просто с кем-то спит, или она действительно что-то представляет из себя. Она и представляла. Не человек, полукровка

из полуночного мира. Из-за травмы военная карьера окончилась, не успев начаться, а к мельнику гордая Марина не пошла. Были свои причины.

— У меня есть это, — рядом с отодвинутым дипломатом лег маленький чемоданчик. На краю была бирка: «Внимание, RHS-23, применять только в случае опасности для всего личного состава!» Внутри был ряд совершенно одинаковых шприцев, с уже готовым содержимым.

— Ринго.

— Она, — кивнула Марина с улыбкой. — Ее «подарочек». А вообще, Влада Сергеевна, вы все знаете, вы умная и знающая! Как она это создала?

Назвать содержимое дипломата другим словом, кроме как «это», было, если честно и невозможно. Нейтрализатор на крови некроманта и ангела.

— Порой гениальные вещи создаются под влиянием момента, ну, или по глупости.

— Почему у меня такое ощущение, что в этот раз речь идет о глупости?!

— Потому что так оно и есть, — баба яга северо-западного округа поднялась со стула, подошла к шкафу и вытащила оттуда вначале бронежилет, а вслед за ним короткий одноручный меч и связку амулетов, — они просто поспорили.

— Они?

— Да. Они. Ты знаешь, что у нас главный специалист по боевой алхимии — Марат?

— Да.

— Вот когда они учились, Марат, в качестве наказания, оказался в качестве преподавателя в конце года... на полуночных курсах, назовем это так. Ринго в тот год была выпускницей, а он принимал экзамены. Марата ты знаешь.

Марина кивнула, засмеялась:

— Ринго, впрочем, я знаю тоже. Чем закончилось дело?

— Она сдала экзамен на отлично, его этот результат не устроил, он ее оскорбил, можно сказать, на ровном месте. Сама Ринго отнеслась бы к этому спокойно, но... слово за слово, она все-таки обиделась. Марат от души ляпнул, что такая косоручка, как она, и за три года не сделает что-то действительно достойное. Через полтора года на его рабочий адрес пришел дипломат. Как раз вот этот, и записка от Ринго.

— И как отреагировал Марат?

— Никто не знает. Говорят, после этого правая рука главы полуночного спецназа еще больше возненавидел тихую девчонку, а она старалась любыми правдами и неправдами обойтись без встречи с ним.

— Но она все же создала нейтрализатор и прислала его.

— Да. Поэтому и говорят, что пятая в списке сильнейших экстрасенсов воспринимает мир немного не так, как остальные. Есть в ней что-то нечеловеческое, то, что выходит за рамки обычного представления.

— А она вообще человек?!

— А этого, Марина, лучше не спрашивать. Но я поняла твою идею. Жаль, что придется отложить дело, которое я собиралась, но отдавать некроманту вот так весь отряд... Мы никак не можем этого позволить. Вот только... — Влада Сергеевна бросила взгляд на телефон. Из-за этого события, из-за этого происшествия, она не могла помочь внучке.

Тоже...

Количество союзников у Лиды уменьшалось просто на глазах...

...Вздвигнув, Лида обернулась.

— Барышня?

— Показалось, что услышала бабушку, — пробормотала девушка, нервно взглянув на Михаила. — Но... она же далеко...

— Кровная связь, барышня, — ничуть не удивился Мельник. — Еще и не такое бывает.

— И не такое?

— Например, ты же знаешь, что... Александр, опер из города, жених русалки?

— Знаю, — кивнула Лида.

— Несмотря на то, что он чистокровный человек, а она не менее чистокровная полуночница, у них нет общей магии, общей крови, общего рода — они все равно могут общаться мысленно.

— А мы с тобой можем? — тут же спросила девушка.

Мельник, упаковывающий маленькие бутылочки с зельями в корзину, даже споткнулся и застыл.

— Барышня? С чего вдруг тебя такое интересует?

— Извини, извини, — спохватилась Лида. — Я просто спросила!

Мужчина, почему-то насторожившийся, успокоился, взяв себя в руки.

— Конечно, можем. Требуется пройти небольшой обряд, но это возможно. Просто думаю, что это не самое разумное... в текущих обстоятельствах.

— Обряд требует невозможного? — догадалась девушка.

Михаил кивнул:

— Для мысленного общения необходимо разделить... много чего разделить.

— Как там в сказках? Кровь, плоть, кров?

— Ну, плоть делить не нужно, чай не каннибалы, барышня! А вот кровь и постель — нужно.

На этот раз, уже сама Лида не нашлась со словами. В конце концов, они делили уже один дом, вместе ели, вместе спали, на одной кровати. Вот только... дальше того поцелуя дело не зашло и, наверное, это было к лучшему. Несмотря на то, что уже сейчас Лида могла признать очевидное... (действительно, ну, сколько можно же уже было бегать от себя?!), все же сказать об этом кому бы то ни было, она не смогла бы.

Особенно Мельнику.

Сложно было в таких условиях разобраться с самой собой. Понять, что делать, понять, чего хочется!

Чего хочется не только ей, но и Михаилу тоже.

— Барышня? — спросил негромко Мельник, — что случилось?

— Ничего.

— Ты бледна. Может быть, останешься на мельнице?

— Нет уж! — возмутилась Лида. — Одна я оставаться не хочу. В конце концов, мне тоже хочется принять участие... в чем бы то ни было.

— В неприятностях, назовем вещи своими именами, — едва заметно улыбнулся Михаил.

И хоть «неприятности» — это было очень громко сказано, но приятного в предстоящем деле было мало. Нужно было осторожно проникнуть в два разных места. Вначале в больницу, где был Саня, а затем в тюрьму, где был Марат.

Лида, как не старался Мельник переубедить ее, продолжала считать, что в случившемся есть немалая доля ее вины. Никакие разумные слова до нее не доходили, и мужчина просто

решил, что проще будет сделать то, что она хочет.

— Как мы доедем до города? — поинтересовалась Лида.

— С ветерком, — чуть заметно улыбнулся Михаил. — И только так. Собирайся, барышня. И, да. Никакого выхода из дома без доспехов...

— Доспехи?! Никаких доспехов! У меня есть бронежилет.

— Тогда надевай свой бронежилет, барышня. Нас ждет поездка. Боюсь, с последствиями.

— Почему? — удивилась девушка, потом вздохнула, когда Михаил чуть потянул ее на себя, что-то надев на шею.

Так хотелось остаться рядом, вот так... В его руках, ни о чем не думая. Закрывать глаза, слушать его спокойное дыхание, быть рядом, до конца веков.

— Барышня?

— Да? — Лида опустила глаза, разглядывая обновленный защитный медальон. — Когда ты успел его сделать?

— Оставил настой от изготовления в бочке, так что он там поварился ночь... На некоторое время этого хватит, потом новый медальон сделаю. Ему настаиваться долго.

Лида кивнула, повернулась, улыбнулась:

— Спасибо!

Михаил едва заметно улыбнулся в ответ:

— Иди собирайся, барышня. Ночь будет долгой.

Слова оказались пророческим, о чем, правда, ни сам Миша, ни Лида в тот момент не знали и даже не догадывались. Может быть, если бы знали, остались на мельнице? Кто знает...

...Здание больницы для полуночного отдела было очень-очень маленьким и, собственно, на больницу не походило. Скорее, это было похоже на маленький домик, расположенный где-нибудь в деревушке, где жизнь едва теплится, выступающий по совместительству фельдшерским пунктом.

Ночь была холодной, и Лида, зябко кутаясь в теплый пуховик, подумала мимолетно о том, что нужно будет утепляться в самом скором времени.

Доехали они с ветерком на обычной человеческой машине. Вот только кто бы мог подумать, что у могущественного Мельника будет такой огромный монстр, на котором можно пересечь заодно пустыню и Арктику, покататься на льду и пересечь реку. Нечто такое...

— Уникальный заказ, — пояснил Михаил, усаживаясь за руль и погладив приборную панель своего монстра ласково-ласково.

Настолько, что после того, как в голову стукнуло «даже у этого мужчины есть такие игрушки?!», Лида ощутила обидное чувство ревности. Ревновать к машине... Хуже быть не могло.

— А почему я ее не видела раньше?

— В ремонте была.

— На этом... красавце, — заменила она в последний момент слово, так и просящееся на язык, — можно попасть в аварию?

— Когда это подстроено — безусловно. А уж когда пытаются убить, даже более чем.

— Пытаются... убить?

— Барышня, — Мельник взглянул с легким укором. — Успокойся, пожалуйста. Да,

пытаются. Мельники — это такая категория, которая очень многим стоит поперек горла. Так что и желающие подвинуть этих «монстров» с их места всегда находятся. Да, что там мельников, даже баба яга не всегда может спокойно прожить. Бабушка твоя на военную стезю думаешь сама пошла, потому что всегда о такой жизни мечтала? Совсем нет, чтобы слава впереди нее бежала, и дураки, которых везде много, держались от нее подальше.

— Чем больше узнаю этот мир, тем больше мне от него держаться подальше хочется.

— Разумное желание, барышня, только неосуществимое.

С этим пришлось согласиться.

Дальнейший путь прошел в разговорах ни о чем. А потом Михаил свернул с нормальной дороги на какую-то проселочную колею, в конце которой и был этот маленький домик.

На территории не было света. Не было нигде видно людей. Маленький домик, в темноте не было видно его цвета, словно бы спал. Только в этом сне виделась Лиде какая-то угроза.

— Барышня, — Михаил, первым вышедший из машины, взглянул на Лиду. — Вернулась бы ты в машину.

— Что-то не так?

— Можно и так сказать, а можно так и не говорить. Раз не получилось Александра использовать так, как собирался некромант изначально, кажется, он воспользовался им, чтобы ловушку подготовить.

— Нас ждут?

— Нас уже дождались, — поправил Михаил ее мягко.

— Но я здесь... — Лида замолчала. «Никого не ощущаю», это она хотела добавить? Но ведь ее силы были с ней. И заклинаний в ней было масса. Вот только пользоваться ничем она не то, что не могла, боялась. Некромант должен быть тоже здесь... Стоит ли выдавать ему ее способности? Да, дар то вернулся, он это и сам хорошо знал. Но вот что именно он знал точно?

— Барышня, — Михаил, открыв багажник своего автомобиля, вытащил оттуда ружье, повесил на плечо. Достал патронташ. — Ты бы не стояла так.

— Подстрелить попробуют? — пробормотала Лида. Рядом никого не было. Живых не было! Вот почему сила бабы яги молчала, а сила некроманта? Как ей пользоваться то? — Некому стрелять.

— Ощущаешь что-то?

— Лап много, — вскинула девушка к подошедшему Мельнику шальные глаза. Зеленая дымка окрасила болотной тиной серые сонные глаза. Смотреть на окружающий мир вот так было сложно, но почему-то получалось. И в этом видении было хорошо видно, что гостей здесь всего лишь — семеро. Четыре — размером с волка, двое размером с теленка. Седьмой был какой-то странный, как Лида не присматривалась, понять, что это или кто — она не смогла. — Волки? Кто-то побольше, а кто-то вообще непонятный, — наконец, отчиталась она. — И они мертвые. В смысле...

— Этот парень! — в голосе Мельника прозвучало что-то очень похожее на восхищение с удивлением. — Он поднял тварей с границы!

— Тварей?

— На границе обитает разное барышня, не звери, не монстры — просто «твари». Никто не изучал границу, никто не пытался понять, откуда там взялось то, что там... есть. Почему там такие растения, такие создания ее населяют. Это отражение? Это прослойка? Мы просто заучиваем наизусть то, что там живет и стараемся держаться подальше, в основной своей

массе. Некроманты стараются держаться от обитателей границы подальше. Потому что они своевольные, подчинить их сложно, порой невозможно. Не раз бывало, что некромант слишком высокого о себе мнения отправлялся на границу, поднимал мертвую тварь и становился ее жертвой.

Лида распахнула глаза, Мельник кивнул:

— Видимо, за некромантом нужен глаз да глаз. Дойдет до тебя, дотянется — беда будет.

— Миш...

— Он могущественный. Некроманты в последнее время, барышня, тоже слабее становились. Как и все, кто связан с полуночным миром. То, что есть такой сильный... заставляет задуматься, где и что меняется.

— Надо выяснить? — предположила Лида.

Михаил едва заметно покачал головой:

— Нет, барышня. Полуночный мир очень не любит, когда его начинают исследовать и изучать, когда пытаются его разложить по полочкам, указать на то, каким он должен быть, какой он есть. Исследователи умирали, зачастую очень страшной смертью.

— Мир не любит?

— Да. Не скажу, что он «живой», у него нет самосознания, но при этом свои желания у него есть. И есть свои правила, по которым приходится играть вне зависимости от собственных «хочу». Дробовик можешь не доставать, барышня, не поможет. Хорош стервец! Ай, да, некромант.

— Ты зна... — девушка подавилась воздухом.

Встречающие их в засаде твари вышли к прибывшим. Искать живых здесь, кажется, было бесполезно. Морды, лапы, холки — эти твари были перепачканы кровью так щедро, что еще немного и показалось бы, что они в этой крови искупались!

— Миш, здесь живые есть?

— Как ни странно, да, — кивнул Михаил размеренно, выходя из машины.

Повернувшись к нему, Лида ойкнула. В руках огромного Мельника был топор. Огромный топор, который весил, судя по виду, не меньше чем сама девушка! Хотя нет, поменьше, но выглядел все же устрашающе.

Впрочем, те твари, что мягкой, почти кошачьей поступью двигались к ним, выглядели ничуть не лучше. Такие мягкие, осторожные, плавные. Слишком страшные, чтобы можно было утратить бдительность.

Те, кого Лида классифицировала как «волки», действительно волками и были. Если допустить, что волки могут быть покрыты с ног до головы костяными наростами. Наросты отходили объемными браслетами от лап, были гребнем острейших частоколов вдоль позвоночника, на шее при этом было тоже что-то вроде строгого ошейника — шипами вниз.

Волки были крупными, когда-то были белыми. С подпалинами по бокам...

И некромант их не убивал! Они по границе разгуливали в таком виде...

Отступив на шаг, Лида оступилась, и Мельник поддержал ее под локоть.

— Он же их подчинил! Не волков, а... костяные наросты...

— Да, барышня. А уже потом костяные наросты подчинили себе волков.

— А те кто?

Вторые «гости» выглядели... в общем-то, было сложно их даже описать. С размером Лида почти угадала. Размером «это» было не просто с телят, а скорее и честнее — сразу с быка. Огромные, здоровые, опасные... и их было очень сложно трактовать в рамках какого-

то земного вида.

С одной стороны, они были похожи на медведей, но у медведей лап все же четыре, а не шесть и нет рогов. С другой стороны, у этих порождений границы заканчивались лапы когтями, не три, не пять, а около пары десятков. К тому же из-за того, что был длинный хвост, «это» еще и напоминало чем-то ящериц.

Правда, один раз приснится, уже не проснешься. Умрешь от страха еще во сне!

— Шестилапы, — пояснил Мельник, отступая и плавно утягивая Лиду за собой. — Очень неприятный обитатель границ.

— Оно было живым?

— Да. Судя по потрепанному внешнему виду, скончались шестилапы давненько, так что Гусар их не убивал. Просто нашел трупы.

— Это хорошо?

— Для нас, да. Больше шансов справиться с этим.

— Почему?

— Чтобы поднять готовое тело с полной моторной памятью, — Михаил отступил еще на шаг, и Лиде пришлось тоже смещаться, внимательно слушая. — Нужно убивать жертву самостоятельно, а потом не давать душе покинуть тело. В том случае, когда некромант находит тело, в котором души в нем уже нет, ему приходится подселять что-то чужеродное. Например, душу крысы, лошади, пса, волка. Кого угодно.

— А душу, что, поймать можно?!

— Барышня, можно. Было бы желание, а могущества с головой хватит. Особенно некроманту.

— У меня наоборот получится? Вытащить душу?

— Возможно, барышня, — согласился задумчиво Михаил. — Надо только понять, как лучше к этому подступиться... К тому же, для этого нужно разобраться... сначала с полуночными волками, а уже потом пытаться вырвать шестилапов из-под контроля некроманта.

— Если не получится, — Лида сглотнула, сделала еще шаг назад. — Мы сможем их убить?

— Шансы у нас есть, барышня. В любом случае, но не назвать их высокими...

— Чем так опасны шестилапы? Да и эти полуночные волки... — начала недоуменно девушка.

Вот только ответ она получила спустя буквально пару секунд и не от Михаила! Волк, одним махом перепрыгнув через своих напарников, ударил лапой... ощущение было такое, что на тело приземлился стенобитный шар!

По крайней мере, когда Лида смогла облечь свои ощущения в слова, это были именно такие ощущения. И именно такая запредельная боль.

— Им что, плевать на защиту границы?!

— Подобное можно убить подобным, — туманно ответил Мельник.

— Если ты думаешь, что это мне что-то объяснило, ты невероятно ошибаешься! — от души огрызнулась Лида. — Я еще не настолько вспомнила и осознала мир полуночный, чтобы понимать оговорки и уклонения от прямого ответа. Так что объяснений мне! Пояснений!

— Хорошо, хорошо, барышня. Только не сердись.

Несмотря на то, что ситуация была не только достаточно серьезной, но еще и

неприятной, глядя на лицо Лиды, не улыбаться не получалось. Возмущенная, взъерошенная, боевой воробей! Хотя, нет, скорее уж, жар-птица. Яркая, обжигающая, редкая. Тронешь сам неосторожно и сгоришь. Нет защиты от ее жара, нигде нет, ни у кого нет. Ни зелья от такого не помогают, ни артефакты, ни амулеты. Она уже почти сожгла протянутую руку Мельника, еще немного и от него самого ничего не останется...

— Подобное можно убить подобным, но относится это, барышня, совсем не к ним, а ко мне.

— К тебе?!

— Да. Убить мельника можно и самостоятельно, а если силенок своих не хватает, нужно тварей с границы привести. У них получится, если их супротив мельника развернуть. Мы ведь не только стражи и хранители границы, барышня, определенным образом мы ее баланс соблюдаем. Порой реальность внутри границы перестраивается. Животных, которые границе принадлежат, мы не всегда можем отстреливать. Например, вот этих волоков — я и тронуть не могу. Они на моем участке такие единственные, да и не только на моем. В мире людей таких животных краснокнижными называют. Вот, буде нападут они, я бежать должен, а не защищаться. А если нападут на них — их защищать.

— А если убьют их в твое отсутствие?! — задала Лида разумный вопрос, отступая еще немного.

Волк, который ее ударил, то озадаченно смотрел на собственную лапу, то начинал тереть лапу об лапу, словно надеясь получить какой-то результат, который до этого не получил. И волки, которые с ним были, тоже атаковать не спешили.

— Убийцу и всю его семью в убитых превращу я, барышня.

Девушка вздрогнула всем телом и рассталась с мыслью, что все пройдет легко и без затей. Судя по тому, куда направлялась вся эта история — впереди были грандиозные проблемы.

— Хорошо, ну, а нам что в этом случае делать?!

— Придется отступить, барышня.

— И это поможет?

— Смотря куда отступить будем, — усмехнулся Мельник.

Деревья вокруг Лиды вдруг оцетинились острым частоколом, угрожающе топорщась в сторону напружинившихся волков. И ни один не прыгнул! А мужчина оказался рядом. Просто-напросто оказался здесь, внутри этого частокола. Сам по себе. Потому что он не шел! Просто само пространство будто бы извернулось, чтобы до него дотянуться и вернуть к Лиде.

— Это...

— Шутки границы, барышня. А теперь давай руку и ничего не бойся.

Мужчина вначале помог подняться своей спутнице. А потом мир вокруг потонул в мареве, коричнево-зеленом: словно переплетения ветвей и стволов многовековых деревьев, покрытых гирляндами лишайников и развесистых кустов мха.

А попробовав присмотреться, Лида обнаружила, что ничего у нее не получается! Вот никак, взгляд скользил, а потом тонул в этом мареве, утягивая и ее за собой. И тут же на глаза девушки легла широкая мозолистая ладонь, не давая смотреть, не давая рассматривать.

— Вот так граница и забирает души южных и неосторожных красавиц, — немного насмешливо сообщил над ухом Лиды Мельник.

По спине пробежали мурашки, стало зябко, совсем немного, но страшно. Хотелось

одновременно и кинуться прочь, и прижаться сильнее, теснее.

Двойственность собственных желаний немного сводила с ума, как и то, что этот невозможный мужчина до сих пор оставался очень-очень далеко. А разве хотелось ближе?

— Барышня?

— Ты слишком неосторожен, — заметила Лида. — И я тебе за это отомщу!

— Буду ждать, барышня!

Вне всяких сомнений, Мельник смеялся! Не насмешливо, но добродушно и ласково подсмеивался.

«Ну, разве можно так делать?! — задалась Лида сердитым вопросом. — Вот разве можно быть таким? Чудесным, недостижимым? И не то, чтобы хотелось быть ближе, хотя... кого я обманываю? Обманываю ли?!»

Раздрай мысленный прервался очень буднично и спокойно. В лицо пахло дымом костра! Осенним пряным запахом, а потом все пропало.

Было только какое-то не очень приятное ощущение погружения в болото.

Они опускались все дальше, все ниже, погружались все глубже! Из поверхностного слоя границы туда, где сила некроманта могла ослабеть.

— Не стоит задумываться о пустяках, барышня. Я не дам тебя в обиду, ни в коем случае. Так что ничего не бойся, — словно подслушал Мельник гнетущие мысли девушки.

— А ты сам?

— А моя сила, барышня, зависит от того, как глубоко мы находимся. Чем мы ниже, тем лучше для мельника.

— Я думаю, Лешка учел это?

— Именно, барышня, на это и весь расчет.

Недоуменно вслушавшись в слова, Лида решила просто подождать. В конце концов, определенно Михаил знал, что делать. И только когда под ноги ударила сухая каменистая земля и болезненно подогнулись колени, Лида осознала, что их обоих провели!

Некромант с помощью чего-то мог манипулировать поверхностным слоем границы, достаточно вспомнить тот раз, когда он отправил Лиду на границу! Прямо из сна выдернул.

Но ведь баба-яга была гораздо, гораздо ниже! И это был как раз не артефакт, а ее личная способность. Особенно если судить по тому, что вокруг, куда ни кинь взгляд, сейчас простиралась каменистая пустыня, а напротив Лиды, опираясь на сучковатую клюку, стояла та, о ком участковая совершенно забыла, посчитав, что силы так быстро восстановить нельзя!

Как выяснилось, можно было, очень даже! Девушка отчетливо ощущала, что сила в бабе яге напротив бушевала невероятным потоком, перекатывалась, не в силах покинуть тело, и подавляла. Сил там было куда больше, чем у самой Лиды! И обещало это грандиозные неприятности.

— Ну, здравствуй, дочка, — старушка, как сильно только она сдала за последнее время, смотрела измученно, опиралась на клюку бессильно, но в словах звенела натянутой струной сталь. — Я ведь и не чаяла, не гадала, что все так повернется. Чай мы с тобой не враги, а стоим вот тут... супротив друг друга. Притворяться не буду, знавала я все, сама участвовала. Все сама.

— Марь Иванна... — пробормотала Лида опустошенно и затихла, не зная, что спросить и что сказать.

Укорять? Да какие укоры! Права она не имеет, ни спрашивать, ни укорять. Да и от этого

легче все равно не станет, от знания. А вот хуже и больше — очень даже может.

— Видишь, дочка, — баба яга кивнула сама себе. — Мы с тобой врагами стали.

— Было бы лучше, если бы вы на моих похоронах плакали? — вспыхнула Лида.

Прищур бабы яги пропал. Из-под тяжелых набрякших век на Лиду глянула бесконечная древность. Такая, до которой ей самой еще очень далеко.

— На твоих похоронах, дочка, я бы плакала горько и искренне. А потом и сама бы следом пошла. Убивший бабу ягу в срок между десятью и сорока днями сам идет следом. Вот только неважно мне это было, дочка, все во благо сына. Все... Я бы по счетам заплатила, я бы все сделала...

Из всей тирады Лида услышала только самое главное, что убивать бабу ягу ей самой нельзя!

Нужно было...

Стоп! Да неправда! Врет эта яга! Еще бабушка же говорила, что между баб ежками и раньше отношения не ладились, и выяснять они свои спорные вопросы ой как любили!

Нужны были только правильные слова и серп. Ритуальный серп бабы яги нужен. Если его нет — любой нож подойдет, только в таком случае у дуэли полуночной единственный исход возможен будет. До смерти. Одной из тех, что в круге стоит, что входит в него.

Других возможных нет и быть не могло вариантов.

Но убивать?!.. Принять такое решение, глядя в лицо бабы яги было очень сложно. Но выбора, по сути, не было! Лешка не успокоится, и саму Марью Ивановну из своих планов не уберет, пусть даже она и его мама. И Лида снова будет поставлена перед фактом, что сразиться с бабой ягой необходимо. Вот только скольких и кого девушка к этому моменту потеряет?

Браслет на предплечье раскололся, скользнул в руку простым ножом без изысков. И хоть многое в ритуальной магии было завязано на крови, в этот раз себя ранить было совсем не обязательно. Выпавший нож врезался в землю, став центром изменений.

Лида только равнодушно смотрела на то, как вокруг нее и Марьи Ивановны вспучивается плато, формируя природный, а от того только куда более мощный круг дуэли. Слова пришли на ум уже сами собой:

— За пролитую кровь младшего родича и за нанесенный ущерб жизни и здоровью, вызываю тебя на круг до смерти!

Формула была не полной, и если бы дело было на ритуальном круге, то могло бы стать, что круг и не замкнулся бы, не признавая право на месть, не признавая право дуэлянтов сражаться. Но здесь круг уже замкнулся, делая любые слова — всего лишь формальностью, напрасной, лишь данью словам, лишь данью прошлому.

— Да, дочка, именно так, — кивнула одобрительно Мария Ивановна. — Ты больше не светлая баба яга. И спрос на тебя большой будет. Потому ты сама себя защищать должна. Никто другой тебя защитит уже не сможет. Самой тебе беречься нужно. И от зла, и от добра. И от слов, и от поступков.

— Марь Ивановна, зачем вы мне это сейчас говорите? — удивилась от души Лида.

— Я знаю свои силы, дочка. Знаю, что могу сделать я, знаю, где мои силы закончатся. Знаю, что может сделать баба яга светлая, темная, нейтральная. А вот что можешь сделать ты — и не знаю. А значит, не могу тебя оценить правильно. Не смогу противопоставить тебе что-то достойное. Достаточно для победы. Так что, дочка, знаю я, кому не выйти из этого круга. Я вот лучше больше сил выиграю для сыночки.

— Да не мог он сюда прийти! Никак! — испугалась Лида, правда, не за себя больше, а за Михаила. Мельник — могущественен, безусловно, но если они так легко попались в ловушку, кто знает, что может ждать его самого там, в глубинных слоях границы?!

— А ему здесь и не нужно быть, совсем не нужно. Ему сейчас... — баба яга горестно вздохнула. — В другом месте бы быть, да только мой балбес и туда уже не успеет. Ничего-то эти дети сами сделать не могут!

И только сейчас Лида осознала, что происходит. Ее сила тонким ручейком убегала из тела, капля за каплей, уверенно и неотвратно.

Тело слабело, и еще немного, как с ужасом осознала Лида, даже захоти она что-то сделать, у нее ничего не получится! Ничего не сделать... ни атаковать магией, ни атаковать самой — да, она даже дробовик из браслета вызвать не сможет!

Промедление было подобно смерти, но Лида... считала, что есть то, что она просто обязана спросить. Есть еще то, что она просто обязана узнать!

— Марь Ивановна, скажите мне, пожалуйста, все совсем плохо? У него? Раз вам пришлось идти сюда, даже несмотря на то, что вы и восстановиться то не успели. В конце концов, в ваших жилах сейчас не ваша сила!

— Востроглазая ты, доченька. Только не к добру это. Тебе бы дома быть, на мельницу идти, под защитой быть. День и ночь. Цветком драгоценным, лелеяной. Да только вот стоишь ты... и на меня смотришь. Правильно, дочка, атаковать мне тебя не с руки. Мне наоборот бы постоять, немного, поговорить. Но не могу я ответить на этот вопрос. Чай, может, на другой получится?

Лида молча смотрела на бабу ягу. «Темная», «злая» умирала на ее глазах, сжигаемая собственным заклинанием.

— Верно, дочка, верно. Еще несколько минут, и все будет закончено. Можешь даже руки не пачкать. Еще успеешь замараться. Тебя... — Марь Иванна не договорила, закашлялась. Жизнь из нее, утекающая капля по капле, одновременно с силами из тела Лиды, ринулась из тела извергающимся потоком, отсчитывая драгоценные секунды.

А потом, случившееся было очень сложно описать, передать словами. Можно было только ощутить. Как девятым валом накатило на девушку безумная сила, подгрести под собой, растоптала, превратив лишь в комок нервов и боли, а потом схлынула, успокоилась, вернулась туда, куда ей было самое место, оставив Лиду совершенно задыхающейся, не в силах думать, не в силах вздохнуть, но при этом полной сил. Ее собственных сил! Словно и не оттягивало их заклинанием, словно и не было ничего, ни платы этого, ни Марь Ивановны. Хоть и стояла она напротив сейчас умирающей.

Возможно, Лешка подавился светлой составляющей силы Лиды. Возможно, кто-то помог ему подавиться еще чем-то, вот только, осознала Лида кое-что еще, пройдет мгновение, и Марья Ивановна поймет, что все было напрасно. Ее волшебство, ее ворожба, ее смерть, наконец. Конечно, сил Марье Ивановне могло и не хватить. Но кто знает, что она — старая и древняя карга могла сделать? Вряд ли что-то хорошее.

И гоня от себя мысли, что куда больше такой поступок походит на милосердие, хотя и очень на циничный лад, Лида собрала все, что у нее было — все эмоции, всю боль, обиду, разочарование, все чувства, связанные с Гусаром, и нанесла удар, воспользовавшись самым мощным заклинанием, что у нее только были. Ударом по кровной линии.

Тем, перед чем устоять было просто невозможно. Сразу и насмерть.

Они нанесли удар одновременно. Темная баба яга с мудрой улыбкой на лице и Лида.

Тело бабы яги поглотила каменная твердь, растаяли огромные валуны, заслонившие девушку от неминуемой смерти, а она сама рухнула на руки появившегося рядом Мельника...

— Барышня, барышня, — зазвучал его мягкий голос с тихим укором. — Ну, скажи мне, как так. Оставил тебя всего на минутку, а ты бабу ягу уже умертвила. А если я оставлю тебя на полчаса, ты что, и некроманта сама убьешь?

— Пропустил волхвов, — пробормотала Лида, поднимая руки, чтобы коснуться лица Михаила. Легко перехватив слабую ладонь, всего лишь мягкая ласка, Михаил коснулся ее губами и поставил Лиду нормально. И тут же крепко обнял, когда она начала заваливаться.

— Нет больше волхвов, барышня. Не могли некромант и его матушка вытащить их. Сокрыть от моего взгляда получилось, а вытащить — нет. Они думали, что я в их засаду ужою. Да только не им с мельником на границе в силе состязаться.

— Значит, их больше нет... — повторила пусто Лида.

— Совсем нет, барышня. Так что остались только некромант и его снежный зверь.

— Он нападет, Миш. В самое ближайшее время. Осталось... точнее, нет, у него уже совсем сил не осталось. Это была отчаянная попытка пожитьея мной. И она сорвалась... Возвращаемся? Надо помочь Сане и Макару. Зря мы что ли зелье варили?

— Барышня, барышня, куда же тебе возвращаться? Ты уже на ногах не стоишь. Я сам все сделаю. А тебя верну на мельницу. Когда проснешься, уже хорошие вести будут.

— Но! Как же... как же ты? — спросила Лида, отчаянно боясь разжать руки. Почему-то показалось, что вот сейчас — если она отпустит Мельника, беде быть. Той, которую не остановить, не отвести, от которой не спрятать...

— И я, барышня, с тобой рядом уже с утра буду. А теперь отпускай.

— Нет, нет, не могу! — и откуда только силы взялись, Лида изо всех сил обняла Мельника. — Воздух снегом пахнет. Времени не осталось. Он скоро будет рядом, совсем рядом.

— Барышня... — Мельник положил ладони на ладони девушки, пытаясь осторожно разжать ее объятия. — Что с тобой?

— Не знаю. Не хочу. Не могу. Нельзя... — бессвязная речь оборвалась на полуслове.

Лида сдернула амулет со своей шеи, накинула его на шею Михаила, коснулась губами деревянного овала и отступила.

— Да. Вот так будет правильно. Теперь можешь идти.

— Ты совершенно несносная девчонка, барышня!

— Ну, и что? — улыбнулась Лида от души. — Возвращай меня на мельницу.

И вновь у силы Мельника не было никаких внешних зрелищных проявлений. Он просто что-то сделал, а спустя мгновение вокруг Лиды была уже спальня. Она еще сделала три шага до кровати, рухнула и как в темную бочку провалилась, где все гулко, немного тепло и почему-то очень-очень тесно.

И прошло бы все самое интересное мимо нее, если бы не...

Стук в окно раздался уже перед рассветом, в час петуха, когда все зло слабеет и идет на спад. Поэтому тем удивительнее был гость.

Опираясь на подоконник, у окна с букетом белых роз был Гусар!

Лида, ощущая себя еще достаточно разбитой и усталой, толкнула створки и оперлась на подоконник ладонями. Голова была очень тяжелой, а вот тело легким-легким.

— Привет, Скворцова, — легкомысленно приветствовал ее Лешка. — Давненько не

виделись.

— Что ты... как ты... зачем?! Откуда?! Почему?! — вопросов было так много, что как Лида не старалась, у нее не получалось выбрать самый важный. Хотя, зачем вообще выбирать? Зачем...

— Рад видеть, что даже милашка-Скворцова может потерять дар речи. Добре пожаловать в мир астральных проекций! Здесь ты можешь многое, хотя и не слишком.

— Леш, не вешай мне лапшу на уши. Я сомневаюсь, что ты пришел бы просто так, без причины, чтобы со мной просто пообщаться.

— Конечно, Скворцова, общаться с тобой просто так я согласен только в кровати. Вот только одна проблема, детка. Я, конечно, собирался поиграть с твоим безвольным телом, а твой женишок взял и подстраховался, чтобы я к мельнице и руку протянуть не смог. Вот поговорить с тобой могу и только, сплошное разочарование.

Лешка говорил равнодушно. Слишком равнодушно, чтобы это было правдой.

— Ты сейчас больше придуриваешься, чем серьезно так думаешь! — рассердилась Лида.

Гусар промолчал, потом пожал плечами:

— Да если бы и так, Скворцова? Может, я хочу в твоей памяти остаться совершенным гадом?

— У тебя не получится!

— Значит, плохо стараюсь, — Лешка улыбнулся, потом устроился прямо в воздухе, потурецки сложив ноги. — Вот встретил я тебя на свою голову, Скворцова.

— Почему ты дрогнул?

— Что?

— Когда Марат... у него почти получилось! Он бы меня убил, но ты дрогнул. В самый последний момент. Почему?!

— Скворцова... — Гусар вымученно улыбнулся, потом махнул рукой и захохотал, очаровательно и заразительно. — Ты такая бестолочь! Вот вроде бы девка умная, но как задашься вопросом, так хоть стой, хоть падай!

— Не паясничай.

— А может это моя настоящая натура?

— Ну-ну, — Лида, поджав обиженно губы, отстранилась от подоконника.

Почему она сидит здесь? Почему она разговаривает с этим некромантом, словно бы ничего не было? Словно бы ничего не случилось. Случилось же! И боль. И ненависть. И привороты...

А вот он — здесь...

И время уходило.

Еще немного, и светлая полоса рассвета протянется над серым горизонтом, разгоняя хмарь, качнутся под осенним ветром ветви деревьев...

И внутри все царапался еще один вопрос. Самый главный. Который вопреки всему, даже вопреки всему, Лида собиралась задать.

— Леш...

— Что тебе, головная ты моя боль?

— Ответь мне на один вопрос. Только честно.

Гусар помолчал, потом вздохнул:

— Вот что с тобой сделаешь, Скворцова? Задавай свой вопрос, так и быть, я на него отвечу.

— Зачем потребовался приворот? Я ведь точно помню, что лишённая всякой памяти о прошлом, я влюбилась с первого взгляда. В тебя.

Как ответить на это Лешка не знал, если быть точнее неожиданность вопроса просто выбила его из колеи. Вдохнуть то он вдохнул, а как выдохнуть — определённо забыл.

Потом собрался с силами... И не смог ответить, покачал головой...

— Леш?

— Скворцова, давай другой вопрос?

— Не хочу. Хочу знать ответ на этот.

— Скворцова...

Гусар молча смотрел на девушку. Она смотрела куда угодно, но только не на него. Он знал это выражение, упрямства, обиды. Она словно бы ещё считала его хорошим. Вопреки всему. Вопреки ему самому даже.

— Воспоминания. Ты начала вспомнить моего лича, Скворцова. Не все прошлое целиком, не свои силы, даже не своего жениха, а только одного моего лича. Ты перестала спать. Отцу не говорила, считала, что это просто очень страшные кошмары. А сама таяла изо дня в день. Приворот на крови позволяет управлять памятью привороженного. И помимо самого приворота, я заставил тебя забыть о личе, — и, не давая Лиде шанса осознать сказанное, уже сам Лешка спросил: — честность на честность, Скворцова. Поэтому ответе так же на мой вопрос. Убежишь со мной, Скворцова? Прямо здесь и сейчас. Я не буду на твою жизнь покушаться, не думай. И я даже сделаю тебя счастливой. С твоей помощью я смогу укрепить это тело, а потом мы выберем новое. И красивая вдова выйдет замуж за красивого холостяка. Мы будем понимать друг друга с полуслова, полувзгляда. Нам будет очень хорошо вместе, Скворцова. Если захочешь, я помогу тебе стать темной бабой ягой. А захочешь, помогу вернуть тебе полностью твою светлую сущность. Будешь слабее, чем нейтральная или темная, но зато — светлая-светлая. Я могу это сделать. Это в моих силах.

Лида молчала, глядя на Лешку широко раскрытыми глазами. Тирада не была спонтанной, она была продуманной от начала и до конца, причем заранее. Каждое слово было на своем месте, каждое слово било по больному, по раненой душе.

И вне всяких сомнений у некроманта уже даже готов был план побега.

— Я сделаю так, что никто и никогда нас не найдет. Мы вновь создадим снежных зверей. У меня почти получилось, только тот экземпляр, на которого я делал ставку — сбежал. Но я смогу повторить эксперимент, а ты мне поможешь. И наши дети будут под защитой, а потом полноправными жителями войдут в полуночный мир. И никто не узнает, что в их телах течет четверть крови истинных народцев полуночного мира. Соглашайся, Скворцова. Я положу к твоим ногам силу и власть. И уж точно тебя никому не отдам... — договорить Гусару не довелось, досадливо цокнув языком, он пробормотал: — возвращается. Почувал что ли что-то? Ты подумай, Скворцова. Я потом приду за твоим ответом.

Дернувшись, будто после падения с невероятной высоты, Лида распахнула глаза в спальне. Утро вступило в свои права уже давно, а на горизонте собирались тучи. Тяжелым клубящимся покрывалом, темной хмарью, желчно перекатывающейся с места на места. Надвигался первый снег.

— Барышня, — Мельник, стоящий над кроватью с кружкой, смотрел на Лиду с усталой обреченностью. — Ну, скажи мне, в кого ты такая беззаботная и собирающая вместе все шишки одну за другой?!

— В тебя! — радостно откликнулась Лида и звонко рассмеялась неподдельному

ошеломлению на лице мужчины. — Ну, и еще, конечно, в бабушку немного. Теперь я знаю, что она славно в молодости покуролесила!

— Барышня!

— Терпение, Миш, терпение. Вот пойдет первый снег и все закончится. Только я уже даже не могу понять, хорошо это или плохо, — призналась Лида виновато.

— Ты просто устала, барышня, отдохнешь — и все пройдет.

— Как ты себе это представляешь?!

— Самым простым образом. Мы берем твой список и едем по магазинам.

— Отклоняется, — не задумалась девушка ни на миг. — С тем учетом, что тебя всю ночь не было, это абсолютно нереализуемое предложение... Тебе лечь поспать не помешало бы. А я... и на кухне могу побыть немного. Вроде видела интересный рецепт на днях, попробую его воплотить, раз уж я на вынужденном «больничном» и есть возможность поэкспериментировать.

— Барышня... — Мельник попытался возразить, но Лида возможности ему не дала, потупилась и тихо спросила:

— Как там Саня и Марат?

— Саня почти в полном порядке. Дня два, может три — и его выпустят из больницы. С Маратом немного сложнее. Там был не просто подселенец. Некромант его жизненную силу вытягивал, превратив своего помощника в живую батарейку. Выжить — выживет, безусловно, изгнали мы вовремя подселенца, но вот восстанавливаться сколько ему придется — уже большой вопрос.

— А...

— И никто тебя не винит, не думай, барышня.

Лида кивнула, поднялась с кровати, привычным движением закрутив волосы прихваченной с тумбочки резинкой. На душе немного посветлело. Значит, не все так плохо! Значит, еще есть шанс на то, что все будет хо-ро-шо!

Остановившись около Михаила, Лида хладнокровно отобрала у Мельника кофе:

— Так. Это реквизировано.

— Барышня!

— А тебе, — сделав глоток, девушка подтолкнула хозяина дома к кровати, — вот туда! И имей в виду, если я зайду, а ты не спишь, я с тобой что-то очень-очень страшное сделаю. — И выдержав эффектную паузу, Лида звонко добавила: — защекочу!

— Дари! — возмутился Мельник.

Его снежный зверь, в виде серой мартышки на шкафу, раскричалась насмешливо и, превратившись в мышь, спряталась куда-то.

— Попрошу обратить внимание, что я пока не проверяю этого утверждения! Я лишь приняла его на веру, но все может измениться.

— Хорошо, хорошо, — насупленный, ну, чисто медвежонку меда не додали, Михаил двинулся к кровати.

Лида осталась на месте, борясь с желанием или все-таки пощекотать или поцеловать хмурую буку. Пришлось делать более умную вещь — поворачиваться и сбегать. Пока не стало слишком поздно.

Естественно, что и очень красноречивый взгляд, брошенный в ее сторону мужчиной, она не увидела.

Лида уже вся была в грядущих экспериментах не только на кулинарном поле (Тимофей

в любом случае поможет), но еще и алхимическом.

Ведь вряд ли некромант появится без своего зверя.

Ну, а некромантическому зверю яд лича, что рыбе — вода.

Дружественная среда, можно сказать.

Нужно было что-то вне всяких сомнений другое. Ведь некромантические снежные звери были более чем известной неприятностью и зачастую бедой. В гримуаре Мельника Лида надеялась найти нужную информацию. Она и нашлось. Зелье. В отличие от того исцеляющего, которое Лида варила под присмотром Михаила, чтобы уничтожить влияние некроманта на жертв, этот рецепт был куда легче. Да и ингредиенты были не из самых редких.

Подвох был в количестве. Пусть требовалось мало по весу, но зато общий список щепоток был просто огромен!

После обеда Михаила встретил Тимофей, накормил и только после того как выполнил распоряжение матушки, сообщил, что она закрылась в алхимической лаборатории. Там Мельник и нашел непостижимую участковую.

Она сидела на полу и грустно смотрела на горку пряничных орехов. Росло это чудо исключительно на границе, запах был невероятным и напоминал пряники. Зато для того, чтобы добраться до нежной мясистой мякоти, нужно было или обладать нешуточной силой или знать секреты алхимического мастерства. Лида вроде бы ими владела, еще бабушка учила ее эти орехи разделявать, но на практике выяснилось, что этого недостаточно, чтобы добраться до заветной мякоти.

— Хорошо еще мне Тимофей сказал, где тебя искать, барышня. А не будь домового, чтобы мне думать? Чтобы тебя украл некромант? — поинтересовался Мельник, стараясь не выдавать то, как испугался, когда вышел на кухню, а Лиды там не нашел.

В голову действительно ведь полезла всякая чушь! Слишком он за нее переживает, слишком уж она...

— Не волноваться, — отрезала Лида сердито, потом наставила палец на Михаила. — И отойди в сторону, принц-медведь, ты мне свечу загораживаешь!

— Барышня...

— Что барышня?! Ты большой, а она маленькая!

Под укоряющим взглядом тяжело вздохнувшего Мельника орехи вначале потрескались, а потом и раскололись все, один за другим.

— Так лучше, барышня?

— Да. Намного. Но потом меня научишь? У меня опять ничего не получается!

— Научу, — кивнул Михаил. — Ели не будешь так пропадать в никуда.

— А если буду?

— Учить будет некому.

— Ага. Это такой эвфемизм для выражения «Скворцова, ты меня в гроб загонишь?»

— Сугубо относительно, барышня, — глаза Мельника смеялись, когда он протянул руку Лиде. — Поднимайся уж. Помогу с зельем. А потом со Штормом уже ты мне поможешь. Мне швы надо снять, а ты будешь утешать капризничавшего проходимца.

— Он не проходимец! В том смысле, что я, конечно, помогу, но он хороший!

— Хороший он, кто ж спорит, барышня? Хороший проходимец.

— Миш! Звучит так, словно ты ревнуешь! — опешила Лида. Слишком уж нотки в мужском голосе были сердито-красноречивыми. Да и в голову больше ничего не приходило.

— И ревную тоже, — легко признался Мельник. — Барышня, мы что-нибудь делаем?

— Нет. Да. Не знаю! Не хочу знать.

— Беда с тобой, барышня. Никакого сноса нет.

— Фыр!

— И это весь ответ?

— Конкретизируйте в граммах сколько ехидства вам взвесить, мистер? — вздернула насмешливо Лида нос.

Мельник хмыкнул:

— Пару килограммов трудолюбия. Вставай уж, барышня.

Взявшись за протянутую ладонь, Лида хотела покапризничать, но не успела. Михаил с легкостью потянул ее на себя. Да так неожиданно, что девушке пришлось упереться ладонью в мужскую грудь для того, чтобы устоять на ногах. Под рукой билось большое сердце. Ровно, спокойно. Размеренно.

Захотелось прижаться щекой, ловя это ровное биение не ухом, а всем телом.

И вообще, ну, разве можно же быть таким спокойным?!

У самой Лиды уже и губы болезненно колет, и горло пересохло, и сердце частит! А Михаил как будто бы не с девушкой рядом, а с принцессой, которая в лягушачьей форме по-прежнему перемещается. Поцелуй не сработал, сказка не закончилась хорошо. Помолвка разорвана, свадьбы не будет, с другим женихом сбежать не вышло... Все кувырком, вверх дном, непонятно, зло, обидно.

— Барышня?

Девушка молчала, не желая даже двигаться. Хотелось так стоять. И никуда, никуда, ни за чем.

А потом все же отступила. Попыталась.

Не пустил Михаил, порывисто обнял, оплел руками. Ничего не говорил, ничего не обещал. В любви не клялся, да и вообще... молчал. Вот только в этих медвежьих объятиях стало так спокойно, так правильно.

Словно вокруг невидимой защитой лег целый мир.

И самое сложное было не сказать лишнее. То, что говорить было нельзя. Потому что слишком великодушный Мельник может посчитать, что это что-то значит и для него.

Нужно было молчать. А вообще, нужно было как можно быстрее разорвать эти нежные и беспокойные объятия, слишком ласковые. Словно... Нет. Нет, нет! Лида категорически запретила себе даже думать о подобном развитии событий, но и кинуться прочь не получалось. Не привязана, а словно цепями его словами, его голосом, его глазами опутана...

Шаг друг от друга они сделали одновременно. И предпочли сделать вид, что ничего не случилось, ничего не было. Лишь минутная слабость, лишь минутное помутнение. А больше ничего...

— Зелье! — пробормотала Лида, хватаясь за эту мысль как за соломинку.

— Зелье, — согласился с ней Михаил. — А потом Шторм. Итак, барышня, с какой части зелья начать мне?

— Я даже и не знаю. Начни с выгонки из грибов. Только...

— Да, барышня?

— Я немного изменила рецепт. По памяти. В количественном выражении, в том числе.

— По памяти? — удивился порядком Мельник.

Лида кивнула.

— Мне про это зелье бабушка когда-то рассказывала. И мы даже варили его. Так вот, тогда я растения услышала. Фиалку белую и колокольчик серебристую я тогда добавляла. И зелье не испортила! Только вот насколько улучшила — вопрос. Проверять зелье, как таковое, было не на ком.

— Ладно, барышня. Ну, фиалка еще понятно. Но колокольчики почему?!

— А чтоб я знала, — пожалала плечами Лида. — Возможно, когда-нибудь, так получится, что я смогу пообщаться с человеком, который тоже будет слышать растения. Тогда можно будет подойти к информации с научной точки зрения, систематизировать ее, хотя бы. Уточнить. Собрать все воедино. А пока...

— Придется использовать, как есть.

— Именно!

Котел чуть потрескивал. Воды внутри не было, ее предстояло налить чуть позже, даже позже некоторых трав. Михаил занимался самым сложным — возгонкой грибов. Лида, осторожно всыпав травы в разогретый котел, томила их в смеси молока и меда. По алхимической лаборатории плыл дивный травный дух. Колокольчики и фиалку нужно было добавить на этапе закрепления зелья.

Ощущения того, что они больше не одни, пришло значительно позднее, когда уже и зелье было закончено, и раны Шторма обработаны (возмущенное «Так нечестно, барин, вы валькирию привели, при ней стыдно!», Лида вспоминала еще долго!), а еще — стало понятно, что в небе пахнет снегом.

Ощущение было неправильным, с той точки зрения, что не некромантским. Кто бы ни пришел, это был не Гусар. Но даже так ни Лиде, ни Мельнику и в голову бы не пришло, кто прибыл к мельнице, кого именно им предстоит сейчас встретить.

Ранние сумерки уже собирались молочной взвесью вокруг мельницы. Хрусткий ледок успел упрочить свое влияние, затянув края пруда. Огромное мельничное колесо дремало, чуть поскрипывая на мощном ветре. Коричневую землю, прикрывала увядшая поздняя трава.

А вокруг собирались воины.

Не сказать было, что эти люди — спецназ полуночного мира. Несмотря на камуфляж, несмотря на то, что вооружены они были все поголовно автоматами и обычными пистолетами, несмотря даже на то, что они были в самых, что ни на есть современных бронжилетах — назвать их иначе, язык не поворачивался. Воины и все тут.

И ни одного знакомого лица.

Трое воинов неожиданно синхронно шагнули в разные стороны, пропуская удивительно колоритного парня. Выше самой Лиды, но при этом худощавый, как глиста. Как девушка ни старалась, а более приличное сравнение подобрать все равно не удалось.

Не камуфляж, а черная с серебряным форма. И волосы совершенно невероятные — не черные, а какие-то графитное-серые с серебряными же кончиками. И не краска, было ощущение, четкое такое, что это все свое, исключительно настоящее и родное. Глаза видны не были. На худощавом были черные очки.

Тонкие-тонкие губы шевельнулись, но Лида вообще ничего не услышала. Зато фигура худощавого обмякла, расслабилась ненадолго.

Именно здесь Лида обратила внимание, что в том стихийном оцеплении, которое образовалось, не хватает людей. И прорехи были очень серьезные. А спустя пару минут стало понятно, что случилось и почему. Потому что этот отличающийся шагнул вперед и протянул Лиде письмо.

Знакомый летящий почерк и оттиск магии не оставляли возможности двойного толкования. Письмо было от бабушки.

«Моя милая девочка, представляю себе, как удивительно тебе видеть такое вот собрание у дверей мельницы. Но сейчас я объясню тебе, что к чему. Или хотя бы попытаюсь. Это все не слишком просто, да и относится к тому миру, к которому ты (и не спорь со старшими!), еще относишься немного предвзято.

Перед тобой — полуночный спецназ. Я бы хотела сказать, что в полном составе. Но, увы, сказать этого я не могу. Перед тобой лишь часть самых опытных воинов, самых лучших и самых смелых. Не могу сказать лучшая ли, худшая ли. Просто часть.

Это те люди, которых Гусар или обделил своим вниманием, посчитав не слишком ценными, или же наоборот не смог захватить, даже попытавшись.

Остальные под присмотром врачей, там же, где сейчас Саня и Марат. Спешу сообщить, что ваша авантюра действительно увенчалась успехом. Вы двое — совершенно ненормальные. Саня уже всю помогает по отделению и горит желанием «как можно быстрее убраться отсюда». Марат... Останется под нашим присмотром немного дольше. Уже сейчас можно сказать, что ему вы спасли не только жизнь, но и его здоровье.

С остальной «зараженной» частью отряда пришлось разбираться уже нам, в том числе и мне лично. Под нашим неусыпным надзором они сейчас и находятся.

Девочка моя, ребята прибыли к вам абсолютно добровольно. И этому есть объяснение. Не мне тебе говорить, но Гусар придет не один. Это просто не в его правилах. Никто другой больше с ним не справится, разбираться придется вам. Тебе, моя дорогая, и Михаилу.

Ребята же прибыли, чтобы не пропустить к вам свиту. Чтобы уравнивать шансы... По крайней мере, попытаться это сделать.

Мне очень жаль, но даже мы, даже я — его прямая начальница, неправильно оценивала этого парня. Да, он силен, да мы все отдавали себе отчет в том, что невероятно силен некромант. Но даже так, мы не могли оценить всей силы Гусара. Всего, что за его душой. И я теперь уверена, как ни в чем другом, что за его плечами еще не один козырь. Впрочем... на вашей стороне тоже.

Он приходил сюда. В больницу. Хотел кого-то забрать. Мне лично пришлось выйти к нему, пока персонал эвакуировал всех пациентов в бункер. И я знаю точно, что чтобы его остановить, понадобится что-то особенное. Но что именно... я даже не знаю.

Лида. Вы трое до сих пор связаны. Ничего не изменилось, ничего не поменялось. Несмотря на то, что узел должен был давно разорваться, он все еще между вами. Видимо, это изменится только со смертью одного из вас. Со смертью кого именно — уже очень большой вопрос. Будущее не спешит раскрыть мне свои тайны, а до Ринго... дозвониться до этой девушки, когда она не хочет разговаривать, просто невозможно.

Девочка моя, я не смогла найти ответ на этот вопрос, а это значит лишь то, что вам придется искать его самостоятельно. И то, как все так завертелось, закрутилось. Как так получилось, что вы трое оказались в одной точке пространства настолько завязаны друг на друга. Почему все так перепуталось... И, девочка моя, прошу тебя...»

Письмо обрывалось ровно на середине строки, даже не закончив пожелание или объяснение.

Словно бабушка хотела сказать что-то еще, но то ли времени не хватило, то ли кто-то сказал, подсказал, что некоторые слова не должны прозвучать. Только так будет лучше, только так все получится правильно. Вот только как оно правильно?

Что в этом правильном такого, ради чего должны эти воины рисковать своей жизнью?

Ребята из отряда переглянулись и разошлись, тот худощавый смотрел исподлобья, хмуро, потом разжал тонкие губы:

— Ленд. Мое имя. Если нет Гусара и Марата, я начальник отряда, точнее, его остатков. Я знаю, кто вы. Я знаю, что ты хочешь. Я знаю, чего хочет Гусар. Поэтому мы здесь, чтобы не дать некроманту добраться до вашего горла, пока вы будете разбираться с ним самим. Точнее, не его некроманту... его спутникам, которые обязательно придут с ним.

— Спасибо.

— Пока не за что.

Лида кивнула, взглянула на небо.

Капля дождя упала на кончик носа, потом на ухо. Промозглый дождь, такой, совсем не осенний, неожиданно пошел сверху, размывая все окружающее. Сильный, неприятный...

А мир вокруг от него начал таять, таял, стираясь накатом появившегося из ниоткуда тумана.

Зеленого, с тонкими черными прожилками.

Туман двигался все ближе и ближе, а под его покровом к мельнице и собравшимся у нее двигались гости. Никто не ошибся, там внутри были неживые, незваные посетители, свита Гусара. Туман перекатывался комковатым полотном, волновался, качался кольцами, то и дело длинными щупальцами скользля вокруг, выбирал свою жертву.

В оцеплении никто не дрогнул, но Лиде показалось, что почти каждый покрылся холодным потом, сглотнул, шепча про себя что-то, не то молитву, не то отгоняющую зло сутру. Чтобы ни было в тумане, частично оно не было материальным, зато воздействовало сразу на души...

— Я твой страх, я твой кошмар, — ледяная рука скользнула по плечу Лиды, спустилась на грудь.

Впрочем, почти тут же девушку дернули в сторону и прижали к теплому телу. Мельник.

Напротив, скрестив на груди руки, смеялся-скалился Лешка.

— Привет, Скворцова. Что же ты стоишь, как не родная? Зачем стоять? Разве ножки не подгибаются? Ручки не замлели? Голова не слишком тяжелая?

Голос был мягким, забирался в тело ядовитыми удушливыми кольцами, но вскинув взгляд на Мельника, Лида поинтересовалась:

— Это вот он сейчас о чем?

— Да ни о чем он, барышня. Он о ком. Он о тебе. Наворожить пытается. На тебя, не меня. Только меня амулет защищает, а вот тебя...

— Леш, ты же не можешь не знать, — серые глаза Лиды полыхнули ярко-зеленым светом. Она смотрела на Гусара, такая же зеленоглазая, как и он сам. — Что на некроманта не действует сила второго некроманта. И кстати, мы знали, что ты попробуешь воздействовать так. Пусть не на меня, но на Михаила, так что мы подстраховались.

Плавнo закатав рукав, Лида показала на пульсирующую, переливающуюся бело-зеленым светом татуировку. Связь. Магическая связь, не душ, не магии, но влияния. Вся магия, направленная на ментальный контроль и подчинение, воздействовала на Мельника и участковую разом, как на одного человека.

За одно мгновение шальная парочка просто выбила один из козырей из руки некроманта.

— Скворцова, ты всегда была слишком умная! Впрочем, будь по-другому, было бы не

так интересно. Ладно, будем считать, что у нас счет ноль — ноль. Вот только, — Гусар поморщился, — Скворцова, ответь мне «да» что ли?

— Что это тебе даст?

— А он тебе не рассказал? — Лешка взглянул на Мельника, спокойного сейчас, равнодушного до отстраненности, и оскалился, — а ведь и правда, не рассказал!

Лида, недоумевающая, нахмурилась. Мельник был сейчас настолько спокоен, словно и не было ничего вокруг. Он просто был рядом с Лидой, непреложный, могущественный, удерживающий девушку в своих руках, защищающий ото всего на свете, но... остающийся не в силах защитить ее от правды.

Гусар только цинично скалился, понимая, что сейчас он на вершине, что этот раунд останется за ним, потому что этот огромный мужик промолчал, а правда может причинить бесконечную боль, если подать ее под правильным углом зрения. А этому он давно научился.

— Видишь ли, Скворцова, волхвы напортачили. Не смогли правильно разорвать ваше свидание. Зато над тобой, беспамятной, второе венчание было проведено правильно. А вот тут интересное дело. Повенчали они тебя силой светлой с Мельником. Силой темной, ей противоположной, венчали они тебя со мной. Только вот надо же какая неудача, ты — нейтральная! При этом ни качнуть тебя никуда не получилось, ни влево, ни вправо, ни в темную силу, ни в светлую силу. Поэтому теперь на все исключительно твоя воля. Поспешил я тогда с нападением, сам дурак. Думал смогу тебя ранить, по твоей крови потом наворожу, власть над тобой получу. А оно получилось совсем не так! Ты, как заговоренная, сама спаслась. Еще и меня спасать удумала. В результате, — Лешка вдруг замолчал.

Глаза некроманта распахнулись широко-широко. Он схватился за горло, а потом, не веря, уставился на Михаила.

Со спокойной усмешкой тот чуть сдвинулся, отпуская Лиду, и закончил до конца объяснение, правда, подав все не под тем углом, под которым собирался некромант.

— Вот так и получилось, барышня, что невеста теперь ты нам обоим, и подтверждено это не словами — магией. А значит, сказать кому-то «да» можешь только ты одна, ты сама. Никто за тебя не примет решение, никто на тебя повлиять не сможет.

— И что мне делать то надо?!

— Да ничего сложного или страшного. Режешь ладонь и говоришь «да» или «нет». Сила светлая идет от правой стороны, сила темная — от левой стороны. Соответственно и ладони резать нужно соответствующие. Одно «но» только, барышня. Каждое решение тебя исчерпывать будет, а оба сразу — упадешь и подняться не сможешь.

— Логично, — Лида нервно прикусила губу.

Нож прыгнул в руку, сам собой.

Кольцо спецназовцев скрылось уже давно за кругом тумана, не осталось свидетелей. Только они трое сейчас были внутри, с судьбами, связанными воедино, сплетенными, переплетенными. Никому сейчас хода не было, ни внутрь, ни вовне. На это стоило сделать ставку... вот только стоило ли?

Хотя... попросту говоря, у бедовой участковой уже просто не оставалось другого выбора.

Она могла только верить. В себя, в свое решение. А еще — в Мельника. До самого конца. В него, в него одного...

Нож сделал тонкий надрез на левой руке. Кровь выступила неохотно, показалось, что

блеснула в неверном туманном свете каплей черного жемчуга.

Сжав-разжав кулак, Лида заставила кровь побежать активнее, вниз, на землю живительным ручейком.

— Нет.

Возможно, Лида бы смогла объяснить свое решение Гусару, но как оказалось, земля, она так близко! И падать совсем недалеко.

Непонятно только каким чудом, но девушка устояла, коленопреклоненная, растерянная, разбитая, разом лишившаяся всех темных сил. Но не сломленная.

В душе была какая-то сила, и Лида подозревала, что знает какая именно. Ее настоящая, ее нейтральная сила, то, что появилось из-за смещения полярных полюсов, но до сих пор не проявлялось. То, что на самом деле было ее сущностью...

Та самая «она», с которой сама Лида еще даже не познакомилась.

Второй раз поднять нож было чертовски тяжело, казалось, что тяжесть целого мира в рукояти, но упрямство Скворцовых давно стало нарицательным, и девушка со своим ничуть не отличалась.

На правой руке нож оставил глубокий порез.

Лида радостно улыбнулась Мельнику, шепнув:

— Освобождаю тебя.

И вслед за этим четкое «Нет» упало на землю, разбиваясь вместе с каплями крови, сияющими светлым перламутром.

Лида еще смогла задержаться, зацепиться за воздух, а потом свалилась...

— Вот упрямая девка! — не то изумился, не то восхитился Гусар. — Решила никому не доставаться!

Мельник, взглянув на Лиду, бессильно лежащую на земле, остался на месте.

— Она умная. Тебе ли не знать. А ведь если бы не твой лич, она бы уже была бы моей женой...

— Не скажи! Может, и нет, — прищурился Лешка насмешливо. — Это все, может, предопределено было! И тогда я все равно бы появился бы. И украл ее, увел бы. Очаровал темной силой. Ломал. Растоптал бы и выбросил!

— У тебя почти получилось, нельзя не отметить.

— Почти. Не считается. Что теперь будешь делать, могущественнейший Мельник?

— Вот теперь просто сомневаюсь, — вздохнул Михаил. — Думаю, разговаривать с тобой я в любом случае не буду. И отпустить тебя не смогу. Ты же не оставишь ее в покое.

— Конечно, — расплылся в насмешливом оскале Гусар. Среди обычных зубов мелькнули тонкие-тонкие игольчатые клыки. Наследие полуночного мира... — Не оставлю. Какой дурак откажется от такого сокровища? Вот только, тебе какое дело?

— Такое и дело, что я не собираюсь отказываться от нее, а ты мне будешь мешать. Помехам не место на моем пути.

Затрещала разрываемая по швам одежда. Ошметки того, что еще недавно были хорошей одеждой, полетели в разные стороны. Там, где мгновение назад был Мельник, стоял на задних лапах огромный медведь. На кончиках черных когтей поблескивали металлические острые наконечники.

Гусар только присвистнул:

— Я думал, что это неправда! Но... тем лучше. Это значит, что ты не будешь прятать силы, и можно не церемониться с тобой. Тебя победить — себя и предков доброй победой

уважить. А из твоей шкуры я шубу сделаю. Для своей женушки.

Медведь не ответил.

Качнулся вперед, делая пару шагов с тяжеловесной грацией опаснейшего и огромнейшего хищника. В земле остались глубокие отпечатки. А потом медведь сделал еще шаг и пропал. Потребовалась всего лишь заминка сердца, и огромная лапа с растопыренными когтями мазнула прямо у лица Гусара.

Отдернуть голову тот успел лишь благодаря намертво вбитым в тело рефлексам.

Медведь негодуя рывкнул, проявляясь целиком.

И все снова повторилось! Та же тяжеловесная поступь и новое скоростное исчезновение.

Вот только Гусар не был бы тем самым легендарным Майором, если бы не заработал свою славу сам и не на ровном месте.

Следующий удар мощный лапой встречал уже встречный замах булатного клинка.

Каленое железо оставило в воздухе сверкающую полосу, и медведь отступил, глядя на росчерк с серьезным изумлением на морде.

А потом прорычал глухо:

— Человек? Булатные мечи не идут к полуночникам.

— Немного не хватило. Крови Скворцовой, — отозвался Лешка насмешливо. — Но это все поправимо. У меня еще есть время! А вот у тебя его нет.

Взмах меча, и некромант атаковал. Когти медведя мелькали с ужасающей скоростью, но везде их встречал росчерк клинка, а там уже сам Лешка перешел в наступление, уверенно тесня зверя прочь.

Дальше. Еще дальше.

В сторону от лежащей Лиды.

Когда до Гусара дошло, чей план он нечаянно выполнил, было уже поздно — участковая скрылась из глаз, оказалась окутана туманом, на границе круга, там, куда никому из двоих оставшихся не было пока хода.

— Это все ради нее было?!

Медведь провел лапой по порванному боку, посмотрел на окровавленную лапу и совершенно по-человечески пожал плечами:

— Считай, что я вначале дал тебе фору, а потом просто уравнил шансы.

— Почему ты просто не сдался? — вздохнул Лешка. — Ведь она... ну, что она? Ну, нашел бы ты другую. Не она была, была бы кто-то еще. Другая. Лучшая. Умнее. Красивее.

— А зачем мне другая? — удивился Мельник. — Мне она нужна. Единственная. Мне ее обещали. Ее одну. Так что...

— Ну, и дурак, — равнодушно сказал Лешка. — В другой жизни вы бы были вместе, а здесь — оба погибнете. Там, за кругом, мой снежный зверь. Здесь — я. Хоть ты и принял свою форму истинную, Мельник, тебе не жить. Я просто не могу остановиться в полушаге от победы.

— Последний вопрос, — медведь топнул лапой, проразивая из-под земли огромную, себе под стать, алебарду из полуночного железного дерева. — Ты ее хоть немного любил?

— Ее? Скворцову? — Гусар повернул удобнее клинок в руке, взглянул туда, где еще ощущалось биение чужого сердца, и отмахнулся. — Зачем тебе правда, Мельник?

— Чтобы сказать ей.

Лешка на мгновение застыл, потом хрипло засмеялся.

— Ей? Ей будет легче, поэтому скажи ей, что я не любил ее ни одной минуты. Вот только это буду я, кто расскажет ей свою версию истории. Когда тебя не станет!

Скорость и сила против скорости силы — слишком страшно, слишком мощно, слишком быстро. Окружающий туман корежило и ломало, пространство трещало и содрогалось. Вокруг уже была не просто реальность, но граница. Мир обычный висел лохмотьями вокруг, не в силах вместить этих двоих.

Удержать все происходящее в безопасной зоне.

Магии, как заклинаний, просто не было. Сейчас они бы только помешали, только не дали бы добиться нужного эффекта.

Мелькание черной медвежьей шкуры замедлилось первым. Мельник устал, больше потеряв и сил, и крови. Лешка, серьезно зацепленный только дважды, выглядел свежее, спокойнее, увереннее в своих силах. Ему не нужно было защищать окружающий мир. Все, что ему нужно было — это только атаковать.

А потом противники остановились совсем. На черном была плохо видна кровь, поэтому даже навскидку Гусар никак не мог оценить, насколько серьезен нанесенный им ущерб.

Да, противник уже едва стоит на ногах, но сколько в этом правды, а сколько для вида? Гусар не стал бы легендой при жизни, если бы осторожность не стала для него самым важным, жизнеутверждающим кредо. Поэтому, даже предчувствуя победу, на расстояние смертельного удара он благоразумно не подходил.

Медведь, получив еще пару ударов, начал ошибаться. Больше, больше.

А потом умудрился упустить и алебарду. Порождение границы опустилось на землю и растаяло, став ее частью. Мельник начал двигаться еще тяжелее.

В тот момент, когда он остановился, Гусар метнулся вперед, разрывая своим клинком сердце противника.

Кровь россыпью капель упала под ноги, потом потекла вначале тонкой струйкой, а когда клинок покинул податливое тело, хлынула алым водопадом, унося с собой и жизнь.

Рухнув на колени, Гусар мог только смотреть, как утекает его собственная жизнь.

Медведь, опираясь на свою чудовищную алебарду, стоял в стороне. Слои границы, отражающие, перестраивающие, искажающие, искурочившие и исказившие пространство — разворачивались вокруг него, распуская невероятную силу.

Да, раненый, но не смертельно. На нем не было ни одной смертельной раны. И эта тварь спокойно стоял у дерева.

А, нет. Уже не стоял... Уже замахивался свой чудовищной алебардой.

Свист лезвия...

Лешка закрыл глаза, не желая видеть свою смерть.

Перед глазами, как живая, встала смеющаяся босоногая девчонка, только что забившая гол вопреки всем усилиям мальчишек ей помешать.

— Гол! — завопили девчонки с трибун, и отрубленная голова Гусара покатилась по поляне...

...Лида, с трудом открыв глаза, нервно потерла затылок и осмотрелась по сторонам. Никого...

Только туман вокруг.

Ничего не было слышно. Ни боя, ни победы, ни поражения. Вокруг не было ни следа снега, значит — ничего еще не закончилось.

В теле было немного сил, Лида, по крайней мере, смогла даже встать.

Получилось не сразу, но она очень старалась, а потому смогла.

Ноги дрожали, то и дело подкашивались. И если бы было хоть что-то подходящее, Лида предпочла бы сделать себе клюку, ну, хоть какую-то. Только чтобы опереться...

Но стоять и сидеть было нельзя, нужно было идти.

Медальон, тот самый, который соединял ее с Мельником, сейчас был на шее самого хозяина границы, но сила внутри указывала, где он находится. И Лида пошла вперед

Туман то светлел, то темнел, то набухал черными облаками, то покрывался фиолетовыми разрядами. Бой еще шел.

Но когда Лида была уже совсем рядом с местом боя, она не смогла сделать ни шага в тот круг, где происходило все самое главное, все самое страшное...

Внутри круга было царство границы, царство над которым она была не властна по сути.

Вот только могло ли это остановить Лиду?

Нейтральная баба яга могла многое, а уж матушка мира полуночников еще больше.

«Мы поможем», — голоса водяного и лешего зазвучали слева и справа — «Придется пройти немного дальше, но ты, матушка, придешь вовремя».

Тонкая тропинка легла на полоске между двумя мирами. Тонкая, как хрусткий ледок, узкая, словно полоса между двумя бесконечными пропастями.

И девушка двинулась по ней, шаг за шагом перекраивая законы мира.

Всего лишь на своей земле.

Всего лишь делая первый шаг, становясь первым пробным камнем грядущих изменений. Тех, о которых даже не догадывалась сама, тех, о которых еще мало кто знал...

В лицо ударило ветром, прынул туман в разные стороны, разошлись в разные стороны темные грозовые клубы, открывая поляну.

Горел, хотя уже скорее догорал костер, стрелял в темное насупленное небо алыми искрами.

У костра сидел огромный медведь с алебардой, устало опустив морду, почти уронив лапы...

А за его спиной уже напряжился, уже приготовился к прыжку огромный волкодав семьи Скворцовых, верный и любимый пес семьи, а вместе с тем верный снежный зверь некроманта...

Дробовик скользнул в слабую руку.

Тишину поляны расколол раскатистый грохот выстрела.

Взлетело в небо воронье, зашумели ветви деревьев, сердито затрещал костер, и все стихло.

Лида кинулась через всю поляну и с плачем, от души, навзрыд, рухнула в когтистые лапы своего принца-медведя...

Когда туман разошелся окончательно, спецназовцы так и нашли их. Девушку в объятиях медведя, а вокруг — снежная круговерть заполошной вьюги, смешивающаяся с первым снегом...

Берег реки был весь в яблочном цветении. Яблочным цветом пахло повсюду. И первые лепестки уже сорвались со своих ветвей, подобно первому снегу опускаясь на землю.

На берегу стояли столы, правда, немного разномастные. Какие-то большие, а какие-то маленькие, словно игрушечные. И блюда на малом столе были странные, определенно нечеловеческие. Ну, какой человек в здравом уме будет есть салат из цветочных лепестков? Или пшеницу с овсом и рожью в сыром виде?

Тихо шелестели ветви яблоней у реки.

Гости сидели вдоль ало-белой дорожки, сотканной из живых клеверных макушек.

— Сколько можно опаздывать? — искренне удивился Димка.

Сидящий рядом с ним Рим, взглянул на своего лучшего друга с лукавой улыбкой:

— Зная твою сестру? Я полагаю, что она не опаздывает, она задерживается по исключительно важному вопросу.

— А потому опаздывает на собственную свадьбу? Еще немного и жених решит, что его невеста испугалась и сбежала.

Рем весело хмыкнул:

— Он-то?

— Он, он! У него терпение не железное.

— Оно у него медвежье, — тихо пробормотал русал себе под нос, потом свел и развел руки, россыпь серебристых искр полыхнула на ладонях. — Поискать?

— Не. Не надо. Бережем магию, а то не хватит на задуманное, — отказался после небольшого раздумья парнишка.

Рем, скрыв улыбку, кивнул и поднял голову.

Под огромной аркой, прямо у воды, усыпанной мелкими розочками и перламутровыми ракушками, стоял Мельник в белоснежном костюме. Возмутительно спокойный.

А его невеста опаздывала...

Влада Сергеевна вопросом, куда делась внучка, не задавалась. Она делала куда более важное дело, пыталась доказать сыну, что в идее жениться второй раз нет ничего плохого. И на этот раз женой должна была стать приличная баба яга. Степан Викторович сопротивлялся, но как-то уж очень вяло и без огонька.

Димка, когда отставил свое право стать чистокровным жителем полуночного мира, действовал куда как активнее, так что у Влады Сергеевны были все шансы.

— Все-таки до сих пор не могу поверить, — начальник Лиды, Геннадий Аксенович, и Олесь Русланович сидели рядом. — Надо же, как закончилось все. Моего самого ценного кадра отдать пришлось!

— Да не переживай ты так, человеческой участковой ей не быть, но на участке останется. Мельница здесь, да и куда ей самой от Мельника теперь деться?

— Все равно. И как ты выбил утверждение новой должности?

— Ринго помогла. Говорят, что у нее в должниках сам Маэстро ходит. Так что ничего удивительного в этом нет. Правда, зачем ей самой потребовалась эта новая должность — большой вопрос.

— А сама она чего не пришла? Вроде бы и ей приглашение отправляли.

— Я лично передавал, — сознался Олесь Русланович. — Вот только она сказала, что

встретится с Лидой в других обстоятельствах, возможно, даже чуть более правильных, чем свадьба.

— Она же говорила, что все закончится?! — обернулся к начальнику Марат, повышенный до начальника спецназа.

Олесь Русланович только плечами пожал:

— Дело с некромантом, да, закончится до первого снега. Оно и закончилось. А так, история этой очаровательной бабы яги только начинается.

— Вот, — зазвенел хрустальными колокольчиками русалочий голос. Нежная рука взьерошила волосы Сане. — Так что, ты еще поработаешь с этой девочкой.

— Молчи уж, бабушка, — фыркнул опер, целуя нежную руку своей невесты.

Влада Сергеевна, оглянувшись на мгновение, поймала взгляд красавицы-русалки и подмигнула, а в ответ получила смеющийся взгляд.

Водяной и леший, тихо что-то обсуждающие у противоположной стороны дорожки, встрепенулись. По традициям полуночного мира именно им предстояло отдавать руку их «матушки» Мельнику. Хозяева водного и лесного царства переглянулись и засмеялись оба.

Невеста должна была пройти по клеверной тропе, мимо всех гостей, к человеку, которого и дождалась, которому и сама досталась.

Вот только поднимая россыпи сверкающих водных брызг, в вихре яблочного снега, невеста мчалась по воде верхом на черном мощном жеребце.

Пропала нарядная прическа. Вместо фаты на голове был веночек белоснежных цветов с границы. Подобный браслет венчал и щиколотку. Пропали туфли на тонкой шпильке, невеста была босоногая, но полна жизни и прекрасна.

И леший и водяной не тронулись места. Не им решать.

Серые глаза хулигански сверкали, когда Лида протянула ладони Мельнику, чтобы он ее снял.

Насмешливо фыркнув в лицо хозяину, Шторм одобрительно заметил:

— Славную мне хозяйку привел, хозяин. Очень славную. Добрую валькирию, смелую. Но обидишь ее, я сам ее у тебя украду!

Мельник только головой покачал, ставя девушку оземь:

— Барышня, — нараспев протянул он. — Моего снежного зверя очаровала, друга моего верного очаровала, мою сердце и душу полонила. Что дальше будет?

— Ну, — Лида подняла на Мельника сверкающие глаза, — если учесть, что это все взаимно, то думаю, дальше я ничего не буду. Буду беречь то, что у меня уже есть и преумножать счастье. Ну, и делиться им... Немного. С некоторыми...

— Барышня... — Мельник взял нежную ладонь, уводя девушку под цветочную арку. — Готова?

— Нет, но бегать уже не хочу и не буду. Да и... Некуда. Прибежала уже.

Светлую бабу ягу венчали светлой силой, потерявшую силу девочку венчали темной силой. Красавицу-невесту отдавались в жену могущественному Мельнику, венчая целым миром.

Под взглядами десятков гостей: и людей, и полуночников, совершалась самое невероятное таинство — брак по полуночным законам.

Для него не имели значения кольца и клятвы.

Гости щедро отдавали собственную магию, чтобы соткать вокруг арки кольца магии: земное, водное, светлое, темное, нейтральное.

Несколько колец вращались вокруг, набирая ход.

Ладони Рема и Димки на мгновение соединились, поднимая вверх россыпи яблочных лепестков. Закружило, завьюжило все яблочным цветом, отрезая жениха и невесту ото всех.

— У нас всего...

Михаил не договорил.

Невеста, пообещав:

— Со всем разберемся, но потом, — прижалась к нему и поцеловала жадно, отстранилась почти тут же, яркая, уникальная.

— Принц-медведь и жар-птица, — вздохнул Мельник. — Неправильная у нас какая-то сказка.

— Не-а, — возразила Лида насмешливо. — Ты неправ! У нас сказка правильная. Как там? «Честным пирком да за свадебку», вот у нас так. Так что все правильно. И вообще, у нас сказка только начинается! Потому что «жили они долго и счастливо» — это точно про нас, но в сказках нигде не упоминается, что у жены шило в одном месте, а мужу постоянно приходится за ней следить.

— Очень следить? — улыбнулся Мельник, обнимая Лиду.

— Конечно! Очень-очень. И вообще...

— Думаю, самое главное все же «долго и счастливо», — перебил мужчина, не давая договорить. — Какие планы, барышня моя?

— Ну, систематизировать полуночников и мир границы. И ты сделаешь ремонт на кухне, целиком!

Михаил засмеялся. Яблочные лепестки вокруг начали успокаиваться, когда на груди молодоженов соткались медальоны. Подтверждение брака по правилам полуночного мира. Браслеты застегнулись на предплечьях, заверяя брак по правилам границы.

А в воздух поднялась мягкая подушечка, на которой были два кольца. Михаил совершенно не желал, чтобы кто-то покушался на его жену, а потому и брак заключался в триединой церемонии.

— Я не помню слова, — распахнула перепугано Лида глаза.

— А разве они нужны? — удивился Михаил. — Кажется, мы уже доказали все поступками. И в горести, и в здравии, и в бедности, и в богатстве, и когда страшно думать о завтрашнем дне, и когда хочется вернуться в прошлое, и в этом мире, и в мире пограничном. Вместе навсегда.

Лида задумалась, беря кольцо с подушечки:

— Чего-то определенно не хватает!

— Пойти подсмотреть в книге, барышня? — лукаво улыбнулся Мельник.

— Нет, — засмеялась девушка, надевая кольцо на палец Михаила. — Думаю, поступки и, правда, сделали все за нас, безо всяких слов.

Второе кольцо заняло свое место на безымянном пальце Лиды.

Вынося свою жену из-под арки, Михаил негромко пообещал:

— Будет тебе и ремонт в кухне, и отдельный кабинет, барышня. Что я, для любимой жены, такую малость не сделаю?

— Так то для любимой! — скосила взгляд девушка.

— Действительно, что это я, — удивился Михаил. — У меня такая жена — умница, красавица, самая прекрасная, а я еще не сказал, как сильно ее люблю!

— Придется исправляться, — засмеялась Лида, прижимаясь к его руке. — Будешь

говорить мне часто-часто, чтобы я запомнила.

— А запомнишь?

— Не-а! Уже забыла!

— Люблю, жар-птица ты моя, люблю.

— Воот, теперь верю, — девушка обняла мужа за шею. — А я тебя люблю больше всех на свете, мой принц-медведь!

...Пир свадебный гудел три дня и три ночи, а молодожены еще на исходе первой ночи уехали.

Леший и водяной сидели на бережке, глядя в ту сторону, куда они уехали.

— Вот, — наставительно заметил Водяной. — Сколько всего пережили.

— А все же дождались.

— Правду, говорят, что бывают такие половинки, раз встретились — все равно вместе останутся.

— Это про них, — кивнул Леший. — Точно про них. Муж и жена — одна душа!

Стих яблочный вихрь.

Два снежных зверя, сплестя хвосты, смотрели туда, куда уехали хозяева верхом на двух келпи. Словно ждали снежные чего-то, о чем не подозревали еще люди.

Падали белые лепестки с яблочных деревьев, кружили, вьюжили и таяли...

Над мельницей всходило солнце, полуночный заповедник согретый светом дремал.

А на двери уютной пристройки к мельнице играла на свету новенькая табличка: «Участковая для нечисти».

Больше книг на сайте — Knigolub.net